

МАТИЦА СРПСКА
ОДЕЉЕЊЕ ЗА КЊИЖЕВНОСТ И ЈЕЗИК

ЗБОРНИК
МАТИЦЕ СРПСКЕ ЗА СЛАВИСТИКУ

MATICA SRPSKA
DEPARTMENT OF LITERATURE AND LANGUAGE
MATICA SRPSKA JOURNAL OF SLAVIC STUDIES

Покренут 1970. године
До књ. 25. (1983) под називом *Зборник за славистику*

Главни уредници

Од 1. до 43. књиге др Милорад Живанчевић,
од 44. до 53. књиге др Миодраг Сибиновић,
од 54–55. до 82. књиге др Предраг Пипер
Од 83. књиге др Корнелија Ичин

Уредништво

др Корнелија Ичин, главни уредник (Филолошки факултет Универзитета у Београду), др Марта Бјелетић, дописни члан САНУ (Институт за српски језик САНУ), др Џон Боулт (Универзитет Јужне Калифорније, Институт модерне руске културе, САД), др Михаил Вајскопф (Јеврејски универзитет, Израел), др Зденка Валент Белић (Друштво књижевника Војводине), др Вилем Вестстејн (Факултет хуманистичких наука Универзитета у Амстердаму, Холандија), др Дојчил Војводић (Филозофски факултет Универзитета у Новом Саду), др Роналд Врон (Калифорнијски универзитет, САД), др Ханс Гинтер (Универзитет у Билефелду, Немачка), академик Наталија Корнијенко (Институт за светску књижевност РАН, Русија), академик Луиђи Магарото (Универзитет «Ка Фоскари», Италија), др Јелена Марићевић Балаћ (Филозофски факултет Универзитета у Новом Саду), др Синити Мурата (Факултет за стране студије Универзитета „Софија“, Јапан), др Људмила Поповић (Филолошки факултет Универзитета у Београду), академик Љубинко Раденковић (Балканолошки институт САНУ), др Игор Смирнов (Универзитет у Констанцу, Немачка), академик Андреј Топорков (Институт за светску књижевност РАН, Русија), академик Анатолиј Турилов (Институт за славистику РАН, Русија), академик Борис Успенски (Напуљски универзитет за источне студије — НИУ „Висока школа економије“, Италија — Русија), академик Роберт Ходел (Институт за славистику Универзитета у Хамбургу, Немачка)

Editorial board

Kornelija Ičin, PhD, Editor-in-Chief (Faculty of Philology, University of Belgrade), Marta Bjeletić, corresponding member, PhD (Institute for Serbian language of the SASA), John Bowl, PhD (University of South California; Institute of Modern Russian Culture, USA), Hans Günther, PhD (University of Bielefeld, Germany), Academician Robert Hodel, PhD (University of Hamburg, Germany), Academician Nataliya Kornienko, PhD (Institute for World Literature of the RAS, Russia), Academician Luigi Magarotto, PhD (University Ca' Foscari, Italia), Jelena Marićević Balać, PhD (Faculty of Philosophy, University of Novi Sad), Shinichi Murata, PhD (Faculty of Foreign Studies of the University "Sofia", Japan), Ljudmila Popović, PhD (Faculty of Philology, University of Belgrade), Academician Ljubinko Radenković, PhD (Institute for Balkan Studies of the SASA), Igor Smirnov, PhD (University of Konstanz, Germany), Academician Andrey Toporkov, PhD (Institute for World Literature of the RAS, Russia), Academician Anatoly Turilov, PhD (Institute of Slavic Studies of the RAS, Russia), Academician Boris Uspensky, PhD (University of Naples for Eastern Studies — National Research University Higher School of Economics, Italy — Russia), Zdenka Valent Belić, PhD (Association of Writers of Vojvodina), Dojčil Vojvodić, PhD (Faculty of Philosophy, University of Novi Sad), Ronald Vroon, PhD (Department of Slavic Languages and Literatures of the University of California, USA), Michael Weisskopf, PhD (Hebrew University of Jerusalem, Israel), Willem Weststeijn, PhD (Faculty of Humanities of the University of Amsterdam, the Netherlands)

ISSN 0352-5007 | UDC 821.16+811.16(05)

**ЗБОРНИК
МАТИЦЕ СРПСКЕ ЗА
СЛАВИСТИКУ**

108

НОВИ САД • 2025

МАТИЦА СЕРБСКАЯ
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

MATICA SRPSKA
DIVISION OF LITERATURE AND LANGUAGE

СЛАВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
JOURNAL OF SLAVIC STUDIES

108

НОВИ САД

САДРЖАЈ — CONTENTS — СОДЕРЖАНИЕ

СТУДИЈЕ И РАСПРАВЕ

ГРАМАТИЧКА СТРУКТУРА СЛОВЕНСКИХ ЈЕЗИКА

Адриан Барентсен, Конкуренция между союзами прерывающего следования в западнославянских, болгарском и украинском языках	11
Розанна Бенаккьо, Распространение вежливого местоимения «Вы» в XVIII веке в русском языке: между грамматикой и прагматикой.	29
Игорь Богуславский, <i>В третий раз</i> : синтаксис, семантика и коммуникативная организация	47
Анатолій Загнітко, Прийменникові одиниці з компонентом 'глибина': сталість і динаміка' в односистемних мовах	61
Борис Норман, «Так можно сказать, но так не говорят» (о селективной функции грамматических форм)	81
Петя Осенова, Граматиката отстъпва пред прагматиката (наблюдения върху българския език)	97
Људмила Поповић, Везник <i>чим</i> у српском језику у поређењу с источнословенским везником <i>раз</i>	111
Maciej Grochowski, Przysłównik <i>określony</i> w języku polskim, cechy gramatyczne i semantyczne	131
Imke Mendoza, Post-posed Double-headed Relative constructions Between syntax and Cohesion	143
Karolina Skwarska, Unifikace plurálních tvarů substantiv v současných slovanských jazycích	159
Björn Wiemer, Prefixing non-past forms of simplex stems and their vicissitudes in Slavic	175

* * *

Sébastien Gréal, Notes étymologiques : les désignations des crapauds en slave. .	211
Yelena A. Andreyeva, Inna G. Korneva, Field Structure of Russian and German Axiological Phraseology.	221
Oksana Kovtun, Grammatical Gender and Number in Pronouns: Evaluative Perspectives in Ukrainian and English	233
Анна Щетинина, <i>От сплетницы к авторитетному источнику</i> : новое значение известной идиомы <i>сарафанное радио</i>	249
Мария Шумилова, Антон Азаренков, Силлабо-тоническая метрика в верлибре: случайность или прием? (на примере переводов Александра Шумилова из сербской поэзии и его оригинального творчества)	263

Желимир Вукашиновић, Ниче и Достојевски: кроз нихилизам, до само-спознаје	281
Inson Choi, The Grotesque Aesthetics of Tolstoy's <i>War and Peace</i>	299
Андрей Россомачин, «Если я обращаю человечество в часы...» Велимира Хлебникова: Опыт комментария	315
<u>Александр Перец</u> , Екатерина Черепанова, Экзистенциальное миро-отношение в пьесах А. Вампилова: время и бытие	337
Олеся Сабанова, Актуализация позиции наблюдателя в прозе Эдуарда Лимонова: жанровый аспект	353

ПРИЛОЗИ И ГРАЋА

Павел Глушаков, Андрей Дмитриев, Поэзия Дмитрия Александровича Пригова в рецепции Д. Е. Максимова: неопубликованные материалы 1980 года ...	369
Антонина Щербак, Сергей Бирюков, Вербальная передача живописного <i>Самарканда</i> в творчестве художника К. С. Петрова-Водкина	377
Юлия Кузнецова, Голос Рояля: стихотворение «Рояль» из сборника Олега Иванова <i>Голоса вещей</i>	387

ПРИКАЗИ

Две монографије из граматичке семантике српског језика. Ивана Антонић, <i>Оглед из синџаксе и семантике њадежа 1, 2</i> . Нови Сад-Сремски Карловци: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2023, 534 стр. (Библиотека Елементи; 140); <i>Оглед из синџаксе и семантике реченице</i> , Сремски Карловци-Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2025, 393 стр. (Библиотека Елементи; 144) (<i>Људмила Појовић</i>)	401
<i>Medzi imagináciou a exaktnosťou, zborník na počesť Michala Harpáňa</i> — Između imaginacije i egzaktnosti, zbornik u čast Mihala Harpanja / editorka Marína Šimáková Spevákova. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2025, 329 str. (<i>Зденка Валенти Белић</i>) ...	407
Главни јунаци: Ерос, Танатос и Логос. Оливера Жижовић. <i>Демони љубави: Лав Толстој и дубинска психологија</i> . Београд: Федон, 2024, 412 стр. (<i>Јелена Марићевић Балаћ</i>)	411
Андреј Платонов и апсурд. Hans Günther. <i>Andrej Platonov und das Absurde</i> . Berlin: Frank&Timme GmbH, 2024, 132 S. (<i>Марија Кувекаловић</i>)	415
Василиса Шливар. <i>Десакрализација молчания. О блокадних стихотворених Геннадия Гора</i> . Санкт-Петербург: Jaromír Hladík press, 2025, 200 стр. (<i>Корнелија Ичин</i>)	419
„Много тога сам видео и ништа нисам заборавио“. Marija Mitrović. <i>Andrić i Italija</i> . Novi Sad: Akademska knjiga; Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 2025, 214 str. (<i>Ленка С. Насијасић</i>)	422
„Ja“ као константа. Казарновский Петр. <i>«Изображение рая»: Поэтика созерцания Леонида Аронсона</i> . Москва: Новое литературное обозрение, 2025, 752 стр. (<i>Василиса Шливар</i>)	425

ХРОНИКА

Међународна научна конференција „Космос и хаос у руској авангарди“, Институт за филозофију и друштвену теорију Универзитета у Београду, 6. и 7. јун 2025 (<i>Корнелија Ичин</i>)	429
XVII Међународни конгрес слависта (25–30. август 2025, Париз, Француска) (<i>Тијана Балек</i>)	433
Међународна научна конференција „41° и европска авангарда“, Београд, Театар „Вук“, 4–7. септембар 2025 (<i>Јелена Кусовац</i>)	439

IN MEMORIAM

Живот у пределима славистике: проф. др Гордана Јовановић (1940–2024) (<i>Предраг Обућина</i>)	443
У дијалогу са проф. др Александром Вранеш (1960–2025): о хуманистичким наукама и идеји универзитета (<i>Корнелија Ичин</i>)	447
Регистар кључних речи	455
Списак сарадника	461
Упутство за припрему рукописа за штампу	463
Рецензенти	472

САДРЖАЈ — CONTENTS — СОДЕРЖАНИЕ

ARTICLES AND TREATISES

GRAMMATICAL STRUCTURE OF SLAVIC LANGUAGES

Adrian Barentsen, Competition Between Conjunctions of Interrupting Posteriority in West Slavic, Bulgarian and Ukrainian	11
Rosanna Benacchio, The Spread of the Polite Pronoun “Vy” in 18th Century Russian: Between Grammar and Pragmatics.	29
Igor Boguslavskij, <i>Third Time</i> : Syntax, Semantics, and Communicative Organization	47
Anatolii Zahnitko, Prepositional Units with ‘ <i>злюбива</i> ’ Component: Stability and Dynamics	61
Boris Norman, «You can say that, but no one says that» (about Selective Functions of Grammatical Forms).	81
Petya Osenova, Grammar Gives Way to Pragmatics (Observations on Bulgarian)	97
Ljudmila Popović, The Conjunction <i>ČIM</i> in Serbian in Comparison with the East Slavic Conjunction <i>RAZ</i>	111
Maciej Grochowski, The Polish Adjective <i>określony</i> ‘definite’, Its Grammatical and Semantic Features	131
Imke Mendoza, Post-posed Double-headed Relative Constructions Between Syntax and Cohesion	143
Karolina Skwarska, Unification of Plural Forms of Nouns in Contemporary Slavic Languages	159
Björn Wiemer, Prefixing non-past forms of simplex stems and their vicissitudes in Slavic	175

* * *

Sébastien Gréal, Etymological Notes: The Designations of Toads in Slavic.	211
Yelena A. Andreyeva, Inna G. Korneva, Field Structure of Russian and German Axiological Phraseology.	221
Oksana Kovtun, Grammatical Gender and Number in Pronouns: Evaluative Perspectives in Ukrainian and English	233
Anna Shchetinina, <i>From Gossip to Authoritative Source</i> : A New Meaning of the well-known Idiom “ <i>sarafannoye radio</i> ”.	249
Maria Shumilova, Anton Azarenkov, Accentual-Syllabic Meters in Free Verse: Accident or Poetic Technique? (An Analysis of Alexander Shumilov’s Translations of Serbian Poetry and his Original Poems)	263

Želimir Vukašinić, Nietzsche and Dostoevsky: Through Nihilism, to Self-understanding	281
Inson Choi, The Grotesque Aesthetics of Tolstoy's <i>War and Peace</i>	299
Andrey Rossomakhin, «If I Turn Mankind into a Clock...» by Velimir Khlebnikov: Experience of Commentary	315
Alexander Pertsev, Ekaterina Cherepanova, Existential Worldview in the Plays of Alexander Vampilov: Concepts of Time and Being.	337
Olesia Sabanova, Actualisation of the Obserever's Position in the Prose of Eduard Limonov: Genre Aspect	353

CONTRIBUTIONS AND MATERIALS

Pavel Glushakov, Andrey Dmitriev, Poetry of Dmitry Alexandrovich Prigov in the Reception of D. E. Maksimov: Unpublished Materials of 1980	369
Antonina Shcherbak, Sergey Biryukov, Verbal Transmission of Picturesque Samarkand in the Work of the Artist K. S. Petrov-Vodkin	377
Iuliia Kuznetsova, The Voice of the Grand Piano: to the Poem "Grand Piano" from Oleg Ivanov's Collection <i>Voices of Things</i>	387

REVIEWS

Две монографије из граматичке семантике српског језика. Ивана Антонић, <i>Ољеди из синијаксе и семанџике љадежа 1, 2</i> . Нови Сад-Сремски Карловци: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2023, 534 стр. (Библиотека Елементи; 140); <i>Ољеди из синијаксе и семанџике реченице</i> , Сремски Карловци-Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2025, 393 стр. (Библиотека Елементи; 144) (<i>Ljudmila Popović</i>)	401
<i>Medzi imagináciou a exaktnosťou, zborník na počesť Michala Harpáňa</i> — Između imaginacije i egzaktnosti, zbornik u čast Mihala Harpanja / editorka Marína Šimáková Spevákova. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2025, 329 str. (<i>Zdenka Valent Belić</i>)	407
Главни јунаци: Ерос, Танатос и Логос. Оливера Жижовић. <i>Демони љубави: Лав Толстој и дубинска психологија</i> . Београд: Федон, 2024, 412 стр. (<i>Jelena Marićević Balać</i>)	411
Андреј Платонов и апсурд. Hans Günther. <i>Andrej Platonov und das Absurde</i> . Berlin: Frank&Timme GmbH, 2024, 132 S. (<i>Marija Kuvekalović</i>)	415
Василиса Шливар. <i>Десакрализација молчанија. О блокадних стихотворенијах Геннадия Гора</i> . Санкт-Петербург: Jaromír Hladík press, 2025, 200 стр. (<i>Kornelija Ičin</i>)	419
„Много тога сам видео и ништа нисам заборавио“. Marija Mitrović. <i>Andrić i Italija</i> . Novi Sad: Akademska knjiga; Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 2025, 214 str. (<i>Lenka S. Nastasić</i>)	422
„Ja“ као константа. Казарновский Петр. <i>«Изображение рая»: Поэтика созерцания Леонида Аронсона</i> . Москва: Новое литературное обозрение, 2025, 752 стр. (<i>Vasilisa Šljivar</i>)	425

CHRONICLE

International Scientific Symposium „Cosmos and Chaos in Russian Avant-Garde“, Institute for Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, June 6–7, 2025 (<i>Kornelija Ičin</i>)	429
XVIIth International Congress of Slavists (August 25–30, 2025, Paris, France) (<i>Tijana Balek</i>)	433
International Scientific Symposium „41° and European Avant-Garde“, Belgrade, Theatre „Vuk“, September 4–7, 2025 (<i>Jelena Kusovac</i>)	439

IN MEMORIAM

Life in Slavic Studies: Prof. Dr. Gordana Jovanović (1940–2024) (<i>Predrag Obu- ćina</i>)	443
In the Dialogue with Prof. Dr. Aleksandra Vraneš (1960–2025): on the Humanities and the Idea of the University (<i>Kornelija Ičin</i>)	447
Register of key words	455
List of contributors	461
Instructions for authors	463
Reviewers	472

Адриан Барентсен
Амстердамский университет
a.barentsen@xs4all.nl

Adrian Barentsen
University of Amsterdam
a.barentsen@xs4all.nl

КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ СОЮЗАМИ ПРЕРЫВАЮЩЕГО СЛЕДОВАНИЯ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ, БОЛГАРСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ *

COMPETITION BETWEEN CONJUNCTIONS OF INTERRUPTING POSTERIORITY IN WEST SLAVIC, BULGARIAN AND UKRAINIAN

В статье рассматриваются различия в распределении союзов прерывающего следования в оригинальных английских текстах и их переводах на нидерландский, русский, украинский, польский, чешский, словацкий, сербский и болгарский языки. Результаты представлены в таблице и схеме. Некоторые наиболее заметные различия между разными группами снабжены комментарием.

Ключевые слова: таксис, союзы, прерывающее следование, сравнительный анализ.

The paper examines the differences in distribution of conjunctions of interrupting posteriority in original English texts and their translations into Dutch, Russian, Ukrainian, Polish, Czech, Slovak, Serbian and Bulgarian. The results are presented in a table and a diagram. Some of the most noticeable differences between the examined languages are commented on.

Keywords: taxis, conjunctions, interrupting posteriority, comparative analysis.

* Настоящая статья основана на докладе, прочитанном на 47-м заседании Грамматической комиссии МКС, 12–14 сентября 2024 года в Белграде. Благодарю участников заседания за полезные замечания и предоставление дополнительного материала и литературы. Также выражаю благодарность за ценные замечания анонимному рецензенту первого варианта статьи и моим амстердамским коллегам, особенно Яннеке Калсбеек.

1. Введение

В функционировании языка важную роль играет функционально-семантическая категория *Таксис*: различные средства выражения отношений ситуаций во времени. По инициативе В. С. Храковского таксису посвящены две коллективные монографии, в которых описываются эти средства в различных языках: *Типология таксисных конструкций* (ТТ 2009 — английский перевод: ТТ 2016) и *Таксис в славянских языках, типологический анализ* (ТС 2024). В этих работах таксис определяется следующим образом:

Функционально-семантическая категория, которая реализуется в би-пропозитивных [...] конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность/неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи (ТТ 2009: 20).

В славянских языках центральными средствами выражения таксиса являются союзы¹. Именно поэтому в (ТС 2024) значительное место отводится функционированию этих таксисных союзов. Сравнительно большое внимание при этом уделяется союзам *прерывающего следования*. Следующий пример конструкции с таким союзом, приведенный В. С. Храковским, можно считать прототипическим:

(1) Петя делал уроки, **пока не** пришла Маша (ТТ 2009: 31)².

Здесь «ситуация главной части перестает иметь место под воздействием ситуации зависимой части».

Бросается в глаза, что в зависимой части русских примеров такого типа присутствует отрицательная частица *не*, хотя само действие в ней, как правило, не отрицается. Это случаи так называемого «эксплетивного отрицания», и на практике можно говорить о «союзе *пока не*» несмотря на то, что частица *не* не обязательно всегда следует непосредственно за словом *пока*, а в чешском и словацком языках она даже пишется слитно с глаголом³.

Важно отметить, что союзы типа *пока не* представлены во всех славянских языках, как показывают следующие примеры из параллельных переводов известной книги Льюиса Кэрролла *Алиса в стране чудес*⁴:

¹ В таких случаях P_1 — это ситуация зависимой части сложного предложения, а P_2 — ситуация главной части.

² Выделение слов в этом примере наше.

³ Более подробно об эксплетивном отрицании см. (Поповић 2023).

⁴ Примеры для настоящей статьи взяты из нашего параллельного корпуса ASPAC. Сведения об этом корпусе доступны по адресу: <https://doi.org/10.21942/uva.23044883>. При наличии в корпусе разных переводов какого-либо текста на один и тот же язык, в конце примера указан код перевода, из которого он взят.

(1) Lewis Carroll: *Alice in Wonderland*⁵

Английский	[Alice was more and more puzzled, but she thought] there was <u>no use</u> in saying anything more <i>till</i> the Pigeon <i>had finished</i> .
Русский	[...] <u>нет смысла</u> что-либо говорить, <i>пока</i> Голубка <i>не закончит</i> (R_Nes).
Белорусский	[...] варта памаўчаць, <i>пакуль</i> Галуба <i>ня скончыць</i> наракаць.
Украинский	[...] вирішила <u>не</u> озиватися, <i>поки</i> Горлиця <i>не виговориться</i> (Uk_Kor).
Польский	[...] <u>nie ma sensu</u> się więcej odzywać, <i>póki</i> Gołąb się <i>nie wygada</i> (P_Sti).
Чешский	[...] zdálo se jí marné něco říkat, <i>dokud</i> Holubice <i>nedomluví</i> .
Словацкий	[...] <u>nemá zmysel</u> miešať sa do toho, <i>kým</i> Holubica <i>neskončí</i> .
Словенский	[...] da se ji <u>ne splača</u> še kaj reči, <i>dokler</i> Golobica <i>ne konča</i> .
Хорватский	[...] da je bolje šutjeti <i>dokle</i> golubica <i>ne svrši</i> (Hr_Jur).
Сербский	[...] да <u>нема никаква смисла</u> да каже било шта <i>док</i> Грлица <i>не доврши</i> (Sb_Sem).
Македонский	[...] дека е поарно ако <u>не рече ништо</u> <i>додека</i> Гулабот <i>не се доис-каже</i> докрај.
Болгарский	[...] че <u>няма смисъл</u> да задава въпроси, <i>докато</i> Гълъбицата <i>не се успокои</i> (Bg_Ch).

Необходимо отметить, что в ряде языков существует явная «конкуренция» между указанными составными союзами и союзами без отрицательной частицы. См. следующие примеры:

(2) Mark Twain: *The Adventures of Tom Sawyer*

Английский	Tom whooped <i>until</i> he was hoarse, but it was of no use.
Русский	Том кричал, <i>пока не охрип</i> , но никто не откликался.
Украинский 1	Том кричав, <i>поки не охрип</i> , але ніхто не відгукнувся (Uk_Kor).
Украинский 2	Том кричав, аж <i>поки захрип</i> , та все було марно (Uk_Mit) ⁶ .
Чешский	Tom řval, <i>až ochraptěl</i> , avšak marně (Cz_Koh).

⁵ Отметим, что здесь в большинстве случаев главная часть предложения также содержит отрицание. Как указано ниже в разделе 4, этот фактор сильно способствует выбору отрицательной конструкции в зависимой части. По всей вероятности, конструкция с эксплетивным отрицанием возникла именно в таких условиях. Выяснение этого вопроса требует изучения исторического материала.

⁶ Слово *аж* в этом примере не является союзом, но выполняет подчеркивающую функцию, соответствующую примерно русскому сочетанию *до тех пор*, которое нередко предшествует союзу *пока не*.

Этот пример показывает, что в украинском языке отрицательная частица может опускаться, в то время как в чешском употребляется совсем другое слово — *až*. Подобное слово со сравнимым значением встречается также в польском и словацком языках. Этим отличаются западнославянские языки от славянских языков других групп. Для последних характерно как раз опускание отрицательной частицы. Это регулярно представлено не только в украинском, но и в болгарском языке. См. следующие примеры:

(3) Mark Twain: *The Adventures of Tom Sawyer*⁷

Английский	TOM dodged hither and thither through lanes until he was well out of the track of returning scholars [...]
Русский	Том пробирался переулками, пока не очутился вне путей возвращения школьников [...] (R_Eng).
Польский 1	Tomek w ponurym nastroju kluczył alejkami tu i tam, dopóki nie zszedł ze szlaku, którym wracali uczniowie [...] (P_K&D).
Польский 2	Tomek waleśał się tam i sam po zaułkach, aż wreszcie znalazł się poza zwykłą drogą uczniów [...] (P_Tar) ⁸ .
Чешский	Tom prokroutil se sem a tam uličkami, až se dostal z dohledu scházejících se školáků [...] (Cz_Koh).
Словацкий	Tom sa prepletal sem a tam uličkami, až sa dostal z dohľadu školákov vracajúcich sa k odpoľudňajšiemu vyučovaniu [...]
Болгарский	Том лъкатушеше из уличките, докато най-сетне се озова далече от пътя, по който учениците минаваха на връщане за училище [...]

Приведенные в примерах (2) и (3) альтернативные параллельные украинские и польские варианты, несомненно, семантически близки. То же самое мы видим в следующих параллельных переводах на болгарский:

(4) Михаил Булгаков: *Мастер и Маргарита*⁹

Русский	Тогда он вошел в воду и пробирался некоторое время по воде, пока не увидел вдали силуэты двух лошадей и человека возле них.
Болгарский 1	Тогава нагази и известно време вървя през водата, докато в далечината не видя силуетите на два коня и човек до тях (Bg_Bal).
Болгарский 2	Тогава нагази и известно време вървя във водата, докато <i>различ</i> и в далечината силуетите на два коня и човек до тях (Bg_Min).

⁷ В обоих имеющихся у нас украинских переводах употребляется *поки не*.

⁸ В этом примере союз *až* сочетается с наречием *wreszcie* ‘наконец’. Подобные случаи встречаются нередко. См. также болгарский перевод, где употребляется наречие *най-сетне* со сравнительным значением.

⁹ В имеющихся у нас переводах этого текста на украинский и на западнославянские языки употребляются только союзы типа *пока не*.

Однако между ними все же существуют тонкие семантические различия. В работе (Барентсен 2006: 78–79) сделана попытка сформулировать различия между польскими союзами *(do)póki nie* и *aż* следующим образом:

(do)póki nie указывает на то, что была/есть ситуация главной части и/но это кончилось/кончится тем, что возникла/возникнет ситуация зависимой части.

aż указывает на то, что была/есть ситуация главной части и/но тогда/потом (наконец/вдруг) возникла/возникнет ситуация зависимой части.

Это сводится к различию в перспективе: в первом случае внимание концентрируется на прекращении ситуации главной части, а во втором на возникновении ситуации зависимой части¹⁰.

В настоящей статье мы не входим в проблематику выявления и определения семантических признаков, различающих данные две конструкции. Оставляем в стороне также вопрос о статусе других формальных различий, встречающихся в текстах. В русском языке, например, помимо *пока* встречаются варианты *покуда(ов)а*, *покамест(а)*, *покаместь*. Сравнимые варианты есть и в других языках. Они различаются только стилистически. Поэтому мы объединяем эти союзы в одну группу. Таким образом исследование концентрируется на противопоставлении следующих двух групп формальных средств:

	Негативный тип		Позитивный тип
Польский:	<i>(do)póki nie</i>	–	<i>aż</i>
Чешский:	<i>dokud ne</i>	–	<i>až</i>
Словацкий:	<i>(po)kým / dokiaľ ne</i>	–	<i>až</i> или <i>(po)kým</i>
Украинский:	<i>поки/доки не</i>	–	<i>поки/доки</i>
Болгарский:	<i>докато/додето не</i>	–	<i>докато/додето</i>

Такие пары рассматриваются в соответствующих главах работы (ТС 2024). В них отмечено существование данного различия, но мало сказано об относительной частотности этих типов в текстах. Цель настоящей статьи заключается именно в том, чтобы дать некоторые объективные сведения о различиях во встречаемости обоих типов.

¹⁰ О союзе *aż* см. также следующие работы: (Ampel 1975b), (Grochowski 2007). Для более подробного обсуждения возможных семантических различий между союзами обоих типов см. работу (Барентсен 2012).

2. Материал исследования

Исследование основывается на материале нашего параллельного корпуса ASPAC. Для сравнения встречаемости указанных выше вариантов в славянских языках необходимо иметь определенную основу вне славянских языков. Для этого были выбраны примеры с союзами *till* и *until* из ряда оригинальных английских текстов. Эти примеры сравнивались с их переводами на (мой родной) нидерландский язык и на семь славянских языков.

Сравнение английского материала с материалом другого германского языка нам показалось полезным для получения впечатления о степени таких различий внутри другой языковой группы. Внутри славянской группы наряду с языками, в которых существует вышеуказанное противопоставление, мы выбрали также два языка, в которых такое противопоставление фактически отсутствует: русский язык из восточнославянской группы и сербский язык из южнославянской. Таким образом, в статье не рассматривается материал белорусского, словенского, хорватского и македонского языков.

Предварительное сравнение русских и белорусских параллельных текстов показало, что в плане выражения данного таксисного значения белорусский и русский языки очень близки. Насколько нам известно, такая близость наблюдается также между южнославянскими языками (за исключением болгарского, который именно поэтому рассматривается в настоящей статье). Однако это, конечно, следовало бы проверить на более обширном материале.

Список использованных текстов на английском языке в порядке их появления¹¹:

Автор и название	Количество слов
Lewis Carroll: <i>Alice in Wonderland</i> (1865)	25.708
Mark Twain: <i>The Adventures of Tom Sawyer</i> (1876)	71.691
Joseph Conrad: <i>Lord Jim</i> (1900)	132.969
Arthur Conan Doyle: <i>The Hound of the Baskervilles</i> (1902)	59.443
John Steinbeck: <i>The Grapes of Wrath</i> (1939)	180.577
Dan Brown: <i>The Da Vinci Code</i> (2003)	140.003
Yuval Noah Harari: <i>Sapiens</i> (Heb: 2011) (E: 2014)	135.325
Итого	745.716 (около 2.5 тыс. стр.)

¹¹ Некоторые тексты являются довольно старыми. Факт употребления таких текстов не является идеальным. Но есть и некоторое преимущество: они нередко переводятся заново. Такие альтернативные переводы имеются в нашем корпусе. Этот материал может дать ценную информацию еще и о влиянии личного стиля переводчиков.

3. Обзор количественных данных о распределении рассматриваемых союзов

В английской части нашего материала найдены 373 примера союзов прекращающего следования: союз *until* встречается 219 раз, а союз *till* — 154 раза¹².

Количественные данные в указанных выше переводах приводятся в следующей таблице¹³:

	Не соответствует англ. <i>till/until</i>	Соответствует англ. <i>till/until</i>	Другой тип следования ¹⁴
Нидерландский <i>tot(dat)</i>	72	260	6
Русский <i>пока не</i>	28	158	
Русский <i>пока</i>	6	11	
Украинский <i>поки / доки не</i>	10	153	
Украинский <i>поки/доки</i>	9	54	2
Словацкий <i>(po)kým / dokiaľ ne</i>	19	136	
Словацкий <i>(po)kým</i>		16	4
Словацкий <i>až</i>	6	96	
Польский <i>(do)póki nie</i>	12	93	
Польский <i>dopóki</i>		2 ¹⁵	
Польский <i>až</i>	13	111	

¹² Оба слова употребляются также как предлоги. Если существительное обозначает событие, как, например, в сочетании *till nightfall*, то это может быть переведено придаточным предложением, как в одном из русских переводов романа Марка Твена (R_Eng): *пока не стемнело*. Такие случаи в подсчетах для английского языка не учитываются, а в подсчетах их переводов они трактуются как несоответствующие.

¹³ При анализе всех языков мы использовали при возможности два или больше параллельных переводов одного текста. Приведенные здесь цифры обозначают среднее количество. Порядок языков в схеме мотивирован главным образом количеством употреблений ограничительных союзов типа *пока* без отрицания. Поэтому здесь словацкий язык помещен между украинским и польским. Положение болгарского языка в конце таблицы маркирует особое положение его среди южнославянских языков (в плане изучаемых здесь вопросов).

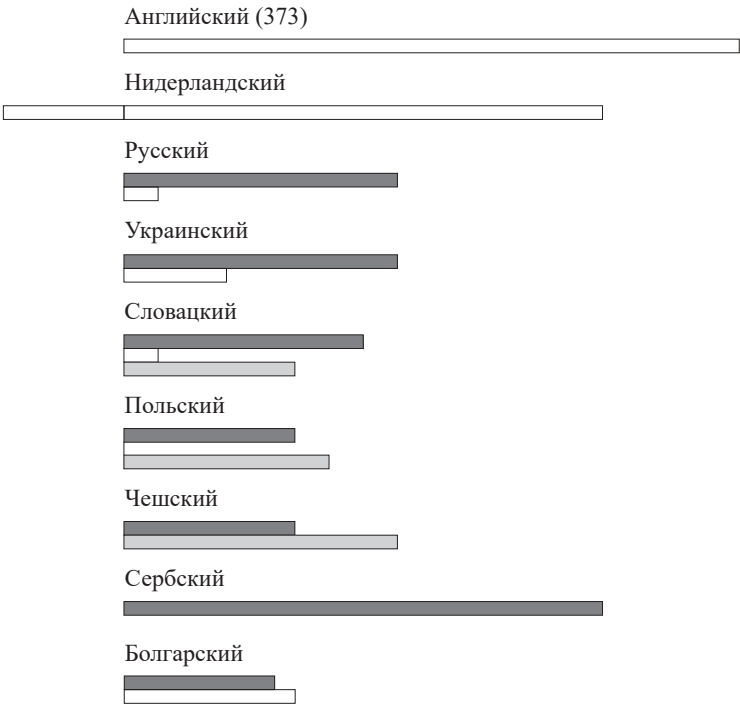
¹⁴ В английском языке это обычно *before* или *by the time that*. В настоящий момент данные об этом типе еще недостаточно проверены. Не исключаем, что здесь могут быть некоторые неточности. Но, во всяком случае, можно утверждать, что в славянских языках такие случаи встречаются редко. Однако в нидерландском языке специализированный союз не-прерывающего следования *voor(dat)* 'прежде чем' при переводе английского *till/until* встречается достаточно регулярно, если главная часть предложения имеет отрицательный смысл. (Это происходит не только при наличии отрицательной частицы, но также при глаголах с ингерентным негативным значением, как, например, у глагола *refuse* 'отказаться'). О влиянии отрицательности в главной части см. ниже пример (5) и комментариев к нему.

¹⁵ Интересно отметить, что в обоих случаях (в разных текстах) в зависимой части использован глагол *starczyć* 'оказаться достаточным'.

	Не соответствует англ. <i>till/until</i>	Соответствует англ. <i>till/until</i>	Другой тип следования ¹⁴
Чешский <i>dokud ne</i>	9	99	
Чешский <i>až</i>	29	172	
Сербский <i>док(ле) не</i>	22	265	1
Сербский <i>док</i>	5	9	1
Болгарский <i>докато/додето не</i>	3	80	
Болгарский <i>докато/додето</i>	3	88	

Приведенные данные показывают, что между рассматриваемыми здесь языками существуют весьма значительные различия. Эти отношения для наглядности отображены графически на схеме, приведенной ниже. Темным цветом обозначено количество случаев с отрицательно оформленным союзом (типа русского *пока не*); белым — с союзом без отрицательной частицы (типа *пока*), серым — с союзом *až/až*.

Схема количественных соответствий¹⁶

¹⁶ По техническим причинам количество несоответствий изображено здесь только для нидерландского языка. У русского и словацкого языков соотношение между белыми колонками изображено не совсем точно (из-за малого количества примеров данного типа).

Из-за ограниченного пространства на книжной странице указаны лишь случаи, в которых количество употреблений больше 10.

В общем, как нам кажется, эта схема хорошо отражает значительные различия между исследуемыми языками.

4. Комментарий к схеме

Схема показывает, что нидерландский язык по общей употребительности данных союзов лишь несколько уступает английскому. Такое несоответствие до определенной степени объясняется разной трактовкой предложений с отрицательным значением в главной части. В таких случаях в английском языке часто употребляется *till/until*, в то время как в нидерландском намного чаще выбирается не *tot(dat)*, а другой тип союза следования: *voor(dat)* ‘прежде чем’. Как показывает следующий пример, такой выбор иногда представлен и в славянских языках. (Данное явление требует отдельного детального исследования.)¹⁷

(5) Lewis Carroll: *Alice in Wonderland*

Английский	It was so large a house, that she did <u>not</u> like to go nearer till she had nibbled some more of the left-hand bit of mushroom [...]
Нидерландский	Het was zo'n groot huis_dat ze <u>niet</u> dichterbij durfde komen voor ze iets van het stukje van de paddestoel [...] had afgeknabbeld (D_Jon).
Русский ¹⁸	Дом был так велик, что она <u>не</u> решилась подойти, раньше чем не откусила кусочек от левого ломтика гриба (R_Nab) ¹⁹ .
Польский	Dom był tak wielki, że <u>nie</u> chciała podejść bliżej, zanim nie odgryzie kawałka grzyba [...] (P_Slo).
Сербский	Kuћа je bila toliko velika, da se Алиса <u>није</u> усудила да приђе ближе пре него што је појела комадић печурке [...] (Sb_Sem) ²⁰ .

Отметим также, что количество несоответствующих случаев в нидерландском языке довольно велико (заметно больше, чем в рассмотренных переводах на славянские языки, см. таблицу). В ряде случаев такие несоответствия между английским и нидерландским языками объясняются

¹⁷ Ср. с примером (1), где все славянские языки выбрали союз типа *пока не*. И в этом случае оба нидерландских переводчика выбрали не *tot(dat)*, а именно *voor*.
¹⁸ В двух других русских переводах (R_Kon и R_Nes) использовано *пока не*.
¹⁹ В этом переводе Набокова на некоторое смещение союзов *пока не* и *раньше чем* указывает необычное наличие эксплетивного отрицания при союзе *раньше чем*. Интересно отметить, что то же самое наблюдается в польском переводе. Это явление отмечено в (ТС 2024-1: 578). Следует отметить, что частица *nie* изредка появляется даже после союза *aż*. Благодарю коллегу Магдалену Данелевичову за это наблюдение и предоставление примеров из Польского национального корпуса.
²⁰ В использованных двух сербских переводах был сделан одинаковый выбор.

тем, что в английском оригинале употреблен глагол, допускающий другую конструкцию. Это нередко наблюдается при глаголах ожидания, см.: *They waited for her to come back*. В нидерландском языке в таких случаях употребляется придаточное предложение. Как правило, то же самое наблюдается и в славянских языках, но в них нередко встречаются и другие союзы. Это связано с тем, что при глаголах ожидания не всегда ясно различие между конструкциями с обстоятельственным значением (*ждал до каких пор?*) и с объектным значением (*ждал чего?*) Ср. следующие примеры из переводов на славянские языки²¹. Из них только болгарский вариант близок к английской конструкции.

(6) John Steinbeck: *The Grapes of Wrath*

Английский	They waited for her to come back [...]
Нидерландский	Ze wachtten tot ze terugkwam [...]
Русский	Все ждали, когда мать выйдет [...]
Белорусский	Усе чакалі, калі маці выйдзе [...]
Украинский	Інші чекали, коли мати вийде [...]
Польский	Czekali, aż nadejdzie z powrotem [...]
Чешский	Čekali, až se vrátí z powrotem [...]
Словацкий	Vyčkali, kým sa nevráti [...] ²²
Сербский	Sačekali su dok se ona vrátila [...]
Болгарский	Всички чакаха майката да се появи [...]

Другой причиной несоответствия с английским может быть то, что в английском языке, как нам кажется, номинальные конструкции встречаются чаще, чем в нидерландском. Отметим, что и славянские языки в таких случаях часто предпочитают конструкцию с придаточным предложением²³.

²¹ См. ниже также комментарий к примеру (10). Об особенностях глаголов ожидания в русском языке см. (Барентсен 1980) и (Барентсен 1998).

²² Ср. этот словацкий пример со словацким вариантом без отрицания в примере (10), приведенном ниже. Похоже на то, что в словацком языке при данном сочетании видовременных форм предпочтителен союз *kým ne*. Это одна из особенностей конструкций с глаголами ожидания, требующих отдельного исследования. Благодарю мою амстердамскую коллегу Паулину Киселицу, носителя словацкого языка, за консультацию.

²³ Исключением, пожалуй, мог бы быть польский язык, где номинальные конструкции достаточно частотны. Но как раз в польском переводе в примере (7) выбрано все же придаточное предложение. (Возможно, здесь играет роль то, что сочетание *until further notice* в английском языке имеет идиоматический характер.)

(7) Dan Brown: *The Da Vinci Code*

Английский	They asked me to park in front of the terminal and keep everyone onboard until further notice .
Нидерландский	Ze hebben me gevraagd voor de terminal te parkeren en niemand te laten uitstappen totdat ik bericht krijg .
Украинский	Мене попросили зупинити літак перед терміналом і нікого не випускати, доки вони не дозволять .
Польский	Prosili mnie, żebym zaparkował na wprost terminalu i żeby nikt nie wysiadał z samolotu, dopóki nie otrzymamy dalszych instrukcji.
Чешский	Chtějí po mně, abych zastavil před terminálem a nenechal nikoho vystoupit, dokud mi nedají vědět (Cz_Mi).

По отношению к славянским языкам схема показывает, что все они значительно реже используют специализированные средства выражения прекращающего следования, чем два рассматриваемых германских языка.

Среди славянских языков чешский и сербский отличаются наибольшей частотностью таких конструкций. В чешском языке при этом большую роль играет союз *až*, частотность которого в схеме значительно преобладает над частотностью союза *dokud ne*. Отметим, что в сербском языке особо большой частотностью отличается как раз отрицательно оформленный союз²⁴.

Схема также убедительно показывает, что наличие конкуренции между союзами типа *пока не* и типа *až/až* является общей характерной чертой всех трех западнославянских языков. Из-за тонкости семантических различий между этими вариантами не удивляет, что можно найти примеры, где в параллельных переводах встречаются оба союза. См. следующий пример²⁵:

(8) Dan Brown: *The Da Vinci Code*

Английский	Running wildly, she darted back and forth across the house, from clue to clue, until at last she found a clue that directed her back to her own bedroom.
Русский	Так она и бегала по всему дому от одной подсказки к другой, и наконец поиски привели ее обратно в спальню ²⁶ .

²⁴ Было бы желательно проверить, является ли это характерным также для других южнославянских языков, оставленных без внимания в настоящей статье.

²⁵ Нам кажется, что семантическое различие между чешскими вариантами имеет сходство с различиями сравнимых средств в польском языке. См. сказанное выше после примера (4). В данном случае единственный имеющийся у нас польский перевод содержит союз *až*.

²⁶ Выбор сочинительной конструкции в этом русском переводе можно считать случайным. Эта конструкция нередко встречается как раз там, где в западнославянских языках употребляется союз *až/až*. Предполагаем, что такие случаи соответствия с англий-

Чешский 1	Takto pobíhala po celém domě, od jednoho vodítka ke druhému, dokud nenašla kartičku, která ji poslala zpět do její ložnice (Cz_Du).
Чешский 2	Pobíhala po domě jako splašená, kmitala sem tam od kartičky ke kartičce, až ji nakonec jedna z nich zavedla zpátky do jejího pokoje (Cz_Mi).

В общих подсчетах польских переводов союз *aż* ненамного отличается по частотности от союза *(do)póki nie*. Но интересно отметить, что в более ранних польских переводах *Алисы в стране чудес* (Antoni Marianowicz (1955) и Maciej Słomczyński (1972)) распределение этих союзов фактически противоположно их распределению в более новых переводах (Robert Stiller (1986) и Jolanta Kozak (1999)). У первых переводчиков соотношение *(do)póki nie* : *aż* — 24 : 9, а у последних — 22 : 41. Пока неясно, связано ли это с личными вкусами переводчиков или с ростом употребления союза *aż*.

Интересной особенностью словацкого языка можно считать то, что в нем конкурируют *tri* типа: *(po)kým/dokiaľ ne* — *(po)kým* — *až*²⁷.

В украинском языке частотность позитивного союза заметно ниже негативного, но значительно выше русского *пока*. Данные нашей схемы подтверждают мнение Людмилы Попович в (ТС 2024-1: 328): «Значительно бо́льшая возможность выражения прерывающего следования с союзами типа *поки* без отрицательной частицы в ЗЧ является интересным отличием между украинским и русским языками».

В нашем материале болгарские примеры позитивного типа встречаются несколько чаще, чем примеры с отрицанием. Насколько нам известно, значительная частотность позитивного варианта можно считать важной отличительной чертой болгарского среди южнославянских языков. Данные о сербском языке в схеме подтверждают это. Известный нам пока материал о хорватском, словенском и македонском языках не противоречит этому. Но для полного подтверждения было бы желательно более обширное исследование, включающее *все* славянские языки.

Как показывает таблица, в русском языке частотность позитивного варианта *пока* очень низкая. В сербском языке частотность союза *док* еще ниже. По нашим наблюдениям, *пока* соответствует английскому *till/until* практически только при глаголе ожидания в главной части. Это наблюдается также в сербском языке при союзе *док*, хотя там чаще употребляется союз другого типа — *да*, что характерно также для болгарского языка. См. следующий пример:

ским *till/until* показывают, что у этого союза значение прерываемости выражено менее ярко, чем у союзов других языков, рассматриваемых здесь. Этот вопрос также заслуживает детального рассмотрения.

²⁷ См. союз *kým* в примере (10).

(9) Lewis Carroll: *Alice in Wonderland*

Английский	This time Alice waited patiently until it chose to speak again.
Русский	Теперь Алиса решила подождать, пока Червяк опять сам со-благоволит с ней заговорить (R_Zah).
Сербский	Алиса је стрпљиво чекала да се Гусеница смилостави да проговори (Sb_Sem).
Болгарский	Алиса търпеливо зачака да ѝ дойде настроението да проговори.

Функционирование союзов при глаголах ожидания несомненно заслуживает отдельного сравнительного исследования. При этом особого внимания требует также выбор временной формы в зависимой части. При прошедшем времени в главной части наблюдается конкуренция между формами прошедшего и не прошедшего времен в зависимой части. Ср. переводы следующего примера из книги Кэрролла:

(10) Lewis Carroll: *Alice in Wonderland*

Английский	Alice waited till the eyes <i>appeared</i> , and then nodded.
Русский 1	Алиса обождала, пока <i>появятся</i> глаза, и тогда молча кивнула (R_Zah).
Русский 2	Алиса подождала, пока не <i>появятся</i> глаза, и кивнула (R_Dem).
Русский 3	Алиса подождала, пока не <i>появились</i> его глаза, и кивнула (R_Nes).
Украинский 1	Аліса зачекала, поки <i>з'являться</i> очі, й кивнула (Uk_Kor).
Украинский 2	Аліса зачекала, поки <i>показалися</i> очі, і кивнула (Uk_Not).
Словацкий	Alica počkala, kým <i>sa zjavia</i> oči, a potom len prikývla ²⁸ .
Польский 1	Alicja poczekała, aż <i>ukazą się</i> oczy, po czym kiwnęła głową (P_Sti).
Польский 2	Alicja odczekała, póki nie <i>ukazały się</i> oczy, i skinęła głową (P_Slo).
Сербский	Алиса причека да се Мачки <i>појаве</i> очи, а онда климну главом (Sb_Mil).
Болгарский 1	Алиса изчака да се <i>появят</i> очите му и кимна (Bg_Cho).
Болгарский 2	Алиса почака, докато <i>се явят</i> очите, и тогаз кимна [...] (Bg_Gol).

²⁸ Возможно, выбор позитивного варианта мотивируется здесь тем, что в последней части предложения выражается действие, непосредственно следующее за действием в зависимой части (появлением глаз).

Бросается в глаза, что в 8 из 11 славянских примеров в зависимой части выбрана форма непрошедшего времени, т. е. здесь представлено относительное употребление форм времени. При союзах *да* в сербском и болгарском языках этот выбор обязателен, в то время как при союзах типа *пока* и *пока не* и *až/až* такого ограничения нет. Выбор форм непрошедшего времени при таких союзах мотивируется характерной для глаголов ожидания перспективой на будущее событие. (Ожидаемое событие может и не состояться. Но в данном примере по реакции Алисы ясно, что оно все же произошло: глаза появились.)

К сожалению, рамки настоящей статьи не позволяют входить в детали выбора видовременных форм в подобных примерах.

5. Заключение

Мы надеемся, что приведенный в статье материал убедительно показывает, что в исследуемых языках в плане отношений между позитивно и негативно оформленными вариантами прерывающего следования существуют значительные различия.

По нашему мнению, это указывает на то, что подобный анализ параллельных текстов может дать интересные сведения о сходствах и различиях между языками в функционировании определенных грамматических средств, в данном случае — союзов прерывающего следования.

Выше были указаны некоторые факторы, которые, как нам кажется, могут влиять на отмеченные различия в их распределении в рассматриваемых языках. В рамках настоящей статьи мы не смогли уделить должное внимание тому факту, что нередко встречаются переводы, в которых конструкции с союзом прерывающего следования передаются сочинительными конструкциями, семантически менее «объемными»²⁹, или конструкциями с другой семантикой. Английские союзы *till/until*, например, нередко переводятся союзами, имеющими значение следствия.

Мы не отрицаем, что выбранный нами метод — работа с переводами — имеет свои проблемы. Не всегда ясна, например, компетентность переводчика, страдает ли перевод буквализмом или как раз слишком большой вольностью. Как нам кажется, такие недостатки более или менее нейтрализуются при употреблении достаточно большого количества текстов. Вопрос, насколько количество использованных в настоящей статье текстов является достаточным, пока остается открытым. Для этого нужны подобные анализы на более обширном материале. Мы надеемся, что в не слишком далеком будущем появится возможность проделать такую работу.

²⁹ См. комментарий к русскому варианту примера (8).

ЛИТЕРАТУРА

- Барентсен Адриан. «Об особенностях употребления союза *poka* при глаголах ожидания». *Studies in Slavic and General Linguistics* 1. Amsterdam: Rodopi (1980): 17–68.
- Барентсен Адриан. «Об изъяснительных придаточных предложениях при глаголах ожидания (с некоторыми результатами исследования компьютерных корпусов русских текстов 19-го и 20-го вв.)». *Dutch Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists, Linguistics* (= SSGL 24), Amsterdam — Atlanta: Rodopi (1998): 1–42.
- Барентсен Адриан. «О польских и русских соответствиях английского союза *till/until*». Bobrowski Ireneusz, Kowalik Krystyna (red.) *Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2006: 65–80.
- Барентсен Адриан. «Об ограничительных временных союзах в сербском, русском и польском языках». *Зборник Матице српске за славистику* 71–72 (2007): 237–253.
- Барентсен Адриан. «О конкуренции между союзами при выражении прерывающего следования в польском, чешском и словацком языках». Genis, R., de Haard, E., Kalsbeek, J., Keizer, E., Stelleman, J. (eds.): *Between West and East. Festschrift for Wim Honselaar on the occasion of his 65th birthday*. Amsterdam: Pegasus, 2012: 1–34.
- Поповић Људмила. «Эксплетивное отрицание в конструкциях с союзом ПОКА и его аналогом в сербском языке как переходное явление между отрицанием и аффирмативностью». *Граматика интеракције у савременим словенским језицима*. Београд: Славистично друштво Србије, 2023: 240–261.
- Храковский Виктор Самуилович (ред.). *Типология таксисных конструкций*. Москва: Знак, 2009 (ТТ 2009).
- Храковский Виктор Самуилович, Барентсен Адриан (ред.). *Таксис в славянских языках, типологический анализ*. Том I. Москва: Издательский дом ЯСК, 2024 (ТС 2024-1).
- Храковский Виктор Самуилович, Барентсен Адриан (ред.). *Таксис в славянских языках, типологический анализ*. Том II. Москва: Издательский дом ЯСК, 2024 (ТС 2024-2).
- Ampel Tereza. 'Zdanie podrzędne czasowe jako wykładnik charakterystyki temporalnej wypowiedzenia'. *Charakterystyka temporalna wypowiedzenia. Materiały konferencji w Jadwisinie*. Wrocław, 1975: 119–142.
- Grochowski Maciej. 'Opozycja leksemów auto- i synsyntagmatycznych (w świetle homonimów gramatycznych o postaci *až*)'. *Зборник Матице српске за славистику* 71–72 (2007): 161–171.
- Xrakovskij Viktor S. (ed.). *Typology of Taxis Constructions*. Muenchen: LINCOM, 2016 (ТТ 2016).

REFERENCES

- Ampel Tereza. 'Zdanie podrzędne czasowe jako wykładnik charakterystyki temporalnej wypowiedzenia'. *Charakterystyka temporalna wypowiedzenia. Materiały konferencji w Jadwisinie*. Wrocław, 1975: 119–142.
- Barentsen Adrian. «Ob osobennostyah upotrebleniya soyuza *poka* pri glagolax ozhidaniya». *Studies in Slavic and General Linguistics* 1. Amsterdam: Rodopi (1980): 17–68.
- Barentsen Adrian. «Ob iz'yasnitel'nyh pridatochnykh predlozheniyah pri glagolax ozhidaniya (s nekotorymi rezul'tatami issledovaniya komp'yuternykh korpusov russkikh tekstov 19-go i 20-go vv.)». *Dutch Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists, Linguistics* (= SSGL 24), Amsterdam — Atlanta: Rodopi (1998): 1–42.
- Barentsen Adrian. «O pol'skikh i russkikh sootvetstviyah anglijskogo soyuza *till/until*». Bobrowski Ireneusz, Kowalik Krystyna (red.) *Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2006: 65–80.
- Barentsen Adrian. «Ob ogranichitel'nyh vremennykh soyuzah v serbskom, russkom i pol'skom yazykah». *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 71–72 (2007): 237–253.
- Barentsen Adrian. «O konkurencii mezhdu soyuzami pri vyrazhenii preryvayushchego sledovaniya v pol'skom, cheshskom i slovackom yazykah». Genis, R., de Haard, E., Kalsbeek, J.,

- Keizer, E., Stelleman, J. (eds.): *Between West and East. Festschrift for Wim Honselaar on the occasion of his 65th birthday*. Amsterdam: Pegasus, 2012: 1–34.
- Grochowski Maciej ‘Opozycja leksemów auto- i synsyntagmatycznych (w świetle homonimów gramatycznych o postaci *až*)’. *Зборник Матице српске за славистику* 71–72 (2007): 161–171.
- Hrakovskij Viktor Samuilovich (red). *Tipologiya taksisnyh konstrukcij*. Moskva: Znak, 2009 (TT 2009).
- Hrakovskij Viktor Samuilovich, Barentsen Adrian. (red). *Taksis v slavyanskih yazykah*. Tom I. Moskva: Izdatel'skij dom YaSK, 2024 (TS 2024-1).
- Hrakovskij Viktor Samuilovich, Barentsen Adrian. (red). *Taksis v slavyanskih yazykah*. Tom II. Moskva: Izdatel'skij dom YaSK, 2024 (TS 2024-2).
- Popović Ludmila. «Ekspletivnoe otricanie v konstrukcijah s sojuzom POKA i ego analogom v serbskom yazyke kak perehodojnoe yavlenie mezhdju otricaniem i afirmativnost'ju». *Gramatika interakcije u savremenom slovenskim jezicima*. Beograd: Slavistično društvo Srbije, 2023: 240–261.
- Xrakovskij Viktor S. (ed.). *Typology of Taxis Constructions*. Muenchen: LINCOM, 2016 (TT 2016).

Adrian Barentsen

COMPETITION BETWEEN CONJUNCTIONS OF INTERRUPTING POSTERIORITY IN WEST SLAVIC, BULGARIAN AND UKRAINIAN

Summary

The article examines constructions with conjunctions of “interrupting posteriority”. A prototypical example with such a meaning is the Russian sentence *Petja delal urok, **poka ne** prišla Maša* ‘Petya was doing his homework **until** Masha arrived’.

It is noted that in such examples the presence of the negative particle does not negate the existence of the given action. This is a case of the so-called “expletive” negation”. The use of constructions of this type to express interruptive posteriority can be considered as very characteristic of all Slavic languages. However, in five Slavic languages, interruptive succession can also be expressed by a construction without negation. This means that in these languages there is a „competition“ between two types of constructions:

	Negative type		Positive type
Polish:	<i>(do)póki nie</i>	–	<i>až</i>
Czech:	<i>dokud ne</i>	–	<i>až</i>
Slovak:	<i>(po)kým/dokiaľ ne</i>	–	<i>až</i> or <i>(po)kým</i>
Ukrainian:	<i>poky/doky ne</i>	–	<i>poky/doky</i>
Bulgarian:	<i>dokato/dodeto ne</i>	–	<i>dokato/dodeto</i>

The article provides references to linguistic works that attempt to formulate the rather subtle semantic differences between these types.

However, the main objective of the article is to show to what extent the Slavic languages differ from each other in the frequency of use of these types. For this purpose, in 7 original English texts all examples with the conjunctions *till/until* were collected as well as their correspondences in translations into the languages indicated above. The same was done with Russian and Serbian, in which this opposition is absent. For comparison with English, also translations into Dutch were examined. The source of the material was the Amsterdam parallel corpus ASPAC. (Information on this corpus is available at: <https://doi.org/10.21942/uva.23044883>.)

In each of the translations, all examples with conjunctions of interruptive posteriority that do *not* correspond to the English examples with *till* or *until* were also collected.

The quantitative data found are presented in a table and also graphically, in the form of a diagram. They show that there are very significant differences between the languages examined in the use of these conjunctions.

At the end of the article, comments are given on some of the correlations found and some issues are pointed out that deserve further research.

Keywords: taxis, conjunctions, interrupting posteriority, comparative analysis.

Адријан Баренцен

КОНКУРЕНЦИЈА ИЗМЕЂУ ВЕЗНИКА ПРЕКИНУТЕ СУКЦЕСИЈЕ У ЗАПАДНО-СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА, БУГАРСКОМ И УКРАЈИНСКОМ ЈЕЗИКУ

Резиме

Овај чланак испитује конструкције са везницима „прекинуте сукцесије“. Типичан пример са овим значењем је: *Пећа је радио домаће задатке, **док** није дошла Маиа*.

Напомиње се да у таквим примерима присуство одричне речце „не“ не негира постојање дате радње. То је такозвана „експлетивна“ негација. Употреба конструкција овог типа за изражавање прекинуте сукцесије може се сматрати веома карактеристичном за све словенске језике. Међутим, у пет словенских језика, прекинута сукцесија може се изразити и конструкцијом без негације. Дакле, постоји „конкурвенција“ између два типа конструкције:

	Негативни тип		Позитивни тип
Пољски:	<i>(do)póki nie</i>	–	<i>aż</i>
Чешки:	<i>dokud ne</i>	–	<i>až</i>
Словачки:	<i>(po)kým/dokiaľ ne</i>	–	<i>až</i> или <i>(po)kým</i>
Украјински:	<i>поки/доки не</i>	–	<i>поки/доки</i>
Бугарски:	<i>докато/додето не</i>	–	<i>докато/додето</i>

У чланку се наводе лингвистички радови који покушавају да формулишу прилично суптилне семантичке разлике између ових типова. Међутим, главни циљ чланка је да покаже како се словенски језици међусобно разликују по учесталости употребе ових типова. У ту сврху, прикупљени су сви примери са енглеским везницима прекинуте сукцесије *till/until* у седам оригиналних енглеских текстова и њихови еквиваленти у преводима на горе поменуте језике. Исто је урађено са руским и српским језиком, у којима овај контраст практично не постоји. Ради поређења са енглеским језиком, разматрани су и преводи на холандски. Као извор материјала послужио је Амстердамски паралелни корпус ASPAC. (Информације о овом корпусу доступне су на адреси: <https://doi.org/10.21942/uva.23044883>.)

У сваком од превода прикупљени су и сви примери са везницима прекинуте сукцесије који не одговарају енглеским примерима са *till* или *until*.

Добијени квантитативни подаци су приказани у табели, а такође и графички у виду дијаграма. Они показују да међу разматраним језицима постоје значајне разлике у употреби ових везника.

На крају чланка дат је коментар уз неке од пронађених подударности и истакнуто је неколико питања која заслужују да буду даље истражена.

Кључне речи: таксис, везници, прекинуто кретање, упоредна анализа.

Розанна Бенаккьо
Университет в Падуе
rosanna.benacchio@unipd.it
<https://orcid.org/0000-0002-6940-9344>

Rosanna Benacchio
Università di Padova
rosanna.benacchio@unipd.it
<https://orcid.org/0000-0002-6940-9344>

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЕЖЛИВОГО МЕСТОИМЕНИЯ «ВЫ»
В XVIII ВЕКЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
МЕЖДУ ГРАММАТИКОЙ И ПРАГМАТИКОЙ
THE SPREAD OF THE POLITE PRONOUN “VY”
IN 18TH CENTURY RUSSIAN: BETWEEN GRAMMAR
AND PRAGMATICS

Общеизвестно, что в русском языке аллокутивное местоимение 2 л. мн. ч. *вы* начало употребляться как форма вежливости лишь в XVIII веке. Ранее эта местоименная форма была ограничена дипломатической перепиской. Вне этой сферы использования во всех обращениях употреблялось местоимение 2 л. ед. ч. *ты*. В данной работе мы проанализируем как на морфологическом, так и на прагматическом уровне, каким образом вежливое *вы* распространялось в русском языке в течение XVIII века. Мы будем различать два момента: 1) петровское время, когда *вы* еще не употреблялось регулярно (очень часто оно смешивалось с *ты*) и воспринималось как вежливая форма обращения, подражающая распространенным на Западе «хорошим манерам»; 2) следующий период, когда употребление *вы* постепенно стало регулярным, и наряду с первым, «симметрическим», употреблением прибавилось второе, «несимметрическое», основанное на семантике власти.

Ключевые слова: история русского языка, XVIII век, вежливое местоимение *вы*, морфологический анализ, прагматический анализ.

It is known that in Russian the 2nd person plural allocutive pronoun *vy* began to spread as a politeness marker only towards the 18th century. Before, this form was limited to diplomatic correspondence: apart from that, only the 2nd person singular allocutive pronoun *ty* was used. In this paper we intend to analyse, both at morphological and pragmatic level, how did the polite pronominal *vy* form spread in Russian during the 18th century. We will distinguish two moments: 1) the age of Peter the Great, when the use of *vy* was still irregu-

lar (the mixed use of *vy* and *ty* was a frequent phenomenon) and the pronoun was perceived as a sign of good manners (oriented towards the etiquette which was common in most European countries at that time); 2) the following period when the use of *vy* became progressively regular and in addition to the first, basically “symmetrical”, use, another, “asymmetrical” use, based on the semantics of power, appeared.

Keywords: history of the Russian language, 18th century, polite pronoun *vy*, morphological analysis, pragmatic analysis.

0. Предисловие

В серии работ, вышедших в основном в 80-е годы прошлого века (Benacchio 1980, 1984, 1985; Бенаккьо 1999), мы занимались исследованием в диахроническом плане распространения в русском языке местоименной аллокутивной формы *вы* как формы вежливости¹.

Как известно, эта форма обращения появилась в России только к концу XVII-началу XVIII века, т. е. позже, чем в других славянских языках², а также позже, чем в других языках Европы³. Раньше при любых обращениях употреблялось *ты* («универсальное *ты*»). Мы видели, что *ты* употреблялось не только когда симметрические (т. е. основанные на семантике «солидарности»⁴) отношения собеседников были «близкими», но и когда они характеризовались «дистанцией». Более того, *ты* употреблялось также при несимметрических (т. е. основанных на семантике «власти») отношениях, т. е. когда обращение шло снизу вверх или сверху вниз. Конечно, фундаментальную роль здесь играли номинальные аллокутивные формы, которые сами по себе были способны выражать различные оттенки, характеризующие отношения собеседников как на социальном, так и на персональном уровне (Benacchio 1984: 1–2).

Исключение представляла собой только дипломатическая переписка, в которой подражающее языку канцелярий германской империи употребление *вы* для обращения к высшим представителям власти (которые для себя употребляли *мы*) было уже известно⁵. Речь идет о т. н. «*вы maiestatis*

¹ Оговоримся сразу, что под этим термином мы понимаем те аллокутивные местоименные формы, которые, хотя и с разными семантическими импликациями, а иногда и разными грамматическими средствами (кроме 2 л. мн. ч., см. также 3 л. ед. ч. в польском языке и т. д.), выражают «не близкие» отношения между двумя людьми, обычно передаваемые местоимением 2 л. ед. ч.

² В чешском и польском языках, например, вежливые аллокутивные формы стали употребляться уже с конца XIV века (Betsch 2007: 17; Betsch, Berger 2009: 1025).

³ В немецком языке, например, аллокутивная местоименная форма 2 л. мн. ч. стала употребляться в дипломатической переписке (как известно, опирающейся на римско-византийский церемониал) начиная с IX века и получила более широкое распространение в течение XIII и XVI веков (Svennung 1958: 387). Похожая ситуация характеризует французский и итальянский языки (Svennung 1958: 386; Niculescu 1974: 7–14).

⁴ Термин «солидарность», как и чуть ниже «власть», понимаемые как основные параметры анализа общественной жизни, взяты из ставшей уже классической работы Brown, Gilman 1960, которая положила начало исследованию вежливых форм обращения в славянских языках.

⁵ Местоимение 2 л. мн. ч. употреблялось преимущественно в почетных формулах, т. е. в словосочетаниях типа «ваша милость», «ваше величество» и т. д.

или *reverentiae*» (а также о соответствующем «мы *maiestatis*»). Мы видели также, что такое обращение появилось впервые в XV веке в дипломатической переписке Ивана III (Benacchio 1984: 27–28). При Иване IV такое употребление прервалось, но оно снова началось при его сыне Федоре Ивановиче (Benacchio 1984: 29. См. также Черных 1948: 95–96). Потом оно снова прервалось и наконец (окончательно) восстановилось при Алексее Михайловиче, когда появились первые постоянные посольства в стране и приказы, особенно Посольский приказ, стали играть значительную роль в общественной и культурной жизни страны (Benacchio 1984: 31–32).

Однако только в петровскую эпоху (начиная с последнего десятилетия XVII века) обращение на *вы* вышло из узкого круга дипломатического языка и стало «по-настоящему» распространяться в русском языке. Этот процесс распространения и постепенной кодификации новой формы общения длился примерно весь XVIII век и осуществился на двух разных уровнях: на прагматическом и на грамматическом. Цель настоящей работы — проследить именно за этим процессом.

Что касается прагматического уровня, мы обратим внимание на изменение (усложнение) семантики аллокутивного местоимения *вы* по сравнению с той, что была характерна для допетровской эпохи. Раньше, как мы видели, *вы* употреблялось только при обращении русских государей к высшим представителям власти иностранных стран. То же самое делали главы иностранных государств в своих ответах⁶.

Ситуация обстоит по-другому в петровскую эпоху, когда аллокутивное местоимение *вы*, выйдя из узкого круга дипломатической переписки, стало употребляться, прежде всего Петром I, в переписке с его приближенными и с членами царской семьи, а затем и в их ответных письмах (а также в их переписке между собой), в подражание царю и его новым правилам поведения⁷. Главным свойством нового обращения было выражение воспитанности (по западным параметрам) того, кто его употреблял, включая выражение галантности по отношению к женщинам⁸: отсутствие *вы* (за счет «старого» *ты*) могло быть признаком «невежества» адресанта, но не признаком «неуважения» к адресату. Иными словами, *вы*, введенное Петром I, было в принципе «симметрическим» и немаркированным с со-

⁶ Стоит особняком употребление *вы* в семейной переписке молодого царя Михаила Федоровича и его матери, инокини Марфы, с патриархом Филаретом (см. Черных 1948: 97). Однако и в данном случае такое употребление было исключительной привилегией верховной власти.

⁷ О различных мерах, принятых Петром I в поддержку его общественных и культурных реформ (в том числе публикации переведенной с немецкого языка книги *Приклады, како пишутся комплементы разные*, содержащей образцы корректного написания писем), см. Benacchio 1983: 69–73, Бенаккьо 1999: 120–122.

⁸ О галантной речи и об употреблении галантных формул в петровскую эпоху (в частности, в петровских драмах) и вообще о влиянии переводов, сделанных при Посольском приказе, на распространение формул вежливости см. Ковалевская 1976: 124–127. См. также Ефимов 1955: 134–139 о роли, сыгранной в это время «приказным языком» в развитии и нормировании русского литературного языка.

циальной точки зрения и, как мы увидим далее, могло употребляться даже как «асимметрическое наоборот».

В новой форме обращения, однако, скрывался семантический конфликт: она подчеркивала воспитанность говорящего, а одновременно и его высокий статус, его власть. Если в начальный период этот конфликт существовал, в общем, в скрытом состоянии и коннотация власти оставалась на втором плане, то потом ситуация стала меняться. Высокопоставленные лица, которые научились употреблять *вы* при обращении к другим знатым лицам, требовали обращения на *вы* как знака уважения к себе от людей, стоящих ниже на социальной шкале, хотя сами обращались к ним на *ты*. Таким образом, рядом с симметрическим *вы*, постепенно утверждалось также асимметрическое (уважительное) *вы*.

Что касается грамматического уровня, в начальный период распространения новая аллокутивная форма *вы* употреблялась непоследовательно, с колебаниями, попеременно с *ты*. Особенно непоследовательным было согласование с глагольным или именным предикатом. Со временем непоследовательность все больше и больше уменьшалась, и к концу XVIII века местоимение 2 л. мн. ч. употреблялось уже регулярно. В частности, согласование предикатов стало появляться систематически, отражая ту же самую иерархическую систему, которая считается характерной для современного русского языка. Согласно этой шкале, согласование во множественном числе максимально представлено в применении к глаголу, а также к причастию, но колеблется с прилагательным, в зависимости от того, в какой форме (полной или краткой) оно выражено. Согласование с именем просто не предусматривается, отсутствует (см. Comrie 1975: 408; Corbett 1976: 5; 1983: 56; Berger 1995).

Итак, мы сначала сосредоточимся на петровской эпохе (§1), обращаясь к деловой и семейной переписке Петра I (§1.1), пытаясь хронологически проследить постепенное распространение и укрепление новой языковой привычки среди членов высшего сословия (§1.1.1, §1.1.2, §1.1.3 и §1.1.4). Затем мы обратимся к свидетельствам литературы той эпохи (§1.2). Потом перейдем к послепетровской эпохе и ко второй половине XVIII века (§2), когда новое обращение быстро распространяется и вне высшего сословия и становится регулярным, теряя те колебания, которые характеризовали его начальный этап. В §3 иллюстрируются результаты исследования.

1. Петровская эпоха

1.1. Обращение на *вы* в переписке царя и высшего сословия

1.1.1. Первые свидетельства об употреблении местоимения *вы* в качестве формы вежливости в русском языке восходят к последнему десятилетию XVII века, что видно из внутренней деловой переписки Петра I. Начиная с 1694 г., в письмах царя в качестве обращения к ближайшим его соратникам, представителям высшей русской знати (1), (2) и (3), а также

обрусевшим иностранцам (4), (5), (6) и (7) начинает употребляться местоимение 2 л. мн. ч.⁹ Такое употребление еще не последовательно: часто в одном и том же письме множественное число сменяется единственным без видимой причины. Например, в (1), в письме, обращенном к графу Ф. М. Апраксину, наряду с причастием в единственном числе (*изволил*) встречаются два глагола во множественном числе (*объявляете* и *требуете*). Но затем к концу Петр I переходит на *ты*.

- (1) «Min Her Gouverneur Archangel. Понеже... письмом... нас уведомить *изволил*, в котором *объявляете*... о том *требуете* решения... И о том, что *учинишь*, *изволь* уведомить» (ПБ 1, № 33; 1694)¹⁰.

То же самое в примере (2), взятом из письма того же года: в начале Петр последовательно обращается к Апраксину с использованием множественного числа (см. *ваши* и *требуете*), но в конце письма глагольная форма в императиве *отпускай* не согласуется и выражается в единственном числе.

- (2) «Min Her. Письмо *ваши* выразумев соответствую... дивлюся, что затем отпovedи другой *требуете*... С тем и *отпускай*...» (ПБ 1, № 34; 1694)

В примере (3) письмо, написанное лишь на один год позже, отличается своей чрезвычайной последовательностью в употреблении нового обращения 2 л. мн. ч., что, возможно, объясняется тем, что адресат, князь-кесарь Федор Ромодановский, занимал исключительную позицию в тогдашней знатной иерархии. Среди прочего, ему было поручено управление Россией во время путешествий Петра I за границу. Можно сказать, что данное письмо, как и другие письма, посланные царем к тому же адресату в тот же год и также характеризующиеся последовательностью (см. ПБ 1, № 37, № 40, № 56 и т. д.), каким-то образом напоминает способы обращения, которые были шаблонными для дипломатической переписки уже при Алексее Михайловиче. Этим же объясняется и присутствие здесь почетных формул (*вашего пресветле(й)шества* и *пресветлейшего вашего величества*), которые необычны в обращениях царя¹¹.

- (3) «Письмо *вашего пресветле(й)шества*, государя моего милостиваго... мне... отдано...; и чаем за *ваши* многие и теплые к Богу молитвы, *вашим* посланием, а нашими трудами и кровью оное совершить. За сим отда-

⁹ Следует сразу оговориться, что письма на *ты* продолжали появляться наряду с письмами на *вы* вплоть до конца XVIII века, при этом не только в переписке царя. Однако со временем их становилось все меньше. См. по этому поводу Черных (1948: 99), который в качестве примера сохранения старой моды ссылается на *Разговор у княгини Халдиной* Д. И. Фонвизина.

¹⁰ В этой работе примеры будут даваться так, как они появляются в цитируемых источниках, лишь применяя общепринятые способы орфографического упрощения (конечный *ъ* не воспроизводится, вместо *ъ* ставится *е*, сокращения раскрываются и т. д.).

¹¹ Такие формулы, которые были типичными для дипломатической переписки эпохи Алексея Михайловича (см. сноску 4), в течение XVIII века все еще встречаются в русском языке.

юсь в покров щедрот *ваших*. Всегдашний раб пресветлейшего *вашего* величества бомбардир Питер» (ПБ 1, № 37; 1695).

Похожая ситуация характеризует письма Петра к обрусевшим иностранцам, его друзьям и соратникам, например, А. А. Виниусу, А. Ю. Кревету и др. Здесь тоже появляются известные колебания. Местоимение 2 л. мн. ч. чередуется с местоимением ед. ч., как личным, так и притяжательным (см. *ваши* и *ты* в (4), *твое* и *вашем* в (5)), а глагол часто не согласуется с местоимением мн. ч., особенно в повелительных формах, к концу писем (см. *сделай*, *вели* в (4)), но также в формах настоящего изъявительного наклонения (*объявляешь*) в (5). В (6) письмо почти исключительно написано на *ты*, кроме одного случая (*вашего*). В другом письме, написанном тому же Кревету, употребление *вы* более последовательно. См. *вам* и *изволите* в (7).

- (4) «Min Her. Письма *ваши* мне отданы... И *ты* *сделай...вели...*» (ПБ 1, № 52; 1695)
- (5) «Min Her. Письмо... *твое*... в катором... о *вашем* пребывании *объявляешь...*» (ПБ 1, № 59; 1695)
- (6) «Min Her. Письма *твои* мне отданы, а на ведомость пребывания *вашего* благодарствую...Прежь сего *писал ты* о инструментах, а нынече уже в двух грамотках об них не *пишешь...*» (ПБ 1, № 57; 1695)
- (7) «Min Her Kreft. Послал я к *вам* образцы инструментам... каторые приняв *изволите* описать» (ПБ 1, № 79; 1696).

В своих ответах соратники Петра I старались употреблять *вы*, следуя моде, введенной царем. Как можно было ожидать, однако, здесь колебания появлялись чаще, чем в письмах Петра, и можно сказать, что употребление старого *ты* в общем преобладало, как можно увидеть по следующим письмам боярина Т. Н. Стрешнева (8) и графа Г. И. Головкина (9):

- (8) «Господин первой капитан Петр Алексеевич, мой милостивой, здравие *твое* десница божия сохранит. Писание *твое*... о здравии *твоем*... и за милость *вашу* благодарствую, а за *твои* тщательные труды... желатель *вашей* милости здравия и всякого счастья во всем Тишка челом бью» (ПБ 1, сс. 578–579; 1696).
- (9) «Господине мой и приятелю любезнейший, здравствовати и путешествовати *вам* желаю счастливо... и на любви *твоей* челом бью... *Пожалуй, пиши* о своем здоровье. Ганка челом бью» (ПБ 1, сс. 618; 1697).

Очевидно, что отсутствие *вы* в этих ответных письмах не означает отсутствие уважения, а просто недостаточное знакомство с новым этикетом. В этих примерах ярко представлена особая прагматическая функция аллокутивного местоимения *вы* в эту эпоху: оно употребляется просто как признак «воп топ» и может даже быть адресованным от царя к его подданным (а не от них к царю). Такое употребление *вы* сверху вниз (а не снизу вверх), которое мы называли «асимметрическим наоборот», было просто

немыслимо в допетровскую эпоху. Дальше мы увидим и другие примеры такого весьма интересного с прагматической точки зрения употребления.

В письмах к царю от приближенных иностранцев новое обращение употреблялось более последовательно, что совсем не удивительно, учитывая большую привычку этих людей к употреблению вежливых местоименных форм, давно зафиксированных в странах их происхождения (см. по этому поводу Черных 1948: 93). См., например, следующие письма, посланные к царю вышеупомянутыми А. А. Виниусом (10), и А. Ю. Криветом (11), соответственно голландского и английского происхождения.

- (10) «...*Ваша* премилостивая... грамота... донесена здесь... за которую *вашу* великого государя милость... челом быю. А которые, государь, *ваши* государевы и протчие при том были грамоты... и яко по *вашему* государскому желанию... а *вашим* великого государя счастьем и старанием... и да приумножатся *вашим* государским оружием счастья...» (ПБ 1, сс. 577–578, 1696).
- (11) «...Благополучное *ваше* прихождение в Новгород я усердно желаю шлещать, и бога молю управить *ваше* путношествие не токмо к Новгороду, но во весь *ваш* намеренной пют...Надеясь на *ваше* милосердие,... при *вашей* zde (бытности)...» (ПБ 1, сс. 613–614, 1697)

1.1.2. Начиная с первого десятилетия XVIII века замечается некоторый прогресс в распространении нового аллокутивного местоимения. Во-первых, в деловых письмах представителей высшей русской знати к царю обращение на *вы* встречается все чаще, при этом оно появляется довольно регулярно. В следующем письме А. Д. Меньшикова к царю, например, обращение на *вы* появляется регулярно, также в причастных формах, при этом последовательно до конца.

- (12) «...*Изволили* *ваша* милость писать ко мне... я на письмо *ваше*... к милости *вашей* писал... а что *изволили* *вы*... милости *вашей* прошу, чтобы *вы* *изволили*...» (ПБ 3, с. 602; 1704).

То же самое можно сказать о следующем письме Б. П. Шереметева и Г. И. Головкина к царю.

- (13) «...Письмо *вашего* величества... и уведомляя о *вашем* здравии, благодарим бога... о том доносили *вашему* величеству писменно вчерашнего дни... будем ожидать приходу *вашего* величества... изволение *ваше* есть...» (ПБ 8/2, с. 640–641; 1704)

В эти же годы *вы* начинает появляться также в деловых письмах, которыми знатные люди обменивались между собой (т. е. уже не только в переписке с царем в ответ ему). Здесь колебания, возможно, появляются чаще, как можно увидеть в следующем письме Г. И. Головкина к П. С. Салтыкову (14), где два раза подряд формула *ваша милость* не согласуется с глагольной формой как в прошедшем времени (т. е. с причастием), так и в настоящем, не говоря о прощании, выраженном «по-старому» на *ты*.

Однако другое письмо (15), написанное Г. И. Головкиным к тому же адресату в тот же год, является более последовательным.

- (14) «Мой государь Петр Самойлович. *Прислал ваша милость... И ваша милость изволишь... Слуга твой* Гаврила Головкин» (ПБ 8/2, с. 454; 1708).
- (15) «Мой государь, Петр Самойлович. Указал его царское величество... к милости *вашей* писать, дабы *вы* прислали сюда... которое у *вас* в Смоленску есть» (ПБ 8/2, с. 925; 1708).

1.1.3. На стыке первого и второго десятилетий обращение на *вы* начинает встречаться и в семейной переписке Петра I с членами царской семьи. Царь часто обращается на *вы* в письмах к Екатерине Алексеевне. За исключением начала и конца писем, где более или менее регулярно встречается *ты*, употребление *вы* является довольно последовательным. См., например, (16) и (17), где форма 2 л. мн. ч. встречается как с местоимениями, включая определительное *сам* в (16), так и с глаголами.

- (16) «Матька, *здравствуй!* Объявляю *вам...* о чем *сами* от нас услышите... *приезжайте сами* сюди. Питер. *Поклонись* от меня...» (ПРГ 1, № 12; 1709)
- (17) «Мудер! Как я отъехал от *вас* — ведомости не имею о *вас...* а особливо как скоро *можете* быть в Вильню... мне не без скуки без *вас*, а и *вам*, чаю, тоже... *Поклонись* тетке» (ПРГ 1, № 13; 1709).

Иностранка царица Екатерина также употребляет *вы* в своих письмах к мужу, при этом очень последовательно. См., например, следующее письмо:

- (18) «Благодарствую за милостивые *ваши* писания... мы про *ваше* здоровье пили... По письму *вашему...* послала к *вашей* милости венгерского вина. Дай, Боже, *вам* и тем, кто *вам* верно служит, кушать на здоровье» (ПРГ 1, № 201; 1713).

На *вы* царь обращается также к другим родственникам (которые в свою очередь стараются отвечать тем же образом), в том числе и к сыну Алексею Петровичу, хотя в данном случае местоимение 2 л. мн. ч. встречается, возможно, чуть реже. См., например, (19), в котором в начале употребляется два раза местоимение *вы*, но затем появляются глагольные формы в ед. ч., две из которых в настоящем времени, а одна — в императиве. В другом же примере (20), написанном спустя два года, новое обращение употребляется очень регулярно. Даже императивная форма *поступайте* появляется во множественном числе, что, кстати, как мы видели до сих пор, происходит не часто. Более того, согласуется со множественным числом и прилагательное-предикат *здоровы*.

- (19) «...писали мы к *вам*, чтобы с рекрутами быть *вам* в Севеск генваря к 1-му числу; а ежели к тому числу не *можеш* исправиться, то *приезжай* хотя к 10-му числу генваря. Также *пишеш*, что...» (ПБ 8/2, № 2917; 1708)
- (20) «Два *ваши* письма до нас дошли. Слава Богу, что *вы* *здоровы*. О пути же *вашем* писали мы к господину князь Григорию Долгорукому, которой

вам сие управит, и о чем вам будет писать, по тому *поступайте*» (ПБ 10, № 3610; 1710).

Любопытно, что царевич Алексей Петрович на эти письма отвечает «по-старому», т. е. на *ты*, и лишь позже (примерно пять лет спустя) начинает тоже прибегать к обращению на *вы*. Такое поведение подтверждает убедительность высказанных выше замечаний об «обратной асимметрии» аллокутивной местоименной системы данного периода. Отсутствие аллокутивных местоименных форм мн. ч. в письмах царевича обозначает не отсутствие уважения к царю-отцу, а просто нежелание принимать его реформы русского общества, проникнутые западным духом.

1.1.4. На стыке второго и третьего десятилетий обращение на *вы* начинает встречаться также в семейной переписке членов царской семьи (не только в письмах к царю). См. следующие письма от царицы Прасковьи Федоровны к царице Екатерине Алексеевне, написанные в один и тот же год. Оба письма представляют известные колебания, но в (21) можно сказать, что преобладают формы 2 л. ед. ч. Другое же письмо (22) очень последовательно.

- (21) «Здравствуй свет мой на множество лет. Доношу милости твоей... Пожалуй... прикажи нас уведомить писанием о *вашем* здравии... Прошу, содержи... А о себе доношу *вашей* милости» (ПРГ 2, № 1; 1716).
- (22) «Здравствуй свет мой на множество лет... Доношу *вашей* милости: дорогие детки *ваши*, слава богу, в добром здоровье. Благодарствую, государыня моя, за писание *ваши*... о состоянии общего *вашего* здравия...» (ПРГ 2, № 8; 1716)

В те же годы новое обращение начинает распространяться также в письмах, которыми обмениваются представители высшего сословия между собой. Так, например, обращается к князю Б. И. Куракину дочь. Кроме зафиксированной формулы приветствия в начале письма (*здравствуй*), письмо последовательно написано на *вы*.

- (23) «Миластивай государь батюшка князь Борис Иванович многолетно *здравствуй*... давно к *вам* не писала что я была больна... а после таво как встала к *вам* государь уже два письма писала ат *вас* государь аб *вашем* здравье не имею ведамасти... дочь *ваша* к. Е. Куракина» (ПМДП, № 31; 1723).

См. также письма князю от снохи М. Д. Куракиной и племянницы П. Куракиной (см. ПМДП, соотв. № 45; 1723 и № 55; 1725).

1.2. Обращение на *вы* в литературе

О распространении *вы* в петровскую эпоху широко свидетельствует также художественная литература данного периода, как повествовательная, так и театральная.

Среди повестей следует прежде всего упомянуть *Повесть о Фроле Скобееве*¹². На *вы*, например, обращаются друг к другу стольник Нардин-Нащекин и сестра монахиня Новодевичьего монастыря. Любопытно, что здесь могут появляться те же колебания между *ты* и *вы*, которые встречались в предыдущем параграфе.

- (24) «Покорно *вас*, государь мой братец прошу! *Пожалуй, отпусти* любезную свою дочь...» (Покровская 1934: 273)

Несколько позже Нардин-Нащекин так обращается к сестре:

- (25) «... и по приказу моему отпущена она и к *вам*» (Покровская 1934: 277).

А сестра, в ответ:

- (26) «Никак я, братец, корету и с возниками по Аннушку не посылала к *вам*» (Покровская 1934: 277).

На *вы* (в данном случае асимметрическое) мамка Аннушки обращается к отцу Аннушки, Нардин-Нащекину:

- (27) «... по приказу *вашему* отпущена к сестре *вашей* в монастырь...» (Покровская 1934: 276)

И чуть дальше, опять:

- (28) «...из Девичья монастыря от сестры *вашей* приехал по Аннушку; то по приказу *вашему* поехала Аннушка» (Покровская 1934: 277).

Подобным образом, т. е. используя асимметрическое *вы*, мелкий дворянин Фрол Скобеев просит прощения у Нардин-Нащекина перед другими стольниками на Ивановской площади (29). Здесь тоже местоимение 2 л. мн. ч. смешивается с формой ед. ч. в глагольной форме в императиве (*отпусти*).

- (29) «милостивы государь... *отпусти* виновного... которое возымел пред *вами* дерзновение» (Покровская 1934: 280).

Стольник отвечает на *ты*:

- (30) «Кто *ты* таков? Скажи о себе. И что *твоя* нужда к нам?» (Покровская 1934: 280)

Подобные свидетельства о (более или менее последовательном) употреблении *вы* встречаются в *Повести о российском матросе Василии Кориотском*. Например, принцесса Ираклия, дочь флорентийского короля, обращается к Василию, сыну обедневшего мелкого дворянина, употребляя местоимение 2 л. мн. ч. (*ты* появляется только один раз, в начале обращения).

¹² О дискуссиях по поводу датировки этой повести, по большей части считающейся произведением первого или второго десятилетия XVIII века, см. Бенаккьо 1980. По поводу этой повести следует также отметить, что местоимение 2 л. мн. ч. засвидетельствовано не во всех рукописях, которые передают текст повести, а только в некоторых (см. подробнее об этом Покровская 1934).

- (31) «Молю *тя*, мой государь, *ваша* фамилия како... Понеже я у них, разбойников, до сего часу *вас* не видала и вижу *вас*, что не их команды, но признаю *вас* быть некоторога кавалера» (Мойсеева 1965: 197).

Менее последовательным оказывается употребление *вы* в ответе Василия, где множественное число чередуется с единственным:

- (32) «Доношу *вам*, *изволь* верить: ежели меня бог вынесет от них, то и *тебе* не оставлю. Токмо прошу не промолвиться им, что я у *вас* был» (Мойсеева 1965: 197).

Симметрическое *вы* встречается также в обращениях адмирала к Ираклии (см. (33), где, кроме начального традиционного приветствия, регулярно появляются обращения мн. ч.) и Ираклии к адмиралу, см. (34).

- (33) «Государыня наша... королевна Ираклия!... *здравствуй!* О сем *вам*, государыня, представляю, что *ваши* батюшко... Токмо уже о *вас*, государыня, в великих печалех... Прошу *вас*, *изволте* со мною отправитца» (Мойсеева 1965: 203).

- (34) «Благородный адмирал! Я *вам* доношу...»

То же самое можно сказать о других повестях петровского времени, как, напр. *Повесть об Александре*. Особенно интересно здесь любовное письмо, отправленное Александром Елеоноре, в котором, возможно под влиянием кодифицированного эпистолярного стиля¹³, употребление мн. ч. появляется с исключительной регулярностью.

- (35) «Дражайшая Елеонора, моя государыня! Желание *ваше* верность мою зрети было. И *вы* сие кольцо *примите* и столько *храните*, сколько я *вам* надобен, ибо я *вас* с собою ни в чем не разделяю» (Мойсеева 1965: 224–225).

Новое обращение встречается также в диалогах светских драм, заимствованных из западного репертуара, поставленных в государственном публичном театре на Красной площади в период с 1702 по 1707.

Например, в драме *Честный изменник*, в диалогах Алоизы, жены герцога Фридериги Фон-Поплея, с мужем (см. (36) и (37)), а также с маркизом Альфонсо (см. (38) и (39)), хорошо представлено «*вы* галантности». Степень последовательности здесь очень высокая, и случаи отступления от употребления *вы* очень редки, что совсем не удивительно, если иметь в виду, что тексты переведены с немецкого языка¹⁴.

(36)	Арцуг	Верность моя к <i>вам</i> есть неотменительная.
	Алоизия	Любовь моя к <i>вам</i> вечная (Русск. драм. II, 201).
(37)	Арцуг	Я есмь <i>ваш</i> раб.
	Алоизия	А я <i>ваша</i> рабыня (Русск. драм. II, 201).

¹³ Имеются в виду *Приклады, како пишутся комплементы разные*, см. здесь сн. 7.

¹⁴ См. здесь сноску 8.

- (38) Маркиз. *Услышали б вы* мое томление.
Алоизия. *Услышали б вы* мое мучение (Русск. драм. II, 206).
- (39) Маркиз. *Вы есте* моя краснейшая Венус.
Алоизия. *А вы* мой к любви приводящий Адонис (Русск. драм. II, 210).

Хорошо представлено также асимметрическое употребление местоимения *вы* снизу вверх, но не наоборот. См., например, диалог между капитаном Финальбо и маркизом: первый употребляет *вы*, а второй отвечает на *ты*:

- (40) Финальбо. Милостивейший государь! *Объявите* мне причину печали *вашей*, авось еще способ сыщется, которым бы *вам* пособствовать возможно было.
Маркиз. Мой Финальбо! Верность *твоя* благородна есть, чтобы я тайность сердца моего объявил. И так *слушай*... (Русск. драм. II, 202)

2. Середина и вторая половина XVIII века

Итак, мы видели, что к концу петровской эпохи смешение двух местоименных форм (2 л. мн. и ед. ч.) еще могло появляться, однако реже. Точнее говоря, за исключением начальных и конечных фиксированных формул приветствия и прощания, все более редкими становятся случаи, когда в одном тексте в двух смежных предложениях употребление новой формы чередуется со старой (т. е. *вы* переходит в *ты* и наоборот). Все более редкими становятся также случаи отсутствия согласования местоимения с предикатом внутри одного предложения.

Ближе к середине XVIII века и особенно во второй его половине этот процесс продолжается, и можно сказать, что к концу века выканье уже было полностью кодифицировано. Несомненно, на такое относительно быстрое распространение и утверждение аллокутивного местоимения *вы* большое влияние оказал французский язык, которым в это время представители русского дворянства владели почти наравне с родным языком.

Для иллюстрации этой фазы, которую можно назвать фазой «окончательного закрепления» выканья, мы не будем приводить большого количества примеров, так как обращения, засвидетельствованные в этот период, достаточно однообразны: они отражают все ту же высокую степень регулярности и согласованности.

Что касается середины века, приведем следующий пример из записок Елизаветы Петровны к А. Н. Демидову, относящихся к периоду 1744–1751. Здесь, например, императрица использует старое *ты* только в начале письма, в императивной форме (*прикажи*). Затем она переходит на *вы*, при этом вполне последовательно, даже в причастной форме (*отдавали*).

- (41) «*Прикажи* Северина сделать полшлафрок... Надеюсь, у *вас* куплена есть. Ежели осталось широкого плетешка серебряного, которой *вы* при отъезде моем *отдавали* портному... а ежели нет, то *купите*» (пример взят из Черных 1949: 98).

См. также следующее письмо, написанное князем Василием Голицыным к брату в начале 70-х годов, которое хорошо демонстрирует успехи в усвоении нового этикета, достигнутые во второй половине XVIII века представителями русской знати: никакого смещения *вы* и *ты* нет, и согласование всегда происходит:

- (42) «Итак принужден *вас* в оном беспокоить... по обстоятельством *вашим* *вы* того ж *требовали* от меня... а в приезд *ваш* последней из арми... *вы* в то время мне *сказывали* что онои *вы* за меня *давали*... в чем уповая *вы* на меня за оное требование прискорбности иметь не *можете*, в чаянии несумненном что *вы* в том для меня удоволстенно зделать *изволите* и ее *спокойте*» (Kretschmer 1998: 303; 1770).

Подобным образом десять лет спустя пишет князь М. М. Щербатов к снохе А. Ф. Глебовой:

- (43) «Милостивая государыня моя Александра Федоровна. Дражайшее и приятнейшее для меня письмо *ваше* я имел честь получить, и чувствовании мои могут токмо измерится *вашими* достоинствами, и приятным соизволением *вашим* на искреннее желание сына моего, *примите* же и от меня милостивая государыня, достойное приношение *вашим* добродетелям, и *будте* *уверены*, что во мне всегда *вы* *наидете* друга...» (ПМДП, № 76; 1781)

См. также ПМДП, № 101, 1786 и № 103, 1787).

См. также письмо, написанное в те же годы князем М. М. Щербатовым графу А. Р. Воронцову:

- (44) «Милостивый государь мой граф Александр Романыч. Приятное письмо *вашего* сиятельства я с удовольствием имел честь получить... но во исполнение воли *вашей* велю копию списав с того портрета к *вашему* сиятельству сообщить... буду иметь честь к *вам* чрез означенной *вами* способ переслать...» (ПМДП, № 93, 1786).

Очень хорошие примеры можно найти также в переписке русских деятелей культуры, активных во второй половине XVIII века. Так, например, А. П. Сумароков обращается к И. И. Шувалову:

- (45) «Милостивый государь! Я неоднократно дерзал утруждать *ваше* *превосх(одительство)*... еще *вас* утрудить желаю... *Вы* *можете* мне ответствовать... Однако я от *вас* сего ответа не ожидаю и измеряю *ваши* милости моим к *вам* усердием...» (Макогоненко 1980: 70–71; 1757)

То же самое в других письмах тому же адресату в те же годы (см. Макогоненко 1980: 71 и сл.).

Несколько лет спустя тот же А. П. Сумароков так обращается к Г. В. Козицкому:

- (46) «Правда ли это, что я слышал к удивлению моему о *вашей* дочери... а *ваша* дочь никакого языка не знает... Однако, хотя *вы* меня и *любите*, не уповаю, чтобы *вы* мне... *сообшили*...» (Макогоненко 1980: 150; 1772)

См. также следующее письмо Н. Ф. Эмина к Ю. А. Нелединскому-Мелецкому, написанное уже в последнем десятилетии XVIII века:

- (47) «Милостивый государь! *Вы* лучший мастер того ремесла... Я празден — смею просить у *вас* работы. Смею *вас* уверить... что *вы* найдете во мне и готовность исполнять с точностью повеления *ваши*...» (Макогоненко 1980: 394;1797)

3. Итоги

Итак, мы проследили за появлением (в самом конце XVII века) и постепенным утверждением (в течение XVIII века) в русском языке аллокутивного местоимения *вы* как формы вежливости.

На грамматическом уровне мы увидели, что в последнее десятилетие XVII века, а также в первые три десятилетия XVIII века *вы* употребляется непоследовательно, попеременно с *ты*. Кроме того, очень часто согласование отсутствует и предикат выражается в единственном числе.

Мы видели, что «старое» *ты* чаще всего появляется в начальной формуле письма или (еще чаще) в конце его. Это, по всей вероятности, связано с тем, что начало и конец писем обычно имеют свои шаблонные формы, следующие фиксированным формулам приветствия (см. *здравствуй*) или прощания (см. *поклонись*), которые трудно заменить.

Мы видели также, что отсутствие согласования чаще всего обнаруживается с императивными формами, особенно в конце писем, но не только. Вероятно, это связано с тем, что императив является формой прямого обращения, а местоименная форма *вы*, наоборот, характеризует не прямые, формальные взаимоотношения: привычка обращаться к собеседнику прямо и непосредственно, т. е. на *ты*, характерная для русского общества допетровской культуры, держалась сильнее в этих случаях. Иными словами, «прямой» императив хорошо сочетался с «прямым» местоимением *ты*, и только со временем он стал сочетаться с местоимением, выражающим «формальность».

Отдельно следует трактовать глагольные формы *изволь* и *пожалуй*, которые, строго говоря, с морфологической точки зрения также являются императивами. Они выполняют функции «служебного» типа: первая появляется преимущественно перед инфинитивом (см. (1) и (32)), а вторая — перед другим императивом, см. (9), (21) и (24). В начальный период распространения аллокутивного местоимения 2 л. мн. ч. эти формы были склонны употребляться в единственном числе, возможно, из-за их лингвистического статуса, определявшего их использование преимущественно в фиксированных формулах.

Согласование может отсутствовать также с причастиями, образующими формы прошедшего времени, которые иногда появляются в единственном числе (см. (1), (14)). Это тоже интересное явление, подтверждающее «слабую» позицию этих частей речи на шкале «иерархии предикатов».

Однако, как было сказано, такие колебания и непоследовательности стали сокращаться и постепенно исчезать примерно к 40-м годам, и к концу XVIII века употребление *вы* уже было кодифицировано.

На прагматическом уровне мы видели, что распространение шло по двум направлениям: асимметрическому (см. уважительное *вы*) и симметрическому (см. формально-вежливое, дистанционное, учтивое, а также «галантное» *вы*) — и что аллокутивная местоименная система, основанная на этих двух параметрах, была уже полностью кодифицирована в русском языке конца XVIII века. Эта ситуация хорошо представлена в двух известных стихотворениях, цитируемых в статье Черных (1948: 100–101), которые приводятся нами ниже. В примере (48) два отрывка из стихотворения Я. Б. Княжнина *Ты и вы. Письмо к Лизе*, восходящего к 70-м годам XVIII века, хорошо описывают уважительное *вы*, выражающее и подчеркивающее социальную дистанцию, разделяющую поэта и получательницу стихотворения. *Вы* противопоставляется «простому» *ты*, выражающему симметрические, равноправные, дружеские отношения, принадлежащие безвозвратно утраченному времени, о котором поэт вспоминает с ностальгией.

- (48) О *ты*, которую теперь надо звать только *Вы*
 С почтением, с важностью, с уклонкой головы
 О прежняя Лиза, *ты*. *Вы* барыня уж ныне.
 [...]

 Воспоминание, как *Вы* была лишь только *ты*,
 Еще не знающая величия мечты,
 На имя Лизаньки мне нежно отвечала...

В примере (49) стихотворение *Ты и вы* А. С. Пушкина, написанное уже в XIX веке (в 1828 году), описывает формально-вежливое, дистанционное (*пустое*, по определению поэта) *вы*, которое противопоставляется неформальному, близкому (*сердечному*) *ты*.

- (49) Пустое *вы* сердечным *ты*
 Она, обмолвись, заменила...
 Перед ней задумчиво стою.
 Свести очей с нее нет силы
 И говорю ей «Как *вы* милы»
 И мыслю «Как *тебя* люблю»

ИСТОЧНИКИ

- Макогоненко Георгий П. *Письма русских писателей XVIII века*. Ленинград: Наука, 1980.
 Моисеева Галина Н. *Русские повести первой трети XVIII века*. Москва-Ленинград: Наука, 1965.
 ПМДП — Памятники московской деловой письменности XVIII века. Сумкина А. И., Котков Сергей И. (под ред.), Москва: Наука, 1981.
 ПБ — *Письма и бумаги императора Петра Великого*. I–XII. Санкт-Петербург: Государственная типография, Москва: Академия Наук, 1887–1977.

- ПРГ — *Письма русских государей и других особ царского семейства. I–V*. Москва: 1861–1896.
- Покровская В. Ф. «Повесть о Фроле Скобееве (по неизданному Тихонравовского списку с вариантами по всем известным спискам)». *Труды отдела древнерусской литературы* I (1934): 249–297.
- Русск. драм. — *Русские драматические произведения 1672–1725 годов: к 200-летию юбилею русского театра собраны и объяснены Николаем Тихонравовым*. I–II. Санкт-Петербург: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1874.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенаккьо Розанна. «Новый тип человеческих отношений: обращение на вы в петровскую эпоху». Арутюнова Нина Д., Левонтина Ирина В. (ред.). *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. Москва: Индрик, 1999: 114–123. [Переиздано в: Fin Monica, Pila Malinka, Possamai Donatella, Ruvoletto Luisa, Slavkova Svetlana, Steenwijk Han (a c.di). Rosanna Benacchio. *Studi slavistici tra linguistica, dialettologia e filologia*. Firenze: Firenze University Press, 2022: 243–251. <https://books.fupress.com/catalogue/studi-slavistici-tra-linguistica-dialettologia-e-filologia/10696>].
- Ефимов Александр И. *История русского литературного языка*. Москва: Государственное Учебно-педагогическое издательство, 1955.
- Ковалевская Евгения Г. «Интимные диалоги в переводных светских драмах петровского времени (опыт стилистического анализа)». Робинсон Андрей Н. (ред.). *Новые черты в русской литературе и искусстве. XVII — начало XVIII века*. Москва: Наука, 1976.
- Черных Павел Я. «Заметки об употреблении местоимения вы вместо ты в качестве формы вежливости в русском литературном языке XVIII–XIX веков». *Ученые записки Московского Государственного Университета* 137 (1948): 89–108.
- Benacchio Rosanna. “L’uso del Vy reverenziale nella “Povest’ o Frole Skobeeve”: a proposito del problema della datazione”. *Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell’Università di Padova*, 1980: 1–17. [Переиздано в: Fin Monica, Pila Malinka, Possamai Donatella, Ruvoletto Luisa, Slavkova Svetlana, Steenwijk Han (a c.di). Rosanna Benacchio. *Studi slavistici tra linguistica, dialettologia e filologia*. Firenze: Firenze University Press, 2022: 193–209. <https://books.fupress.com/catalogue/studi-slavistici-tra-linguistica-dialettologia-e-filologia/10696>].
- Benacchio Rosanna. *Modalità allocutive pronominali reverenziali nella società moscovita del XVII secolo*. Padova: Istituto di Filologia Slava. Università di Padova, 1984.
- Benacchio Rosanna. “L’allocutivo reverenziale Vy nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico”. *Atti del colloquio “Lingue slave e romanze, un confronto*. Firenze: L. S. Olschki, 1985: 61–78.
- Berger Tilman. “Versuch einer historischen Typologie ausgewählter slavischer anredesysteme”. Weiss Peter (hrsg.). *Referate des XX. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens* [Slavistische Beiträge 332]. München: Otto Sagner Verlag, 1995: 15–64.
- Berger Tilman. “Drei Wellen der Europäisierung des russischen Höflichkeitssystems”. Berger Tilman, Gutschmidt Karl (hrsg.). *Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana*. München: Otto Sagner Verlag, 2003: 39–62.
- Betsch Michael. “Anredeformen in den Slavischen Sprachen: ein Überblick”. Brehmer Bernard, Ždanova Vladislava, Zimny Rafal (hrsg.). *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik* (POLYSLAV) 10. München, 2007: 11–20.
- Betsch Michael, Berger Tilman. “Anredesysteme”. Gutschmidt Karl, Kempgen Sebastian, Berger Tilman, Kosta Peter (hrsg.). *Die Slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Berlin, New-York: De Gruyter Mouton, 2009: 11–20.

- Brown Roger, Gilman Albert. "The Pronouns of Power and Solidarity". Sebeok Thomas (ed.) *Style in Language*. Cambridge Mass.: The MIT Press, 1960: 253–276.
- Comrie Bernard. "Polite Plural and Predicate Agreement". *Language* 51 (1975): 406–418.
- Corbett Greville. "Address in Russian". *Journal of Russian Studies* 31 (1976): 3–16.
- Corbett Greville. *Hierarchies, targets and controllers: Agreement patterns in Slavic*. London: Croom Helm, 1983.
- Kretschmer Anna. *Zur Geschichte des Schriftrussischen. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhundert*. [Specimina Philologiae slavicae. Supplementband 62]. München: Otto Sagner Verlag, 1998.
- Niculescu Alessandro. *Strutture allocutive pronominali reverenziali in italiano*. Firenze, L. S. Olschki, 1974.
- Svennung Josef. *Anredeformen. Vergleichende Forschungen zur indirekten Anrede in der dritten Person und zum Nominativ für den Vokativ*. Uppsala: Almqvist & Wiksells; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.

REFERENCES

- Benacchio Rosanna. "L'uso del Vy reverenziale nella "Povest' o Frole Skobeeve": a proposito del problema della datazione". *Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Padova*, 1980: 1–17. [Pereizdano v: Fin Monica, Pila Malinka, Possamai Donatella, Ruvoletto Luisa, Slavkova Svetlana, Steenwijk Han (a c.di). Rosanna Benacchio. *Studi slavistici tra linguistica, dialettologia e filologia*. Firenze: Firenze University Press, 2022: 193–209. <https://books.fupress.com/catalogue/studi-slavistici-tra-linguistica-dialettologia-e-filologia/10696>].
- Benacchio Rosanna. *Modalità allocutive pronominali reverenziali nella società moscovita del XVII secolo*. Padova: Istituto di Filologia Slava. Università di Padova, 1984.
- Benacchio Rosanna. "L'allocutivo reverenziale Vy nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico". *Atti del colloquio "Lingue slave e romanze, un confronto*. Firenze: L. S. Olschki, 1985: 61–78.
- Benakk'o Rozanna. «Novyj tip chelovecheskih otnoshenij: obrashchenie na vy v petrovskuyu epohu». Arutyunova Nina D., Levontina Irina V. (red.). *Logicheskij analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke*. Moskva: Indrik, 1999: 114–123. [Pereizdano v: Fin Monica, Pila Malinka, Possamai Donatella, Ruvoletto Luisa, Slavkova Svetlana, Steenwijk Han (a c.di). Rosanna Benacchio. *Studi slavistici tra linguistica, dialettologia e filologia*. Firenze: Firenze University Press, 2022: 243–251. <https://books.fupress.com/catalogue/studi-slavistici-tra-linguistica-dialettologia-e-filologia/10696>].
- Berger Tilman. "Versuch einer historischen Typologie ausgewählter slavischer anredesysteme". Weiss Peter (hrsg.). *Referate des XX. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens* [Slavistische Beiträge 332], München: Otto Sagner Verlag, 1995: 15–64.
- Berger Tilman. "Drei Wellen der Europaäisierung des russischen Höflichkeitssystems". Berger Tilman, Gutschmidt Karl (hrsg.). *Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana*. München: Otto Sagner Verlag, 2003: 39–62.
- Betsch Michael. "Anredeformen in den Slavischen Sprachen: ein Überblick". Brehmer Bernard, Ždanova Vladislava, Zimny Rafal (hrsg.). *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)* 10. München, 2007: 11–20.
- Betsch Michael, Berger Tilman. "Anredesysteme". Gutschmidt Karl, Kempgen Sebastian, Berger Tilman, Kosta Peter (hrsg.). *Die Slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*. Berlin, New-York: De Gruyter Mouton, 2009: 11–20.
- Brown Roger, Gilman Albert. "The Pronouns of Power and Solidarity". Sebeok Thomas (ed.) *Style in Language*. Cambridge Mass.: The MIT Press, 1960: 253–276.
- Chernyh Pavel Ya. «Zametki ob upotreblenii mestoimeniya vy vmesto ty v kachestve formy vezhlivosti v russkom literaturnom yazyke XVIII–XIX vekov». *Uchenye zapiski Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta* 137 (1948): 89–108.

- Comrie Bernard. "Polite Plural and Predicate Agreement". *Language* 51 (1975): 406–418.
- Corbett Greville. "Address in Russian". *Journal of Russian Studies* 31 (1976): 3–16.
- Corbett Greville. *Hierarchies, targets and controllers: Agreement patterns in Slavic*. London: Croom Helm, 1983.
- Efimov Aleksandr I. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. Moskva: Gosudarstvennoe Uchebno-pedagogicheskoe Izdatel'stvo, 1955.
- Kovalevskaya Evgeniya G. «Intimnye dialogi v perevodnykh svetskikh dramakh petrovskogo vremeni (opyt stilisticheskogo analiza)». Robinson Andrej N. (red.). *Novye cherty v russkoj literature i iskusstve. XVII-nachalo XVIII veka*. Moskva: Nauka, 1976.
- Kretschmer Anna. *Zur Geschichte des Schriftrussischen. Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhundert*. [Specimina Philologiae slavicae. Supplementband 62]. München: Otto Sagner Verlag, 1998.
- Niculescu Alessandro. *Strutture allocutive pronominali reverenziali in italiano*. Firenze, L. S. Olschki, 1974.
- Svennung Josef. *Anredeformen. Vergleichende Forschungen zur indirekten Anrede in der dritten Person und zum Nominativ für den Vokativ*. Uppsala: Almqvist & Wiksells; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.

Розана Бенакјо

РАСПРОСТРАЊЕНОСТ УЧТИВЕ ЗАМЕНИЦЕ «ВИ» У XVIII ВЕКУ У РУСКОМ ЈЕЗИКУ: ИЗМЕЂУ ГРАМАТИКЕ И ПРАГМАТИКЕ

Резиме

Опште је познато да се алокутивна заменица 2. л. мн. *ви* у руском језику почела користити као облик учтивости тек у XVIII веку. Раније је овај заменички облик био ограничен само на дипломатску преписку. У ванјезичкој области употребе, у свим обраћањима, употребљавала се заменица 2. л. ј. *џи*. У овом раду анализираћемо како на морфолошком, тако и на прагматичком нивоу на који начин се учтиво *ви* ширило у руском језику током XVIII века. Разликоваћемо два момента: 1) петровско време, када се *ви* још увек није редовно употребљавало (веома се често мешало са *џи*) и посматрало се као учтиви облик обраћања, подражавајући на Западу распрострањене „лепе манире“; 2) следећи период, када употреба *ви* постепено постаје регуларна, и када се поред првог, „симетричног“ облика јавља и други, „несиметрични“, заснован на семантици власти.

Кључне речи: историја руског језика, XVIII век, учтива заменица *ви*, морфолошка анализа, прагматичка анализа.

Игорь Богуславский

Институт проблем передачи информации РАН им. А. А. Харкевича, Москва
bogus@iitp.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3390-1449>

Igor Boguslavskij

Institute for Information Transmission Problems, Russian Academy of Sciences
bogus@iitp.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3390-1449>

В ТРЕТИЙ РАЗ: СИНТАКСИС, СЕМАНТИКА И КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ*

FOR THE THIRD TIME: SYNTAX, SEMANTICS AND COMMUNICATIVE ORGANIZATION

Адвербиальное выражение *в первый (второй, третий и т. д.) раз* во всех своих употреблениях значит, что данная ситуация занимает первое, второе, третье и т. д. место в упорядоченной серии таких же ситуаций. Тем не менее, значение этого выражения может встраиваться в значение всего предложения по-разному. Мы показываем, как это происходит в трех типах употреблений: *Петя приехал в Белград в третий раз.* — *Третий раз Петя приехал в Белград осенью.* — *В третий раз Петя согласился.* Факторами, влияющими на осмысление предложения, являются его коммуникативная организация и способ заполнения валентностей выражения *в N-й раз*.

Ключевые слова: контрастная тема, композициональность, соединение значений, различия между синонимами.

The adverbial expression *в pervyj (vtoroj, tretij etc.) raz* 'for the first (second, third, etc.) time' signifies that the event in question occupies the first, second, third, etc. position within an ordered series of similar events. Nonetheless, the meaning of this expression may be incorporated into the overall meaning of the sentence in various ways. We illustrate how this integration occurs across three distinct types of usage: *Petya priexal v Belgrad v tretij raz* 'Petya came to Belgrade for the third time' — *Tretij raz Petya priexal v Belgrad osen'ju* 'The third time, Petya came to Belgrade in the autumn' — *V tretij raz Petya soglasilsja* 'On the third occasion [lit. 'third time'], Petya agreed'. The factors that affect sentence compre-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №24-18-00988 «Разработка семантического корпуса SemOntoCor на базе семантического анализатора SemETAP»

hension are its communicative structure and the way the valencies of *v N-j raz* 'for the N-th time' are filled.

Key words: contrastive theme, compositionality, uniting meanings, difference between the synonyms.

1. Постановка задачи

Изучая семантику слов, мы интересуемся не только тем, что значит то или иное слово. Важно понимать также и то, как его значение встраивается в значение предложения. Можно ставить вопрос следующим образом. Предположим, нам дано предложение и мы знаем значение каждого его слова. Предположим также, что нам известна синтаксическая структура этого предложения, то есть мы знаем, каковы синтаксические связи между всеми словами предложения. Требуется определить, каким образом значения слов предложения соединяются между собой, образуя цельную семантическую структуру всего предложения.

Основным механизмом, который используется для этой цели, является механизм заполнения семантических валентностей. Все слова, которые имеют семантические валентности, должны быть снабжены в словаре информацией о том, как эти валентности могут заполняться. Для основных классов валентных слов — для глаголов и существительных — эта информация помещается в так называемых «моделях управления» (Мельчук 1974, Апресян 1974). В англоязычной традиции этот объект называется *subcategorization frame*. В модели управления записываются подробные сведения об актантах данного слова, которые в предложении выступают в функции подлежащего (субъекта) или разных типов дополнений. С валентными словами других классов — наречиями, прилагательными, предлогами, союзами — дело обстоит несколько иначе, поскольку их актанты обычно не являются при них подлежащими или дополнениями и поэтому не могут быть описаны моделями управления. Для таких единиц правила соединения их значений с окружающими словами должны задаваться отдельно. Во многих случаях такие правила очень просты. Например, наречия и наречные выражения чаще всего имеют только одну валентность, и она заполняется тем глаголом, с которым данное наречие связано в синтаксической структуре. Так, наречие *ярко* имеет одну валентность (Что происходит ярко?), и в предложении *Солнце ярко светит* это наречие связано с глаголом *светит*. Поэтому этот глагол и заполняет валентность данного наречия. Разумеется, этот пример описывает самую простую, хоть и очень частотную, ситуацию. В настоящей статье будет описана ситуация более сложная. Мы рассмотрим три типа употреблений выражения *(в) N-й раз*¹, в которых оно выступает в одном и том же или очень близких значе-

¹ Имеются небольшие различия между вариантами с предлогом *в* и без него (*в первый раз* — *первый раз*), но для простоты мы их оставим в стороне и будем называть данную единицу *в N-й раз*.

ниях, но встраивается в предложение существенно по-разному. Это представляется неожиданным, учитывая элементарность его синтаксической функции (обстоятельство при глаголе) и простоту значения.

Начнем с того, что сравним предложения (1) и (2):

- (1) *Когда я смотрел этот фильм в первый раз, я вообще ничего не понял.*
- (2) *В первый раз, когда я смотрел этот фильм, я вообще ничего не понял.*

Эти предложения состоят из одних и тех же слов, значат одно и то же, но имеют разное синтаксическое строение. Предложение (1) делится на две части — главное (*я вообще ничего не понял*) и придаточное предложение (*когда я смотрел этот фильм в первый раз*). В предложении (2) к той же главной клаузе (*я вообще ничего не понял*) присоединено обстоятельство *первый раз*, с которым, в свою очередь, связано придаточное *когда я смотрел этот фильм*. Первое, что бросается в глаза, это то, что выражение *в первый раз* является обстоятельством при разных глаголах: в (1) оно зависит от глагола *смотреть*, а в (2) — от глагола *понял*. Кроме того, можно заметить, что в (1) *первый раз* можно заменить на его синоним *впервые*, а в (2) — нет²:

- (1a) *Когда я смотрел этот фильм впервые, я вообще ничего не понял.*
- (2a) **Впервые, когда я смотрел этот фильм, я вообще ничего не понял.*

Эти два факта подсказывают, что между предложениями (1) и (2) имеются какие-то существенные различия семантического характера, и в этих условиях скорее приходится удивляться тому, что предложения оказываются синонимичны. Подробный разбор выражения *в N-й раз*, предпринимаемый ниже, должен прояснить эту ситуацию.

2. Первый тип употребления конструкции *в N-й раз*.

Рассмотрим предложение (3):

- (3) *Петя приехал в Белград в третий раз.*

С точки зрения синтаксиса, выражение *в третий раз* является обстоятельством при глаголе *приехал*. Если говорить о семантике, то предложение (3) имеет следующее значение: ‘в последовательности событий «Петя приехал в Белград» данное событие занимает третье место’. Обратим внимание на следующее обстоятельство. Пропозиция ‘Петя приехал в Бел-

² Отметим еще одно неожиданное различие между синонимами *в первый раз* и *впервые*: *впервые* может употребляться только ретроспективно, то есть по отношению к предшествующим событиям. *Я впервые оказался в таком положении* (раньше не оказывался). — **Впервые Петя пришел с подарком* (а потом приходил без подарка). **Это разрешается только впервые* (потом уже не разрешается). *В первый раз* таким ограничением не связано: *Первый раз Петя пришел с подарком* (а потом приходил без подарка). *Это разрешается только в первый раз* (потом уже не разрешается).

град' играет в предложении (3) две роли: она обозначает, с одной стороны, последовательность повторяющихся событий, а с другой стороны, один из элементов этой последовательности.

Представим значение интересующего нас выражения в более общем виде:

- (4) *в N-й раз*¹ Р =
- (а) имеется серия повторяющихся событий Р;
 - (б) данное событие занимает в этой серии N-ое место.

Замечание: серия, о которой говорится в толковании (4), не обязательно реальна. Она может быть воображаемой. Например, в предложении *Я приехал сюда в первый раз* никакой серии приездов нет, есть только один приезд, но он мыслится как элемент серии приездов, в которой у него нет предшествующего элемента.

Валентности Р и N данной единицы синтаксически обязательны. Валентность N выражается порядковым прилагательным, синтаксически зависящим от слова *раз*. Валентность Р выражается глаголом, подчиняющим выражение *в N-й раз*¹. Подчиняющий глагол — это основной способ заполнения этой валентности. Ниже, в разделе 3 мы увидим, что в других употреблениях выражения *в N-й раз* валентность повторяющихся событий заполняется иначе.

Коль скоро мы хотим говорить и о синтаксической структуре, и о значении предложения одновременно, то необходимо иметь в виду следующее. В рамках грамматики зависимостей (dependency grammar) синтаксическая связь устанавливается между отдельными словами, а не между группами слов. Поэтому выражение *в третий раз* имеет только одну синтаксическую связь с остальным предложением. В предложении (3) это связь предлога *в* с глаголом *приехал*. Между тем, мы говорим, что повторяющееся событие — это не просто приезд, а приезд Пети в Белград. Поэтому, по существу валентность Р заполняется не только глаголом *приехал*, с которым у выражения *в третий раз* имеется непосредственная синтаксическая связь, но и его зависимыми *Петя* и *в Белград*. Возникает естественный вопрос: верно ли, что все зависимые глагола обязательно входят в состав актанта Р? К сожалению, ответ на этот вопрос отрицательный. Глагол, с которым связано выражение *в N-й раз*¹, может иметь такие зависимые, которые не входят в состав повторяющегося события. Ср., например, предложение (5):

- (5) *На этой неделе Петя приехал в Белград в третий раз.*

Это предложение может иметь две интерпретации, различающиеся тем, входит ли обстоятельство *на этой неделе* в состав актанта Р:

- (а) Р = 'на этой неделе Петя приехал в Белград'. Значение предложения: 'на этой неделе было несколько приездов Пети в Белград; этот приезд — третий из них'.

- (б) Р = 'Петя приехал в Белград'. Значение предложения: 'было несколько приездов Пети в Белград. Этот приезд — третий из них. Он состоялся на этой неделе'.

То же самое можно видеть в предложении (6): обстоятельство *с удовольствием* может входить или не входить в состав повторяющейся ситуации.

- (6) *Петя с удовольствием приехал в Белград в третий раз.*

Такая картина свойственна всем обстоятельствам, которые характеризуют не одно слово, а целую пропозицию. Синтаксическая структура зависимостей, которая устанавливает связи между отдельными словами, недостаточна для того, чтобы задать границы этой пропозиции.

3. Второй тип употребления конструкции *в N-й раз*.

Здесь мы разберем ситуации, в которых на интерпретацию конструкции *в N-й раз* оказывает влияние коммуникативная организация предложения. Сравним предложения (7) и (8):

- (7) *Петя приехал в Белград осенью третий раз.*
 (8) *Третий↑ раз Петя приехал в Белград осенью.*

Хотя эти предложения состоят из одних и тех же слов, имеют одну и ту же синтаксическую структуру и сообщают об одном и том же событии — осеннем приезде Пети в Белград, — их значения сильно различаются. Из (7) следует, что до этого было два других приезда Пети в Белград осенью, в то время как из (8) следует обратное: в предыдущие разы Петя приезжал в Белград как раз в другое время. Ниже мы попробуем прояснить, за счет чего получаются эти различия. Безусловно, очень важно здесь то, что в этих предложениях разные коммуникативные структуры: в (7) *третий раз* имеет функцию ремы, а в (8) — контрастной темы, а *осенью* является ремой в (8) и входит в состав темы в (7). Однако само по себе это еще не объясняет того, как получаются именно такие значения рассматриваемых предложений.

Ключевую роль играет следующее различие между (7) и (8). В предложении (7) пропозиция 'Петя приехал в Белград осенью' играет две разные роли. С одной стороны, она образует серию упорядоченных однородных событий, имеющих разные номера. С другой стороны, это то событие этой серии, которому приписан номер 3. Однако, переходя к предложению (8), мы видим, что в нем эти две роли разошлись. В нем то же самое событие 'Петя приехал осенью в Белград' занимает третье место в другой серии событий — в серии 'Петя приехал в Белград'. Это же можно выразить и иначе: 'третий приезд Пети в Белград имел место осенью'. Помимо этого значения, в (8) есть и еще один важный компонент, отсутствующий в (7): 'остальные приезды имели место в другое время'. Оба эти значения обу-

словлены коммуникативной организацией предложения и в первую очередь его тема-рематическим членением. Покажем это.

Если пропозиция, заполняющая валентность Р выражения *в N-й раз*, членится на тему Th и рему Rh, то это членение однозначно задает границу между серией событий и отдельным событием внутри серии. Правило очень простое: серию событий образует только тематический компонент Th, в то время как выделенный элемент серии обозначает вся пропозиция (Th+Rh). Так, в (8) темой является пропозиция ‘Петя приехал в Белград’, а ремой — ‘осень’. Поэтому серию образуют приезды Пети в Белград, а ее выделенный элемент — приезд Пети в Белград осенью. Если в предложении (8) изменить тема-рематическое членение, то соответствующим образом изменится распределение значения между серией событий и выделенным из нее элементом:

(9) *Третий↑ раз в Белград осенью приехал Петя.*

Это предложение сообщает, что в серии событий ‘некто приехал осенью в Белград’ третьим было событие ‘в Белград осенью приехал Петя’.

Итак, для интерпретации предложения (8) принципиальное значение имеет расщепление пропозиции на две части, одна из которых обозначает серию однородных событий, а вторая указывает одно из них, выделенное посредством номера. Кстати говоря, выделение одного события из серии подобных не обязательно осуществляется тем, что указывается его номер. Можно выделить его и другим рестриктивным атрибутом, например: *В этот раз Петя приехал в Белград осенью* (‘этот приезд Пети в Белград отличается от других приездов Пети в Белград тем, что имел место осенью’). Но поскольку в этой работе нас интересует в первую очередь конструкция с порядковым прилагательным, мы не будем углубляться в эту тему.

Итак, основной способ маркировки расщепления пропозиции — это тема-рематическое членение предложения. При этом самый наглядный вариант расчленения получается тогда, когда в предложении имеется так называемая контрастная тема, которая выделяется подъемом интонации и занимает начальную позицию в предложении. Для нас она интересна тем, что вносит в предложение дополнительные компоненты значения. Остановимся на этом несколько подробнее.

Экскурс про контрастную тему.

Вклад контрастной темы в значение предложения состоит в том, что элемент d, образующий контрастную тему, выбирается из более широкого класса объектов, относительно которых утверждение, делаемое про элемент d, скорее всего, неверно. В предложении (10) *Петя* составляет контрастную тему, а *с подарком* — рему. Значение (10) можно представить в виде компонентов (а) и (б), где (а) — это значение предложения со снятой контрастной темой, а (б) — собственно вклад контрастной темы:

(10) *Петя↑ пришел с подарком.*

(а) ‘Петя пришел с подарком’;

(б) ‘Петя рассматривается на фоне других людей, которые (скорее всего) пришли без подарка’.

Значение ‘для других (скорее всего) это не так’, вносимое контрастной темой, представляет большой интерес в разных отношениях. Во-первых, оно имеет статус имплицатуры, то есть вероятного, но необязательного элемента, который может быть отменен. Ср. *Петя↑ также пришел с подарком.* Во-вторых, значение, близкое к значению контрастной темы, может выражаться и лексическими средствами. Ср., например, (11) и (12):

(11) *Второй раз↑ доктор Шморель женился на немке* (первый раз женился не на немке).

(12) *Доктор Шморель женился во второй раз теперь уже на немке.*

В-третьих, значение, вносимое контрастной темой, может взаимодействовать с другими элементами предложения. В качестве примера приведем союз *или*, значение которого, вслед за (Санников 1989: 104, 137–143), можно представить в следующем виде:

$P(X \text{ или } Y) =$

(а) возможно, имеет место $P(X)$;

(б) возможно, имеет место $P(Y)$;

(в) говорящий не знает или не считает нужным указать, какая из этих возможностей имеет место.

Например, в предложении

(13) *Ученик прочитает стихотворение Пушкина или Лермонтова*

сообщается, что, возможно, будет прочитано стихотворение Пушкина, возможно, будет прочитано стихотворение Лермонтова, и что говорящий не знает, какая из этих возможностей будет реализована. Подчеркнем, что для семантической интерпретации союза *или* недостаточно упомянуть сами соединяемые этим союзом элементы X и Y (в нашем примере Пушкина и Лермонтова). Необходимо еще включить в толкование и тот предикат P , относительно которого X и Y играют одну и ту же роль. Можно показать, что, если сочетание *X или Y* образует контрастную тему, то ее значение воздействует на предикат P , входящий в состав значения *или* (Богуславский 1996: 124–126). Для этого введем контрастную тему в предложение (13):

(14) *Пушкина или Лермонтова↑ читать легко.*

Неопределенность, которую мы отмечали в предложении (13), здесь исчезла. В (14) легкость чтения утверждается про обоих писателей, так же, как и в предложении (15):

(15) *Пушкина и Лермонтова читать легко.*

Куда же делась в (14) та неопределенность, которую вносит союз *или*? Дело в том, что союз *или*, входящий в состав контрастной темы, заполняет внутри нее не только валентности X и Y (*Пушкин или Лермонтов*), но и валентность Р. Предикат Р, соединяющий элементы X и Y, входит в значение контрастной темы. Эксплицируя контрастную тему и внося в нее толкование союза *или*, получаем: ‘если из множества писателей **выбрать Пушкина или Лермонтова**, то про обоих верно, что их читать легко; для других писателей это, скорее всего, не так’ = ‘если из множества писателей сделать выбор так, что возможно, будет выбран Пушкин, возможно — Лермонтов, и говорящий не знает, кто будет выбран, то про обоих верно, что их читать легко; для других писателей это, скорее всего, не так’. Это объясняет все упомянутые факты:

(а) в предложении (14) союз *или* выступает в своем обычном значении, содержащем элемент неопределенности;

(б) близость (14) и (15) объясняется тем, что в этих предложениях одно и то же денотативное содержание, а союз *или* интерпретируется внутри коммуникативного компонента значения.

Вернемся к конструкции (в) *N-й раз* и посмотрим на нее в разных коммуникативных контекстах.

(16) *Петя пришел с подарком третий раз* [без просодического выделения].

(а) Петя пришел с подарком;

(б) в последовательности [приходов Пети с подарком] этот приход занимает третье место.

(17) *Третий раз↓ Петя пришел с подарком.*

Значение то же, что в (16), но с эмфатическим выделением *третий раз*. Контрастной темы нет.

(18) *Третий↑ раз Петя пришел [Th] с подарком↓ [Rh].*

(а) Петя пришел с подарком (Th+Rh);

(б) в последовательности событий [Петя пришел (Th)] этот приход занимает третье место;

(в) третий приход Пети рассматривается на фоне других приходов, когда он приходил без подарка [контрастная тема].

Эта серия примеров наглядно показывает, как постановка выражения (в) *N-й раз* в позицию контрастной темы обуславливает значение ‘в другие разы иначе’. Тем самым, мы получили объяснение второго из различий между предложениями (7) и (8), с демонстрации которых мы начали раздел 3.

4. Третий тип употребления конструкции в *N-й раз*.

Сравним предложения (19) и (20):

(19) *Петя согласился второй раз.*

(20) *Второй раз Петя согласился.*

Предложение (19) соответствует первому типу употребления нашего адвербиала — *в N-й раз*¹. Оно говорит о том, что событие «Петя согласился» имело место более одного раза и что Петино согласие, о котором идет речь, занимает среди этих согласий второе место. Как говорилось в разделе 2, глагол *согласился*, с которым синтаксически связано выражение *второй раз*, обозначает повторяющееся событие и тем самым заполняет валентность Р. Предложение (20), произносимое с повышением тона на *второй*, устроено совершенно иначе. Что за событие произошло два раза? Два раза предлагали? Приглашали? Угрожали? Просили? Неизвестно, этой информации в предложении нет. Ее слушающий извлекает из контекста. Что можно утверждать с уверенностью, это то, что глагол *согласился*, с которым *второй раз* связано синтаксически, не играет обычной роли заполнителя валентности Р. Значение предложения (20) можно в первом приближении передать следующим образом: ‘имела место последовательность однородных событий (например, кто-то несколько раз приглашал Петю); когда произошло второе из них, то имело место событие «Петя согласился»’.

Итак, в употреблениях типа (20) выражение *в N-й раз* выступает в несколько модифицированном значении, которое можно сформулировать так:

(21) *в N-й раз*² Q =

(а) имеется серия повторяющихся событий Р (например, приглашения; см. пример (20)),

(б) когда происходит событие с номером N этой серии, имеет место событие Q (например, согласие; см. пример (20)).

Как мы видим, в этом значении появилась еще одна валентность — Q, которой не было в первом типе употреблений. Валентности Q и N обязательны к выражению, а валентность Р чаще всего в предложении не выражается, а восстанавливается слушающим из контекста. Часто это можно сделать лишь приблизительно. Так, в предложении (22)

(22) *Первый раз я три месяца там работала, второй раз на шесть месяцев задержалась!*

скорее всего, речь идет о том, что субъект несколько раз находился в некотором месте, и именно к этим пребываниям отсылают выражения *первый раз*, *второй раз*.

Как только что упоминалось, событие Р обычно не выражается эксплицитно. Так происходит часто, но не всегда. Есть и другая возможность. Событие Р может выражаться внутри того же предложения посредством придаточного с союзом *когда*. Однако здесь нужно быть осторожными: не каждое придаточное с союзом *когда* в этой позиции заполняет валентность Р. Покажем это с помощью предложений (23) и (24) ниже.

Рассмотрим предложение (23):

(23) *Тесто должно подходить **первый раз**, **когда** будет растворено, второй — **когда** будет замешано, третий — уже на листе.*

В этом примере, взятом из известной кулинарной книги Елены Молоховец, повторяющееся событие — «тесто подходит». Автор сообщает, что тесто должно подходить три раза, и указывает, при каких обстоятельствах это должно происходить. Придаточное *когда будет растворено* относится к пропозиции «тесто должно подходить первый раз», то есть растворение теста **не входит в состав повторяющегося события Р**, к которому отсылает *в первый раз* в толковании (4). Подтверждением этого может служить вопрос, который можно поставить к предложению, содержащему *первый раз*: *Когда тесто должно подходить первый раз? — Когда будет растворено.*

Аналогично, в предложении (24) повторяющимся событием является «я рожала», а придаточное *когда сыну было 13.5* характеризует пропозицию «я рожала второй раз», уже включающую в свой состав выражение *второй раз*.

(24) Я рожала **второй раз**, *когда* сыну было 13.5.

Теперь обратимся к предложению (25), которое воспроизводит упоминавшееся в начале предложение (2).

(25) [= (2)] В **первый раз**, *когда* я смотрел этот фильм, я вообще ничего не понял.

В нем придаточное с союзом *когда* играет другую роль по отношению к *в первый раз*, чем в (23). А именно: если в (23) серия событий «тесто подходит» не включает в себя содержание придаточного («тесто растворено»), то в предложении (25) повторяющимся событием является «я смотрел этот фильм», выраженное в придаточном. Значит, значение просмотра фильма заполняет соответствующую валентность выражения *в первый раз*. В некотором смысле можно сказать, что «истинное» место *в первый раз* — внутри придаточного. Поэтому (25) значит то же самое, что (26):

(26) [= (1)] *Когда* я смотрел этот фильм **в первый раз**, я вообще ничего не понял.

Для того, чтобы убедиться, что предложение (25) иллюстрирует вполне продуктивный образец, приведем еще несколько примеров из корпуса НКРЯ, обнаруживающих такое же построение.

(27) *Первый раз*, *когда* он отправился за рубеж ..., — мне пришлось взять на себя некоторые обязанности по его защите [= *когда* он отправился за рубеж *первый раз*, мне пришлось...].

(28) *В третий раз*, *когда* мой оптимистичный папа не отказал своему другу в просьбе, дядя Миша умудрился провалиться в огромную яму в таком безлюдном месте, что ему пришлось пройти пешком 15 км до ближайшего населенного пункта [= *когда* мой папа не отказал своему другу в просьбе *третий раз*].

(29) Менеджер *первый раз*, *когда* я приехала, начал говорить, что надо быть уверенней, и подбадривал меня [= *когда* я приехала *первый раз*...].

- (30) *Первый раз, когда она приехала за мной, остановилась у каких-то знакомых и пришла ко мне* [= когда она приехала первый раз].
- (31) *В этот раз «выйти в отставку» уже не представлялось мне так страшно, как первый раз, когда мне это пришло в голову* [= когда мне это пришло в голову первый раз].
- (32) *Но если в первый раз, когда я играл, меня смущало, что ему 55 лет, а мне 45, то теперь меня смущает, что мне 79 лет, а Дорну по-прежнему 55...* [= когда я играл в первый раз].
- (33) *Второй раз, когда Игорь закурил на ходу, автомобиль нагнал его, и оттуда спросили, не найдется ли у Игоря лишней сигаретки* [= когда Игорь закурил второй раз].
- (34) *Запомните, — резко сказал врач. — В третий раз наступит кома. И кончится смертью, это я вам точно говорю.*
- (35) *Потом Алик снова сказал, что, по его мнению, Феллини — экзистенциалист, но тут заговорили один редактор и знаменитый оператор Пушечный. В третий раз до всех дошло.*

Теперь мы можем ответить на вопрос о соотношении предложений (1) и (2), поставленный в разделе 1. Напомним, что следовало объяснить, почему у этих предложений, состоящих из одних и тех же слов, но по-разному связанных, оказываются тождественные значения, а кроме того, — почему первое из них допускает подстановку *впервые* вместо *в первый раз*, а второе нет.

- (1) [= (26)] *Когда я смотрел этот фильм в первый раз, я вообще ничего не понял.*
- (2) [= (25)] *В первый раз, когда я смотрел этот фильм, я вообще ничего не понял.*

Теперь мы видим, что в этих предложениях выступают разные, хотя и близкие значения в *N-й раз*¹ и в *N-й раз*². В *N-й раз*¹ в (1) — имеет 2 валентности и указывает на одно из серии однородных событий: *Я смотрел этот фильм в первый раз*. В *N-й раз*² в (2) имеет более сложное значение, включающее первое. Оно вводит представление о том, что данное событие ассоциировано с одним из серии однородных событий. Так, если контекст подсказывает, что имело место несколько просмотров фильма, то предложение *В первый раз я ничего не понял* может значить, что отсутствие понимания имело место в первый из этих просмотров.

Кроме того, в *N-й раз*¹ и в *N-й раз*² различаются статусом и способом заполнения валентности *P*, обозначающей серию однородных событий. У в *N-й раз*¹ эта валентность синтаксически обязательна, а у в *N-й раз*² она факультативна. У в *N-й раз*¹ эта валентность пассивная, то есть заполняется синтаксически подчиняющим глаголом, а у в *N-й раз*² она активная, то есть заполняется синтаксически подчиненным придаточным предложением (о различии между активными, пассивными и разрывными валентностями см. Boguslavsky 2003). Способность присоединять одну и ту же валентность и активным, и пассивным образом не уникальна, но встреча-

ется не слишком часто. Ср. наречие *всегда*: *Они всегда ссорятся из-за политики (всегда подчиняется глаголу ссорятся; пассивное заполнение) — Всегда, когда они ссорятся, они делают это из-за политики (всегда подчиняет придаточное с союзом когда; активное заполнение).*

Различие в активности/пассивности валентности объясняет нам, почему адвербиал *в первый раз*¹ взаимозаменим с наречием *впервые*, а *в первый раз*² нет. Подстановка *впервые* в (1) возможна потому, что это наречие, так же, как и *в первый раз*¹, но в отличие от *в первый раз*², заполняет свою валентность Р подчиняющим глаголом.

Следующий вопрос, требующий ответа: как же предложения (1) и (2) могут быть синонимичны, если у *в первый раз*¹ в (1) заполнены 2 валентности (Р и N), а у *в первый раз*² в (2) — все три валентности (Р, N и Q)? Ответ: *в N-й раз*¹ и *в N-й раз*² могут дать синонимичные предложения, если совпадающие валентности у них заполнены одними и теми же элементами, а информация о событии Q, отсутствующая в значении *в N-й раз*¹, выражена в предложении с этим оборотом отдельно. Именно это мы видим в паре (1)–(2). Темпоральная связь между первым просмотром фильма и отсутствием понимания (Q) выражена в (2) в самом толковании *в N-й раз*² (см. компонент (б) толкования (21)). А в предложении (1) эта же связь выражена независимо от *в N-й раз*¹ тем, что при главном предложении *я ничего не понял* есть придаточное времени.

5. Заключение

Адвербиальные выражения типа *в третий раз* очень поучительны тем, что в разных контекстах по-разному встраиваются в значение предложения и взаимодействуют с тема-рематическим членением предложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Юрий. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Наука, 1974.
- Богуславский Игорь. *Сферы действия лексических единиц*. Москва: Языки русской культуры, 1996.
- Мельчук Игорь. *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст»*. Москва: Наука, 1974.
- Санников Владимир. *Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис*. Москва: Наука, 1989.
- Boguslavsky Igor. "On the Passive and Discontinuous Valency Slots". First International Conference on Meaning — Text Theory (MTT'2003). June 16–18, 2003. Paris: Ecole Normale Supérieure.

REFERENCES

- Apresyan Yuriy. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moskva: Nauka, 1974.
- Boguslavskij Igor'. *Sfery dejstviya leksicheskikh edinic*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1996.

Boguslavsky Igor. "On the Passive and Discontinuous Valency Slots". First International Conference on Meaning — Text Theory (MTT'2003). June 16–18, 2003. Paris: Ecole Normale Supérieure.

Mel'chuk Igor'. *Opyt teorii lingvističeskikh modelej «Smysl — Tekst»*. Moskva: Nauka, 1974.

Sannikov Vladimir. *Russkie sochinitel'nye konstrukcii. Semantika. Pragmatika. Sintaksis*. Moskva: Nauka, 1989.

Игор Богуславски

ПО ТРЕЋИ ПУТ: СИНТАКСА, СЕМАНТИКА И КОМУНИКАТИВНА ОРГАНИЗАЦИЈА

Резиме

Прилошки израз „по први (други, трећи, итд.) пут“ у свим својим употребама означава да дата ситуација заузима прво, друго, треће, итд. место у уређеном низу сличних ситуација. Међутим, значење овог израза може се интегрисати у значење читаве реченице на различите начине. Показујемо како се то дешава у три типа употребе: *Пећа је дошао у Београд по трећи пут.* — *Трећи пут Пећа је дошао у Београд на јесен.* — *Трећег пута Пећа је пристао.* Фактори који утичу на значење реченице јесу њена комуникативна организација и начин попуњавања валентности израза по N-ти пут.

Кључне речи: контрастна тема, композиционалност, повезивање значења, разлике између синонима.

Анатолій Загнітко

Донецький національний університет імені Василя Стуса
Український мовно-інформаційний фонд
Національної академії наук України
a.zagnitko@donnu.edu.ua
<https://orcid.org/0000-0001-7398-6091>

Anatolii Zahnitko

Vasyl' Stus Donetsk National University
Ukrainian Lingua-Information Fund
of NAS of Ukraine
a.zagnitko@donnu.edu.ua
<https://orcid.org/0000-0001-7398-6091>

ПРИЙМЕННИКОВІ ОДИНИЦІ З КОМПОНЕНТОМ 'ГЛИБИНА': СТАЛІСТЬ І ДИНАМІКА В ОДНОСИСТЕМНИХ МОВАХ*

PREPOSITIONAL UNITS WITH 'ГЛИБИНА' COMPONENT: STABILITY AND DYNAMICS

Досліджуються прийменникові утворення з компонентом '*глибина*' з опертям на статусне тлумачення лексеми '*глибина*' в сучасному граматичному ладі односистемних мов із послдовним встановленням їх функційних закономірностей горизонтального, вертикального та внутрішнього орієнтирів в усталенні прийменникових похідних, у межах яких лексема '*глибина*' різною мірою втрачає власну субстанційність.

Матеріалом аналізу постають прийменникові одиниці з компонентом '*глибина*' в сучасних українській, білоруській, російській і почасти польській мовах з опертям на національно-текстові корпуси та упорядковані цілісні словники прийменників та їх аналогів (української, білоруської, польської й почасти російської мов), що дає змогу встановити спільне та відмінне в реалізації директива-фініша, директива-рецепієнса, директива-орієнтира, дименсива-локатива, дименсива-характеризатора, дименсива-кваліфікатора, дименсива-градуатора та ін., а також особливостей синтезу різної семантики в межах різних прийменниково-похідних утворень.

* Стаття підготовлена за матеріалами виступу на 47-ому засіданні Комісії з граматичної будови слов'янських мов Міжнародного комітету славистів (Белградський університет, філологічний факультет: 12–14.09.2024). Щира подяка колегам, які висловили свої міркування, що сприяли покращенню концептуального тлумачення прийменникових одиниць із компонентом '*глибина*' в односистемних мовах.

Ключові слова: односистемні мови, прийменникові одиниці, директив-фініш, директив-рецепієнс, директив-орієнтир, дименсив-локатив, дименсив-характеризатор, дименсив-кваліфікатор, дименсив-градуатор.

Prepositional formations with the component “depth” are studied, based on the status interpretation of the lexeme “depth” in the modern grammatical system of single-system languages, with the consistent establishment of their functional regularities of horizontal, vertical and internal landmarks in the establishment of prepositional derivatives, within which the lexeme «depth» loses its own substantiality to varying degrees.

The material for the analysis is prepositional units with the component “depth” in modern Ukrainian, Belarusian, Russian and partly Polish languages, based on national-text corpora and ordered integral dictionaries of prepositions and their analogues (Ukrainian, Belarusian, Polish and partly Russian languages), which makes it possible to establish common and distinctive features in the implementation of directive-finish, directive-recipient, directive-landmark, dimensional-locative, dimensional-characterizer, dimensional-qualifier, dimensional-grader, etc., as well as the features of the synthesis of different semantics within different prepositional-derived formations.

Key words: single-system languages, prepositional units, directive-finish, directive-recipient, directive-landmark, dimensional-locative, dimensional-characterizer, dimensional-qualifier, dimensional-grader.

0. У сучасних граматичних студіюваннях прийменникову одиницю розглядають: 1) як службову частину мови (Briskina 2001: 32–40) з функційним призначенням вираження відношень між суб'єктом та об'єктом (Dinsel 2006: 18); 2) як носія власного лексико-граматичного значення (І. Кучеренко), послідовно виявлюваного в дієслівному керуванні, стійких іменниково-прийменникових утвореннях (Д. Фівегер) та ін. Так, зокрема, Д. Фівегер (Viehweger 1977: 198) розглядає прийменник у лексичній системі, пор., наприклад: кваліфікацію двомісних прийменникових одиниць на зразок *zweistellig*, що реалізують відношення між реаліями об'єктивного світу: *So erlebte die Ukraine ab 2004 zweistellige Inflationsraten* (Viehweger 1977: 197). Водночас психолінгвісти стверджують, що більшість із тих, хто засвоює іншу мову, синсемантичні елементи не сприймають як самодостатні (Jakendoff, Landau 1991: 145–169; Schweizer 1985: 18–43). Оскільки для мовця істотним постає не сам предмет як такий, а його сприйняття та інтерпретація денотата в мовленні, то всі мовні елементи в цьому разі підпорядковані відповідному завданню.

Особливий статус у прийменниковій системі належить тим утворенням, які постійно розширюють її склад, підтверджуючи тим самим її відкритість, усталені тенденції її поповнення. Сукупно вони репрезентують частотне навантаження в цих процесах низки лексем тих чи тих категорійних класів — субстантивів, прислівників і под., з-поміж яких вирізняються окремі активно виявлювані в похідних утвореннях локативні іменники, зокрема з компонентом ‘глибина’ шляхом видозміни внутрішньої семантики. Останнє постає помітним через відповідний ступінь відбиття у прийменниковій системі сталості й динаміки загалом і в окремих прийменникових одиницях із компонентом ‘глибина’ зокрема, а також — у вимірах

репрезентативності такої сталості, формуванні в ній певних точок категорійної зміни, що й засвідчують актуальність дослідження.

Метою студіювання є встановлення ступеня поширення новітніх прийменникових одиниць із компонентом 'глибина' в односистемних мовах — українській, білоруській та українській із визначенням закономірностей видозміни лексичної семантики компонента 'глибина', синтагмального закріплення та ступеня граматизації похідних прийменникових утворень із цим компонентом.

Заявлена мета визначає необхідність вирішення низки завдань, з-поміж яких значущими постають: 1) з'ясування ємності множини прийменникових одиниць із компонентом 'глибина' в односистемних мовах — українській, білоруській та українській; 2) вияв динаміки поглядів на іменникову лексему 'глибина' в низці подібних із визначенням напрямів видозміни її семантичного ядра; 3) покваліфікування напрямів синтагмального розширення прийменникових похідних із компонентом 'глибина' в односистемних мовах із характеристикою їх частотності, фразеологізації окремих із них та простеженні відмінностей прийменниковотвірного потенціалу іменникової лексики 'глибина' в розглядуваних мовах.

Новизна дослідження визначається: 1) обґрунтуванням новітніх тенденцій видозміни в структурі іменникової лексики 'глибина' через її входження до аналітичного прийменникового утворення, що зумовлені розширенням її сполучувальних інтенцій, модифікацією ліво- та правобічної валентності, а також статусним навантаженням прийменникових похідних у вираженні вертикального та горизонтального просторів із різним ступенем конкретизування, 2) покваліфікуванням парадигмального простору новітніх прийменникових одиниць із іменниковим компонентом 'глибина' в односистемних мовах.

1. Для відображення диспозиції предметів у фізичному світі мова кодує елементи просторових відносин, формуючи складну мережу локацій, у яких відповідні точки в момент комунікації адекватно актуалізовані. У семантиці низки лексичних одиниць на зразок: 1) іменників *висота, глибина, далина, ширина* — актуалізовані обмежений і/чи необмежений простір; 2) дієслів *бігти, йти, відходити, входити, заходити, обходити, підійти, приходити* — репрезентований рух об'єкта; 3) прикметників *високий, глибокий, довгий, низький, приземкуватий* — реалізована просторова ознака; 4) прислівників *високо, глибоко, далеко, низько, ліворуч, праворуч, тут, там* наявні вказівки на певний простір, відображена активна взаємодія номінативного й дейктичного компонентів (Загнітко 2021: 172), які постають визначальними компонентами їх просторових концептів (Schweizer 1985: 18–43). Дейктичний компонент, вужче — хронотопічний як вказівка на просторову локалізацію, простежуваний, наприклад, у лексикографічних моделях через гіпертекстовий, пор.: *висота* — '2. Простір, що знаходиться на великій відстані від поверхні до низу; 3. Місце, простір, які

віддалені від чого-небудь або знаходяться всередині чогось' (СУМ 11_{/2}: 82); біл. *вышыня* — '2. **Прастора** і адлегласць ад якога-н. пункта або зямлі ўверх' (Тлумачальны 2022); рос. *высота* — '5. Возвышенное **место**; холм, возвышенность' (Ефремова 1996; Апресян 2014: 598–601) або ж перехресний: *далина* — 'Те саме, що *даль*' (СУМ 11_{/2}: 209); біл. *далечыня* і *далячынь* — 'Тое, што і *даль*' (Тлумачальны 2022); рос. лексема *далина* зафіксована лише в окремих перекладних лексикографічних виданнях ХІХ ст. (Павловский 1888: 102; Русско-французский 1836: 567), словнику В. Даля (1989-1: 414) принципи тлумачення. У першому випадку регулярно є наявність у правобічній частині статті гіпероніма, а в другому — гіпоніма. Інноваційним є підхід, застосований в активному словнику російської мови, де поєднано граматичний опис із лексикографічним тлумаченням (Активный 2014: 598–601). Лексикографічний опис повноцінно відображає асоціативно-вербальну мережу мовця з належним статусом регулярних семантичних відносин і синтаксичних зв'язків. Іменник '*глубина*' охоплює: 1) 'расстояние по вертикали вниз от верхнего края объекта до его дна': *глубина бассейна*; 2) 'расстояние по вертикали вниз от земной поверхности до уровня, где расположен объект, как характеристика этого объекта': *глубина залежи*; *глубина погружения*; 3) 'расстояние по горизонтали от внешнего края объекта внутрь до его противоположного края': *глубина ниши*; 4) 'расстояние по вертикали вниз от земной поверхности': *Работы ведутся на глубине 100 метров*; 5) 'большое расстояние вниз по вертикали от поверхности водоема, или пространство, там расположенное': *работать на глубине*, *океанские глубины*; 6) 'часть пространственного объекта, наиболее удаленная по горизонтали от входа в него': *в глубине сада <кабинета>*; 7) *перен.* 'богатое и не сразу постигаемое содержание объекта': *глубины гуманитарного знания*; 8) *перен.* 'степень или величина': *глубина его чувства*, *глубина ее натуры*.

Заявлені гіперонімічний і перехресний принципи тлумачення виявлювані в різних ступенях навантаження асоціацій за суміжністю, тотожністю та ін. Прийменники виражають просторові відносини з різним силовим навантаженням наголошуваних асоціацій тотожності: *біля* — '1. Уживається як рівнозначне *прийм. на, при*'; 'Уживається у *знач. прийм. над, коло*'; 'із сл. ходити'; 'Уживається у *знач. прийм. коло, за*'; '2. Уживається у *знач. прийм. близько, коло*' (СУМ 11_{/1}: 185); біл. *каля* — '2. *Разм.* Уживаецца пры абазначэнні аб'екта, у дачыненні да якога адбываецца дзеянне, на які накіравана дзеянне' (Тлумачальны 2022); рос. *около* — '1. *с род. пад.* Употр. со значениями: 1) возле или вблизи кого-либо, чего-либо (Ефремова 1996); суміжності: *поруч з* — '<.>¹ суміжність кого-, чого-небудь з кимсь, чимсь' (СУМ 11_{/1}: 185); біл. *побач з* ('*прыназоўнік: з Р.* Блізка каля каго-, чаго-небудзь, поруч з кім-, чым-небудзь'); рос. *рядом с* ('1. *с твор. пад.* Употр. при указании на: 1) лицо или предмет, в непосредственной близости от которого

¹ Знак <.> використаний на позначення пропуску частин тексту.

го знаходиться хто-либo, що-либo; вблизи от кого-либo, чeгo-либo' (Ефремова 1996) та ін.

Загалом лексичне значення прийменникових одиниць охоплює просторові, часові та інші відношення, пор.: *біля* (з род. в.), *коло* (з род. в.), *поряд* (з оруд. в. та прийм. з або з род. в. без прийм.), *поруч* (з оруд. в. та прийм. з або з род. в. без прийм.); *біл. каля* (з род. в.), *круг* (з род. в. («устар. і абл.» (Шуба 1993)), *побач* («у знач. прыназ. — з Р.» (Шуба 1993)); рос. *возле* (з род. в.) (Ефремова 1996), *около* (з род. в.) (Ефремова 1996), *рядом* (со) (Ефремова 1996); нім. *in* (P+NP (Wörterbuch 2025)), *an* P+65NP (Wörterbuch 2025)), *auf* P+NP (Wörterbuch 2025)), *über* P+NP (Wörterbuch 2025)), *unter* P+NP (Wörterbuch 2025)), *neben* P+NP (Wörterbuch 2025)), *hinter* P+NP (Wörterbuch 2025)), *vor* P+NP (Wörterbuch 2025)), *zwischen* P+NP (Wörterbuch 2025)), *aus* P+NP (Wörterbuch 2025)), *von* P+NP (Wörterbuch 2025)), *bei* P+NP (Wörterbuch 2025)), *nach* P+NP (Wörterbuch 2025)), *zu* P+NP (Wörterbuch 2025))² — просторові; *відповідно до, згідно з, залежно від, виходячи з, у світлі, у дусі, у розрізі*; *біл. наводле* («з Р.» (Шуба 1993)), *у залежності ад* (Шуба 1993), *на аснове* (пор.: у правій тлумачній частині статті слова «ад-дзел»: 2. *Адна з частак, на якія падзяляецца што-н.* [што-небудзь — А. 3.] *цэлае на аснове пэўных прыкмет...* (Тлумачальны 2025)), *у аднаведносці з* (Шуба 1993), *нягледзячы на* (Шуба 1993), *у раздзеле* (Тлумачальны 2025); рос. *согласно* («с дат. пад.» (Ефремова 1996), *в зависимости от* (Всеволодова 2018: 405), *исходя из* («с род. пад.» (Ефремова 1996)), *в свете* («с род. пад.» (Ефремова 1996)), *в духе* («с род. пад.» (Ефремова 1996)), *в разрезе* (Ефремова 1996)); нім. *gemäß* («P + NP: **gemäß** den Bestimmungen» (Wörterbuch 2025)), *abhängig von* (**Abhängig von** der Anzahl an geforderten (Wörterbuch 2025)), *basierend auf* (**basierend auf** dem Deutschen Referenzkorpus (Wörterbuch 2025)), *im Lichte von* (*Der EDSB empfiehlt dennoch, **im Lichte von** Artikel 19 über das Sitzabkommen die Wahl des Sitzes* (приклад із «Deepl: Wörterbuch» <<https://www.linguee.de/deutsch-englisch/uebersetzung/im+lichte+von.html>> 15.02.2025)), *im Geiste von* (*und Entschlossenheit im **Geiste von** Freiheit* (Wörterbuch 2025)), *im Abschnitt* («P + NP (Wörterbuch 2025)) — відповідності; *для, з метою, на предмет, задля, заради, ради, в ім'я*; *біл. для* (Слоўнік 2025), *з мэтай* (Шуба 1993), *дзеля* («з Р.» (Шуба 1993)), *у ім'я* («з Р.» (Шуба 1993)); нім. *für* («P + NP: **für** unsere Kinder» (Wörterbuch 2025)), *zum Zweck* (*eindeutig eine Verwendung zum **Zweck** der Konnexion* (Wörterbuch

² У наведених прийменниках німецької мови зазначено лише ієрархічно вершинний варіант сполучуваності з іменною групою, оскільки в окремих із таких одиниць може бути дві й більше моделей, кожна з яких передає одне, два й більше значень: *nach* (P+NP: *nach dem Essen, nach kurzer Beratung, nach Ablauf der Frist* (темпоральна семантика); P+NP ohne Artikel: *nach Aussage des Angeklagten, zwei Tage nach Weihnachten* (темпоральна семантика); P+ProNP: *nach mir, nach ihm* (об'єктно-суб'єктна семантика поєднувана з темпоральною з урахуванням похідності таких утворень); P+Adverbphrase: *nach oben, nach links*; Pronominaladverb: *da nach, nacheinander, wo nach* (просторова семантика) (Wörterbuch 2025)). У прийменника, наприклад, *zu* модель: «*ZU* P+NP» реалізує просторово-об'єктне й темпоральне значення (Wörterbuch 2025).

2025)), *um des Willens willen* (**um des willens willen** — *auch wenn es für den vorwand des überlebens ist, eine kraft aus der natur oder etwas anderem moduliert hinweg über* (приклад із «Deepl: Wörterbuch» <<https://www.linguee.de/deutsch-englisch/uebersetzung/im+lichte+von.html>> 15.02.2025)), *im Namen von* (**im Namen von unseres Glücks**) (Wörterbuch 2025))) — цільові і под. Істотним є той факт, що, наприклад, німецькі прийменники *auf* ‘на’, *an* ‘на, у’ у сполуках *klettern auf den Baum* ‘лізти на дерево’, *liegen an Strand* ‘лежати на пляжі’ реалізують первинну субстанційну просторову семантику, а в сполуках *warten auf den Freund* ‘чекати на друга’, *reich an Bodenschätzen* ‘багатий на корисні копалини’ уже втрачають її, реалізуючи об’єктні відносини, а причиною такої зміни постають інноваційні ліво- (*klettern* ← **auf** ↔ *warten* ← **auf** і *liegen* ← **an** ↔ *reich* ← **an**) та правобічна (**auf** → *den Baum* ↔ **auf** → *den Freund* і **an** → *Strand* ↔ **an** → *Bodenschätzen*) валентності.

2. У лексикографічних практиках слово ‘глибина’ потрактовують: 1) як відстань (‘1. Відстань зверху вниз від поверхні, краю чого-небудь’) — *вертикальний вимір*; 2) як простір (‘2. Простір, що знаходиться на великій відстані від поверхні’) — *вертикальний вимір*; 3) як протяжність (‘3. чого. Місце, простір, які віддалені від чого-небудь або знаходяться всередині чогось’) — *горизонтальний вимір*; 4) як основа, підґрунтя (‘4. *перен.* Те, що є внутрішньою сферою чого-небудь, у чому зосереджена основа, сутність чого-небудь’); 5) як вагомість, важливість (‘5. *тільки одн., перен.* Значущість, змістовність чого-небудь’) (за СУМ 11₂: 82; пор. також Активный 2014: 598–601; Ефремова 1996; Тлумачальны 2022), з-поміж яких два останні (4 і 5; 7 і 8 — Активный 2014: 601) є переносними значеннями, що сформувалися на ґрунті видозміни ліво- та правобічної валентностей: *І вона заховала сю любов у глибину своєї душі, бо з глибин душі вона зродилася* (Опільський 1994₁: 47); *Книги — морська глибина, Хто в них пірне аж до дна, Той, хоч труду мав досить* (Франко 1976₂: 76); *От них исходит ток смутной враждебности, я был для них чужим, и как они тяготили меня, так и я тяготил их; и конечно же в глубине души они были бы рады, если б я оставил их в своем кругу* (Волос 2001: 101)³. У таких і подібних конструкціях іменник ‘глибина’ втрачає субстанційно-локативну семантику та набуває предикатної, а конструкція поступово фразеологізується, що відбивається у відповідному лексикографічному потрактуванні. Як тільки постпозицію лексеми ‘глибина’ заступає іменник несубстанційної семантики на зразок *думка, душа, розум, совість*, конструкція через метафоризацію набуває квазіпросторової семантики: *Вадим стріляє далеко краще за мене, і десь у глибині душі він, безперечно, має мене за партача* (Антоненко-Давидович 1991-1: 87); *Вчений говорить цілком серйозно, лише десь*

³ Усі приклади почерпнуті з «Национального корпуса русского языка» (<<https://ruscorpora.ru>> 15.02.2025), «Нацыянальнага корпуса беларускай мовы» (Беларускі N-корпус) (<<https://bnkorporus.info/>> 15.02.2025)

у глибині його очей мерехтять веселі іскорки (Бердник 1962: 56). Попри метафоризацію, потрібно констатувати, що в конструкції ‘у глибині душі’ зберігається директивна семантика, тому постпозиційний компонент є директивом-фінішем психолого-ментального простору, пор. також біл. *Мірык глядзеў на всет вачыма, якія ў адначасе кантралявалі вонкавыя з’явы і ўглядаліся у глыбіні ўласнай прыгнечанай душы* (А. Глобус)⁴. Стійкість таких і подібних метафоризованих конструкцій квазіпросторової семантики підтверджувана їх частотністю у відповідних текстових корпусах: *у глибині душі* — 1523 (за ГРАК⁵), 184 (за УНЛК), але *у глибину душі* — 11 (за ГРАК), 4 (за УНЛК); *у глибині серця* — 66 (за ГРАК), 43 (за УНЛК), *у глибині мого серця* — 4 (за ГРАК), 0 (за УНЛК), *у глибину серця* — 3 (за ГРАК), 4 (за УНЛК).

До сталої величини іменника ‘глибина’ потрібно віднести перші три значення, що, поза всяким сумнівом, вимагають зазвичай уточнення й конкретизування, а до змінної — четверте й п’яте (7 і 8 = в активному словнику російської мови), які постійно зазнають розширювальної динаміки, охоплюючи в синтагмальних моделях нові й нові шари лексики та витворюючи інноваційні семантичні варіанти, пор., наприклад, ємність прийменника *на*, у якому змінна величина в десятки разів більша, ніж стала (Загнітко 2021: 172–178), біл. *на* — лише три значення належать до сталої, а сім — до змінної (Тлумачальны 2022)), а в рос. *на* чотири значення є складниками сталої величини, а вісімнадцять — складниками змінної (Активный 2014: 598–601; Ефремова 1996). Для М. Конюшкевич, яка розмежовує *на*¹ і *на*² на підставі відповідних особливостей керування, де *на*¹ з вирізненими 77 значеннями — це керування знахідним, а *на*² зі встановленими 32 значеннями — керування місцевим (без урахування інтерпозиційного статусу *на*), а також інноваційних похідних на зразок *на абарону*, *на адводзе*, *на аблоні*, *на абломках*, *на абшарах ад (чаго) да (чаго)*⁶, водночас стала величина поширена лише на 19 одиниць та їхні значення: 5 — *на*¹; 17 — *на*², що становить 20%.

У межах третього тлумачення (маються на увазі потрактування в академічних словниках української мови (Словник: в 11-ти т і Словник: В 20-ти т.) в іменника *глибина* потрактована субстанційно-локативна семантика ‘місця,

⁴ Приклад зі словника білоруських прийменників (Канюшкевич 2008/1: 138).

⁵ У дослідженні використані усталені скорочення на позначення відомих текстових корпусів: ГРАК — Генеральний регіонально анотований корпус української мови (<<https://uacorpus.org/>> 15.02.2025); УНЛК — Український національний лінгвістичний корпус (Український мовно-інформаційний фонд НАН України <https://svc.ulif.org.ua/UNLC/virt_unlc_4.5/> 15.02.2025).

⁶ Загалом 438 одиниць (подібна кількість із різними похибками засвідчена в українській (Словник 2007), російській (Ефремова 2025) та польській (Lachur 2019–2022) мовах). Відмінність лише в тому, що М. Конюшкевич кожне значення виокремлює як прийменникову лексему, а в інших дослідженнях (українських, російських, польських) здебільшого вони розглядаються в межах однієї статті, прийменникові ж аналоги (еквіваленти, аналоги) відповідно до форм вираження мають потрактування в межах окремої статті.

простору, які віддалені від чого-небудь або знаходяться всередині чогось' (у *глибині лісу* ← відносно чого, у *глибині кущів* ← відносно чого (пор. також: Активний 2014-2: 599)) та визначено власне предикатний відтінок — 'досить віддалений час': *Десь у глибині часу палала його домівка, а він, задихаючись, біг світ за очі* (Шкляр 2014: 157), пор.: у *глибині віків*, у *глибині століть*, у *глибині епохи*; біл. у *глыбіні вякоў* (Слоўнік 2025), у *глыбіні стагоддзяў* (Тлумачальны 2025), у *глыбіню эпохі*, (Канюшкевіч 2010) рос. в *глубине веков*, в *глубине столетий*, в *глубине эпохи* і под. Окремі з таких похідних утворень у низці лексикографічних практик відносять до фразеологізованих або ж таких, що є стійкими (↔ цілісними), пор., наприклад: кваліфікацію біл. у *глыбіні стагоддзяў* (Тлумачальны 2022); рос. в *глубине веков*, из *глубины веков* (Ожегов, Шведова 2024). Власне, будь-яка метафоризація сигналізує про початковий етап усталення цілісності сполуки слів, але в цьому разі метафора ґрунтована на вертикальній часовій віддаленості, що відносно корелятивна з простором (↔ часопростір). У похідній прийменниковій одиниці «у *глибині*» компонент «*глибини*» відображає відносну і/чи повну віддаленість, яка не конкретизована квантитативами ані в горизонтальному, ані у вертикальному векторах: у *глибині океану* та *у *глибині океану* на 2 км — вертикальний вектор; у *глибині лісу* та *у *глибині лісу* від 20 до 20 метрів, а в когнітивному вимірі така просторова віддаленість постає віртуально узагальненою.

Перше зафіксоване у словнику значення (за СУМ 11-2: 82; пор. також Активний 2014: 598–601; Ефремова 1996; Тлумачальны 2022) внутрішньо містить кваліфікацію вертикальної протяжності простору за вектором 'зверху донизу': *Ми спустилися в просторе підвальне приміщення, розташоване на глибині щонайменше десяти метрів під поверхнею* (Авраменко, Авраменко 2004: 122); *В одному колодязі на глибині 70 метрів бурильники навечно поховали свердло і воно собою перекрило шлях до води.* (Перець. 1955. № 6), біл. *Пад зямлёю, у вечнай мерзлаце, на глыбіні 16 метраў. Там стаіць вечная цішыня, пануе холад* (Скрыган 2025); рос. *Женщина провела 500 дней в пещере на глубине 70 метров, установив мировой рекорд* (Фокус. 2023.14.04), де лексемі 'глибина', біл. 'глыбіня', рос. 'глубина' властивий підпорядкований статус у межах аналітичної прийменникової одиниці з уточнювальними квантитативами '*щонайменше десяти метрів*', '*70 метрів*', біл. '*16 метраў*', рос. '*70 метров*' та є дименсивом-локативом щодо локуму відліку, кінцевої його точки.

У межах другого значення (за СУМ 11-2: 82; пор. також Активний 2014: 598–601; Ефремова 1996; Тлумачальны 2022) статусної граматизації зазначають конструкції з лексемою '*глибина*' із залежним правобічним компонентом — субстантивом ($\text{PrepN}_{\text{loc}}\text{N}_{\text{gen}}$) на позначення певного простору як субстанції, що найповніше виявляє їх номінативну функцію: *І ось дужий досі організм, іноді саме в розквіті сил, раптом, мов підтята в корінні рослина, — підтята нишком, крадькома, десь у глибині ґрунту, — починає занепадати, в'янути, всихати* (Антоненко-Давидович 1963: 75); *Вікно-стеля*

над ними одчинене, і видно **у глибині** неба синюватий попіл важких дощових хмар (Винниченко 2000: 123); біл. *Бедны Нептун фтрымае такую да ніну, што яму давядзеца ўцякаць у самыя глыбіні Атлантыкі* (У. Караткевич)⁷; рос. *Для спасения находившихся в глубине океана осталось семь часов* (Ефремов 2025). У цьому разі '**у глибині**', біл. '**у глыбіні**', рос. '**в глубине**' позначає вертикальний вимір (↔ **униз**) простору, а елементи на зразок *самий, такий*; біл. *самая, такая*; рос. *самая, такая* є скалярами-конкретизаторами.

В окремих моделях прийменникові одиниці **до глибини, у глибині, у глибину, на глибину до** розширюють синтаксемотвірний статус через активну правобічну валентність, заповнювану одно- або двоелементними конструктами *від, до або від ... до*, де в межах конструкції **на глибину** квантитатив (кількість одиниць) **від** N_{gen} реалізована просторова семантика з наголошенням директива-дименсива щодо локуму обчислення; біл. *на глыбіню ... ад ...*; рос. *на глубину ... от ...: на глубину 10 м метрів від рівня моря, біл. на глыбіню 25 м ад чырвонай лінії; рос. на глубину 45 м от уровня верхнего слоя почвы*, а прийменникові одиниці **на глибину** квантитатив (кількість одиниць) **від** N_{gen} **до** квантитатив (кількість одиниць) N_{gen} — формують просторові синтаксеми з актуалізацією директива-приблизного дименсива з деталізованими нижньою та верхньою межами: *Зондували радіохвилями Місяць в той же час і радіофізики <...>. Їм пощастило його промацати на глибину від 5 сантиметрів до 40 метрів* (Білкун 1978: 35); біл. *Пляцоўка дыяметрам каля 7 м абкружана амаль з усіх бакоў ровам, які ніжэй за яе на глыбіню ад 0,5 да 1,2 м* (Конюшкевич 2010₂: 122).

Істотним є те, що в конструкційних утвореннях на позначення вертикального виміру на зразок **у глибину на** квантитатив (кількість одиниць) N_{gen} , **на глибину до** квантитатив (кількість одиниць) N_{gen} ; біл. *у глыбіню да, на глыбіню да*; рос. *в глубину до, в глубину на* (*Коріння верби проникає у глибину на 2,5 — 3 м, досягає водоносних горизонтів і ніби відкупорює їх, відкриває шлях джерел на поверхню землі* (Вакулук 2000); *Ударні хвилі проникають на глибину до 35 міліметрів та покращують притік крові до уражених ділянок, насичують тканини киснем* (Zachid.net.2017.24.07)) ядерною є просторова семантика з орієнтовним дименсивом із фіксованою нижньою межею та комунікативним відображенням фінальності, а в утвореннях на кшталт **у глибині на** квантитатив (кількість одиниць) N_{gen} ; біл. *у глыбіню да* квантитатив; рос. *в глубину на* квантитатив реалізована просторова семантика з регламентованим дименсивом із визначеною нижньою межею й комунікативною настановою результативності. До цього потрібно додати, що в сучасних корпусах текстів досить невисокою є частотність аналізованих утворень: **у глибину на** –12 (за ГРАК), 0 (за УНЛК),

⁷ Приклад узято із «Нацыянальны корпус беларускай мовы» (Беларускі N-корпус). <<https://bnkorporus.info/>> 10.02.2025.

на глибину до — 300 і 117; у глибині на –7 і 0; біл. у глыбіню да — 8 (БН-к)⁸, на глыбіню да — 4 (БН-к); у глыбіню на– 4 (БН-к); рос. в глубину на– 41 (НКРЯ), в глубину до — 18 (НКРЯ). До того ж їх уживання обмежуване відповідними дискурсивними практиками: науково-технічними, художньо-белетристичними, почасти — публіцистичними.

Аналізовані моделі у своїх функційних виявах охоплюють позначення горизонтально-просторового вектора — директива простору: у глибині острова (саду, долини) → у (самій) глибині острова (саду, долини), у глибині алеї → у (самій) глибині алеї; біл. у глыбіні вострава → у (самай) глыбіні вострава, , у глыбіні алеї → у (самай) глыбіні алеї; рос. в глубине острова → в (самой) глубине острова, , в глубине аллеи → в (самой) глубине аллеи. Намацав каменюку. Вужем за куці. А у глибині острова вже гілки тріщать (Дашвар 2025); Якби ті вуста я взяла на долоню й сховалась десь у глибині саду, то не боялася б поцілувати (Винничук 1992: 142); Десь у глибині саду співав соловей і підспівували йому такі пташині голоси, яких Петро ніколи й не чув (Дара Корній 2024: 47); У глибині долини, там, де закінчувалося полотно залізниці, височів величезний ангар, проте без бокових стін (Владко1975: 102); Раптом у глибині алеї почувлися веселі вигуки (Білий 2014: 98); У глыбіні вострава ўзвышаўся старажытны храм, схаваны ад вачэй марэплаўцаў. (Пракоф'еў1988: 98); У глыбіні алеї стаяла стара лаўка, абсыпаная восеньскім лісцем (Роднае слова, 2020. №12: 47); В глубине острова стоит старая полярная станция (Ефремов 2025: 402); В глубине аллеи горел фонарь, освещающий путь одинокой фигуре (Ефремов 2025: 154). У таких конструкціях субстанційна семантика лексеми 'глибина' зазнає модифікації через набуття статусу підпорядкування, а основним носієм значення постає правобічний лінеарно-контактний постпозитивний валентнозумовлений компонент: острова, континенту, материка, саду; біл. вострава, кантынента, мацярыка; рос. острова, континента, материка. Для просторово-вертикального ж вектора функційно значущим є значення 'відстань вниз від певної верхньої точки до нижчої і/чи найнижчої точки' (↔ перпендикуляр до поверхні), тому правобічну позицію у таких прийменникових одиницях із компонентом 'глибина' займають слова із загальною семантикою 'вертикальної вимірюваності': у глибині води, у глибині землі, у глибині океану; біл. у глыбіні вады, у глыбіні зямлі, у глыбіні акіяна; рос. в глубине воды, в глубине земли, в глубине океана, в яких постпозитивний компонент N_{gen} позначає охоплення вертикальності, а для горизонтального вимірювання — у постпозиції регулярними є іменники, котрим властивий горизонт глибини: у глибині лісу, у глибині церкви, у глибині собору, у глибині села, у глибині міста; біл. у глыбіні лесу, у глыбіні сабора, у глыбіні сяла, у глыбіні горада, рос. в глубине леса, в глубине собора, в глубине села, в глубине города.

⁸ У дослідженні використані скорочення на позначення корпусів: «Нацыянальны корпус беларускай мовы» (Беларускі N-корпус).– БН-к; «Национального корпуса русского языка» — НКРЯ.

Окремо в межах другого словниково засвідченого значення (за СУМ 11-2: 82; пор. також Активный 2014: 598–601; Ефремова 1996; Глумачальны 2022) постають конструкції з лексемою ‘глибина’ із залежним правобічним компонентом — субстантивом ($\text{PrepN}_{\text{loc}}\text{N}_{\text{gen}}$) на позначення об’ємності простору, тобто всередині $\rightarrow$ у межах чого-небудь / у внутрішній частині чого-небудь: *У глибині споруди, серед сферичної зали, вони знайшли багато різних автоматів, приладів, зразків виробів і коробок із плівками та барабанами* (Бердник 1962: 78); *У глибині зали біля заграбованого вікна копошилося чотири потвори, шарпали грати і скавуліли з розпачу* (Винничук 1992: 152); *біл. Сонечнае святло ледзь дасягала калідораў у глыбіні будынка* (Роднае слова, 2020.№12: 27); *Святло паступова змянялася, калі мы заходзілі ў глыбіню залы.* (Новы Час.2021.15.10); *рос. Мы спрятались в глубине дома, чтобы не заметили прохожие* (Сельская жизнь.2018.15.05); *Она села в глубине зала, чтобы лучше видит сцену* (Сельская жизнь.2017.15.05).

Директив-фініш, реалізований в аналітично-прийменниковій одиниці $\text{PrepN}_{\text{ac}}\text{N}_{\text{gen}}$, охоплює семантику: 1) власне-простору ($\rightarrow$ напрямом руху в реальному тривимірному просторі): *у глибину острова $\rightarrow$ у (саму) глибину острова, , у глибину земель $\rightarrow$ у (саму) глибину земель*; *біл. у глыбіню зямель $\rightarrow$ у (самую) глыбіню зямель, у глыбіню лесу $\rightarrow$, у (самую) глыбіню лесу*; *рос. в глубину острова $\rightarrow$ в (самую) глубину острова, в глубину земель $\rightarrow$ в (самую) глубину земель*, пор.: *А старшина Шкворінь тим часом доповів комбригу, що від кам’яниці, де засіли гітлерівці, тягнеться широка просіка у глибину лісу* (Доломан 1989: 98); *Казакі йшли паперадзе і пры першым залпе кінуліся назад, пяхота ж вагалася, ці ісці у глыбіню лесу* (Тарасаў 2025); *Климов прекратил бег на месте, повернулся и пошел. Кошка подумала и тоже пошла в глубину леса* (Токарева 1997: 104); 2) абстрактного (метафоричного) простору, що відбувається через семантичне розширення просторової конструкції на часову площину: *у глибину віків, у глибину історії $\rightarrow$ у (саму) глибину віків, у (саму) глибину історії*; *біл. у глыбіню вяков, у глыбіню гісторыі $\rightarrow$ у (самую) глыбіню вяков, у (самую) глыбіню гісторыі*; *рос. в глубину веков, в глубину истории $\rightarrow$ в (самую) глубину веков, в глубину (самую) истории*: *Не спав тільки пан Каправка, останній романтик борні і за сумісництвом отаман козацької сотні адмін одиниці «Козацька Корчма» Східного району Північно-Західного регіону, сидючи самотньо на веранді Духовного центру «Інтернет-кафе «Корчма», та вдивляючись у глибину віків і просторів, що спочивали під хисткою габою весняної ночі* (Тарасюк 2008: 96); *Народная мудрасць, назапашаная ў глыбіні вякоў, жыве ў прыказках і прымаўка*. (Новы Час.2021.18.10); *История этого поселения уходит в глубину веков — ещё в эпоху бронзы* (Смена.2023.№1904); 3) психолого-ментального простору: *у глибину душі $\rightarrow$ у (саму) глибину душі, у глибину розуму $\rightarrow$ у (саму) глибину розуму, у глибину совісті $\rightarrow$ у (саму) глибину совісті*; *біл. у глыбіню душы $\rightarrow$ у (самую) глыбіню душы, у глыбіню розуму $\rightarrow$ у (самую) глыбіню розуму,*

у глыбіню сумлення → *у (самую) глыбіню сумлення*; рос. *в глубину души* → *в (самую) глубину души, в глубину разума* → *в (самую) глубину разума, в глубину совести* → *в (самую) глубину совести*; Мені здається, що заглядає (Валя — А. З.) *у глибину душі, де припишкля і сидить моя брехня* (Талан 2013: 102); *Не ведаю, ці ўматаўся ў глыбіню маёй душы забайца, але знаю, што я быў ахвярою без віны, а не забойцам* (Ц. Тадараў)⁹; *Какая-то иголка в самой глубине души покалывала председателя* (Булгаков 1989: 98).

Очевидно, і третє словникове значення вимагає конкретизації з вирізненням окремих відтінків: а) протяжності від передньої і/чи зовнішньої частини всередину до граничної і/чи до певної точки; б) одного з компонентів тривимірного простору, що створює об'ємність, перспективу (малярство, скульптура, архітектура і т. ін.) та в) простору без констатованої межі (*Бакалійна крамниця у глибині сцени, але трохи ліворуч, недалеко від лаштунків* (Йонеско 2025) — протяжність (дименсив-локатив)); *Дві лінії похилених кінських ший у глибині картини не видалися йому зараз монотонними і не збіднювали картини* (Україна молода.2019.12.04) — перспектива (дименсив-локатив) ↔ перцептивна глибина); (*Селянський син — і раптом такі потреби, заміри! — здвигнув Попов плечима. — Покликання. — Хто знає де, у глибині провінції, де безкультур'я, дикість, суцільне нещастя?.. — Мій дід читати вміє. Та й батько вміє* (Шевчук 2019: 212) — простір без межі (дименсив-локатив)); біл. *Увесь час спектакля хор знаходзіўся ў глыбіні сцэны, выконваючы сваю партыю* (Новы Час.2021.18.10); *Мастак выкарыстаў цёмныя колеры, каб падкрэсліць у глыбіні карціны таямнічы лес* (Роднае слова, 2020.№12: 54); *Впечатляли несколько фрагментов картины в глубине сцены* (Комсомольская правда.2007.12.04); *Ён доўга ўзіраўся ў глыбіню лесу, спрабуючы разглядзець, што там знаходзіцца* (Новы Час.2021.28.10); рос. *Актёры вышли на авансцену, оставив танцоров в глубине сцены* (Смена.2023.№1904); *В губине статуи виднелись несколько неровных линий* (Известия.2012.11.07); *Городок в глубине провинции* (Известия.2009.11.07).

На окрему увагу заслуговують аналітичні прийменникові одиниці з лексемою 'глибина', де кінцевим правобічним елементом є немотивований або мотивований прийменник із простоворою семантикою: *у глибині від, у глибині ліворуч, у глибині праворуч* (семантика локатива), біл. *у глыбіні ад, у глыбіні злева, у глыбіні справа*; рос. *в глубине от, в глубине слева, в глубине справа*: *У глибині від* алеї нещодавно реставрували маленький сторожовий будиночок (Україна молода.2017.12.10); біл. *У глыбіні ад вулицы знаходзіўся галоўны драўляны жылы дом на падмурку, з ганкам на слупах* (З інтернету)¹⁰; рос. *В глубине от забора сделали новенькую качель* (Комсомольская правда.2021.15.05).

⁹ Приклад узятो із Беларускі N-корпус. <<https://bnkorporus.info/>> 10.02.2025.

¹⁰ Приклад зі словника білоруських прийменників (Канюшкевіч 2008-1: 167).

Продуктивною є група прийменникових одиниць із лексемою ‘глибина’, в яких активно вживаються маркери на позначення вимірюваності горизонтального і/чи вертикального векторів кількості відповідних одиниць: *у глибину до кількох одиниць* Ngen і/чи *кількість одиниць у глибину/у глибині*, біл. *у глыбіню да колькіх адзінак і/чи колькі адзінак у глыбіню/у глыбіні*; рос. *в глубину до нескольких единиц і/чи количество единиц в глубину/в глубине*: *Занурення нового апарата у глибину до 25 метрів може спричинити зміну тиску в його запасних балонах* (Наука і суспільство.2017.5/6); *Недалеко від берега у морі 20 метрів у глибину* знайшли затонулий під час Другої світової війни саморобний човен (Україна молода.2011.12); біл. *Зараз гаворка вядзеца пра некалькі дзясяткаў кіламетраў уздоўж мяжы і двесце метраў у глыбіню польскай тэрыторыі. У некаторых месцах яна будзе заходзіць у глыбіню да двух кіламетраў прастора, што звязана з прысутнасцю кантрабандыстаў, якія дзейнічаюць пераважна ў лясных масівах* (Польскі 2025); *Цікава робіць запасы на зіму хамяк. Яго сховішча — падземная кватэра са шматлікімі камерамі і хадамі, якія ідуць у глыбіню да 3 м* (Курскоў 1987: 163); *Геаграфічныя памеры яго [поля бою] 8×9 кіламетраў, але плошча, якая падыходзіла для бітвы, складала 4 кіламетры на фронту і 5 у глыбіню* (Тарасаў 1990: 101); рос. *Прямые и чрезвычайно длинные корни проникают в глубину до 20 метров, что и позволяет метельнику безбедно жить в пустыне* (Сокальский 2006); *Он доведет нас до кромки Барьерного рифа, где его отвесная стена уходит в глубину до трех тысяч метров* (Жемайтис 1977); *Сейчас пройдено 85 метров в глубину завала — ход идет по руслу паводкового ручья* (Серафимов 2025).

Подібне можна спостерігати і в прийменникових одиницях, де ініціальну позицію заступає первинний прийменник *на* → *на глибину до* кількох одиниць, біл. *на глыбіню* колькі адзінак / *на* *якой глыбіні* кількіх адзінак / *на* *якой глыбіні* / *на глыбіні*; рос. *на глубину до* *нескольких единиц* / *на какой глубине* *нескольких единиц*: *В добре підготовлений ґрунт з міжряддям 30 см на глибину до 1 см висівають тільки-но зібране насіння* (Гордієнко 2005: 97); біл. *Новыя платформы могуць бурыць свідравіны на глыбіню да 6000 метраў у 200 метрах вады* (Беларуская 2003: 217); рос. *Это были десятки пробуренных на глубину до сотни метров соляных колодцев и десятки изготовленных из огромных дубовых стволов рассолоподъемных труб, из которых сотнями и тысячами бадей поднимали на поверхность десятки тысяч литров рассола* (Бару 2015: 98). Стрижневим компонентом семантики таких похідних утворень є ‘просторова локалізація дії з кількісним уточненням’, а їх моделі в аналізованих мовах є варіативними та вимагають спеціального дослідження.

3. Розгляд прийменникових утворень із компонентом ‘глибина’ вимагає також охоплення тих одиниць, де він є стрижневим у формі ‘глибиною’, структуруючи лінійний ряд валентнозумовлених правобічних лексем

на зразок *глибиною від* (84 — ГРАК), *глибиною до* (368 — ГРАК), *глибиною більше ніж* (3 — ГРАК), *глибиною менше ніж* (4 — ГРАК), *глибиною понад* (94 — ГРАК), *глибиною близько* (180 — ГРАК), *глибиною не менше ніж на* (94 — ГРАК): біл. *глыбінёй ад* (4 — БНК), *глыбінёй ад... да* (2 — БНК), *глыбінёй амаль* (6 — БНК), *глыбінёй болей за* (1 — БНК), *глыбінёй болей чым* (0 — БНК), *глыбінёй болей чым на* (1 — БНК), *глыбінёй болей як* (2 — БНК), *глыбінёй болей як на* (3 — БНК), *глыбінёй больш за* (5 — БНК), *глыбінёй больш чым* (1 — БНК), *глыбінёй больш чым на* (0 — БНК), *глыбінёй больш як* (1 — БНК); рос. *глубиной от* (194 — НКРЯ), *глубиной от... до* (14 — НКРЯ), *глубиной больше* (214 — НКРЯ), *глубиной больше за* (11 — НКРЯ), *глубиной более чем* (9 — НКРЯ), *глубиной более чем на* (4 — НКРЯ), *глубиной более как* (1 — НКРЯ), *глубиной более как на* (5 — НКРЯ), *глубиной больше за* (17 — НКРЯ), *глубиной больше чем* (18 — НКРЯ), *глубиной больше чем на* (9 — НКРЯ), *глубиной больше как* (4 — НКРЯ). Такі й подібні аналітичні похідні в сучасних українській, білоруській та російській мовах все активніше використовуються для конкретизування тих чи тих просторових вимірів, встановлення відповідної кількості одиниць параметрів, які в межах відповідної ситуації постають актуалізованими різною мірою. Аналіз доступних на сьогодні реєстрів прийменників та їх аналогів свідчить, що їх кількість у досліджуваних мовах є відносно співмірною: в українській — 38, білоруській — 49, в російській — 52¹¹. Розгляд такого зразка похідних прийменникових одиниць вимагає врахування прескрипцій, оскільки досить часто окремі з них є відхиленнями від усталених кодифікацій і належать до узусних дискурсивних практик. Студійовані прийменникові утворення своїм складом, особливостями структурування сигналізують про усталення у вживанні в різних жанрах науково-технічного стилю, звідки вони поступово збагачують дискурс сучасних медіа. Перспективним постає спостереження співвідносності і/чи неспіввідносності прийменникових одиниць із лексемою 'глибина' в різносистемних мовах, що дасть змогу встановити універсальність їх семантики в різних моделях, з одного боку, та національно-мовну специфіку, з другого.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

- Авраменко Олег, Авраменко Валентин. *Зорі в твоїх долонях. Жменя вічності*. Київ: Джерела, 2004.
- Акунин Борис. *Дорога в Китеж*. Москва: Ключевин Александр, 2021.
- Антоненко-Давидович Борис. *За ширмою*. Київ: Радянський письменник, 1963.
- Антоненко-Давидович Борис. *Твори*. В 2 т. Т. 1: Оповідання. Повісті. Літературний репортаж. Київ: Дніпро, 1991.
- Багрянний Іван. *Людина біжить над прірвою*. Київ: Український письменник, 1992.
- Бару Михаил Б. «Второй сон Любови Александровны». *Волга*. 11–12 (2015) <<https://magazines.gorky.media/volga/2015/11/vtoroj-son-lyubovi-aleksandrovny.html>> 15.02.2025.

¹¹ Істотним є те, що, за словником Ч. Ляхура, у польській мові їх не зафіксовано (Lachur 2019–2022)

- Беларуская энцыклапедыя. Т. 16. Мінск: «Беларуская энцыклапедыя», 2003. <https://knihi.com/none/Bielaruskaja_encyklapiedyja_djvu.zip.html#Bielaruskaja_encyklapiedyja.16.djvu> 15.02.2025.
- Беларускі N-корпус. <<https://bnkorporus.info/>> 10.02.2025.
- Бердник Олесь. *Марсіанські «зайці»*. Київ: Держвидав дитячої літератури, 1962.
- Білий Дмитро. *Басаврюк ХХ*. Київ: Наш формат, 2014.
- Білкун Микола. «Срібляста рибка для тестя». *Знання та праця* 9 (1978): 22–28.
- Бойко Леонід. «Передмова». Бузько Д. *Чайка*. Київ: Дніпро, 1991: 3–41.
- Булгаков Михаил. *Мастер и Маргарита*. Москва: Высшая школа, 1989.
- Вакулук Павло. *Оповіді про дерева*. Київ: Урожай, 1991. <https://chtyvo.org.ua/authors/Vakuliuk_Pavlo_Havrylovych/Opovidy_pro_dereva/> 10.03.2025.
- Винниченко Володимир. *Сонячна машина*. Київ: Студія «Негоціант», 2000. <<https://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=419>> 10.03.2025.
- Винничук Юрій. *Ласкаво просимо в Щуроград*. Львів, 1992. <<https://chtyvo.org.ua/authors/Vynnychuk/>> 10.02.2025.
- Волос Андрей. *Недвижимость*. Москва: Вагриус, 2001.
- Владко Вадим. *Аргонавти Всесвіту*. Київ: Веселка. 1975.
- Генеральний регіонально анотований корпус української мови — ГРАК (<<https://uacorporus.org/>> 15.02.2025.
- Гордієнко М. І., Гузь М. М., Дебринюк Ю. М., Маурер В. М. *Лісові культури*. Львів: Камула, 2005. <https://shron1.chtyvo.org.ua/Hordienko_Mykhailo_Ivanovych/Lisovi_kultury.pdf> 15.02.2025.
- Дашвар Люко. *Рай. центр*. <<https://readli.net/chitat-online/?b=216026&pg=1>> 10.03.2025.
- Доломан Євген. *Вибрані твори*. Київ: Довіра, 1989.
- Ефремов Иван А. *Атолл Факаофо (fb2)*. <<http://flibusta.site/b/135873/read>> 10.03.2025.
- Жемайтис С. *Большая лагуна*. Москва: Детская литература, 1977.
- Йонеско Ежен. *Голомоза співачка*: [переклад з франц. В. Діброва]. <<https://www.ukrlib.com.ua/world/author.php?id=96>> 10.02.2025.
- Корній, Дара. *Щоденник Мавки*. Харків: Видавництво «Клуб сімейного дозвілля», 2024.
- Курскоў Аляксандар. *Таямніцы беларускага леса*. Мінск: Народная асвета, 1987. <<https://knihi-online.com/tajamnicy-bielaruskaha-lesu-kurskou.html?page=19>> 15.02.2025.
- Ленік Олег. [перекл. тв.: Івашкевич Я. Білек]. <https://shron1.chtyvo.org.ua/Iwaszkiewicz_Jaroslav/Bilek.pdf?PHPSESSID=1e930nu050fqlhdetu8nl910e7> 10.02.2025.
- Наука і суспільство: журнал* 5/6 (2017). <<https://znannya.org.ua/index.php/povni-versiji-zhurnal/2652-nauka-i-suspilstvo-05-06-2017-r>> 10.02.2025.
- Новы Час: газета*. <<https://novychas.online>> 15.02.2025.
- Национальный корпус русского языка. <<https://ruscorpora.ru>> 10.02.2025.
- Опільський Юрій. *Твори*. В 4 т. Львів: Каменярь, 1994. Т. 1: [упоряд. і вступ. ст. М. Ільницького].
- Перець: [журнал]* 6 (1955). <https://www.perets.org.ua/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%86%D1%8C/> 15.02.2025.
- Польські уряд ухвалив створення буферної зони на межі з Біларуссю. BelSat. 2024.11.06. <<https://belsat.eu/81209670/polski-urad-uhvaliu-stvarenne-bufernaj-zony-na-myazhy-z-belarusyju>> 15.02.2025.
- Пракоф'єў, Аляксандар А. *Прызнанне ў любові : вершы* : [пераклад з рускай мовы; прадмова П. Панчанкі]. Мінск: Навука і тэхніка, 1988.
- Роднае слова: часопіс*. 12 (2020). <<https://rod-slova.by/arhi-numaro-2020>> 15.02.2025.
- Рутківський Володимир. *Джури козака Швайки*. Київ: А-ба-ба-га-ла-ма-га, 2007. <<https://osvita.ua/school/literature/r/74142/list-23.html>> 15.02.2025.
- Сельская жизнь: газета*. <<https://sgazeta.ru>> 20.03.2025.
- Серфимов К. *Экспедиция во Мрак (Повесть о спелеологии и спелеологах) (1978–1996)*. <<https://soumgan.com/works/descriptions/expedition-mrak.htm>> 15.02.2025.
- Скрыган Ян. *Падарожжа ў Сібір*. <https://knihi.com/Jan_Skryhan/Padarozza_u_Sibir.html> 15.02.2025.

- Сокольский И. «Что есть что в мире библейских растений». *Наука и жизнь* 5 (2006): 178–187.
- Талан Світлана. *Чи не вовкулаки*. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2013.
- Тарасаў Кастусь. *Памяць пра легенды*. Мінск: Полымя, 1990. <<https://knihi-online.com/ratias-gra-liehiendy-kastus-tarasau.html?page=75>> 15.02.2025.
- Тарасюк Галина. *Цінь-Хуань-Гонь, або Великий Парламент*. Біла Церква: Буква, 2008.
- Токарева В. *Кошка на дороге*. Москва: ЭКСМО, 1997. <<http://surl.li/gwvdxh>> 15.02.2025.
- Ударно-хвильова терапія: новий метод подолання болю та «чоловічих проблем»*. Zachid.net. 2017.24.07. <<https://zaxid.net/news/>> 15.02.2025.
- Україна молода* : [газета]. 2011–2019. <<https://umoloda.kyiv.ua/>> 15.02.2025.
- Український національний лінгвістичний корпус* (Український мовно-інформаційний фонд НАН України) <https://svc.ulif.org.ua/UNLC/virt_unlc_4.5/> 15.02.2025.
- Фокус*: [журнал]. 4 (2023). <<http://surl.li/jegpkv>> 15.02.2025.
- Франко Іван Я. *Зібрання творів у 50-и томах*. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1976.
- Харчук Борис. *Твори*. В 4 т. Т. 1. Київ: Дніпро, 1991.
- Шевчук Василь. *Син волі*. Київ: Центр навчальної літератури, 2019.
- Шкляр Василь. *Ностальгія*. Харків: Клуб Сімейного Дозвілля, 2014.
- COSMAS corpora <<https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>> 15.02.2025.
- Word Reference.com Language Forums <<http://surl.li/oeqpj>> 15.02.2025.

ЛІТЕРАТУРА

- Активный словарь современного русского языка*. Первый выпуск / Валентина Ю. Апресян, Юрий Д. Апресян, Елизавета Э. Бабаева, Ольга Ю. Богуславская, Ирина В. Галактионова, Марина Я. Гловинская, Борис Л. Иомдин, Татьяна В. Крылова, Ирина Б. Левонтина, Алексей А. Лопухина, Анна В. Птенцова, Андрей В. Санников, Елена В. Урысон; Отв. ред. Юрий Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. <[http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(615\)blok%20Apresyan-2.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(615)blok%20Apresyan-2.pdf)> 15.02.2025.
- Вихованець Іван. *Прийменникова система української мови*. Київ: Наукова думка, 1984.
- Всеволодова Майя. В. «Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики». Конюшкевич Мария (отв.) *Вопросы функциональной грамматики*. Гродно: Издательство Гродненского университета 4 (2002): 14–25.
- Всеволодова Майя. «Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 1. Фрагмент системы — немотивированные (первообразные) предлоги». *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 5 (2012a): 30–78.
- Всеволодова Майя. «Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2: Фрагмент системы — мотивированные (вторичные) предлоги». *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 6 (2012b): 9–51.
- Всеволодова Майя, Виноградова Екатерина, Чаплыгина Татьяна. *Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления*. Кн. 2: *Регистр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика)*. Москва: УРСС, 2018.
- Даль Владимир И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва: Русский язык, 1989.
- Ефремова Татьяна Ф. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1996. 637 с. <<https://lexicography.online/explanatory/efremova/>> 10.02.2025.
- Загнітко Анатолій, Данилюк Ілля, Ситар Ганна, Щукіна Інна. *Словник українських прийменників*. Донецьк: ТОВ ВКФ „БАО”, 2007. 416 с.
- Загнітко Анатолій. «Прийменниково-просторова семантика в сучасних інтерпретаціях: граматичний і лексикографічний виміри». *Збірник Майїще срісїйке за слависїйку* 100 (2021): 169–187.

- Канюшкевич Марья. *Беларускія прыназоўнікі і іх аналогі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка*: [У 3 ч.]. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт Ім'я Янкі Купалі), 2008–2010.
- Канюшкевич Мария. И. «Наше знание и незнание о предлоге». *Русский язык и литература* 11 (2003): 75–83.
- Канюшкевич Мария. «Релятивный потенциал имени». *Лінгвістичні студії* 16 (2008): 60–66.
- Курилович Ежи. *Очерки по лингвистике*. Биробиджан: Тривиум, 2000.
- Кучеренко Ілля. *Теоретичні питання граматики української мови: морфологія*. Вид. 2-ге, уточ. й доповн. Вінниця: Поділля-2000, 2003.
- Мещанинов Иван И. *Члены предложения и части речи*. Ленинград: Наука, 1978.
- Ожегов Сергей И., Шведова Наталия Ю. *Толковый словарь русского языка*. <<https://cyberlan.com.ua/wp-content/uploads/2015/07/Tolkovij-slovarj-russkogo-yazika.pdf>> 15.02.2025.
- Павловский Иван Я. *Немецко-русский словарь*. Издание 3, исправленное и значительно дополненное. Рига: Издание Н. Киммеля, 1888.
- Пипер Предраг. «О простору у српској језичкој слици света». *Slavistična revija* 62/3 (2014): 275–294.
- Потебня Александр А. *Из записок по русской грамматике*. В 4 т. Москва: Просвещение, 1985. Т. 4, вып. 1: Существительное. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог.
- Русанівський Віталій М. «Поняття семантичного і стилістичного інваріанта». *Мовознавство* 3 (1981): 9–20.
- Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или, Этимологический лексикон русского языка*. Т. 2: П–В [сост. Филиппом Рейфомъ]. Санкт-Петербургъ 1836. (Harvard College Library). <https://books.google.com.ua/books?id=nxMtAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false> 10.03.2025.
- Словник української мови*: В 11 т. Київ: Наукова думка, 1970–1980. <<https://sum.in.ua/s/poruch>> 10.03.2025.
- Словник української мови*: В 20 т. Т. 1–15. Київ: Наукова думка; Український мовно-інформаційний фонд НАН України, 2012–2024.
- Слоўнік беларускай мовы* <<https://slounik.org/search?dict=sbm&search=%D0%B4%D0%BB%D1%8F>> 10.03.2025.
- Степаненко Микола. «Семантична диференціація просторових прийменників». *Мовознавство* 3 (2015): 63–73.
- Степанов Юрий С. «Проблема классификации падежей». *Вопросы языкознания* 6 (1968): 36–48. <<https://i.twirpx.link/file/2051518/>> 20.02.2025.
- Тлумачальны слоўнік беларускай мовы (вялікі)*. <<https://slounik.org/tsbm/l31>> <<https://verbum.by/?q=%D0%B3%D0%BB%D1%8B%D0%B1%D1%96%D0%BD%D1%8F>> 15.02.2025.
- Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*: больш за 65000 слоў. У 2 т. / уклад.: Іван Л. Капылюў [і інш.]; пад рэд. Івана Л. Капылова. Мінск: Беларусь, 2022. Т. 1. А–Н. Т. 2. Н–Я.
- Шуба Павел. *Тлумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў*. Менск: Народная асвета, 1993. <<https://slounik.org/prynaz/>> 15.02.2025.
- Щерба Лев В. «О частях речи в русском языке». Языковая система и речевая деятельность: [под ред. Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевича]. Москва: Наука, 1974: 77–100.
- Anders Åslund. «Am Abgrund», *Die ukrainische Wirtschaft in der Finanzkrise Osteuropens* 2–4 (2010): 195–215.
- Briskina Elena. *Topikalisierung von attributiven Präpositionalphrasen im Deutschen: eine korpusgestützte Analyse von Gebrauchstendenzen in der modernen Standardsprache*: [Dissertation]. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, 2011. <<http://edoc.hu-berlin.de/dissertationen/briskina-elena-2010-02-12/PDF/briskina.pdf>> 15.02.2025.
- Dinsel Sabina. *Präpositionen*. Ismaning: Hueber, 2006.
- Jakendoff Rei, Landau Idan. «Spatial Language and Spatial Cognition». *Bridges between Psychology and Linguistics. A Swarthmore Festschrift for Lila Gleitman* / ed. by D. Napoli.

- New Jersey: Hellsdole, 1991: 145–169. <<https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9780203772386/bridges-psychology-linguistics-donna-jo-napoli-judy-anne-kegl-judy-kegl>> 15.02.2025.
- Klikovac Duška. *Semantika predloga: studia iz kognitivne lingvistike*. Drugo izd. Beograd: Filološki fakultet, 2006.
- Lachur Czesław. *Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym : [materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim)]*. T. 1: a conto — oprócz; T. 2: pamięci — kleszczach; T. 3: w klemacie — zwyczajem; T. 4: nfr zwane przyimki parametryne. Suplement do tomów. Opole, Kępa: Wydawnictwo NOWIK Sp.j., 2019–2022.
- Schweizer Herbert. «Sprache und Raum». *Psychologische und linguistische Aspekte der Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit*. Stuttgart: Metzler, 1985: 18–43.
- Talmy Leonard. «How Language Structures Space». *Spatial Orientation. Theory, Research and Application*. New-York — London: Plenum Press, 1983: 225–281.
- Viehweger Dieter, and Kollektiv. *Probleme der semantischen Analyse*. Berlin (=Studia Grammatika XV), 1977.
- Wörterbuch der Präpositionen <<https://surl.li/ajcmph>> 15.02.2025.

REFERENCES

- Aktivnyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. Pervyj vypusk / Valentina Yu. Apresyan, Yurij D. Apresyan, Elizaveta E. Babaeva, Ol'ga Yu. Boguslavskaya, Irina V. Galaktionova, Marina Ya. Glovinskaya, Boris L. Iomdin, Tat'yana V. Krylova, Irina B. Levontina, Aleksej A. Lopuhina, Anna V. Ptencova, Andrej V. Sannikov, Elena V. Uryson; Otv. red. Yurij D. Apresyan. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2014. T. 2. <[http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/\(615\)blok%20Apresyan-2.pdf](http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(615)blok%20Apresyan-2.pdf)> 15.02.2025.
- Anders Åslund. «Am Abgrund». *Die ukrainische Wirtschaft in der Finanzkrise Osteuropen 2–4* (2010): 195–215.
- Briskina Elena. *Topikalisierung von attributiven Präpositionalphrasen im Deutschen: eine korpusgestützte Analyse von Gebrauchstendenzen in der modernen Standardsprache*: [Dissertation]. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, 2011. <<http://edoc.hu-berlin.de/dissertationen/briskina-elena-2010-02-12/PDF/briskina.pdf>> 15.02.2025.
- Dal' Vladimir I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. V 4 t. Moskva: Russkij yazyk, 1989.
- Dinsel Sabina. *Präpositionen. Ismaning*: Hueber, 2006.
- Efremova Tat'yana F. *Slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Russkij yazyk, 1996. 637 s. <<https://lexicography.online/explanatory/efremova/>> 10.02.2025.
- Jakendoff Rei, Landau Idan. «Spatial Language and Spatial Cognition». *Bridges between Psychology and Linguistics. A Swarthmore Festschrift for Lila Gleitman*/ed. by D. Napoli. New Jersey: Hellsdole, 1991: 145–169. <<https://www.taylorfrancis.com/books/edit/10.4324/9780203772386/bridges-psychology-linguistics-donna-jo-napoli-judy-anne-kegl-judy-kegl>> 15.02.2025.
- Kanyushkevich Maryya. *Belaruskiya prynazoŭniki i ih analagi. Gramatyka real'naga ŷhyvannya. Materyjaly da sloŭnika*: [U 3 ch.]. Grodna: Grodzenski dzyaržaŭny universitet Im'ya Yanki Kupali), 2008–2010.
- Klikovac Duška. *Semantika predloga: studia iz kognitivne lingvistike*. Drugo izd. Beograd: Filološki fakultet, 2006.
- Konyushkevich Mariya. I. «Nashe znanie i neznanie o predloge». *Russkij yazyk i literatura* 11 (2003): 75–83.
- Konyushkevich Mariya. «Relyativnyj potencial imeni». *Lingvistichni studii* 16 (2008): 60–66.
- Kurilovich Ezhi. *Ocherki po lingvistike*. Birobidzhan: Trivium, 2000.
- Kucherenko Ilyia. *Teoretichni pitannya gramatyki ukrains'koj movi: morfologiya*. Vid. 2-ge, utoch. j dopovn. Vinnicya: Podillya-2000, 2003.
- Lachur Czesław. *Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym : [materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim)]*. T. 1: a conto — oprócz; T. 2:

- pamięci — kleszczach; T. 3: w klemacie — zwyczajem; T. 4: nfr zwane przyimki parametryne. Suplement do tomów. Opole, Kępa: Wydawnictwo NOWIK Sp.j., 2019–2022.
- Meshchaninov Ivan I. *Chleny predlozheniya i chasti rechi*. Leningrad: Nauka, 1978.
- Ozhegov Sergej I., Shvedova Nataliya Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. <<https://cyberlan.com.ua/wp-content/uploads/2015/07/Tolkovij-slovarj-russkogo-yazyka.pdf>> 15.02.2025
- Pavlovskij Ivan Ya. *Nemecko-russkij slovar'*. Izdanie 3, ispravlennoe i znachitel'no dopolnennoe. Riga: Izdanie N. Kimmelya, 1888.
- Piper Predrag. «O prostoru u srpskoj jezichkoj slici sveta». *Slavistična revija* 62/3 (2014): 275–294.
- Potebnya Aleksandr A. *Iz zapisok po russkoj grammatike*. V 4 t. Moskva: Prosveshchenie, 1985. T. 4, vyp. 1 : Sushchestvitel'noe. Prilagatel'noe. CHislitel'noe. Mestoimenie. CHlen. Soyuz. Predlog.
- Rusanivs'kij Vitalij M. «Ponyattya semantichnogo i stilistichnogo invarianta». *Movoznavstvo* 3 (1981): 9–20.
- Russko-francuzskij slovar', v kotorom russkiya slova raspolzozheny po proiskhozhdeniyu, ili, Etimologicheskij leksikon russkago yazyka*. T. 2: P-V [sost. Filippom Rejfom]. Sankt-Peterburg: 1836. (Harvard Collece Library). <https://books.google.com.ua/books?id=nxMtAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false> 10.03.2025.
- Shcherba Lev V. «O chastyah rechi v russkom yazyke». *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* (pod red. L. R. Zindera, M. I. Matusевичa). Moskva: Nauka, 1974: 77–100.
- Schweizer Herbert. «Sprache und Raum». *Psychologische und linguistische Aspekte der Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit*. Stuttgart: Metzler, 1985: 18–43.
- Shuba Pavel. *Thumachal'ny složnik belaruskich prynazožnykaž*. Minsk: Narodnaya asveta, 1993. <<https://slounik.org/prynaz/>> 15.02.2025.
- Slovník ukraíns'koj movi*. V 11 t. Kiiv: Naukova dumka, 1970–1980. <<https://sum.in.ua/s/oruch>> 10.03.2025.
- Slovník ukraíns'koj movi*. V 20 t. T. 1–15. Kiiv: Naukova dumka; Ukraíns'kij movno-informacijnij fond NAN Ukraíni, 2012–2024.
- Složnyj belaruskaj movy* <<https://slounik.org/search?dict=sbm&search=%D0%B4%D0%BB%D1%8F>> 10.03.2025.
- Stepanenko Mikola. «Semantichna diferenciaciya prostorovih prijmennikov». *Movoznavstvo* 3 (2015): 63–73.
- Stepanov Yurij S. «Problema klassifikacii padezhej». *Voprosy yazykoznaniya* 6 (1968): 36–48. <<https://i.twirpx.link/file/2051518/>> 20.02.2025.
- Talmy Leonard. «How Language Structures Space». *Spatial Orientation. Theory, Research and Application*. New-York — London: Plenum Press, 1983: 225–281.
- Thumachal'ny složnik belaruskaj movi (vyaliki)*. <<https://slounik.org/tsbm/l31>> <<https://verbum.by/?q=%D0%B3%D0%BB%D1%8B%D0%B1%D1%96%D0%BD%D1%8F>> 15.02.2025.
- Thumachal'ny složnik belaruskaj litaraturnaj movy: bol'sh za 65000 slož*. U 2 t. / uklad.: Ivan L. Kapylož [i insh.]; pad red. Ivana L. Kapylova. Minsk: Belarus', 2022. T. 1. A–N. T. 2. N–YA.
- Viehweger Dieter, und Kollektiv. *Probleme der semantischen Analyse*. Berlin (= Studia Grammatika XV), 1977.
- Vihovanec' Ivan. *Prijmennikova sistema ukraíns'koj movi*. Kiiv: Naukova dumka, 1984.
- Vsevolodova Majja. V. «Predlog kak grammaticheskaya kategoriya: problemy definicii, tipologiya, morfologicheskie i sintaksicheskie harakteristiki». Konyushkevich Mariya (otv.) *Voprosy funkcional'noj grammatiki* 4 (2002): 14–25.
- Vsevolodova Majja. «Sistema morfosintaksicheskikh tipov russkich predlogov. Stat'ya 1. Fragment sistemy — nemotivirovannye (pervoobraznye) predlogi». *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9. Filologiya 5 (2012a): 30–78.
- Vsevolodova Majja. «Sistema morfosintaksicheskikh tipov russkich predlogov. Stat'ya 2: Fragment sistemy — motivirovannye (vtorichnye) predlogi». *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9. Filologiya 6 (2012b): 9–51.
- Vsevolodova Majja, Vinogradova Ekaterina, Chaplygina Tat'yana. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funkcional'no-grammaticheskomu opisaniju real'nogo*

- upotrebleniya*. Kn. 2: Reestr russkih predlozhnyh edinic: A–V (ob»ektivnaya grammatika). Moskva: URSS, 2018.
- Wörterbuch der Präpositionen <<https://surl.li/ajcmph>> 15.02.2025.
- Zagnitko Anatolij, Danilyuk Illya, Sitar Ganna, Shchukina Inna. *Slovník ukraíns'kih prijmennikiv*. Donec'k: TOV VKF „BAO”, 2007. 416 s.
- Zagnitko Anatolij. “Prijmennikovo-prostorova semantika v suchasnih interpretacijah: gramatichnij i leksikografichnij vimiri”. *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 100 (2021): 169–187.

Анатолиј Захнитко

ПРЕДЛОШКЕ КОНСТРУКЦИЈЕ СА КОМПОНЕНТОМ „ДУБИНА“: СТАТИЧНОСТ И ДИНАМИЧНОСТ У ЈЕЗИЦИМА ЈЕДНОГ СИСТЕМА

Аутор истражује предлошке конструкције са компонентом „дубина“ с ослонцем на значење лексема дубина у савременом граматичком систему језика из исте групе и одређује функционалне законе — хоризонталне, вертикалне и инвертно оријентисане — настанка предлошких изведеница у којима лексема дубина у различитој мери губи функције именице.

У раду се анализирају предлошке конструкције са компонентом „дубина“ у савременом украјинском, белоруском, руском и пољском језику на грађи корпуса из речника предлога и предлошких конструкција на сва четири језика. Сprovedена анализа је омогућила да се установи шта је заједничко, а шта различито у концептуализацији предлога-директива одређених према финишу, реципијенту или оријентиру, као и предлога-димензива типа локатива, карактеризатора, квалификатора, градуелних димензива и сл., као и специфичности синтезе различитих сема у оквиру одређених предлошких деривата.

Кључне речи: језици једног система, предлошке конструкције, директив-финиш, директив-реципијенс, директив-оријентир, димензив-локатив, димензив-карактеризатор, димензив-квалификатор, димензив-градуелног типа.

Борис Норман
Независимый исследователь
boris.norman@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Boris Norman
Independent researcher
boris.norman@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

«ТАК МОЖНО СКАЗАТЬ, НО ТАК НЕ ГОВОРЯТ»
(О СЕЛЕКТИВНОЙ ФУНКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ)

«YOU CAN SAY THAT, BUT NO ONE SAYS THAT»
(ABOUT SELECTIVE FUNCTION OF GRAMMATICAL FORMS)

Языковая система обладает большим запасом возможностей выражения значений, который используется лишь частично. Это обнаруживается, в частности, при сопоставлении славянских языков и касается категорий числа, рода, безличности и др. Но наибольший интерес представляют ситуации, когда те или иные морфологические «запреты» (фильтры) связаны со спецификой лексического значения. Это — селективная роль грамматических значений, воплощающая в себе взаимодействие лексики и грамматики. В статье данный тезис будет продемонстрирован на примере русских существительных с темпоральным значением (*неделю, зимой, утром, в понедельник, по пятницам, под Новый год, на Рождество* и т. п.).

Ключевые слова: языковая система, норма, русский язык, предлог, падеж, темпоративы.

The language system has a large reserve of possibilities for expressing meanings, which is used only partially. This is found, in particular, when comparing Slavic languages and concerns the categories of number, gender, impersonality, etc. But the most interesting are the situations when certain morphological “prohibitions” (filters) are connected with the specifics of the lexical meaning. This is a selective role of grammatical meanings, embodying the interaction of vocabulary and grammar. In the paper, this thesis will be demonstrated on the example of nouns with a temporal meaning (Russian *неделю, зимой, утром, в понедельник, по пятницам, под Новый год, на Рождество*, etc.).

Key words: language system, norm, Russian language, preposition, case, temporativa.

Выражение «Так можно сказать, но так не говорят», восходящее к какому-то анекдоту или реальной жизненной истории, стало уже лингвистическим афоризмом или, говоря современным языком, мемом. Л. В. Щерба, обосновывая место эксперимента в деятельности лингвиста, считал «особенно поучительными» отрицательные результаты, т. е. языковые факты, оцениваемые с помощью формулы «так не говорят» (Щерба 1974: 32–33). С этой проблемой регулярно сталкивается как лингвист, занимающийся типологией языков, так и преподаватель-словесник, вынужденный корректировать речевые произведения своих подопечных. Речь идет о несоответствии возможностей языковой системы ее практической реализации. И обычный носитель языка, испытывая затруднения в выборе слова или в образовании от него необходимой формы, нередко удивляется или сетует: «Почему-то так не говорят...». Приведу несколько примеров.

А тот день, когда все мы, и я, шестидесятилетний (шестидесятиоднолетний, но так не говорят), увидели на экранах телевизоров «гражданина Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина»...? (Л. Успенский. Записки старого петербуржца).

Кушакова — большеглазая, большеротая, большеногая (нет, это неграмотно, правильно — длинноногая) женщина тридцати пяти лет, стильно обернутая в фирменную материю (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Гараж).

...Главным в этих мечтах оставался все-таки крепкий чай, камиллавка и все то многообразное безделье, которое причиталось заслужившим людям (или, как принято говорить почему-то, «заслуженным»), по-видимому, по праву (А. Битов. Пушкинский дом).

С синтаксической точки зрения порядковые числительные должны быть похожи на прилагательные, и потому следовало бы говорить «омеговый», «омега плюс первый» и так далее; но так почему-то не говорят (В. А. Успенский. Апология математики, или О математике как части духовной культуры).

Разумеется, те же проблемы волнуют и носителей других языков — обычно в чисто практическом смысле (например: Pisarek 1978; Георгиева, Мурдаров 1982; Neuenkirchen 2021; Bogusławski 2008: 34–35, 83–88 и др.). Речь идет о языковой системе в противопоставлении ее двух ипостасей: *in potentia* и *in facto*.

Рефлексия носителя языка над фактами речи, несомненно, заслуживает внимания — особенно его метаязыковой комментарий, который, как правило, содержит оценочный компонент (Вепрева 2002: 79–86 и др.). Но нас интересуют внутренние основания подобных запретов и ограничений. Есть несколько общих причин, по которым в принципе возможная языковая единица — слово, синтаксическая конструкция или грамматическая форма — не используется в речевом общении. Перечислю их с комментарием.

1. **Гибкость, мягкость языковой системы предполагает в каждый момент наличие в языке определенного резерва — избытка средств выражения.** Это может быть связано и с эволюционной предысторией (разные средства появлялись из разных источников, в разное время, по различным причинам — так часто возникают синонимы вроде *бегемот* — *гиппопотам*), и с эволюционной перспективой (возможность семантической дивергенции, постепенного расхождения синонимов, дифференциации оттенков в будущем и т. п.). Следовательно, у языка всегда есть больше, чем надо, средств выражения, и говорящему так или иначе приходится отдавать предпочтение какому-то из вариантов, а на другие — «закрывать глаза».

В частности, посессивность располагает в русском языке целым рядом средств для своего выражения; неудивительно, что это обстоятельство делает какие-то из них в конкретном случае избыточными, неупотребительными (Норман 2017: 245–251). Это касается конкуренции притяжательных местоимений и приглагольной формы дательного падежа личного местоимения (*Почеши мне плечо*, а не *Почеши мое плечо*; *Ты наступил мне на ногу*, а не *Ты наступил на мою ногу*). Ограничения касаются и употребления личных местоимений 1-го и 2-го лица в качестве агентивных и атрибутивных зависимых (*Твой кабинет великолепен*, но не: *Кабинет тебя великолепен*; *Мой приход никого не удивил*, но не *Приход меня никого не удивил*) (Апресян 2010: 13–14).

2. **Следует априори признавать за языком определенную степень «каприза» («прихоти»), т. е. случайности в категоризации действительности.** «Фактически каждому языку соответствует своя особая организация данных опыта» (Мартине 1963: 375). Естественно, это проявляется и в речи: «Утверждение, сделанное в повседневной речи, в отличие от положения стандартной логики, обычно не предназначено для обоснования случайного (*arbitrary*) положения дел» (Keenan 1973: 191). Примеров тому — множество. *Молодожены* — по-русски говорят, а «молодожен» (в единственном числе) — нет; надо сказать — *женых*. Лексема *старшеклассник*, по данным Национального корпуса русского языка, употребляется в русских текстах в 20 с лишним раз чаще, чем *младшеклассник* — а почему?

Нелогичность языковой системы проявляется и в случаях неполноты морфологической парадигмы. К примеру, обида и досада — обычные человеческие чувства. Можно сказать: *Я испытываю обиду/досаду...* или *Мне обидно/досадно, что...* Но существительное *обида* легко образует множественное число (*мои обиды*), а *досада* — нет. Почему? Почему существительное *вино* обладает полной числовой парадигмой, а *пиво* — нет? Почему *мороз* легко образует множественное число, а *жара* — с трудом? Или вот еще пример:

А ведь каждый готовящийся к показу спектакль, в том числе и наша «Чайка», — это споры, мучения, столкновения амбиций, самолюбий, искания, волнения (М. Казаков. Актерская книга).

Употребленные здесь слова *амбиция* и *самолюбие* — почти синонимы, но если для первого из них естественное множественное число, то для второго — единственное («самолюбия» — это исключение из правила), и объяснить это почти невозможно.

А. А. Зализняк прямо связывал статус допустимых, потенциальных форм с коммуникативными потребностями общества:

«...В человеческой практике обычно не возникает потребности в обозначении нескольких объектов, называемых по отдельности «лай», или «гордость», или «медь» и т. п. Однако если такая потребность все же возникнет (а это в принципе всегда возможно), то недостающие словоформы со значением и внешними признаками мн. числа без труда будут построены: *лаи, гордости, меди* т. д. <...> Иначе говоря, *singularia tantum* — это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется только половина словоформ» (Зализняк 1967: 57–58).

3. Язык допускает какое-то выражение, но логика жизненных обстоятельств и, соответственно, коммуникативная практика его отвергает. Языковая система отбраковывает те образования, которые плохо соответствуют заложенному в сознании коллективному опыту. Не говорят «без 40 минут пять», а только *20 минут пятого*.

Другой пример. Если человек испытывает болезненное состояние, когда проглоченная пища рвется обратно, наружу, то действие это непроизвольное, не зависящее от воли человека; по-русски надо употребить безличную форму: *Его тошнит, его рвет* (ср. также о других неконтролируемых физических состояниях: *Его трясет, лихорадит, колбасит, крутит, выворачивает* и т. п.). Личная, акциональная конструкция — как в нем. *Er erbricht* или польск. *On wymiotuje* — по-русски неприемлема, «так сказать нельзя». Правда, запрет этот не очень строгий, ср. контексты вроде следующего:

— Николай Ильич... Боженов *рвать* **хочет**...

— Тс-с-с... Тихо! Я ему *вырву!* <...>

— Николай Ильич... он, ей-богу, не сдержит... Он уже *тошнит*...

— Тс-с-с! <...>

— Николай Ильич, Боженов уже *блует* на пол... (Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрания).

Отсутствие видимой действующей силы заставляет говорящего обратиться к безличным предложениям. Именно представление о мире, о соотношении в этом мире личного и «сверхличного» компонентов, диктует выбор одной из синтаксических конструкций.

Показательны в данном отношении примеры из области лексики и словообразования. Названия профессий сильно ограничены гендерным признаком. *Машинистка* — это было когда-то нормальное и употребительное слово. Но по отношению к мужчине, занимавшемуся перепечаткой руко-

писей (такое встречалось, хотя и редко), язык запрещал употреблять слово *машинист*. Точно так же плохо приживались в русском языке маскулинтивы *нянь*, *дояр*, *балерун*, *медбрат* (в то время как *нянька*, *доярка*, *балерина*, *медсестра* — обычные слова). Логика жизни в какой-то мере определяет логику словоупотребления. Далее мы еще вернемся к этой теме в связи с употреблением феминитивов в современной русской речи.

4. Конфликт языковой системы и нормы. Может быть так, что система вполне допускает некоторое выражение, но случайная кодификация или литературная традиция не одобряет, не принимает какую-то форму (возможно, раньше принимала, а теперь — нет). «Норма является своеобразным регулятором, который связывает систему и узус и представляет их в единстве» (Скляревская 2017: 154). Следует признать, что по отношению к фактам узуса норма поступает довольно безапелляционно.

Так, коммуникативная ситуация нередко требует образовать форму повелительного наклонения от русского глагола *ехать*. Однако формы *ехай* (от инфинитива) и *едь* (от основы настоящего времени) строго запрещены литературной нормой. Требуется сказать: *поезжай*, в крайнем случае — *езжай*.

Историческая конкуренция форм творительного падежа существительных женского рода на *-ой/-ей* и на *-ою/-ею* разрешилась в русском языке в пользу односложного окончания. Сказать *командою*, *пробежкой*, *песнею*, *демократиею* теоретически можно, но сегодня так никто не говорит. Словарь (Граудина и др. 1976: 133) оценивает для конца 70-х годов прошлого века соотношение форм на *-ой* и на *-ою* как 99% vs. 1%.

Обозначение множественного субъекта, принятое во многих языках как *X и Y* (в номинативах), в русском языке получает конкурирующую форму *X с Y* (в творительном падеже). Особенно предпочтительна она в случае, когда один из субъектов — говорящий (1-е лицо). Строгого запрета здесь опять-таки нет, ср.:

За ширмой прятались мы с Козинцевым. Он и я были кукловодами (А. Каплер. Первая любовь).

У такого сочинительного ряда «он и я» могут быть свои прагматические основания (Норман 2008: 191–192). Но все же лучше сказать по-русски не «Он и я», а *Мы с ним!*

Выбор того или иного литературного варианта языковой единицы может иметь идеологическую подоплеку. Один из самых показательных примеров последнего времени — выражение значения «лицо женского пола» через суффиксальные средства (проблема феминитивов). В русском языке закрепилась традиция использовать так называемые существительные общего рода для обозначения как мужчин, так и женщин. Поэтому привычными являются фразы вроде *Редактор прочитала рукопись* или *Наша новая директор объявила мне выговор*. Впрочем, в русском языке с древ-

нейших времен существовал суффиксальный способ образования наименований женщин: *хозяйка, портниха, помощница, секретарша, стюардесса, директриса* и т. п. В конце XX века круг таких феминитивов, особенно с формантом *-ка*, стал заметно расширяться — возможно, под влиянием других языков, западно- и южнославянских. Появились *директорка, авторка, поэтка* и т. п. Однако российская власть связала употребление таких номинаций с идеологией ЛГБТ-сообщества, признанного в России экстремистской организацией. Верховный суд РФ взял на себя смелость вмешаться в языковые процессы и в ноябре 2023 года законодательно запретил образовывать и употреблять новые феминитивы! Ситуация, конечно, анекдотическая, но весьма характерная для современной России.

Норма может иметь вид и стилистических требований. Так, не рекомендуется многократно использовать в ограниченном контексте одно и то же слово или производные от одного и того же корня — это порицается как тавтология. Сие касается и грамматических единиц. Допустим, мы хотим сказать, что «чья-то жена не готовила так вкусно». Если жен было несколько, то по-русски: *ни одна из жен не готовила так вкусно*. Но если в поле зрения попадают и иные родственники, то усилительно-отрицательная частица *ни* столкнется с парным союзом *ни* — *ни: ни мать, ни ни одна из жен!* Речевой узус этого не допускает, ср. следующий пример:

Естественно, что с такой бабушкой я рос плотненьким, кругленьким и откормленным мальчиком. Кстати, потом так никто мне не готовил: ни мама, ни одна из жен (С. Романова. Марцев).

5. Грамматика «состоит на службе» у лексики, помогает различать и выражать лексические значения. Говоря строже, грамматика «шифрует» лексику, грамматические правила и фильтры позволяют лучше очертить границы лексико-семантических групп. Такая внутренняя связь облегчает говорящему и слушающему достижение коммуникативного эффекта (см.: Норман — Мухин 2015).

В частности, возможность образования пассивных конструкций довольно сильно регламентируется со стороны лексики: она зависит как от степени акциональности глагола, так и от семантики подлежащего и дополнения в активном залоге. Это было хорошо показано Ю. Д. Апресяном на примерах типа:

Сигналы со станции «Мир» принимаются нами ежедневно,
но не **Сигналы со станции «Мир» получаются нами ежедневно;*

Дверь открывается привратником,
но не **Рот открывается мальчиком* (Апресян 2002: 21–26).

А в качестве забавного казуса можно привести еще зафиксированный случай, когда известный лингвист И. И. Ревзин в своем докладе вымучивал искусственную трансформацию: *Слесарь кушает селедку* → *Селедка кушается слесарем* (Бурас 2022: 275).

В вариантности грамматических форм (т.е., по сути, в их конкуренции) можно видеть именно подсознательное стремление языкового сообщества выделить, формально маркировать какие-то лексико-семантические группы. Один случай в современной русской речи весьма показателен. Это известные колебания типа *жить в Люблино — жить в Люблине, музей в Абрамцево — музей в Абрамцеве*. В принципе, как известно, существительные среднего рода с окончанием *-о* должны в предложном падеже принимать окончание *-е*: *колесо — в колесе, волокно — в волокне* и т.п. Но географические названия на *-о* в последние десятилетия перестают склоняться (Федосюк 2019; Федосюк 2022: 11–15). Первоначально это стремление поддерживалось географами и военными: нужно было различить формы предложного падежа у названий типа *Пушкин* и *Пушкино*. Если *живу в Пушкине* — это значит: в городе *Пушкин*; а если *живу в Пушкино* — значит, в населенном пункте под названием *Пушкино*. Словарь (Граудина и др. 1976: 138–140) на середину 70-х годов фиксировал соотношение форм предложного падежа на *-е* и на *-о* как 80% против 20%. Сегодня, думается, неизменяемость топонимов на *-о* становится довлеющим фактором. Во всяком случае, в тексте известных сказок Э. Успенского о дяде Федоре и его друзьях (издание 2016 года) название деревни *Простоквашино* регулярно используется как неизменяемое:

Тихо и хорошо в Простоквашино... Только дядя Федор, пес и кот в Простоквашино оставались... Все галки как галки у нас в Простоквашино...

И только один раз оно употреблено в форме на *-е*:

— *Это верно, — заметил папа, — сейчас в Простоквашине зима.*

Почему же перестают говорить: *в Останкине, в Бутове, в Простоквашине*? Оправдать победу несклоняемого варианта можно, среди прочих причин, и такой: особенность в образовании грамматических форм помогает выделить в нашем сознании специфическую группу слов — топонимов.

В принципе, все указанные пять причин, по которым какое-то языковое выражение является в узусе неупотребительным, нежелательным, могут действовать по отдельности, а могут где-то смыкаться, действовать в комплексе. В таком случае запрет становится еще более явным, очевидным.

Взаимозависимость лексики и грамматики можно показать как со стороны лексики — взяв за исходную точку какую-то лексико-семантическую группу, так и со стороны грамматики — взяв за точку отсчета какую-то грамматическую форму, например, определенный падеж с предлогом. В данном случае это и будет основным объектом наших наблюдений и размышлений, и мы попытаемся проиллюстрировать его средствами выражения **временных отношений в русском языке**. Известно, что обозначение как точек и отрезков на временной оси, так и последовательности действий формировалось в языке на метафорической основе: по образцу уже осво-

енного человеком членения пространства (Wingender 1995: 63–84). Но из всего богатства языковых средств нас будут интересовать сейчас только грамматические формы, представляющие семантико-синтаксическую функцию темпоратива. В дальнейшем описании названия падежей будут представлены и в сокращенном виде: именительный — *им.*, родительный — *род.*, дательный — *дат.*, винительный — *вин.*, творительный — *твор.*, предложный — *предл.*

В русском языке для выражения темпоративной функции существует большое разнообразие падежных и предложно-падежных форм. Согласно «Синтаксическому словарю» Г. А. Золотовой, темпоратив может выражаться следующими 24 формами:

Род., *до* + род., *из* + род., *между* + род., *от* + род., *с* + род., *среди* + род., *к* + дат., *по* + дат., *в* + вин., *за* + вин., *на* + вин., *по* + вин., *под* + вин., *через* + вин., твор., *за* + твор., *между* + твор., *перед* + твор., *с* + твор., *в* + предл., *на* + предл., *по* + предл., *при* + предл. (Золотова 1988: 383).

Заметим, что данный обширный список все же не совсем полон — во всяком случае, он не учитывает формы винительного беспредложного (*неделю добирался до дому*), а также словосочетаний с предлогами *после* + род., *накануне* + род., *в течение* + род., *с началом* + род., *по завершению* + род., кроме того, вин. + послелог *назад* и др. Не будем говорить также об устаревших формах выражения темпоратива, вроде *о* + ВП или *о* + ПП (*о полдень, об эту пору, о заре, о весне* и т.п.).

Но главное — как оправдать такое обилие форм, такое языковое расщепление, и как объяснить выбор какого-то из вариантов в конкретном случае?

Одно из объяснений — продолжающееся дивергентное развитие функции темпоратива, дифференциация ее оттенков, в некотором смысле — появление «субфункций» — таких как «начальная» и «конечная точка», «продолжительность», «предшествование» и др. (см. выше п. 1). В частности, в научной группе под руководством Ю. Д. Апресяна предлагается среди семантических актантов выделять такие различные роли, как «время», «дата», «момент» и «срок» (Апресян 2010: 366–367).

Другое возможное объяснение обилия темпоральных форм — через взаимную обусловленность лексических и грамматических средств выражения (см. выше п. 5). Это значит: каждая лексико-семантическая группа слов тяготеет к определенным, «удобным для нее» средствам выражения временных отношений. Продемонстрируем это на примерах.

Мы легко скажем по-русски о повторяющемся событии: *по четвергам* или *по понедельникам, по четным числам, по праздничным дням, ср.*:

*Нам талдычили: не расходитесь, не отлучайтесь, вот-вот уже дадут команду двигаться, а вас может не оказаться на месте, боже упаси! Ждали **по седьмым ноября** на холоде, ждали до посинения. Потом команда — вперед! (В. Цыганов. Мой Екатеринбург).*

Можно также связывать повторяющиеся действия с какой-то частью суток: *по утрам, по вечерам, по ночам*. Однако мы вряд ли скажем «по мартам» или «по нояблям» — хотя по существу возможно ежегодное повторение некоторого события. В «Толковом словаре» В. Даля находим: *По зимам мы дома, по летам на заработках*, но сегодня эта итеративность не требует формального выражения, ср. более естественное: *Зимой мы дома, летом — на заработках*. Если говорящий использует форму *по* + дат. (во мн. числе), то в центре его внимания находятся сутки, дни — вот его масштаб наблюдения (англ. *scope*). Такой параметр — оптимальный уровень обобщения — есть реальное проявление языковой концептуализации (Langacker 2000: 6–7).

Следующий пример: мы скажем, имея в виду некоторый отрезок времени перед определенным (знаковым) днем или частью дня: *под Новый год, под Рождество, под Пасху, под воскресенье, под выходной, под вечер, под утро...* Это всё — традиционные и привычные точки на оси времяисчисления. К этому списку могут пристраиваться и названия советских праздников:

— *Ну что ж, ванна хорошая, емкая. мы в ней огурцов насолим на зиму. Ничего, не дворяне. Умываться и на кухне можно, а **под первый май** — в баньку* (В. Драгунский. Волшебная сила искусства).

Но применительно к менее рутинным точкам отсчета так сказать нельзя. По выражению Г. Е. Крейдлина, «сочетаемость слова *под* с именами существительными весьма прихотлива» (Крейдлин 1997: 148). Мы не скажем с темпоральным значением: «под День работника торговли», «под твой день рождения», «под апрель», «под високосный год» (во всех случаях надо выбрать другую форму: *перед Днем работника торговли, накануне твоего дня рождения, в конце марта* и т. п.).

Форма *по* + предл. в значении 'после' применяется, как правило, по отношению к существительным, обозначающим процесс: *по приходе, по прибытии, по прочтении, по возвращении* т. п. (практически это всё отглагольные существительные). Нельзя сказать: «по экзаменах» или «по следующей неделе». Иными словами, ячейка в словоизменительной парадигме существительного имеется, но заполняется она опять-таки с учетом определенных лексических условий.

Форма творительного падежа без предлога активно используется для выражения темпоральных отношений, но только — применительно к названиям поры года или части дня (*зимой, ранней весной, поздней осенью, утром, днем, вечером...*). Невозможно сказать «понедельником», «сентябрем» или «обедом» (ср., впрочем, *днями* 'на днях, вскорости' или *тем временем* 'в то время как'). Фактически эти инструментальные формы превращаются в неизменяемые наречия; перед нами — яркий пример лексикализации падежной единицы.

Нетрудно и на других примерах в сфере выражения темпоральности показать внутреннюю связь и взаимообусловленность лексической семантики слова и конкретной падежной (или предложно-падежной) формы.

Беспредложный родительный падеж регулярно используется здесь для обозначения даты, например: *5-го февраля 2018 года*. Но за пределами этой узкой лексико-семантической группы — числа, месяца, года — эта форма не применяется (нельзя сказать без предлога: *утра, понедельника, зимы, войны* и т. п.).

Форма *от* + род. тоже обозначает дату, но исключительно в документах, в рамках официально-делового стиля: *письмо от 05.12.2005, решение от 13 марта настоящего года* и т. п.

Даже в рамках одной и той же формальной единицы возможна дальнейшая функциональная специализация, и это опять-таки связано с лексической базой каждого из вариантов (см.: Всеволодова 1975; Ицкович 1982: 98–111; Агафонова 2000: 321–325 и др.). Покажем это на примере предложно-падежной формы *за* + вин. Среди огромного количества значений русского предлога *за* ССРЛЯ выделяет 4 значения, связанных с выражением темпоральных отношений. Это:

«4. ...Употребляется для обозначения срока, времени, в течение которого что-либо происходит, случается. <...>

5. ...Означает: некоторое время перед чем-либо, раньше на тот или иной срок до чего-либо. <...>

7. ...Употребляется для обозначения начала какого-либо действия, приступа к какому-либо занятию. <...>

12. ...Употребляется для обозначения превышения какого-либо количества, меры чего-либо: больше, сверх чего-либо...» (ССРЛЯ, т. 4: 200–203).

Несмотря на кажущуюся опасность такой полисемии, потенциальную омонимию, коммуникативных недоразумений тут практически не возникает. Дело в том, что «процессуальное» значение №4 подразумевает подведение итогов за некоторый отчетный период: *за год, за неделю, за ночь, за столетие...* Этот отрезок может быть сколь угодно большим, но не сколь угодно малым. А вот значение №5 («предшествование») допускает именно такой случай, поэтому здесь, наряду с теми же лексемами *год, неделя, ночь...*, возможны также: *за секунду, за мгновение* и т. п. Кроме того, в рамках этого значения №5 формируется составной предлог (как бывают составные союзы) *за... до: за неделю до собрания, за секунду до взрыва*.

Значение №7 реализуется только в сочетаниях с глаголами, обозначающими приступ к какому-то действию, связанному с объектом: *взяться, приняться, сесть* и т. п.: *взяться за работу; схватиться за чтение; сесть за уроки*. Это показывает нам, что к внутренней взаимосвязи лексической семантики и словоизменения имеет отношение и третья сторона — синтак-

сис. Через управление глагола, подчиняющего себе падежную или предложно-падежную форму, последняя уточняет (чтоб не сказать — навязывает) выбор соответствующей лексики.

Наконец, значение предлога № 12 («превышение предела»), ставящее измерение времени в общий ряд количественных параметров, также имеет свои лексические признаки. Если речь идет о возрасте человека, то превышение некоторой границы обозначается «круглыми» числами, начиная с 20. Можно сказать: *Ему за 20, за 30, за 40, за 50* и т. д., но не «Ему за 7» или «Ему за 24» (ср.: Крейдлин 1997: 141).

Все эти случаи подтверждают старую истину:

«Грамматический строй языка пронизан лексикой. Нет почти ни одного грамматического правила, которое не требовало бы включения в свою формулировку „лексической части”» (Шведова 1984: 11).

И это не только означает, что каждая лексико-семантическая группа слов тяготеет к определенному набору синтаксических функций. Но, выражая некоторую семантико-синтаксическую функцию, она стремится специализироваться в выборе морфологической формы — в частности, падежа.

Анализ только одной, но многозначной словоформы — *за* + вин. — демонстрирует множественные случаи фразеологизации (или: коллоквиализации) словосочетаний с темпоральным значением: лексическое значение селективно (избирательно) вступает в двустороннюю связь с предложно-падежной формой. И это возвращает нас еще к одной общей проблеме лингвистической теории: **сколь широким должен быть лексический базис грамматического значения?** Понятно, что чем шире охват лексического материала, тем «грамматичнее» значение (в этом смысле число — более грамматическая категория, чем, скажем, одушевленность). Но если этот базис сводится к минимуму, практически — к одной или нескольким лексемам, то имеем ли мы здесь дело вообще с грамматикой?

Напомню то понимание грамматических явлений, которое утвердилось в когнитивной лингвистике. В частности, Л. Талми разводит все языковые элементы по двум большим классам: открытых и закрытых единиц. Состав первых изменчив, пополняется, потому это и открытый класс (в традиционном понимании — лексика); состав вторых — постоянен, задан системой языка на данном этапе развития (это грамматика). При этом «формы закрытых классов не могут относиться к каким-либо отдельным их представителям. <...> Таким образом, в языке могут быть имена собственные, но не может быть “предлогов собственных”» (Талми 1999: 104–105). Возвращаясь к описанному материалу, можно было бы привести в качестве такого исключения — «предлога собственного», — скажем, русское *по* в собственно темпоральном значении: *по осени, по весне*. Еще более ярким примером — с другим значением — мог бы служить устаревший

предлог *паче*: *паче чаяния, тем паче* — вот, собственно, и все русские контексты, в которых он сегодня выступает.

Разумеется, сказанное касается выражения не только временных отношений, но и иных грамматических. В качестве орфографического казуса можно вспомнить ситуацию в Советском Союзе, когда, при нормативном написании отчества *Ильич* в творительном падеже *Ильичом*, для двух случаев допускалось исключение *Ильичем* (для В. И. Ленина и Л. И. Брежнева). Но понятно, что здесь мы уже покидаем сферу грамматики и вступаем в область лексикологии или идеологии. Понятно также, что выпадают из сферы грамматики различные морфологические атавизмы или некротизмы, вроде остатков двойственного числа (*Бодливой корове бог **рог** не дает*) или вокатива (*старче, отче* и т. п.). Грамматика как таковая всеохватна по сфере своего действия. Говоря словами современного российского поэта Льва Лосева,

Грамматика есть бог ума —
решает всё за нас сама.

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонова Клер. «О конструкции „предлог с + генитив“». Пайар Дени, Селиверстова Ольга (ред.). *Исследования по семантике предлогов*. Сборник статей. Москва: Русские словари, 2000: 313–337.
- Апресян Юрий. «Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект». *Русский язык в научном освещении* 3/1 (2002): 10–29.
- Апресян Юрий (ред.). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва: Языки славянских культур, 2010.
- Бурас Мария. *Лингвисты, пришедшие с холода*. Москва: АСТ, 2022.
- Вепрева Ирина. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.
- Всеволодова Майя. *Способы выражения временных отношений в современном русском языке*. Москва: Издательство Московского университета, 1975.
- Георгиева Елена, Мурдаров Владко (ред.). *Грамматика на грешките*. София: Наука и изкуство, 1982.
- Граудина Людмила и др. *Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*. Москва: Наука, 1976.
- Зализняк Андрей. *Русское именное словоизменение*. Москва: Наука, 1967.
- Золотова Галина. *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва: Наука, 1988.
- Ицкович Виктор. *Очерки синтаксической нормы*. Москва: Наука, 1982.
- Крейдлин Григорий. «Время сквозь призму временных предлогов». Арутюнова Нина, Янко Татьяна (ред.). *Логический анализ языка. Язык и время*. Москва: Индрик, 1997: 139–151.
- Мартине Андре. «Основы общей лингвистики». Звегинцев Владимир (ред.). *Новое в лингвистике*. Выпуск III. Москва: Издательство иностранной литературы, 1963: 366–566.
- Норман Борис. «К семантике предложно-падежной формы». Nagórko Alicja et al. (ed.). *Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow*. (Berliner Slawistische Arbeiten. Bd. 33) Frankfurt am Main et al.: Peter Lange. 2008: 191–198.
- Норман Борис. «Категория посессивности с позиций когнитивной лингвистики». *SLAVIA* 86/2–3 (2017): 244–264.

- Норман Борис, Мухин Михаил. «О грамматических профилях лексико-семантических групп: поиск внутренних связей между лексической и грамматической семантикой». *SLAVIA* 84/3 (2015): 348–359.
- Склярёвская Галина. «„Так не говорят“, или еще раз о системе, норме и узусе (взгляд лексикографа)». *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова* 13/3 (2017): 153–159.
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка в 17 т.* Том 4. Ж–З. Москва–Ленинград: Издательство АН СССР, 1955.
- Талми Леонард. «Отношение грамматики к познанию». *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология* 1 (1999): 88–115.
- Федосюк Михаил. «„Недаром помнит вся Россия про день... Бородино“, или Почему перестают склоняться топонимы на -ино, -ово». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология* 5 (2019): 333–341.
- Федосюк Михаил. «О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней». *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация* 4 (2022): 9–19.
- Шведова Наталья. «Об активных потенциях, заключенных в слове». Ярцева Виктория (ред.) *Слово в грамматике и словаре*. Москва: Наука, 1984: 7–15.
- Щерба Лев. «О трюком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». Щерба Лев. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука, 1974: 24–39.
- Bogusławski Andrzej. *Semantyka, pragmatyka. Leksykografa glos demarkacyjny*. Warszawa: TAKT, 2008.
- Langacker Ronald. *Grammar and Conceptualization*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Keenan Edward. “Logic and Language”. Bloomfield Morton, Haugen Einar (ed.). *Language as a Human Problem*. New York, 1973: 187–196.
- Neuenkirchen Andreas. *Kann man sagen, muss man aber nicht. Die größten Sprachaufreger des Deutschen*. Duden, 2021.
- Pisarek Walery. *Słownik języka niemy-polskiego, czyli błędy językowe w prasie*. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.
- Wingender Monika. *Zeit und Sprache. Temporalität und ihre Repräsentation im Lexikon des Russischen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995.

REFERENCES

- Agafonova Kler. «O konstrukcii „predlog s + genitiv“». Pajar Deni, Seliverstova Ol’ga (red.). *Issledovaniya po semantike predlogov. Sbornik statej*. Moskva: Russkie slovari, 2000: 313–337.
- Apresyan Yuriy. «Vzaimodejstvie leksiki i grammatiki: leksikograficheskij aspekt». *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* 3/1 (2002) 10–29.
- Apresyan Yuriy (red.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovary*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2010.
- Bogusławski Andrzej. *Semantyka, pragmatyka. Leksykografa glos demarkacyjny*. Warszawa: TAKT, 2008.
- Buras Mariya. *Lingvisty, prishedshie s holoda*. Moskva: AST, 2022.
- Fedosyuk Mihail. «„Недаром помнит vsya Rossiya pro den’... Borodino“, ili Pochemu perestayut sklonyat’sya toponimy na -ino, -ovo». *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Russkaya filologiya*. 5 (2019): 333–341.
- Fedosyuk Mihail. «O prichinah rosta analitizma i produktivnosti neidiomatichnyh nominacij v russkom yazyke nashih dnei». *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikaciya*. 4 (2022): 9–19.
- Georgieva Elena, Murdarov Vladko (red.). *Gramatika na greshkite*. Sofiya: Nauka i izkustvo, 1982.

- Graudina Lyudmila i dr. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoj rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov*. Moskva: Nauka, 1976.
- Ickovich Viktor. *Ocherki sintaksicheskoy normy*. Moskva: Nauka, 1982.
- Keenan Edward. "Logic and Language". Bloomfield Morton, Haugen Einar (ed.). *Language as a Human Problem*. New York, 1973: 187–196.
- Krejdlin Grigorij. «Vremya skvoz' prizmu vremennyh predlogov». Arutyunova Nina, Yanko Tat'yana (red.). *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk i vremya*. Moskva: Indrik, 1997: 139–151.
- Langacker Ronald. *Grammar and Conceptualization*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Martine Andre. «Osnovy obshchej lingvistiki». Zvegincev Vladimir (red.). *Novoe v lingvistike*. Vypusk III. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1963: 366–566.
- Neuenkirchen Andreas. *Kann man sagen, muss man aber nicht. Die größten Sprachaufreger des Deutschen*. Duden, 2021.
- Norman Boris. «K semantike predlozhno-padezhnoj formy». Nagórko Alicja et al. (ed.). *Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow*. (Berliner Slawistische Arbeiten. Bd. 33) Frankfurt am Main et al.: Peter Lange. 2008: 191–198.
- Norman Boris. «Kategoriya posessivnosti s pozicij kognitivnoj lingvistiki». *SLAVIA* 86/2–3 (2017): 244–264.
- Norman Boris, Muhin Mihail. «O grammaticheskikh profilyah leksiko-semanticheskikh grupp: poisk vnutrennih svyazey mezhdru leksicheskoy i grammaticheskoy semantikoj». *SLAVIA* 84/3 (2015): 348–359.
- Pisarek Walery. *Słownik języka niwy-polskiego, czyli błędy językowe w prasie*. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.
- Scherba Lev. «O troyakom aspekte yazykovykh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii». Shcherba Lev. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Leningrad: Nauka, 1974: 24–39.
- Shvedova Natal'ya. «Ob aktivnykh potentsiyah, zaklyuchennykh v slove». Yarceva Viktoriya (red.). *Slovo v grammatike i slovary*. Moskva: Nauka, 1984: 7–15.
- Sklyarevskaya Galina. «„Tak ne govoryat“, ili eshche raz o sisteme, norme i uzuse (vzglyad leksikografa)». *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* 13/3 (2017): 153–159.
- SSRLYA — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* Tom 4. ZH–Z. Moskva–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955.
- Talmi Leonard. «Otnoshenie grammatiki k poznaniyu». *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* 1 (1999): 88–115.
- Vepreva Irina. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epohu*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002.
- Vsevolodova Majya. *Sposoby vyrazheniya vremennyh otnoshenij v sovremennom russkom yazyke*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1975.
- Wingender Monika. *Zeit und Sprache. Temporalität und ihre Repräsentation im Lexikon des Russischen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995.
- Zaliznyak Andrej. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moskva: Nauka, 1967.
- Zolotova Galina. *Sintaksicheskij slovar'. Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa*. Moskva: Nauka, 1988.

Борис Норман

«ТАКО СЕ МОЖЕ РЕЋИ, АЛИ ТАКО СЕ НЕ ГОВОРИ» (О СЕЛЕКТИВНОЈ ФУНКЦИЈИ ГРАМАТИЧКИХ ОБЛИКА)

Резиме

У чланку се истражују ситуације у којима се постојеће и могуће језичке јединице: попут речи, синтаксичке конструкције или граматичког облика, не користе у говору. Истиче се 5 општих разлога због којих се то догађа. Детаљно се разматра један од њих: по-

стојање селективне функције код граматичког облика. То значи да граматичка правила и филтери омогућавају боље одређивање граница лексичко-семантичких група. Таква унутрашња веза олакшава говорнику и слушаоцу постизање комуникативног ефекта. Ова теза је илустрована граматичким облицима који представљају семантичко-синтаксичку функцију темпоратива. У руском језику постоји велики број падежних и предлошко-падежних облика за изражавање темпоративне функције (24, по Синтаксичком речнику Г. А. Золотове): у фебруару, на Ускрс, за Нову годину, на пролеће, за недељу, изјутра итд. Једно од објашњења ове чињенице је наставак дивергентног развоја функције темпоратива, диференцијација њених нијанси, као и појављивање „субфункција“ — таквих као што су „почетна“ и „крајња тачка“, „трајање“, „предхођење“ и др. Друго могуће објашњење обиља темпоралних облика може се посматрати кроз међусобну условљеност лексичких и граматичких средстава изражавања. То значи да свака лексичко-семантичка група речи тежи ка одређеним, „за њу погодним“ средствима изражавања временских односа. На пример, именице које означавају процес, изражавају темпоративну функцију обликом локатива са предлогом по: *по доласку*, *по повратку*, итд. Међутим, не може се рећи: „по испитима“ или „по следећој недељи“. У чланку се такође поставља питање поводом ширине лексичке базе граматичког значења и наводе се примери лексикализације падежних облика.

Кључне речи: језички систем, норма, руски језик, предлог, падеж, темпоративи.

Петя Осенова

Софийски университет „Св. Кл. Охридски“
osenova@uni-sofia.bg
<https://orcid.org/0000-0002-4484-5027>

Petya Osenova

Sofia University “St. Kl. Ohridski”
osenova@uni-sofia.bg
<https://orcid.org/0000-0002-4484-5027>

ГРАМАТИКАТА ОТСТЪПВА ПРЕД ПРАГМАТИКАТА (НАБЛЮДЕНИЯ ВЪРХУ БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК)

GRAMMAR GIVES WAY TO PRAGMATICS (OBSERVATIONS ON BULGARIAN)

В статията се разглеждат различни езикови явления в български, при които се наблюдава тенденция на потискане на граматическото маркиране. Вследствие на това се увеличава влиянието на прагматичните фактори за коректната интерпретация на изказването в конкретен контекст. Много често посочената тенденция е свързана и с разколебаване на действащата в момента езикова норма. Обръща се внимание на явления като засилване на аналитизма при някои местоимения, редуциране на граматическото маркиране при звателните форми на съществителните; наличие на все по-често контекстно съгласуване; стесняване на употребата на определителния член; смесване на бройна форма и обикновено множествено число при съществителните от мъжки род; намаляване на употребата на възвратни местоимения при кореферентни отношения.

Ключови думи: граматика, български език, прагматика, езикова норма.

The paper discusses various linguistic phenomena in Bulgarian in which there is a tendency of grammatical marking suppression. As a consequence, the influence of the pragmatic factors increases on the correct interpretation of an utterance in specific contexts. Very often, the above-mentioned trend is also related to the violation of the current language norm. A special focus is put to phenomena such as the higher analytism in some pronouns, the reduction of the grammar markings in the vocative forms of nouns; the presence of increased context-oriented agreement; the narrowed use of the definite article; the mixing of the count form and the simple plural one in masculine nouns; the reduction of the reflexive pronouns within the coreference chains.

Key words: grammar, Bulgarian, pragmatics, language norm.

В тази статия бих искала да споделя своето виждане за разколебаването на някои граматични норми в българския език, като си давам сметка, че със сигурност разглежданите тук явления са били обект на обстойни изследвания и наблюдения на доста мои колеги — например у Вълчев (2009) са дискутирани проблемите за употребата на пълния и краткия определителен член, на бройната форма, съгласуването при учтивост, звателните форми и др.; у Джонова и Велкова (2014) са разгледани някои особености на местоименията в устната реч; у Миланов и Михайлова-Сталянова (2012) са представени езикови портрети на български политици, като се коментира и разколебаването на граматичната норма (например смесването на бройната форма с формата за обикновено множествено число при съществителните имена от мъжки род; съгласуването при учтивите форми; заместването на винителния падеж при неопределителните местоимения с именителния и др.).

Целта ми тук обаче е да покажа, че има една обща тенденция в българската граматика, при която формалното маркиране се потиска и разколебава все повече, като се измества от интрепретацията в контекста и от знанията ни за света.

Подобно на останалите славянски езици, българският език е основно граматичен. Това означава, че е флективен и с богата морфология, но предимно в глаголната система. При него преобладават основно граматически средства в синтаксиса — при съгласуването в именната фраза и в изречението, при членуването в именната фраза, при комбинаториката на елементите в синтактичните фрази. В идеите на Опорната фразова граматика (Pollard and Sag 1994; Sag et al. 2003), в която съм работила основно, противовесен език е английският, който поради бедната си флективност и принадлежността си към германските езици използва предимно дискурсни стратегии в граматиката. През последните години обаче в българския език също се наблюдават тенденции на потискане на съществуващите граматически средства за сметка на ролята на дискурса и контекста¹.

След като отбелязва редица граматически явления в българския език от прагматична гледна точка, сред които са вокативът, членуването, условното наклонение, преизказността и др., Норман (2016) прави следния извод: „граматиката никак не се противопоставя на прагматиката, точно обратното. Редица граматични форми в българския език охотно приемат допълнително натоварване, свързано с характеризиране на личностите на говорещия и слушащия. А периферията на граматиката — особени, редки, остарели

¹ Трябва да се отчете и наличието в съвременния български език на тенденция към използване на повече именни групи от две съществителни, от които едното в адективна функция, вместо именни групи със съществителни, свързани чрез предлог. Това е под влияние основно на английския език. Срв. *ски курорт* (вм. *курорт за ски*), *кафе машина* (вм. *машина за кафе*) и др. В българската лингвистика има спорове дали тези изрази са сложни думи (независимо от графичното им изписване), или синтактични фрази. Затова тази тенденция не е обект на внимание тук — вж. повече у Тодорова (2020).

форми — е изцяло прагматична. Аз виждам тук широк диапазон за изследване и според мен не бива да се отхвърлят някои факти на разговорната реч, на реалната комуникация като неправилни, погрешни, защото много често те са по-правилни от истинските факти, защото съдържат много важна допълнителна информация, определяща по-нататъшното развитие на отношенията между участниците в диалога.“

Подкрепям напълно гореспоменатото виждане. Затова моята цел в този текст е да отбележа някои тенденции, при които носителите на езика нарушават кодификацията поради предимно прагматични причини.

Според мен тенденциите в развитието на българския език по отношение на граматиката се движат в следните посоки: а) анализъм по отношение на съществуващите падежни форми с изключение на личните местоимения (т.е. при въпросителните, неопределителните, отрицателните и обобщителните местоимения основните речникови форми постепенно изместват винителните — срв. *Викни някой!* вм. *Викни някого!*), б) загуба на граматичното маркиране при вокатива — срв. *Иван, кажете какво мислите!* вм. *Иване, кажете какво мислите!*, в) разширяване диапазона на обуславяното от контекста съгласуване за сметка на граматическото (т. е. при учтивите форми, при съгласуването между някои подлози за лица и сказуемото) и също така по-широка употреба на контекстното свързване (превес на невъзвратните местоимения над възвратните), г) уеднаквяване на различните граматични средства, които обозначават една граматична категория (напр. разколебаването на бройната форма и обикновеното множествено число при съществителни в мъжки род), д) стесняване на употребата на определителния член в ситуации, когато обектът е определен в контекста.

Нека разгледаме последователно тези случаи.

Употреба на падежни форми при местоимения: Тук се има предвид употребата на винителни форми² при въпросителните, неопределителните, относителните, отрицателните и обобщителните местоимения от мъжки род за лица.

Все по-често изрази с винителни форми като *Има ли някого тук?* или *Никого не извиках да ми помогне* се заместват с общите форми *Има ли някой тук?* или *Никой не извиках да ми помогне*. Факт е, че процесът на постепенно изместване на винителните форми от номинативните продължава и този процес засилва ролята на словореда и контекста.

При проверка в големия интернет корпус за българския език CLASSLA³ на употребите на винителни форми за въпросителните, неопределителните, отрицателните, относителните и обобщителните местоимения се оказва, че с висока честота на падежни употреби са относителните местоимения.

² Дателните форми от типа *кому, някому, никому, комуто, всекому* се използват вече изключително рядко — предимно в идиоматизирани изрази (срв. *Кому е нужно това?*). Те са заместени от предлога *на* и винителната форма на местоименията (срв. *на кого, на някого, на никого, на когото, на всеки(го)*).

³ https://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=classlaweb_bg

Следват въпросителните, неопределителните, отрицателните и обобщителните.

Таблица: Брой срещания на винителните форми за мъжки род на пет вида местоимения.

	Вид местоимение	Брой срещания
1.	относително	287,678
2.	въпросително	201,138
3.	неопределително	148,587
4.	отрицателно	123,806
5.	обобщително	15,879

За обобщителните местоимения е очаквано да имат най-малък брой винителни форми, защото преходът към аналитизъм при тях е в ход от дос-та време (*Това може да се случи на всекиго/всеки*). Интересно е обаче, че именно при относителните местоимения се срещат най-много използвани винителни форми (*С три прости стъпки ще подариш смислен подарък на човек, когото обичаш*). Следват въпросителните местоимения (*Те не зна-еха кого могат да арестуват, без да предизвикат международен скандал*), неопределителните (*Надявах се все пак да заваря някого*.) и отрицателните (*Това не обезпокои никого*). Така в рамките на използвания корпус най-много падежни форми се срещат при местоименията, които винаги (отно-сителните) или понякога (въпросителните) са съюзни думи в сложни изре-чения. Според текущата норма (ОПРБЕ 2012) използването на винителни форми в обектна позиция на местоимението или след предлог е задължи-телно в писмен текст⁴, но не и в устната реч. Така се получава разминаване при използването на формите между писмена и устна реч, което често обърква носителите на езика.

Причината за подобен все по-силен процес към аналитизъм явно е във факта, че падежите при тези местоимения са останали да действат в една много малка област, а именно при формите на съществителните за лице в мъжки род, единствено число. Под налягането и на безпадежната именна система все повече се налага използването на именителните форми вместо винителните.

Употреба на звателни форми: Не всички съществителни имена в бъл-гарски се маркират със специално окончание за звателност (вж. например *Петко, Ружа* и др.). Напоследък обаче се наблюдава тенденция на избяг-ване на маркираните звателни форми за мъжки род за лица. Срв. *Кирил*

⁴ Вж. и онлайн версията на Официалния речник на българския език — БЕРОН: <https://beron.mon.bg/rechnik/530>

(вм. *Кириле*), *кажете какво мислите?* Подобен е процесът и при имената от женски род за лица, които иначе биха получили окончание -е. Вж. *Пенка* (вм. *Пенке*), *кажете какво мислите?* Промяната има предимно социолингвистичен характер, освен влиянието на безпадежната именна система. Основните форми започват да се схващат като по-престижни в сравнение с маркираните и затова се използват изключително много в публична реч (предавания по медиите, интервюта и под.). Трябва да се направи уговорката, че общите учтиви обръщения към мъже и жени все още пазят звателната си форма като престижна. Срв. *Господине, забравихте си палтото! Госпoжo, къде отивате?* При добавяне на име или квалификатор обаче, думата *господин* остава в обикновена форма: *Господин Иванов, какво работите?* При комбинация от две съществителни нарицателни второто също се използва вече в немаркирана форма. Срв. съществителното *председател* в звателна форма *Господин председателю, искам думата!* И същото съществително в основна форма *Господин председател, искам думата!*

При нелицата звателните форми се запазват изцяло: *Родино мила!* (в основна форма: *родина*). Очевидно е, че звателната форма при лица започва да редуцира своето специфично маркиране в полза на основната форма.

Съгласуване

Съгласуване при учтиви форми с причастия: Правилото за учтивите форми в българския език е доста разколебано (за повече информация вж. Джонова 2014). Прави впечатление надделяването на съгласуването по пол над граматическото. Това съгласуване се пренася от формите със страдателно причастие, където прагматичното съгласуване е норма (*Бяхте ли поканен/а?*), към формите с елово деятелно причастие, където то вече се смята за грешка (**Госпoжo, бихте ли ми помогнала?* вм. *Госпoжo, бихте ли ми помогнали?*). При всяка възможност за изразяване на пола на лицето чрез граматичен род се забелязва оттегляне на изразяването на учтивост чрез множественото число, където референтът е един, и преминаване към прагматичното съгласуване. Тази тенденция сближава българския език с останалите славянски езици и лицензира контекстното съгласуване (*Бихте ли ми помогнал?* или *Бихте ли ми помогнала?* вм. сега действащото правило в *Бихте ли помогнали?*).

По мое мнение уеднаквяването на формите по посока на дискурсно съгласуване се получава и поради факта, че съществуването на две паралелни стратегии за една и съща функция поставя носителите на езика пред проблема да осмислят различни граматически условия за тяхната реализация. Очевидно е, че множественото число действа безпроблемно само когато родът е ирелевантен (срв. *Къде ходихте днес?*). Граматическите обяснения за разликата между употребата на страдателните и деятелните елови причастия остава на заден план (вж. още Харалампиев 2006 и др.). Идеята, че еловите причастия се схващат като 'глаголни' и следователно трябва да споделят числото на спомагателния глагол (*сте направили*),

а страдателнопричастните форми и прилагателните — като ‘синтактични прилагателни’ и следователно се съгласуват по пол (*хубава сте; поканена сте*), губи сила. На преден план излиза важността на пола на лицето и съответно бива реализирано контекстовото съгласуване. Проблеми предизвиква и смесването на стратегии при комбиниране на елови и страдателни причастия. Например в изречението *Били ли сте поканена?* първо се реализира граматическото съгласуване в множествено число (*били ли сте*), а след това — прагматичното по пола на слушателя (*сте поканена*). Затова употребата се измества към маркиране на пола и при еловото причастие, където сингуларното граматическо съгласуване се нарушава само от плуралната форма за учтивост: *Била ли сте поканена?*

Съгласуване при съществителните имена с две или повече еднородни определения

Според правилото при подобно съгласуване опорното съществително трябва да бъде в единствено число, когато става дума за два обекта — срв. нормативното *руски и български език* вм. ненормативното *руски и български езици*. Когато определенията са нечленувани, единствено контекстът разрешава възможната многозначност. Ако има рефериране към два или повече обекти, членуването трябва да е при всички съчинително свързани определения, като опорното съществително име е в единствено число — срв. *гръцкото и българското сирене*. В действителност обаче се получават две отклонения. Първото е, че все повече започва да се използва множественото число на съществителното за индикация на два обекта — *руски и български езици* вм. *руски и български език; гръцкото и българското млека* вм. *гръцкото и българското мляко*. Другото е, че членуването отпада при второто определение, макар че става дума за два обекта, а не за квалификация на един обект. Срв. *средният и малък бизнес* вм. *средният и малкият бизнес*. Тази тенденция отново налага снемане на многозначността в контекста, без граматиката да има възможността да подпомогне този процес.

В първия случай се наблюдава следното: от елипсата на думата *език* в израза *руски [език] и български език* се отива към интерпретация, при която няма елипса на съществителното, а идеята за множественост на обекта се обозначава чрез множественото число на това съществително, т. е. действа кумулативният принцип: *[руски и български] езици*. Специално в плуралните контексти отново се налага да се разчита на знанията ни за света или на контекста. Така става ясно, че по правило има един руски и един български език, освен в случаите на някакви специфични употреби, които биха позволили плуралната интерпретация.

Във втория случай граматическият маркер на членуването изобледнява и идеята за два обекта се носи вече не от граматиката, а от контекста, ситуацията, знанията ни за света. Т.е. трябва да знаем, че в нашия свят средният бизнес е различен от малкия.

Накратко казано, тенденцията е, от една страна, към експлициране на идеята за два (или повече) обекта чрез плурални маркери с кумулативно съчинително свързване вместо елипсиране и членуване, и от друга страна, към преместване на тежестта от граматическите маркери към ситуационните.

Съгласуване на някои подлози, обозначаващи лица, със сказуемото

Тенденцията за нарушаване на граматическото съгласуване се появява предимно в случаи, когато лица от женски пол се реферират от съществителни в мъжки род. Става дума за названия на официални длъжности, при които в българския език все още престижността се носи от мъжкия род. Това явление се нарича маскулинизация⁵. Срв. а) **Кметът** на София **била поканена** за събитието, б) **Кметът** на София **е тук. Тя** поздрави присъстващите, и в) **Кметът** на София **бил поканен** на събитието.

При а) граматическото съгласуване е нарушено в полза на семантичното поради факта, че кметът е от женски пол. Тук обаче има несъответствие, защото лексикално се използва съществително в мъжки род, докато граматически се използва причастие в женски род. При б) е спазено граматическото съгласуване, но то е нарушено в полза на семантичното чрез анафоричното третолично местоимение в женски род, което показва пола на лицето. Тук дисонансът е при лексикалното съществително в мъжки род (*кмет*) и личното местоимение в женски род (*тя*). При в) е спазено граматическото съгласуване, но в този случай контекстът е решаващ и има отлагане за разбирането, че се реферира към лице от женски пол. Една възможна стратегия в случая е да се добави името, което може да носи маркер за пола, като по този начин лицензира граматичното съгласуване. Срв. **Кметът** (на София) **Иванова беше поканена** на събитието.

Трудността при този тип съгласуване произтича по-скоро от градуалността на използване на мъжки или женски род за лица от женски пол в зависимост от социални и социолингвистични фактори. Освен това става дума не толкова за строго дефинирани правила, колкото за степени на уместност/неуместност, които варират в зависимост от степента на официалност на ситуацията, словообразователните възможности на езика и гледната точка на говорещия.

Лични и притежателни местоимения вместо възвратни местоимения

Трябва да се отбележи, че втората тенденция към контекстно съгласуване се наблюдава и при употребата на възвратните местоимения — лични и притежателни. Често се отбелязва, че в индоевропейските езици личните и притежателните местоимения са в конкуренция със своите възвратни

⁵ В българската граматика съществува и обратната тенденция — към феминизация на названията на професии, длъжности, занимания за жени. Срв. *кметица, директорка, професорка* вм. *кмет, директор, професор*.

варианти (Ницолова 2020: 236). Там, където е възможна конкуренция с невъзвратните местоимения (независимо дали лични, или притежателни, но предимно дълги форми), има тенденция към използване на невъзвратните (срв. *Аз взех моята книга* вм. *Аз взех своята книга*). Докато в 1. и 2. лице става въпрос за уместност и степен на граматичност, то в 3 л. има и референциална многозначност. Там възвратните варианти ясно посочват един и същи референт, докато невъзвратните варианти позволяват интерпретация с различни референти (срв. *Той взе неговата чанта* (в смисъла на: *Той взе друга чанта* или в смисъла на *Той взе своята чанта*) и др. Примери: *Всяко дете се развива с негов темп* вм. *Всяко дете се развива със свой темп*; *Затова Красен е успешен — той вярва в развиването и инвестирането в неговите марки.* вм. *Затова Красен е успешен — той вярва в развиването и инвестирането в своите марки*. Въпросът за избор на възвратно или невъзвратно местоимение зависи и от други фактори, сред които гледната точка на говорещия.

Употреба на бройна форма

Бройната форма в българския език, както е известно, функционира като специално множествено число за съществителни от мъжки род и се използва след числителни имена (както и някои други изрази за количество). Тя е остатък от двойственото число. Така се оказва, че за тези съществителни имена съществуват две форми на множествено число: обикновено (*много столове*) и бройно (*два стола*). Подобно на пълната и кратката форма на определителния член, и това правило се отнася до малка част от групата на съществителните. Това са съществителните имена от мъжки род за нелица.

Българската граматика по принцип следва по-специфичната дихотомия *лице~нелице* в сравнение с по-общата дихотомия *одушевеност~неодушевеност*. Но дори и тогава се наблюдават гранични случаи. При бройните форми се сблъскваме с различни ситуации на употреба: а) в зависимост от това дали референтът е лице, или нелице — *два гиганта* (*два бора*) или *двама гиганти* (*двама волейболисти*); *два абоната* (*две фирми*) или *двама абонати* (*лица*); б) в зависимост от гледната точка на говорещия (*десет ангела* или *десет ангели*); в) проникване на бройната форма при лица и множественото число при нелица (*двама човека* и *двама души* при лица; *два дни* и *два дена* при нелица), г) произволно и ненормативно смесване на формите в двете посоки (**няколко градове* вм. *няколко града* или **240 депутата* вм. *240 депутати*).

При употреба а) се наблюдава зависимост на граматиката от значението на думата. Типичният фактор е полисемията. Докато в едни случаи тя може да е асоциативна (*гигант*, *хан*, *цар* и др. като лице и нелице), в други може да е регулярна (*абонат*, *получател* и др. като лице или организация). Вторият случай е особено интересен, защото от онтологична гледна точка организацията също представлява множество от лица.

При употреба б) граматичната форма зависи от това дали референтът се разглежда от говорещия като лице, или като нелице. Типичната област на подобно разколебаване са възможните и/или фикционалните светове: съществата от митологията, религията, фантастиката и др. Когато говорещият разглежда референта като лице, използва множествено число, а когато го разглежда като нелице, използва бройна форма.

При употреба в) се наблюдава както тенденция на използване на бройната форма за нелица при лица (**двама сина* вм. *двама синове*; **двама ученика* вм. *двама ученици*; *двама човека/души*), така и на използване на формата за обикновено множествено число вместо бройна форма (*два дни* вм. *два дена*). Някои от тези примери имат исторически характер и затова продължават да битуват и днес. При употреба г) има ненормативно смесване на формите при произволни съществителни в различни текстове и ситуации. При тях обаче преобладава използването на бройната форма при лица (**десет депутата*; **двайсет журналиста* и под.). Тази тенденция е особено силна, когато числителното не е в мъжколична форма (*трима депутати*, но **сто депутата*). Така значението започва да отчита семата 'бройност' и семата 'множественост' като една и съща, а противопоставянето *лице* — *нелице* остава на заден план.

Употреба на мъжколични форми: Мъжколичните форми си взаимодействат и със съществителни от мъжки род при маскулинизация на длъжностите, заемани от жени (вж. напр. Сумрова 2011). В изречението *Трима министри се срещнаха в Брюксел* множеството предполага всички варианти за участниците: само лица от мъжки пол; поне едно лице от мъжки пол в групата; три лица от женски пол. Но в изречение, в което се употребява съществително от мъжки род като название на професия, типична за лица от женски пол — *Трима учители си говореха в двора* — се намалява уместността групата да е съставена от три лица от женски пол поради факта, че по-подходящото съществително за този случай би било съществителното за женски род *учителки*. Този проблем е в тясна връзка и с темата за *Съгласуване на някои подлози, обозначаващи лица, със сказуемото*.

Стесняване на употребата на определителния член

Известно е, че правилото за краткия и пълния определителен член е изкуствено. Подобно на падежите, кратката и пълната форма са вид граматическо маркиране, което посочва съответно позицията на подлога, на прекия или непрекия обект. Това правило действа само в рамките на имена от мъжки род, единствено число. Затова то е разколебано. Повече информация за взаимодействието на определителния член в българския език с други граматически категории като падеж, число, вид, вокатив и др., както и за влиянието му в структурирането на речта може да се види у Норман (2023).

Тук обаче ми се иска да обърна внимание и на друга тенденция, която засяга изобщо отстъплението на употребата на определителен член при назоваване на конкретни и уникални обекти (подобни примери дава

и Норман (2023: 56–57). Нека разгледаме например изречението: *Проекто-законът беше разгледан в Пленарна зала* *вм. в Пленарната зала*. В Корпуса с парламентарна реч ParlaMint⁶ изразът ‘в пленарна зала’ се среща 202 пъти, а изразът ‘в пленарната зала’ се среща 1702 пъти. Това показва, че все още доминира използването на определителен член, но има тенденция и за употреба с нечленуваната алтернатива. У Ницолова (2023: 93), която цитира Шамрай (1987: 221), се посочват и примери, при които в една и съща ситуация, когато всички участници са еднакво неосведомени, говорещият може да избере да използва различна езикова стратегия, изразена чрез определителен или неопределителен член (формата *един* или нулевата форма). Ето ги и самите примери за възможна ситуация, при която в дома има болен човек и негов близък обявява, че: 1. След малко ще дойде *лекар*; 2. След малко ще дойде *един лекар* и 3. След малко ще дойде *лекарят*. Тези възможни стратегии зависят до голяма степен и от контекста — дали е по-уместно да се наблегне на лекаря като представител на неговата професия в сравнение с други (вариант 1), или той да се представи като известен само на говорещия (вариант 2), или да се въведе като известен на всички (вариант 3). Важното тук е, че всички варианти са валидни.

Напоследък в медийната реч се забелязват и изрази, при които прилагателното в именната фраза е нечленувано при нормативно членувана употреба. Така цялата именна фраза остава нечленувана. Срв. *Уникален Григор постави на колене световния №1 Новак Джокович* *вм. Уникалният Григор постави на колене световния №1 Новак Джокович*. Когато обектът е определен и идентифицируем в заобикалящия ни свят, определителният член започва да губи маркиращата си функция и така определеността започва да се изразява и с граматическите средства на неопределеността, но винаги в рамките на дискурсна определеност.

Заклучение

В заключение мога да отбележа, че се наблюдават поне няколко тенденции в граматиката на езика ни. Те са следните: Граматическото маркиране при звателните форми на имената и при определени местоимения намалява по честота. С намаляването на формалните маркери като цяло се върви към аналитизъм и така контекстът започва да има превес над граматиката поради относително свободния словоред в българския език.

Определителният член престава да бъде доминантен при отделяне на конкретни и уникални обекти. Той се превръща в една от стратегиите на говорещия в подобни случаи, но не единствената. Засега процесът е особено активен при използване на именни фрази със собствени имена.

Използването на рефлексиви отстъпва. При това изравняване, особено в 3. лице, където кореференцията е несигурна, ролята на контекста става основополагаща.

⁶ https://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=parlamint41_bg

Съществителните в мъжки род губят опозицията по характеристиката *лице:нелице* при употреба на бройната форма и множественото число, като се доближават до съществителните от женски и среден род, които нямат подобно маркиране.

Съгласувателното маркиране преминава от граматическо към дискурсно предимно при подлози-лица, за да се осигури възможно най-бързо снемането на многозначността. Нека споменем накратко и йерархията на Корбет (Corbett: 2004) за типовете съгласуване. Тя включва следните елементи: *атрибуция — предикатност — относително местоимение — лично местоимение*, където отляво надясно синтактичното/граматичното съгласуване намалява за сметка на контекстовото. За българския език бих разместила йерархията по следния начин: *атрибуция (смела жена) — относително местоимение (жената, която беше смела) — предикатност (тази жена е учител.) — лично местоимение (дойде едно момиче. Тя беше прекрасна)*. Предикацията и механизмите на анафората дават повече възможности за преминаване към семантично съгласуване от атрибуцията — независимо дали се реализира вътре в именната фраза чрез синтактични прилагателни, или извън нея чрез подчинени относителни изречения.

Следователно българският език се развива към намаляване на граматическите маркери за разграничаване на редица явления, при което се увеличава значението на контекста за разбирането на смисъла. Този процес представя и положителни, и отрицателни когнитивни ефекти. Положителен ефект например е свеждането на граматическите средства до минимум при изразяване на определено съдържание. За отрицателен ефект считам натоварването на контекста и знанията ни за света с отговорността за коректното разбиране на ситуацията.

Езикът ни търси и локални лексикални начини за експлициране на женския пол при съществителни за лица в позиция на подлози. Затова съществува засилена тенденция към образуване на съществителни от женски род за длъжности и професии. Този процес би стабилизирал до голяма степен граматическото съгласуване, без да спира тенденцията на замяната на някои граматически маркери с фактори от контекста.

ЛИТЕРАТУРА

- Вълчев Боян. *От историята на българския книжовен език към теорията на книжовните езици*. София: Оксиарт, 2009.
- Джонова Марина. *Граматика на учтивостта*. София: Парадигма, 2014.
- Джонова Марина, Велкова Йорданка. „Фонетични и морфологични особености на устната реч“. Тишева Йовка, Алексова Красимира, Асенова Ася, Велкова Йорданка, Джонова Марина, Трендафилова Алиса (съст.). *Как говори съвременният българин*. Том 1. Граматика и устна реч. София: ФНИ, Фондация „Фокус“, 2014: 104–156.
- Миланов Владислав, Михайлова-Сталянова Надежда (съст.). *Езикови портрети на български политици*. Част Първа. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2012.
- Ницолова Руселина. *Българска граматика. Морфология*. София: УИ „Св. Кл. Охридски“, 2023. (второ издание).

- Ницолова Руселина. *Избрани трудове*. София: УИ "Св. Кл. Охридски", 2020.
- Норман Борис. „Прагматичен аспект на граматичните категории в българския език“. *Сборник от Форум „Българска граматика“*. 2. Граматика и прагматика, 19 ноември, 2015 г. Университетско издателство „Св. св. Кирил и Методий“, Велико Търново, 2016: 138–147.
- Норман Борис. „За някои вторични функции на определителния член в българския език“. *Славянски диалози* 32 (2023): 53–69.
- ОПРБЕ. *Официален правописен речник на българския език*. София: Просвета, 2012.
- Сумрова Ванина. „Динамика при назоваването на лица жени в съвременния български книжовен език през последното десетилетие на XX век“. Сумрова Ванина, Божилова Мая, Колковска Сия, Костова Надежда. *Студии по лексикология*. София: АИ „Марин Дринов“, 2011: 101–170.
- Тодорова Биляна. „Именната фраза от типа [N[N]] и конкуренцията с други синтактични конструкции в съвременната българска речева практика“. *Български език, Приложение/Bulgarian Language, Supplement* 67 (2020): 186–198. doi: 10.7546/BL.LXVI.20.PR.11.
- Харалампиев Иван. *Бъдещето на българския език от историческо гледище*. Велико Търново: Фабер, 2006.
- Corbett Greville. „The Agreement Hierarchy“. *Journal of Linguistics* 15/2 (1979): 203–224.
- Pollard Carl, Sag Ivan. *Head-driven Phrase Structure Grammar*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Sag Ivan, Wasow Tom, Bender Emily. *Syntactic Theory. A Formal Introduction*. Stanford: CSLI, 2003. (2nd edition).

REFERENCES

- Corbett Greville. „The Agreement Hierarchy“. *Journal of Linguistics* 15/2 (1979): 203–224.
- Dzhonova Marina. *Gramatika na uchativostta*. Sofia: Paradigma, 2014.
- Dzhonova Marina, Velkova Yordanka. „Fonetichni i morfologichni osobenosti na usnata rech“. Tisheva Yovka, Aleksova Krasimira, Asenova Asya, Velkova Yordanka, Dzhonova Marina, Trendafilova Alisa (sast.). *Kak govori savremenniyat balgarin*. Tom 1. Gramatika i usna rech. Sofia: FNI, Fondaciya „Fokus“, 2014: 104–156.
- Haralampiev Ivan. *Badeshteto na balgarskiya ezik ot istorichesko gledishche*. Veliko Tarnovo: Faber, 2006.
- Milanov Vladislav, Mihaylova-Stalyanova Nadezhda (sast.). *Ezikovi portreti na balgarski politici*. Chast Parva. Sofia: UI „Sv. Kliment Ohridski“, 2012.
- Nitsolova Ruselina. *Balgarska gramatika. Morfologiya*. Sofia: UI „Sv. Kl. Ohridski“, 2023. (vtoro izdanie).
- Nitsolova Ruselina. *Izbrani trudove*. Sofia: UI „Sv. Kl. Ohridski“, 2020.
- Norman Boris. „Pragmatichen aspekt na gramatichnite kategorii v balgarskiya ezik“. *Sbornik ot Forum „Balgarska gramatika“*. 2. Gramatika i pragmatika, 19 noemvri, 2015 g. Universitetsko izdatelstvo „Sv. sv. Kiril i Metodiy“, Veliko Tarnovo, 2016: 138–147.
- Norman Boris. „За някои вторични функции на определителния член в българския език“. *Славянски диалози* 32 (2023): 53–69.
- ОПРБЕ. *Официален правописен речник на българския език*. София: Просвета, 2012.
- Pollard Carl, Sag Ivan. *Head-driven Phrase Structure Grammar*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Sag Ivan, Wasow Tom, Bender Emily. *Syntactic Theory. A Formal Introduction*. Stanford: CSLI, 2003. (2nd edition).
- Sumrova Vanina. „Dinamika pri nazovavaneto na lica zheni v savremenniya balgarski knizhoven ezik prez poslednoto desetiletie na XX vek“. Sumrova Vanina, Bozhilova Maya, Kolkovska Siya, Kostova Nadezhda. *Studii po leksikologiya*. Sofia: AI „Marin Drinov“, 2011: 101–170.

- Todorova Bilyana. „Imennata fraza ot tipa [N[N]] i konkurenciyata s drugi sintaktichni konstrukcii v savremennata balgarska rechea praktika“. *Balgarski ezik*, Prilozhenie/ Bulgarian Language, Supplement 67 (2020): 186–198. doi: 10.7546/BL.LXVI.20.PR.11.
- Valchev Boyan. *Ot istoriyata na balgarskiya knizhoven ezik kam teoriyata na knizhovnite ezici*. Sofia: Oksiart, 2009.

Петја Осенова

ГРАМАТИКА УСТУПА МЕСТО ПРАГМАТИЦИ (ЗАПАЖАЊА ИЗ БУГАРСКОГ ЈЕЗИКА)

Резиме

Рад разматра различите језичке феномене у бугарском језику код којих се уочава тенденција редукције граматичког означавања. Као последица тога, у одређеним контекстима све већи утицај на правилно тумачење исказа имају прагматички фактори. Често је ова тенденција повезана и с кршењем важеће језичке норме. Посебна пажња посвећена је феноменима као што су: повећани аналитизам код појединих заменица, редукција граматичких означања у вокативним облицима именица, појава повећаног контекстуално оријентисаног усаглашавања, сужена употреба одређеног члана, мешање облика множине и простог облика множине код мушких именица, као и редукција рефлексивних заменица унутар ланаца кореференције.

Кључне речи: граматика, бугарски језик, прагматика, језичка норма.

Људмила Поповић
Универзитет у Београду
ljudmila.popovic@fil.bg.ac.rs
<https://orcid.org/0000-0002-5774-5754>

Ljudmila Popović
Univerzitet u Beogradu
ljudmila.popovic@fil.bg.ac.rs
<https://orcid.org/0000-0002-5774-5754>

ВЕЗНИК *ЧИМ* У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ У ПОРЕЂЕЊУ С ИСТОЧНОСЛОВЕНСКИМ ВЕЗНИКОМ *РАЗ*

THE CONJUNCTION *ČIM* IN SERBIAN IN COMPARISON WITH THE EAST SLAVIC CONJUNCTION *RAZ*

Синтаксички статус везника *чим* у српском језику је посебан — у зависности од различитих морфолошких, лексичких, синтаксичких и прагматичких параметара он може имати значење које „балансира“ од темпоралног до узрочног, али и условног. Циљ овог рада је да се опишу различити типови реченица с везником *чим*, као и да се укаже на посебан тип сложене реченице с овим везником у којем се остварује тзв. *обрнућа узрочна условљеност* — главна реченица указује на претпостављени узрок ситуације у зависној клаузи, а зависна клауза на реалну ситуацију која служи као основ за логичко закључивање о том узроку. Таквим српским конструкцијама у источнословенским језицима одговарају узрочне реченице с везником *раз*. Показано је такође да везник *чим*, слично источнословенском везнику *раз*, функционише и у условним конструкцијама с ослабљеном хипотетичношћу.

Кључне речи: везник *чим*, таксис, обрнута узрочна условљеност, ослабљена хипотетичност, српски, руски, украјински, белоруски.

The syntactic status of the Serbian conjunction *čim* 'as soon as/since/if' is special — depending on various morphological, lexical, syntactic and pragmatic parameters, it can have a meaning that "balances" from temporal to causal, but also to conditional. The aim of this paper is to describe the different types of sentences with the conjunction *čim*, as well as to point out sentences in which the so-called *reverse causal conditionality* is achieved — the main clause indicates the assumed cause of the situation in the dependent clause, and the dependent clause indicates the real situation that serves as the basis for logical inference about that cause. Such Serbian constructions correspond to causal sentences with the conjunction *raz* 'since' in East Slavic languages. Further it has been shown that the conjunction *čim*, similar to the East Slavic conjunction *raz*, can also function in conditional constructions with weakened hypotheticality.

Keywords: conjunction *čim*, taxis, reverse causal conditionality, weakened hypotheticality, Serbian, Russian, Ukrainian, Belarusian.

*1. Типови таксисних конструкција с везником чим
у српском језику и њихови еквиваленти у руском језику.*

Везник чим у временским реченицама, у складу с теоријом таксиса Виктора Храковског (Храковский 2003)¹, указује на тзв. *контијактну антиериорносћ*, када зависна ситуација непосредно претходи главној ситуацији (Храковский, Барентсен I, II 2025; Поповић 2014: 60–61; 2018: 510–511)². У терминологији Иване Антонић, која се бавила темпоралном реченицом с везником чим у српском језику, такав однос се одређује као „временска идентификација оријентационог типа постериорност имедијатност“³ (Антонић 2018: 320–321).

Притом И. Антонић указује на две врсте односа између видско-временских облика предиката у управној и зависној клаузи: у зависној клаузи увек мора бити свршени глагол, а у главној може бити како свршени тако и не-свршени. На исту чињеницу указано је у описима таксисних конструкција у српском језику (Поповић 2014, 2018), с тим, што се реченице с перфективним глаголом у предикату управне реченице разматрају у оквиру *конструкција контијактне антиериорносћи* (Поповић 2014: 60–61; 2018: 510–511), а оне с имперфективним глаголом — као конструкције у којима се остварује таксис *контијактне антиериорносћи* *при понављању ситуација*, уп. (1) и (2):

- (1) *Осећио је*: PRF.PFV беснило **чим** је девојчицу *пронашао*: PRF.PFV склупчану испод бара у фоајеу (Б. Пекић, *Беснило*).
- (2) Свака жена **чим** се *оштреби*: PRS.PFV од чибулица, пега и младежа као од буба, *шосијаје*: PRS.IPFV лепа уз помоћ белила енглеске фирме *Roni & son* (М. Павић, *Хазарски речник*)⁴.

У таксис контактне антериорности при понављању ситуација спадају и оне реченице у којима се у оба дела конструкције налази облик перфектив-

¹ Према В. С. Храковском, таксис је „катеорија која се реализује у бипредикативним (и полипредикативним) конструкцијама, у којима се граматичким средствима маркира темпорална локализација (симултаност/асимултаност: антериорност/постериорност) једне ситуације P₁ у односу на другу ситуацију P₂, чија се темпорална локализација одређује у односу на време говора, тј. независно од било које ситуације P_n“ (Храковский 2003: 37).

² Аутор захваљује рецензентима овог рада на свим вредним сугестијама које су допринеле његовом побољшању. Одговорност за све евентуалне пропусте у њему, наравно, сноси сам аутор.

³ Временску идентификацију „постериорност имедијатност“ Иване Антонић одређује као однос двеју сукцесивних предикација када реченична предикација у целом току свог трајања следи после зависне предикације са податком о временској квантификацији непосредног слеђења (Антонић 2018: 320).

⁴ Овом приликом изражавам дубоку захвалност колеги Стефану Милошевићу на помоћи у прикупљању примера из паралелног српско-руског корпуса, који је у припреми. У раду су такође коришћени примери из паралелног (руско-украјинског и руско-белоруског) корпуса Националног корпуса руског језика (<https://ruscorpora.ru/>). Примери из прозе Б. Пекића су ексцерпирани из романа *Беснило* и *1999*, који су објављени у издвачкој кући „Лагуна“ 2011.

ног потенцијала I, односно само у њеном зависном делу. У потоњем случају у управној реченици може се употребити имперфективни глагол (3–4):

- (3) **Чим** би он ујутру *дошао*: POT.I.PRF на службу, она *би*, као случајно, *ишла*: POT.I.PRF без перике (М. Црњански, *Сеобе*).
- (4) **Чим** би се неки од њих мало *закашљао*: POT.I.PRF, фра Лука је *ири-сћаваљао*: PRS.IPFV на свој мангал лончић са травама (И. Андрић, *Травничка хроника*).

У конструкцијама контактнoг антериорног таксиса изретка је могућа употреба имперфективног глагола у управној реченици, а да се притом не ради о понављању ситуација. Како је било указано у ранијим истраживањима те проблематике, у том случају претежно су у питању имперфективни глаголи који испољавају тенденцију ка реализацији ингресивног значења (Храковский, Барентсен II 2024: 111) или модални глаголи код којих је аспектуална вредност ослабљена пројекцијом пунозначног перфективног глагола у предикату допунске клаузе или инфинитиву уз модални глагол (5–6):

- (5) **Чим** сам *угледао*: PRF.PFV Емину, *знао сам*: PRF.IPFV да ће ми бити жена (Поповић 2018: 511/*Svet* 04.12.2012).
- (6) **Али чим** су *дошли*: PRF.PFV *летњи месеци* и *појавили се*: PRF.PFV *студенти*, *осетљивом* *Гласинчанину* *није могла*: PRF.IPFV *да измакне*: PRS.PFV *пажња* коју *учитељка* *посвећује* *Stikoviću* (I. Andrić, *Na Drini ćuprija*).

Уобичајено су у конструкцијама с везником чим које су намењене исказивању контактне антериорности могуће комбинације различитих перфективних глаголских облика у предикатима оба дела сложене реченице — свршеног перфекта или аориста у оба дела реченице (7–9, 11), аориста и перфекта у различитим комбинацијама (15), перфекта и плусквамперфекта (у зависној клаузи), футура I у главној реченици и футура II или презент-а свршеног у зависној клаузи (10) (Поповић 2014: 60–61; 2018: 510–511).

Контактна антериорност која се остварује у таквим конструкцијама потврђује се и у њиховим преводима на друге словенске језике. У даљем тексту навешћемо примере из паралелног српско-руског корпуса, где српским конструкцијама с везником чим одговарају зависносложене реченице с везником тољко, односно как тољко, лиш тољко, тољко что, тољко лиш, тољко, лиш, как...так и сл., који су типично средство исказивања контактне антериорности у руском језику, на пример (7'–11'):

7) **Čim** *su ih izveli*: PRF.PFV *rastavili su*: PRF.PFV *ih i počeli da saslušavaju odvojeno* (I. Andrić, *Na Drini ćuprija*).

(7') **Как тољко они** *вышли* в коридор, они *были тотчас разлучены* и допрошены порознь (пер. Т. Н. Вирта, *Мост на Дрине*)⁵.

⁵ Име преводиоца и наслов превода овде и даље у тексту наводе се само код првог примера. Подразумева се да су остали примери из истог дела једног аутора преузети из истог превода.

(8) Прошлог Ускрса чим смо ушли: PRF.PFV <i>дуноу је</i>: PRF.PFV <i>југо</i> и она је била у прилици да му пружи нова пророчанства (М. Павић, <i>Хазарски речник</i>).	(8') На прошлу Пасху, только мы вошли к ней, задул южный ветер, и гадалка сразу же изрекла... (пер. Л. Савельева, <i>Хазарский словарь</i>).
(9) Чим се нађосмо: AOR у табору принца Баденског, дознасмо: AOR да је и гроф Георгије кренуо на ратиште, а да су генерали Хандерсхајм, Ветерани и Хајзел већ спремни за напад на турске положаје, и да их бери већ два дана брију и чешљају у ходу трчкарајући око њих (М. Павић, <i>Хазарски речник</i>).	(9') Как только мы оказались в лагере принца Баденского, нам стало известно, что граф Георгий выдвинулся на позиции, генералы Хайдерсхайм, Ветерани и Хайзел уже готовы к атаке на расположение турок и циркульники уже два дня бреют и причесывают их на ходу, бегая за ними.
(10) I čim mrak padne: PRS.PFV, uzeće: FUT.I.PFV <i>leš</i>, odneti ga i sahraniti, ali na skrovitu mestu i bez ikakva vidna traga, tako da će izgledati posve verovatno da su ga psi u toku noći razvukli i pojeli (I. Andrić, <i>Na Drini ćuprija</i>).	(10') Они же трое спрячутся в кустах неподалеку, а как только стемнеет, возьмут труп, унесут его и похоронят, но где-нибудь в укромном месте и так, чтобы никаких следов не осталось и чтобы никто не усомнился в том, что труп ночью растерзали и съели собаки.
(11) Čim se to dogodilo: PRF.PFV, čim je prvi pustinjač seo: PRF.PFV u svoju senku i popio: PRF.PFV prvu rosu, riba i jagnje su se razdvojili: PRF.PFV (М. Павић, <i>Predeo slikan čajem</i>).	(11') Лишь только первый житель пустыни присел в собственной тени и вкусил первой росы, эдмеи разделились по признакам Рыбы и Агнца (пер. Н. Вагапова, Р. Грецкая, <i>Пейзаж нарисованный чаем</i>)

Наглашавању контактнoг односа антериорности у преводима српских реченица с везником чим на руски језик, осим везника как только, служе прилози *тотчас* 'истог трена' (7'), *сразу (же)* 'одмах' (8'), који се налазе у управној реченици. У појединим случајевима контактну антериорност истиче прилог ЕДВА 'једва/тек' који се користи као везничка реч у клаузи (12'):

(12) Upravo, to se šaputalo među kasaba- lijskim devojkama, a stariji svet je, čim je prošla: PRF.PFV svaka opasnost i ukinute sve mere zbog epidemije, zaboravio: PRF.PFV i lekara i pukovnikovicu (I. Andrić, <i>Na Drini ćuprija</i>).	(12') Вернее, об этом перешептыва- лись городские девицы, а публика солидная, едва миновала опасность инфекции и был снят карантин, забы- ла и доктора и полковницу.

Истицању односа контактне антериорности у руском језику могу слу-
жити и друга средства. Понекад се у преводу са српског језика на руски

сложена реченица трансформише у просту, када се глагол у предикату зависне клаузе замењује падежном конструкцијом с предлогом с 'с(а)' и именицом процесуалног значења у инструменталу (13') и (14') или глаголским прилогом свршеним, најчешће уз подршку прилога *едва* (15'), на пример:

(13) <i>Čim rat između Turske i Srbije pre-stade</i> : AOR, <i>svet se umiri</i> : AOR (I. Andrić, <i>Na Drini ćuprija</i>).	(13') <i>С прекращением войны</i> между Турцией и Сербией <i>улеглись и волнения</i> .
(14) Od posluge je ostao sa njima jedino verni i nepromenljivi Milan, stari neženja, ali uvek nalickan lepotan, koje već odavno nije imao više koga da izbacuje iz hotela; <i>ostali su se</i> , kao što se u ovakvim prilikama često dešava, <i>razbegli</i> : PRF.PFV <i>čim je prvi top pukao</i> : PRF.PFV nad kasabom (I. Andrić, <i>Na Drini ćuprija</i>).	(14') Из слуг один только верный Милан, закоренелый холостяк и старый франт, давно лишенный практики вышибалы из стен заведения, оставался по-прежнему с ними; <i>прочая челядь</i> , как часто бывает в таких обстоятельствах, <i>разбежалась с первым пушечным залпом</i> , прогремевшим над городом.
(15) <i>Čim je dotakao</i> : PRF.PFV nogama zemlju, pukovnik <i>se preobrazi</i> : AOR (I. Andrić, <i>Na Drini ćuprija</i>).	(15') <i>Едва коснувшись земли</i> , полковник неузнаваемо <i>преобразился</i> .

Значење контактне антериорности при понављању ситуација, на које, као што је било напоменуто раније, указује потенцијал у предикатима оба дела временске реченице (16), односно имперфективни презент у управној клаузи, уз перфективни потенцијал или презент у зависној (17), у преводу на руски језик се дочарава помоћу имперфективних глагола у оба дела конструкције (16') или само у управној реченици (17').

Употреба перфективног глаголског прилога уз прилог *едва* у зависној клаузи конструкција контактне антериорности при понављању ситуација представља важну карактеристику овог облика у руском језику.

(16) Та увежбана лепота изискивала је од ње огроман физички напор и чим би принцеза остала : POT.I.PFV сама и опустила се : POT.I.PFV, њена лепота би се расула : POT.I.PFV као њена со (М. Павић, <i>Хазарски речник</i>).	(16') Эта искусственная красота требовала от нее столько сил и напряжения, что, как только принцесса <i>оставалась</i> : PRET.IPFV одна и ослаблялась, красота ее <i>рассыпалась</i> : PRET.IPFV так же, как ее соль.
(17) <i>Čim primeti</i> : PRS.PFV da je neko uplašen ili rastužen više od ostalih, on mu <i>prilazi</i> : PRS.IPFV, <i>razgovara</i> : PRS.IPFV ga i nudi rakijom, kafom i duvanom (I. Andrić, <i>Na Drini ćuprija</i>).	(17') <i>Едва заметив</i> , что кто-нибудь особенно встревожен или приуныл, Михаилу <i>спешит</i> : PRS.IPFV с утешением и угощает кофе, ракией или табаком.

2. Однос ѿврайне условљеностѿи у узрочним реченицама с везником чим

Прототипично, када се у предикату једног, најчешће зависног, дела реченице с везником чим, односно у оба њена дела, налази глагол несвршеног вида, долази до контаминације временског односа, који је примаран, узрочним (18). Такав темпорално-узрочни комплекс може више нагињати ка једном или другом значењу, у зависности од подршке контекста.

- (18) Ali sada, **чим** nije mogao: PRF.IPFV *da se kreće*: PRS.IPFV, *počeo je*: PRF.PFV *da uobražava da ga nabijaju na kolac*; *grčio se i odupirao uz očajnu viku*: Ne mene, ne mene! Vilu hvatajte! Ne, Abidaga! (I. Andrić, *Na Drini ćuprija*).

У наведеној реченици (18), која осцилира између темпоралне и узрочне, везник чим присаједињује клаузу с имперфективним модалним и пунозначним глаголом у предикату допунске клаузе. Везник чим у овој клаузи може се заменити везником кад(а) (уп.: Али, сада, *када* није могао да се креће, почео је да уображава...), али и неким узрочним везником, нпр. како (уп.: Али сада, *како* није могао да се креће, почео је да уображава...).

Кад је у питању имперфективност глагола у предикату главне реченице, треба водити рачуна да у сложене глаголском предикату почетнофазни глагол може бити перфективан док је глагол у облику инфинитива имперфективан, што чини могућом његову двоструку темпорално-узрочну интерпретацију, уп.:

- (19) **Чим** је схваѿио: PRF.PFV своју моћ, човек се према природи ѿпочео: PRF.PFV ѿонаѿаѿи: INF.IPFV као према случајној и несносној рогобатности у уредном поретку вештачких ствари, у свету властитих производа, који би, иначе, без природе био савршен (Б. Пекић, 1999)

Наведени пример (19) је типичан за контаминирани темпорално-узрочне односе и може да се схвати на следећи начин: 1) човек се почео понашати према природи окрутно *након ѿѿио* је схватио своју моћ; 2) човек се почео понашати према природи окрутно *зайио ѿѿио* је схватио своју моћ.

Могућу замену за везник чим у наведеном примеру (19) представља везник ѿоѿѿио, који попут везника чим може реализовати темпорално и узрочно значење, у зависности од аспектуалних показатеља глагола у предикату и контекста (в. 20–21). С тим што у конструкцијама с везником ѿоѿѿио темпорална дистанца између ситуација у клаузи и управној реченици није обележена, уп.:

- (20) **Пошто** се враѿио: PRF.PFV, *вечерао је*: PRF.PFV.

- (21) **Пошто** се касно враѿио: PRF.IPFV, *вечерао је*: PRF.IPFV сам (Поповић 2014: 135).

Као што је било напоменуто, везник чим реализује узрочно значење у реченицама које садрже имперфективни глагол у предикату зависне клаузе или управне реченице, односно у оба дела сложене реченице, уп. :

- (22) **Чим** си ме назво: PRF.PFV земљак, *јасно* ми је: PRS.IPFV одакле си (Интернет).
- (23) **Чим** си: PRS.IPFV ти *доктор*, па још *д* доктор, *види се*: PRS.IPFV да ниси читао проф. др Елеонору Гвозденовић (Интернет).
- (24) **Чим** су *јосијојале*: PRF.IPFV, *значи*: PRS.IPFV да су имале своју клијентелу (Интернет).

Таквим конструкцијама у источнословенским језицима одговарају сложене реченице са двовалентним везником *раз*, чије значење варира од узрочног до условног у различитим типовима реченица. Уп.:

- (25) (рус.) Последние слова Долинника все сказали Павлу. Было ясно: Долинник свой человек. **Раз** провожал Жухрая, *значит...* (Н. Островский, *Как закалялась сталь*).
 'Последње речи Долинника рекоше Павлу све. Било је јасно. Долинник је наш човек. **Чим** је пратио Жухраја, значи...' (ред. прев. Б. Марковић, *Како се калио челик*).
- (26) (укр.) **Раз** уже так *сталося*, **раз** уже *світ перемінвся*, комусь же, видно, *треба* цю зброю *брати*, будь вона проклята нехай! (О. Довженко, *Ніч перед боєм*).
 'Чим је већ дошло до тога, **чим** се већ свет преокренуо, неко изгледа мора да се лати тог оружја, дођавола!'
- (27) (блр.) Зазыба разумеў — абвяргаць бязглуздіцу Брава-Жыватоўскага адзін на адзін, таксама як і пераконваць яго ў адваротным, *было справай дарэмнай*, **раз** ужо ўсё гэта *вынашана ў думках і складзена ў пэўную сістэму* (І. Чыгрынаў, *Айраўданне крыві*).
 'Зазыба је схватио да би побијање мишљења Браво-Животовског, као и његово убеђивање, представљало чисто губљење времена **чим** је све то у његовим мислима већ сложено и изграђено у прави систем.'

Неопходно је нагласити да се у руском језику везник *раз* среће чешће него у украјинском и белоруском, где му често одговарају везници са већим степеном 'спецификације' условног или узрочног значења. Рецимо, у украјинском језику као еквиваленти руског везника *раз* могу се јавити следећа средства: условни везник *якщо 'ако'*, темпорално-условни везник *коли 'кад(а) (у значењу 'ако')'*, као и узрочни везник *оскільки 'јер/пошто'*, док му у белоруском одговарају *раз* и, чешће, темпорално-условни *калі 'кад(а) (у значењу 'ако')'*, уп.:

Руски	Украјински и белоруски
(28) Ничего подобного, — воскликнул рыжий, — что это такое: раз уж заговорил, так уж непременно арестовать! (НКРЯ/М. Булгаков, <i>Мастер и Маргарита</i>)	(28') Поцілила пальцем у небо, — вигукнув рудий, — що це таке: раз заговорив, так уже неодмінно маю арештовувати! (пер. М. Білорус, <i>Майстер і Маргарита</i>)

(29) Ничего удивительного не было уже и в том, что человек на стене неподвижен: раз не шевелится — интерес небольшой (НКРЯ/М. Троепольский, <i>Белый Бим Черное Ухо</i>).	(29') Нічого дивного вже не було і в тому, що людина на стіні нерухома: якщо не ворухиться — зовсім не цікаво . (пер. В. Бідова, <i>Білий Бім Чорне Вухо</i>)
(30) А раз богатые утекают — значит, придут партизаны , — окончательно и твердо разрешил этот политический вопрос Сережка (НКРЯ/Н. Островский, <i>Как закалялась сталь</i>).	(30') А коли багаті тікають — значить, придуть партизани , — остаточно й рішуче розв'язав це політичне питання Сергійко (пер. В. Петровський, <i>Як гартувалася сталь</i>).
(31) Он уже осваивался в роли собутельника, раз уж его лишили роли хозяина, боком присел к столу и жевал корку хлеба. (НКРЯ/пер. В. Быков, <i>Знак Беды</i>)	(31') Ён ужо асвойваўся з роляй сабутельніка, калі не гаспадара, бокам прысеў да стала і жгаваў скарынку. (В. Быкаў, <i>Знак бяды</i>)
(32) Ты решил подняться ко мне, раз уж я не могу спуститься , так? (НКРЯ/Б. Заходер, пересказ повести <i>Мэри Поппинс</i>)	(32') Ти вирішив піднятися до мене, оскільки я вже спуститися не можу , чи не так? (пер. М. Камінчук, <i>Мері Поппінс</i>)

Поредећи наведене везнике у источнословенским језицима са српским везником чим, не можемо да не запазимо сличност међу конструкцијама у којима се они користе. Постоји ипак једна значајна разлика. Везник раз у руском језику јавља се у клаузама с узрочним и условним значењем, док се темпорално реализује само у погледу тзв. секундарног таксиса⁶, док се у украјинском језику исти везник јавља претежно у условним реченицама, што потврђују и украјинске граматике. Раиса Христианинова, на пример, сврстава украјинске конструкције с везником раз у условне реченице потенцијалног типа (Христианинова: 2012: 199–200). О условним реченицама с везником раз у источнословенским језицима у поређењу са српским конструкцијама с везником чим, међутим, биће више речи у даљем тексту.

У србистичкој литератури посебно су издвојене конструкције с везницима чим, док и кад, које припадају посебном *субјолу узрока кријтерија* (Ковачевић 2012: 120). Како наводи Милош Ковачевић, „овим се синтаксичким јединицама, наиме, увијек изражава *субјективни кријтериј асоцијативно-фреквенцијског тип*а: на основу заједничког појављивања (макар и случајног) X и Y, при свакој се наредној реализацији X закључује о реализацији Y [...]”. Узрок је овде типа *causa cognoscendi*, али ријетко ван мишљења самог субјекта или *causa vera* (истинит узрок)“ (Исто). Како би

⁶ Секундарни таксис (у руској лингвистици *фоновый таксис*, в.: Храковский 2003; Поповић 2014) читава се на нивоу узајамне темпоралне локализације између предикација у реченицама које нису временске, већ указују на другу врсту семантичко-синтаксичког односа.

илустровао свој закључак о таквом типу узрочних реченица с везником чим, М. Ковачевић наводи следеће примере:

- (33) **Чим** багрем овако *мирише*: PRS.IPFV, *биће*: FUT.I.IPFV *кише* (Ковачевић 2012: 121 / Д. Ћосић)
- (34) *Јуџовина је*: PRS.IPFV: PRS.IPFV, **чим** *смрди*: PRS.IPFV *ћенифа* (Ковачевић 2012: 121 / С. Куленовић)
- (35) *Ти си*: PRS.IPFV *нездрав*, **чим** *йравиш*: PRS.IPFV таква поређења (Ковачевић 2012: 121 / А. Исаковић).

Међутим, уколико посматрамо пажљиво наведене примере, узрок у конструкцијама овог типа није садржан у клаузи већ у главној реченици, а клауза заправо указује на чињенично стање које је последица тог претпостављеног узрока, до којег се дошло логичким закључивањем, уп.:

- (36) Багрем мирише **јер** се спрема киша.
- (37) Смрди ћенифа **јер** је југовина.
- (38) Правиш таква поређења **јер** си нездрав.

Такав се однос између управне реченице и зависне клаузе у лингвистичкој литератури одређује као *однос обрнуће условљености*⁷, када се прерасподељују функције између управне реченице и зависне клаузе. Овај тип односа је типичан за реченице с везником *раз* у руском језику (Љапон 1980: 582). Дакле, у наведеним примерима с везником чим (33–35) *клауза указује на постојећу ситуацију о чијем се узроку нагађа у управној реченици*.

Реченице обрнуте условљености разликују се од правих узрочних реченица, уп.:

- (39) Трава је мокра **јер** је падала киша.
- (40) **Чим** је трава мокра, падала је киша.

Клауза с везником *јер* у примеру (39) указује на ситуацију која крије узрок ситуације у управној реченици. Такав узрок можемо одредити као *causa vera*. С друге стране, у реченици с везником чим сама управна реченица садржи узрок *causa vera*, док клауза указује на последицу те ситуације. Управо та чињеница спречава могућност замене везника *јер* на чим у правој узрочној клаузи, уп.:

- (39') *Трава је мокра, чим је падала киша.

Пошто је очигледно да се у закључивању полази од оног што је реално ка претпостављеном, а не обрнуто, права логичка структура (псеудо)узрочних реченица с везником чим није $P \leq Q$, већ $P \Rightarrow Q$, где је *P* предикација у управној реченици, а *Q* — у зависној клаузи.

⁷ Еквивалент руског термина *обратная обусловленность*, који користи М. Љапон (Љапон 1980: 582).

У оба наведена примера — правој узрочној реченици с везником ЈЕР (39) и реченици обрнуте условљености с везником чим (40), прави узрок тога што је трава мокра је свакако киша, без обзира на синтаксичку структуру реченице. Тај се узрок, међутим, у наведеним реченицама приказује из угла различите комуникативне перспективе. Уз помоћ везника чим *ше-майизује се клауза*, за разлику од праве узрочне реченице где клауза, која је увек у постпозицији са везником ЈЕР, садржи рему, уп.:

(39') Трава је мокра **јер** је *йадала* киша (зависна клауза садржи рему).

(40') **Чим** је трава мокра, *йадала је* киша (управна реченица садржи рему).

Упоредићемо наведене примере с везником чим с одговарајућим примером реченице с везником РАЗ који указује на однос обрнуте условљености у руском језику:

(41) Значит у тебя *хороший характер*, **раз** тебе везде *хорошо* (Ляпон 1980: 582/ Носов).

'**Чим** ти је свуда лепо, добар си по природи.'

Како указује Маја Љапон (Ляпон 1980: 582), ауторка поглавља посвећеног сложеној реченици рашчлањене структуре у академијиној граматичи руског језика под редакцијом Наталије Шведове (Шведова 1980), у примеру овог типа може се реализовати однос обрнуте условљености, кад ситуација Q (*тебе везде хорошо* 'свуда ти је лепо') представља последицу ситуације Р (*у тебя хороший характер* 'добар си по природи'), тј. прави узрок ситуације Q крије се у томе што је X, према говорниковој претпоставци, добар по природи (Р => Q)⁸.

Конструкције с везником чим и модалном речју МОРА у управној реченици

У главном делу реченице обрнуте условљености може се налазити модална реч која додатно истиче да се информација у том делу конструкције износи на основу логичког закључивања о узроку ситуације која се износи у зависној клаузи, уп.:

(42) (блр.) Дајно, **мабыць**, *падрыхтаваўся*, **раз** *адважыўся* прыехаць
(НКРЯ: Иван Шамякин, *Вазьму твой боль*)

'Мора да се одавно спремао, **чим** се усудио да дође.'

Чињеница да се ради о логичкој претпоставци на основу премисе која се износи у управној реченици указује на то да је конструкција с везником РАЗ/чим обележена у смислу говорникове епистемичке дистанце, а сам везник може спадати у лексичке маркере епистемичке модалности.

⁸ «В построениях такого типа могут иметь место отношения обратной обусловленности: (тебе везде хорошо (следствие), потому что у тебя хороший характер (истинная причина))» (Ляпон 1980: 582).

У српском језику модалну компоненту говорникове епистемичке дистанце према саопштаваном у реченицама с везником чим најчешће наглашава модални глагола *мора*, уп.:

- (43) **Мора** да одавно *није јео*, **чим** се толико *жури* (М. Лалић/Војводић 2018: 444)
 'Толико жури (последика) *јер* није јео (претпостављени/хипотетични узрок).'
- (44) **Мора** да су Тробрку *дрхћале* гаће, **чим** му је и вечеру *дао* (М. Лалић/Војводић 2018: 446)
 'Дао је вечеру (последика) *јер* су му дрхтале гаће (претпостављени/хипотетични узрок).'
- (45) **Мора** да си *шћетан*, сумњив, **чим** се *намећеш* од почетка (М. Лалић/Ковачевић 2012: 121)
 'Намећеш се (последика) *јер* си штетан, сумњив (претпостављени/хипотетични узрок).'

Непримарно епистемичко значење модалног глагола *морати*, које је одређено у литератури као псеудоаподиктивно или персуазивно-аподиктивно (Пипер 1983), наглашава у конструкцијама с везником чим хипопотетичност узрока реалне ситуације о којој се саопштава у клаузи, те истиче обрнуту условљеност наведене конструкције. Нагласићемо да се у наведеним примерима значење епистемичке дистанце чува и без присуства модалног глагола *морати*, с тим што у том случају клауза логично долази испред управне клаузе, уп.:

- (46) **Чим** се толико *жури*, одавно *није јео*.
- (47) **Чим је** цео свет *ушћао* против нас, значи⁹ да *смо омиљени* Богу (Интернет).

Везник чим у условним конструкцијама с ослабљеном хипотетичношћу

У реченицама с погодбеним клаузама категоријалног комплекса условљености Дојчил Војводић разликује четири типа ситуација које издваја полазећи од модалних или временских обележја хипотаксе: а) реалну; б) евентуалну; в) потенцијалну и г) иреалну ситуацију која служи као услов за остваривање ситуације у главној реченици¹⁰ (Војводић 2015: 137–140;

⁹ Глагол *значи* овде има функцију, блиску тој коју реализује у таквим конструкцијама глагол *мора* — указује на логичку претпоставку.

¹⁰ У темељном истраживању посвећеном овој проблематици (Војводић 2015) аутор наведене типологије указује да четворочлани модел класификације хипотакских погодбених значења преузима од М. Кравара (Кравар 1985), те га разрађује и донекле модификује на конкретним примерима у својим бројним радовима, као и у поглављу посвећеном опису конструкција са клаузама категоријалног комплекса условљености: узрочним, последицим, циљним, погодбеним, допусним, у капиталној Синтакси сложене реченице под редакцијом П. Пипера (Војводић 2018: 433–490). Д. Војводић такође истиче да се у литера-

Војводић 2018: 433–490). Ако следимо модалну логику исказа, ова подела је заснована на трима могућностима усклађености поруке са стварношћу, која се или констатује као чињеница, или допушта, или искључује у поруци (Шведова 1980: 563).¹¹

У складу с наведном поделом хипотаксе, везник чим је погодан за употребу у реченицама с *евентуалном хипотетичношћу* — у погодбеним конструкцијама са ослабљеном хипотетичношћу, када се констатује подударност са стварношћу оног што се саопштава у управној реченици ако је испуњен услов у клаузи, уп.:

(48) **Čim** ga ne podržavaš: PRS.IPFV ispod pazuha, on pada: PRS.IPFV (И. Андрић, *На Дрини ћуприја*).

(48') [→ Ако/кад га не подржаваш испод пазуха, он пада.]

У таквим конструкцијама везник чим се може заменити везником ако, односно везником кад(а), у реченици која је обележена контаминираним хипотетичко-темпоралним односом предикација (48').

Глаголски облици презента у предикатима клаузе и управне реченице указују на *хабиџуалну условљеност ситуација* — сваки пут, кад се дешава ситуација Q, дешава се ситуација P. Таква врста условљености се може посматрати као логичко закључивање које је засновано на емпиријским аргументима.

О темпорално-хипотетичкој вредности везника чим у таквим конструкцијама сведоче и њихови преводи на руски језик, у којима се употребљава везник если 'ако' с ослабљеном хипотетичношћу, уп.:

(49) **Чим** се диžне: PRS.PFV поклопац и оџвори: PRS.PFV кутија, долазимо: PRS.IPFV (као што је речено) до површине (М. Павић, *Кутија за писање*).

(49') **Если** поднять крышку и от-крыть ящик, перед нами окажется поверхность для письма (пер. Л. Савельева, *Ящик для письменных принадлежностей*)

тури о овом питању не разликују увек реални и евентуални услов, тј. да се код српских синтаксичара оба случаја посматрају као реална хипотетичност, као и да се не разликују евентуални и потенцијални услов у другим значајним граматикама словенских језика. Рецимо, у академијиној граматичи руског језика под редакцијом Н. Шведове (Шведова 1980: 562) издвојене су, поред реалних, само нереалне и потенцијалне условне реченице. По мишљењу Д. Војводића, севернословенски (источни и западни) језици, за разлику од јужнословенских, не разликују реалну од евентуалне условљености јер немају граматичка средства за разграничење датих типова хипотетичке модалности (Војводић 2015: 137).

¹¹ «Под основной модальной характеристикой понимается отношение сообщаемого к действительности. В предложениях, выражающих обусловленность, выявляются три вида такого отношения: соответствие действительности либо исключается (*Если бы отец был жив, он бы радовался успехам сына*), либо допускается (*Если он приехал, то он обязательно даст нам знать*), либо утверждается (*Раз он приехал, он нам поможет*)» (Шведова 1980: 563).

Имперфективни презент или футур I у управној реченици уз свршени презент у зависној клаузи с везником чим, може указивати на *хипотетичност* у конструкцији (49–50). Говорник претпоставља да *ако/кад(а)* се деси ситуација Q, десиће се ситуација P. Таква условљеност је заснована на логичком закључивању, дакле, инференцијално је обележена, што може додатно нагласити модални лексички показатељ говорникове епистемичке дистанце према саопштаваном, уп.:

- (50) **Чим** ти кажем: PRS.PFV шта је, ћуп ће за тебе и за друге *неминовно*: MOD *вредећи*: FUT.I.PFV мање него сада (М. Павић, *Хазарски речник*).
 (50') [→Ако ти кажем шта је, ћуп ће за тебе и за друге *неминовно* вредети мање него сада.]

У конструкцијама с везником чим, можемо констатовати и трећи тип условљености — *евиденцијалну хипотетичност*, када се у клаузи саопштава о реалној ситуацији, о којој, међутим, говорник сазнаје из других руку. Таква реална ситуација служи говорнику као основа за закључивање. Реалност ситуације у клаузи истиче глаголски облик, који указује на садашњи или прошли временски план (најчешће перфекат). Ипак уместо везника чим у таквим примерима могуће је употребити и везник ако, уп.:

- (51) **Чим** ти се не јавља: PRS.IPFV, *није*: PRS.IPFV више *заинтересован* (Разг.). [→Ако ти се не јавља, није више заинтересован.]
 (52) Мора да је *одустао*: PRF.PFV од студија, **чим** не долази: PRF.IPFV на предавања (Разг.). [→Мора да је одустао од студија ако не долази на предавања.]

С друге стране, везник чим у примерима (51–52) није могуће заменити везником кад(а), иако се потоњи одликује ослабљеном хипотетичношћу. Везник ако у наведеним примерима је прихватљив из тог разлога што се говорник на одређени начин дистанцира од информације која се саопштава у клаузи, уп. такође:

- (53) **Чим** ти се *није јавио*: PRS.PFV, *није*: PRS.IPFV више *заинтересован* (Разг.).
 (53') [→Ако је тако као што кажеш, да ти се *није јавио*, онда *није* више *заинтересован*.]
 (54') ***Када** ти се *није јавио*: PRS.PFV, *није*: PRS.IPFV више *заинтересован*.

У руским условним конструкцијама с ослабљеном хипотетичношћу употребљава се везник раз, уз корелативне речи то, так, значит, следователно, следуе, стало бытъ. Такве руске реченице можемо превести на српски језик помоћу конструкција с везником чим, који у том случају исказује условни однос. У таквој зависној клаузи могуће је употребити и везник *если/ако*, али пошто је хипотетичност ослабљена, у руским конструкцијама тог типа користи се везник раз, којем одговара везник чим у српском језику:

Руски	Српски
(55) Раз вы согласились, так отказываться неудобно (разг. речь).	(55') Чим сте пристали , незгодно је да се одустане (разг.).
(56) <u>Люди заметили это</u> , и никто не решался заговорить с ним в это время. И зачем он ездил в область, и куда там ходил, тоже не спрашивали. Раз молчит, значит не хочет говорить об этом, значит зачем же бередить душу расспросами (Шукшин). ¹²	(56') <u>Људи су то приметили</u> и нико се није усуђивао да разговара са њим у овом тренутку. А зашто је ишао у рејон и код кога је тамо ишао, нису се распитивали. Чим ћути, значи да не жели да прича о томе, значи не треба стајати човеку на муку распитивањем.
(57) <u>Они рассуждают логично</u> : раз появилась пародия, значит я чего-то стою (газ.).	(57') <u>Они резонују логично</u> : чим се појавила пародија, значи да нешто вредим.

Приметићемо да у свим наведеним примерима постоје и лексички показатељи евиденцијалности. У питању су речи које указују на чињеницу да се до информације која је изнета у клаузи дошло из других руку, уп.: (55) *вы согласились* (информација потиче од адресата); (56) *люди заметили ... раз молчит* (X је закључио); (57) *они рассуждают* (X резонује). Наведено потврђује да у конструкцијама овог типа везник чим не указује на субјективни критериј асоцијативно-фреквенцијског типа у клаузи (Ковачевић 2012: 120), нити на логичку заснованост каузалности (Војводић 2018: 444), већ на хипотетичност која је последица говорничковог дистанцирања од информације коју износи у клаузи. У овом случају можемо констатовати присуство евиденцијалних обертонова у функционалном обухвату везника чим. У источнословенским језицима такву функцију врши везник раз, о чему сведоче и примери (24–26; 55–57).

О хипотетичности руских конструкција с везником раз, између осталог, сведочи чињеница да се потоњи најчешће преводи на украјински језик помоћу условног везника *якщо* 'ако' или темпорално-условног везника коли *'кад(а)/ако'* (в. раније наведене примере (28'–29')).

Везник раз у украјинском језику најчешће се јавља у конструкцијама са значењем логичке заснованости, аргументације онога о чему се износи мишљење у главној реченици. Таквом везнику увек одговара везник раз у руском језику, уп.:

Украјински	Руски
(58) Ну раз <i>вбив</i> уже — <i>закопай</i> , хочеш одкровенно — не закопуй (М. Куліш, <i>Патетична соната</i>).	(58') Ну, раз <i>убил</i> уже — <i>закопай</i> , хочеш откровенно — не <i>закапывай</i> . (пер. П. Зенкевич, С. Свободина, <i>Патетическая соната</i>)

¹² Руски примери у овој табели преузети су из (Шведова 1980: 582).

Українски	Руски
(59) Раз я вас наздогнала, то що ж тепер маю робити? (М. Куліш, <i>Патетична соната</i>).	(59') Раз я вас догнала, то что же мне теперь <i>делатъ</i> ?

У таквим примерима источнословенски везник **раз** је изофункционалан условно-темпоралним везницима ((рус.) *если*, (укр.) *коли/якщо*, (блр.) *калі*), који представљају ситуацију као датост, коју, по мишљењу говорника, „прималац неће порећи“ (Иорданская, Мельчук 2007: 495).

У српском језику, наведеним источнословенским конструкцијама с везником **раз** могу одговарати реченице с везником **чим**, **пошто**, **ако**, **кад** (**већ**). Ови везници се јављају уз глагол у предикату зависне клаузе који указује на прошли временски план, односно на неку врсту прошлог реалног услова који је основа за изношење става у главној реченици:

Руски	Српски
(60) Зря живет. Или нет — ей тоже <i>нужно жить</i> , раз она родилась (А. Платонов, <i>Вся жизнь</i>).	(60') Залуд живи. Или не — она такође <i>їтреба да живи</i> , чим се родила. (пер. В. Јагличић)

С друге стране, везник **чим** може указивати на успостављање логичке зависности између двеју ситуација, те појављивање једне од њих, која је садржана у клаузи, неизоставно повлачи појављивање друге. У исказима тог типа говорник представља ситуацију **X** као такву коју, по његовом мишљењу, саговорник неће порицати, што му даје основа за одређену констатацију, нпр.:

- (61) **Чим** вас на Западу оптуже да сте „емотивни“, значи да хоће нешто да вам отму.

Иако се и у таквим исказима може јавити везник **ако**, уп. (**Ако** вас на Западу *оптїуже да сїе* „емотивни“, значи да хоће не~~що~~ да вам *оптїму*), хипотетичност је овде секундарна, док је у првом плану констатација која је заснована на говорниковој процени или, што је веома често, стереотипној представи о логичкој заснованости закључка који, по правилу, почиње са *значи*. Треба додати да се у таквим конструкцијама, као што је већ било напоменуто, остварује секундарни таксис контактне антериорности, тј. зависна ситуација непосредно претходи главној.

Пољед из ѱерсїекїиве ѱорекла везника

Ако се посматра дијахронијски, везник **чим** ван употребе у временским реченицама представља кондензовану структуру **чим** је случај да, уп.:

- (62) **Чим** багрем овако *мирише*, *биће кише* <= **Чим** је случај да багрем овако *мирише*, *биће кише*.

Источнословенски везник *РАЗ* етимолошки се такође може повезати са именицом *раз* 'случај', уп.:

(63) (рус.) **Раз** на **раз** не приходится.

'Сваки је **случај** за себе.'

Раз као прилог у руском језику, у значењу 'једном' не само указује на јединствен случај, већ на случај који по нечему одудара од осталих, нпр.:

(64) *Возвращался я раз с работы домой поздно.*

'Враћао сам се једном с посла кући касно.'

У наведеном примеру (64) из мноштва долазака с посла кући прилог *раз* маркира конкретан случај, који по нечем одудара од њему сличних.

С друге стране, српски везник чим такође може бити преведен на руски језик помоћу лексичких средстава који указују на конкретан случај или на скуп случајева који се по нечем издвајају од осталих случајева, уп.:

(65) Чиновни у хазарској администрацији према најновијим одредбама двора смањују се, а не расту, чим их напусти онај ко их је раније држао, дакле неки каганов вршњак или странац (М. Павић, <i>Хазарски речник</i>).	(65') В соответствии с правилами придворной жизни, должности в хазарской администрации не росли, а уменьшались в том случае, если освобождались теми, кто занимал их раньше, какими-нибудь ровесниками кагана или инородцами.
(66) Но люди, шедшие сюда из разных концов железнодорожного района, знали, что в школе не могут спать, раз поднята ночная тревога (Н. Островский, <i>Как закалялась сталь</i>).	(66') Али су људи који су овамо ишли са разних крајева железничког рејона знали да у школи не спавају чим је дигнута ноћна узбуна .
(67) Ali čim ga slučaj ili posao ili bolest izdvoje i usame, ti podaci počinju odjednom da бледну i gasnu, da se neverovatno brzo суше i raspadaju, kao beživotna maska od hartije i laka koju je čovek jednom upotrebio. (I. Andrić, <i>Travnička hronika</i>)	(67') Но стоит нам только <u>случайно</u> , по делу или из-за болести, <u>вырваться</u> из привычной среды, как те же самые факты начинают вдруг бледнеть и тускнеть, с поразительной быстротой засыхать и рассыпаться, как безжизненная маска из бумаги и лака, которой человек однажды воспользовался.

Наведени примери (65–67; 65'–67') потврђују да специфичност догађаја о којем се саопштава у клаузи, његова јединственост или издвојеност у односу на сличне ситуације, такође може бити разлог употребе везника чим у српском језику, односно везника *РАЗ* и њему изофункционалних у источнословенским језицима. Ова „унутрашња форма“ разматраног српског везника огледа се и у руским конструкцијама с глаголом *стоит*, уз везник *только* или без њега, којима се такође преводе српске реченице с везником чим, уп.: (67–67').

Закључци

Везник чим типично функционише у српском језику у темпоралним конструкцијама с перфективним глаголима у управној реченици и зависној клаузи. Притом се реализује значење контактне антериорности, када ситуација у клаузи непосредно претходи ситуацији у управној реченици.

У појединим случајевима, у конструкцијама контактне антериорности с везником чим, могућа је употреба имперфективног глагола у предикату управне реченице. У том случају претежно су у питању имперфективни глаголи који испољавају тенденцију ка реализацији ингресивног значења или модални глаголи код којих је аспектуална вредност ослабљена пројекцијом пунозначног глагола у предикату допунске клаузе или у инфинитиву уз модални глагол.

Уколико у зависној клаузи постоји свршени потенцијал а у управној реченици потенцијал (независно од вида) или имперфективни глагол, реализује се значење контактне антериорности при понављању ситуација.

Везник чим у конструкцији с имперфективним глаголом у једном, најчешће зависном, делу сложене реченице или у њена оба дела, у зависности од контекста, може указивати на темпорално-узрочно или темпорално-условно значење конструкције.

У конструкцијама које нису чисто темпоралне, већ су контаминиране и другом врстом семантичко-синтаксичког односа, везник чим функционише као двовалентни везник који отвара позиције за две предикације, од којих је једна главна а друга зависна само условно јер се често дешава *прерасподела функција између главне реченице и зависне клаузе*. Зависна клауза указује на чињенично стање или реалну ситуацију, која служи као основ за закључивање о њеном логичком узроку, изнетом у главној реченици. Такав семантичко-синтаксички однос у лингвистичкој литератури је означен као *однос обрнуће условљености*.

У појединим случајевима везник чим има епистемичке и евиденцијалне обертоне, посебно кад се користи у конструкцијама с глаголом *мора* у управној реченици.

Могућност замене везника чим темпорално-узрочним везником пошто или темпорално-условним везником кад(а) указује на разливеност његове семантике која балансира између темпорално-узрочне и темпорално-условне. Употреба везника чим указује на неопходност истицања логичке заснованости или аргументације оног што се износи у управној реченици.

Везник чим у условним конструкцијама с ослабљеном хипотетичношћу може указивати на однос *евенијуалне, хабијуалне, йошеницијалне и евиденцијалне хипотетичности*.

Српском везнику чим одговара источнословенски везник раз, који у руском језику има ширу палету значења, док му у украјинском језику одговарају специјализованији везници раз, коли, якщо, оскільки, а у белоруском — раз и темпорално-условни везник калі.

Специфичност догађаја о којем се саопштава у клаузи, његова јединственост или издвојеност у односу на сличне ситуације, такође може бити разлог употребе везника чим у српском језику, односно везника *РАЗ* и њему изофункционалних у источнословенским језицима, што је условљено примарном семантиком наведених везника.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонић Ивана. „Временска реченица“. Пипер Предраг (ред.). Пипер Предраг, Алановић Миливој, Павловић Слободан, Антонић Ивана, Николић Марина, Војводић Дојчил, Поповић Људмила, Танасић Срето, Марић Биљана. *Синџакса сложене реченице у савременом српском језику*. Нови Сад: Матица српска, Београд: Институт за српски језик САНУ, 2018: 289–363.
- Војводић Дојчил. „О каузално-имплицативним односима у српској хипотакси (комплекс условљених зависнословених реченица)“. *Јужнословенски филолог* 71/3–4 (2015): 121–186.
- Војводић Дојчил. „Реченице са клаузама категоријалног комплекса условљености: узрочним, посљедичним, циљним, погодбеним, допусним“. Пипер Предраг (ред.). Пипер Предраг, Алановић Миливој, Павловић Слободан, Антонић Ивана, Николић Марина, Војводић Дојчил, Поповић Људмила, Танасић Срето, Марић Биљана. *Синџакса сложене реченице у савременом српском језику*. Нови Сад: Матица српска, Београд: Институт за српски језик САНУ, 2018: 433–490.
- Иорданская Лидия Н., Мельчук Игорь А. *Смысл и сочетаемость в словаре*. Москва: Языки славянских культур, 2007.
- Кравар Мирослав. „Модална типологија хипотетичкога периода у хрватско-српском језику“. *Научни састајник славистија у Вукове дане* 14/2 (1985): 11–21.
- Ковачевић Милош. *Узрочно семантичко поље*. Београд: Јасен, 2012.
- Ляпон Майя В. «Предложения расчлененной структуры». Шведова Н. Ю. (ред.). *Русская грамматика. Том II. Синтаксис*. Москва: Институт русского языка Академии наук СССР, Издательство «Наука», 1980: 539–615.
- Пипер Предраг. „Синонимизација и конверзије с глаголом *морати*“. *Научни састајник славистија у Вукове дане* XII/1 (1983): 167–172.
- Поповић Људмила. *Конјункцивна граматика украјинског и српског језика: таксис и евиденцијалност*. Српски језик у поређењу са другим језицима. Књига 3. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2014.
- Поповић Људмила. „Синтакса таксиса“. Пипер Предраг (ред.). Пипер Предраг, Алановић Миливој, Павловић Слободан, Антонић Ивана, Николић Марина, Војводић Дојчил, Поповић Људмила, Танасић Срето, Марић Биљана. *Синџакса сложене реченице у савременом српском језику*. Нови Сад: Матица српска, Београд: Институт за српски језик САНУ, 2018: 491–595.
- Храковский Виктор С. „Категория таксиса (общая характеристика)“. *Вопросы языкознания* 2 (2003): 32–54.
- Храковский Виктор С., Барентсен Адриан (ред.). *Таксис в славянских языках. Типологический анализ*. Том I. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2024. 832 с.
- Храковский Виктор С., Барентсен Адриан (ред.). *Таксис в славянских языках. Типологический анализ*. Том II. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2024. 592 с.
- Християнинова Рајса О. *Складнопідрядні речення в сучасній українській літературній мові*. Київ: Інститут української мови Національної академії наук України, Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012.
- Шведова Наталья Ю. (ред.). *Русская грамматика. Том II. Синтаксис*. Москва: Институт русского языка Академии наук СССР, Издательство «Наука», 1980.

REFERENCES

- Antonić Ivana. „Vremenska rečenica“. Piper Predrag (red.). Piper Predrag, Alanović Milivoj, Pavlović Slobodan, Antonić Ivana, Nikolić Marina, Vojvodić Dojčil, Popović Ljudmila, Tanasić Sreto, Marić Biljana. *Sintaksa složene rečenice u savremenom srpskom jeziku*. Novi Sad: Matica srpska, Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2018: 289–363.
- Vojvodić Dojčil. „O kauzalno-implikativnim odnosima u srpskoj hipotaksi (kompleks uslovljenih zavisnosloženih rečenica)“. *Južnoslovenski filolog* 71/3–4 (2015): 121–186.
- Vojvodić Dojčil. „Rečenice sa klauzama kategorijalnog kompleksa uslovljenosti: uzročnim, posljedičnim, ciljnim, pogodbenim, dopusnim“. Piper Predrag (red.). Piper Predrag, Alanović Milivoj, Pavlović Slobodan, Antonić Ivana, Nikolić Marina, Vojvodić Dojčil, Popović Ljudmila, Tanasić Sreto, Marić Biljana. *Sintaksa složene rečenice u savremenom srpskom jeziku*. Novi Sad: Matica srpska, Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2018: 433–490.
- Iordanskaya Lidiya N., Mel'chuk Igor' A. *Smysl i sochetaemost' v slovarе*. Moskva : Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007.
- Kravar Miroslav. „Modalna tipologija hipotetičkoga perioda u hrvatsko-srpskom jeziku“. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane* 14/2 (1985): 11–21.
- Kovačević Miloš. *Uzročno semantičko polje*. Beograd: Jasen, 2012.
- Lyapon Majja V. „Predloženiya raschlenennoj struktury“. Shvedova N. Yu. (red.). *Russkaya grammatika. Tom II. Sintaksis*. Moskva: Institut russkogo yazyka Akadymii nauk SSSR, Izdatel'stvo „Nauka“, 1980: 539–615.
- Piper Predrag. „Sinonimije i konverzije s glagolom morati“. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane* XII/1 (1983): 167–172.
- Popović Ljudmila. *Kontrastivna gramatika ukrajinskog i srpskog jezika: taksis i evidencijalnost*. Srpski jezik u poređenju sa drugim jezicima. Knjiga 3. Beograd: SANU, Odeljenje jezika i književnosti, 2014.
- Popović Ljudmila. „Sintaksa taksisa“. Piper Predrag (red.). Piper Predrag, Alanović Milivoj, Pavlović Slobodan, Antonić Ivana, Nikolić Marina, Vojvodić Dojčil, Popović Ljudmila, Tanasić Sreto, Marić Biljana. *Sintaksa složene rečenice u savremenom srpskom jeziku*. Novi Sad: Matica srpska, Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2018: 491–595.
- Hrakovskij Viktor S. „Kategorija taksisa (obshchaya harakteristika)“. *Voprosy yazykoznaniya* 2 (2003): 32–54.
- Hrakovskij Viktor S., Barentsen Adrian (red.). *Taksis v slavyanskih yazykah Tipologicheskij analiz*. Tom I. Moskva: Izdatel'skij Dom YASK, 2024. 832 s.
- Hrakovskij Viktor S., Barentsen Adrian (red.). *Taksis v slavyanskih yazykah Tipologicheskij analiz*. Tom II. Moskva: Izdatel'skij Dom YASK, 2024. 592 s.
- Hristianinova Raïsa O. *Skladnopydryadni rechennya v suchasnij ukraïns'kij literaturnij movi*. Kiïv: Institut ukraïns'koï movi Nacional'noi akademii nauk Ukraïni, Vidavnychij dim Dmi-tra Burago, 2012.
- Shvedova Natal'ya Yu. (red.). *Russkaya grammatika. Tom II. Sintaksis*. Moskva: Institut russko-go yazyka Akademii nauk SSSR, Izdatel'stvo «Nauka», 1980.

Людмила Попович

СОЮЗ *ЧИМ* В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ
С ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИМ СОЮЗОМ *РАЗ*

Резюме

Синтаксический статус союза *чим* в сербском языке особый — в зависимости от различных морфологических, лексических, синтаксических и прагматических показателей он может указывать на семантико-синтаксические отношения, «балансирующие» от вре-

менных до причинных или условных с ослабленной гипотетичностью. Исходя из теории зависимого таксиса В. С. Храковского, в статье описаны разные виды таксисных конструкций с союзом *чим*. Цель данной статьи заключается в том, чтобы выделить и описать в сербском языке все типы конструкций с союзом *чим*. Особое внимание уделяется конструкциям, в которых отмечено *отношение обратной причинной обусловленности* между главной и зависимой частью. В таких конструкциях главное предложение указывает на предполагаемую причину ситуации, а придаточное — на реальную ситуацию, которая служит основой для логического заключения о том, что является ее причиной. Подобным сербским конструкциям в восточнославянских языках соответствуют предложения с союзом *раз*, в которых происходит такое же перераспределение функций между главной и придаточной частью предложения. На конкретных примерах также показано, что союз *чим* в сербском языке, подобно восточнославянскому союзу *раз*, функционирует и в *условных конструкциях с ослабленной гипотетичностью*. Выделены конкретные виды таких предложений — с *возможным, хабитуальным и потенциальным* условием в придаточной части. Высказано предположение о том, что союз *чим* используется в условных предложениях с реальным условием в придаточной части с целью подчеркивания косвенного источника информации о ситуации, являющейся таким реальным условием.

Ключевые слова: союзы *чим* и *раз*, таксис, обратная причинная обусловленность, ослабленная гипотетичность, сербский, русский, украинский, белорусский.

Maciej Grochowski
Polska Akademia Nauk
Instytut Języka Polskiego
magro@umk.pl
<https://orcid.org/0000-0002-1230-7005>

Maciej Grochowski
Polish Academy of Sciences
Institute of Polish Language
magro@umk.pl
<https://orcid.org/0000-0002-1230-7005>

PRZYMIOTNIK *OKREŚLONY* W JĘZYKU POLSKIM, CECHY GRAMATYCZNE I SEMANTYCZNE

THE POLISH ADJECTIVE *OKREŚLONY* 'DEFINITE', ITS GRAMMATICAL AND SEMANTIC FEATURES

W artykule omawiane są cechy gramatyczne i semantyczne przymiotnika *określony* we współczesnym języku polskim. Badany przymiotnik porównuje się z jednej strony z homonimicznym imiesłowem przymiotnikowym biernym, a z drugiej strony z innymi przymiotnikami spokrewnionymi z nim semantycznie, np. takimi, jak *dany*, *wiadomy*, *znany*. Wyraz *określony* jako przymiotnik występuje prymarnie w antepozycji względem rzeczownika, stanowiącego centrum grupy nominalnej. Wyraz *określony* jako imiesłów występuje prymarnie w pozycji orzecznika. Jeżeli jest składnikiem grupy nominalnej, zajmuje postpozycję względem rzeczownika. Imiesłów reprezentuje predykat trójargumentowy (*x określił y jako z*). Pod względem funkcji semantycznej przymiotnik *określony* jest podobny do zaimka, z punktu widzenia kwantyfikacji referencyjnej jest jednak jednostką nienacechowaną. Jedną z głównych hipotez artykułu jest sąd, że przymiotnik *określony* jest wyrażeniem metatekstowym. Sąd ten pociąga za sobą kilka hipotez szczegółowych dotyczących znaczenia przymiotnika (rozważanych w artykule), m.in. takich: 'mogę powiedzieć więcej o X', 'nie mówię, jakiego rodzaju obiektem jest X, ale sądzę, że ty wiesz', 'X nie jest dowolny'.

Słowa klucze: współczesny język polski, składnia, semantyka, grupa nominalna, zaimek, przymiotnik.

The paper discusses grammatical and semantic features of the adjective *określony* 'definite' in contemporary Polish. The adjective in question is compared, on the one hand, with a homonymic participle, and on the other hand, with some other adjectives semantically related to it, e.g., *dany* 'given', *wiadomy* 'known, obvious', *znany* 'well-known'. The word *określony* as an adjective occurs primarily in anteposition to the noun as its attribute, where-

as the participle *określony* occurs mainly in the predicative position, which means that it stands in postposition to the noun. The participle represents a bi-valent predicate. The adjective *określony* is similar in its semantic function to a pronoun, yet unlike the latter, it is unmarked regarding referential quantification. My central hypothesis is the following: the adjective *określony* is a metatextual expression. It implies several semantic components, among others: 'I can say more about X' ['mogę powiedzieć więcej o X'], 'I don't say what sort of object X is but I think you know that' ['nie mówię, jakiego rodzaju obiektem jest X, ale sądzę, że ty wiesz'], 'X is not [just] any object' ['X nie jest dowolny']. The notions mentioned above are discussed in the paper.

Keywords: contemporary Polish language, syntax, semantics, nominal group, pronoun, adjective.

1. Wstęp

Przymiotnik tytułowy i jego derywaty są używane — pod wpływem tradycji filozoficzno-logicznej — jako terminy i komponenty dwuwyrazowych (rzadziej wielowyrazowych) terminów w metajęzyku gramatyki semantycznej; por. np. *rodzajnik określony*, *deskrypcja określona*, *zaimek określony*, *określoność*, *kategoria określoności*. Przeciwstawiają się analogicznym terminom z przymiotnikiem *nieokreślony*. Zakłada się, że wymienione i liczne inne terminy mają odniesienie do wyrażen języka przedmiotowego, zarówno z poziomu leksykalnego, jak i syntaktycznego. Por. np. zaimki (*określony* i *nieokreślony*) i deskrypcje (*określona* i *nieokreślona*) w wypowiedzeniach

- (1) Ta książka jest bardzo droga. (Bogusławski 1977: 48)
- (2) Pewien mężczyzna jest łysy. (Bogusławski 1977: 48)

Wymienione przykładowo terminy w ich charakterystykach semantycznych ujmuje się globalnie, inaczej mówiąc nie analizuje się znaczeń ich poszczególnych elementów składowych, w tym przymiotników *określony*, *nieokreślony*. Znaczenia te są nierelevantne z punktu widzenia opisu obiektów odniesienia przedmiotowego dwuwyrazowych terminów.

Należy zwrócić uwagę, że same formy przymiotników *określony*, *nieokreślony* tworzą jednostki leksykalne języka polskiego i jako obiekty języka przedmiotowego mogą stanowić również cel analizy. W tym artykule stawiam sobie za cel analizę składniową i semantyczną przymiotnika *określony*.

2. Przymiotnik vs imiesłów przymiotnikowy

Relacje między klasami gramatycznymi nazywanymi za pomocą wymienionych terminów zależą od przyjętych konwencji opisu. W wyniku analizy synchronicznej jednostek leksykalnych uwzględniającej ich właściwości składniowe i semantyczne możliwe jest wyróżnianie homonimów gramatycznych reprezentujących przeciwstawne klasy. Por. np. formy imiesłówów *pozostały 1* i *dany 1* w wypowiedzeniach (3), (4) z formami przymiotników *pozostały 2* i *dany 2* w wypowiedzeniach (5), (6):

- (3) Rodzinie **pozostalej** po zmarłym w wyniku wypadku przysługuje odprawa pośmiertna. (NKJP)
- (4) Nie każdemu tak wcześnie jest **dana** pełna dojrzałość artystyczna. (NKJP)
- (5) Kopalnia fedruje przez pięć dni w tygodniu, przez **pozostałe** dni prowadzone są remonty. (NKJP)
- (6) Przy takim układzie spraw to odbiorcy decydują o tym, czy **dana** wypowiedź jest manifestem czy nim nie jest. (NKJP)

Tylko imiesłowy dziedziczą po osobowych formach czasowników ich właściwości składniowe, przymiotniki są pod tym względem od czasowników niezależne. Imiesłowy przymiotnikowe występują prymarnie w pozycji orzecznika lub w postpozycji względem rzeczownikowego centrum grupy nominalnej. Przymiotniki są prymarnie podrzędnikami (atrybutami) rzeczownika w grupie nominalnej (Kuryłowicz 1979: 150). Właściwości składniowo-semantyczne jednostek o postaci *pozostały* omówione zostały w artykułach Salińska (2006), Wołk (2021), a jednostek o postaci *dany* w artykule Grochowski (2023).

Klasyfikacja części mowy oparta na kryteriach fleksyjnych neutralizuje opozycję imiesłowów przymiotnikowych i przymiotników. Te pierwsze kwalifikowane są jako przymiotniki; por. np. Saloni 1974, Saloni, Świdziński 1998. Z kolei w wyniku analizy diachronicznej imiesłowu przymiotnikowego odpowiada się na pytanie, czy z punktu widzenia semantycznego i składniowego uniezależnił się on już od swojej podstawy czasownikowej i uległ adiektywizacji (Bartnicka 1967, 1970, Karolak 1984). Zgodnie z takim podejściem każda jednostka — mimo wahań badacza — może zostać zakwalifikowana tylko do jednej z przeciwstawianych sobie klas. W tym artykule przyjmuje, że istnieją dwie jednostki o postaci *określony*, imiesłowowa i przymiotnikowa.

W większości słowników współczesnego języka polskiego wyraz *określony* jest kwalifikowany jako imiesłów przymiotnikowy bierny od czasownika *określić*, występujący również w użyciu przymiotnikowym. W niektórych słownikach (WSJP PAN, SWJPDun) przemilcza się imiesłowowy rodowód omawianego wyrazu. Żaden znany mi słownik nie zawiera informacji o tym, jak odróżnić jednostkę przymiotnikową od imiesłowowej. Nie sugerują tego nawet przykłady zamieszczone w artykułach słownikowych. Dwa słowniki (NSPP, WSJP PAN) uważają przymiotnik *określony* za stopniowalny. Sąd ten nie jest zgodny z rozumieniem semantycznej kategorii stopnia jako komunikującej różnicę ilościowej między cechami obiektów / stanów rzeczy (Laskowski 1977, Grochowski 2018).

Przymiotnik *określony* konotuje kategoryalnie rzeczownik i współtworzy z nim grupę nominalną jako jego atrybut, występujący prymarnie w antepozycji względem rzeczownikowego centrum. Jest jednoargumentowy, por. np. (7)–(12):

- (7) Umówił się z lokatorami domu o **określonej** godzinie. (NKJP)
- (8) Państwo powinno zapewnić obywatelom **określony** standard życia. (NKJP)
- (9) Modele teoretyczne opierają się na **określonych** założeniach i mają **określony**, z góry ograniczony, zakres zastosowania. (NKJP)

- (10) Obliczenia wykonuje się dla trzydziestu sześciu sytuacji meteorologicznych, o **określonej** prędkości wiatru i **określonym** stanie równowagi atmosfery. (NKJP)
- (11) Grupa miała plan, żeby obciążyć **określonych** ludzi odpowiedzialnością za wszystkie dotychczasowe niepowodzenia. (NKJP)
- (12) Zakochana dziewczyna pragnie zdobyć **określonego** chłopaka. Poza nim nie widzi żadnych lepszych kandydatów na życiowego partnera. (NKJP)

Analogicznie do przymiotników kwantyfikujących (takich jak *niektóre, poszczególne, wszelkie*) i nawiązujących (takich jak *następny, kolejny, powyższy, poniższy*), przymiotnik *określony* jest jednostką intratekstualną systemowo, jako taki stoi w opozycji do jednostek o referencji ekstratekstualnej (Karolak 1999: 641), a ponadto przeciwstawia się jednostkom, których intratekstualność jest zdeterminowana wyłącznie kontekstowo (szerzej o tym np. Danielewiczowa 2007; Doboszyńska-Markiewicz 2020, 2023; Grochowski 2024), jak np. *głupi, dobry* w wypowiedzeniach:

- (13) Pokłócili się o **głupi** długopis leżący na stole.
- (14) Spędziła w Ameryce **dobrych** kilka lat.

Prymarną pozycją syntaktyczną imiesłowu *określony* jest pozycja orzecznika, por. np. (15), (16).

- (15) Jeżeli wysokość odsetek nie jest **określona** w inny sposób, to należą się odsetki ustawowe. (NKJP)
- (16) Wściekał się na siebie za prowadzenie śledztwa, w którym przedmiot poszukiwań nie był jasno **określony**. (NKJP)

Jeżeli imiesłów jest składnikiem grupy nominalnej, to występuje z reguły w postpozycji względem rzeczownika. Jako forma nieosobowa trójargumentowego czasownika *określić* dziedziczy jego cechy składniowe, implikując dwa argumenty, mianowicie wskazujący na obiekt czynności (procesu) i na sposób jej wykonania (jego przebiegu). Danielewiczowa (2020: 98; 2021: 65) wymienia wśród jednostek werbalnych z *jako* sekwencję konstytuowaną przez *określił* i podaje jej następujący schemat składniowy: [ktoś_i] *określił* [kogoś_j / coś_j] *jako* [kogoś_k / coś_k / jakieś_k]. Por. np.

- (17) Paweł bardzo trafnie **określił** jego stan **jako** dezintegrację osobowości. (Danielewiczowa 2020: 100)

Argument imiesłowu *określony*, wskazujący na sposób (*sensu largo*) czynności / lokalizację stanu rzeczy, może mieć różne realizacje syntaktyczne. Por. np. ciągi w *odrębnych przepisach*, w *prawie łowieckim*, *przepisami*, *przez trzy parametry* w wypowiedzeniach (18)–(21):

- (18) Pracownicy uczestniczą w zarządzaniu zakładem pracy na zasadach **określonych** w *odrębnych przepisach*. (NKJP)
- (19) Odstrzał odbywa się na zasadach **określonych** w *prawie łowieckim* i zgodnie z obowiązującymi okresami ochronnymi. (NKJP)

- (20) Przepisy art. 215 i 217 nie naruszają wymagań **określonych** przepisami dotyczącymi maszyn i innych urządzeń technicznych. (NKJP)
- (21) Przestrzeń obserwacji radaru jest zwykle **określona** przez trzy parametry: zasięg, pułap i maksymalny kąt elewacji. (NKJP)

Grupa nominalna zawierająca formę imiesłowu *określony* jest transformowalna na zdanie względne, w którym forma ta zajmuje pozycję orzecznika, prymarną dla imiesłowu. Por. np. (18), (20) oraz (22), (23):

- (22) Pracownicy uczestniczą w zarządzaniu zakładem pracy na zasadach, które są **określone** w odrębnych przepisach.
- (23) Przepisy art. 215 i 217 nie naruszają wymagań, które są **określone** przepisami dotyczącymi maszyn i innych urządzeń technicznych.

Analogiczne transformacje grupy nominalnej z komponentem przymiotnikowym przynoszą wynik nieakceptowalny. Por. np.

- (24) Pewne uczucia u jednej z moich klientek pojawiają się w **określonej** porze roku. (NKJP)
- (25) *Pewne uczucia u jednej z moich klientek pojawiają się w porze roku, która jest **określona**.
- (26) Nie był pierwszym prezydentem, który gustował w **określonych** kontaktach z paniami. (NKJP)
- (27) *Nie był pierwszym prezydentem, który gustował w kontaktach, które były **określone**, z paniami.
- (28) Jeżeli miały kawalerów, to odwiedzali je oni tylko w **określonych** godzinach. (NKJP)
- (29) *Jeżeli miały kawalerów, to odwiedzali je oni tylko w godzinach, które były **określone**.

3. Określoność vs wyznaczoność

Fundowana na przymiotniku *określony* kategoria semantyczna ustalająca zakres odniesienia wyrażenia językowego (grupy nominalnej i zdania) w danym jego użyciu jest nazywana kategorią określoności. Ma ona swój rodowód filozoficzno-logiczny; por. np. Quine 1999; Russell 1967a, 1967b; Strawson 1980. W lingwistyce pojęciem kategorii określoności operuje się od połowy XX wieku; por. Jakobson 1957. Istotny wpływ na rozpowszechnianie się terminu *określoność* w polskim językoznawstwie teoretycznym i sławistycznym poczyniły od lat 70. XX wieku miały prace przede wszystkim Z. Topolińskiej (1971), S. Karolaka (1987, 1990, 2001), R. Grzegorzczukowej (1972, 2010), V. Koseskiej-Toszewej (1982). Por. też Sawicka (1979), Święczkowska (1990), Wierzbicka-Piotrowska (2011).

Z. Topolińska (1976: 40) po stosunkowo krótkim okresie operowania terminem *określoność* stwierdziła, że jest on niefortunny i pod wpływem monografii L. Zawadowskiego (1952) wprowadziła do polskiej gramatyki semantycznej

„nieobciążony lingwistycznie” termin *wyznaczoność*. Szybko rozpowszechnił się on w literaturze odwołującej się do koncepcji Topolińskiej (1984). Por. np. Turkowska (1982), Karolak (1990), Grzegorzczkova (1996, 2010).

Wyznaczoność to w ujęciu Topolińskiej (1976: 40–41; 1984: 303) kategoria semantyczna wyrażen argumentowych (reprezentowanych przez grupy imienne), inaczej mówiąc ich charakterystyka referencyjna. Jest to „informacja o tym, która część świata jest w zamyśle mówiącego denotatem odpowiedniej grupy”.

Ponieważ, jak to zostało powiedziane na początku tego artykułu, głównym jego celem jest analiza przymiotnika *określony* jako jednostki języka przedmiotowego, posługiwanie się w tej analizie terminami „kategoria określoności”, „określoność” jako jednostkami metajęzyka byłoby niefortunne i mogłoby zostać ocenione przez odbiorcę jako rozumowanie zawierające błędne koło. Za dogodny w analizie uważam termin „wyznaczoność”.

Topolińska (1976, 1977, 1984) rozróżniła grupy imienne wyznaczone i niewyznaczone (użyte predykatywnie). Pierwsze występują w funkcji wyrażen argumentowych identyfikujących (są wówczas reprezentowane przez imiona własne, zaimki typu *ja, ty, to* oraz deskrypcje określone) lub nieidentyfikujących (są reprezentowane wówczas przez zaimki nieokreślone typu *ktoś, coś, któryś* i deskrypcje nieokreślone). W ostatnich latach uczona nazywała przymiotnikowe wykładniki referencji (takie jak *aktualny, obecny, własny*) „parazaimkami” (Topolińska 2011, 2016). Por. np.

- (30) Ten człowiek ustąpił mi miejsca w tramwaju. (Topolińska 1984: 303)
- (31) Jakiś człowiek ustąpił mi miejsca w tramwaju. (Topolińska 1984: 303)
- (32) Coś mi wpadło do oka. (Topolińska 1984: 313)
- (33) Ktoś mi to wczoraj przyniósł. (Topolińska 1984: 313)
- (34) Dałam to wczoraj któremuś z was. (Topolińska 1984: 314)

Grupy imienne niewyznaczone nie mają referencji. Por. przykłady grup użytych predykatywnie, konstytuowanych przez rzeczowniki *budynkiem, człowiekiem, torebkę*:

- (35) Ich dom był najwspanialszym budynkiem w mieście. ‘spośród budynków w tym mieście ich dom był najwspanialszy’ (Topolińska 1984: 324)
- (36) Jurek jest najlepszym człowiekiem pod słońcem. ‘spośród ludzi, których znam, Jurek jest najlepszy’ (Topolińska 1984: 324)
- (37) Basia zgubiła torebkę, a nie teczkę. ‘to, co Basia zgubiła, to torebka, a nie teczka’ (Topolińska 1984: 324)

4. Konteksty przymiotnika *określony*

Przyjmując zaproponowany przez Z. Topolińską (1984: 367–386) trójkomponentowy model opisu struktury składniowej i linearnej grupy nominalnej, należy przymiotniki intratekstualne systemowo, takie jak np. *dany, określony, wiadomy, znany*, zaliczyć do pierwszego komponentu grupy, mianowicie do „wy-

kładników referencji i oceny ilościowej” (termin Topolińskiej 1984: 368). Za taką kwalifikacją wymienionych jednostek przemawia po pierwsze, konieczność ich eliminacji z szerokiej klasy atrybutów relacyjnych członu konstytutywnego grupy, a po drugie hipoteza, że należą one — mimo różnicy znaczeń — do tego samego zbioru *sensu largo* wykładników kategorii wyznaczoności co zaimki *ten, jakiś, pewien* (pogląd Topolińskiej 1976: 40).

W słownikach wyraz *określony* jest definiowany z reguły przez wyliczenie bliskoznaczników, takich jak np. *sprecyzowany, ustalony, jasny, konkretny, wiadomy, znany, pewny, wyraźny* (SJPDor, SWJPDun, USJP). Nie są one mniej złożone semantycznie od definiendum, jednostki stosunkowo prostej. Wymagają więc odrębnej analizy z punktu widzenia struktury składniowej i semantycznej. Każdy z wymienionych wyrazów jest znakiem jednej lub więcej niż jednej jednostki leksykalnej, jedno- lub wieloznaczej. Dopiero na następnym etapie badania zależności między przymiotnikiem *określony* a wyróżnionymi jednostkami można byłoby postawić hipotezę na temat ich synonimii lub innego rodzaju pokrewieństwa semantycznego. Przypuszczalnie do najprostszych z wyliczonych bliskoznaczników przymiotnika *określony* należy wyraz *znany*. Za jego inwariant semantyczny, przyjęty na początku analizy, można by uznać sekwencję ‘taki, o którego istnieniu ludzie wiedzą’. Takie, redukcjonistyczne, podejście do analizy tego wyrazu mogłoby być punktem wyjścia polemiki z koncepcją opisu semantycznego *znany*, przedstawioną w DSS, który wyróżnia cztery znaczenia tego przymiotnika. Rozważania dotyczące cech składniowych i semantycznych przymiotników *znany* i *wiadomy* to temat na osobny artykuł.

W dalszej części tego artykułu scharakteryzuję przymiotnik *określony* za pomocą cząstkowych definicji semantycznych.

Podstawowe ograniczenie nałożone przez przymiotnik *określony* na rzeczownik, którego jest on atrybutem, dotyczy zakresu odniesienia tego rzeczownika. Jeżeli mówimy o określonych obiektach/stanach rzeczy/właściwościach danego rodzaju, to nie mówimy o wszystkich, tylko o niektórych i nie są to obiekty/stany rzeczy/właściwości dowolne, tylko takie, które zostały wybrane. Mówiąc o X-ie *określony*, mówimy, że zostało już wcześniej przesądzone (ustalone), jakiego rodzaju obiekt/stan rzeczy/właściwość mamy na myśli (w przeciwieństwie do tego, co *dowolne*: granice dowolności są wyznaczone przez wybór; szerzej Grochowski 2017). Znaczenie jednostki *określony* (X) implikuje ponadto możliwość powiedzenia czegoś więcej o X-ie, ale ta potencja jest rzeczywistniana przez osobną sekwencję wyrażen. Por. np. wypowiedzenia:

(38) Na covid zostały zaszczepione tylko **określone** dzieci.

(39) Na covid zostały zaszczepione tylko **określone** dzieci, te mianowicie, które uzyskały zgodę rodziców.

A zatem: *określone X-y* to ‘takie X-y, że nie mówię, które (jakie), ale sędzę, że wiesz, że nie wszystkie X-y (nie każdy X), że zostały wybrane spośród X-ów tego samego rodzaju i że mogę powiedzieć (o nich) więcej, jakie (które)’.

5. *Określony* w wypowiedzeniach nieaktualnych

Przymiotnik *określony* — w opozycji zarówno do pełniącego funkcję identyfikującą zaimka *ten*, jak i do niepełniącego tej funkcji zaimka *jakiś* — nakłada ograniczenia na referencję współwystępującego z nim rzeczownika. Za pomocą omawianego wyrazu nie wskazujemy obiektu jednostkowego, o którym coś orzekamy, ponieważ *określony* implikuje sąd ‘nie mówię który’, nie nadaje się więc on na wykładnik tematu. Neutralizuje opozycję przeciwstawnych członów kategorii wyznaczoności.

W związku z tym wypowiedzenia wprowadzane przez grupę imienną z przymiotnikiem *określony* w antepozycji i zarazem w pozycji inicjalnej są z reguły nieakceptowalne, ponieważ odsyłają do wskazanego obiektu, co jest sprzeczne ze składnikiem semantycznym tego przymiotnika ‘nie mówię który’. Por. np.

(40) ***Określony** człowiek poprosił mnie o skasowanie biletu.

(41) ***Określone** dziecko czekało na autobus.

(42) ***Określona** książka spadła na podłogę.

Dopuszczalne jest natomiast użycie przymiotnika *określony* w analogicznej pozycji, w wypowiedzeniach nieaktualnych (omnitemporalnych/atemporalnych), w odniesieniu do gatunku lub zbioru obiektów. Por. np.

(43) **Określone** gatunki zwierząt i roślin są pod ścisłą ochroną.

(44) **Określone** grzane wina są dobrym lekarstwem na przeziębienie.

(45) **Określone** książki z biblioteki szkolnej są przeznaczone na wymianę.

Implikowany przez przymiotnik *określony* (*X*) komponent ‘mogę powiedzieć więcej o *X*’ jest urzeczywistniony w wypowiedzeniach (46)–(48):

(46) **Określone** gatunki zwierząt i roślin są pod ścisłą ochroną, te mianowicie, które są zagrożone wyginięciem.

(47) **Określone** grzane wina są dobrym lekarstwem na przeziębienie, mianowicie dzięki zawartych w nich przyprawom korzennym.

(48) **Określone** książki z biblioteki szkolnej są przeznaczone na wymianę, mianowicie takie, których tytuły są reprezentowane przez wiele egzemplarzy.

Por. z (43)–(45); por. też (38), (39).

Por. też inne wypowiedzenia nieaktualne, w których przymiotnik *określony* jest atrybutem rzeczownika reprezentującego klasę (kategorię) obiektów:

(49) Jeśli **określona** osoba manifestuje pewien rodzaj zachowań tylko w naszej obecności, to znaczy, iż w pewien sposób prowokujemy ją do tego. (NKJP)

(50) Na **określone** sytuacje reagujemy często tak samo, jak czynił to nasz ojciec czy nasza mama. (NKJP)

6. *Określony* a wybrane zaimki

Nieakceptowalne są połączenia zaimka *ten* i zaimków *jakiś*, *pewien* z przymiotnikiem *określony*, a taka ocena tych połączeń ma motywację semantyczną.

Za pomocą *ten* (*X*) mówiący wskazuje obiekt *X*, co umożliwia jego identyfikację, a tym samym pozwala na przyporządkowanie temu zaimkowi komponentu 'mówię, który'. Omawiany przymiotnik implikuje negację tego komponentu. Z kolei zaimki *jakiś*, *pewien* zawierają składniki semantyczne, odpowiednio 'sądzę, że wiesz, że nie mogę / nie potrafię powiedzieć więcej o *X*' (por. Karolak 1987: 54) i 'sądzę, że wiesz, że nie mówię / nie chcę powiedzieć więcej o *X*', które wykluczają się z komponentem przymiotnika *określony* 'mogę powiedzieć więcej o *X*'. Relacje semantyczne między wymienionymi zaimkami nieokreślonymi omawiają szerzej Grzegorzczkova (2010: 136–137), Mindak (1987), Topolińska (1983; 1984: 303–317), Wierzbicka-Piotrowska (2011), Wróbel (1987).

Mimo takiej ogólnej oceny połączeń zaimków *ten*, *jakiś*, *pewien* z przymiotnikiem *określony* jako nieakceptowalnych, w NKJP są rejestrowane bardzo nie-liczne przykłady ich kookurencji (kilkadziesiąt wypowiedzi na tle kilkuset tysięcy wszystkich wypowiedzi z formami *określony*). Por.

- (51) Zgodnie z projektem ustawy **ten określony** funkcjonariusz bierze na siebie odpowiedzialność za utratę, uszkodzenie lub zniszczenie powierzonego mienia. (NKJP)
- (52) Zawsze przecież w określonym momencie dziejów może się zdarzyć, że **jakiś określony** towar z racji **jakichś określonych** cech własnych zacznie pełnić funkcję pieniądza. (NKJP)]
- (53) Kara powinna być proporcjonalna do winy i pozostawać w **pewnej określonej** relacji do innych kar. (NKJP)

Podane przykłady połączeń budzą wątpliwości, wymagają więc pogłębionej analizy na szerszym tle opozycji określoności i nieokreśloności.

Analiza form wyrazu *określony* i kontekstów ich występowania pozwala stwierdzić, że frekwencja formy nominatiwu pluralis w rodzaju męskoosobowym, *określeni*, jest bardzo niska w porównaniu z frekwencją analogicznej formy rodzaju niemęskoosobowego, *określone*. NKJP rejestruje zaledwie 278 wypowiedzi ilustrujących użycie pierwszej formy i 43506 wypowiedzi ilustrujących użycie drugiej. Można przypuszczać, że główne przyczyny tak wielkiej różnicy w zakresie frekwencji wymienionych form są dwie, semantyczna i gramatyczna. Forma *określone* współwystępuje z rzeczownikami reprezentującymi wszelkie klasy semantyczne z wyjątkiem nazw osób rodzaju męskiego. Forma ta jest polifunkcyjna gramatycznie, może reprezentować Nsg, Asg, Npl, Apl, podczas gdy forma *określeni* jest gramatycznie jednofunkcyjna, reprezentuje wyłącznie Npl.

7. Podsumowanie

Wyraz *określony* jest przymiotnikiem intratekstualnym systemowo, występuje prymarnie w antepozycji względem centrum grupy nominalnej. W pozycji centrum grupy dominują nazwy osobowe *sensu largo*, w tym nazwy zbiorowości, instytucji, dziedziny ludzkiej działalności, wytworów umysłu. Ponadto nazwy czasowe i przestrzenne.

Według ogólnego modelu budowy grupy nominalnej, ustalonego przez Z. Topolińską (1984), przymiotnik *określony* jest „wykładnikiem referencji i oceny ilościowej”. W tym artykule uzasadniona została m.in. hipoteza, że przymiotnik *określony* neutralizuje opozycję przeciwstawnych członów kategorii wyznaczoności.

Za pomocą przymiotnika *określone* mówi się, że zostały wybrane pewnego rodzaju obiekty, ale nie mówi się, które (jakie). W konsekwencji użycia badanego przymiotnika powstaje „niedopowiedzenie” / niedookreślenie (trafny termin M. Żabowskiej 2017: 127).

Typowym kontekstem przymiotnika *określony* są wypowiedzenia deklaratywne nieaktualne (Grochowski 1972), w tym wypowiedzenia ogólne, niemające referencji jednostkowej, o obiektach potencjalnych (a nie rzeczywistych).

Przymiotnik *określony* nie jest słowem potocznym, dominuje w tekstach prawnych (kodeksach, ustawach, uchwałach, rozporządzeniach), naukowych i popularnonaukowych.

LITERATURA

- Bartnicka B. „Adiektywizacja imiesłówów przymiotnikowych w języku polskim”. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* 25 (1967): 233–242.
- Bartnicka B. *Adiektywizacja imiesłówów w języku polskim*. Warszawa: WUW, 1970.
- Bogusławski A. „O interpretacji zdań z wyrażeniami okazjonalnymi”. *Przegląd Humanistyczny* 2 (1977): 39–56.
- Danielewiczowa M. „Przymiotniki nieprzymiotniki (O pewnym niezwykłym typie wyrażen w języku polskim)”. *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 71–72 (2007): 223–235.
- Danielewiczowa M. „Jako-fraza w strukturze walencyjnej czasownika i poza tą strukturą”. *Prace Filologiczne* 75/1 (2020): 95–108.
- Danielewiczowa M. *Aspekt tematyczny w informacyjnej strukturze wypowiedzi. Rozszerzanie i integracja wiedzy*. Warszawa: WUW, 2021.
- Doboszyńska-Markiewicz K. „Operatory adnumeratywne typu *marny, dobry, bity* — próba charakterystyki formalno-semantycznej”. *Poradnik Językowy* 9 (2020): 59–74.
- Doboszyńska-Markiewicz K. „*Głupi / idiotyczny / nieszczęsny długopis*, czyli o nie tylko ekspresywnym znaczeniu pewnego typu przymiotników”. *Poradnik Językowy* 8 (2023): 48–59.
- DSS: A. Nagórko, M. Łaziński, H. Burkhardt. *Dystynktywny słownik synonimów*. Kraków: Universitas 2004.
- Grochowski M. „Znaczenia polskiego czasownika: aktualne, potencjalne, habitualne, uniwersalne — w świetle kategoryjnego znaczenia form czasu teraźniejszego”. *Studia Semiotyczne* 3 (1972): 161–168.
- Grochowski M. „Wybór i nieokreśloność jako komponenty semantyczne przymiotnika *dowolny*”. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica* 12 (2017): 104–111.
- Grochowski M. „Asymetria semantycznych i gramatycznych ograniczeń stopniowania przymiotników w języku polskim”. *Z polskich studiów slawistycznych* 13/2 (2018): 83–92.
- Grochowski M. „Od wyznaczoności do generyczności. O referencji grup nominalnych z przymiotnikiem *dany*”. W: H. Bartels, T. Menzel, J. P. Zeller (red.). *Einheit(en) in der Vielfalt von Slavistik und Osteuropakunde. Prudentia Regnorum Fundamentum*. Berlin, 2023: 131–140.
- Grochowski M. „Okazjonalność przymiotników temporalnych w języku polskim”. *LingVaria* 37/1 (2024): 63–73.
- Grzegorzczakowa R. „Wykładniki kwantyfikacji w polskim zdaniu”. *Z polskich studiów slawistycznych* 4 (1972): 13–19.

- Grzegorzczkowska R. *Wykłady z polskiej składni*. Warszawa: PWN, 1996.
- Grzegorzczkowska R. *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*. Warszawa: PWN, 2010.
- Jakobson R. *Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb*. Cambridge, MA, 1957.
- Karolak S. „O adiektywizacji”. *Polonica* 10 (1984): 35–48.
- Karolak S. „O nieokreśloności”. V. Koseska-Toszeńska, J. Mindak (red.). *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie II: Określoność / nieokreśloność*. Wrocław: Ossolineum, 1987: 41–64.
- Karolak S. *Kwantyfikacja a determinacja w językach naturalnych*. Warszawa: PWN, 1990.
- Karolak S. „Wskaźniki syntaktyczne (operatory syntaktyczne, wyrażenia funkcjonalne)”. K. Polański (red.). *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław: Ossolineum, 1999: 639–641.
- Karolak S. „O pojęciach określoności i nieokreśloności”. S. Karolak. *Od semantyki do gramatyki. Wybór rozpraw*. Warszawa: Instytut Sławiści PAN, 2001: 315–335.
- Koseska-Toszeńska V. *Semantyczne aspekty kategorii określoności / nieokreśloności (na materiale z języka bułgarskiego, polskiego i rosyjskiego)*. Wrocław: Ossolineum, 1982.
- Kuryłowicz J. „Derywacja leksykalna a derywacja syntaktyczna. Przyczynek do teorii części mowy”. H. Kurkowska, A. Weinsberg (red.). *Językoznawstwo strukturalne. Wybór tekstów*. Warszawa: PWN, 1979: 148–157.
- Laskowski R. „Od czego lepszy jest lepszy?”. *Język Polski* 57 (1977): 323–334.
- Mindak J. „Parę uwag o polskich leksemach *jakiś, pewien, jeden* i ich związku z wyrażaniem informacji o określoności / nieokreśloności”. V. Koseska-Toszeńska, J. Mindak (red.). *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie II: Określoność / nieokreśloność*. Wrocław: Ossolineum, 1987: 147–155.
- NKJP: *Narodowy Korpus Języka Polskiego* [on-line:] <https://nkjp.pl>.
- NSPP: A. Markowski (red.). *Nowy słownik poprawnej polszczyzny*. Warszawa: PWN, 1999.
- Quine W. van O. *Słowo i przedmiot*. Warszawa, 1999.
- Russell B. „Denotowanie”. J. Pelc (red.). *Logika i język. Studia z semiotyki logicznej*. Warszawa: PWN, 1967a: 253–275.
- Russell B. „Deskrypcje”. J. Pelc (red.) *Logika i język. Studia z semiotyki logicznej*. Warszawa: PWN, 1967b: 277–293.
- Salińska D. „Jednostka metatekstowa pozostały”. *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Filologia Polska* 62 (2006): 161–168.
- Saloni Z. „Klasyfikacja gramatyczna leksemów polskich”. *Język Polski* 54 (1974): 1–2, 3–13, 93–101.
- Saloni Z., Świdziński M. *Składnia współczesnego języka polskiego*. Warszawa: PWN, 1998.
- Sawicka I. „Wieloznaczność terminu „określoność” w tekstach językoznawczych”. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* 18 (1979): 257–263.
- SJPdor: W. Doroszewski (red.). *Słownik języka polskiego*. T. I–XI, Warszawa: Wiedza Powszechna, PWN 1958–1969.
- Strawson P.F. *Indywidua. Próba metafizyki opisowej*. Warszawa: PAX, 1980.
- SWJPDun: B. Dunaj (red.). *Słownik współczesnego języka polskiego*. Warszawa: Wilga, 1996.
- Święczkowska H. „O pewnych sposobach wyrażania określoności w języku polskim”. T. Dobrzyńska (red.). *Tekst w kontekście. Zbiór studiów*. Wrocław: Ossolineum, 1990: 125–133.
- Topolińska Z. „Charakterystyka kategorialna frazy”. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* 28 (1971): 99–106.
- Topolińska Z. „Wyznaczoność (tj. charakterystyka referencyjna) grupy imiennej w tekście polskim”. *Polonica* 2 (1976): 33–72.
- Topolińska Z. „Wyznaczoność (tj. charakterystyka referencyjna) grupy imiennej w tekście polskim. II. Argumenty niescharakteryzowane, grupy generyczne”. *Polonica* 3 (1977): 59–78.
- Topolińska Z. „Słowiańskie (едень) — operator deskrypcji nieokreślonej”. *Z polskich studiów slawistycznych* 6 (1983): 425–434.
- Topolińska Z. „Składnia grupy imiennej”. Z. Topolińska (red.). *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa: PWN, 1984: 301–389.
- Topolińska Z. „I nadal w kręgu (para)zaimków”. *Linguistica Copernicana* 2/6 (2011): 39–45.
- Topolińska Z. „Zaimki — uniwersalny system referencji”. *LingVaria* 21 (2016): 35–41.
- Turkowska M. „O wyznaczoności”. *Polonica* 7 (1982): 47–66.

- USJP: S. Dubisz (red.). *Uniwersalny słownik języka polskiego*. T. I–IV. Warszawa: PWN, 2003.
- Wierzbicka-Piotrowska E. *Polskie zaimki nieokreślone. Wybrane zagadnienia semantyczne, syntaktyczne i pragmatyczne*. Warszawa: Wydział Polonistyki UW, 2011.
- Wołk M. „O pozostałych i reszcie czegoś jako wykładnikach referencji”. *Poradnik Językowy* 9 (2021): 63–73.
- Wróbel H. „Czy zaimek *jakiś* jest wyrażeniem kwantyfikującym?” V. Koseska-Toszeza, J. Mindak (red.). *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie II: Określoność / nieokreśloność*. Wrocław: Ossolineum, 1987: 167–177.
- WSJP PAN: P. Żmigrodzki (red.). *Wielki słownik języka polskiego PAN* [on-line:] <https://wsjp.pl>.
- Zawadowski L. *Zagadnienia teorii zdań względnych*. Wrocław: Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, 1952.
- Żabowska M. „Niedookreślenie, dekonkretyzacja i zmienne językowe — o quasi-tautologicznych układach typu *ten i ten, to i to, tak a tak*”. *LingVaria* 23/1 (2017): 115–129.

Mahej Гроховски

ПОЉСКИ ПРИДЕВ *OKREŚLONY* („ОДРЕЂЕН“): ЊЕГОВЕ ГРАМАТИЧКЕ И СЕМАНТИЧКЕ ОСОБИНЕ

Резиме

У раду се разматрају граматичке и семантичке особине придева *określony* („одређен“) у савременом пољском језику. Придев се, с једне стране, упоређује са истоименим партиципом, а с друге стране, са неким другим придевима који су му семантички сродни, нпр. *dany* („дати“), *wiadomy* („познат“), *znany* („познат“). Придев *określony* се најчешће појављује у позицији испред именице као њен атрибут, док се партицип *określony* углавном јавља у предикативној позицији, што значи да долази иза именице. Партицип представља дво-валентни предикат. Придев *określony* је по својој семантичкој функцији сличан заменици, али за разлику од ње, није обележен у погледу референцијалне квантификације. Централна хипотеза аутора гласи да придев *określony* представља метатекстуални израз. Он подразумева неколико семантичких компоненти, између осталог: „могу да кажем више о X“ [„możę powiedzieć więcej o X“], „не кажем какав је објекат X, али мислим да ти знаш“ [„nie mówię, jakiego rodzaju obiektem jest X, ale sądzę, że ty wiesz“], „X није [тек] било који објекат“ [„X nie jest dowolny“]. Наведене поставке се детаљно разматрају.

Кључне речи: савремени пољски језик, синтакса, семантика, номинална група, заменице, придев.

Imke Mendoza
University of Salzburg
imke.mendoza@plus.ac.at
<https://orcid.org/0000-0003-0080-4810>

POST-POSED DOUBLE-HEADED RELATIVE CONSTRUCTIONS BETWEEN SYNTAX AND COHESION

The paper is a case study on non-restrictive, post-posed double-headed relative clauses using data from Russian and Polish. These double-headed constructions are located at the fringe of the grammatical systems; they are marginal from both a quantitative and a normative perspective. The relation between the antecedent and the internal head closely resembles the relation between the antecedent and the anaphoric noun phrase in syntactically independent clauses. Therefore, I propose analyzing such sequences of clauses in terms of cohesion rather than syntax.

Key words: Syntax, relative clause, Russian, Polish, clause combining.

1. Introduction

Constructions like (1) and (2) often go by the name of “double-headed relative clauses” and differ from “normal” post-posed relative constructions in that they possess an internal head, i.e., they contain an adnominally used pronoun and a congruent noun:

- (1) Polish (NKJP)
która [notatka, I. M.] przybrała kształt *dokumentu służbowego*, który to *dokument służbowy* otrzymał odpowiedni numer.
- (2) Russian (В. А. Успенский; NKRJa)
Слово ложь происходит от глагола лгать, каковой *факт* отражается в его определении в толковых словарях.

The classification of this construction, as well as the appropriate terms for its constituent elements, has been the topic of some discussion, and often depends on the respective theoretical framework¹. I will use the following termi-

¹ Cf., amongst others, Cinque (2013); Dryer (2013); Lehmann (1984: 43–49; 236–240); Mel'čuk (2021). See also section 5 of this paper.

nology: The construction itself will be referred to as post-posed double-headed relative construction (post-posed DHRC). The nominal element within the relative clause that refers to an element in the preceding text is the internal head; the element in the preceding text is the antecedent. As illustrated by the examples above, the antecedent may be nominal (1) or verbal. Verbal antecedents can take the form of finite clauses as in (2), or of non-finite verbal phrases (see, e.g., (17) below).

From a typological perspective, DHRC come in many forms and shapes and occur in various languages. In order to place the phenomenon in a broader context, I give a brief overview of its main types and the geographical distribution of DHRC, before zooming in on the type of DHRC that is the topic of this paper (section 2). In section 3, I present a case study of non-restrictive, post-posed DHRC using Polish and Russian data. I then discuss related phenomena and conclude in the last section.

2. Double-headed relative clauses from a typological perspective

DHRC occur in the following regions and language groups: Europe/Asia (Northwest Caucasian, Altaic, Indo-European, Tibeto-Burman), Pacific region (Papuan, Austronesian), Australia (Pama-Nyungan), Africa (Niger-Congo, Chadic), The Americas (Zapotec).² Despite its wide geographical distribution, this relativization strategy appears to be cross-linguistically non-dominant or even marginal.³

DHRC vary with respect to the same parameters as single-headed relative constructions: the position of the relative clause, the presence of a relativizer, the type of relativizer, and the type of external head.

In the following, I present examples of different kinds of DHRC from typologically and genetically diverse languages.⁴ I begin with pre-posed DHRC, as illustrated by examples (3)–(6).⁵

(3) Vedic, RV 1,35,11 (Lehmann 1984: 238)

<i>yé</i>	<i>te</i>	<i>pánthāḥ</i>	<i>savitāḥ</i>	[...]	<i>antárikṣe</i>	<i>tébhīr</i>	<i>no</i>
REL.NOM.PL	you	paths	Savitr	[...]	in_the_air	on_these	us
<i>adyá</i>	<i>pathibhiḥ</i>	[...]	<i>rákṣā!</i>				
today	paths	[...]	protect.2SG.IMP				

‘the paths, Savitr, you have in the air, on those paths protect us today’

² Cf. Lehmann (1984: 236–240); Cinque (2013)

³ Cf. Lehmann (1984: 240); WALS <https://wals.info/feature/90G#3/3.86/70.22>.

⁴ It goes without saying that the data discussed in this section is anything but exhaustive. For a fuller account see Lehmann (1984: 43–49) and Cinque (2013).

⁵ Cinque (2013: 224) addresses the question of whether constructions like (3)–(6) are genuine double-headed relative clauses, or rather relative-correlative constructions “in which an internally headed RC is not followed by an external Head, but is left dislocated and resumed in the main clause by an ‘anaphoric’ full DP, which may give the impression of being an additional, external, Head.” I will not delve into the issue, since my focus is on post-posed DHRC.

(4) Old East Slavic, birch bark № 582; 1280–1300 (DBG)

цето	еси	прислале	дова	целовека	те	побегли
REL	AUX.2SG	send.PTCP	two	man.GEN.PL	DEM.NOM.PL	run.PTCP

‘the two men you sent ran away.’

(5) Colloquial Russian (Kručinina 1968: 84)⁶

У которых комсомольцев были лопата, они рыли ямы

(6) Kombai (example, glossing and translation from Cinque 2013: 223)

<i>gana</i>	<i>gu</i>	<i>fali-kha</i>	<i>ro</i>	<i>na-gana-y-a</i>
bush.knife	2SG	carry-go.2SG.NONFUT	thing	my-bush-knife-TR-PRED

‘The bush knife that you took away, is my bush knife.’

The examples display different types of relativizers. In (3) and (5), the relativizer is a relative pronoun (Ved. *yad-*, Russ. *kotoryj*), in (4) a relative particle (Old East Sl. *čto*), and (6) has no relativizer at all. The external heads in pre-posed DHRC may be nominal (Ved. *tébhiḥ pathibhiḥ*, Kombai *ro*) or pronominal (Old East Slavic *te*, Ru. *oni*).

Examples (7)–(11) illustrate different kinds of post-posed relative clauses. There is a distinction between postnominal and post-posed position, which is, of course, relevant only if the external head is not clause final. The following two examples from Latin illustrate the difference between the postnominal (7) and the post-posed positions (8):

(7) Latin (Caes.B.G. 1.49,1; Lehmann 1984: 238)

<i>ultra</i>	<i>eum</i>	<i>locum</i>	<i>quo</i>	<i>in</i>	<i>loco</i>	<i>Germani</i>
beyond	this.ACC.SG	place.ACC.SG	REL.ABL.SG	in	place.ABL.SG	German.NOM.PL
<i>consederant</i>	...	<i>castris</i>	<i>idoneum</i>	<i>locum</i>	<i>delegit</i>	
settle.3PL.PLPRF	...	camp.DAT.PL	suitable.ACC.SG	place.ACC.SG	choose.3SG.PRF	

‘he chose a suitable place for the camp beyond the place, where the Germans had settled’

(8) Latin (Caes.B.G.1.6,4; Lehmann 1984: 238)

<i>diem</i>	<i>dicunt</i>	<i>qua</i>	<i>Die</i>	<i>ad</i>	<i>ripam</i>	<i>Rhodani</i>
day.ACC.SG	tell.3SG.PRS	REL.ABL.SG.F	day.ABL.SG.F	to	bank.ACC.SG	Rhone.GEN.SG

<i>omnes</i>	<i>convenient</i>
all.NOM.SG	gather.3PL.SUBJ.PRS

‘they tell a day on which they should all gather at the bank of the river Rhone’

In the two preceding examples, the relativizer and the noun are placed adjacent to each other, in example (9) the pronoun (*to*) is separated from the noun (*su-git*) by intervening material:

(9) Abun (Papuan) (example, glossing and translation from Cinque 2013: 230)

<i>An</i>	<i>ndo-bot</i>	<i>su-git</i>	<i>dik</i>	<i>yo</i>	<i>to</i>	<i>men</i>	<i>ye</i>	<i>bok</i>
3SG	ask-about	food	one	DET.1 ⁷	REL	1PL	people	several

⁶ See also Weiss (2020) on constructions with *kotoryj* in pre-posed relative clauses.

⁷ DET.1 = indefinite determiner.

ne	gi	su-git	ne
ANAPH	eat	food	DET

‘He asked about some (kind of) food, which all of us would eat’

The relative clauses in (2)–(9) above are restrictive, whereas the introductory examples (1) and (2) as well the following examples from English and Czech show non-restrictive relative clauses:

- (10) *Wil had once set fire to a local waterfall, which event had made the nightly news.* (COCA)
- (11) Czech (Euro-Lex 2/2016 parallel; Sketch Engine)
Vlády těchto zemí rovněž určují vnitrostátní agentury a sledují jejich činnost, kterýžto úkol provádějí spolu s Evropskou komisí.

In my paper, I focus on the type of DHRC presented in (1), (2), (10) and (11): non-restrictive, pre-posed DHRC that use a relative pronoun which is adjacent to the internal head, with a nominal or verbal antecedent. While the strategy is available in many modern European languages it seems to be peripheral from both a quantitative and a normative point of view and typical for an overly explicit style. In Polish, these DHRC are considered stylistically awkward (“niezręcznie pod względem stylistycznym”, Buttler 1986: 410). The Czech dictionary SSJČ comments on the pronoun *kterýžto* when introducing an internally headed relative clause (see (11)), as follows: “nevhodně připojuje větu vlastně samostatnou, nikoli vztažnou”. Nešović (2024: 55) observes that relative clauses with “reduplikacija antecedenta” in Serbian and Russian are “karakteristične prevashodno za administrativni funkcionalni stil”. According to the German reference grammar “Duden Grammatik”, post-posed DHRC occur in German only when the antecedent is verbal, primarily in written genres (Duden 2009: 1037). Quirk et al. note that in English they “tend to be uncommon except in formally precise writing” (Quirk et al. 1972: 872).⁸

3. Post-posed double-headed relative constructions in Russian and Polish

The study is based on data from the Russian National Corpus (NKRJa), the Polish National Corpus (NKJP), and the Russian and Polish TenTen-Corpora on Sketch Engine (ruTenTen17 and plTenTen19).

3.1 Relativizers

Both modern Russian and modern Polish use specialized relativizers for post-posed DHRC. Russian employs the relative pronoun *kakovo*,⁹ and Polish

⁸ Similar holds true for Latin and Persian. Lehmann (1984: 240) observes that in Latin DHRC are typical of legal texts and that in Persian they are “offenbar eine Spezialität des umständlichen narrativen Stils”.

⁹ Xolodilova (2014) presents the results of a search in the NKRJa (1950–1911) for DHRC that includes the pronouns *kotoryj* and *kaj*. The search yielded only two hits (0,1% of all occur-

the expression *który to*¹⁰. The element *to* in Polish *który to* may be replaced by *tez* or *mianowicie* (Danielewiczowa 2024: 18). In addition, the expression *jaki to* is also possible in DHRC.¹¹ Since *który to* is by far the most frequent relativizer in DHRC I will focus on it and disregard the other expressions. Both Ru. *kakovej* and Po. *który to* occur in single-headed relative constructions as well. Ru. *kakovej* is rather rare, whether with or without an internal head.¹² The frequency of *który to* as a relativizer in single-headed relative clauses is difficult to estimate, since the role of *to* is unclear (see footnote 10). Bare *który*, however, is the most frequent relativizer in Polish.

3.2 Frequency

I used the TenTen corpora on Sketch Engine for comparing the frequency of DHRC in Polish and in Russian, since they are sufficiently large and include similar registers and text types. However, calculating the frequency of DHRC is a challenge, because there is no easy way to identify them automatically.

I searched for the sequence of Po. *który + to + noun* with *który* and the noun agreeing in case, number and gender. The same was done, *mutatis mutantis*, for Ru. *kakovej*. The queries are reproduced in (12) and (13):

(12) Query Po. *który to*

```
[lemma="który"&case="nom"&gender="f"&number="sg"] [word="to"] [tag="subst.*"&case="nom"&gender="f"&number="sg"] [lemma="który"&case="nom"&gender="m1"&number="sg"] [word="to"] [tag="subst.*"&case="nom"&gender="m1"&number="sg"] [lemma="który"&case="nom"&gender="m2"&number="sg"] [word="to"] [tag="subst.*"&case="nom"&gender="m2"&number="sg"] [lemma="który"&case="nom"&gender="m3"&number="sg"] [word="to"] [tag="subst.*"&case="nom"&gender="m3"&number="sg"] [lemma="który"&case="nom"&gender="n"&number="sg"] [word="to"] [tag="subst.*"&case="nom"&gender="n"&number="sg"] [lemma="który"&case="gen"&gender="f"&number="sg"] [word="to"] [tag="subst.*"&case="gen"&gender="f"&number="sg"] [lemma="który"&case="gen"&gender="m1"&number="sg"] [word="to"] [tag="subst.*"&case="gen"&gender="m1"&number="sg"]
```

rences) for *kaj* and none for *kotoryj*. Nešović (2024: 58) cites one example with *kotoryj* but does not specify the exact source, saying only that it was found in a legal document available online (op. cit.: 56). In older stages of Russian, however, *kotoryj* occurs more freely in post-posed DHRC (see Xolodilova 2014).

¹⁰ There is some discussion about whether *który to* is to be considered a pronoun, i.e., a single lexical unit, or a combination of the relative pronoun *który* and the particle *to*, cf. Mendoza (2010); Danielewiczowa (2024), Linde-Usiekiewicz (2019a, 2019b). Since this issue is not relevant to my argument, I will not delve into it any further.

¹¹ Danielewiczowa (2024: 19) gives the following example from the NKJP: *Wnioskodawca braku tego nie uzupełnił, nadsyłając pismo, iż nie jest w stanie tego uczynić bez wyznaczenia mu adwokata z urzędu, jakiego to żądania — bezpodstawnie — nie uwzględnił Sąd Apelacyjny.* — Danielewiczowa also mentions that it is possible to use bare *który* in DHRC if the internal head carries a rising intonation (2024: 18). — Post-posed DHRC in Old Polish allow even more types of pronouns, see Mendoza (2017).

¹² Xolodilova (2014) counts 706 occurrences of *kakovej* (with and without an internal head) vs. 14,977 occurrences of *kotoryj* in her search (see footnote 9), Švedova (1980: 513) classifies *kakovej* as archaic.

number="s"][[lemma="каковой"&case="g"&gender="n"&number="s"][[tag="N.*"&case="g"&gender="n"&number="s"][[lemma="каковой"&case="d"&gender="m"&number="s"][[tag="N.*"&case="d"&gender="m"&number="s"][[lemma="каковой"&case="d"&gender="f"&number="s"][[tag="N.*"&case="d"&gender="f"&number="s"][[lemma="каковой"&case="d"&gender="n"&number="s"][[tag="N.*"&case="d"&gender="n"&number="s"][[lemma="каковой"&case="a"&gender="m"&number="s"][[tag="N.*"&case="a"&gender="m"&number="s"][[lemma="каковой"&case="a"&gender="f"&number="s"][[tag="N.*"&case="a"&gender="f"&number="s"][[lemma="каковой"&case="a"&gender="n"&number="s"][[tag="N.*"&case="a"&gender="n"&number="s"][[lemma="каковой"&case="i"&gender="m"&number="s"][[tag="N.*"&case="i"&gender="m"&number="s"][[lemma="каковой"&case="i"&gender="f"&number="s"][[tag="N.*"&case="i"&gender="f"&number="s"][[lemma="каковой"&case="i"&gender="n"&number="s"][[tag="N.*"&case="i"&gender="n"&number="s"][[lemma="каковой"&case="l"&gender="m"&number="s"][[tag="N.*"&case="l"&gender="m"&number="s"][[lemma="каковой"&case="l"&gender="f"&number="s"][[tag="N.*"&case="l"&gender="f"&number="s"][[lemma="каковой"&case="l"&gender="n"&number="s"][[tag="N.*"&case="l"&gender="n"&number="s"][[lemma="каковой"&case="n"&gender="m"&number="p"][[tag="N.*"&case="n"&gender="m"&number="p"][[lemma="каковой"&case="n"&gender="f"&number="p"][[tag="N.*"&case="n"&gender="f"&number="p"][[lemma="каковой"&case="n"&gender="n"&number="p"][[tag="N.*"&case="n"&gender="n"&number="p"][[lemma="каковой"&case="g"&gender="m"&number="p"][[tag="N.*"&case="g"&gender="m"&number="p"][[lemma="каковой"&case="g"&gender="f"&number="p"][[tag="N.*"&case="g"&gender="f"&number="p"][[lemma="каковой"&case="g"&gender="n"&number="p"][[tag="N.*"&case="g"&gender="n"&number="p"][[lemma="каковой"&case="d"&gender="m"&number="p"][[tag="N.*"&case="d"&gender="m"&number="p"][[lemma="каковой"&case="d"&gender="f"&number="p"][[tag="N.*"&case="d"&gender="f"&number="p"][[lemma="каковой"&case="d"&gender="n"&number="p"][[tag="N.*"&case="d"&gender="n"&number="p"][[lemma="каковой"&case="a"&gender="m"&number="p"][[tag="N.*"&case="a"&gender="m"&number="p"][[lemma="каковой"&case="a"&gender="f"&number="p"][[tag="N.*"&case="a"&gender="f"&number="p"][[lemma="каковой"&case="a"&gender="n"&number="p"][[tag="N.*"&case="a"&gender="n"&number="p"][[lemma="каковой"&case="i"&gender="m"&number="p"][[tag="N.*"&case="i"&gender="m"&number="p"][[lemma="каковой"&case="i"&gender="f"&number="p"][[tag="N.*"&case="i"&gender="f"&number="p"][[lemma="каковой"&case="i"&gender="n"&number="p"][[tag="N.*"&case="i"&gender="n"&number="p"][[lemma="каковой"&case="l"&gender="m"&number="p"][[tag="N.*"&case="l"&gender="m"&number="p"][[lemma="каковой"&case="l"&gender="f"&number="p"][[tag="N.*"&case="l"&gender="f"&number="p"][[lemma="каковой"&case="l"&gender="n"&number="p"][[tag="N.*"&case="l"&gender="n"&number="p"]

The search yielded a quota of 8.29 ipm for Po. *ktory to* + matching noun, and 1.21 ipm for Ru. *kakovo* + matching noun. The queries, however, were still not precise enough since the mere adjacency of a pronoun and a matching noun does not guarantee the desired combination, namely, a phrase concluding a relative

pronoun and a noun. The pronoun could also be an interrogative pronoun, or the segments could belong to different phrases. All in all, the search for relevant tokens yielded too much “noise” for a meaningful quantitative statement. I then manually analyzed a smaller, randomized sample (ca. 300 tokens) for each language to get some idea about what the share of relevant items might be. In these samples, only about half of the tokens of the Polish sample and approximately one-third of the tokens in the Russian sample proved relevant. Another factor that might skew the results of the query is the fact that the registers included in Sketch Engine usually do not favor the use of post-posed DHRC¹³. Thus, the only reliable statement we can make regarding the frequency of post-posed DHRC is that they are rare, more so in Russian than in Polish.

3.3 Diaphasic properties

The problems associated with the automatic identification of DHRC also lead to difficulties getting quantitative results on the diaphasic distribution of post-posed DHRC. Anecdotal evidence and statements by grammarians and researchers (see section 2 above) strongly suggest that non-restrictive post-posed DHRC are more likely to occur in formal and written texts than in informal speech. This is supported by table (1), which shows the distribution of the combination *kakovoj* + noun in the main corpus of the NKRJa in texts from 1950 to 2024 across the functional domains ¹⁴:

Tab. 1:
Distribution across functional domains of adnominal kakovoj [screenshot of NKRJa graph]

№	Значение атрибута	Тексты	Вхождения	IMP
1	Художественная	88	181 (45,02%)	2,35
2	Публицистика	131	151 (37,56%)	1,87
3	Учебно-научная	26	44 (10,95%)	1,93
4	Бытовая	16	20 (4,98%)	1,47
5	Церковно-богословская	6	7 (1,74%)	2,43
6	Электронная коммуникация	2	2 (0,5%)	0,59

The table shows clearly that the sequence *kakovoj* + noun is more frequent in the more formal domains (literature, journalism, academic-educational) than in everyday and internet communication. I do not possess similar data for Polish

¹³ Xolodilova (2014) found a much higher rate of almost 11% for post-posed DHRC in the main corpus of the NKRJa (based on texts from 1950–2011).
¹⁴ Note that this search also includes “noise”, which is, however, considerably less than in the Sketch Engine data.

and therefore, for the time being, we have to make do with the less systematic observations mentioned above.

3.4 Semantic relation between internal and external head

A nominal antecedent may be lexically identical or non-identical with the internal head. Example (1), here repeated as (14), shows identical heads:

- (14) Polish (NKJP)
która [notatka, *I. M.*] przybrała kształt *dokumentu służbowego*, który to *dokument służbowy* otrzymał odpowiedni numer

Under the concept of identity, I also subsume quasi-identity, i.e., cases where the internal head repeats only the noun of a complex antecedent and omits the modifiers. Cf. the following example:

- (15) Russian (И. Сахновский, 2012; NKRJa)
Среди недовольных было *семейство Пицци*, к каковому *семейству* принадлежала девица по имени Кассандра

When the nominal antecedent and the internal head are non-identical the internal head is usually the hypernym to the antecedent, cf. *zwanie* to *pomošnik žreca* in (16) and *stanowisko* to *poseł* in (17):

- (16) Russian (M. Rybakova, Zvezda, 2001; NKRJa)
Будучи отличником, он, согласно царившим в паннонийских школах правилам, мог быть назначен *помощником жреца*, *какового звания* с ревностью добивался.
- (17) Polish (NKJP)
Następnie został mianowany *posłem* w Londynie, *na którym to stanowisku* pozostał do swej emerytury,

The following examples illustrate verbal antecedents. In (18), the internal head refers to a finite clause, in (19) to a converb-construction:

- (18) Russian (B. A. Успенский; НКРЯ)
Слово ложь происходит от глагола *лгать*, каковой *факт* отражается в его определении в толковых словарях:
- (19) Polish (NKJP)
Robił lobbying na własną rzecz, *spotykając się z licznymi ludźmi*, w trakcie *których to spotkań* przedstawiał argumenty, [...],

In addition to these relations, there are more indirect links between the antecedent and the internal head. In (20), the internal head has been omitted and needs to be inferred from the preceding discourse:

- (20) Polish (NKJP)
Ale o której rozmowie pan teraz mówi? Ø Z Michałem Brudno, *po której to rozmowie*, w mojej opinii, powinna być sporządzona notatka

The internal head *jazyk* in (21) relates to an adverb in the preceding clause (*po-pol'ski*):

- (21) Russian (Ю. К. Олеша; НКРЯ)

Я произношу Иван, с ударением на первом слоге, *по-польски*, в *каковом языке* не может быть ударения на последнем слоге.

The relative clause in (22) with its internal head *sojuz* is a meta-linguistic comment on the use of the connective *ibo* in the preceding clause:

- (22) Russian (A. Najman, Oktjabr'. 2013)

Но еще Гарик со мной договорился, что за чистую справедливость мы не боремся, «*ибо*» (*через каковой союз он любил высказывать свою культурность*) за идею на работу не выходим.

Antecedent and internal head in (23) are quasi-identical. This relation, however, holds only on the lexical level, since the two phrases are not coreferent:

- (23) Polish (NKJP)

aby pan prokurator Kazimierz Olejnik mógł być wyłączony *od ogólnego nadzoru* nad toczącymi się śledztwami, *których to nadzorów* bardzo wiele, a które to nadzory nie mogą być nadzorami wymienionymi w art. 326 K.p

3.5 Accessibility

According to the Accessibility Hierarchy proposed by Keenan and Comrie (Keenan — Comrie 1977; Comrie — Keenan 1979), the syntactic function of the relativized element in the relative clause imposes certain restrictions on relativization. The easiest position for relativization is the subject and the least accessible function is the object of comparison.¹⁵ Accessibility is also impacted by the type of relativizer, i.e., certain relativizers favor or block certain positions (cf. Murelli 216f. and *passim*; Mendoza 2019).

Post-posed DHRC in Russian and Polish and their pronouns have no special restrictions as to the accessibility beyond the general restrictions that apply to the respective language. The relevant examples cited in this paper show the relativized element in the subject, direct object and oblique object positions, (19) and (22) demonstrate that pied piping is also possible.

4. Related phenomena

There are two syntactic strategies that bear a certain resemblance to post-posed DHRC in that they include an element in the relative clause that anaphorically refers to the external head. A closer look, however, reveals that they are quite different from post-posed DHRC and cannot be subsumed under the same label.

4.1 Decumulation

Decumulation is a relativization strategy that combines an invariable relativizer with a resumptive pronoun that is coreferent with the external head in the

¹⁵ Keenan and Comrie suggest the following order of syntactic positions: subject > direct object > indirect object > major oblique case > genitive or possessor > object of comparison.

main clause (Murelli 2011: 218). The resumptive pronoun expresses the grammatical categories of the relativized element, cf. *go* in example (24) from Polish:¹⁶

- (24) Polish (Topolińska 1984: 345)
To jest *ten*, *co go* wczoraj puścili z aresztu

Decumulative constructions and post-posed DHRC resemble each other in that they both include an expression in the relative clause that refers to the antecedent: the internal head in post-posed DHRC and the resumptive pronoun in decumulative constructions. However, this is where the similarities end. Post-posed DHRC typically employ pronouns as relativizers, decumulative constructions use relative particles. DHRC do not allow light heads, decumulative constructions do. DHRC have no special restrictions with respect to accessibility, decumulation is often blocked in subject position. Post-posed DHRC are post-posed rather than postnominal, decumulative clauses occur in either position. Post-posed DHRC are non-restrictive, decumulative constructions may be restrictive or non-restrictive. And last, but not least, post-posed DHRC are typical for formal registers whereas decumulation usually occurs in less formal discourse¹⁷.

4.2 First language acquisition

Cinque (2013: 233–235) draws a parallel between DHRC and the use of a resumptive noun phrase in the second clause, a discourse strategy observed in first language acquisition across many languages (FLA strategy). The examples (24)–(27) illustrate this strategy:

- (25) Italian (Cinque 2013: 233)
la bambina che il nonno bacia *la bambina*
‘the girl that the grandfather kisses the girl’
- (26) French (Cinque 2013: 233)
Sur *la balle* qu’i(l) lance *la balle*
‘on the ball that he throws the ball’
- (27) English (Cinque 2013: 234)
There’s a *train worker* that we saw a *switchman*

As with DHRC, the antecedent and the referring noun phrase may be lexically identical, as in (25) and (26), or distinct, as in (27). The difference between the post-posed DHRC and the FLA strategy is in the position and phrasal properties of the referring expression. The referring expression in FLA constructions seems to tend to clause final position¹⁸, whereas in post-posed DHRC it is clause

¹⁶ Note that the Russian Standard language does not allow resumptive pronouns. See Mendoza (2019) for details and further references.

¹⁷ See Murelli (2011).

¹⁸ Cinque (2013: 235) cites one example from Hebrew that shows the resumptive noun phrase in clause initial position.

initial. The FLA strategy includes a full-fledged noun phrase with a determiner in addition to the relativizer while the anaphoric element in a DHRC is formed by the relative pronoun and a noun.

5. Conclusions

Double-headed relative clause constructions in modern Polish and Russian resemble each other in most respects. They possess the same syntactic, semantic, pragmatic, and diaphasic properties; they apparently only differ in their frequency.

This case study has shown that the relation between antecedent and internal head in post-posed DHRC shows striking similarities to the relation between anaphoric element and antecedent in syntactically independent clauses: the antecedent and the anaphoric expression may be identical or non-identical, direct or indirect, coreferent or non-coreferent, and the second clause is always non-restrictive. In other words, the relation between the two clauses in post-posed DHRC is more cohesive than syntactic in nature. Linde-Usiekniewicz (2019b) argues in a similar vein, when she suggests that “the standard version of double headed appositive relative clauses in Polish seems to invoke a semantic relation between the external and internal head” (142) and that the general meaning of *to* enhances “the grammatical acceptability of otherwise doubtful examples, by virtue of making the semantic connection between the head and the relative overriding the apparent absence of a syntactic connection” (141). Accordingly, the pronouns function as mere anaphoric devices that have only cohesive and no syntactic ties to the preceding clause. Quirk et al. and Huddleston — Pullum seem to acknowledge this for English when they describe En. *which* in DHRC as “not a pronoun, but a determiner” (Quirk et al. 1972: 765), “relative determiner” (Quirk et al. 1972: 872) or a “determinative rather than a pronoun” (Huddleston — Pullum 2002: 1043f.). The same goes for Duden (2009: 303), where the pronoun Ge. *welcher* in post-posed DHRC is classified as “relatives Artikelwort” (relative determiner).

The syntactic relation between the two clauses in a post-posed DHRC has been characterized across languages as somehow “more independent” than the clauses in single-headed relative constructions, even more independent than single-headed non-restrictive relative constructions (see, e.g., Butler et al. 1986: 409f., Duden: 1036, Mendoza 2010, Lehmann 1984: 239f.).

Given these facts and arguments, I propose to take the matter one step further and to treat the constructions discussed in this paper as syntactically independent sequences of two clauses. Consequently, the pronouns used in these sequences need to be considered as anaphoric adnominal pronouns rather than relative pronouns. The fact that languages allow the use of a certain pronoun in both the relative and anaphoric capacities has to be dealt with on the lexicographic level, e.g., in describing them as polysemous items.

REFERENCES

- Buttler Danuta, Kurkowska Halina, Satkiewicz Halina. *Kultura języka polskiego*. Warszawa: PWN, 1986.
- COCA = *Corpus of Contemporary American English* <<https://www.english-corpora.org/coca/>> 21.03.2025
- Dryer Matthew. "Order of Relative Clause and Noun". Dryer Matthew, Haspelmath Martin (eds.). *WALS Online*, 2013. <wals.info/> 16.01.2025.
- Cinque Guglielmo. "On Double-headed Relative Clauses". Guglielmo Cinque, *Typological Studies*. New York, London: Routledge, 2013: 223–237.
- Comrie Bernard, Keenan Edward L. "Noun Phrase Accessibility Revisited". *Language* 55 (1979): 649–664.
- Danielewiczowa Magdalena. "To — polski operator struktury tematyczno-rematycznej. W poszukiwaniu uogólnienia jego funkcji i znaczenia". *Prace Językoznawcze* 26 (2024): 15–30.
- DBG = *Drevnerusskie berestjanye gramoty*. <gramoty.ru> 16.01.2025.
- Duden = Eisenberg Peter et al. *Duden Bd. 4: Die Grammatik*. Berlin: Duden-Verlag, 2009.
- Huddleston Rodney, Pullum Geoffrey K. *The Cambridge Grammar of the English language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Keenan Edward L., Comrie Bernard. "Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar". *Linguistic Inquiry* 8 (1977): 63–99.
- Kručinina I.N. "Konstrukcija s mestoimeniem *kotoryj* v sovremennom russkom jazyke". *Voprosy jazykoznanija* 2 (1968): 82–88.
- Lehmann Christian. *Der Relativsatz*. Tübingen: Narr, 1984.
- Linde-Usiekniewicz Jadwiga. "*Wh + To* Non-Restrictive Clauses in Polish and Related Phenomena. Part One. *Wh* vs. *Wh-to* Relative Clauses: An Overview". *Studies in Polish Linguistics* 14 (2019a): 81–99.
- Linde-Usiekniewicz Jadwiga. "*Wh + To* Non-Restrictive Clauses in Polish and Related Phenomena. Part Two: Establishing the Role of *to* in Appositive Clauses, Adverbials and Interrogatives". *Studies in Polish Linguistics* 14 (2019b): 125–147.
- Mel'čuk Igor. "Relative Clause: A Typology". Mel'čuk Igor. *Ten Studies in Dependency Syntax*. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2021: 235–274.
- Mendoza Imke. "Relativsätze mit *który to*". *Wiener Slawistischer Almanach* 65 (2010): 105–117.
- Mendoza Imke. "Zur Variation von Relativpronomina im Altpolnischen: Die Rolle der Relativisatoren". *Wiener Slavistischer Almanach* 79 (2017): 93–105.
- Mendoza Imke. "Relative Particles and Resumptive Pronouns in Slavic". *Zeitschrift für Slavische Philologie* 75 (2019): 5–42.
- Murelli Adriano. *Relative Constructions in European Non-standard Varieties*. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2011.
- Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. <ruscorpora.ru> 16.01.2025.
- Narodowy korpus języka polskiego. <nkjp.pl> 16.01.2025.
- Nešović, Matija. "O nekim osobenostima apozitivne relativne klauze u administrativnom stilu u srbskom i ruskom jeziku." *Slavistika* XXVIII/2 (2024): 53–70. <https://doi.org/10.18485/slavistika.2024.28.2.3>
- Quirk Randolph et al. *A Grammar of Contemporary English*. London: Longman, 1972.
- Sketch Engine <<https://www.sketchengine.eu/>> 16.01.2025
- SSJČ = *Slovník spisovného jazyka českého* II: h-l. Praha: Academia, 1989.
- Švedova N.Ju. (gl. red.). *Russkaja grammatika*. T. II: Sintaksis. Moskva: Nauka, 1980.
- WALS = World Atlas of Language Structures. <<https://wals.info/>> 21.03.2025.
- Weiss Daniel. "Konstrukcija s prepozitivnoj odnositel'noj klauzoi". *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova* 23 (2020): 91–107.
- Xolodilova, M.A. *Finitnoe odnositel'nye pridatočnye. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki*. Na pravach rukopisi. Moskva 2014. Data poslednego izmenenija 2024-03-31 17:43:02 MSK. <rusgram.ru> 26.03.2025.

Имке Мендоза

АПОЗИТИВНЕ РЕЛАТИВНЕ КОНСТРУКЦИЈЕ СА ПОНОВЉЕНИМ АНТЕЦЕДЕНТОМ: ИЗМЕЋУ СИНТАКСЕ И КОХЕЗИЈЕ

Резиме

Овај рад представља студију случаја о нерестриктивним апозитивним релативним реченицама са поновљеним антецедентом, засновану на материјалу из руског и пољског језика. Конструкције са поновљеним антецедентом припадају периферији граматичких система и као такве маргиналне су и са квантитативног и са нормативног становишта. Однос између антецедента и интерног центра релативне клаузе блиско подсећа на однос између антецедента и анафоричне именичке синтагме у синтаксички независним реченицама. Стога, предлажем да се овакве секвенце реченица анализирају пре у терминима кохезије него синтаксе.

Кључне речи: синтакса, релативна реченица, руски језик, пољски језик, комбиновање реченица.

Karolína Skwarska
Slovanský ústav Akademie věd České republiky
karolina.skwarska@slu.cas.cz
<https://orcid.org/0000-0003-3281-9048>

Karolína Skwarska
Institute of Slavonic Studies of the Czech Academy of Sciences
karolina.skwarska@slu.cas.cz
<https://orcid.org/0000-0003-3281-9048>

UNIFIKACE PLURÁLOVÝCH TVARŮ SUBSTANTIV V SOUČASNÝCH SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH*

UNIFICATION OF PLURAL FORMS OF NOUNS IN CONTEMPORARY SLAVIC LANGUAGES

Článek pojednává o unifikaci tvarů substantiv všech rodů v plurálu v současných slovanských jazycích. Představuje také stav v některých nářečích západoslovanského areálu. Blíže se zabývá češtinou, neboť v tomto jazyce je deklinace vlivem historických jazykových změn velice rozrůzněná. V instrumentálu plurálu se v tomto jazyce prosazují koncovky s finálním vokálem *-a* (*-ama*, *-ema*, *-ima*, *-ma*). V nespisovném jazyce je dokonce formant *-ma* reduplikován (*lidmama*, *věcmama* apod.). Zároveň je ukázáno, že formant *-ma* není stabilní u substantiv, kde je náležitý, tj. tam, kde vyjadřuje původní duálový tvar (např. *rukama*, *nohama*). I v ostatních slovanských jazycích dochází v plurálové deklinaci k pohybu — např. mísení genitivní a lokálové koncovky v ruštině vede k narušení unifikace pádových zakončení u všech rodů.

Klíčová slova: deklinace, koncovka, unifikace, gramatický rod.

The article deals with the unification of the plural forms of nouns of all genders in contemporary Slavic languages. It also presents the situation in some dialects. It deals more closely with Czech, since in this language declension is very diverse due to historical linguistic changes. In the plural instrumental, endings with the final vocalic *-a* (*-ama*, *-ema*, *-ima*, *-ma*) are promoted in this language. In the non-literary language, the suffix *-ma* is reduplicated (*lidmama*, *věcmama*, etc.). At the same time, it is shown that the suffix *-ma* is not stable in nouns where it is appropriate, i.e. where it expresses the original dual form (e.g. *rukama*, *nohama*). In other Slavic languages, too, there is movement in plural declension — e.g. the mixing of genitive and locative endings in Russian leads to a disruption of the unification of endings of all genders.

Keywords: declination, ending, unification, grammatical gender.

* Ráda bych poděkovala anonymním recenzentům za připomínky, komentáře a návrhy zdokonalení mého textu. Jejich podněty byly pro mou práci velice důležité.

Úvod

V tomto článku se budeme zabývat unifikací tvarů substantiv všech rodů v plurálu. Unifikací rozumíme sjednocení koncovek příslušného pádu u tvarů všech tří rodů.¹ Pojednáváme zde tedy o povrchové úrovni pádových tvarů, nikoli pádů (tj. jejich funkcí, srov. Skwarska 2004). Zaměříme se na současné spisovné slovanské jazyky a některá nářečí západoslovanského areálu. Stranou ponecháváme bulharštinu a makedonštinu, v nichž se pády neodlišují pádovými koncovkami, a nemůžeme proto mluvit o unifikaci tvarů. Tento článek by měl ukázat pohyb v systému pádových tvarů — obzvláště společné tendence k unifikaci formantů množného čísla. Nejprve stručně popíšeme praslovanský stav plurálové deklinace (kap. 1). V další části článku se zaměříme na unifikaci ve třech skupinách současných jazyků (kap. 2), představíme také rozrůzněný stav v některých západoslovanských nářečích (kap. 3). Nakonec ukážeme, že i v češtině — jazyku s nejsložitější deklinací — existují tendence k unifikaci pádového tvaru (konkrétně instrumentálu) substantiv v plurálu, blíže se zaměříme na procesy, které zde probíhají (v kap. 4 ukážeme reduplikaci formantu *-ma*, v kapitole 5 ztrátu významu dvojného čísla u tohoto formantu). Článek se zaměřuje především na tvary dativu, lokálu a instrumentálu, v nichž unifikace pokročila ve většině sledovaných jazyků. Je-li to aktuální, komentujeme a zachycujeme v tabulkách v sloupci “poznámka” i stav unifikace genitivního tvaru.

1. Praslovanština — kmenový princip skloňování

V praslovanštině fungoval kmenový princip, tj. pro substantivní deklinaci nebylo nejdůležitější hledisko rodové, podstatnější byla původní kmenová samohláska či souhláska. Maskulina tak byla o-kmenová, jo-kmenová, u-kmenová, i-kmenová, a-kmenová či ja-kmenová; neutra o-kmenová, jo-kmenová; feminina a-kmenová, ja-kmenová, i-kmenová. Kromě toho existovaly i souhláskové kmeny: n-kmeny, t-kmeny u maskulin, n-kmeny, t-kmeny, nt-kmeny a s-kmeny charakteristické pro neutra, r-kmeny, v-kmeny pro feminina. Tabulka 1 ukazuje stav koncovek v pádech, které budeme v článku sledovat především (dativ, lokál, instrumentál) a pro úplnost i v genitivu, v němž v některých jazycích dochází k různým posunům. Tabulka představuje stav v období staroslověnštiny, tj. pozdní praslovanštiny.

Vlivem hláskových změn (např. zániku jerů) došlo postupně k přehodnocení deklinací. Jak píše M. Vepřek (2015: 19): „Substantiva tak postupně ztrácela svůj systémový klasifikační princip kmenový a jako centrální se začala uplatňovat jiná kategorie, totiž kategorie rodu, která byla nejprve pouze sekundární a u některých typů substantiv dokonce nerozlišená.“

¹ Unifikaci tak odlišujeme od synkretismu — sjednocení koncovek v rámci jednoho paradigmatu. Synkretický je např. tvar dativu, lokálu a instrumentálu pl. v některých jihoslovanských jazycích; tvar genitivu a akuzativu sg. u životných maskulin a další tvary. Srov. Haspelmath, Sims (2015: 195n.).

Tab. 1. Rozrůznění plurálních koncovek v pozdní praslovanštině

	genitiv pl.	dativ pl.	lokál pl.	instrumentál pl.
o-kmeny	-ъ	-омъ	-ѣхъ	-у
jo-kmeny	-ь	-емъ	-іхъ	-і
u-kmeny	-овъ	-ъмъ	-ѣхъ	-ъмѣ
i-kmeny	-іі	-ъмъ	-ѣхъ	-ъмѣ
a-kmeny	-ъ	-амъ	-ахъ	-амѣ
ja-kmeny	-ь	-амъ	-ахъ	-амѣ
souhláskové kmeny	-ъ	-ъмъ	-ѣхъ	-у

2. Rodový princip v současných slovanských jazycích

Během historického vývoje od praslovanštiny proběhly další změny. Jak píše A. Lamprecht (1987: 180), některé deklinace zůstaly téměř beze změny (např. typ *žena* v češtině a ruštině), jinde došlo ke sbližování tvrdých a měkkých deklinací (např. a-kmeny a ja-kmeny v srbštině a chorvatštině). Deklinační typy na sebe působily v rámci rodů — srov. v mnohých slovanských jazycích původní o-kmenové a u-kmenové koncovky u maskulin v sg. i pl.

V současné době je stav v různých slovanských jazycích různý. V některých je plurálová deklinace pro všechny rody částečně unifikovaná. Jedná se o východoslovanské jazyky a některé jazyky jihoslovanské i některé jazyky západoslovanské.

2.1 Východoslovanské jazyky

Ruština, ukrajinština a běloruština mají unifikovaný pro všechny rody dativ, a to koncovkou *-am*, lokál koncovkou *-ach*.² V instrumentálu je pro většinu substantiv charakteristická koncovka *-ami*³, u části substantiv najdeme normativní koncovku *-mi* (v ruštině je tato koncovka instrumentálu plurálu vlastní jen substantivum *дверь, лошадь, дочь, люди, дети*, předchází měkké zakončení kmeny, srov. Ďurovič, Giger 2020: 163).

Podle *Ukrajinského pravopisu* (УП: 87) se připouští variantní zakončení *-mi* (vedle *-ami*) jen u jednotlivých substantiv *слізьмі* (i *сльозами*), *свиньмі* (i *свінями*), v mužském a středním rodu např. *гостями* (i *гістьми*), *кіньми* (i *конями*), *чобітьмі* (i *чоботями, чоботами*); *коліньми* (i *колінами*), *колеса-ми* (i *колісьми*), *крилами* (i *крильмі*) (УП: 99), u plurálií tantum pak *ворітьмі* (i *воротами*), *грішми* (i *грошіма*), *гусьмі*, *двермі* (i *дверіма*), *дітьми*, *курмі*,

² A. A. Zaliznjak (2002) uvádí, že vokál *-a* je v ruštině znakem množného čísla a demonstuje příklady, kde se koncovka *-a* prosazuje v nominativu plurálu u maskulin, popř. feminin (nespisovně: *церквя, матеря, областя* apod.).

³ Graficky jde o podobu *-am, -yam; -ax, -yax* pro všechny tři jazyky, *-ami, -yami* pro ruštinu a ukrajinštinu, *-amі, -yamі* pro běloruštinu.

людьмі, саньмі (і саня́ми), сі́ньми, итаньмі (і итаня́ми, méně často — ита́нями) (УП: 104). Zajímavé je, že koncovka *-mi* se vyskytuje také (vedle *-ati*) u substantiv všech tří rodů.

Сучасна українська мова. Морфологія (СУМ: 292) pak uvádí, že u substantiv označujících párové předmětu se vedle tvarů na *-ati* užívají i tvary s koncovkou *-mi*: крилами — крил'ми; гос'т'ами — гис'т'ми ...

Ruština dlouhodobě prochází procesem kolísání koncovky v genitivu plurálu maskulin (zejm. *-ov*, $\emptyset$), srov. jednotky veličin (граммов — грамм), názvy národností, vyznání, profesních zařazení (кадет), párové předměty (canoз) a další (Гловинская 2008: 240–243). Podrobněji v minulosti popsala vztah jednotlivých koncovek genitivu plurálu např. N. Jeskova (Еськова 1971). M. Glovinskaja tvrdí, že v posledních desetiletích pokračuje v genitivu plurálu šíření nulové koncovky (Гловинская 2008: 243). Pro naše srovnání je podstatné, že u všech tří rodů může být v genitivu plurálu nulová koncovka funkční (m. англчан, ф. школ, п. правил).

Vlivem velké výslovnostní redukce samohlásek a oslabení kategorie pádu dochází v ruštině ještě k dalšímu procesu — mísení koncovek genitivu a lokálu plurálu u maskulin. Řadu příkladů uvádí M. Glovinskaja v knize *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков* (Гловинская 2008: 247).⁴

V běloruštině je unifikovaný i tvar nominativu plurálu — u všech rodů najdeme koncovku *-i*⁵ (Сегень 2007: 104). Genitiv plurálu je tak jediný pád, v němž vystupuje více koncovek: *-ov*,⁶ $\emptyset$, méně často se (především u substantiv ženského rodu) v tomto pádovém tvaru vyskytuje koncovka *-ej*⁷ (Бєлічова 1998: 18; Плотникаў — Антанюк 2003: 551; Селень 2007). Koncovka *-mi* v instrumentálu je zde výjimečná — charakteristická pro substantivum людзі (tvar людзьмі) (Сегень 2007: 104).

V následujících tabulkách označujeme tučně koncovky, které je možné najít v daných pádových tvarech všech rodů.

Tab. 2. Unifikace plurálových tvarů ve východoslovanských jazycích

	dativ pl.	lokál pl.	instrumentál pl.	poznámka
ruština	-am	-ach	-ami -mi	mísení tvarů genitivu a lokálu, nestabilní genitiv
ukrajinština	-am	-ach	-ami -mi	nestabilní instrumentál — užívají se varianty koncovek
běloruština	-am	-ach	-ami -mi	vysoký stupeň unifikace také v nominativu a genitivu (<i>-ov</i> , $\emptyset$, <i>-ej</i>)

⁴ M. Glovinskaja (2008: 247) uvádí např. *Его доброта и забота об этих девочках*. (ТВС. Дачники, Х. Серебрякова 08.03.2003).

⁵ Graficky *-i/-ы*.

⁶ Graficky *-oŷ, -eŷ, -aŷ, -jaŷ*.

⁷ Graficky *-ej, -эj, -aj*.

2.2. Jihoslovanské jazyky

S unifikací plurálových tvarů u všech rodů se setkáme také v některých jihoslovanských jazycích, konkrétně v srbsčině, chorvatštině, bosenštině a černohorštině. Tyto jazyky disponují jednotnými koncovkami *-ima* pro dativní, lokálový i instrumentálový tvar všech rodů. Kromě toho pro tvar dativu, lokálu a instrumentálu maskulin a feminin se zakončením nominativu sg. na *-a* nacházíme v těchto jazycích koncovku *-ama*.

Slovinština je na rozdíl od těchto jazyků velice rozrůzněná, pro každý z pádů plurálu zde lze najít několik koncovek. A. Lamprecht (1987: 181) uvádí, že slovinština a čeština mají nejarchaičtější stav deklinace. Zaměříme-li se na pády, které jsou unifikované ve výše uvedených jazycích, pak v slovinském dativu plurálu najdeme koncovky: *-om*, *-em*, *-am*, *-im*; v lokálu: *-ih*, *-eh*, *-ah*; v instrumentálu: *-i*, *-mi*, *-ami*, *-emi*.

Tab. 3. Unifikace plurálových tvarů v jihoslovanských jazycích

	dativ pl.	lokál pl.	instrumentál pl.	poznámka
srbsčina, chorvatština, bosenština, černohorština	-ima -ama	-ima -ama	-ima -ama	koncovka <i>-ama</i> není charakteristická pro neutra
slovinština	-om, -em, -am, -im	-ih -eh -ah	-i -mi -ami -emi	

2.3. Západoslovanské jazyky

V západoslovanských jazycích je stav unifikace plurálových tvarů substantiv značně různý. V současné polštině vývoj pokročil do stadia, kdy je pro dativ všech rodů v plurálu charakteristická koncovka *-om*, pro lokál *-ach* a pro instrumentál *-ami*, popř. *-mi*⁸ u malé části substantiv (např. *ludźmi*, *dziećmi*, *przyjaciółmi*), stav je tak podobný východoslovanským jazykům.

V horní lužické srbsčině je unifikovaný i tvar genitivu plurálu s koncovkou *-ow*, u měkkého zakončení kmene fakultativně *-i* (*pasli*, *husli*, *koni* atd.), obligatorní koncovku *-i* v genitivu plurálu najdeme u substantiv *džěći*, *ludži* (Fasske 1980: 497). Existují také substantiva s nulovou koncovkou genitivu plurálu (*Ibidem*). Pro dativ plurálu je většinová koncovka *-am*. Koncovku *-om* mají patronyma, substantiva *ludžo*, *džěći* a další, jejich soubor je možné dát výčtem (*kón*, *kruwa* atd...). V lokálu plurálu je unifikované *-ach* kromě výše uvedených substantiv s koncovkou dativu *-om* — v lokálu najdeme koncovku *-och*. Instrumentál plurálu je vyjádřen většinovou koncovkou *-ami*, u omezeného počtu substantiv *-imi/-ymi* (u substantiv jako *kón*, *kruwa* je tato koncovka fakultativní, ale

⁸ Neuvádíme zde tvary substantiv označujících párové části těla — oči, uši, ruce, nohy.

obligatorní tvary s *-imi* mají substantiva *ludžo*, *džěči* (Fasske 1980: 497–498; Faska 1998: 215).

V dolní lužické srbštině je situace podobná. P. Janaš ve své mluvnici dokonce píše, že v plurálu jsou v nepřímých pádech rodové protiklady zrušeny (Janaš 2011: 71). V genitivu je primární koncovka všech rodů *-ow*; koncovka *-i* či nulová koncovka se vyskytují jen u omezené skupiny substantiv. V dativu najdeme u většiny podstatných jmen koncovku *-am*, koncovku *-om* mají substantiva, jejichž množinu je možné dát výčtem (*konjom*, *swinjom*, *krovom*, *kurom*, *gusom*, *žišom*, *lušom*), a to vždy vedle koncovky *-am*. Základní koncovka lokálu plurálu je *-ach*. Substantiva, která mohou tvořit dativ plurálu koncovkou *-om*, mohou mít v lokálu plurálu koncovku *-och*. Unifikovaná koncovka pro všechny rody instrumentálu plurálu je v dolní lužické srbštině *-ami*. U některých substantiv se vyskytuje fakultativně *-imi/-ymi*. U několika substantiv je (stejně jako v horní lužické srbštině) koncovka *-imi/-ymi* jediná možná (*ze žišimi*, *z lužimi*, *z wocymi*, *z wušymi*) (Janaš 2011: 72).

Kašubština je vedle obou lužických srbštin dalším jazykem, v němž došlo k rodové unifikaci pádových koncovek také v genitivu plurálu. Podle E. Brezy (2001: 152) je v genitivu plurálu všech rodů možná koncovka *-ów* a také nulová koncovka (např. v některých místních názvech u maskulin) či koncovka *-i* (po měkkých souhláskách, např. maskulina *koni*, *wróbli*, feminina *roli* apod.). Dochází zde k mnohým kolísáním. Pro naši práci je však podstatné, že stejné koncovky se vyskytují ve více rodech, srov. tvary *-ów*: *lěsów* (m.) — *owców* (f.) — *sěrców* (n.); *-i*: *koni* (m.) — *roli* (f.); *Ø*: *Serakojc* (m.) — *procesyj* (f.) — *semion* (n.) (Breza 2001: 151–160). Duálová koncovka *-ama* proniká do instrumentálu plurálu a je možná i v dativu plurálu maskulin, tam je však ve všech rodech obecně rozšířená koncovka *-om*. V instrumentálu lze vedle *-ami* vzácně u maskulin najít i koncovku *-mi* (pro taková substantiva jako *koňmi*, *bratmi*) či *-i* (*godi*, *chłopi*). Pro lokál plurálu je charakteristická ve všech rodech koncovka *-ach*. Výjimečně zde najdeme *-ech* (u názvů zemí, ale i tam už proniká v důsledku analogie *-ach* — Breza 2001: 155).

Slovenské koncovky jsou značně rozrůzněné. Ačkoli M. Sokolová (2007: 37) ve své práci píše, že „Slovenská substantívna deklinácia [...] má pôsobením pádového synkretizmu najjednoduchšiu paradigmu zo západoslovanských jazykov“, unifikace koncovek plurálu není současné slovenštině vlastní. Ve slovenštině je proti sobě v plurálu postavena kategorie mužských osob a ostatních substantiv. V dativu jsou využívány koncovky *-om*, *-ám*, *-am*, *-iam*, v lokálu *-och*, *-ách*, *-ach*, *-iach*. M. Sokolová (2007: 316) uvádí, že dativ a lokál pl. feminin = dativ a lokál pl. neuter. Koncovky *-om*, *-och* jsou koncovkami mužského rodu, ostatní rodu ženského či středního. V instrumentálu pl. jsou možné tři koncovky (*-mi*, *-ami*, *-iami*), z nichž pouze *-ami* funguje pro substantiva všech tří rodů.

Jak již bylo řečeno výše, nejvíce rozrůzněné jsou v západoslovanském areálu plurálové koncovky v češtině (srov. také Kamenářová 2015: 201–202). I zde

však najdeme koncovky, které mohou vystupovat u všech tří rodů: např. *-ích*⁹ v lokálu plurálu (m.: *o strojích*, f.: *o růžích*, n.: *o mořích*), *-ech* (m.: *o hradech*, f.: *o kostech*, n.: *o městech*). Zbývá koncovka *-ách* je charakteristická pro feminina s tvrdým zakončením kmene, popř. pro maskulina a neutra se zakončením kmene na *g*, *k*, *ch*, *h* — viz pozn. 9 či maskulina typu *předseda*. V dativu je repertoár koncovek rozmanitý (pro maskulina a pro neutra s tvrdým zakončením kmene: *-ům*, pro feminina s tvrdým zakončením kmene: *-ám*, pro neutra s měkkým zakončením kmene a feminina typu *růže*: *-ím*, pro feminina typu *kost*: *-em*). Podle MSC (2010: 187) na Moravě v mluvené češtině pronikají koncovky *-ám*, *-ách* i k neutřům s tvrdým zakončením (*kluci si vyrazili na kolách*). V instrumentálu se dostává do popředí koncovka *-ama*, a to jednak u původně a-kmenových feminin (*ženami* → *ženama*), avšak také u maskulin a neuter s původní instrumentálovou koncovkou *-y* (*hradama*, *městama*). Na Moravě proniká tato koncovka i k substantivům s měkkým zakončením kmene (*mužama*, *dušama*), tato změna se týká i typu *učitel*, kde najdeme příklady trojího typu: *učiteli*, *učitelema*, *učitelama*:

- (1) *Přišly svým rodičům ukázat, jak vypadá jejich škola, když se do výzdoby pustí žáci společně s učiteli, a také za přispění maminek.* (Deníky Bohemia).
- (2) *Je málo mimoškolních aktivit a někdy nejsem úplně spokojený s učitelem, ...* (Lidové noviny)
- (3) *Měl jsem problémy s učitelem.* (Drsná země)

Finální vokál *-a* se šíří i do dalších koncovek: *-ema*, *-íma*, *-ma*. V typu *kost* se před koncovku *-ma* dostává ještě vokál *-i* coby základní vokál této deklinace; vznikají tak tvary *kostima*, *lidíma*, *děťima*, podle (MSC 2010: 180) se jedná o říd-ký případ aglutinačního jevu v české deklinaci. Užívání tvarů s koncovým vokálem *-a* je charakteristické pro mluvenou češtinu, výše uvedené příklady (2)–(3) jsou chápány jako hovorové.

Tab. 4. Unifikace plurálních tvarů v západoslovanských jazycích

	dativ pl.	lokál pl.	instrumentál pl.	poznámka
polština	-om	-ach	-ami (-mi)	
horní lužická srbština	-am (-om)	-ach (-och)	-ami (-imi/-ymi)	genitiv pl.: -ow (-i, Ø)
dolní lužická srbština	-am (-om)	-ach (-och)	-ami (-imi/-ymi)	genitiv pl.: -ow (-i, Ø)

⁹ U substantiv mužského a středního rodu se zakončením kmene na *g*, *k*, *ch*, *h* dochází ke kolísání koncovek *-ích* s palatalizací kmenové souhlásky a *-ách* bez palatalizace kmenové souhlásky, např. v *článcích* — v *článcích*, *o střediskách* — *o střediscích* apod. Jak uvádí MSC (2010: 152), v psaném projevu u maskulin tohoto typu výrazně převažuje tvar s palatalizací a koncovkou *-ích*, v mluveném projevu jsou obě varianty zastoupeny zhruba rovnoměrně. Záleží zde také na konkrétním lexému. Pro neutra srov. MSC (2010: 187).

	dativ pl.	lokál pl.	instrumentál pl.	poznámka
kašubština	-om (-ama)	-ach (-ech)	-ami -ama (-mi) (-i)	genitiv pl.: -ów , -i , Ø
slovenština	-om -ám -am -iam	-och -ách -ach -iach	-ami -mi -iami	
čeština	-ům -ám -ím -em	-ech -ách -ích	-y/-i -ami -ími -emi -mi	V instrumentálu se pro- sazuje koncovka <i>-ama</i> . Finální <i>-a</i> se šíří do dalších koncovek.

3. Nářeční stav v západoslovanském areálu

V kapitole 2 jsme se zabývali především slovanskými jazyky v jejich spisovné podobě. V nářečích je obecně stav unifikace v plurálové deklinaci značně odlišný. Na základě dostupných materiálů se pokusíme krátce nastínit stav unifikace na západoslovanském teritoriu.¹⁰

Rozmanitost plurálových koncovek v nářečích potvrzuje i *Encyklopedia wiedzy o języku polskim* (EWJP). V hesle *Odmiana rzeczowników w dialektach* referuje o šíření koncovky *-am* v dativu plurálu (*krowam, psam, ludziam*) na Mazovsku a *-oma* v instrumentálu plurálu v některých dialektech slezských, velkopolských a kašubských (*konioma, dachoma, wozoma*) (EWJP: 225). To by představovalo rozrůznění plurálové deklinace. Na druhou stranu v hesle *Wyrównanie końcówek rzeczownikowych w dialektach* v tomto slovníku najdeme informace o tendenci k unifikaci genitivu plurálu koncovkou *-ów* i u substantiv, která původně disponovala jinou koncovkou: *kościów, krowów, owców, myśłów, serców* (EWJP: 381). Takový stav připomíná unifikaci tvarů genitivu v obou lužických srbštinách a v kašubštině. Podobně se do instrumentálu plurálu šíří všude koncovka *-ami*, tj. i do paradigmát, kde je ve spisovném jazyce koncovka *-mi*: *koniami, ludziami, przyjacielami, dłońmi, kościami* (EWJP: 381). J. Kobus (2019: 164) píše, že v části Velkopolska je rozšířen i instrumentál s koncovkou *-óma* a *-amy*. Je tedy zřejmé, že nemůžeme v rámci polských nářečí mluvit o jednoznačných unifikačních tendencích.

Podle P. Žiga (2012: 118) jsou také slovenská nářečí značně rozrůzněná. Při jeho sledování lokálu plurálu maskulin se kromě nejrozšířenější *-och* (vlastní

¹⁰ V budoucnu by samozřejmě bylo pro lepší orientaci třeba shromáždit data z nářečních pramenů i pro jihoslovanský a východoslovanský areál.

i spisovnému jazyku) objevily tyto koncovky: *-ech*, *-iech*, *-ach*, na menších územích: *-ou*, *-of*, *-af*, *-ak*.

Na tomto místě je vhodné zařadit několik faktů o rusínštině. Podle kodifikace rusínštiny na slovenském území (Плішкова, Копорова, Ябур 2019) najdeme v dativu tvary s koncovkami *-am*, *-im* (хлопам/хлонім), v lokálu *-ach*, *-och*, v instrumentálu *-ami*.¹¹ Podle výzkumů M. Vašíčka (2020: 54) je však v instrumentálu funkční také koncovka *-oma* (např. na Zemplíně) a dativní koncovka *-ûm*. Kromě toho např. na Spiši dochází i u feminin k výskytu genitivní koncovky *-iv* (*babiv*, *špivankiv*), *-óf* (*babóf*).¹²

Již A. Lamprecht (1987: 181) zmiňuje, že značně rozrůzněné jsou v této otázce lašské dialekty. Na západním Opavsku najdeme koncovky dativu — lokálu — instrumentálu pl. *-am*, *-ach*, *-ama*, na východním Opavsku *-um*, *-och*, *-oma*, na Ostravsku *-um*, *-ach*, *-ami*. Ačkoli je repertoár široký, zdá se, že jsou koncovky unifikované pro všechny rody (zřejmě i pod vlivem polštiny). J. Balhar (1998: 193) píše: „V dialekttech se složitý systém namnoze zjednodušuje, a to zejména unifikací morfologických prostředků.“ Jde však o unifikaci v rámci jednotlivých dialektů, ta může být podpořena ještě dalšími procesy, např. snahou o vyrovnání samohlásek v paradigmatu (ČJA uvádí např. tvar dativu pl. v některých dialekttech *stromkám/stromkam* jako vyrovnání k lokálu *stromkách/stromkach*), snaha vyhnout se opakování samohlásek u jednotlivých lexémů apod. (ČJA 4: 226). V ČJA můžeme sledovat velký repertoár vokálů u jednotlivých tvarů (dativu, lokálu, instrumentálu pl.). Např. instrumentálu plurálu maskulin je vlastní velké rozrůznění, původní u-kmenová a i-kmenová maskulina mají často koncovku *-ma*: *volma*, *hostma*, vyskytuje se i *-ema* (u maskulin měkkých), *-ima*. Samohláska může být krácena. Rozrůznění je i generační: mladší generace užívá více koncovku *-ama* (ČJA 4: 274).

Je zřejmé, že v nářečích je repertoár koncovek mnohem větší a stav rozkolísanější než ve spisovném jazycích. Faktem ovšem zůstává, že každé nářečí představuje specifický a mnohdy dosti uzavřený jazykový systém.

4. Reduplikace formantu *-ma* v češtině

Jak již bylo řečeno výše, pro hovorovou češtinu je charakteristický sufix s koncovým vokálem *-a* (*-ama*, *-ema*, *-ma*, *-ima*). V případech s formantem *-ma*, tj. tam, kde se sufix připojuje přímo ke kmeni bez samohlásky, v hovorové češtině dochází někdy k reduplikaci *-ma*, a to (na základě našeho materiálu) nezávisle na rodu substantiva, životnosti (gramatické či přirozené), určenosti, počitatelnosti. V našem materiálu jsme našli instrumentálové tvary těchto substantiv s reduplikovaným *-ma*:

dětmama, *lidmama*, *dveřmama*, *kostmama*, *koňmama*

¹¹ Na rozdíl od toho ve vojvodinské rusínštině je unifikován genitiv a také lokál plurálu všech rodů koncovkou *-och*. Za tuto poznámku děkuji anonymnímu recenzentovi.

¹² Tyto poznatky jsem získala v osobní komunikaci s M. Vašíčkem. Tímto mu za ně děkuji.

Uvedme několik příkladů:

- (4) *to bylo taky vtipný jak přišel a říká že to že von s Korunkou nemá nic společnýho že von to měl jenom nechat za prvnima zamykatelnejma dveřmama* (ORAL v1)
- (5) *tak jako ... se zastavuje a dívá se a všímá si věci který ... a přemýšlí nad věc-mama který vlasně mu jako vstupujou do tý cesty...* (ORAL v1)
- (6) *ten ten pes to sežere že jo ... (nesrozumitelné) vařená flákota s kostmama že jo syrovejma výborný.* (ORAL v1)

Příklady tohoto typu jsou charakteristické pro mluvenou řeč, proto pocházejí zejména z korpusu ORAL 1, našli jsme je však i v psaném korpusu syn v12.¹³

- (7) *Kolikrát jsem ti říkal, že se nemáš s cizíma lidmama vybavovat.* (syn v12)

I u tohoto příkladu je však i z jiných znaků zřejmý hovorový až nespisovný charakter — krátké *i* ve slově *říkal*, sloveso *vybavovat se*.

Zdá se, že *-ma* je na jednu stranu jasně přijato jako instrumentálová koncovka, na druhou stranu je třeba ho pro vyjádření instrumentálu zopakovat, a to dokonce i v příkladech, kde je substantivum rozvito shodným atributem, který má taktéž koncovku *-ma* (viz př. 7). Šířením tohoto jevu se potvrzuje oslabení významu pádů.

5. Koncovka *-ma* coby koncovka duálová

Výše jsme ukázali, že v češtině a některých dialektech expanduje původně duálová koncovka i do plurálu všech rodů. V češtině je to stále otázka nižšího stylu jazyka.

Úzus je značně rozkolísaný. Srov. příklady (8), (9):

- (8) *...a když jdu do plavání, děláme tam s těma dámama a pánama takové sportovní cviky* (Mladá fronta DNES)

Tvary instrumentálu jsou hovorové, zatímco tvar adjektiva *takový* je normativní.

- (9) *...a když jsem to zjistila, začala jsem se radši kamarádit s dámama nebo se čtyřprocentními muži.* (Pátek Lidových novin)

V tomto příkladu opět dochází ke kombinaci hovorového prostředku — instrumentálu na *-ama* a prostředku normativního — koncovka instrumentálu přídavného jména *čtyřprocentní* a substantiva *muži*. Tvar *dámama* podtrhuje stylové zabarvení významu substantiva.

Koncovka *-ma* je v instrumentálu původní koncovkou duálovou. Dnes se normativně zachovává pouze u některých substantiv označujících části těla lidí či zvířat. Jde o substantiva: *ruce, nohy, oči, uši*, popř. zdobněliny těchto substantiv (APČJ: 250).

¹³ Oba korpusy jsou součástí Českého národního korpusu a jsou dostupné na adrese <www.korpus.cz>.

V jazykovém povědomí však již v současnosti není koncovka s finálním vokálem *-a* (tj. *-ama*, *-ma*) coby nositelem původního významu dvojného čísla. Koncovky u výše uvedených slov kolísají mezi koncovkou s finálním vokálem *-a* a *-i*. Např. v korpusovém materiálu nezřídka najdeme tvar *rukami*, *nohami* či jejich zdvojnásobení ve významu části lidského těla (př. (10)–(11)). Použití tvaru na *-mi* je nespíš ovlivněno také tvarem rozvíjejícího adjektiva (to by podle normy mělo mít také koncový vokál *-a*):

- (10) ...bylo pohlazeno s nadšením a zájmem dětskými **ručkami** i vrásčitými **rukami** starších občanů. (Regionální týdeník)
- (11) *Chcete se stát partnerem Yvetty Hlaváčové, ženy s nejdelšími **nohami**?* (Deníky Bohemia)

Někdy je tento tvar užít dokonce s číslovkou *obě*:¹⁴

- (12) ...používáme jednu ruku, působíme méně pateticky než když gestikulujeme **rukami oběma**... (Základy psychologie trhu)

Zatímco u většiny výše uvedených substantiv se v APČJ doporučuje používat „pravidelné“ tvary, pokud dané substantivum neoznačuje část lidského či zvířecího těla, v případě podstatného jména *ruka* je tomu jinak, srov.:

„Ve spojeních, v nichž podstatné jméno *ruka* označuje součást stroje nebo zařízení, doporučujeme u jména *ruka* užívat v mn. č. stejné tvary jako u výrazu označujícího částí těla: *ocelové ruce*, *montáž hydraulických rukou*, *robot s mechanickými rukama*.“ (Internetová jazyková příručka)¹⁵

Rozkolísanost užívání obou koncovek potvrzují příklady jako (13):

- (13) *Vozidlo může být dostrojeno jeřábovými **rukami**, zvedacími plošinami, speciálním úchyty...* (Doprava a silnice)

Tvar *rukami* má oporu také v některých dialektech.¹⁶

Tvary *očími*, *ušími* jsou naprosto ojedinělé:

- (14) *Každoročně probíhá anketa Kvalita **očími** pacientů* (Deníky Bohemia)
- (15) *Například student Lukáš, ten závěrečné zkoušky vykonal, i když s odřenými **ušími**.* (M. Lubas: Janovice nikdy více, lepší kouli do palice!)

V příkladu (15) jde zřejmě spíše o stylizaci — z názvu zdroje vyplývá, že autor využívá hru slov. Spojení *s odřenými ušima* je idiom a jeho narušení by bylo ještě vyšším stupněm porušení normy.

Tvary *očími*, *ušími* nejsou funkční v jiných kontextech. Pro předměty tvarem připomínajícím *uši*, *oči* se používá tvar *ucha*, *oka* a instrumentál *uchy*, *oky*.

¹⁴ Také u číslovek *dva*, *dvě*, *oba*, *obě* je instrumentál rozkolísaný — mnohdy narazíme již i v psaných textech na instrumentálovou koncovku *dvěmi*, *oběmi*, která je prozatím považována za nenáležitou. Srov. *Yipes volně visel mezi **dvěmi** světy* (Elyonova země). ... *a za vámi přijela manželka i s **oběmi** dcerami* (Deníky Moravia).

¹⁵ <https://prirucka.ujc.cas.cz/?slovo=ruka#bref2> [cit. 30.03.2025]. Text v APČJ (2014: 250) je totožný až na právě uvedenou větu.

¹⁶ Podle ČJA (4: 290) se vyskytují u substantiva *ruka* v instrumentálu plurálu dále tyto tvary: *rukoma*, *rukámi*, *rukamy*, *ruky*, *rucema*, *rucima*.

Závěr

Ve slovanských jazycích je systém pádů a pádových tvarů stále v pohybu (srov. např. o šíření nesklonnosti substantiv nejnověji Kurek 2025). Obecně lze říci, že pádový systém ve slovanských jazycích je značně oslaben.

Během dlouhého historického vývoje došlo v části slovanských jazyků v rámci plurálové deklinace k výrazné unifikaci. Podléhají jí zejména tvary dativu, lokálu a instrumentálu, avšak v některých jazycích (běloruština, kašubština, obě lužické srbštiny) také tvary dalšího nepřímého pádu — genitivu. V běloruštině, kde unifikace pokročila nejvíce, dokonce tento proces zasáhl i nominativ plurálu. Tento proces je propojen i s utvářením jazykových kategorií v jednotlivých jazycích, např. západoslovanské jazyky, které v plurálu rozlišují rozdíl mezi substantivy mužskými osobními a substantivy ostatními, mají v plurálu unifikovány minimálně část tvarů feminin a neuter. Na druhou stranu však dochází k narušení unifikace některých tvarů (např. v ruštině se mísí tvary lokálu a genitivu maskulin). Nejarchaičtější a z hlediska koncovek nejbohatší skloňování má slovinština a čeština. Spisovná čeština se však díky Josefu Dobrovskému opírá o stav češtiny období humanismu (srov. Balhar 1998: 198). V mluvené češtině (vč. nářečí) probíhají různé další procesy, např. expanze koncovky *-ama*, reduplikace instrumentálové koncovky.

LITERATURA

- APČJ: Pravdová Markéta, Svobodová Ivana (eds.). *Akademická příručka českého jazyka*. Praha: Academia, 2014.
- Balhar Jan. „Některé případy unifikace v nářeční deklinaci“. Karlik Petr, Krčmová Marie (eds.). *Jazyk a kultura vyjadřování. Milanu Jelínkovi k pětasedmdesátinám*. Brno: Masarykova univerzita, 1998: 193–198.
- Běličová Helena. *Nástin porovnávací morfologie spisovných jazyků slovanských*. Praha: Karolinum, 1998.
- Breza Edward. „Podstawowe wiadomości z morfologii“. *Kaszubszczyzna. Kaszëbizna*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2001: 125–184.
- ČJA: *Český jazykový atlas 4*. Balhar Jan (ed.). Praha: Academia, 2002.
- Ďurovič Lubomír, Giger Markus. *Paradigmatika spisovné ruštiny. Hláskosloví a tvarosloví*. Praha: Karolinum, 2020.
- EWJP: *Encyklopedia wiedzy o języku polskim*. Urbańczyk Stanisław (red.). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.
- Faska Helmut. „Morfologija“. *Serbščina*. Opole: Uniwersytet Opolski, 1998: 212–228.
- Fasske Helmut. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*. Bautzen: Domowina, 1980.
- Haspelmath Martin, Sims Andrea D. *O čem je morfologie*. Praha: Karolinum, 2015.
- Janaš Petr. *Dolnosrbská mluvnice*. Praha: Karolinum, 2011.
- Kamenářová Renata. „Gramatické kategorie maskulin a ich vplyv na vývin západoslovanských jazykov“. *Lingvistické štúdie* 32, 2015: 195–202.
- Kobus Justyna. *Studia nad fleksją rzeczownika w gwarach wielkopolskich*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2019.
- Kurek Halina. „Polska fleksja nominalna XXI wieku — przyczyny, mechanizmy i skutki rozpadań się systemu przypadkowego (na przykładzie rzeczownika)“. *Językoznawstwo : prace na XVII (ekstraordinaryjny) Międzynarodowy Kongres Słowistów w Paryżu w roku 2025*. Warszawa: PAN, 2025: 146–154.

- Lamprecht Arnošt. *Praslovanština*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1987.
- MSČ: Cvrček Václav et al. *Mluvnice současné češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví*. Praha: Karolinum, 2010.
- ORAL v1. Kopřivová Marie et al. *ORAL: korpus neformální mluvené češtiny*, verze 1 z 2. 6. 2017. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha, 2017. Dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.
- Skwarska Karolína. *Konkurence genitivu a akuzativu s tranzitivními slovesy v češtině, ruštině, polštině a slovinštině*. Nepubl. disertační práce. FF UK, Praha, 2004.
- Sokolová Miloslava. *Nový deklinačný systém slovenských substantív*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2007.
- syn v12. Křen Michal et al. *Korpus SYN, verze 12 ze 29. 12. 2023*. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha, 2023. Dostupný z WWW: <<https://www.korpus.cz>>.
- Vašíček Michal. *Dynamika jihokarpatských nářečí*. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2020.
- Vepřek Miroslav. *Komparativní tvarosloví staroslověnštiny a staré češtiny*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, 2015.
- Žigo Pavol. *Analógie a anomálie v substantívnej deklinácii slovanských jazykov*. Bratislava: VEDA, 2012.
- Гловинская Марина Я. «Взаимовлияние склонений. Взаимовлияние падежей». *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков*. Крысин Леонид Петрович (отв. ред.). Москва: Языки славянских культур, 2008: 240–249.
- Еськова Наталья А. «О морфологических и морфонологических соотношениях между флексиями родительного падежа множественного числа существительных в современном русском языке». *Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского*. Москва: Наука, 1971: 170–177.
- Зализняк Андрей А. «О показателях множественного числа в русском склонении». *Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. Москва: Языки славянских культур, 2002: 545–549.
- Плішкова Анна, Копорова Кветослава, Ябур Василь. *Русинський язык. Комплексний опис мовної системи в контексті кодифікації*. Пряшів: Vydavateľ'stvo Prešovskej univerzity, 2019.
- Плотнікаў Браніслаў А. — Антанюк Любоў А. *Беларуская мова. Лінгвістычны кампендыум*. Мінск: Інтэрпрэсэрвіс, Кніжны дом, 2003.
- Сегень Людміла. *Беларуская мова. Дапаможнік для студэнтаў беларускай філалогіі. І курс*. Беласток: Універсітэт у Беластоку, 2007.
- СУМ. *Сучасна українська мова. Морфологія*. Мойсієнко Анатолій Кирилович (ред.). Київ: «ЗНАННЯ», 2013.
- УП: *Український правопис*. Київ: Наукова думка, 2019.

REFERENCES

- APČJ: Pravdová Markéta, Svobodová Ivana (eds.). *Akademická příručka českého jazyka*. Praha: Academia, 2014.
- Balhar Jan. „Některé případy unifikace v nářeční deklinaci“. Karlik Petr, Krčmová Marie (eds.). *Jazyk a kultura vyjadřování. Milanu Jelínkovi k pětasedmdesátinám*. Brno: Masarykova univerzita, 1998: 193–198.
- Běličová Helena. *Nástin porovnávací morfologie spisovných jazyků slovanských*. Praha: Karolinum, 1998.
- Breza Edward. „Podstawowe wiadomości z morfologii“. *Kaszubszczyzna. Kaszëbizna*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2001: 125–184.
- ČJA: *Český jazykový atlas 4*. Balhar Jan (ed.). Praha: Academia, 2002.
- Đurovič Ľubomír, Giger Markus. *Paradigmatika spisovné ruštiny. Hlásokosloví a tvarosloví*. Praha: Karolinum, 2020.

- EWJP: *Encyklopedia wiedzy o języku polskim*. Urbańczyk Stanisław (red.). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978.
- Es'kova Natal'ya A. «O morfologicheskikh i morfonologicheskikh sootnosheniyah mezhdu flek-siyami roditel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla sushchestvitel'nyh v sovremennom russkom yazyke». *Fonetika. Fonologiya. Grammatika. K semidesyatiletiyu A. A. Reformat-skogo*. Moskva: Nauka, 1971: 170–177.
- Faska Helmut. „Morfologija“. *Serbščina*. Opole: Uniwersytet Opolski, 1998: 212–228.
- Fasske Helmut. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*. Bautzen: Domowina, 1980.
- Glovinskaya Marina Ya. «Vzaimovliyanie sklonenij. Vzaimovliyanie padezhej». *Sovremennyy russkij yazyk. Aktivnye processy na rubezhe XX–XXI vekov*. Krysin Leonid Petrovich (otv. red.). Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008: 240–249.
- Haspelmath Martin, Sims Andrea D. *O čem je morfologie*. Praha: Karolinum, 2015.
- Janaš Petr. *Dolnosrbská mluvnice*. Praha: Karolinum, 2011.
- Kamenárová Renata. „Gramatické kategórie maskulín a ich vplyv na vývin západoslovanských jazykov.“ *Lingvistické štúdie* 32, 2015: 195–202.
- Kobus Justyna. *Studia nad fleksją rzeczownika w gwarach wielkopolskich*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2019.
- Kurek Halina. „Polska fleksja nominalna XXI wieku — przyczyny, mechanizmy i skutki rozpadania się systemu przypadkowego (na przykładzie rzeczownika)“. *Językoznawstwo : prace na XVII (ekstraordynaryjny) Międzynarodowy Kongres Slawistów w Paryżu w roku 2025*. Warszawa: PAN, 2025: 146–154.
- Lamprecht Arnošt. *Praslovanština*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1987.
- MŠC: Cvrček Václav et al. *Mluvnice současné češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví*. Praha: Karolinum, 2010.
- ORAL v1. Kopřivová Marie et al. *ORAL: korpus neformální mluvené češtiny*, verze 1 z 2. 6. 2017. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha, 2017. Available from WWW: <<http://www.korpus.cz>>.
- Plishkova Anna, Koporova Kvetoslava, Yabur Vasil'. *Rusins'kyj yazyk. Kompleksnyj opis yazykovoy sistemy v kontekstii kodifikacii*. Pryashiv: Vydavatel'stvo Prešovskej univerzity, 2019.
- Plotnikaŭ Branislaŭ A. — Antanyuk Ljuboŭ A. *Belaruskaya mova. Lingvistychny kampendyum*. Minsk: Interpresservis, Knizhny dom, 2003.
- Segen' Lyudmila. *Belaruskaya mova. Dapamozhnik dlya studentaŭ belaruskaj filalogii*. I kurs. Belastok: Universitet u Belastoku, 2007.
- Skwarska Karolína. *Konkurence genitivu a akuzativu s tranzitivními slovesy v češtině, ruštině, polštině a slovinštině*. Nepubl. disertační práce. FF UK 2004.
- Sokolová Miloslava. *Nový deklinačný systém slovenských substantív*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2007.
- SUM. *Suchasna ukraïns'ka mova. Morfologiya*. Mojsienko Anatolij Kirilovich (red.). Kiïv: «ZNANNYA», 2013.
- syn v12. Křen Michal et al. *Korpus SYN, verze 12 ze 29. 12. 2023*. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha, 2023. Available from WWW: <<http://www.korpus.cz>>.
- UP: *Ukraiňskij pravopis*. Kiïv: Naukova dumka, 2019.
- Vašíček Michal. *Dynamika jihokarpatských nářečí*. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2020.
- Vepřek Miroslav. *Komparativní tvarosloví staroslověňštiny a staré češtiny*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, 2015.
- Zaliznyak Andrej A. «O pokazatelyah mnozhestvennogo chisla v russkom sklonenii». *Russkoe imennoe slovoizmenenie s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2002: 545–549.
- Žigo Pavol. *Analógie a anomálie v substantívnej deklinácii slovanských jazykov*. Bratislava: VEDA, 2012.

Каролина Скварска

УНИФИКАЦИЈА ОБЛИКА ИМЕНИЦА У ПЛУРАЛУ У САВРЕМЕНИМ СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА

Резиме

У плуралу у савременим словенским језицима унификовани су особито облици датива, локатива и инструментала (источнословенски језици, пољски, кашупски, оба лужичка српска, српски, хрватски, босански, црногорски). У неким језицима налазимо унификовани и генитив (оба лужичка српска, кашупски, белоруски), чак и номинатив (белоруски). Словеначки и чешки језик су задржали најсложенију деклинацију у множини. У чешком, међутим, у инструменталу налазимо и наставак *-ata*, засад карактеристичан за говорни језик. Крајњи вокал *-a* се проширује и на остале наставке у инструменталу те замењује првобитно *-i* у женском роду (*-eta*, *-ima*, *-ta*). Овај наставак је изгубио свој првобитни дуални карактер — у савременом чешком језику је нестабилан наставак *-ata* у инструменталу за делове тела који иду у пару. Говорни, чак колоквијални наставак *-ta* се понекад наглашава редупликацијом ове морфеме.

Кључне речи: деклинација, наставак, унификација, граматички род.

Björn Wiemer
JGU, Mainz
wiemerb@uni-mainz.de
<https://orcid.org/0000-0001-6466-2060>

PREFIXING NON-PAST FORMS OF SIMPLEX STEMS AND THEIR VICISSITUDES IN SLAVIC

This article provides an outline of the current state of research on an exceptional kind of tense marking: certain groups of simplex verb stems tend to mark their future tense by prefixing *po-* to their present tense forms (either exclusively or, more often, alternatively to an “analytic” marking with an auxiliary deriving from **bqd-*). This behavior is restricted to, or at least clearly biased toward, lexical meanings related to directed motion; in case of polysemy, it does not apply to other meanings of the relevant stems. Moreover, this behavior appears to ensue from a reduced paradigm structure of *po*-prefixed stems, which get integrated into the paradigms of the simplex stems. Consequently, one may ask to which aspect these stems belong: are they *imperfectiva tantum*, perfective, or biaspectual?

All languages affected by this phenomenon are spoken at the western peripheries of the Slavic landscape. Czech is the most prominent one, whereas Polish (in contrast to Kashubian) does not show any traces of this phenomenon.

The article only deals with the contemporary stage (20th–21st centuries), but aims at a comprehensive treatment of all factors relevant for this phenomenon on the background of the tense-aspect systems in West and South Slavic languages. Together with these factors, it can be shown that future tense marked by *po*-prefixation of simplex stems is a gradable phenomenon in several respects, such as, e. g., (i) possibility of alternative future marking, (ii) proportions of frequency between these alternatives, (iii) number of stems involved (at least occasionally). The core group of the relevant stems all denote directed motion; among these, ‘go’, then ‘drive, ride’, are the central units. They seem to be kind of last “refugium” of this phenomenon in (almost) all relevant languages. As for the West Slavic languages, these two simplex stems almost preclude alternative future tense marking with an auxiliary, definitely in Czech, less so in the Sorbian languages and Kashubian. In turn, Slovene *iti* ‘go’ does mark its future in the usual way (with an auxiliary), but its *po*-prefixed derivative does not. As a result, its paradigm is most idiosyncratic and difficult to interpret on the background of the non-past system of this South Slavic language.

Keywords: Slavic, future tense, aspect, paradigm structure.

„Využívanie týchto tvarov nie je ešte ustálené.”

(Dvonč 1984: 104, concerning Slovak)

1. The phenomenon

In the western peripheries of Slavic, we observe a phenomenon which is peculiar not only from the perspective of slavists, but also for general linguists or typologists interested in tense-aspect systems, more specifically: in non-past systems. Before dwelling on this phenomenon, I provide the general background.

The aspect opposition of all Slavic languages divides verb stems into two classes, a perfective (pfv.) and an imperfective (ipfv.) one, and since this division is based on stem derivation it heavily interferes with all other verbal categories and grammatical distinctions on clause, sometimes even discourse level (cf. Wiemer 2022a). This interference becomes particularly evident with non-past forms in North Slavic (= West+ East Slavic): almost exceptionless, pfv. stems mark future tense without any additional morphology, instead future reference has become the default interpretation of their present tense forms¹ (see 1a). A non-future interpretation is possible (see 1b), but there is no contrast in form. In turn, ipfv. stems mark the future with the aid of auxiliaries, and the only or predominant future auxiliary in North Slavic languages derives from the root **bqd-*, which originated in a probably inchoative copular and existential verb. For this reason, I will refer to it as BECOME-auxiliary; see (2).² That is, in North Slavic, almost without exception the membership of a stem to pfv. or ipfv. aspect determines the way in which it marks future tense, or otherwise: aspect membership conditions the complementary distribution of verb stems with regard to future marking.³

Russian

- (1a) *Zavtra ona nemnožečko očnetsja* ^{pfv.prs}, *navestit* ^{pfv.prs} ee sledovatel' (...).

‘Tomorrow she **will wake up** a little, the investigator **will visit** her.’

(RNC; O. A. Slavnikova: Pryžok v dlinu. 2014–2016)

- (1b) *Is ego točki zrenija, novyj den' — éto novoe čudo. On ne speša prosnetsja* ^{pfv.prs},
plavno primet ^{pfv.prs} vannu, vdumčivo *vyp'et* ^{pfv.prs} kofe i proguločnym šagom
otpravitsja ^{pfv.prs} na rabotu.

‘And from his point of view, a new day is a new miracle. He slowly **wakes up**, **takes** a gentle bath, thoughtfully **drinks** (a cup of) coffee and in a leisurely manner **walks off** to work.’

(RNC; Domovoj. 4.01.2002)

¹ Known exceptions to this strict rule are varieties of Sorbian, where pfv. stems (infinitives) with *bud-* (see below) have been attested. For Lower Sorbian cf. Mucke (1891: 604–606), for Upper Sorbian cf. Schuster-Šewc (1996: 169), Scholze (2008: 253).

² For further details cf. Wiemer (forthcoming-1: §3.2.1).

³ Full glossing will be provided only for some “critical” examples. Otherwise, the relevant categories of verb forms in question will receive superscripts or be introduced by a heading to the example.

- (2) *Posle toga kak ustroitsja*^{pfv.prs}, *ona budet*^{fut.3sg} *nas navešcat*^{ipfv.inf} *i proverjat*^{ipfv.inf}, *pravil'no li my otdyxaem*.
 'Once she gets settled, she **will visit** us and **check** if we are resting properly.'
 (RNC; A. A. Taxo-Godi: Žizn'i sud'ba. 2009)

By contrast, South Slavic languages do not show any complementary split of future marking conditioned by the aspect membership of the stem. Both ipfv. and pfv. stems mark future tense with the same auxiliary⁴ (see 3a vs 4), i. e. the auxiliary is not sensitive to aspect. In turn, the present-tense forms of pfv. stems (henceforth PFV.PRS), thus distinguished from the future morphologically by lack of an auxiliary, usually mark some function or other from a broader irrealis-domain (cf. Wiemer 2022b: 70, 74; forthcoming-1: §3.1.2; forthcoming-2); see (3b). These functions, first of all, include habitual and “gnomic” functions (often called ‘inactual present’ by slavists) and correlated functions in the domain of non-deontic modality. They are basically the same as with the pfv. non-past forms in North Slavic (see above).

Slovene

- (3a) pfv. future
*Minister za kmetijstvo, gozdarstvo in prehrano Dejan Židan **bo obiskal** tri kmetije in **se srečal** s koroško kmetijsko svetovalno službo.*
 ‘Minister of Agriculture, Forestry and Food Dejan Židan **will visit** three farms and **meet** with the Carinthian Agricultural Advisory Service.’
 (Gigafida 2.0; online press, 2015)
- (3b) pfv. present
*Na strokovnih ekskurzijah v spomladanskem času članice društva odkrivajo življenje in delo v drugih krajih, kar jim **porodi** marsikatero koristno idejo za svoje delo. **Obiščejo** tudi kulturne spomenike, cerkve, samostane, domače obrtnike in tako spoznavajo kulturno dediščino naših prednikov.*
 ‘On professional excursions in the spring, members of the association discover life and work in other places, which **gives** them many useful ideas for their work. They also **visit** cultural monuments, churches, monasteries, local craftsmen, and thus learn about the cultural heritage of our ancestors.’
 (Gigafida 2.0; online press, 1999)
- (4) ipfv. future
*Pri popotnikih, ki **bodo obiskovali** velike nacionalne parke, je priporočljiva uporaba odvrča (repellentov) in ustreznih oblačil.*
 ‘For travelers who **will visit** large national parks, it is recommended to use repellent and appropriate clothing.’
 (Gigafida 2.0; online press, 2006)

For short, the processes that underlie these different ways of marking future tense will here be called grammaticalization (if auxiliaries are involved) and hypoanalysis (in case of PFV.PRS marking future by default). Following Croft

⁴ Most future auxiliaries in South Slavic behave like clitics. Some of them show signs of affix status. However, these details are irrelevant for the topic of this article.

(2000: 126f.), the latter term means the conventionalized shift of a form (or a whole paradigm) toward a new default meaning, without changes in the expression. In the case of the PFV.PRS, this shift can be specified as narrowing within an initially vaguer function range: a subrange (namely, future) becomes the prominent, or default, meaning, while the remainder, e. g., non-deontic modal or habitual readings, may still be “activated” (as shown in ex. 1b above).

Furthermore, in order to avoid misunderstandings, I will abide by a strict concept of future tense. Namely,

[FUT] A predicative construction (marker, gram) can be considered a sufficiently conventionalized future if among its core, or default, functions, we find reference to a single (episodic) situation that is posterior to a reference interval. In the prototypical case, this reference interval is the current moment of speech (‘deictic future’).

This definition delimits future reference from other uses of non-past forms, namely irrealis functions (Wiemer, forthcoming-1).

These general premises supply the backdrop for the topic of this article. For most West Slavic languages (actually, for all West Slavic languages except Polish and largely also Kashubian) we observe that unprefixed (= simplex) ipfv. stems of certain verb groups display an alternative way of forming their future: not with the commonplace BECOME-auxiliary (+ infinitive), but with prefixes (usually *po-*, seldomly *s-/z-*) attached to the present tense of simplex stems; compare (5a) and (5b):

Czech

- (5a) *po* *dvacet-i* *let-ech* *bud-e* *věs-t*
 after twenty-LOC year-LOC.PL FUT-3SG lead.IPFV-INF
naše hlavní město jiná strana (...).
 ‘after twenty years another party **will lead** our capital’
 (CzNC)

- (5b) *potřebují někoho,*
k-do *je* *po-ved-e* *dál.*
 who-NOM 3PL.ACC PFX-lead.IPFV-PRS.3SG further
 ‘they need someone to lead them on.’ [lit. ‘who **will lead** them on’]
 (CzNC)

With few exceptions, prefixation of simplex stems (most of which belong to ipfv. aspect) yields pfv. stems; usually this also causes a modification or a more serious change of lexical meaning (see 6), but in many cases the prefix does not change the lexical meaning so that the ipfv. simplex stem and its prefixed pfv. derivative can be considered an aspect pair⁵ (see 7).

⁵ For this notion and related issues cf. Janda et al. (2013), Wiemer et al. (2020).

Czech

- (6) *psát*.IPFV ‘write’ → *po-psat*.PFV ‘describe’
no aspect pair, grammatical and lexical derivation
- (7) *psát*.IPFV → *na-psat*.PFV ‘write’
aspect pair, only grammatical derivation

As for forms like *povede* ‘will lead’ in (5b), without further context supplying actionality characteristics of the utterance, and without an account of the paradigm structure of the verb lexeme, it would be difficult, if not impossible, to determine whether *povede* should really be considered an ipfv. stem with a prefix added “on top” of a form already inflected for present tense, or rather as a pfv. stem whose present tense form gets standardly interpreted as pfv. future. That is, we must clarify whether the prefix in cases like *povede* takes scope over the entire present tense form (see 5b’) or narrowly scopes just over the stem, or root, before tense (+ person/number) marking applies (see 5b’). In the former case, *po-* marks future tense by being attached to the present tense of an ipfv. stem, while in the latter case this prefix changes the aspect of the stem as such, before any other categories apply and, and for the present tense form a future reading ensues via hypoanalysis (as, e. g., in ex. 1a). In other terminology, when *po-* marks future by attaching to the present tense of an ipfv. simplex stem, it behaves as an external prefix, while *po-* as prefix to derive pfv. stems from ipfv. ones has to be considered an internal prefix.⁶

		scope of prefix	prefix marks
(5b’)	<i>po-</i> [<i>ved-e</i>]	wide: tense (IPFV) > prefix	future tense
(5b’)	[<i>po- ved</i>]- <i>e</i>	narrow: prefix (PFV) > tense	pfv. aspect
	PFX-ROOT-PRS.3SG		
	‘(she/he/it) will lead’		

In this article, I focus on the wide scope reading. Future marking of ipfv. stems via prefixation of their present tense has been observed for Czech (Šmilauer 1947: 152, Бондарко 1961, Machek 1962: 439, Mrhačová 1993: 65–67, among many others), Slovak (e. g., Horecký 1957, Ružička/Dvonč 1966: 41), and in Upper and Lower Sorbian (e. g., Michalk 1963, Scholze 2008: 194f., 269f., 279f.). The same phenomenon has been noticed also in Slovene, although to a lesser and more arguable extent (see §3.4), and it applies to Kashubian to a very limited extent, as basically it seems restricted to one verb (see §3.3). Bláha (2008: ch. 2) supplies an extensive survey on all these languages, except Kashubian; the approach taken here makes prominent additional aspects which, in my view, de-

⁶ Cf. Biskup (2019: ch. 5; 2022), who also discusses the possible diachronic connection between the involved processes and links them to language contact. For reasons of space, these two aspects of the “story” will here largely be left aside, as will in general a due account of Biskup’s analysis.

serve more attention. For brevity, ipfv. stems marking their future with *po-* will henceforth be called ‘IpoFut-stems’.

I will first survey and discuss the arguments that have been provided in favor or against the treatment of forms like *povede* as future tense of ipfv. stems. This discussion potentially concerns all languages on the western peripheries of the Slavic speaking landscape, including minority languages in islands like Resian, Molise or, Croatian in the Austrian *Burgenland*, but for space reasons they will not be treated here. I will concentrate on Czech and use it as basis of comparison, first of all with Slovene, since, as for this issue, Czech has been studied most thoroughly. A comparison with Slovene promises to disclose crucial moments, first of all concerning the question which aspect the relevant prefixed forms belong to or whether they are best characterized as biaspectual.

I continue first with an evaluation of the findings for Czech (§2), before I turn to data and observations on other languages of the western peripheries of Slavic (§3), with Czech as a kind of blueprint. The last section formulates conclusions and desiderata for further research (§4). The article does not dwell upon the diachronic background, which — as far as possible by now — has been dealt with in Wiemer (forthcoming-1: §4.2); see also fn. 6.

2. Czech

This section largely relies on the survey in Wiemer (forthcoming-1: §4).

2.1. Outline

In modern Czech, only the prefix *po-* has been attested to mark future tense of ipfv. stems (based of their present tense forms). The lexical core group of ipfv. simplex stems betraying this behavior is related to directed motion (e. g., *pojede* ‘I will go/drive’, *popluží* ‘I will swim’); less salient are verbs of other lexical groups, like causative equivalents of directed motion verbs (e. g., *potáhnu* ‘I will pull’, *povezu* ‘I will bring (by driving)’), some inchoative verbs (e. g., *poroste* ‘s/he will grow’, *pokvete* ‘it will bloom’), but also some verbs denoting duration (e. g., *trvat* ‘last’, *vát* ‘blow’), at least in a wide sense (e. g., *vládnout* ‘rule’). Notably, the absolute majority of these verbs imply parametric changes, i. e. they are not strictly telic (as there is no absolute right boundary of action), but nonetheless dynamic.

Moreover, almost all IpoFut-stems also mark their future with the usual future auxiliary *bud-*; with most of them this marking predominates. The exceptions are two stems which only mark their future with *po-*, namely: *jít* ‘go’ (*půjde* ~ **bude jít*) and *jet* ‘ride, drive’ (*pojede* ~ **bude jet*); cf. Ševčíková — Pánevová (2018: 181). For these two stems, exclusive marking of future by *po-* may be considered their lexicalized feature, which represents the extreme end of a distributional pattern (concerning the alternation with *bud-*) across the relevant part of the verbal lexicon (see below).

Table 1 demonstrates crucial slots of the paradigm structure of relevant *IpoFut*-stems. We see that these stems have an infinitive and past tense without *po-*; infinitives and past tense forms with *po-* either do not exist or they belong to another lexeme (see below). That is, *po-* only occurs with present tense forms. The verbs ‘go’ (*jít*) and ‘ride’ (*jet*) also occur with *po-*-prefixed imperatives, and this applies to other intransitive verbs of directed motion, too (e. g., *poběž* ‘run!’, *polet* ‘fly!’, *popluj* ‘swim!’). With their transitive counterparts, however, *po-*-prefixed imperatives seem to be obsolete; compare, e. g., *?pones* ‘bring, carry!’, *?povez* ‘drive (by car)!’ (J. Kocková, p.c.).

Table 1: Slots of paradigm structure for *po*-marked ipfv. future (modern Czech)

infinitive	past (1SG)	present (1SG)	future (1SG)	imperative (SG)
<i>jít</i> -t ‘go’	<i>še-l jsem</i>	<i>jd-u</i>	<i>pů-jd-u</i>	<i>jdi, pojd’</i>
<i>nést</i> -t ‘carry’	<i>nes-l jsem</i>	<i>nes-u</i>	<i>po-nes-u</i> (<i>bud-u nést</i> -t)	<i>nes</i> (?† <i>po-nes</i>)

Counts of lexemes involved into the group of *IpoFut*-stems vary largely; they range from 11 to 115 or even more lexical units (e. g., Kopečný 1962: 49f., Osolobě 2014: 137, Ševčíková–Panevová 2018: 179f., VAGSČ 2021: 156, Saicová Římalová 2023). The counts seem to depend much on the type of data used. Thus, in large corpora one finds considerably more cases in which *po-* as future marker of ipfv. simplex stems occurs at least occasionally. Such hapax-like phenomena are indicative of *po-*’s productivity as future marker, whereas the token frequencies of different *IpoFut*-stems vary enormously. For the majority of stems allowing for either kind of future marking (*po*-prefix ~ *bud*-auxiliary) this is also reflected in huge differences concerning the proportions between these alternatives. For some of the most frequent ones, VAGSČ (2021: 156) adduces the following figures (the verbs are represented by their 3SG-forms):

(8)	<i>povede</i>	2,744	<i>bude vést</i>	25	‘lead’
	<i>ponese</i>	439	<i>bude nést</i>	5	‘carry, bring’
	<i>poletí</i>	203	<i>bude letět</i>	3	‘fly’
	<i>pokvete</i>	29	<i>bude kvést</i>	1	‘bloom’
	<i>poveze</i>	61	<i>bude vézt</i>	0	‘carry (on vehicle)’

2.2. Criteria for determining the aspect of *po*-prefixed forms

Now, why should the *po*-prefixed present-tense forms be considered ipfv. and not just PFV.PRS? There are two answers to this question, one simple and one more complex one. The simple answer lies in the compatibility of the *po*-prefixed forms with time adverb(ial)s that denote open-ended duration (cf. Kopečný 1962: 47–50, Galton 1976: 45); these can only occur with ipfv. stems. Thus, examples like (9–10) are indicative of the ipfv. status of the respective forms:

- (9) *ty to po-nes-eš stále*
 2SG.NOM DEM.N.ACC PFX-carry.IPFV-PRS.2SG permanently
 ‘you(sg) will **carry** this permanently’
 (Kopečný 1962: 48)

Ševčíková–Panevová (2018: 182) draw attention to the equivalence of such *po*-prefixed forms with the past tense of the same verb, which does not have (and cannot have) a prefix; see (10). The equivalence of these forms follows from their lexical identity.

- (10) *Kůň po-vleč-e / vleč-l kaskadér-a*
 horse-(NOM.SG) PFX-drag.IPFV-PRS.3SG / -PST-(SG.M) stuntman-ACC.SG
za sebou dlouh-ě minut-y.
 after REFL.INS long-ACC.PL minute-ACC.PL
 ‘The horse **will drag** / **dragged** the stuntman after itself for many minutes.’
 (Ševčíková–Panevová 2018: 182, slightly adapted)

As we see, this equivalence can be exploited for a substitution test. We thus get two tests: a syntagmatic one (collocatability with adverb(ial)s of open duration) and a paradigmatic one (equivalence relation with the past tense), based on lexical identity.

Straightforward as the syntagmatic test is, it has a disadvantage: relevant adverbials rarely occur in corpus examples, and not always are intuitions of informed native speakers reliable. A more specific factor that may cause troubles with this test consists in lexically conditioned actionality features of a particular verb (which otherwise counts as ipfv.) which make it incompatible with a durative adverbial, regardless of tense. For instance, Ševčíková — Panevová (2018: 184) point out that *mazat* (original meaning ‘smear’) in the figurative sense of directed motion defies a combination with such an adverbial (see 11). As they assume, „the semantic feature of duration in the temporal determination is partly in conflict with the feature of rapid realization in the meaning of the verb“ (my translation).⁷

- (11) *A on za všechny svoje hříchy mazal ipfv.pst do pekla ?několik minut.*
 ‘And he **went** to hell for all his sins ?for/during a couple of minutes.’

As Ševčíková–Panevová (2018: 181–187) show, the test with durative adverb(ial)s and the equivalence criterion with non-prefixed past tense forms often need to be applied jointly. In addition, they account for corpus attestations and their interpretation. Even then, however, the results obtained suggest a cline between clear cases of *po*- used only for marking future of ipfv. stems (e. g., if there are no infinitives: **poběžet* ‘run’, **pokvést* ‘blossom’, **poklapat* ‘work out, function’) and cases not leaving doubt that *po*- marks a pfv. counterpart to a simple stem (e. g., *potočit se* ‘rotate, swirl’, *potrénovat* ‘train, exercise’). Between these

⁷ „(...) významový rys trvání v časovém určení je zčásti v rozporu s rysem rychlé realizace ve významu slovesa.“

poles we are forced to admit intermediate cases, either because tests are inconclusive (e. g., *posunout se* ‘move’, *postěhovat se* ‘move’ — ipfv. or pfv.?), or because their *po*-prefixed derivatives only rarely occur in the past tense or as infinitives. See also §2.3.

In certain cases, the syntagmatic and the paradigmatic test even appear to work against each other, so that their strength must be weighed. Ipfv. verbs denoting duration usually have *po*-prefixed pfv. counterparts which combine the lexically conditioned meaning of duration with the boundedness feature of pfv. aspect, but may combine with the same durational adverb(ial)s. Consequently, such pfv. and ipfv. stems do not differ in their actionality, but the *po*-prefix of the pfv. stem adds a limitation to the duration,⁸ and this applies regardless of the specific tense or finiteness. Compare (12a) with pfv. *potrvat* ‘last’ in present (or non-past) tense, (12b) with the same lexeme in the infinitive, and (12c) with *potrvat* in the past tense (from Ševčíková–Panevová 2018: 187).

- (12a) *Ozdravěn-í* *les-ů* *po-trvá* *desítk-y let.*
 recovery-NOM.SG forest-GEN.PL PFX-last.PFV-(PRS.3SG) decade-ACC.PL
 ‘The recovery of forests **will take** decades.’

- (12b) *Větrn-é* *počas-í* *se* *sněžen-ím*
 windy-NOM.SG.N weather.N-NOM.SG with snowfall-INS
mě-l-o *po-trva-t* *cel-ou* *noc.*
 have.IPFV-PST-N.SG PFX-last.PFV-INF whole-acc.sg night-(ACC.SG)
 ‘Windy weather with snowfall was expected **to last** all night.’

- (12c) *Byl to požehnaný večer a zároveň počátek přátelství,*
kter-é *po-trva-l-o* *desítk-y let.*
 REL-NOM.SG.N PFX-last.PFV-PST-SG.N decade-ACC.PL
až do *Bedřich-ov-y* *smrt-i.*
 until PN-RELADJ-GEN.SG.F death.F-GEN.SG
 ‘It was a blessed evening and at the same time the beginning of a friendship that **lasted** for decades, until Bedřich’s death.’

(12c) is remarkable in that the last adverbial (*až do...* ‘until’) explicitly indicates an absolute boundary, which seems to support pfv. aspect anyway. However, the proper point is that adverb(ial)s of open duration may not serve as litmus tests of aspect membership exactly when pfv. stems derived from ipfv. simplex stems only add their boundedness feature. Therefore, the equivalence test is probably more reliable; for this reason, its results should be given preference.

Approaching the more complex answer to the question posed above, we should emphasize what actually has already become evident with the equivalence test. All observations and tests concerning the behavior of *po*-prefixed stems w.r.t. future tense are valid only for *lexemes*, i. e. for verb stems in one particular meaning. They usually do not obtain for other meanings of the same

⁸ This does not mean that the duration must be short (see ex. 12a-c), only that the process is conceived of as limited by boundaries on both ends of duration. Compare ‘t-boundedness’ in Croft (2012: 77–80).

stems. Compare, for instance, (10) with (13), in which the same verb (*vléct*) occurs in another meaning ('cover', not 'drag').

- (13) *Po-vleč-e* / *po-vlěk-l-a* *postel*
 PFX-COVER.PFV-PRS.3SG / -PST-SG.F bed-(ACC.SG)
*(čerstv-ým prádl-em) *dlouh-é minut-y.*
 fresh-INS.SG.N linen.N-INS.SG long-ACC.PL minute-ACC.PL
 'She **will cover** / **covered** the bed (with fresh linen) *for many [lit. long] minutes.'

In this case, the meaning shift is accompanied by valency increase, and the *po*-prefixed forms represent a pfv. stem. Accordingly, *povleče* is PFV.PRS "hy-poanalyzed" to future, and it has a "regular" *po*-prefixed past tense equivalent (Ševčíková–Panevová 2018: 182–184).

Similar lexical splits (i. e. polysemy) have been noticed for concrete (physical) vs figurative (non-physical) meaning alternations. As a rule of thumb, if for the simplex stems there is a choice for future marking, *po*- appears to be rather associated with physical activities (14a), while *bud*- prefers figurative meanings (14b).

- (14a) *Pokud se přetěžujeme čistě fyzicky, dopad je samozřejmě mechanický.*
Když po-lež-u dvacet let po kolen-ou,
 if PFX-climb.IPFV-PRS.1SG twenty year-(GEN.PL) on knee-LOC.PL
bud-u na nich mí-t degenerativn-í změn-y (...).
 FUT-3SG on 3PL.LOC have.IPFV-INF degenerative-ACC.PL change-ACC.PL
 'If we overexert ourselves purely physically, the impact is of course mechanical. If I **crawl** on my knees for twenty years, I will have degenerative changes on them (...).'

(CzNC syn2020; Moje zdraví 2017)

- (14b) *já mu bud-u léz-t do zadk-u?!*
 1SG.NOM 3SG.M.DAT FUT-1SG climb.IPFV-INF to ass-GEN.SG
 'Me and **crawl** into his ass?!' (lit. 'I **will climb** him to the ass?!')

(Galton 1976: 45, referring to Poldauf 1948)

However, these are tendencies at best; see, for instance, (5a–b). Native speakers' judgments on this regard diverge considerably, and corpus studies do not reveal any reasonably clear distribution (cf. Ševčíková–Panevová 2018: 181, Saticová Římalová 2023). Moreover, not always is it easy to draw a line between substantial meaning shifts and shifts from physical to figurative use; compare (15a–b), adapted from Ševčíková–Panevová (2018: 181), with (10, 13, 14a–b):

- (15a) *Požene (hnal) stádo na pastvu hodinu.* IPFV (simplex *hnat*),
 'He **will drive** (drove) the herd to pasture for an hour.' causation
 of physical motion
- (15b) *Požene (pohnal) Nováka před soud *hodinu.* PFV (*po-hnat*),
 'He **will take** (took) someone to court *for an hour.' causation
 of figurative motion

Now, the more complex answer to the question formulated above emerges from an account of the paradigmatic structure of the relevant verb lexemes.

The *po*-prefix marking future attaches only to the present tense forms and occurs in the imperative of the same lexemes, but it does not occur with any other paradigmatic form of the ipfv. simplex stem. Concomitantly, imperatives of these ipfv. lexemes with *po*- indicate that the action be performed towards and/or jointly with the speaker. See examples from syn2020 (CzNC):

- (16) *Pojď!* vs *Jestli musíš, tak jdi!*
 ‘Come (with me, to me)!’ ‘If you must, just **go** (away)!’
 (17) *Polez!* vs *Kristežežíši, fajn. Lez a já tu počkám.*
 ‘Climb (here, to my place)!’ ‘Christ Jesus, ok. **Climb** (there) and I’ll wait here.’

Let us summarize so far. *Po*-prefixed future tense of ipfv. stems is a gradable phenomenon (with core and peripheries), in more than one respect. First, with respect to types of lexical meaning: the core is undoubtedly made up of verbs denoting directed motion (in a physical or a figurative sense), but there is much fluctuation beyond that core. This fluctuation hinges on what may be reinterpreted (at least occasionally) as directed motion and on the question whether the *po*-derivative of the simplex stem occurs (with identical meaning) in the past tense and/or the infinitive. Here, second, frequencies vary a lot. Within the lexical core *jít* ‘go’ and *jet* ‘drive, ride’ are the central lexemes which do not at all occur with *bud*- to mark their future, neither do they have *po*-derivatives.⁹ Third, almost all *IpoFut*-stems also appear with the *bud*-auxiliary; however, again, in terms of token frequency these options are distributed very unevenly among these stems.

Jointly with this, and fourth, the choice between *po*-prefix and *bud*-auxiliary to mark future tense reveals an unstable distribution w.r.t. regular semantic alternations between physical and figurative motion, i. e. perspicuous correspondences between meaning and options of future marking are lacking. A clear-cut distribution of *po*-prefix vs *bud*-auxiliary obtains only for more far-reaching lexical splits (causing polysemy) that are accompanied by valency increases, but in these cases the function of *po*- itself and the status of the verb stem change radically as well: for ipfv. simplex stems in their original meaning of intransitive motion the *po*-prefix is the normal (or more widespread) way of marking future tense, but when these stems undergo a meaning shift connected with valency increase, *po*- makes the stem pfv., i. e. it changes the aspect membership. Correspondingly, this stem acquires an entirely different meaning and marks its future just with the morphological present/non-past tense as a consequence of hyponanalysis (and it cannot combine with *bud*-).

As a consequence of the properties just summarized, *IpoFut*-stems are paradigmatically defective, as *po*- does not occur with any other form of the ipfv. stem (Table 1), except the imperative (which deictically specifies movement toward the speaker). At least the core units of these stems can be considered *imperfectiva tantum*. In turn, if *po*- serves to perfectivize an ipfv. simplex, these

⁹ Thus, *pojít.INF* is pfv., means ‘die’ and can occur in the past tense.

stems are defective as well, but just as are all other pfv. stems in Czech (and other North Slavic languages): their form does not distinguish between present and future, in contrast to their ipfv. counterparts. Compare their basic paradigm structure (without imperatives) in Tables 2a–2b.

Table 2a: Paradigmatic structure of Czech **vléct₁** ‘drag’ (ipfv tantum)

	infinitive	past tense (1SG)	present tense (1SG)	future tense (1SG)
simplex	<i>vléct</i>	<i>jsem vlékla/vlékl</i> (F/M)	<i>vléku</i>	<i>budu vléct</i>
prefixed	<i>*povléct</i>	—	—	<i>povleku</i>

Table 2b: Paradigmatic structure of Czech **vléct₂** ‘cover’ (aspect pair)

	infinitive	past tense (1SG)	present tense (1SG)	future tense (1SG)
simplex, IPFV	<i>vléct</i>	<i>jsem vlékla/vlékl</i> (F/M)	<i>vléku</i>	<i>budu vléct</i>
prefixed, PFV	<i>povléct</i>	<i>jsem povlékla/povlékl</i> (F/M)		<i>povléku</i>

The example of *vléct* can be extended to the majority of polysemous *IpoFut*-stems, including the two options for marking future tense. Only the stems at the very core, *jít* ‘go’ and *jet* ‘drive, ride’, exclusively have *po-* in their physical motion meanings (see above); of course, in other meanings their paradigms may differ (see fn. 9).

Still, there remain questions whether *IpoFut*-stems are really to be considered ipfv. tantum, with *po-*forms “supplementing” their paradigms. We now turn to this issue.

2.3. Contextually conditioned ingressive use (CCIP)

The decision to regard *IpoFut*-stems (at least their core) as *imperfectiva tantum* seems to be challenged by past tense contexts, in which these stems never occur with the prefix *po-*. They may, however, be used in chains of predicates depicting a sequence of events (see 18). This function is typically associated with pfv. past tense and supports an ingressive interpretation.

- (18) *Začala^{pfv.pst} jsem ustupovat (...). Otec mi vzal^{pfv.pst} kufr a šel za mnou.*
 ‘I started to back away (...). My father took my suitcase and followed me.’
 (CzNC, syn2020)

Dickey (2011) has dubbed this usage type “contextually conditioned ingressive use of ipfv. verbs” (CCIP).¹⁰ This use is prominent in Czech, but has been

¹⁰ Its discovery is assigned to Иванчев (1961), cf. also Berger (2013) for a survey.

noted also for Slovak, Sorbian and, to a lesser degree, Slovene and SerBoCroatian (Dickey 2011: 178–180; 2020).¹¹ Importantly, the CCIP is by no means specific for motion verbs, but a general feature of ipfv. verbs, also for those which have pfv. counterparts, like Cz. *dívat se* ‘look’ (pfv. *podívat se*) in (19).

- (19) *Nedíval jsem se na ni. Ona se dál smála, pak přestala^{pfv.pst} a dívala^{ipfv.pst} se na mě lesklýma, vlhkýma očima.*
 ‘I didn’t look at her. She continued to laugh, then stopped and **looked** at me with shiny, wet eyes.’
 (Berger 2013: 39)

The generality of this property in Czech, irrespective of aspectual pairedness, is a fairly strong argument in favor of the ipfv. status of *jít* ‘go’ and other simplex stems denoting directed motion. However, it does not entirely rule out their biaspectual treatment, either.

From a diachronic viewpoint, the lack of past tense (as well as of infinitive) forms of *po*-prefixed derivatives of simplex stems denoting directed motion resulted from a retreat of these forms after the Old Czech period (i. e. since the 15th century). The actionality features of such forms have been disputed as well as their significance for the aspect system. Regardless, prefixes used just to profile phases of activities (ingressive or delimitative modification) were but weakly developed; only since the 17th century did they start gaining prominence, but only in the eastern parts of Slavic, including Polish. Simultaneously, the BECOME-auxiliary (*bud-*) acquired more and more prominence to mark future tense with ipfv. stems in North Slavic. As a consequence, *po*- attaching to non-past forms of simplex stems to mark future tense ended up in paradigmatic isolation, and it remained as a niche-phenomenon to mark future for a limited group of ipfv. stems in the western part of Slavic (cf. Wiemer, forthcoming-1: §4.4–5).

Moreover, since Old Czech times there have been quite a few contexts in which *po*-prefixed non-past forms of simplex stems denoting directed motion could be interpreted not only as future (often with ingressive flavor), but also as habitual or gnomic present, i. e. in a function that is associated to the present tense of pfv. stems. This problem has obviously persisted into our times, as the next subsection will demonstrate.

2.4. Problems with functions in the non-past domain

There is a major problem with the assessment of examples even when they occur in broader contexts: in many instances, *po*-prefixed simplex stems can be read as pfv. stems with ingressive or non-deontic modal meanings, or they refer to single events, which are then read as future, in the sense corresponding to [FUT] in §1. Non-deontic and habitual readings belong to the irrealis domain and are closely associated to the functional domain of PFV.PRS (cf. Wiemer, forthcoming-1: §3.1.2; forthcoming-2).

¹¹ Again, this phenomenon appears to be gradable. As Dickey (2020: 14) remarks, secondary imperfective verbs of motion do not occur in this context in Slovene and SerBoCroatian.

Consider examples chosen *ad libitum* from the CzNC: *polezete* and *polezu* in (20) can be read as ingressive and posterior w.r.t. to a reference interval, i. e. future. In (21), *polezu* clearly marks a goal-directed activity posterior to the reference interval, but its interpretation as ingressive, resultative ('goal reached') or just durative is vague.

- (20) *A polezete tentokrát zase jako jediná žena? Bude to úplně poprvé, co polezu na tak velký kopec s další ženskou — Američankou.*
 'And **will you climb** this time again as the only woman? It will be the very first time **I climb** such a big hill with another female — an American.'
 (syn2020; Lidé a země. 2018)
- (21) *Podívala jsem se na plot. Pak na něj. „Ty čekáš, že na to polezu?“*
 'I looked at the fence. Then on him. "You expect me to climb on it?"'
 [lit. '... that **I (will) climb** on this']
 (syn2020; C. Hoover: Bez naděje. 2014)

Consider further two examples adduced by Ševčíková — Panevová (2018). In (22), *pochvátám* 'I hurry' occurs in the apodosis of a conditional sentence; this brings it closer to a dispositional (or circumstantial) than to a future reading. In (23), the temporal reference of *poklíčí* 'germinate' alternates between future reference (again together with an ingressive nuance) and a dispositional meaning specifying what happens at any time when the seeds are exposed to light; the latter interpretation can be called gnomic, i. e. timeless.

- (22) *Kdyby ode mne potřeboval pomoc, pochvátám k němu milovými kroky.*
 'If he needs help from me, **I (will) hurry** to him by leaps and bounds.'
 (CzNC, SYNv5)
- (23) *Semena poklíčí lépe na světle, pouze je přitlače k substrátu a pravidelně zalévejte.*
 'The seeds **will germinate / germinates** better in the light, just press them to the substrate and water them regularly.'
 (from the internet)

Therefore, the problem is that PFV.PRS is well-suited for the denotation of unlimited repetition or for lawlike events, provided the type of situation can be conceived of as bounded. In turn, unlimited repetition (i. e. habituality) is closely associated to non-deontic modality (cf. Wiemer, forthcoming-2). In addition, PFV.PRS is perfectly compatible with ingressive or other phasal restrictions of activities. See (24), which lends itself actually for all just mentioned functions of PFV.PRS.

- (24) *Kulturnost lidí se ovšem neomylně pozná* ^{pfv.prs}.
 'However, one **recognizes** people's cultural level without mistake.'
 (Seidel 1939–1940: 18)

These usage domains of PFV.PRS create a large field of potential intersection with ipfv. verbs, in particular with respect to events that are, or may be, thought of as posterior to a contextually given reference interval (= future). While the interpretation of *po*-prefixed present tense stems as ingressive has

been taken into account in the discussion about the aspect membership of these forms, habitual and non-deontic modal meanings have largely remained out of consideration.¹²

Finally, there is another usage type of PFV.PRS well known for Czech (and the Slavic “western periphery” *in toto*): the narrative present. However, *po*-prefixed ipfv. stems are apparently not used in the narrative present; I am unaware of any suitable example, also in the other languages discussed below (see fn. 24).

3. Comparison with other Slavic languages

In general, research into ipfv. future marked with *po*- (or other prefixes) in languages other than Czech has been much less systematic. In the following, I make an attempt at summarizing the bits of information to be found, concerning the contemporary stage. This synthesis adds to the critical survey provided by Bláha (2008), who in general finds that outside of Czech and Slovak the lexical basis of *IpoFut*-stems is considerably reduced to a narrow group of simplex stems denoting directed motion. Moreover, Bláha provides a thorough review on the history of the question whether the incriminated *po*-prefixed forms are to be considered representatives of PFV.PRS (undergoing hypoanalysis to future) or as special future formations of ipfv. stems (2008: 64–70). My comments on this issue will thus be reduced to a minimum. Suffice it to say that after World War II these forms have been treated predominantly as ipfv. future, at least in Czech and Slovak, while for varieties of Sorbian and Kashubian views diverge to a larger extent; as for Slovene, these forms are mostly considered pfv. present. As will become obvious below, these different treatments are only partly grounded in real differences in the matter.

3.1. Slovak

Slovak is most similar to Czech in all respects discussed in §2, including the uniqueness of ‘go’, Slk. *ísť* (see below). However, grammars provide much less information concerning the range of *IpoFut*-stems and their usage. Dvonč (1984: 104) notes that there is only a limited number of motion verbs (plus a few more “affiliated” ones like *cestovať* ‘travel’, *rásť* ‘grow’) and claims that this kind of future marking does not show any increase in productivity (cf., however, Bláha 2008: 43). Most of these verbs have “doublets” (auxiliary *bud-* ~ prefix *po-*), whose functions do not seem to differ (Ružička 1966: 479). An exception is *ísť* ‘go’: no **budem ísť* exists as an alternative to *pôjdem* ‘I’ll go’ (Ružička 1966: 421). Otherwise, the formation with *bud*-auxiliary is claimed to be slightly more widespread than in Czech (Bláha 2008: 78f.).

¹² For instance, Bláha (2008: 65) remarks that *po*-prefixed forms with the relevant verbs are to be considered ipfv. also for the reason that they do not refer to repeated action (in this case only the future with *bud*-auxiliary is appropriate) — unless there is some lexical support, as in the following example: *Nesčetnokrát ponesu [= budu nést] ten kufr na nádraží a zase zpátky. ‘I will carry that suitcase to the station and back countless times.’* However, exactly such contexts do not preclude an interpretation of *ponesu* as PFV.PRS.

In general, the analysis of relevant *po*-forms in Slovak is fraught with the analytical shortcomings which I pointed out in §2.4: contexts in which these forms occur do not exclude commonplace functions of pfv. stems, i. e. of PFV. PRS, and one wonders on which basis informed linguists (even if they are native speakers) determine the ipfv. nature if, as usual, supporting durative adverbials are lacking. See examples from Ružička (1966: 421):

- (25) *Ešte si spolu posedíme^{pfv.prs}, porozprávame^{pfv.prs} sa, potom pekne spolu poletíme.*
 ‘We’ll sit together, talk, and then **we’ll fly** (= run) together.’
 (Tatarka)
- (26) *Pozrite sa mi, prosím, do očí. Z tých záhonov už svetlo **neporastie**.*
 ‘Please look me in the eyes. Light **will no longer grow** from these flower beds.’
 (Rázus)

In (25), *poletíme* ‘we’ll fly (= run)’ even occurs after two undoubtedly pfv. verbs, and all three verb forms acquire a hortative flavor. In (26), a proper future reading alternates with a circumstantial one (‘the conditions are such that flowers cannot grow there’). Admittedly, Ružička provides the ipfv. *bud*-future (*budeme letieť* and *nebude rásť*, respectively) as possible replacements, but such contextual equivalents do not really disprove a possible pfv. interpretation of the inflected *po*-forms. They only show that the contexts, which may remain vague, are compatible with the future marked by either aspect, and nuances that possibly accompany pfv. or ipfv. future are as though swept under the carpet.

Moreover, some assertions about the future tense of the relevant ipfv. stems raise surprise. For instance, Ružička (1966: 421) points out two future forms for *vidieť* ‘see’: *budem vidieť* and *uvidím*. This is misleading inasmuch as we are to infer that the prefix *u-* forms the future tense of ipfv. *vidieť*. This would mean that no infinitive *uvidieť* of a pfv. equivalent to *vidieť* exists. However, this form is attested, although probably rarely; see a corpus example:

- (27) *Stasi múzeum na Normannenstrasse je plné návštevníkov. **Uvidieť** tu môžu napravené dvere trabanta (...).*
 ‘The Stasi Museum on Normannenstrasse is full of visitors. Here, they can **see** the repaired doors of a Trabant (...).’
 (SME, May, 22, 2008; SNK, prim-6.0-public-all)

In turn, the regular form of the ipfv. future, *budem vidieť*, looks somewhat strange, and the reason seems to be the same as for the Czech cognate: Cz. *budu vidět* only refers to the ability of seeing, i. e. it can only mean ‘I will be able to see’, while the nonpast forms of *uvidět* can relate to concrete events with a metonymical shift to social behavior.¹³

¹³ For instance, Cz. *Uvidím tě na příští bohoslužbě?* ‘**Will I see** you at the next service?’ (J. Saul: Trest pro hříšné. 2012; CzNC, syn2020). See also *Seznam odpovědí*: https://dotazy.ujc.cas.cz/odpovedi/?id_odpoved=8095&filter=1.

3.2. Sorbian

The Sorbian languages are described in a similar manner, but often important pieces of information are lacking, primarily those concerning the functional distribution of forms. From a strictly formal point of view, there is one argument for older Lower Sorbian and standard Upper Sorbian which justifies why the relevant simplex stems denoting directed motion should be aligned with ipfv. aspect: only an imperfect can, or could, be used with these verbs, while aorist forms are attested only with prefixed forms.¹⁴ By contrast, genuinely bi-aspectual stems allow for both imperfect and aorist forms (e. g., standard Upper Sorbian *prajić* ‘say, tell’ has *praj-eše*.IMPF.2/3SG and *praj-i*.AOR.2/3SG).¹⁵ However, since this argument is based on the past tense, it is of limited help w.r.t. *po*-prefixed stems that only occur with non-past forms. In turn, for colloquial Upper Sorbian this argument does not apply since no aorist or imperfect forms are used anymore. This leaves us with “orphanized” non-past *po*-prefixed forms, whose paradigmatic integration and, thus, the aspect assignment of the respective simplex stems are still in question.

3.2.1. Lower Sorbian

According to Janaš (1984: 303), *z-* is used with *měš* ‘have’ and *po-* with *hys* ‘go’ to mark future tense. As for the other ipfv. stems denoting directed motion, the prefix *po-* either marks future tense or some kind of delimitative or attenuative mode of action (*Aktionsart*); the interpretation depends on the context. Which of these two “modes of action” applies is difficult to decide from the few examples given. It anyway may not be clear whether *po-* does not simply mark the ipfv. future, which is naturally compatible with the aforementioned modes of action; see (28). However, the same stems occur with *po*-prefix in the past tense (see 29); of course, in these cases the prefix can only be considered a marker of the aforementioned modes of action, which simultaneously shifts the stems into pfv. aspect.

- (28) *Ja šī kofēr (chylku) ponjasu.*

‘I (will) **carry** the suitcase (a while).’

- (29) *Ako som snědal, jo won te gusy (chylku) pogonił.*

‘When I ate breakfast, I **chased** those geese (for a while).’

(Janaš 1984: 303)

A similar point has been made for Upper Sorbian (Bláha 2008: 45), but in Lower Sorbian the parallelism as marker of ipfv. future and of mode of action (to yield pfv. stems) appears to be more systematic (cf. Bláha 2008: 69, 80, who speaks of “homonymy”). As a consequence, the distinction between ipfv. future and “diminutive” modes of action (with a shift to pfv. aspect) becomes very subtle, and deciding on either even in broader contexts becomes difficult or im-

¹⁴ For Lower Sorbian *hys* ‘go’ cf. Mucke 1966 [1911–1915/1925], *sub verbo*), for standard Upper Sorbian *hić* ‘go’ and *jěć* ‘drive, ride’ cf. Kral (1986 [1927], *sub verbis*).

¹⁵ I am obliged to Walter Breu for drawing my attention to this important detail.

possible. On the one hand, if the *po*-prefixed forms also occur in the past tense, a mere tense-marking function of *po*- is rather implausible, since the paradigm structure of *po*-marked forms does not seem reduced. On the other hand, we might ask whether *po*-prefixed forms belong to two different (“homonymic”) lexemes — with future-marking *po*- only filling one paradigmatic slot of the ipfv. simplex and “another” *po*- deriving its pfv. counterpart — or whether the “diminutive” and the future tense function of *po*- are related to the same lexeme, since their temporal features can be connected via implicatures.

After all, it is not entirely clear whether *po*-forms like the following ones might not be considered just PFV.PRS, since *po*- can, again, be interpreted as marking the ingressive moment (compare with the Czech examples 20–22):

- (30a) *Za tyžejn **pojěžomy** do Polskeje.*
 ‘In a week, we (will) go to Poland.’
 (30b) ***Polešiš** ty z lětađłom abo **powježo** tebję wujk z awtom?*
 ‘**Will you fly** by plane, or **will they drive** you with the car?’
 (Janaš 1984: 303)

Notably, in his description from the end of the 19th century, Mucke (1891: 604f.) explicitly excludes “synthetic” future with *po*- or *z*- for ipfv. stems. Instead, he treats forms like *pójžeš* ‘you(sg) will go’, *póšignješe* ‘you(pl) will drag’ as pfv., on a par with pfv. non-motion verbs, e. g. *powstanu* ‘I will stand up’. He comments on this as follows: „In Sorbian, the perfective present tense still appears most regularly as the future tense in the verbs of motion“ (Mucke 1891: 604; my translation).¹⁶

In addition, information on whether the relevant stems with *po*- have (or had) an infinitive, or whether the *bud*-auxiliary may be used alternatively, is scarce and contradictory. While Janaš (in the 1976 edition of his grammar) is said to have excluded future with the auxiliary only for *hyś* ‘go’, *jěś* ‘ride’ and *lězc* ‘crawl’, Mucke is claimed to have admitted both *pójžom* and *bužom hyś* ‘I’ll go’ for *hyś* (Bláha 2008: 46). We cannot exclude that these contradictory claims reflect real change in preferences for *po*- (“synthetic”) or *bud*- (“analytic”) in the language over some three generations.

3.2.2. Upper Sorbian

For Upper Sorbian we should distinguish between the (conservative) standard and the colloquial variety. Concerning the former, Schuster-Šewc (1996: 169) specifies that the following ipfv. verbs mark their future tense exclusively with *po*- (“synthetic” future):

- (31)¹⁷ *hić* ‘go’, *njesć* ‘carry’, *wjesć* ‘lead’, *wjezc* ‘take, drive’, *lećeć* ‘fly’,
lězc ‘crawl’, *jěć* ‘go (by vehicle)’, *ćěrić* ‘chase’, *ćahnyć* ‘move’.

¹⁶ See the original (spelling retained): „Am regelmässigsten erscheint im Sorbischen das perfective Praesens als Tempus futurum noch bei den verben der Bewegung.“

¹⁷ This list is almost identical with the list in Ермакова (1973: 278–280), who additionally includes *běžeć* and *hnać* ‘run’ (both). Cf. Bláha (2008: 79) for a survey.

Concerning their aspect membership, these “*po*-prefixed forms specify no completion of future action and are therefore grammatically analogous to the periphrastic future formed with *budu*”. The same applies to *z-* for *měć*, i. e. *z-měju* ‘I will have’, etc. (1996: 169); cf. also Werner (1996: 62f.; 2003: 128).

However, again, we face the problem that *po*-prefixed forms of these stems may occur in contexts in which they combine with present tense forms of pfv. verbs as parts of sequences of (episodic?) events posterior to the reference interval. In such environment, they acquire ingressive meaning and thereby refer to completed action. Consider an example from Faßke (1981: 267):

- (32) *Jednogo dnja wulke awta wosrjedź wsy zastanu^{pfv.prs} a wjesnjanjow ze wsy powjezu.*
 ‘One day, large cars will stop in the middle of the village and **drive** the villagers out of the village.’

In principle, all these findings apply to the colloquial variety as well. See Scholze (2008: 194), who adds an interesting detail: the exclusive use of *po*- as future tense of ipfv. stems denoting directed motion “leaks” in one particular case. Namely, if future meaning is accompanied by some nuance, the *bud*-auxiliary (+ infinitive) may be used. Judging from Scholze’s example (32), this nuance may consist in an illocutionary effect of resistant consent (which Scholze dubs “modal”):

- (32) *Da **budžem** ja em tón korb **nesć!***
 ‘Then **I’ll** just **carry** the basket!’
 (compare Germ. ‘Dann **werde** ich eben den Korb **tragen!**’)

Notably, at face value, the examples adduced by Scholze (2008: 269, 279f.) do not show unambiguous ipfv. uses, either; all of them can be referred to the beginning or the endpoint of the directed motion event. The corresponding simplex stems do not have infinitive or past tense forms. Their imperatives (*pój.sg*, *pójće.pl* ‘come here’), in turn, reveal the same deictic orientation toward the speaker as their Czech cognates (Scholze 2008: 268, 277f.).

In addition, Werner (2003: 82) admits the rare occurrence of the “analytic” future (*budu hić* ‘I will go’, etc.) outside the standard language. He furthermore remarks that *po*-prefixation with ipfv. simplex stems sometimes occurs with verbs which acquire a meaning of directed motion only via context, as in the following example from auditory evidence:

- (33) *Póndžeš ty pěši abo posmjerdžiš ty tam?*
 ‘**Will you walk** or **will you “stink”** there?’
 (compare Germ. ‘**Gehst** du zu Fuß oder **stinkst** du dorthin?’)

3.3. Kashubian

Some grammars and dictionaries of Kashubian point toward a unique behavior of *jic* ‘go’. Sychta (1968: 103) adduces forms like *pudq.1sg*, *puze.3sg* as future tense of *jic*, which he treats as ipfv., alongside with imperative forms (*poj*, *poj3*, *pu3*), but no infinitive (**pojic*). So does Gółąbk (2005) in the entry for *jic*.

He does not specify the aspect, but his short examples are compatible with pfv. aspect (e. g., *Mě pùdzemě razã* ‘We’ll go together’, *Ńn zarô pùdze* ‘He’ll go immediately’), just as do Sorbian examples (see §3.2). Makùrôt (2016: 51) presents a full paradigm of the irregular future of *jic* marked with *pù-*. She thus seems to align these prefixed forms with ipfv. aspect. So do Breza — Treder (1981: 133).¹⁸

No other simplex stem seems to behave this way. Even the infinitive *pò-jachac* derived from *jachac* ‘ride, drive’ exists (P. Bartelik and H. Makùrôt-Snuzěk, p.c.), but it should probably be considered pfv.; at least, this is what examples with past tense (34) and non-past forms (35) provided by Sychta (1970: 247) suggest:

- (34) *Mòji starkòwie pòjachelě na grzëbitwã pód Pieleszewò.*
‘My parents **went** for (collecting) mushrooms to Pieleszewo.’
- (35) *Jak pòjedziesz wedlq piekla, to nie gadòj pùrtce jinaczi jak „ùja”.*
‘When **you go** on the road to hell, don’t say to the devil in another way than “ùja”.’

Regardless, according to Hana Makùrôt-Snuzěk (p.c.), the future tense of *jic* can alternatively be formed with the *bud*-auxiliary and the *l*-participle of the suppletive root *š-* (e. g., *bãdã szla/szedl* ‘I will go [F/M]’). These forms are judged quite acceptable in belles-lêttres, under negation they sound natural even in speech (e. g., *jô tam nie mdã*¹⁹ *szedl* ‘I won’t go there’). Remarkably, with the infinitive, the same auxiliary (*?bãdã jic*) seems excluded, at least in speech.

Lorentz (1919: 44; 1958: 316; 1962: 979) offers a slightly different treatment. He classifies *jic* as ipfv., but *p^uudq*.1SG, *p^uuzeš*.2SG, etc., as pfv. The latter forms do not have an infinitive counterpart, either, but Lorentz supplies a prefixed past tense form (*p^oošed*), apart from the imperative (1958: 317). As Nomachi (2015: 274) remarks, prefixed past tense “does exist in Kashubian, and indeed it is not rare, but this form is often regarded as an ‘incorrect’ Polonized form”. Otherwise, past tense is expressed with unprefixated forms (*szedl*, etc.), and these behave like their Czech equivalents, i. e. can be interpreted ingressively in narrative sequences. This conforms to Dickey’s CCIP usage (see §2.3); cf. Nomachi (2015: 273f.).

Summarizing these not always unambiguous pieces of information on *jic*, its paradigm appears to be based on the forms given in Table 3.

At present, we may only speculate why **bãdã jic*.INF is not used (as an alternative to *bãdã szla/szedl* ‘I’ll go [F/M]’), in contrast to the bulk of ipfv. verbs, which allow for both realizations. The exclusive use of *bãdã szla/szedl* might possibly be explained as a diachronic remnant: in Common Slavic, the future (originally a future perfect) with the *bud*-auxiliary was formed with the *l*-participle, while the infinitive was a Bohemian and Polish innovation (following, or accompanying, the functional shift to an “ordinary” future of ipfv. stems).

¹⁸ “Od czasownika *jic* ‘iść’ czas przyszły brzmi *pudę, pudziesz, pudze, pudzemě* lub *pudze-ma, pudzeta* lub *pudzece* (forma grzecznościowa), *pudq*.” Cf. also JKPE (2006: 42).

¹⁹ Forms with *m* (*mdã*.1SG, etc.) are regular alternatives of this auxiliary.

Table 3: Paradigmatic structure of Kashubian *jic* ‘go’

	infinitive	past tense (1sg)	present tense (1sg)	future tense (1sg)
simplex	<i>jic</i>	(jo) <i>žem szła / szedł</i>	<i>jidã</i>	? <i>bãdã</i> , ? <i>mdã szła / szedł</i> (F/M)
prefixed	* <i>pojic</i>	? (jo) <i>žem poszła / poszedł</i> (F/M)	—	<i>pùdã</i>

However, this innovation goes back to the 13th–14th century, while the *l*-participle reappeared in Polish in the late 15th century via secular texts and subsequently acquired equal status with the infinitival pattern (cf. Wiemer, forthcoming-1: §3.2.1.2, for a summary of the relevant research). Under this assumption it would appear like a miracle why over the centuries Kashubian should not have been affected by intense Polish contact, which possibly has also supported the parallel options for marking ipfv. future tense (with *l*-participle or infinitive).²⁰ For this reason, an alternative explanation of the deviant behavior of *jic* sounds more plausible: for Pol. *iść*, the future tense with the participle is much more frequent in colloquial speech than with the infinitive.²¹ This predominance of the participial realization of the lexical verb could have been copied, or PAT-borrowed,²² possibly with the Polish pattern supporting a tendency in Kashubian itself. However, at present either attempt to explain the observations amounts to mere assumptions that should be scrutinized on a larger background and more solid facts.

Moreover, it is unclear whether there have been other verbs which marked their future in this way. Anyway, even if the restriction of *jic* to the *po*-prefix and the participle (with *bãd-*) turns out as an idiosyncratic lexicalized case, this raises the question whether it might be an archaic remnant of an earlier layer more widespread not only in the Bohemian-Moravian, but even in the Lekhitic area of West Slavic.

3.4. Slovene

Again, treatments of the simplex *iti* ‘go’ in contemporary Slovene do not yield any clear picture about its aspect membership, in particular on account of the present tense forms of its *po*-prefixed derivative (*pojdem*.1sg, etc.). Usually, *iti* seems to be treated as a biaspectual verb, e. g. in the SSKJ (1970–1991,

²⁰ Andersen (2006: 14) points out that, generally, the variant with the infinitive is attested only in the southern dialects of Kashubian, and he explains this as an adaptation to Polish (2006: 18).

²¹ A superficial check in the PNC revealed that the ratio of token frequency for *będ-* + *szedł/szła*, etc., vs *będ-* + *iść* is approximately 3.7 (267 vs 71 tokens), showing a clear dominance of the participle. By comparison, the same ratio for *pisać* ‘write’ is 0.96 (296 vs 308 tokens). For these figures, I am obliged to Marek Łaziński.

²² For these processes cf. Sakel (2007).

sub verbo). However, the prefixed present tense forms and the imperative (*po-jd-i(te)*) are included in the paradigm of *iti*, and these are obviously regarded as pfv. (Derganc 2015: 70). In the meaning ‘go’, the *po*-derivative of *iti* has neither infinitive nor past tense forms (Derganc 2014: 348). Infinitive and past tense forms do exist for this stem, but only in the meaning ‘be wasted, be no longer available, have become spent/exhausted’; see (36) from SSKJ (entry *poíti*) and (37) by courtesy of Mladen Uhlik:

- (36) *Prihranjen-i denar mu je hitro po-še-l.*
 saved-NOM.SG money-NOM.SG 3SG.DAT AUX.PRS.3SG quickly PFX-go.PFV-LP-(SG.M)
 ‘The money he saved **went** (= **was spent**) quickly.’
 (<https://fran.si/iskanje?FilteredDictionaryIds=130&View=1&Query=poiti>)
- (37) *Vs-e bo po-š-l-o.*
 everything-NOM.SG.N FUT-(3SG) PFX-go.PFV-PST-SG.N
 ‘All will be gone (= It will never return.).’

This perfectly corresponds to the Czech cognate *pojít* ‘die’ (see fn. 9). However, in contrast to Czech, no imperative forms of the simplex stem *iti* are used, at least in the standard language.²³

Moreover, *iti*’s future tense is marked with an auxiliary (*bôm*.1SG, *bôš*.2SG, etc.) only for the stem without *po*-prefix (*bom šel/šla* ‘I will go (M/F)’), not with it (**bom pošel/pošla*) in the meaning ‘go’ (Ramovš 1952: 129). Instead, the present tense forms of the *po*-prefixed stem (*pojdem*.1SG, etc.) are regarded as another future of *iti*. These two future formations of *iti* do not show any apparent differences in function (M. Uhlik, p.c.). Bláha (2008: 47) argues that *po*-prefixed present tense forms may be interpreted as ipfv., however the two examples he adduces are not convincing: one shows hortative usage (*čez vode pojdemo v južne kraje* ‘let’s cross [lit. we (will) go across] the waters to the southern lands’), the other takes part in a conditional sentence implying a sequence (*Kadar pojdemo na Posavje, se lahko napijete in napojite do site volje* ‘When **we go** to Posavje, you can get drunk and drink to your heart’s content’). After all, the paradigm of *iti* looks highly unusual: the forms *pojdem* etc. take the place of the regular future formation with the BECOME-auxiliary, and this adds to the morphological uniqueness of this verb lexeme. In the standard language, *iti* is highly suppletive anyway, as its paradigm is made up of three roots: *i(d)*-, *gre*-, and *š*- (see Table 4). In addition, the *po*-prefixed stem deviates from the regular pattern of Slovene pfv. stems, which morphologically distinguish present and future tense.

The *po*-derivative of *iti* ‘go’ is thus defective as it only has imperative and non-past forms without any morphologically distinguished future. Simultaneously, the simplex *iti* is assigned two future forms, the usual one with auxiliary (+ *l*-participle), and one with present tense morphology of its *po*-prefixed derivative. This raises the question whether the latter should be regarded ipfv. as well

²³ Such imperatives (*idi*.SG, *idite*.PL) are only attested in Carinthian and Prekmurje Slovene (M. Uhlik, p.c.). In the latter, imperatives from the simplex stem even seem to predominate, and the paradigm of *i-ti* does not show suppletion with *gre*- for the present tense (M. Greenberg, p.c.).

Table 4: Paradigmatic structure of Slovene *iti* ‘go’

	infinitive	past tense (1SG)	present tense (1SG)	future tense (1SG)	imperative
simplex	<i>i-ti</i>	<i>š-e-l / š-l-a sem</i> [M/F]	<i>gre-m</i>	<i>š-e-l / š-l-a bo-m</i> [M/F]	—
prefixed	—	—	—	<i>po-jd-em</i>	<i>po-jd-i(te)</i>

or, alternatively, as pfv. with an entirely defective paradigm, i. e. with “orphanized” present tense and imperative forms. The prefixed imperative may be understood as filling a gap for lack of an imperative of the ipfv. simplex (in the standard language; see fn. 23), but what, then, about the “doubly filled” future tense slot? However we turn around the form:function relations and the paradigm slots of this lexeme meaning ‘go’, its paradigm *in toto*, and for the *po*-prefixed forms in particular, do not fit into any coherent paradigm structure of Slovene verbs.

Moreover, the *po*-prefixed non-past tense forms (*pojdem* etc.) and their employment as future tense also look strange on a South Slavic background: provided these forms take the paradigmatic place of the pfv. future, this levels out the functional distinction between pfv. present and pfv. future: in Slovene (as in other South Slavic languages) the pfv. present is otherwise employed for irrealis functions, while a genuinely temporal use (marking posteriority, in accordance with [FUT] in §1) is typical of the pfv. future.

Correspondingly, one wonders whether *pojdem* etc. is used in irrealis functions and, above that, whether it may partake in narrative chains related in present tense.²⁴ Definitely, forms like *pojdem* are not used in progressive function (i. e. as denotation of ongoing or future activities), and this contrasts with their Czech cognates (see §2.2).

What about other verbs of motion (*nesti* ‘carry’, *vesti* ‘lead’, *jahati* ‘ride’, *peljati* ‘drive’, *leteti* ‘fly’, etc.), i. e. forms like *ponesem*, *povedem*, *popeljem*, *pojezdim*, *poletim*? According to Derganc (2022: 147), their use with future meaning is typical rather of literary or poetic style (“v pomenu futura sodijo predvsem v knjižni in poetični jezik”). While this does not say anything about their non-future use, these *po*-prefixed forms, with identical lexical meaning, do correspond to the usual future tense (*bom popeljal*, *bom poletel*, *bom ponesel*, etc.), although presumably these forms are infrequent (M. Uhlik, p.c.). Nonetheless, one wonders whether the functions of the present and the future tense forms (*ponesem* ~ *bom ponesel*, etc.) differ. In addition, practically all these stems are

²⁴ Miklosich (1874 [1926]: 773) denied narrative usage with these verbs, and this would correspond to its Czech cognate (see §2.4). However, Miklosich’s notion of narrative (or “historical”) present was rather vague (1868: 768).

attested with their infinitives in SSKJ in meanings of directed motion (apart from figurative meanings),²⁵ and Miklosich (1874 [1926]: 773) mentions the infinitives of all these verbs, including *pojti* ‘go’. Today, *pojti* seems to have entirely disappeared, which makes *iti* unique even within the narrow group of directed motion verbs.

After all, the scarce findings about *po*-derivatives of a narrow group of simplex stems denoting directed motion in Slovene rather clearly suggest that these *po*-prefixed stems are most adequately characterized as pfv. However, at least the *po*-derivative of *iti* (*pojdem* etc.) seems to “overfill” the paradigm of *iti* for its future, unless the contrast between *pojdem* and *bom šel* ‘I will go’, etc., boils down to one of aspect (see Table 4). Moreover, it is not clear whether the simplex *iti* is biaspectual or ipfv. At least, the contrast *pojdem* (→ pfv.) vs *bom šel* (→ ipfv.), together with the suppletion of *i*- with *gre-* for ipfv. present tense, suggests that *iti* should be regarded as ipfv.

In sum, we are left with a conundrum, in particular when we add other puzzling information. Thus, Derganc (2022: 146) reports that the infinitive *iti* occurs, although very rarely, after the phasal verb *začeti* ‘begin’:²⁶

- (38) *Bela ovca se je prestopila*^{pfv.pst} *in začela iti vzdolž laza.*
 ‘The white sheep crossed over and **began to walk** along the path.’
 (Nova beseda)

This speaks in favor of *iti*’s ipfv. status. So does, on first sight, the observation that its past tense (*šel, šla*) is not easily compatible with inclusive time intervals. At least, occasional examples from authentic use do not yield unequivocal interpretations. Consider, for instance, (39):

- (39) „Kaj bi storil, če bi dobil sporočilo o gorski nesreči?“
 „Vzel bi hribovske čevlje in opremo, rezervni akumulator in *šel, v petih minutah.*“
 “‘What would you do if you got a message about a mountain accident?’“
 “I’d grab my mountain shoes and gear, spare battery and **go, within five minutes.**””
 (Derganc 2022: 146; from the internet)

The adverbial *v petih minutah* ‘in five minutes’ can be understood to refer to the time that elapsed until the speaker got ready and went out, i. e. until the movement started. It seems that tests based on inclusive time adverbials sometimes fail to show what they are supposed to.²⁷ If anything, a “pfv. reading” feels more natural, but the left boundary of directed motion is not what such

²⁵ *Poletéti* ‘fly’, *pojáhati* ‘ride’, *pojézditi* ‘drive, ride’ are given with an ingressive meaning (usually for their past tense), whereas the phasal, or deictic, characteristics of *popeljati* ‘drive’, *povesti* ‘lead’ and *ponesti* ‘carry’ seem to be more diffuse.

²⁶ An analogous observation holds true for Czech simplex stems denoting directed motion: combinations of *začít* ‘begin’ with these verbs are extremely rare, but attested (J. Kocková, p.c.).

²⁷ Tests based on inclusive time intervals are usually designed for accomplishments; they often do not fit when the focus is on ingression of action (cf. Dickey 2022: 10f.).

adverbials actually focus on; instead, an additional inferential step is needed to link the “punctual” ingressive moment with a closed time interval of some extension.

In addition, past tense forms of *iti* easily combine with adverbials denoting the precise time (see 40); the same applies to past tense forms of other simplex motion verbs (see 41).

- (40) *Točno ob petih sem šel v kino.* ‘Exactly at five o’clock I went to the cinema.’
 (41) *Ob petih je nesel pismo na pošto.* ‘At five o’clock he took the letter to the post office.’

(Derganc 2022: 146)

However, these forms do not unambiguously refer to either the start or the endpoint of movement, and the time indicated by these adverbials may also serve as reference interval for an ongoing process. Thus, for instance, if (41) is slightly modified, *je nesel* acquires progressive function (M. Uhlik, p.c.):

- (41’) *Ob petih, ko so ga klicali, je nesel pismo na pošto.*
 ‘At five o’clock, when they shouted for him, he **was carrying** the letter to the post office.’

We may thus infer that the actionality potential of *nesti*, at least of its past tense, is diffuse and rather shaped by the context. This, of course, does not contradict an assignment of *nesti* (and other simplex motion verbs) as ipfv. (cf. Krviná 2016: 211). However, when digging further, we notice that past tense forms of these verbs are hardly compatible with adverbials denoting open intervals (Derganc 2022: 145f.); see (42a). This stands in clear contrast to their Czech cognates (see 42b); cf. also Dickey (2020: 12, referring to Součková 2004: 55 for Czech).

- (42a) Slovene *Šel je v mesto *eno uro.*
 (42b) Czech *Šel do města hodinu.*
 ‘He went to the city for an hour.’

This perfectly fits with the different behavior of the non-past forms Sln. *pojdem* vs Cz. *půjdu*. Thus, provided the simplex past tense forms and the prefixed non-past forms belong to the same lexeme, and the same paradigm, the Czech forms differ in a crucial section of their “behavioral profile”: even though this happens rarely, Cz. *půjdu*, etc., does occur in progressive contexts, or can be collocated with corresponding adverbials (see §2.2), whereas for Sln. *pojdem*, etc., a progressive function does not seem to be available under any means.

3.5. Comparison of Cz. *jít* (*půjdu*) and Sln. *iti* (*pojdem*)

To compare the most prominent “protagonists” of our survey, Cz. *jít* and Sln. *iti* ‘go’, in the contemporary standard languages, see Table 5, which summarizes the functional distribution of their forms.

Table 5: Cz. *jít* and Sln. *iti* ‘go’ in comparison (*standard languages*)

	does <i>po</i> -derivative have			<i>po</i> - nonpast	past	simplex with	simplex past
	infinitive	past tense	imperative	progressive function?		phasal verb?	CCIP ?
Cz. <i>jít</i>	—	—	+	+	+	(+)	+
Sln. <i>iti</i>	—	—	+ *	—	—	(+)	+

* Usual in the standard language, other varieties prefer imperative of simplex stem (*idi(te)*).

Cz. *jít* is slightly less defective as for its morphological forms, also on account of the imperative (deictic contrast: *jdi* — *pojď*). More importantly, both Cz. *jít* and its *po*-derivative are compatible with progressive contexts (and corresponding time adverbials), in contrast to their Slovene cognates. In the first place, this supports the treatment of Cz. *jít* as ipfv., including its *po*-forms, which are thereby integrated into the paradigm of ipfv. *jít* (as its future forms), and this justifies declaring *jít* an *imperfectivum tantum*. This verb does not use the *bud*-auxiliary as a parallel device of future formation. The same applies to *jet* ‘drive, ride’, but all other verbs for which *po*- has been claimed to mark future tense, do have a parallel formation with *bud*-. Correspondingly, these ipfv. simplex stems display two future tense options, i. e. a kind of overabundance.

As for Sln. *iti*, at first sight the situation looks very similar, but it gets fundamentally different when we account for the following points. First, its collocational behavior does not fit the behavior of ipfv. verbs: in past tense, it is compatible with temporally bounded events, only rarely does it collocate with a phasal verb; the latter however also applies to its Czech cognate. Second, there is an open issue whether *pojdem* and *bom šel* differ in terms of boundedness, i. e. whether *bom šel* can mark a progressive function for the future (in contrast to *pojdem*, which clearly cannot). Altogether, *pojdem* behaves like a pfv. verb (in contrast to Cz. *půjdu*). Nonetheless *pojdem* has usually been included into the paradigm of *iti*, but, again, the non-prefixed forms of *iti* rather show a pfv. behavior themselves — except their present tense, which, however, is suppletive (*gre*-). This suppletion may be for a reason, namely: to “recompensate” the inability of *i-ti* (and the other suppletive root *š-*) to mark unbounded situations. After all, only *gre*- makes this verb lexeme with its highly suppletive paradigm a possible candidate of a biaspectual verb; without *gre*- we would rather not hesitate to align it with pfv. aspect.

Provided these insights and conclusions as for the grammatical status of the Czech and the Slovene cases are correct, a further difference “beneath the surface” ensues. It concerns the interpretation of the past tense forms of Cz. *jít* and Sln. *iti* in narrative contexts. As mentioned above, these forms have been considered as demonstrating “contextually conditioned ingressive use of ipfv. verbs” (CCIP). Provided Sln. *šel/šla* is pfv. (or at least biaspectual), then this behavior

results automatically and there is nothing peculiar about it, except that this verb is not prefixed: no contextually conditioned coercion occurs with these forms in Slovene, since their ingressive function conforms to their aspect membership. For Cz. *šel/šla* the case is different: here all considerations concerning CCIP apply.

Finally, we may ask how the facts assembled about Cz. *jít* and Sln. *iti* relate to aspectual pairedness. Clearly, the *po*-prefixed present tense forms cannot be regarded as a full-fledged pfv. counterpart of the simplex stems in either case, although for different reasons pointed out above. However, the unique behavior and paradigmatic structure of these two cognate simplex stems (with meaning ‘go’) may be taken as an extreme pole at which the *po*-prefixed forms are integrated into their paradigms. From this pole, a gradient stretches toward another pole at which we may safely speak of aspect pairs. This is depicted in Figure 1.

The vertical axis is meant to show the gradient from an entirely idiosyncratic behavior of *jít/iti* ‘go’ and its prefixed forms at the top toward doubtless aspect pairs at the bottom. The cognate stems in Czech and Slovene may differ in their aspect assignment, but in addition the tense-aspect systems of Czech and Slovene differ in general: Slovene (as all South Slavic languages) morphologically distinguishes present and future tense regardless of the aspect of the stems, whereas in Czech (as North Slavic practically all over) pfv. stems cannot make this distinction. Thus, the options of indicating future tense for Sln. *iti* have to be judged differently than the options for Cz. *jít*, also on the backdrop of other stems denoting directed motion. Cz. *jít* (together with *jet* ‘drive’) only has one option, namely with *po*-, while the other simplex stems denoting directed motion have two: *po*-prefix and *bud*-auxiliary, whereas the future tense of all other ipfv. stems is only marked with *bud*-auxiliary. In turn, Sln. *iti* marks its future in the normal way (with BECOME-auxiliary + *l*-participle), but its *po*-derivative does not; instead, the non-past form of the latter is interpreted as another, exceptional future form of *iti*. From these paradigmatic idiosyncrasies we get to other simplex stems denoting directed motion (and associated meanings), which have two options of marking future tense in Czech, but either of them behaves like ipfv. future and should probably be treated as *imperfectiva tantum*. By contrast, their Slovene cognates distinguish present and future tense forms, although these are rarely used and it is not clear whether, and how, they differ in function; concomitantly, the *po*-prefixed forms might probably be treated as pfv. counterparts of ipfv. simplex stems, but this remains to be established. Thus, for Slovene, the gradient toward aspectual pairedness can possibly be described in terms of the functional relations between simplex and *po*-prefixed derivatives for all parts of the paradigm (and as for whether all their “slots” are filled for both stems). In Czech, in turn, this gradient is determined by the problems discussed in §2.2.

In Figure 1, aspect is indicated (by small caps in superscripts) only for forms with tense morphology in Czech; otherwise, the *po*-prefixed forms count as pfv., the non-prefixed ones as ipfv. (also in Slovene). The mark ‘?’ indicates the arguable aspect membership of the given form, ‘*’ indicates lack of attestation.

PREFIXING NON-PAST FORMS OF SIMPLEX STEMS
AND THEIR VICISSITUDES IN SLAVIC

Figure 1: Gradient between paradigmatic idiosyncrasy and aspectual pairedness

Czech:	PFV.PRS ⊃ PFV.FUT (or rather: PFV non-past), 3SG	INFINITIVE	PAST	PRESENT	FUTURE	
‘go’		(*po)jit	(*po)šel	jde	pojde ^{PFV} / *bude jit	ipfv. tantum, most of them like <i>letět</i>, i.e. with two future forms? ?? aspect pair
‘fly’		(*po)letět	(*po)letěl	letí	poleti ^{PFV} / (bude letět)	
‘work out’		(?po)klapat	(?po)klapal	klape	(?poklape) / bude klapat	
...		...	...	...	...	
‘rain’		(po)pršet	(po)pršelo	prší	poprší ^{PFV?} / bude pršet ^{PFV}	
...		...	...	...	...	
‘watch’		(po)hledět	(po)hleděl	hledí ^{PFV}	pohlédí ^{PFV} / bude hledět ^{PFV}	

Slovene:	PFV.PRS ≠ PFV.FUT – bo (3SG) + l-form (SG.M) as dedicated FUT (for either aspect)	INFINITIVE	PAST	PRESENT	FUTURE	
‘go’		(*po)iti	(*po)šel	gre	bo šel / (pojde), *bo pošel	biaspectual, or pfv.? – regardless, two parallel FUT forms: <i>pojdem...</i> does not behave like PFV.PRS aspect pair
‘carry’		(po)nesti	(?po)nesel	nese	bo (po)nesel / (ponese)	
...		...	...	...	...	
‘watch’		(po)gledati	(po)gledal	(po)gleda	bo (po)gledal (vs PRS (po)gleda)	

Figure 1: Gradient between paradigmatic idiosyncrasy and aspectual pairedness

4. Conclusions

The present article has dealt with the peculiar way in which certain verbs of languages in the western peripheries of the Slavic speaking territory mark their future tense, namely: with the prefix *po-* (only in rare cases *z/s-*) attached to present tense forms. Concomitantly, these verbs also (tend to) lack other paradigmatic forms of the verb except the imperative. The core group has always consisted in simplex stems denoting some kind of directed motion (e. g., Cz. *popluji* 'I will swim', Slk. *poletíme* 'we'll fly', USorb. *powjezu* 'I'll drive (sb.)', Sln. *popeljem* 'I'll go, ride'), in either a physical or a figurative sense. From this core we observe various extensions into associated lexical fields to other simplex stems. With barely any exception, this usage affects meanings of parametric change with either transitive or intransitive syntax.

Moreover, future marking by *po-* attached to present tense forms of simplex stems may involve ipfv. stems which occasionally acquire meanings of directed motion (e. g., Cz. *fičet* 'whiz'). Conversely, if simplex stems of directed motion develop other meanings (with or without changes in valency), they only have the usual ipfv. future with an auxiliary, but also an infinitive and past tense forms. In these cases, *po-* only serves to transform an ipfv. stem into a pfv. one (e. g., Cz. $vléct_1^{ipfv}$ 'drag' > $vléct_2^{ipfv} \Rightarrow po-vléct_2^{pfv}$ 'cover (sth. with sth.)'). This demonstrates that the whole issue concerns lexemes, i. e. verb stems in particular meanings, not just stems of some morphological shape; moreover, the status of *po-* (marker of ipfv. future or of pfv. stem derived from an ipfv. simplex?) changes radically in accordance with the paradigm structure of the stem. Jointly with this, issues arise as for the aspect of the simplex stem: ipfv., biaspectual, or even pfv.? While for the relevant West Slavic languages most arguments speak in favor of their status as ipfv. stems, even as *imperfectiva tantum*, the core verb of this group in Slovene, *iti* 'go', can better be characterized as pfv., at least on account of its extremely idiosyncratic paradigm structure (however construed).

The discussion was restricted to the (more or less) contemporary stage of Czech, Slovak, varieties of Sorbian, Kashubian, and Slovene. We have seen that stems with this behavior form a loose group with fuzzy extensions. Several gradients could be figured out:

(a) The largest extensions from the lexical core group of directed motion can be observed in Czech, while, obviously, in Kashubian there is only one verb with an irregular future (*jic* 'go'). Probably, Slovene comes close to this. Between these extremes we find Slovak and the Sorbian varieties.

(b) Crosslinguistically, the very core is formed by the cognate simplex stem meaning 'go', then comes 'drive, ride'. This is evident from the observation that, in almost all aforementioned languages, only 'go' (Cz. *jít*, Slk. *ísť*, USorb. *hić*, LSorb. *hyś*, Kash. *jic*) virtually lacks an alternative to mark future tense with the usual way known in all these languages, namely with a BECOME-auxiliary (Cz./Slk./Sorb. *bud-*, Kash. *bãd-* or *md-*). The exception is Slovene (*iti*), where *bo šel / šla* 's/he will go' is a regular formation: however, in Slovene the interaction

of future marking with aspect differs anyway. Occasional use of the BECOME-auxiliary with 'go' is known only for Kashubian and, with a specific nuance, in Upper Sorbian. Simultaneously, these stems consistently lack an infinitive and past tense forms. Simplex stems with the meaning 'ride' follow up closely: Kashubians sometimes use *po-jachac* (probably under Polish influence). Slovene has *po-jahati* and *po-peljati*, but these forms are extremely rare, and they are lacking in the other languages. Realizations with the auxiliary are virtually unknown.

(c) As for the remaining relevant simplex stems in Czech, the two options of future marking (*po*-prefix vs auxiliary) are realized in very different proportions of frequency. As for Slovene, due to its different aspect-tense system in the non-past domain, the relation between *po*-prefixation of present tense forms and auxiliary used for future marking (*bô-*) must be assessed more systematically in terms of aspectual pairedness: are both simplex and *po*-prefixed stems used in present and future tense? And, if yes, how do their functions relate to each other?

After all, the status of *po*-prefixed present tense forms of simplex motion verbs should be decided upon language per language, and not all relevant simplex stems may behave in an identical manner even in the same language. A prominent case to illustrate this is, again, the central verb of the core group, 'go', in a comparison of Slovene (*iti*) with Czech (*jít*), partly also with Upper Sorbian (*hić*). In contrast to the West Slavic cognates, the *po*-prefixed present tense forms (Sln. *pojdem*.1SG, etc.) cannot be used in progressive contexts (or with adverbials denoting open intervals), nor can the unprefixed past tense forms.

As concerns the aspect membership of the simplex stems with *po*-prefixed future tense, basically two complementary kinds of evidence, or tests, prove useful. Decisive evidence comes from the compatibility of these forms with adverb(ial)s of open-ended duration; such contextual elements are indicative of a progressive function, which only associates with ipfv. aspect. The problem with this evidence is that it only rarely occurs in authentic utterances, and not always are intuitions on elicited examples with such adverb(ial)s reliable.

The other kind of evidence is related to paradigm structure: if the *po*-prefixed present tense form marks ipfv. future, it should be comparable with an unprefixed past tense form of the same stem in the same lexical meaning. This equivalence relation is probably more robust in terms of testing; however, it does not entirely rule out a biaspectual treatment of the relevant simplex stems, since these stems consistently lack past tense forms with *po*- (with identical lexical meaning). Only these forms may unambiguously be treated as pfv., and this would more convincingly restrict the unprefixed past tense forms to ipfv. aspect.

Concomitantly, for Slavic languages of the western periphery "contextually conditioned ingressive use of ipfv. verbs" (CCIP) has been considered a characteristic feature, and unprefixed past tense forms of stems denoting directed motion apparently behave according to this use. Alternatively, one may argue that

this behavior justifies treating these stems as biaspectual, since, after all, one cannot deny their use in progressive function in the non-past domain. However, this argument loses its strength in view of the fact that the CCIP also holds for ipfv. verbs that do have pfv. counterparts (see §2.3).

Finally, a hitherto underestimated problem in determining the aspect membership of simplex stems denoting directed motion is that ingressive readings are often supported also by their *po*-marked forms that are based on present tense morphology. In addition, *po*-marked forms may also admit an interpretation as delimitation of action or they allow for habitual or non-deontic modal (dispositional, circumstantial) readings (see §2.4). All these functions are strongly associated to pfv. present tense, and they may heavily interfere with a future reading (conforming to [FUT] in §1).

Acknowledgments

For consultations and data I am very much obliged to Piotr Bartelik, Motoki Nomachi and Hana Makūrôt-Snuzěk (Hanna Makurat-Snuzik) concerning Kashubian, Malinka Pila as well as Mladen Uhlik and Domen Krvina concerning Slovene, Marc Greenberg concerning Prekmurje Slovene, Jana Kocková concerning Czech and Markus Giger for additional insights concerning Slovak, Leńka Šolčić (Lenka Scholze) for information on Upper Sorbian, Marek Łaziński for corpus checks on Polish, and Walter Breu for a more general discussion on Slavic minority languages. I also thank two anonymous reviewers for a couple of useful minor remarks. Of course, all remaining errors or misinterpretations are exclusively my responsibility.

REFERENCES

- Andersen, Henning. “Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence”. Kerstin Eksell & Thora Vinther (eds.), *Change in verbal systems. Issues in explanation*, Bern, etc.: Lang, 2006: 9–45.
- Berger, Tilman. “Eine ungewöhnliche Verwendung des Aspekts im Tschechischen — der imperfektive Aspekt in Handlungssequenzen”. *Zeitschrift für Slawistik* 58/1 (2013): 31–42.
- Biskup, Petr. *Prepositions, case and verbal prefixes: The case of Slavic*. Amsterdam: Benjamins, 2019.
- Biskup, Petr. “Grammaticalization of Slavic Prefixes and Language Contact”. *Zeitschrift für Slawistik* 67/2 (2022): 322–339.
- Bláha, Ondřej. *Vyjadřování budoucnosti v současné češtině (se žretelem k ostatním slovanským jazykům)* [The expression of futurity in contemporary Czech (with an account of the other Slavic languages)]. Olomouc: Univerzita Palackého, 2008.
- Breza, Edward & Jerzy Treder. *Gramatyka kaszubska (Zarys popularny)* [Kashubian grammar (A popular sketch)]. Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 1981.
- Croft, William. *Explaining Language Change. An Evolutionary Approach*. London: Longman, 2000.
- Croft, William. *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford University Press, 2012.
- Derganc, Aleksandra. 2014. “Še o glagolih premikanja v ruščini in slovenščini [Once more about motion verbs in Russian and Slovene]”. Vidovič Muha, A. & A. Žele (eds.). *Prostor v jeziku*

- in jezik v prostoru [Space in language and language in space]. *Slavistična revija* 62/3 (2014): 345–351.
- Derganc, Aleksandra. “Glagol determinirovanogo dviženija ‘iti’ v slovenskom jazyke [The verb of determined motion ‘iti’ in Slovene]”. Kitadzě, Micusi (ed.). *Aspektual’naja semantičeskaja zona: tipologija sistem i scenarii diachroničeskogo razvitija: sbornik statej V Meždunarodnoj konferencii Komisii po aspektologii Meždunarodnogo komiteta slavistov, Kioto, 13–15 nojabrja 2015 g.* [The semantic zone of actionality: typology of systems and scenarios of diachronic development: collection of articles of the Aspectological Commission at the International Congress of Slavists, Kyoto, November, 13–15, 2015]. Kioto: Univerzitet Kioto Sangě, 2015: 70–73.
- Derganc, Aleksandra. “Ali je slovenski *iti* vendarle biaspektiv? [Is Slovene *iti* biaspectual, after all?]”. Panovska-Dimkova, Iskra & Marko Jesenšek (eds.). *Zbornik vo čest na prof. dr Ljudmil Spasov — po povod 70 godini od negovoto rađanje* [Collection of papers to honor prof. dr Ljudmil Spasov on the occasion of his 70th birthday]. Skopje, 2022: 143–150.
- Dickey, Stephen M. “The Varying Role of *po-* in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact”. *Journal of Slavic Linguistics* 19/2 (2011): 175–230.
- Dickey, Stephen M. “On a putative case of native Slavic biaspectuality: Czech *jít*, Slovene *iti* and BCMS *ići*”. *Language: Codification - Competence - Communication* 2–3 (2020): 7–24.
- Dvonč, Ladislav. *Dynamika slovenskej morfológie* [The dynamics of Slovak morphology]. Bratislava: Veda, 1984.
- Faßke, Helmut. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart*. Bautzen: Domowina, 1981.
- Galton, Herbert. *The main functions of the Slavic verbal aspect*. Skopje: MANU, 1976.
- Gółąbk, Eugeniusz. *Kaszëbsczi słowôrz normatiwny* [Kashubian normative dictionary]. Gdańsk: Oficyna Czeć, 2005.
- Horecký, Jan. “O tvorení slovies predponami [On the derivation of verbs with prefixes]”. *Slovenská reč* 3 (1957): 141–155.
- Janaš, Pětr. *Niedersorbische Grammatik (für den Schulgebrauch)*. 2nd ed. Bautzen: Domowina, 1984.
- Janda, Laura A., Anna Endresen, Julia Kuznetsova, Olga Lyashevskaya, Anastasija Makarova, Tore Nessel & Svetlana Sokolova. *Why Russian aspectual prefixes aren’t empty: Prefixes as verb classifiers*. Slavica Publ., 2013.
- JKPE: Treder, Jerzy (ed.) *Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny* [Kashubian. An encyclopaedic guide]. 2nd ed. Gdańsk: Wydawnictwo uniwersytetu gdańskiego, 2006.
- Kopečný, František. *Slovesný vid v češtině* [Verbal aspect in Czech]. Praha: Nakl-ví ČAV, 2, 1962.
- Kral, Georg. *Wendisch-deutsches Wörterbuch der oberlausitzer Sprache*. Bautzen: Maćica Serbska. [Reprint of the original: Bautzen 1927.], 1986.
- Krvina, Domen. “Toporišičevo razumevanje in opis kategorije glagolskega vida v luči nekaterih novejših spoznanj [Toporišič’s understanding and description of the verbal category of aspect in view of recent insights]”. Kržišnik, Erika & Miran Hladnik (eds.). *Toporišičeva obdobja (Obdobja 35)*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2016: 209–215.
- Lorentz, Friedrich. *Kaschubische Grammatik*. Danzig: Gedania, 1919.
- Lorentz, Friedrich. *Pomoranisches Wörterbuch, Bd. I: A-P*. Berlin: Akademie-Verlag, 1958.
- Lorentz, Friedrich. *Gramatyka pomorska, t. III* [Pomorian grammar, vol. III]. Wrocław: Wydwo PAN, 1962.
- Makùròt, Hana. *Gramatika kaszëbsczégò jãzëka* [A grammar of Kashubian]. Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 2016.
- Michałk, Frido. “Dwójne słowjesa pohibu w serbšćinje [Double verbs of movement in Sorbian]”. *Serbska šula* 16/11 (1963): 698–704.
- Miklosich, Franz. *Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen*, vol. 4: *Syntax*. Wien: Braumüller. [Reprint from 1926, Heidelberg: Winter.], 1874.
- Mrhačová, Eva. *Korelativní slovesa pohybu ve slovanských jazycích, zvláště v ruštině* [Correlative verbs of motion in Slavic languages, in particular in Russian]. Ostrava: Sfinga, 1993.

- Mucke, Karl Ernst. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache (mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialecte und des Obersorbischen)*. Leipzig: Hirzel, 1891.
- Mucke, Ernst. *Wörterbuch der nieder-wendischen Sprache und ihrer Dialekte*. Bautzen: domowina. [Reprint of the original edition: St. Petersburg 1911–1915 / Prag 1926.], 1966.
- Nomachi, Motoki. “On the Second *Be* Periphrasis (BE-2) in Kashubian: Its Grammatical Status and Historical Development”. *Slavia* 84/3 (2015): 268–283.
- Osolobě, Klára. *Česká morfologie a korpusy* [Czech morphology and corpora]. Praha: Karolinum, 2014.
- Poldauf, Ivan. “Atemporálnost jako gramatická kategorie českého slovesa? [Atemporality as a grammatical category of the Czech verb?]”. *Slovo a slovesnost* XI (1948): 121–132.
- Ramovš, Fr. *Morfologija slovenskega jezika* [The morphology of Slovene]. Ljubljana: Univerzitetna študijska komisija, 1952.
- Ružička, Jozef (ed.). *Morfológia slovenského jazyka* [The morphology of Slovak]. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966.
- Saicová, Rímalová, Lucie. *Two paradigms for imperfective future tense in contemporary Czech*. Talk given at the 56th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Athens, 29 August — 1 September 2023), 2023.
- Sakel, Jeanette. “Types of loans: Matter and pattern”. Matras, Yaron & Jeanette Sakel (eds.). *Grammatical Borrowing in Cross-linguistic Perspective*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007: 15–31.
- Seidel, E. “Zur Futurbedeutung des Praesens perfectivum im Slavischen”. *Slavia* XVII (1939–1940): 1–32.
- Scholze, Lenka. *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt*. Bautzen: Domowina, 2008.
- Schuster-Šewc, Heinz. *Grammar of the Upper Sorbian Language (Phonology and Morphology)*. Translated by Gary H. Toops. München: Lincom Europa. 1996.
- Součková, Kateřina. *Measure Prefixes in Czech: Cumulative na- and Delimitative po-*. Tromsø: University of Tromsø (PhD thesis), 2004.
- SSKJ: *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, I–IV [A dictionary of the Slovene standard language, I–IV] (1970–1991). Ljubljana: SAZU in DZS; <http://www.fran.si/130/sskj-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika>.
- Sychta, Bernhard. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. II: H-L / t. IV: P-Ř [Dictionary of Kashubian dialects on the background of folk culture, vol. II: H-L / vol. IV: P-Ř]. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1968–1970.
- Ševčíková, Magda & Jarmila Panevová. “Hranice flektivní a derivační morfologie: Příklad předpony *po-* u českých sloves [Borders of inflectional and derivational morphology: The case of the prefix *po-* in Czech verbs]”. *Slovo a slovesnost* 79 (2018): 171–198.
- Šmilauer, Vladimír. “Slovesný čas [Verbal tense]”. *Druhé hovory o českém jazyce* [The second talks about Czech]. Praha: Mikuta, 1947: 149–165.
- VAGSČ Štícha, František et al. *Velká akademická gramatika společné češtiny, II: Morfologie — morfologické kategorie, flexe* [Big academy grammar of common Czech, II: Morphology — morphological categories, inflection]. Praha: Academia, 2021.
- Werner, Eduard. *Studien zum sorbischen Verbum*. Bautzen: Domowina, 1996.
- Werner, Eduard. *Die Verbalaffigierung im Obersorbischen*. Bautzen: Domowina, 2003.
- Wiemer, Björn. “No paradigms without classification: how stem-derivation develops into grammatical aspect”. Diewald, Gabriele & Katja Politt (eds.). *Paradigms regained: Theoretical and empirical arguments for the reassessment of the notion of paradigm*. Berlin: Language Science Press, 2022a: 67–125.
- Wiemer, Björn. “Delimitation problems in the non-past domain”. *Slavistika* XXVI/1 (2022b): 63–89.
- Wiemer, Björn (forthcoming-1). “The entanglement of grammaticalization and hypanalysis in the rise of futures in Slavic languages”. Hartmann, Stefan & Lena Schnee (eds.). *Futures of the Past*. Berlin: Language Science Press.

- Wiemer, Björn (forthcoming-2). "Unity behind diversity: What explains the distribution of perfective present in Slavic languages?". Dekker, Simeon, Egbert Fortuin & Jaap Kamphuis (eds.). *The Slavic Verb: Comparative, Diachronic and Typological Perspectives*. Leiden: Brill.
- Wiemer, Björn, Joanna Wrzesień-Kwiatkowska & Piotr Wyroślak. "How morphologically related synonyms come to make up a paradigm". *Russian Linguistics* 44/3 (2020): 231–266.
- Бондарко, Александр В. «К вопросу о глаголах движения в чешском языке [On verbs of motion in Czech]». *Slavia* 30 (1961): 527–547.
- (Bondarko, Aleksandr V. „K voprosu o glagolah dvizheniya v cheshskom yazyke [On verbs of motion in Czech]“. *Slavia* 30 (1961): 527–547).
- Ермакова, Майя И. *Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка* [Outlines of a grammar of Standard Upper Sorbian]. Москва: Наука, 1973.
- (Ermakova, Majya I. *Ocherk grammatiki verhnjeluzhickogo literaturnogo yazyka* [Outlines of a grammar of Standard Upper Sorbian]. Moskva: Nauka, 1973).
- Иванчев, Светомир. «Контекстово обусловлена ингресивна употреба на глаголите от несвършен вид в чешкия език [Contextually conditioned ingressive use of imperfective verbs in Czech]». *Годишник на Софийския университет, Филологически факултет* [Yearbook of the University of Sofia, Department of Philology] 65/3 (1961): 1–152.
- (Ivanchev, Svetomir. „Kontekstvovo обусловлена ingresivna upotreba na glagolite ot nesv'rshen vid v cheskiya ezik [Contextually conditioned ingressive use of imperfective verbs in Czech]“. *Godishnik na Sofijskiya universitet, Filologicheski fakultet* [Yearbook of the University of Sofia, Department of Philology] 65/3 (1961): 1–152).

CORPORA

CzNC:	https://korpus.cz/clarin
Gigafida:	https://www.cjvt.si/en/research/cjvt-projects/gigafida-corpus/
Nova beseda:	http://bos.zrc-sazu.si/a_about_si.html
PNC:	https://nkjp.pl/
RNC:	https://ruscorpore.ru/en

Бјорн Вимер

ПРЕФИКСАЦИЈА НЕ-ПРОШЛИХ ОБЛИКА ПРОСТИХ ГЛАГОЛСКИХ ОСНОВА И ЊИХОВЕ ПРОМЕНЕ У СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА

Резиме

Овај чланак даје преглед досадашњих истраживања о јединственом начину глаголског обележавања времена: одређене групе простих глаголских основа имају тенденцију да своје будуће време обележавају префиксом по-, који се додаје на њихове садашње облике (или као изузетак, или чешће као алтернативу „аналитичком“ обележавању помоћу помоћног глагола изведеног од *бод-). Такво је понашање ограничено, или барем јасно усмерено, на лексичка значења повезана с кретањем у одређеном правцу; у случају вишезначности, оно се не примењује на друга значења истих основа. Штавише, чини се да ово понашање произлази из редуциране парадигматске структуре глагола с префиксом по-, који се интегришу у парадигме простих основа. Као последица тога, поставља се питање којем аспект ови глаголи припадају: да ли су imperfectiva tantum, перфективни или биаспектуални?

Сви језици захваћени оваквом појавом говоре се на западним периферијама словенског језичког простора. Најистакнутији међу њима је чешки, док пољски (за разлику од кашупског) не показује никакве трагове ове појаве.

Чланак се бави искључиво савременим степеном развоја појаве (XX–XXI век), али има за циљ свеобухватну обраду свих фактора релевантних за ову појаву на позадини система времена и аспекта у западнословенским и јужнословенским језицима. Узимајући у обзир ове факторе, може се показати да будуће време обележено префиксацијом по- простих основа представља градацијску појаву у више аспеката, као што су, на пример: (i) могућност алтернативног обележавања будућег времена, (ii) пропорције учесталости између ових алтернатива, (iii) број укључених основа (повремено). Основна група релевантних основа све означавају кретање у одређеном правцу; међу њима су централне јединице „ићи/go“ и „возити/drive, ride“. Чини се да оне представљају последње „склониште“ ове појаве у (готово) свим релевантним језицима. Што се тиче западнословенских језика, ове две просте основе скоро у потпуности искључују алтернативно обележавање будућег времена помоћу помоћног глагола, најчешће у чешком, а ређе у сорошком и кашупском. С друге стране, словеначки глагол *iti* „ићи/go“ обележава своје будуће време на уобичајен начин (помоћу помоћног глагола), док његова по-префиксна изведеница то не чини. Као резултат тога, његова парадигма се најтеже интерпретира на позадини система не-прошлог времена овог јужнословенског језика.

Кључне речи: словенски језици, будуће време, аспект, парадигматска структура.

Sébastien Gréal

Inalco/La Sapienza – CeRMI (UMR 8041)

sebastien.greal@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0008-8851-9005>

NOTES ÉTYMOLOGIQUES : LES DÉSIGNATIONS DE CRAPAUDS EN SLAVE *

ETYMOLOGICAL NOTES : THE DESIGNATIONS OF TOADS IN SLAVIC

La présente note propose quelques étymologies de prime abord simples concernant les désignations de certains petits « crapauds » dans la Slavia, parfois évidente pour les slavophones mais inexplicables rationnellement sans quelques connaissances en herpétologie.

Mots-clés : étymologie, slave, herpétologie, *Pelobates*, *Bombina*, *Pelodytes*.

This note offers some seemingly simple etymologies for the names of certain small « toads » in Slavia, which are sometimes obvious to Slavic speakers but cannot be rationally explained without some knowledge of herpetology.

Keywords : Etymology, Slavic, Herpetology, *Pelobates*, *Bombina*, *Pelodytes*.

Les crapauds n'ont jamais eu bonne presse en dehors pour les jardiniers dont ces animaux débarrassent de nuisibles. Hideux, bruyants au printemps, animaux sans queue et acolytes de sorcières et autre engeance, il n'est pas très surprenant de trouver comme étymologie au kachoube *kɔtór* un emprunt à l'allemand *Kunter* « monstre » (SEK III : 83–4).

Contrairement aux oiseaux ou aux poissons, l'étymologie des désignations des batraciens n'ont pas fait l'objet de nombreuses publications en dehors des langues romanes (je citerai cependant Plomtheux, 1982 & 1987, Nesi, 2009; Augusto, 2009 et Touaillon, 2009). On notera par ailleurs que les étymologies données sont souvent sujet à controverse quel que soit la langue comme, par exemple, *σαλαμάνδρα* pour le grec et par extension dans toutes les autres langues qui l'ont

* Je remercie MM. M. Bjeletić et A. Loma pour leurs précieuses remarques et observations. Cependant, je reste seul responsable des erreurs et imprécisions qui m'auront échappées.

emprunté et qui reste sans solution. Cependant, on trouve de nombreuses désignations d'espèces correspondant au simple français « crapaud » dont l'origine est relativement simple et dont l'étymologie reste absente dans les dictionnaires par méconnaissance des caractéristiques physiques ou du biotope des animaux concernés.

Je propose dans cet article, une série d'étymologies des désignations de certains batraciens¹ dans les langues indo-européennes, les étymologies des désignations de certains anoures² ici dans les langues slaves. Je commencerai par l'étymologie française du nom vernaculaire français et l'étymologie du nom scientifique suivi d'une brève description de l'animal. Viendront ensuite l'étymologie du nom vernaculaire dans les langues slaves en partant de l'étymon d'origine commune.

Pour trouver les différents noms de ces animaux, dont certains sont toujours introuvables dans les dictionnaires bilingues, une certaine méthodologie est nécessaire. Celle employée ici est la consultation d'encyclopédies zoologiques ou d'inventaires régionaux d'espèces dans les langues officielles de certains pays ou encore une simple recherche wikipédia langue par langue en recherchant au nom binominal scientifique de chaque animal. Une fois un nom vernaculaire trouvé, on recherche dans les dictionnaires les plus complets ou les encyclopédies. J'ajoute qu'il existe aussi des dictionnaires de désignations scientifiques comme le "dictionnaire pentalingue des noms d'animaux" utilisé ici, entre autres, pour le russe³. Certaines langues sont bien moins pourvues que les autres : c'est le cas ici pour le sorabe (quasiment sans entrée ici) ou le polabe.

L'existence des noms binominaux est essentielle pour ces recherches et implique quelques explications pour le lecteur non-averti : ces noms sont en latin (ou grec) en deux parties : la première indique le genre (*genus*) et le suivant l'espèce (*species*). On trouve parfois une troisième partie pour indiquer la sous-espèce.

I. *Pelobates* spp. (Wagler, 1830) fr. « Pélobate » (→ grc. πηλός « boue » + suff. -βάτης « qui marche »).

Ce petit crapaud creuse la terre à reculons avec ses pattes postérieures chacune munies d'un petit couteau noir et il sécrète une forte odeur d'ail lorsqu'il est saisi (GAE :278⁴; GH : 69⁵; Andreone, 1984 : 49⁶). Les deux thèmes principaux des désignations de cet animal sont liés à ces deux particularités.

¹ J'utilise à dessein le terme *batracien* plutôt qu'*amphibien*, plus polysémique que le premier.

² anoure = Anura "grc. sans queue" terme zoologique renvoyant aux batraciens appelés *crapauds*, *grenouilles* et *rainettes* en français par opposition aux salamandres et autres tritons qui sont des urodèles (*Urodela*) semblables par leurs formes au lézards ou varans..

³ J'ajoute l'existence d'un dictionnaire (Miloradov et al., mis en bibliographie) pour le serbo-croate mais qui, malheureusement, n'a pas pu être consulté.

⁴ "Parfois, il sécrète un liquide à l'odeur d'ail."

⁵ "Cet animal a souvent une forte odeur d'ail."

⁶ "When caught several Spadefoots released a sharp smell, very similar to that of garlic. In fact the German name of *Pelobates* is Knochler Kröte, Garlic Toad."

1 — dérivation sur PSlv. *česnъ- “ail” (EDSIL)

La racine pour désigner ce petit⁷ crapaud est dérivée dans presque l’ensemble slave (excepté en slv. occ.) sur PSlv. *česnъ, *česno, *česnъkъ « ail » (ESSja). Seul le dictionnaire d’Änić donne une origine étymologique expliquant nom dans l’entrée *čěšnjarka*, liée à son mucus défensif⁸. C’est sur ce même fait qu’on trouve la désignation de l’animal dans d’autres langues indo-européennes comme all. *Knoblauchkröte* (*Knob-lauch* « ail » + *Kröte* « crapaud ») ou ang. *garlic frog*⁹. Toutes les formes dérivées suivantes sont faites à partir de la forme adjectivale *česn-ov-* « relatif à l’ail »

sln. *česnovka* { *česn-ovъ-k-a }

blg. *česnóvnica* { *česn-ovъ-nik~a } avec suffixe d’adjectif et suffixe secondaire -nica (masc. -nik) (GCLS IV : 346)

rus. *česnóčnica*, bié. *časnóčnica*, ukr. *časnýčnycja* { *česn-ok’-nič-a } avec palatalisation régulière de la gutturale (rus. *česnók* = bié. *časnók* = ukr. *česnýk* « ail ») au contact du suffixe -nica (cf. rus. *vzjátka* > *vzjátóčnica*)

J’ajoute le bcms. *čěšnjarka* (Änić) { *česnъ- + jār + k + a } avec le suffixe -jār (Babić, 2002 : 122, § 322) provenant du PSlv. *-arъ. (cf. rus. *pekar* « cuisinier » sur la racine *pek-* « cuire »). La iotisation du suffixe devant une consonne dure reste à expliquer : on devrait avoir *česnārka*.

2 — dérivation sur PSlv. *grobъ- “tombe” (EDSIL) < *PSlv. *grebъ- “trou, creuser”

pol. *grzebiuszka* { grób « tombe » / grzebać « inhumer » + iusz - k - a }

slq. *hrabavka* { hrabáč “râteau” + }

le thème provient d’une racine signifiante « creuser (le sol) » (relation avec les mœurs fouisseurs de l’animal)

3 — Autres origines liées au biotope

tch. *blatnice* { bláto « marais » + -nice } “celle du marais” (GCLS4 : 348)

ukr. *zemljánka* { zemljá « terre » + -jank- a } “celle de la terre” (GCLS4 : 385)

II. *Bombina* spp. (Oken, 1816) « le crapaud sonneur »

La désignation de crapaud pour cet animal est due à son aspect verruqueux bien qu’extrêmement aquatique et au son qu’il émet¹⁰ semblable à un son de clochette. Une autre particularité de cet animal est son ventre bleu virant à l’indigo maculé de grandes tâches jaunes (*Bombina variegata*) ou rouges (*B. bombina*). Ce dernier animal se trouve dans tous les pays de langues slaves orientales et en Pologne, l’autre se trouve dans tous les autres : on trouve donc les deux espèces dans les seules la Bulgarie, Tchéquie, Slovaquie et la frontière tchéco-polonaise.

⁷ Pour anecdote, ce « petit » crapaud, que l’on trouve dans nos campagnes françaises, est celui qui a les plus grands têtards :

⁸ ‘*kožne žlijézde izlùčuju slúz kòjā vònja na čěšnjāk*’ (Änić) « dont les glandes cutanées sécrètent un mucus qui sent l’ail »

⁹ À côté de *spadefoot*, en raison de sa spécificité physique sur les pattes antérieures, plus commun.

¹⁰ Le sonneur n’a pas de sac vocal sous la gorge quand il chante comme les crapauds ou les rainettes, ni aux oreilles comme pour les grenouilles.

Les désignations slaves du (crapaud) sonneur sont dues à son biotope ou à son chant. Cette caractéristique se retrouve aussi dans les langues romanes comme en italien *ululone* (DELI₂ *ululare* “hululer” + suff. augmentatif *-one*) en français *sonneur* (de clochettes) (TLFi) et en roumain *buhai(-de-baltă)* “boeuf (des marais)” qui désigne initialement un taureau ou un instrument de musique dont le son est semblable au mugissement (DER). Dans les autres langues indo-européennes, c’est la caractéristique ventrale qui prédomine : ang. *fire-bellied toad*, esp. *sapo de vientre de fuego*, arm. *karmrap’vor hradodosh* (*karmra* “rouge” *p’vor* “ventre” *hra* “feu” *dodosh* “crapaud”). Seul l’allemand (*Rotbauch*) *Unke* “sonneur (à ventre rouge) = *Bombina bombina*) est spécifique¹¹.

1 — Désignation liée au biotope

“celui des sources (d’eau)” : rus. *žerljánka*, biél. *žarljánka*, ukr. *džerljánka*

L’ensemble de ces trois termes sont des adjectifs substantivés (GCLS4 : 354) avec le suffixe *-jánka* (cf. rus. *vodá* “eau” < *vodjánka* “hydropisie” à partir du suffixe slave *-ynji* + *-k* (GCLS4 : 385)) mais le thème ne peut être que rus., ukr. *žerló*; biél. *žaraló* « source » > PSlv. **žerdlo*, **žbrdlo* “idem” (EDSIL) en lien avec le biotope de l’animal et non pas dans le sens “bouche, gorge” (même origine étymologique). On notera l’absence de pléophonie (*polnoglásie*) typique de ce genre de mot d’où l’unique origine pour rus. *žerló* “source” et *žereló* “bouche, gorge”.

PSlv.(ori.) **žerdl- +ján- +k + -a* “celle (la bête) qui est liée à une source (d’eau)” > rus. *žerljánka*; biél. *žarljánka*; ukr. *džerljánka* “(crapaud) sonneur” (*Bombina bombina*, Linnaeus, 1761).

Je signale par la même occasion une autre désignation de cet animal en roumain *izvoraș* qui indique un emprunt slave (roum. *izvor* « source » emprunt slave cf. blg. *izvor* « idem ») et démontre l’origine sur *žerló* “source”.

2 — Désignations liées au cri

a — Onomatopé “koum” + *-k* (GCLS4 : 535)

pol. *kumak** > *kum-* = *žłobić* (SJEPBrückner, SEK) qui lui-même a pour définition “rowkować, wydawać dźwięki podobne do fletu”.

srb. *kunkac*, *kunkawa* (SNS)

b — Onomatopé “koum” + *-k-a* (GCLS4 : 537)

tch. *kuňka* (onomatopéique “*kuň(k)*”) (ČES)

slk. *kunka/kuňka/kunec* (SESS)

kach. *kumka* (SEK), ukr. *kúmka* “dyv. *kum-kum*” (ESUM).

c — Onomatopée “boum” + *-k-a*

blg. *búmka* “*bum. междум. за кратък тъп шум*” (BER).

d — nomina agentis à partir d’un verbe d’émission de son

kach. *lukáč* (SEK), *lukôcz* (Gòłąbk, 2011 : 809) “wydawać głos, huczeć” « celui qui donne de la voix » (SEK).

¹¹ Proto-germanique **unkwô*, **unkwiz* “serpent, vipère”. *Unke* ne désigne que les crapauds du genre *Bombina*.

Enfin, je signale une autre désignation : bcms. *múkač* « *Bombina* spp. » de *muk-* (vb. *múkati* « mugir » + *-ač* (suff. nom.ag.) « celui qui mugit »).

3 — sln. *úrĥ* et les germandrées

Pour le sln. *úrĥ*, Bezljaj précise “pri Pleteršniku *ureh*, *-rĥa*, semkaj nelocirano vorih « užitna zelena žaba »” mais j’imagine qu’il s’agit ici d’une tentative désespérée identifiant des mangeurs de grenouilles par le nom de notre animal, d’autant que les sonneurs sont plutôt brun grisâtre verruqueux avec un ventre maculé de jaune (*Bombina variegata*) ou de rouge (*Bombina bombina*) sur fond indigo (les deux espèces sont présentes en Slovénie) et non pas vert. J’ajoute enfin que vue la petite taille de l’animal et la faiblesse de leurs cuisses peu charnues, les *uresi* doivent manger une quantité phénoménale d’animaux pour ne pas rester sur leur faim.

Il me semble que la solution se trouve dans l’entrée suivante du dictionnaire à *úrĥovica*. Bezljaj indique :

“*Teucrium chamaedrys*” (Medved), tudi urhovka, urhovci, roža sv. Urha (Petauer, LRB, 576). Verjetno samo ljudskoetimološko naslojeno na atpn. Urh < **Uwrih* (prim.pkm. *Vourih*) < n. *Ulrich*, od koder je vipav. Urhovka « breskev, ki zori osv. Urhu », sicer pa kakor ureh, vîreh « *Asarum* » prevzeto in adaptirano iz neke tvorbe z n. *Weihräuch* < srvn *wîrouch* « kadilo » (ESSJ).

L’espèce végétale *Teucrium chamaedrys* correspond au français « germandrée petit chêne » mais j’imagine qu’il s’agit plutôt de *T. scordium* (Linné, 1753) (> grc. σκόρδιον “ail”) = “germandrée à odeur d’ail” ou “germandrée des marais” en raison de son biotope et de son odeur d’ail car, tout comme le pélobate, le sonneur dégage également une odeur d’ail, via son mucus, en cas de défense (cf. *supra*)¹².

La problématique ici vient du fait que l’étymon vient de l’animal et non pas de la plante alors que c’est plutôt le contraire que l’on attendrait : il est donc possible que l’on ait attribué cette similarité d’odeur à la plante. Le changement identique de ton, confirmant cette théorie, se retrouve par ailleurs dans d’autres lemmes monosyllabiques avant dérivation avec le suffixe *-ica* (avec l’adjectif d’appartenance *-e/ov-* correspondant + suff. *-ica* (GCLS IV : 353–4 § 886), ex. : *âjda* “sarrasin (plante) > *âjdovica* “farine de sarrasin”, *bôr* (*Pinus silvestris*) > *borovica* (nom de ville), *brĕst* (*Ulmus campestris*) > *brestovica* (nom de ville), etc.

J’ajoute enfin que l’autre plante indiquée par Bezljaj sous le nom d’*Asarum* (probablement *Asarum europaeum* “asaret”) n’a aucun lien ni avec *Bombina* spp. ni avec *Teucrium* spp. à tous points de vue.

On doit par conséquent attribuer le nom de la plante à l’animal : *úrĥovica* serait « l’habitat, le repère du sonneur » avec le suffixe *-ica* pour désigner le lieu.

¹² « L’odeur d’ail semble une odeur fréquente chez certaines espèces comme le Pélobate (cf. *supra*) ou le Pélodote “sent souvent l’ail” (GH :71 et SMITH, & al. 2004 : 49, 64, 74 et 76). Le sonneur *Bombina orientalis*, version orientale des mêmes animaux exhale aussi cette odeur (ibid. : 65). J’avais pu constater ce fait sur mon propre couple de *B. orientalis* : on peut raisonnablement attribuer cette odeur à *B. variegata* et *B. bombina*.

III. *Pelodytes* spp. (Bonaparte, 1838) « pélodyte (→ grc. πηλός « boue » + δύτες « plongeur »), crapaud persillé » : rus. *krestóvka*

Compromis entre la grenouille pour la longueur de ses pattes et le crapaud pour sa peau verruqueuse, cet animal se trouve près des points d'eau où il saute et y plonge très profondément à la moindre alerte. Ce petit crapaud est tout blanc et maculé de vert ce qui l'a fait appeler plus rarement en français crapaud persillé et ang. *parsley frog*. On trouve en allemand la désignation *Schlammtaucher* (traduction littérale du grec δύτες) et pol. *nurzaniec* (dérivé de pol. *nurzanie* "plongeon" + suff. de n.gen.). Cet animal a peu de noms spécifiques car cet animal ne se trouve qu'en France, au Nord-Ouest de l'Italie (it. *pelodite*) et dans la Péninsule ibérique (esp. *sapillo moteado* ("petit crapaud moucheté"), port. *sapinho-de-verrugas-verdes* "petit crapaud aux verrues vertes")¹³.

Sa place dans cet article est due à la présence de l'espèce *Pelodytes caucasicus* (Bonaparte, 1896) dans le Caucase et qui bénéficie d'une désignation rus. *krestóvka*. L'origine du nom est purement descriptive : le dos de l'animal a très souvent un dessin en forme de croix (cf. rus. *krest* "croix") : "La partie antérieure du dos porte parfois un dessin clair en forme de X" (GAE : 283) d'où arm. *xac'-a-gort* (*xac'* "croix" + *-a-* (voyelle de composition¹⁴) + *gort* "grenouille") "grenouille à croix".

IV. Crapauds et vaches

Russe. *koróvnica* « celui qui va avec une vache » signifie « bouvières, fille de ferme » et sa version masculine *koróvnik* mais aussi « crapaud » (5JaSNŽ). La corrélation avec le crapaud est difficile à comprendre. La solution se trouve dans certains éléments culturels, non seulement slaves mais aussi indo-européens : une croyance populaire et persistante suggère que le crapaud suceraient du lait de vache (Ermacora, 2017), ce qui est évidemment faux car le batracien n'a pas de lèvres (il lui est donc impossible de téter) et il n'y a pas besoin de protéines contenues dans cet aliment. Il est possible que cette croyance provienne d'un crapaud trouvé dans un seau à lait dans lequel l'animal avait sauté sans pouvoir en sortir dans un moment d'inattention du laitier. Il s'avère cependant que cette croyance est davantage répandue car elle s'étend sur une zone géographique très vaste, comme l'indique l'étymologie de certaines désignations animales : je reprends ici (mais en détail) les exemples étymologiques de Witczak (2020) suivants le même principe : lat. *bufō* {lat. *bōs*, *bovis* « bœuf » (< PIE. **gh₃eu_s* PIE **d^heh₁(y)-e-ti* « sucer »} alb. *dhidhëlopë/thithëlopë* « crapaud » (Plomtheux, 1982 : 279, n. 272) {*thith-* « sucer » (AED) + *lopë* « vache » (cf. let. *luōps* « troupeau ») (AED)} ou bien alb. *blločkëlopë* (*bllaçit* « mâcher »).

Certaines désignations de même étymologie font référence à un saurien ou à une salamandre (isomorphes) ou encore au serpent :

¹³ Je cite tout de même les catalans *renoquet* "grenouillet" ou *granoteta de punts* "grenouillette à points" (*granhota* "grenouille", et *gripauet* "crapelet" (*gripau* "crapaud"))

¹⁴ Meillet, 1962 : 163

Skt. *godhā́-* « type d'iguane »¹⁵ (MW) {Skt. *dháyati* √*dhe-* (<PIE **d^heh₁(y)-e-ti*> PlIndr. **dháyati* « sucer ») « idem » + (PIE **h₃eu s*)

arm. *kovadiac'*, *kovcuc* > *kov* « vache » (EDAIL : 372–3) « sorte de lézard »

persan (dial.) *boččoš* (préverbe *bi-* + *čōš-* « verrue » (Ermacora, 2017 : 71 / EDAIL : 373) « sorte de lézard »

ukr. *molokosýs* « salamandre (*Salamandra salamandra*, Linné, 1758) » (ESUM) {*molokó* « lait » + *sys-* (>*sosít'* « sucer » <PSlv. **ceb-*)}

all. *Kuhmelker* et *Geismelke* »serpent » (Klímová, 1971 : 155)

kurde (kurmancî) *bezmijik* (FQI) {*bizin* « chèvre » + *berizin* « sucer »} « lézard »

arm. *aycadiac'* {*ayc* « chèvre » + *dal* « sucer » (EDAIL)}.

Witczak (2020) propose la même formation en hittite *akuu akuu aš* et sa version luvite *auuauaš* « grenouille » en décomposant *agua-guau(a)š* {*ku-* (<PIE **h₁egh-*) « boisson » + *gu aš* <PIE.*h₃eu s* « vache »} (Witczak 2020 : 146) mais aussi dans les langues baltes **žala2ktijas* « serpent lézard » <PIE **ǵalh₂ktiios* « moulin (serpent) » dans PIE **ǵalh₂kt-* « lait », (cf. Gr. γάλακτος, « lait », lat. *lac*, *lactis* « idem »). (dial.). *žalktys*, *žal'ktil*, *žalekts*, *želekys* « couleuvre à collier (*Natrix natrix*, Linné 1758) », let. *zal'ktis* et zemgalien *zal'tis* « idem » (Witczak, 2020 : 147). Cette identification, qui peut surprendre, a de fortes chances d'être réelle car aux États-Unis on trouve un homologue au serpent (*Lampropeltis triangulum* Lacepède, 1788), appelé *milksnake* (sic) ou *kingsnake*. Ce nom s'applique par ailleurs à tous les animaux du genre *Lampropeltis* (Fitzinger, 1843).

Le lien avec le bétail ne s'arrête pas à cette superstition : on retrouve le fr. *grenouille taureau* (*Lithobates catesbeianus*, Shaw, 1802), qui tire son nom de son « chant » semblable à celui du bétail et au fr. *crapaud buffle* (*Kaloula pulchra*, Gray, 1831), qui tire son nom de son apparence, mais que dire de l'ossète (iroun). *galxælfæ* « crapaud » de *xæfs* (irun)/*xæpæs* (digor) « grenouille » {PI-ranien. **kašyapa* « tortue » (IESO)} : en d'autres termes « grenouille taureau » (oss. *gal* « bœuf »). La question est de savoir s'il s'agit d'un nom composé déterminatif soit « grenouille taureau » (composé nominal déterminatif/*tat-puruša*) ou d'une « grenouille semblable à un taureau » (composé descriptif/*karma-dhāraya*). On pourrait également imaginer que le terme « taureau » soit utilisé pour renforcer l'idée de force ou de masculinité, car il est assez courant de considérer un crapaud comme l'homologue masculin de la grenouille (observation personnelle).

¹⁵ Il est plus que douteux que l'animal *gōdhā́* (et non pas un *gōdhā́* comme Witczak (2020 : 140) soit un iguane : ces animaux sont exclusivement herbivores. Le seul animal de type saurien qui s'approcherait du bétail dans cette partie du monde serait plutôt une variété de varan, comme l'indiquent certains dictionnaires (ibid.)

Ce lien avec le bétail semble s'étendre à toutes les langues indo-européennes modernes — sauf au nord (Scandinavie et celtiques)¹⁶ — sans affecter les langues des autres familles linguistiques.

Abréviations

all.	allemand	PIE	proto-indo-européen
ang.	anglais	pol.	polonais
arm.	arménien	PSlv.	proto-slave
bcms.	serbo-croate (= bosnien, croate, monténégrien, serbe)	rus.	russe
biél.	biélorussien	slq.	slovaque
blg.	bulgare	slo.	slovène
grc.	grec (ancien)	slv.	slave
ksb.	cachoube	spp.	(taxinomie) plusieurs espèces d'un même genre
mcd.	macédonien	tch.	tchèque
mer.	Méridional	ukr.	ukrainien
n.ag.	nomen agentis		
occ.	occidental		

BIBLIOGRAPHIE

- 5JaSNŽ = Соколов В. Е. *Пятиязычный словарь названий животных : амфибии и рептилии*, Москва: Русский Язык, 1988.
- Andreone Franco. Husbandry and captive spawning of the common spadefoot toad (*Pelobates fuscus insubricus*, Cornalia, *British Herpetological Society Bulletin* 10 (1984).
- Anić Vladimir. *Veliki rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: Novi Liber, 2009⁴ [1991].
- Babić Stjepan. *Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku*. 3rd revised edition. Zagreb: HAZU, 2002.
- Celeste Augusto. “Les désignations romanes du crapaud”. *Atlas Linguistique Roman*, Volume IIb Commentaires. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca Dello Stato, 2009: 137–160.
- Bonaparte C. L. J. L. *Iconographia della Fauna Italica per le Quattro Classi degli Animali Vertebrati. Tomo II. Amphibi*. Fascicolo 23. Roma: Salviucci, 1838.
- DECat = Coromines Joan. *Diccionari etimològic i complementari de la llengua catalana*, 10 vol. Barcelone: Curial, 1980–2001.
- DELI₂ = Cortelazzo Manlio, Zolli Paolo. *Dizionario etimologico della lingua italiana*. Bologna: Zanichelli, 1999² [1979–1988₁].
- DER = Cioranescu Aleksandru. *Diționar etimologic al limbii române*, București: Saeculum, 2017.
- DRMJ = *Дигитален речник на македонскиот јазик* (<https://makedonski.gov.mk>)
- EDAIL = Martirosyan Hrach. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden/Boston : Brill, Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 8, 2009.
- EDBIL = Derksen Rick. *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*, Leiden/Boston : Brill, Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 13, 2015
- EDLOIL = De Vaan Michiel. *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*, Leiden/Boston : Brill, Leiden Indo-European Etymological Dictionary series. Vol. 7, 2008.
- EDSIL = Derksen Rick. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*, Leiden/Boston : Brill, Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 4, 2008.

¹⁶ Il n'y a aucune trace étymologique liée au lait, aux nourrissons ou aux ruminants dans les appellations géorgiennes ou finno-ougriennes de grenouilles.

- SEJP = Boryś Wiesław. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- SEJPBrückner = Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1985⁴.
- SEK = Boryś Wiesław, Popowska-Taborska Hanna. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny 1: A–Ć; II: D–J; III: K–O; IV: P–S; V: Š–Ž i supplement*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy przy Instytucie Slawistyki PAN, 1994–2006.
- SESS = Králik Ľubor. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda, 2015.
- Shaw G. *General Zoology or Systematic Natural History*. Volume III, Part 1. Amphibia. London: Thomas Davison, 1802.
- SLEX = *Elektronický lexikón slovenského jazyka* (<http://www.slex.sk>)
- Smith Benjamin P. C., Williams Craig R., Tyler Michael J., Williams Brian D. “A survey of frog odorous secretions, their possible functions and phylogenetic significance”. *Applied Herpetology*. Leiden: Koninklijke Brill, 2004: 48–82.
- SNS = Kral Jurij. *Serbsko-němski slovník hornjolužiskeje řeče*, po nakladže Mačicy Serbskej, Budyšin: Donnerhakec čišćerňa, 1927.
- SSJČ = Havránek B. (hlav. red.) *Slovník spisovného jazyka českého* (<https://ssjc.ujc.cas.cz>)
- TLFi = Trésor de la Langue Française informatisé (<http://atilf.atilf.fr>)
- Tuaillon Gaston. “Les désignations romanes de la grenouille”. *Atlas Linguistique Roman*. Volume IIb. Commentaires, Roma: Istituto Poligrafico e Zecca Dello Stato, 2009: 181–200.
- Wagler J. *Natürliches System der Amphibien, mit vorangehender Classification der Säugethiere und Vogel. Ein Beitrag zur vergleichenden Zoologie*. München, Stuttgart and Tübingen: J. G. Cotta, 1830.
- Witczak Krzysztof Tomasz. “Baba, žaba i krowa, czyli rozważania o tym, jak dawne są ludowe wierzenia o żabie wysysającej mleko krowie”. *Slavia Occidentalis* (2020): 135–153.
- WSJP = Żmigrodzki Piotr. *Wielki słownik języka polskiego* (2014) = <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKewjj8a-ObvOmDAXWMTaQEHe8vAlwQFnoECAYQAQ&url=https%3A%2F%2Fwsjp.pl%2F&usg=AOvVaw29OfcYCMU2ic77rQVWWEnT&opi=89978449>
- Милорадов Дејан, Ђелић Ивана, Сунајко Катарина, Ајтић Растко, Кризманић Имре. *Байтрахолошко-херпетоолошки речник српскога језика*. Novi Sad: Matica Srpska, 2017.

Себастијан Греал

ЕТИМОЛОШКЕ БЕЛЕШКЕ : НАЗИВИ ЗА ЖАБЕ У СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА

Резиме

Ова белешка предлаже неке наизглед једноставне етимологије у вези са ознакама одређених малих „крастача“ у Славији, понекад очигледне говорницима словенских језика, али необјашњиве рационално без одређеног познавања херпетологије.

Кључне речи : етимологија, словенски, херпетологија, *Pelobates*, *Bombina*, *Pelodytes*.

Yelena A. Andreyeva
Kazan Federal University
elenaandreeva7788@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8418-952X>

Inna G. Korneva
Kazan Federal University
favouriteworkk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8579-1491>

FIELD STRUCTURE OF RUSSIAN AND GERMAN AXIOLOGICAL PHRASEOLOGY *

The article is devoted to the analysis of the structure of Russian and German axiological phraseology. The scientific novelty of the work lies in the fact that the field approach is applied to axiological phraseology. The article presents the structure of the axiological field of language phraseology developed by the authors using the example of a model within the framework of the axiological paradigm “Life — Death”. The authors highlight the main properties of the axiological field of language phraseology, including its taxonomic depth and taxonomic breadth. The research methods are the following: axiological linguistic method, method of cognitive analysis, comparative method, processing of lexicographical sources. The relevance of the study is determined by the spiritual needs of modern society. The analysis of phraseological units in the axiological aspect is motivated by the anthropological orientation of modern linguistics, where language is considered in close connection with the consciousness and thinking of a person, his spiritual world, values and anti-values.

Keywords: Linguistics, language, Russian, German, value, anti-value, axiological field, axiological phraseological unit, taxonomic depth, taxonomic breadth.

1. Introduction

As is known, the field approach allows researchers to present linguistic means of representing various relations of objective reality in the form of a system, arrange them in a certain order, find the dominant ones among them, and show their relationship with other means and forms.

The term “field” originally appeared in semasiology and received theoretical justification in the works of G. Ipsen (1924), J. Trier (1931), W. Porzig (1934),

* The work is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

L. Weisgerber (1962), S. Ullmann (1964), etc. Characterizing the field, G. Ipsen wrote that the connection between words within groups “is not a simple stringing of words on a thread of associations,” but “a connection in which the entire group makes up a single semantic field, in which, like in a mosaic, they connect with each other each word, delimiting the other, thereby forming, all together, a semantic unity of a higher order” (Ipsen 1924: 225). J. Trier understands the term “field” as “linguistic realities interacting between certain words and the entire vocabulary composition, which are part of the whole and parts of similar words, that are combined into higher units, and parts of the lexicon, in which they are divided into smaller units” (Trier 1932: 83).

In modern linguistics, a semantic field is defined as a set of linguistic units combined by a common content (invariance) and reflecting the conceptual, subject or functional properties of phenomena. Scientists distinguish two approaches to the concept of “field”. On the one hand, the field is considered as an objective given. On the other hand, “field” is understood as an approach to the facts of language from the point of view of field theory as a reflection of this objective given in the techniques of linguistic analysis (Бондарко 1976: 205). In this study, we use the field principle (second approach) in relation to axiological phraseological units.

The works of a number of researchers consider different approaches to the study of phraseology (Cowie 1998; Stubbs 2007; Makkai 1972; Moon 1998; Ilyushchenko 2017; Guliyeva 2016). In our opinion, the field approach is very effective in axiological phraseology for describing the structural organization of values and anti-values, identifying semantic characteristics and systemic connections between vocabulary and phraseology, since field theory reflects the ordering of language units at all its levels.

Axiological taxonomy is based on the taxonomy of characteristics of a particular value or anti-value within the axiological field of the language.

The concept of the axiological field has been used by researchers in the field of philosophy, pedagogy, psychology and other disciplines (Абрамова 2004; Полякова 2002 and others).

N. T. Abramova defines the axiological field as “an established system of preferences” in which “the subject places an object.” Once in the axiological field, the object becomes axiologically loaded. The author raises the question of the purpose for which the axiological field is formed. According to N. T. Abramova, the axiological field is created “to substantiate the corresponding “pluses” or “minuses” of the sought-after object (or some of its signs, properties, features, etc.). This procedure achieves labeling, giving an axiological sign to an object — “better” (worse, higher, lower, etc.). The purpose of the sign is directly related to the determination of the value weight. The final value picture shows both the “advantages” and “defects” of the object. This or that sign appears as a result of the intersection of a number of alternatives and the preference for one of them. The sign is the crown of the axiological statement” (Абрамова, 2004: 191).

In the dissertation research A. A. Polyakova considers “the axiological field” of the individual as an area of the axiological potential of the personality,

within which there is an interaction of axiological elements that contributes to a change in the axiological potential of the individual (Полякова 2002). In a number of linguistic studies, scientists use the concept of “the axiological field” (Klochko, 2002; Марьянчик 2005; Сидорова 2009 and others).

In the article “Axiological unit of speech communication” N. A. Sidorova explores the issue of the axiological field of communication as one of the aspects of the value and linguistic picture of the world. According to the author, the elements of the axiological field of communication are reflected in the meanings of words, phraseological units, the associative potential of linguistic units, in precedent texts, and speech etiquette (Сидорова 2009: 270–277). V. A. Maryanchik writes about the axiological field, which is modeled by media-political discourse and represents socio-political values (Марьянчик 2005).

The unit of the axiological field is an axiologeme. N. A. Sidorova proposes to consider an axiologeme as a unit of the axiological field of communication. The axiologeme reflects in a concentrated form the individual's reasons for choosing and evaluating alternative methods of action (Сидорова 2009). According to K. A. Zhukov, an axiologeme is “an axiological ideal” or “a characteristic selected from a paradigmatic series, which we choose as an assessment, embodied in a whole series of proverbs” (Жуков 2004: 109).

L. K. Bayramova considers axiologemes as a representative of values and anti-values, noting that axiologemes include: axiologically charged lexemes/phraseological units; internal form of a word/phraseological unit; symbols as a component of the meaning of a lexeme/phraseological unit; prototype/etymon of lexeme/phraseological unit; mentor aphorisms, proverbs and sayings (Байрамова 2008: 300–301).

Thus, an axiologeme is a unit of the axiological field, which is an integral part of the axiosphere, having a value or anti-value meaning and rich representative potential.

The axiological field of phraseology is a paradigmatic field, the exponents of which are expressed by axiologemes, including axiological phraseological units, which are the object of study in this article.

2. Materials and Methods

The purpose of the research is to study the field structure of Russian and German axiological phraseology.

Achieving this goal involves solving a number of the following tasks:

- 1) create a model of the axiological field of phraseology in the axiological paradigm “Life - Death” with the main components;
- 2) demonstrate the possible ambivalence of components in the structure of the axiological field;
- 3) describe the taxonomic depth and taxonomic width of the phraseoaxiological field “Life”.

Methods used in the paper: axiological linguistic method, method of cognitive analysis, comparative method, processing of lexicographical sources.

In the course of axiological analysis, the evaluative and value components in the meaning of phraseological units are identified, and their axiological interpretation is carried out, including an extralinguistic component. The method of cognitive analysis of phraseological units allows not only to determine the nomination of a particular phenomenon or object, but also expresses an attitude, reveals information that forms the content of a phraseological unit. The comparative method in this study allows us to compare the taxonomic width of the phraseoaxiological field “Life” in the Russian and German languages.

3. Results

The conducted research allows us to draw the following conclusions concerning the axiological field of phraseology and its basic properties:

1. The axiological field is intuitively understandable to a native speaker and has a psychological reality for him;
2. The axiological field reveals a direct connection with the semantic field;
3. The axiological field is characterized by the presence of a common meaning inherent to one degree or another in all constituents of the field;
4. The units of the axiological field (core and peripheral representatives, axiological lexemes, axiological phraseological units) are connected by systemic semantic relationships;
5. Each axiological field is connected with other axiological fields of the language and, together with them, is the part of the axiological paradigm;
6. The axiological field is characterized by binary nature (the core of the axiological field “Life” — “Death” is represented by the nuclear representatives “Life” and “Death”, which have value and anti-value meanings);
7. The semantic core of the axiological field is its nuclear representative;
8. The axiological field has a heterogeneous taxonomic structure, which can be represented as a coordinate system. At the intersection of the horizontal and vertical there is a field core with two nuclear representatives, opposite in meaning. Semantic areas are located horizontally: peripheral representatives, axiological lexemes, axiological phraseological units. The vertical reflects the value of the axiological vector (value or anti-value), which is received by the constituents of the field;
9. The constituents of the axiological field have the property of ambivalence;
10. The axiological field of phraseology is characterized by a certain taxonomic depth and taxonomic width;
11. The taxonomic depth of the phraseoaxiological field is determined by the number of differential semes (peripheral representatives) — hyperonyms in a certain phraseoaxiological field. The taxonomic width of the phraseoaxiological field is calculated by the number of hyponyms (axiological lexemes) through which hyperonymic concepts are revealed. Hyponyms are represented by phraseological units containing etymological, cultural, prototypical and other information.

4. Discussion

The axiological phraseology offers access to both conventional values and anti-values, and to national characteristics, culture, traditions and customs of the Russian and German peoples. The study of axiological phraseological units provides the possibility of effective intercultural foreign language communication (Andreyeva, Korneva, Fakhrutdinov 2019; Andreyeva, Korneva, Sakhibullina 2019; Sakhibullina, Andreyeva, Nazmiyeva 2021).

The taxonomy of the characteristics of a particular value or anti-value is associated with semantics, therefore the axiological field of the language reveals a direct connection with the semantic field. An axiological field, in essence, is a semantic field, the constituents of which are axiologically marked, i. e. have a value or anti-value meaning.

A. V. Bondarko points to the fact that the field has a “two-sided character”: the plane of expression is represented by the formal-structural side of all multi-level linguistic means that are constituents of this field; content plan — the meanings of these linguistic means, covered by the general invariant feature of a given field (Бондарко 1976). Thus, the expression plan of the axiological field of phraseology is represented by the constituents of the field — axiological phraseological units, and the content plan — by the axiological meanings of phraseological units with a common invariant feature of this field.

V. G. Admoni considers the field as “a special type of system — groupings, connections and interactions of linguistic elements in linguistic reality itself, i. e. the field as an objective given” (Адмони 1964). Such interaction is revealed by axiological lexemes and axiological phraseological units in the structure of the axiological field of Russian and German phraseology, which gives us the reason to turn to the definition of the lexical-phraseological field.

Other researchers (E. Cosseriou, E. M. Mednikova, E. Yu. Kharitonova, etc.) interpret the lexical-phraseological field as a special kind of paradigm that arises when the lexical-phraseological continuum is divided into segments corresponding to individual words and phraseological units of the language. The semantic invariant of the field paradigm is included in the meaning of each phraseological unit. In the field paradigm, it functions as its semantic core, creating a strong connection between the elements of the paradigm, allowing a wide amplitude of fluctuation of these connections (Харитоновна 2005). It should be noted that the paradigmatic principle underlies the analysis and description of axiological phraseological units in our study, since an appeal to values and their study constitute the content of the axiological paradigm.

Thus, the semantic invariants (cores) of the paradigm of the axiological field of the phraseological dyad “Life — Death” are ‘life’ and ‘death’, which are included in the meaning of each axiological phraseological unit. For example, in Russian: *нить жизни, сладкая жизнь, жив курилка; протянуть ноги, испустить дух, отдавать / отдать концы*. In German: *der Abend des Lebens* (lit. evening of life) — at the end of days, in declining years, *ein geregeltes Leb-*

en führen (lit. lead an orderly life) — lead a correct lifestyle, *sein Leben noch einmal leben* (lit. live one's life) life again) — start life over again; *dem Tod von der Schippe springen* (lit. jump from death's shovel) — barely escape from death, *in den letzten Hafen einlaufen* (lit. enter the last harbor) — end your life, fall asleep in your last sleep, *sein Grab in den Wellen finden* (lit. find your grave in the waves) — drown.

The term “identifier word” is also used in linguistics to denote a semantic invariant. It “must express a concept, an idea in the most general, abstract and neutral form” (Долгих 1973). An identifier word that will allow one or another axiological phraseological unit to be assigned to a certain semantic category may be presented in its dictionary definition. Such identifier words demonstrate generalizations of units of the studied lexical and phraseological field and are explicit identifiers.

If there is no explicit identifier in the dictionary definition, then, consequently, the identifier is implicit, and it is brought to the identifier word, or semantic core, in a logical way. For example, the explicit identifier of the Russian phraseological unit *Мафусаилов век* with the meaning ‘extraordinary longevity, life to extreme old age’ is the word “life” in the definition of the phraseological unit, as in the German phraseological unit *der Kampf auf Leben und Tod* (lit. struggle for life and death).

In the phraseological unit *тертый калач* — ‘experienced person’, the phrase “experienced person” is an implicit identifier, which is brought to explicit logical way:

experienced person — life experience — life.

The implicit identifier of the German phraseological unit *in Saus und Braus leben* (lit. to live in noise) with the meaning of ‘to lead a noisy, riotous life’ is the phrase “to lead a riotous life.” The explicit identifier is revealed logically:

lead a wild life — lifestyle — life.

Thus, we believe that the identifier word or the semantic core of the field can be defined as a nuclear representative of the axiological field.

So, for example, in an axiological field with a core (nuclear representative) “Truth” there are peripheral representatives: “Know the truth”, “Learn the truth”, “Wish to know the truth”, “Discover the truth”. The nuclear representative “Truth” reveals the maximum concentration of an axiological feature that has a value meaning, and a high frequency of functioning of this feature. The above-mentioned peripheral representatives also contain the axiological attribute of the core representative “Truth”, but in less concentration, since they have a certain semantic orientation (to know / to get to know / to want to know / to discover the truth). The same pattern is observed in the axiological field with the core representative “Deception”, which has an anti-value meaning, and the peripheral representatives: “Deceiver”, “Be deceived”, “Deceive someone” and etc.

In the structure of the axiological field of phraseology, core representatives (the values and anti-values themselves) and peripheral representatives are found,

having both common and differential semes. The core representative of the axiosphere is a differential axiological feature, a component of meaning that is revealed by comparing the meanings of different axiologemes.

Being a unit of the axiological field of phraseology, an axiological phraseological unit is characterized by a certain semantic structure. According to many phraseologists, the isolation of semes is an important aspect of the analysis of phraseological meaning.

In phraseological units there is a potential possibility of semantic division. So, for example, the core representative of Russian and German phraseological units of the axiosphere "Life" includes such peripheral representatives as: "Birth / origin of man"; "Age periods"; "Lifestyle", etc. However, the peripheral representative "Lifestyle" in the Russian language has fewer differential semes, which are axiological lexemes, than in the German language. Thus, the common differential semes for the Russian and German languages are: live actively; live aimlessly; live like an ordinary person; lead a solitary lifestyle; live peacefully; live in conflict; live independently; live safely, comfortably; live a hard life. In addition, both languages have additional axiological lexemes. In Russian: to live without independence; live, running a household together; in German: to lead a correct lifestyle; lead a wild lifestyle; live using your savings. Thus, in the Russian language there are 11 differential semes (axiological lexemes), in German — 12.

Taking into account the above, the structure of the axiological field of language phraseology can be represented as follows: the core representative of the axiosphere, peripheral representatives, axiological lexemes, axiological phraseological units. Let us consider the structure of the axiological field in the coordinate system using the example of the axiological paradigm "Life — Death" (see Fig. 1).

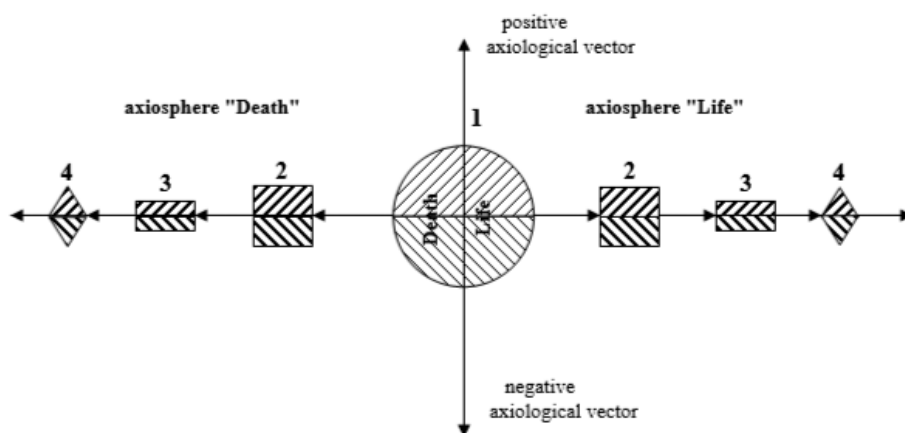

Fig 1. Model of the axiological field of phraseology in the axiological paradigm "Life — Death": 1. Field core with two nuclear representatives; 2. Peripheral representatives; 3. Axiological lexemes; 4. Axiological phraseological units.

The model clearly demonstrates the possible ambivalence of components in the structure of the axiological field. As nuclear representatives, life and death form a single whole. Their axiological vector can change from positive to negative and vice versa, for example, in cases where death is preferable to life. The peripheral representative and axiological lexemes can also be ambivalent, since the axiological phraseological units included in their composition can be marked with both a positive and negative axiological vector. So, for example, the axiological lexeme “Old age” includes phraseological units with a positive axiological vector (*аредовы веки жить*, *obsolete*, *bookish* — to live for a very long time (about the longevity of someone); *in Ehren grau werden* (*lit.* to turn gray with honor) — to live to gray hair enjoying honor and respect, and with the negative (*заедать чужой век*, *disapproved* — to live too long, to outlive one’s peers; *ein alter Knacker*, *colloquial*, *fam.*, *contempt.* — an old brat).

Thus, the ambivalence of the axiological lexeme “Old age” determines the ambivalence of both the peripheral representative “Age periods” and the nuclear representative “Life”.

The derived pattern is also characteristic of the “Death” axiosphere, which over time is a mirror image of the “Life” axiosphere.

When describing the structure of the axiological fields of phraseology, taxonomic depth and taxonomic breadth should be mentioned.

S. G. Shafikov believes that the taxonomic depth of the semantic field reflects the existing ability of the language. When calculating the taxonomic depth, the determining factor is the number of differential semes in languages, namely: “the greater the number of differential semes, the greater the depth of the language taxonomy in a given semantic field” (Шафи́ков 1996). The taxonomic breadth reflects the generalizing ability of a language and is calculated by the number of additional integral semes in languages, which “are updated when differentiated semes are neutralized.” The integration of the components of the differential seme forms a more general meaning that unites the corresponding elements (Шафи́ков 1996).

Exploring the semantic field, the author draws attention to the possibility of the open nature of the taxonomy, considered in the form of a cell that can expand vertically and horizontally. Taxonomy is characterized by hypo-hyperonymic relationships, in which hyponyms demonstrate a hierarchical relationship between the general and the particular (Шафи́ков 1999).

Since value is considered as a key concept-forming semantic component of the axiological picture of the world, the calculation of taxonomic depth and taxonomic breadth is also relevant for the axiological field of language phraseology. In the phraseoaxiological field (FAF) we distinguish hypernyms and hyponyms. The FAF taxonomy can be open in nature and presented in the form of a coordinate system. Hypernyms are located on the vertical axis, reflecting taxonomic depth. The horizontal axis showing taxonomic breadth contains hyponyms (see Fig. 2).

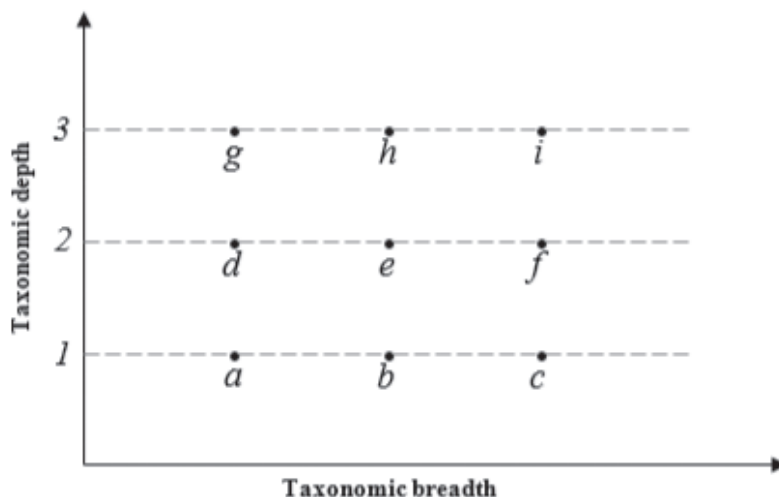

Fig. 2. Taxonomic depth and taxonomic breadth of FAF "Life"

- 1 — hyperonym "Age periods";
- a — hyponym "Youth";
- b — hyponym "Maturity";
- c — hyponym "Old age";
- 2 — hyperonym "Lifestyle";
- d — hyponym "Live aimlessly";
- e — hyponym "Live peacefully";
- f — hyponym "Live actively";
- 3 — hyperonym "Life experience and inexperience";
- g — hyponym "Be inexperienced";
- h — hyponym "Gain experience";
- i — hyponym "Be experienced".

The taxonomic depth of the FAF is determined by the number of differential semes (peripheral representatives) — hypernyms in a certain FAF. The taxonomic breadth of the FAF is calculated by the number of hyponyms (axiological lexemes) through which hyperonymic concepts are revealed. Hyponyms are represented by phraseological units containing etymological, cultural, prototypical and other information.

5. Conclusion

As a result of the research a model of the axiological field of phraseology in the axiological paradigm "Life - Death" with the main components was created; the possible ambivalence of components in the structure of the axiological field was demonstrated; the taxonomic depth and taxonomic width of the phraseoaxiological field "Life" was described.

The prospect of further research is to build a model of the axiological field of phraseology in axiological paradigms: “Mind — Stupidity”, “Truth — False”, “Happiness — Misfortune”, etc. In addition, the study can be carried out on the basis of other languages.

Researching the structure of the axiological field of language phraseology helps us understand the similarities and differences between representatives of Russian and German cultures in their lifestyle and worldview, national stereotypes of behavior, mentality, traditions, and life values.

The practical value of the study is determined by the fact that its results can be used in solving theoretical problems of lexicology of the Russian and German languages, in courses of many philological disciplines.

REFERENCES

- Andreyeva Y. A., Korneva I. G., Fakhrutdinov B. I. “Life and Death in Axiological Paradigm”. *Journal of Sociology and Social Anthropology* 10(4) (2019): 137–141. DOI: 10.31901/2456 6764.2019/10.04.301
- Andreyeva Y. A., Korneva I. G., Sakhibullina K. A. “Values and anti-values in figurative phraseological units in the Russian and German languages”. *Humanities & Social Sciences Reviews* 7(4) (2019): 427–432. DOI: 10.18510/hssr.2019.7458
- Andreyeva Y. A., Nazmieva E. I., Nasrtdinova V. M. “Taxonomy of values and anti-values (on the material of the Russian and German phraseology)”. *Journal of History Culture and Art Research* 6(5) (2017): 301–309. DOI:10.7596/taksad.v6i5.1251
- Cowie A. P. *Phraseology: Theory, Analysis and Applications*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Guliyeva K. “Different Approaches to the Objects of Phraseology in Linguistics”. *International Journal of English Linguistics* 6(4) (2016): 104–111. DOI: 10.5539/ijel.v6n4p104
- Ilyushchenko N. “Comparative Study of English and Russian Phraseology: Component Theory of Identity and Difference of the Seme Organization (March 1, 2017)”. *Journal of Language and Education* 3(1) (2017): 75–84. DOI: 10.17323/2411-7390-2017-3-1-75-84.
- Ipsen G. *Der alte Orient und die Indogermanen*. Stand und 47 Aufgaben der Sprachwissenschaft Heidelberg: Winter, 1924: 200–237.
- Klochko N. Value oppositions in the focus of emotions (based on the material of modern Slavic political discourses). *Respectus Philologicus*, 2(7) (2002): 87–101.
- Makkai A. *Idiom structure in English*. The Hague, Netherlands: Mouton, 1972.
- Moon R. *Fixed expressions and idioms in English: A corpus-based approach*. Oxford, UK: Clarendon Press, 1998.
- Sakhibullina K. A., Andreyeva E. A., Nazmiyeva E. I. Phraseological Units with Ornithonyms in Brand Naming. *Applied linguistics research journal* 5(1) (2021): 246–250.
- Stubbs M. An example of frequent English phraseology: distribution, structures and functions. In Facchinetti, R. (ed.). *Corpus Linguistics 25 Years on*. Amsterdam & New York: Rodopi (2007): 89–105.
- Trier J. Sprachliche Felder. *Zeitschrift für deutsche Bildung* 8/9 (1932): 80–100.
- Абрамова Н. Т. “Открытый характер знания: опыт и умения, поиски идентичности”. *Философия науки* 10(1) (2004): 189–204.
- Адмони В. Г. *Основы теории грамматики*. Москва-Ленинград: Наука, 1964.
- Байрамова Л. К. *Толкование фразеологических единиц в словарях в свете когнитивистики и аксиологии*. Фразеология и когнитивистика. В 2-х томах. Том 1: Идиоматика и познание. Ред. Н. Ф. Алифиренко. Белгород, 2008.

- Бондарко А. В. *Теория морфологических категорий*. Ленинград: Наука, 1976.
- Долгих Н. Г. «Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии». *Филологические науки* 1 (1973): 89–98.
- Жуков К. А. *Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремологии)*. Дисс. кандидата филолог. наук. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2004.
- Марьянчик В. А. *Аксиологическая функция неологизмов медиа-политического дискурса: На материале газетных публикаций начала XXI века*. Дисс. кандидата филолог. наук. Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2005.
- Полякова А. А. *Теория и практика развития аксиологического потенциала личности студента в диалоге культур*. Дисс. кандидата филолог. наук. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2002.
- Сидорова Н. А. *Аксиологическая единица речевой коммуникации. Учёные записки Российского государственного социального университета*, 2009: 270–277.
- Харитонов Е. Ю. *Лексикографическое описание лексико-фразеологического поля “Черты характера человека”: На материале современного немецкого языка*. Дисс. кандидата филолог. наук. Москва: Моск. гос. обл. ун-т., 2005.
- Шафиков С. Г. *Семантические универсалии в лексике*. Уфа: Башкирский государственный университет, 1996.
- Шафиков С. Г. *Теория Семантического Поля и компонентной семантики его единиц*. Уфа: Башкирский государственный университет, 1999.
- Abramova N. T. “Otkry’ty’j karakter znaniya: opy’t i umeniya, poiski identichnosti”. *Filosofiya nauki* 10(1) (2004): 189–204.
- Admoni V. G. *Osnovy’ teorii grammatiki*. Moskva-Leningrad: Nauka, 1964.
- Bajramova L. K. *Tolkovanie frazeologicheskix edinic v slovaryax v svete kognitivistiki i aksiologii*. Frazеologiya i kognitivistika. V 2-x tomax. Tom 1: Idiomatika i poznanie. Red. N. F. Alifirenko. Belgorod, 2008.
- Bondarko A. V. *Teoriya morfologicheskix kategorij*. Leningrad: Nauka, 1976.
- Dolgix N. G. «Teoriya semanticheskogo polya na sovremennom e’tape razvitiya semasiologii». *Filologicheskie nauki* 1 (1973): 89–98.
- Xaritonova E. Yu. *Leksikograficheskoe opisanie leksiko-frazeologicheskogo polya Cherty’ kharahtera cheloveka: Na materiale sovremennogo nemeczkogo yazy’ka*. Diss. kandidata filolog. nauk. Moskva: Mosk. gos. obl. un-t., 2005.
- Mar’yanchik V. A. *Aksiologicheskaya funkciya neologizmov media-politicheskogo diskursa: Na materiale gazetny’x publikacij nachala XXI veka*. Diss. kandidata filolog. nauk. Arxangel’sk: Pomorskij gosudarstvenny’j universitet im. M. V. Lomonosova, 2005.
- Polyakova A. A. *Teoriya i praktika razvitiya aksiologicheskogo potenciala lichnosti studenta v dialoge kul’tur*. Diss. kandidata filolog. nauk. Orenburg: Orenburgskij gosudarstvenny’j universitet, 2002.
- Sidorova N. A. *Aksiologicheskaya edinicza rechevoj kommunikacii. Uchyony’e zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social’nogo universiteta*, 2009: 270–277.
- Shafikov S. G. *Semanticheskie universalii v leksike*. Ufa: Bashkirskij gosudarstvenny’j universitet, 1996.
- Shafikov S. G. *Teoriya Semanticheskogo Polya i komponentnoj semantiki ego edinicz*. Ufa: Bashkirskij gosudarstvenny’j universitet, 1999.
- Zhukov K. A. *Yazy’kovoe voploshhenie koncepta „Trud“ v poslovichnoj kartine mira (na materiale russkoj i anglijskoj paremiologii)*. Diss. kandidata filolog. nauk. Velikij Novgorod: Novgorodskij gosudarstvenny’j universitet im. Yaroslava Mudrogo, 2004.

Јелена Андрејева, Ина Корњева

СТРУКТУРА ПОЉА РУСКЕ И НЕМАЧКЕ АКСИОЛОШКЕ ФРАЗЕОЛОГИЈЕ

Резиме

Чланак је посвећен анализи структуре руске и немачке аксиолошке фразеологије. Научна новина рада огледа се у примени пољног приступа аксиолошкој фразеологији. У овом чланку представљена је структура аксиолошког поља језичке фразеологије, коју су аутори развили на примеру модела у оквиру аксиолошке парадигме „Живот — Смрт“. Аутори истичу основна својства аксиолошког поља језичке фразеологије, укључујући таксономску дубину и таксономску ширину. Методи истраживања су следећи: аксиолошки лингвистички метод, метод когнитивне анализе, компаративни метод и обрада лексикографских извора. Релевантност студије одређена је духовним потребама савременог друштва. Анализа фразеолошких јединица из аксиолошког аспекта мотивисана је антрополошком оријентацијом савремене лингвистике, где се језик посматра у тесној вези са свешћу и мишљењем човека, његовим духовним светом, вредностима и антивредностима.

Кључне речи: лингвистика, језик, руски, немачки, вредност, антивредност, аксиолошко поље, аксиолошка фразеолошка јединица, таксономска дубина, таксономска ширина.

Oksana Kovtun
Vasyl' Stus Donetsk National University
o.kovtun@donnu.edu.ua
<https://orcid.org/0000-0002-9139-8987>

GRAMMATICAL GENDER AND NUMBER IN PRONOUNS: EVALUATIVE PERSPECTIVES IN UKRAINIAN AND ENGLISH

This study examines the evaluative potential of personal pronouns in Ukrainian and English through a comparative lens, highlighting their cultural, linguistic, and functional characteristics. By addressing gaps in existing research on pronouns as carriers of evaluative meaning, the article explores how these grammatical forms contribute to emotional perception and cultural discourse. The methodology integrates quantitative and qualitative approaches, analyzing a diverse corpus that includes literary texts, social media discourse, and journalistic materials. Pronoun categories, such as gender, number, and their combinations, are investigated to uncover their evaluative nuances. The findings reveal significant differences between the two languages: Ukrainian pronouns often carry overt evaluative meanings influenced by gender and number distinctions, while English demonstrates a trend towards neutrality, exemplified by the increasing use of the singular *'they.'* Occasional and innovative forms, like *'moïiua'* (more yours) in Ukrainian, further illustrate the dynamic evolution of pronouns in modern communication. The study concludes that personal pronouns are powerful tools for expressing emotional and cultural values, with their evaluative roles shaped by linguistic structure and societal trends. These findings open avenues for further exploration of pronoun usage in cross-cultural contexts and their role in linguistic innovation.

Keywords: pronouns; grammar of evaluation; gender; number; comparative linguistics; discourse analysis.

1. Introduction

Grammatical categories such as gender and number play a critical role in shaping the evaluative meanings of pronouns, as they inherently reflect societal attitudes and relational dynamics. Gender distinctions often signal cultural norms and hierarchies, while number variations can convey inclusivity or social distance, enhancing the emotional and evaluative resonance of discourse. The communicative values of personal pronouns, particularly their evaluative and relational dimensions, have been widely studied in linguistic research (Okundare

2024). For instance, the increasing use of *'they'* as a singular pronoun reflects shifts toward inclusivity in English-speaking societies (see Discussion). Unlike semantic features, grammatical forms inherently encode sociocultural attitudes, impacting the emotional perception of discourse. This paper is built on prior studies (Kosmeda 2000; Kosmeda et al., 2019; Haliman 2019) to investigate how gender and number grammatical categories in Ukrainian and English pronouns serve as evaluative tools. Pronouns are not only grammatical means but also as stylistic devices that convey nuanced meanings, influencing the tone and emotional resonance of a text. Simpson underscores the critical role of pronoun choice in shaping textual tone, noting that subtle shifts in pronoun usage can affect how agency, proximity, and social dynamics are perceived by the audience. This highlights the importance of pronouns in crafting evaluative and emotive expressions (Simpson 2004).

In the realm of pragmatic studies, researchers (Büring 2011; Kluge 2019) have highlighted the multifaceted roles pronouns play in communication, including their ability to convey subtle evaluations based on social context and speaker intentions. Gendered pronouns, in particular, are shown to reflect societal norms and hierarchies, while plural forms often serve to foster inclusivity or create detachment (Helmbrecht 2004). Meanwhile, some researchers (Gustafsson Senden et al., 2014) demonstrated how evaluative biases are embedded in pronoun usage, particularly in media and literary texts.

From a grammatical perspective (Carter & McCarthy 2006), it was emphasized that pronouns act as structural markers that encode relationships, often implicitly evaluative, between speakers and subjects. In Ukrainian linguistics, researchers (Kalashnyk et al. 2022; Kosmeda 2019) have explored how morphologically rich pronoun systems allow for nuanced evaluative expressions, often tied to cultural and emotional contexts.

This study seeks to bridge these perspectives, focusing on the interplay of grammatical categories and pragmatic functions of pronouns in evaluative contexts. By analyzing literary texts and conducting an experimental study, this research uncovers the nuanced interplay of grammar and axiology in evaluative expressions, offering a comparative insight into Ukrainian and English pronoun systems.

2. Materials and Methods

2.1. Corpus Description

The corpus consists of 20 texts evenly distributed between Ukrainian and English sources. These texts were selected from three primary domains: media discourse (articles from well-known news outlets reflecting public discourse and societal evaluations), literary works (extracts from contemporary and classical prose and poetry, showcasing narrative depth and stylistic variety), and social media posts (informal texts from platforms such as Twitter and Facebook, high-

lighting conversational language and direct evaluative expressions). This diversity ensures a comprehensive representation of evaluative contexts across different genres and communication styles.

2.2. Analytical Methods

The following methods were used in the research: (1) *quantitative analysis* for frequency counts of pronouns categorized by grammatical gender (masculine, feminine, and neutral) and number (singular, plural). Patterns of usage were statistically analyzed to determine trends in evaluative contexts; (2) *qualitative analysis* for contextual evaluations of pronoun usage, examining their role in shaping emotional tone and social relationships; (3) *linguistic analysis* for syntactic and morphological examinations focused on agreement patterns and their evaluative implications in sentence structure.

In this study, the categories of grammatical gender and number are analyzed in combination rather than separately. This approach was chosen to reflect their interconnected role in shaping evaluative meanings. Pronoun usage often involves simultaneous interaction between gender and number, where distinctions in one category influence perceptions in the other. For example, the plural forms of gendered pronouns may carry distinct evaluative connotations compared to their singular counterparts. Combining these categories in tables and graphs ensures a more holistic representation of their impact on emotional perception and cultural discourse. Additionally, separating these categories would significantly increase the complexity of the data presentation, potentially obscuring key trends and interactions. Future research could explore these categories independently to further isolate their specific contributions.

Analyzing the categories of gender and number together allows us to capture their combined effect on evaluative meanings. Separating these categories would increase the complexity of analysis and risk overlooking nuanced interactions between grammatical and semantic features. For instance, gender distinctions in singular forms often influence evaluative perceptions differently than their plural counterparts.

2.3. Experimental Design

One hundred bilingual individuals (50 males, 50 females) proficient in Ukrainian and English participated in the study. Their ages ranged from 20 to 40, ensuring a balance of generational perspectives. The participant sample was limited to bilingual individuals fluent in Ukrainian and English. While this ensures consistency in linguistic proficiency, it may introduce bias in how participants perceive evaluative nuances in both languages. Future studies could include a more diverse sample to account for cross-linguistic and cultural variability. Participants were presented with modified text excerpts designed to vary only in pronoun usage (e.g., substituting singular with plural forms). Ratings

of emotional and evaluative impact were collected using a Likert scale (1–5). In the experimental setup, pronoun substitutions were implemented in selected text excerpts to evaluate their impact on emotional perception. However, the replacement stimuli were not explicitly tested for contextual appropriateness within the chosen texts. This raises concerns about potential shifts in interpretative context due to pronoun substitutions. A more rigorous pre-validation of stimuli is recommended to ensure their neutrality and alignment with the narrative. Texts were carefully curated to maintain consistent narrative context, isolating pronoun variations as the primary variable.

2.4. Statistical Analysis

The Pearson correlation coefficient r was applied to quantify the relationship between pronoun usage and emotional ratings:

$$r = \frac{\sum (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \sum (y_i - \bar{y})^2}} \quad (1)$$

where x_i represents pronoun frequency and y_i represents emotional scores.

Cohen's d was calculated to measure the magnitude of differences in emotional impact between pronoun categories:

$$d = \frac{M_1 - M_2}{SD_{pooled}} \quad (2)$$

where M_1 and M_2 are the means of two groups, and SD_{pooled} is the pooled standard deviation calculated as:

$$SD_{pooled} = \sqrt{\frac{(n_1 - 1)SD_1^2 + (n_2 - 1)SD_2^2}{n_1 + n_2 - 2}} \quad (3)$$

Independent t -tests assessed the statistical significance of differences in emotional ratings between Ukrainian and English texts:

$$t = \frac{M_1 - M_2}{\sqrt{\frac{SD_1^2}{n_1} + \frac{SD_2^2}{n_2}}} \quad (4)$$

where M_1 and M_2 are sample means, SD_1 and SD_2 are standard deviations, and n_1 and n_2 are sample sizes. Statistical significance was evaluated at a threshold of $p < 0.01$, indicating that results with a p -value below this level are considered highly significant and unlikely to occur by chance.

2.5. Visual Representation

The visual representation of the findings includes two tables and two figures. Table 1 presents the frequency distribution of pronoun categories across

languages and domains, while Table 2 summarizes the mean emotional impact ratings associated with different pronoun types. Figure 1 illustrates the comparative frequencies of gendered pronouns in Ukrainian and English, highlighting notable differences in usage patterns, and Figure 2 depicts the correlation between pronoun usage and emotional scores, demonstrating the statistical relationship between these variables.

3. Results

The findings of the study are presented through detailed quantitative and qualitative analyses, supported by visual aids (tables and figures) to enhance comprehension.

3.1. Quantitative Findings

3.1.1. *Frequency Distribution of Pronouns.* Table 1 provides an overview of the frequency distribution of pronouns across genres in both languages. This contextualizes the differences in usage patterns between Ukrainian and English, with a particular focus on how gendered and neutral forms are distributed in evaluative contexts.

Table 1. Frequency distribution of masculine, feminine, plural, and neutral pronouns across Ukrainian and English texts, categorized by genre (media, literary works, and social media)¹

Language	Masculine (%)	Feminine (%)	Plural (%)	Neutral (%)
Ukrainian	25	20	30	25
English	15	15	30	40

Data reflects aggregated results from 20 analyzed texts evenly distributed across Ukrainian and English sources. Ukrainian texts exhibited a higher reliance on masculine and feminine pronouns compared to English, while English texts showed a preference for neutral forms. Table 1 currently presents an aggregated frequency distribution of pronoun categories across all analyzed texts. While this approach provides a general overview, a breakdown of pronoun frequency across specific contexts (such as literary texts, social media posts, and journalistic discourse) could offer deeper insights into how different genres influence pronoun usage patterns. In Ukrainian poetic discourse, models such as ‘Я + *ТІ* = *МІ*’ (*I + You = We*) are observed (Kalashnyk et al., 2022), showcasing the unique ability of pronouns to convey harmony and unity, for instance:

¹ This table summarizes the frequency of pronouns across genres, focusing on masculine, feminine, plural, and neutral categories. Values represent the percentage distribution derived from all analyzed texts.

‘My heart is yours, your joy is mine’ (twitter). These models highlight the cultural richness of pronoun usage in emotional and relational contexts.

However, this level of granularity was not included in the current study due to constraints in sample size and the need to maintain a manageable scope of analysis. Future research could address this limitation by expanding the corpus and categorizing texts by genre to explore genre-specific trends in pronoun usage.

3.1.2. Emotional Impact Ratings. Table 2 summarizes the correlation between pronoun frequency and emotional impact scores, highlighting the strength of evaluative associations. This table supports the claim that Ukrainian pronouns have a higher correlation with emotional context compared to English neutral forms. Pronouns were rated for their emotional resonance by participants using a Likert scale (1–5).

Table 2. Mean emotional impact ratings of pronoun categories (masculine, feminine, plural, and neutral) on a Likert scale (1–5) based on participant evaluations of Ukrainian and English texts².

Pronoun Type	Ukrainian Texts (Mean ± SD)	English Texts (Mean ± SD)
Masculine	4.5 ± 0.3	4.0 ± 0.4
Feminine	4.2 ± 0.4	4.1 ± 0.3
Plural	3.9 ± 0.5	3.8 ± 0.6
Neutral	3.4 ± 0.6	3.3 ± 0.7

Gendered pronouns elicited the highest emotional responses, particularly in Ukrainian texts, reinforcing the idea that grammatical gender carries significant evaluative weight.

Confidence intervals were calculated for effect sizes to ensure statistical robustness. For example, the Pearson correlation coefficient ($r=0.78$) between gendered pronouns and emotional impact in Ukrainian was accompanied by a 95% confidence interval of [0.72, 0.83], underscoring the reliability of the observed association.

3.2. Graphical Representation

Figure 1 presents a bar chart comparing the proportions of masculine, feminine, plural, and neutral pronouns in Ukrainian and English texts. The chart highlights a higher frequency of masculine and feminine pronouns in Ukrainian

² Emotional resonance scores were calculated using a 5-point Likert scale (1 = low resonance, 5 = high resonance). Values represent mean scores ± standard deviation.

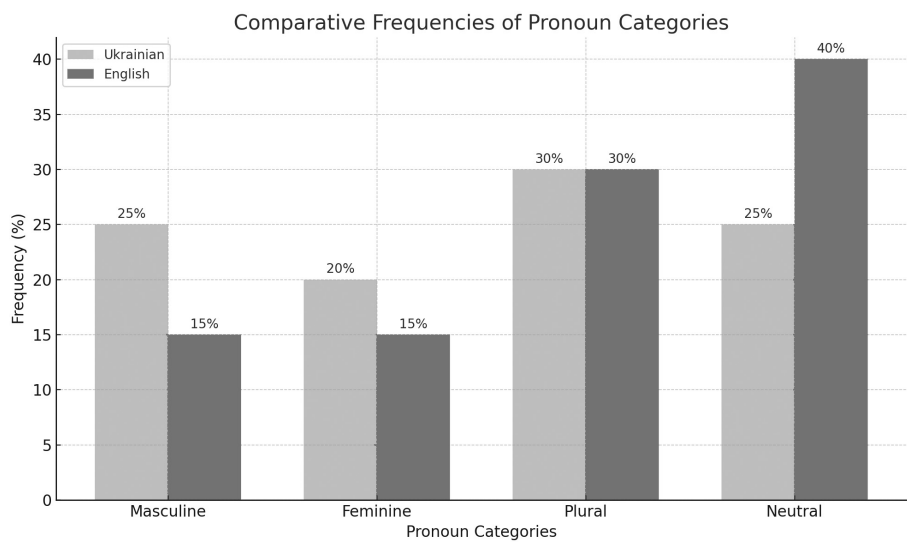

Figure 1. Relative frequency (%) of masculine, feminine, plural, and neutral pronouns in Ukrainian and English texts across genres (media, literary works, and social media)³

texts, while English texts demonstrate a preference for neutral pronouns. This visual comparison underscores the cultural and grammatical differences in pronoun usage across the two languages.

The data highlights the preference for gendered pronouns in Ukrainian and neutral pronouns in English, reflecting linguistic and cultural differences.

Figure 2 depicts the relationship between pronoun categories and emotional impact, offering a visual representation of the correlation data presented in Table 2. Including trend lines for gendered and neutral pronouns could enhance clarity, illustrating the specific patterns of evaluative impact across both languages. Figure 2 displays a scatterplot showing the relationship between pronoun frequency and emotional ratings. The trend line in the scatterplot illustrates a strong positive correlation ($r=0.78$), suggesting that higher usage of gendered pronouns is associated with increased emotional impact. This finding reinforces the hypothesis that grammatical categories, particularly gender, significantly influence evaluative perception.

Trend lines indicate a strong positive correlation ($r=0.78$) between the frequency of gendered pronouns and their emotional resonance, emphasizing cultural and linguistic distinctions. While the graph effectively demonstrates the overall trend, adding trend lines for each pronoun category (gendered and number) could enhance the clarity of the visual representation. Such trend lines would highlight nuanced differences in the evaluative impact of each category across

* Legend: Bars represent the relative frequency (%) of masculine, feminine, plural, and neutral pronouns in Ukrainian and English texts.

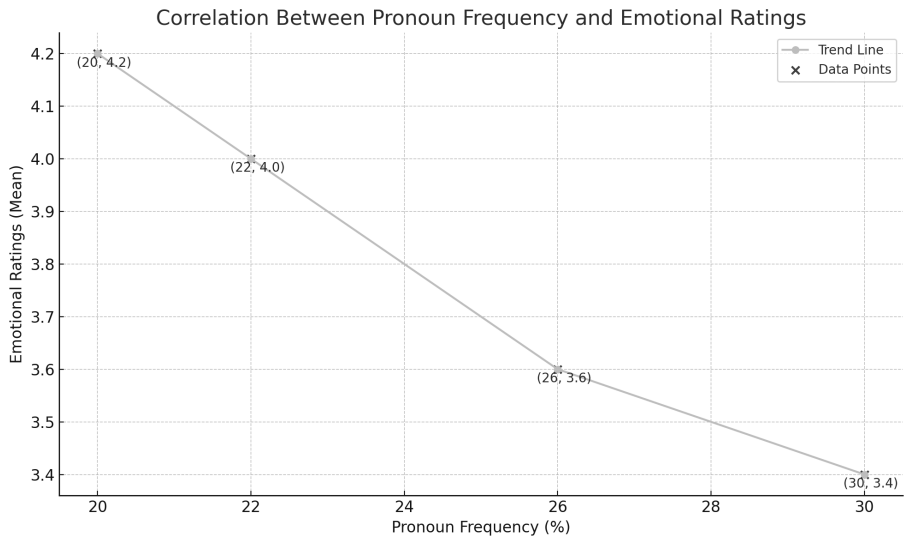

Figure 2. Scatterplot showing the relationship between the frequency of pronoun categories (masculine, feminine, plural, and neutral) and their emotional impact ratings in Ukrainian and English texts⁴

languages, offering deeper insights into the interplay between grammatical forms and emotional perception. However, due to the focus on presenting aggregate results and the limitations of statistical software used, detailed trend lines for individual categories were not included in this version of the study. Future iterations of this research could refine the visual presentation by incorporating these enhancements.

The graphical representations provide critical insights into the comparative usage of pronouns and their evaluative impact, highlighting both linguistic and cultural distinctions between Ukrainian and English texts. Cultural differences between Ukrainian and English significantly influence pronoun perception. While Ukrainian relies on morphologically marked gendered forms, English increasingly adopts neutral pronouns, such as ‘they,’ which reduce axiological tension. This shift reflects broader cultural trends towards inclusivity in English-speaking societies, contrasting with the evaluative richness of gendered pronouns in Ukrainian.

3.3. Statistical Analysis

The statistical analysis reveals significant patterns in pronoun usage and emotional ratings. The Pearson correlation coefficient ($r=0.78, p<0.01$) demonstrates a strong positive relationship between the frequency of gendered pro-

⁴ Trend lines for gendered, neutral, and plural pronouns can emphasize distinct evaluative impacts.

nouns and their emotional impact. This finding suggests that texts with a higher frequency of such pronouns tend to evoke stronger emotional responses, underscoring the evaluative significance of grammatical categories, particularly gender.

To assess the magnitude of differences in emotional ratings, Cohen's d was applied. The results showed large effect sizes for masculine ($d=0.8$) and feminine ($d=0.7$) pronouns, indicating a substantial influence of grammatical gender on evaluative perception. These values suggest that the emotional resonance of gendered pronouns in Ukrainian texts is significantly stronger compared to English texts.

Independent t -tests were performed to evaluate the statistical significance of differences in emotional ratings between Ukrainian and English texts. The results for gendered pronouns were highly significant ($t(98)=4.12, p<0.01$ for masculine; $t(98)=3.84, p<0.01$ for feminine), confirming that the observed differences are unlikely to occur by chance. However, no significant differences were observed for neutral pronouns ($t(98)=1.23, p=0.21$), suggesting a more consistent evaluative function across languages.

Statistical significance was evaluated at a threshold of $p<0.01$, which indicates that the likelihood of the observed results being random is less than 1%. This reinforces the reliability of the findings and provides strong evidence to support the hypothesis that grammatical categories, particularly gender, play a critical role in shaping emotional evaluations.

These results align with the initial hypothesis that grammatical categories, particularly gender, play a crucial role in emotional evaluation. Moreover, they highlight linguistic and cultural distinctions between Ukrainian and English, with Ukrainian texts showing a more pronounced reliance on gendered forms to convey evaluative meaning. Such findings not only validate the proposed theoretical framework but also pave the way for further exploration of grammatical evaluation in other linguistic contexts.

4. Discussion

As highlighted by Okundare, personal pronouns serve as critical markers of communicative value, bridging linguistic structure and social interaction (Okundare, 2024). The results of this study underscore the critical role of grammatical gender in shaping evaluative meanings in Ukrainian, contrasting with the trend toward gender neutrality in English. The strong correlation ($r=0.78$) between the frequency of gendered pronouns and emotional ratings in Ukrainian texts highlights the language's inherent reliance on gender distinctions as a cultural and emotional marker. This aligns with previous findings (Kosmeda et al. 2019), where the evaluative richness of gendered pronouns in Ukrainian discourse were emphasized. Of particular interest are occasional forms, such as '*моїшua*' (more yours) or '*самішuuї*' (most self-centric), which create a unique axiological perspective in Ukrainian. These forms demonstrate an ambivalent

nature — simultaneously verbalizing intimacy and social differentiation. For example, the expression ‘я твоїша’ (‘I am more yours’) emphasizes deep emotional belonging, transcending conventional possessive constructs.

In contrast, English exhibits a notable preference for neutral pronouns, reflecting broader cultural shifts toward inclusivity and minimizing gender specificity (Helmbrecht 2004; Kluge 2019). Among these, the singular ‘they’ has emerged as a widely accepted gender-neutral option. Initially used as a plural pronoun, ‘they’ has been repurposed in modern English discourse to refer to individuals whose gender identity does not align with traditional pronouns ‘he’ or ‘she’ (Carter & McCarthy 2006; Simpson 2004). For instance, phrases like ‘*Every employee must submit their report on time*’ demonstrate its flexibility in accommodating inclusivity without disrupting grammatical structures.

This shift also challenges traditional evaluative norms associated with pronouns, as ‘they’ removes the explicit gender distinctions that can carry cultural and emotional connotations. The adoption of ‘they’ reflects broader efforts to reduce bias and stereotypes in language, aligning with societal values of equity and diversity (Gustafsson Senden et al. 2014). Such usage often reduces the explicit evaluative potential of grammatical forms but enhances their pragmatic flexibility, particularly in diverse social contexts. The pronoun ‘I’ in English often emphasizes individualism and self-focus, reflecting cultural values that prioritize personal agency and autonomy. As Godwin notes, ‘I’ functions as a linguistic marker of identity, conveying the speaker’s centrality in the discourse and reinforcing their position as the subject of action. This contrasts with collective forms like ‘we,’ which emphasize shared agency and group identity, underscoring the cultural and evaluative distinctions embedded in pronoun usage (Godwin 2013). The absence of a formal distinction between ‘you’ (singular) and ‘you’ (plural) in English contrasts sharply with Ukrainian, where the plural form ‘*Bu*’ often conveys respect or formality. This lack of differentiation in English limits its ability to express subtle evaluative meanings embedded in the Ukrainian pronoun system.

The significant effect sizes for masculine ($d=0.8$) and feminine ($d=0.7$) pronouns in Ukrainian texts emphasize the heightened evaluative resonance of these forms. This supports the hypothesis that languages with morphologically rich systems, such as Ukrainian, leverage grammatical gender to encode cultural hierarchies, emotional proximity, and interpersonal dynamics. Previous studies (Gustafsson Senden et al. 2014) have similarly demonstrated the role of gendered pronouns in evaluative framing within specific cultural contexts.

On the other hand, the absence of significant differences for neutral pronouns ($t(98)=1.23, p=0.21$) suggests a more universal function that transcends linguistic and cultural boundaries. This finding aligns with theories proposed by Helmbrecht (Helmbrecht 2004) and Gardelle and Sorlin (Gardelle & Sorlin 2015), who argue that neutral pronouns serve as pragmatic tools that facilitate communication while maintaining emotional neutrality. Okundare emphasizes

that the pragmatic use of personal pronouns reflects not only linguistic but also cultural priorities, a trend that aligns with the findings of this study (Okundare 2024).

These findings highlight not only the linguistic differences between Ukrainian and English but also their broader cultural implications. Ukrainian, as a morphologically rich language, integrates evaluative meanings directly into its grammatical structures, making gender distinctions central to emotional and cultural expression. Conversely, English, with its tendency toward analytical forms, often decouples evaluation from grammatical categories, relying instead on context or lexical choices to convey emotional nuances.

Future research should consider expanding the scope of analysis to include other grammatical categories, such as case and aspect, which may further illuminate the interplay between grammar and evaluation. Additionally, exploring pronoun usage in other languages with varying morphological complexity, such as Finnish or Turkish, could provide valuable comparative insights into the universality of these patterns.

This study contributes to the ongoing dialogue in comparative linguistics and grammatical evaluation, demonstrating the intricate connections between language, culture, and emotion. By integrating findings from Ukrainian and English, it sheds light on the dynamic ways in which linguistic structures reflect and shape human experience.

Future research could expand to analyze linguistic innovations in social media, where pronouns are used with new evaluative connotations. Such innovations include the increased use of singular *'they'* in informal contexts, reflecting broader societal shifts (see Discussion). On platforms like Facebook and Twitter, occasional forms frequently appear, emphasizing speakers' individuality and creativity. These trends highlight evolving language use in digital communication and provide a fertile ground for exploring the dynamic relationship between grammar and evaluation.

The Ukrainian pronoun system demonstrates unique evaluative mechanisms not found in English, such as the occasional modeling of comparative and superlative forms of possessive pronouns. These forms, while violating standard norms, serve as powerful tools for verbalizing evaluation. For instance, in Ukrainian poetic and colloquial contexts, the progression *'твої'* (yours) – *'твоїїї'* (more yours) – *'найтвоїїї'* (most yours) emphasizes increasing levels of emotional intimacy and attachment. Examples include Ukr. *'Жінка твоя. Але я твоїїїа'* (Eng. *Your wife is yours. But I am more yours*) by Lina Kostenko, or the poetic collection titled Uk. *Я твоїїїа* (Eng. *I Am More Yours*) by Nika Kichurka, dedicated to her late husband who defended Mariupol. Commercial use also highlights this innovation, as seen in the slogan: Ukr. *'Найтвоїїї кешбеку ма знижки в Приват24!'* (Eng. *The most yours cashback and discounts in Privat24*). This superlative construction not only emphasizes the speaker's affective involvement but also highlights the linguistic creativity inherent in Ukrainian. Such forms underscore the interplay between language structure and cultural

expressions of belonging and closeness, offering insights into how pronouns can transcend their traditional grammatical functions to serve as carriers of evaluative meaning.

Similar occasional forms can be observed in the intensification of the pronoun *'сам'* (self), such as *'самііііі'* (more self-centric) or *'найсамііііі'* (the most self-centric), reflecting an ambivalent semantic evaluation. For example, Ukr. *'А хто самііііі?'* (Eng. *And who is more self-centric?*) or Ukr. *'Самііііі з найсамііііі'* (Eng. *The more self-centric among the most self-centric ones*). These constructions illustrate the dynamic interplay between language and cultural identity, offering a vivid example of the linguistic creativity inherent in Ukrainian evaluative semantics.

Similarly, English pronouns demonstrate evaluative flexibility, particularly through innovative forms that respond to evolving societal norms. The singular *'they'*, now widely accepted as a gender-neutral pronoun, exemplifies this shift. Originally a plural form, *'they'* has been adapted to refer to individuals whose gender identity does not align with traditional pronouns *'he'* or *'she'* (Carter & McCarthy, 2006). Examples such as *'A nurse has to be very open and understanding. They must listen to their patients and respond to them'* (Cambridge Dictionary) illustrate how *'they'* balances inclusivity with grammatical simplicity.

Beyond inclusivity, English innovations like *'(s)he'* and *'s/he'* have emerged as orthographic solutions to gender specificity, while maintaining grammatical neutrality. Other forms, such as *'he or she'* and the universal *'one'*, offer additional options for nonbinary references, addressing critiques of traditional *'he'* as overly generic or exclusionary.

Evaluative nuances in English pronouns extend beyond gender neutrality. For instance, *'it'*, typically neutral, may convey affection or diminutiveness (*Oh, look at it sleeping so peacefully*, referring to a child) or derogation (*Who let it in here?*, referring to a stranger), depending on context. This ability to adapt pronouns for emotional nuance illustrates the flexibility of English grammar in creating evaluative discourse.

These grammatical innovations, while facilitating inclusivity, challenge traditional norms and subtly alter evaluative perceptions. Research shows that while gender-neutral forms reduce bias and enhance tolerance (Carter & McCarthy, 2006; Helmbrecht, 2004), traditional pronouns like *'he'* and *'she'* remain prevalent in discourse, often symbolizing adherence to conventional values. While Ukrainian pronouns frequently embed evaluative meanings through morphological markers, English innovations such as *'they'* extend pragmatic flexibility by decoupling gender from evaluation. This shift, particularly in contexts of nonbinary identity, highlights the evolving role of pronouns in reflecting societal values of equity and diversity.

Future studies could further explore how innovative forms of pronouns reshape evaluative meanings in both English and Ukrainian. For instance, Ukrainian forms like *'мoйua'* and *'самііііі'* reflect cultural norms and intimacy, while English pronouns such as *'they'* and modifications like *'(s)he'* highlight

inclusivity and flexibility. These trends, especially as they emerge in digital communication, provide rich grounds for understanding the interplay between evolving social values and grammatical innovation.

5. Conclusions

This study explored the evaluative functions of grammatical categories, focusing on the use of gender and number in pronouns across Ukrainian and English texts. The findings reveal significant linguistic and cultural distinctions between these languages, particularly in how grammatical forms influence emotional perception.

This study highlights the evaluative functions of grammatical gender and number in Ukrainian and English pronouns. Ukrainian's reliance on morphological markers emphasizes cultural hierarchies and emotional proximity, while English's shift toward gender-neutral pronouns like '*they*' reflects inclusivity and pragmatic flexibility. Statistical analyses validated these distinctions, showing significant evaluative differences between the languages.

In Ukrainian, grammatical gender emerges as a crucial evaluative tool. The high correlation ($r=0.78$) between gendered pronoun frequency and emotional impact underscores the language's reliance on morphological markers to convey cultural hierarchies, emotional proximity, and social dynamics. These findings align with the view that morphologically rich languages encode nuanced meanings directly into their grammatical structures.

In contrast, English demonstrates a clear shift toward gender-neutral pronouns like '*they*,' which enhance pragmatic flexibility and inclusivity while reducing explicit evaluative potential. This reflects broader cultural shifts in English-speaking contexts, where gender distinctions are less central to evaluative expression.

Statistical analyses, including Pearson correlation ($r=0.78$) for Ukrainian gendered pronouns and Cohen's d for English neutral pronouns, validated these observations. Significant differences were found in the evaluative impact of gendered pronouns across the two languages. Neutral pronouns, however, exhibited a more universal function, suggesting that certain grammatical forms maintain consistent evaluative roles across linguistic and cultural boundaries.

This study contributes to comparative linguistics by illustrating how grammatical categories interact with cultural and emotional factors to shape evaluative discourse. These findings have implications for fields such as linguistic anthropology, cross-cultural communication, and language teaching, where understanding the interplay between grammar and evaluation is essential.

Future research could explore additional grammatical categories, such as case and aspect, to uncover their evaluative roles. Expanding the study to include languages with diverse morphological systems, such as polysynthetic or isolating languages, would provide further comparative insights into the universality and variability of grammatical evaluation, enriching our understanding of the relationship between language, culture, and emotion.

Institutional Review Board Statement: Ethical review and approval were waived for this study due to the reason that this study does not involve sensitive personal data, clinical trials, or any interventions that would require ethical oversight. All data used in this research were derived from publicly available textual sources (media articles, literary works, and social media posts) and do not include identifiable information about individuals. Therefore, the study posed no risk to participants or their privacy.

Informed Consent Statement: Informed consent was obtained from all subjects involved in the study.

Data Availability Statement: The data supporting the reported results were derived from publicly available sources, including media articles, literary texts, and social media posts. These data are not publicly archived as they were accessed in accordance with their respective platforms' terms of use. No new datasets were created or analyzed specifically for this study. For further details, researchers can contact the corresponding author.

Acknowledgments: The author extends heartfelt gratitude to Dr. Tetyana Kosmeda, Doctor of Philological Sciences, Professor, Habilitated Professor, scientific advisor, and doctoral dissertation supervisor, for her invaluable guidance, insightful feedback, and unwavering support throughout the research process. Her expertise and encouragement have been instrumental in the successful completion of this study.

Conflicts of Interest: The author declares no conflicts of interest

REFERENCES

- Büring Daniel. "Pronouns". Von Heusinger Klaus, Maienborn Claudia, Portner Paul (ed.). *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*. T. 1. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011: 971–996.
- Carter Ronald, McCarthy Michael. *Cambridge Grammar of English: A Comprehensive Guide. Spoken and Written English Grammar and Usage*. New York: Cambridge University Press, 2006.
- Gardelle Laurent, Sorlin Sandrine. *The pragmatics of personal pronouns*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015.
- Godwin Olufemi. "The peculiar English pronoun 'I'". *Research on Humanities and Social Sciences* 3/6 (2013): 71–75.
- Gustafsson Senden Maja, Lindholm Torun, Sikström Sverker. "Selection bias in choice of words: Evaluations of "I" and "we" differ between contexts, but "they" are always worse". *Journal of Language and Social Psychology* 33 (2014): 49–67.
- Helmbrecht Johannes. "Personal Pronouns – Form, Function, and Grammaticalization". *Habilitationschrift*. Regensburg: University of Regensburg, 2004.
- Kalashnyk Olha, Oleksenko Oksana, Haliman Oksana. *Artistic semantics and stylistics of the pronoun in Ukrainian intimate poetry of the late 20th — early 21st century*: Monograph. Kharkiv: Kharkiv Historical and Philological Society, 2022.
- Khaliman Oksana. *Morphological means of expressing evaluation in modern Ukrainian: Gender and number*. Kharkiv: Maidan, 2019.
- Kluge Brigitte. "The pragmatics of personal pronouns". *English Text Construction* 12/1 (2019): 154–161.
- Kosmeda Tetiana. *Axiological aspects of pragmalinguistics: Formation and development of the category of evaluation*. Lviv: LNU named after Ivan Franko, 2000.

- Kosmeda Tetiana, Oleksenko Oksana, Pavlova Iryna. *Semantics and pragmatics of a discursive word and its potential for diagnosing the psychotype of a linguistic personality: Aspectual description*. Kharkiv: Kharkiv Historical and Philological Society, 2019.
- Okundare Benedict. "Evaluating the communicative values of personal pronouns". *European Journal of Literature, Language and Linguistics Studies* 1 (2024): 79–86.
- Simpson Paul. *Stylistics: A Resource Book for Students*. New York: Routledge, 2004.

Оксана Ковтун

ГРАМАТИЧКИ РОД И БРОЈ У ЗАМЕНИЦАМА: ЕВАЛУАТИВНЕ ПЕРСПЕКТИВЕ У УКРАЈИНСКОМ И ЕНГЛЕСКОМ ЈЕЗИКУ

Резиме

Ова студија проучава евалуативни потенцијал личних заменица у украјинском и енглеском језику кроз компаративну анализу, истичући њихове културне, језичке и функционалне карактеристике. Чланак се бави попуњавањем празнина у досадашњим истраживањима о заменицама као носиоцима евалуативног значења и истовремено испитује на који начин ови граматички облици доприносе емотивној перцепцији и културном дискурсу. Методологија комбинује квантитативне и квалитативне приступе и анализира разнолики корпус који обухвата књижевне текстове, дискурс на друштвеним мрежама и новинске материјале. Категорије заменица, као што су род, број и њихове комбинације, испитују се како би се откриле њихове евалуативне нијансе. Резултати показују значајне разлике између два језика: украјинске заменице често носе изражена евалуативна значења која су под утицајем разлика у роду и броју, док енглески показује тенденцију ка неутралности, што илуструје све чешћа употреба једине „they“. Повремени и иновативни облици, попут украјинске форме „твоїша“ (више твоја), додатно илуструју динамичку еволуцију заменица у савременој комуникацији. Студија закључује да су личне заменице снажни инструменти за изражавање емотивних и културних вредности, при чему су њихове евалуативне улоге обликоване језичком структуром и друштвеним трендовима. Оваква сазнања омогућавају даља истраживања употребе заменица у међукултурним контекстима и њихове улоге у језичкој иновацији.

Кључне речи: заменице, граматика евалуације, род, број, компаративна лингвистика, анализа дискурса.

Анна В. Щетинина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, кафедра языков массовых коммуникаций, Екатеринбург
anna-73.schetinina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>

Anna V. Shchetinina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Department of Mass Communication Languages, Yekaterinburg
anna-73.shchetinina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>

*ОТ СПЛЕТНИЦЫ К АВТОРИТЕТНОМУ ИСТОЧНИКУ:
НОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИЗВЕСТНОЙ ИДИОМЫ
САРАФАННОЕ РАДИО**

*FROM GOSSIP TO AUTHORITATIVE SOURCE:
A NEW MEANING OF THE WELL-KNOWN IDIOM
“SARAFANNOYE RADIO”*

Рассматривается способ появления новых значений фразеологизмов на примере идиомы *сарафанное радио*. Материалом для исследования послужили словарные статьи толковых словарей, тексты оцифрованных книг, размещенных на платформе Google Ngram Viewer, примеры употребления фразеологизма в газетных публикациях, статистические данные, размещенные на страницах сервиса «Яндекс. Подбор слов». Представлена методика определения узуальности выражения при его переходе от пограничного статуса к фразеологическому, обуславливающему необходимость лексикографической фиксации. Доказывается, что давно известный фразеологизм, имеющий негативную семантику сплетен, слухов, приобрел новое значение с позитивной коннотацией — средства передачи информации в маркетинговых целях.

Ключевые слова: семантическая деривация, пограничный статус языковой единицы, фразеологический неологизм, сарафанное радио, калькирование.

The emergence of new meanings of phraseological units is considered using the example of the idiom “sarafannoye radio”. The material for the study consisted of dictionary

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01530, <https://rscf.ru/project/24-28-01530> «Типология новых слов социальной тематики, образованных от русскоязычных основ: семантико-мотивационный анализ неологизмов».

entries from explanatory dictionaries, texts of digitized books available on the Google Ngram Viewer platform, examples of the idiom's usage in newspaper publications, statistical data from the "Yandex Word Selection" service. A methodology for determining the idiomaticity of an expression as it transitions from a borderline status to a phraseological one, necessitating lexicographical fixation, is presented. It is argued that the long-known phraseological unit, with a negative semantic connotation of gossip and rumors, has acquired a new meaning with a positive connotation - as a means of conveying information for marketing purposes.

Keywords: semantic derivation, borderline status of a linguistic unit, phraseological neologism, *sarafannoye radio*, calquing.

1. Традиция употребления фразеологизма *сарафанное радио*

Актуальность выработки критериев для определения статуса новых языковых единиц, в том числе заимствованных, который мы предлагаем идентифицировать как *пограничный*, то есть переходный от состояния неологизма (слова или словосочетания) с неустойчивыми лексическо-грамматическими характеристиками к состоянию, в котором его можно зафиксировать в словаре в значении, закрепившемся в результате практики употребления, указать грамматические и стилистические особенности, в настоящее время отмечается отечественными и зарубежными исследователями новой лексики и фразеологии (Козловская 2023; Коновалова 2020; Кронгауз 2016; Мокиенко 2021; Шулежкова 2019; Andersen 2019; Fiedler 2017 и др.). Беспокойство части носителей русского языка по поводу чрезмерного заимствования иностранных слов, вызвавшего в 2023 году даже внесение изменений в федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», также ставит на повестку вопрос о том, какие слова могут фиксироваться в словарях и на каких основаниях. Между тем, как отмечает М. А. Кронгауз, «эмоциональное отношение к словам, в том числе и негативное, свидетельствует только об одном — об интересе к языку. Лингвистическая же рефлексия в широком смысле — один из важнейших процессов, который связывает народ и язык и — по крайней мере, отчасти — определяет развитие последнего» (Кронгауз 2009: 74). Кроме того, анализ неологизмов показывает, что значительная их часть образована с использованием собственных ресурсов русского языка, что и находится в фокусе внимания автора предлагаемого исследования.

Среди таких новых языковых фактов вызывает интерес известная идиома *сарафанное радио*, которая имеет традицию употребления, зафиксированную в фразеологических словарях: *сарафанное радио* — поговорка, женские сплетни (Белянин, Бутенко 1993: 29); *сарафанное радио*: Простореч. 1. Сплетни, слухи (как правило — распускаемые женщинами). 2. Источник ложных слухов (Мокиенко, Никитина 2007: 552). В *Большом универсальном словаре русского языка* под редакцией В. В. Морковкина семантема выражения *сарафанное радио* включает в себя семы 'шутливое', 'ироничное': передача какой-л. информации устно, от человека к человеку,

обычно от женщины к женщине (употр., когда речь идёт о какой-л. недостоверной информации, слухах, сплетнях) (*Большой...* 2017: 972). В *Словаре русских народных говоров* фиксируется синонимичное выражение *сарафанная почта* с двумя значениями: 'о женщине сплетнице' *Чертova сарафанная почта живет тут, все разболтает* (Любыт. Новг., 1981. Яросл.) 'о женских сплетнях, пересудах' *От кого это ты слышал? — От сарафанной почты*. Ветл. Костром., 1918. Горьк., Яросл. (СРНГ 2002: 139).

Как видим, на протяжении многих десятилетий словари фиксируют семантику передачи информации в негативном ключе 'недостоверная информация', 'слухи', 'сплетни', 'ложные слухи', 'пересуды'. Та же семантика актуализируется в примерах, извлеченных из разных источников: *Весной чеботарь сапожки ей передал через бабу одну — «сарафанное радио», сплетницу*. *Сибирские огни* 1968 (Google Ngram Viewer); — *Я гляжу, и ты в это сарафанное радио поверил, — заметил с огорчением Лузгин и укоризненно покачал головой. — Вроде умом тебя бог не обидел, а ты не разбираешься, жрешь, что дают*. Е. Мальцев. Избранные произведения (Google Ngram Viewer). Между тем анализ контекстов показывает, что данный фразеологизм может использоваться и в нейтральном значении 'устная передача информации': *Ну, Федоня, ну, ягода, молодец, ты че, знала, что я приеду? — Сарафанное радио сообщило*. А. Усольцев. *Сморodinный чай* (Google Ngram Viewer) и др.

2. Идиома *сарафанное радио* в современном речевом употреблении

Между тем, как справедливо отмечает Т. В. Леонтьева, «обращение к диахроническому аспекту функционирования слова часто приводит к осмыслению языка молодого поколения и этими же изменениями инициируется: заметные перемены в том, как говорит молодежь, дают импульс к анализу языковой ретроспективы» (Леонтьева 2022: 161). Если мы обратимся к контекстам, зафиксированным в XXI веке, то увидим, что последнее, безоценочное, значение 'устная передача информации', вероятно, мотивирует появление нового значения, которое можно сформулировать на основании анализа речевого употребления фразеологизма *сарафанное радио* в разных дискурсах. Так, в фрагменте из художественного текста: *Во-первых, я числюсь в штате очень престижной фирмы. Туда просто так не устроишься. Во-вторых, очень хорошо работает сарафанное радио. Я декорировал внутренние стены особняка одного очень состоятельного человека, ему понравилось, и он тут же порекомендовал меня другому А тот, другой, — третьему Понимаешь, в их кругах рекомендации — это довольно сильная вещь*. Ю. Шилова. *Хочу богатого, или Кто не спрятался я не виновата!* (АА) семантика ложности, недостоверности не актуализируется, а семема 'устная передача информации' дополняется позитивной коннотацией 'рекомендация на основании хорошо выполнен-

ной работы'. В следующем газетном тексте выражение *сарафанное радио* сохраняет семантику рекомендации, дополняя ее представлением о передаче информации как инструменте продвижения продуктов предприятия, например: «Привлекая новых заемщиков, банки зачастую не обращают достаточного внимания на то, что происходит с клиентами после первой покупки, насколько качество их обслуживания ведет к рекомендациям, — поясняет господин Кузин. — **Сарафанное радио** — один из решающих факторов при выборе банка, и мы намерены этим пользоваться». Такой подход позволит нарастить клиентскую базу, не конкурируя с другими игроками по цене и без значительного увеличения персонала, уверены в МДМ-банке (Коммерсантъ 2013). Неслучайно выражение может использоваться в одном ряду с номинациями других официальных инструментов информирования: *Посты, плакаты и сарафанное радио. Кто и как пришел к идее донорства костного мозга* (Коммерсантъ 2019); акторов профессиональной коммуникации: *Рекламодатели надеются на сарафанное радио* (Коммерсантъ 2011), *Благодаря «сарафанному радио», многие страховые компании получают до 40% клиентов* (Коммерсантъ Санкт-Петербург 2008). Более того, *сарафанное радио* прямо называется рекламой: *Вероника Моисеева с ним согласна, но особенно выделяет средства PR: «Наши акции при продвижении товара: подготовка special events в магазинах, работа с референтной группой, раздача образцов, создание внешних потребительских качеств, так называемое «сарафанное радио» (устная реклама) — все это дешевле прямой рекламы, но имеет колоссальный эффект...* (Коммерсантъ 1995).

Только в газете *Коммерсантъ* начиная с 2000 года выражение используется в новом значении 773 раза. Данную тенденцию подтверждает и инфографика Google Ngram Viewer: подъем активности в использовании этой идиомы наблюдается в первые десятилетия XXI века (рис. 1).

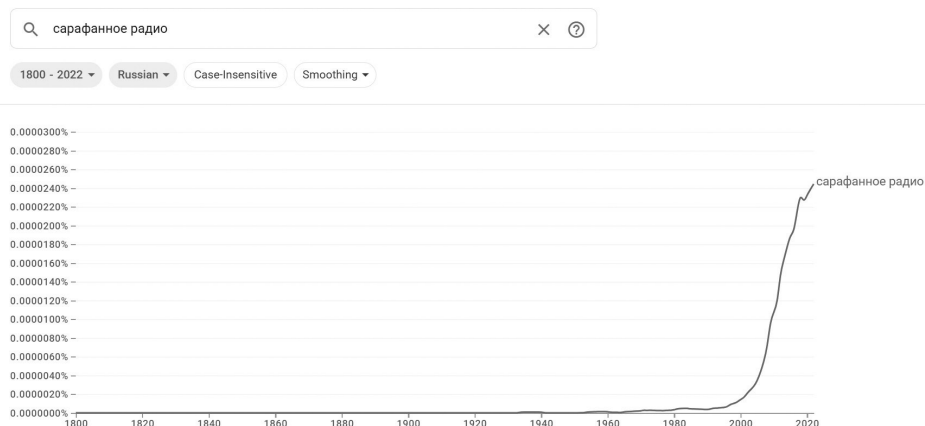

Рис. 1. График встречаемости выражения *сарафанное радио* в русскоязычных книгах на платформе Google Ngram Viewer

Понятие «сарафанное радио» как инструмент профессиональной коммуникации обсуждается и на интернет-сайтах, функционирующих как площадки взаимодействия специалистов из разных сфер. Так, на сайте b17 (рис. 2), объединяющем практикующих психологов и их клиентов, обсуждается вопрос привлечения последних посредством *сарафанного радио* (АА).

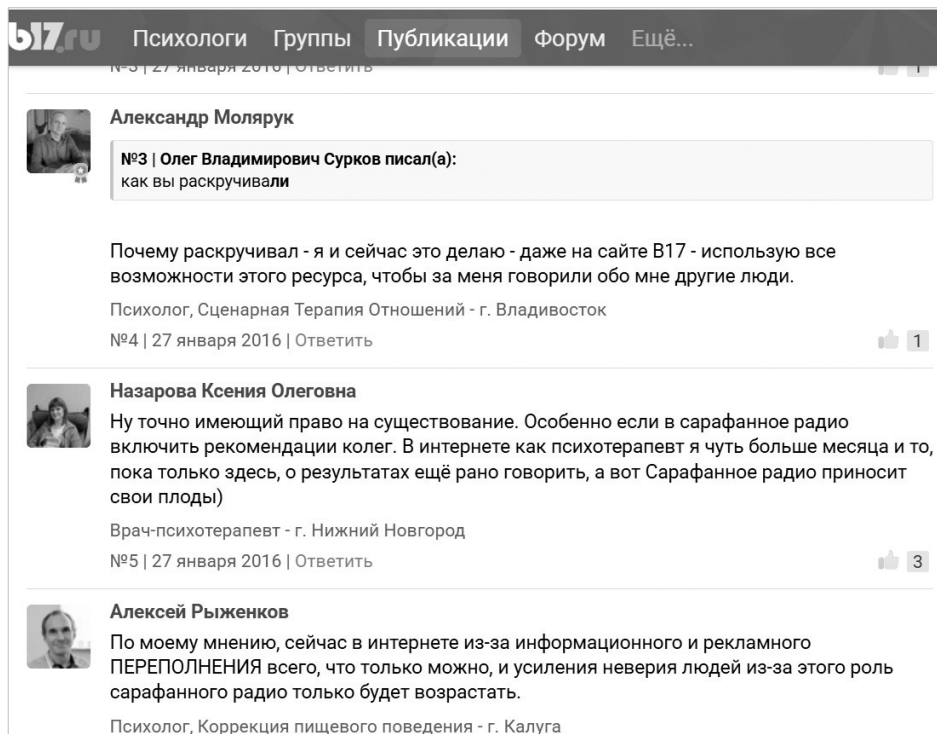

Рис. 2. Скрин переписки специалистов с использованием выражения *сарафанное радио* на сайте профессионального сообщества психологов b17

На сайте «Литрес» — электронной платформе книг — в образовательном разделе представлены разные форматы контента, посвященного маркетингу, с названиями и аннотациями, которые включают в себя данное выражение: книга Маргариты Акулич «Скрытый маркетинг, сарафанное радио, нативная реклама» (2017), подкасты Анастасии Беляевой, Екатерины Чемезовой «Просто маркетинг. Сарафанное радио» (2021), Станислава Ильина «Держи темп: сарафанное радио в беговом сообществе, классическая музыка, изобразительное искусство и бег» (2023) и др.

Идиома *сарафанное радио* в сочетании с лексемой *маркетинг* в поиске Яндекса демонстрирует 5 тыс. результатов. Кроме того, сервис «Яндекс. Подбор слов» на запрос «сарафанное радио» (рис. 3) фиксирует 15400 показов в месяц.

The screenshot shows the Yandex Wordstat interface. The browser address bar displays 'wordstat.yandex.ru'. The page title is 'Вордстат'. The top navigation bar includes links for location (Екатеринбург), email (Mail.Ru), and various Yandex services (Яндекс, Яндекс.Почта, Яндекс.Карты, Яндекс.Новости, Яндекс.Погода, Яндекс.Фото). The main content area is a table with two columns: 'Формулировка' (Formulation) and 'Число запросов' (Number of requests). The table lists various search queries related to 'сарафанное радио' and their corresponding request counts.

Формулировка	Число запросов
сарафанное радио	15 400
сарафанное радио клетня	4 220
сарафанное радио осташков	1 972
сарафанное радио контакты	1 513
сарафанное радио кмв	1 361
сарафанное радио пятигорск	1 050
сарафанное радио клетня Брянская	900
сарафанное радио осташков в контакте	752
сарафанное радио клетня в контакте	664
сарафанное радио Брянская область	592
сарафанное радио клетня Брянская область	582
сарафанное радио кмв пятигорск	519
подслушано в осташкове сарафанное радио	382

Рис. 3. Фрагмент результатов запросов «сарафанное радио» в месяц (последнее обновление: 09.09.2025)

3. Лексикографическая фиксация нового значения

В начале XXI века активность использования в разных дискурсах выражения *сарафанное радио* в ином, нежели зафиксировано в словарях, значении позволяет сформулировать новую семантему для словаря неологизмов. Как отмечает А. В. Тихомирова, «здесь нет коннотации “русскости”, но есть близкая к ней символика “народности”» (Тихомирова 2013: 310). Кроме того, можно подобрать эквиваленты данного выражения, которые также относятся к новой лексике профессиональной сферы: *сарафанный маркетинг*, *сарафанная почта*, *маркетинг из уст в уста*. Профессиональный характер выражения подтверждает и типовая сочетаемость, например с такими существительными, как *запуск/идея/метод/настройки/система/стимулирование/технологии/ускорение/эффект* и др. Актуальность и частотность употребления новой семантемы дает основания для ее фиксации в словаре, поскольку свидетельствует о новом взгляде на передачу информации «из уст в уста», как отмечает Е. Л. Березович, «новации в семантике “старых” слов с наибольшей наглядностью позволяют увидеть “эстафету” ценностей» (Березович 2014: 423).

Представим словарную статью, которая будет включена в словарь новой русской лексики.

САРАФАННОЕ РАДИО. *Маркетинг.*

Распространение информации о компании, продукте, услугах, мероприятиях, персоналиях и др. путем рекомендации одних людей другим.

✓ В том, что свой продукт он продать сумеет, Михаил, специализировавшийся ранее на B2b в сфере ИТ, не сомневался. Правда, быстро понял особенность: классические методы маркетинга, например контекстная реклама, здесь не сработают. Нет такого запроса от пользователей — «коробка с продуктами». Было понятно, что **сарафанное радио** — наш основной инструмент. Поэтому мы придумали множество фишек, способствующих распространению информации Е. Николаева. «Я знаю, что у вас на ужин» // Эксперт, 2015.

✓ Известно, что самая лучшая реклама — это **сарафанное радио**. А оно как раз лучше всего работает в интернете, в соцсетях. Там слух об удачном сериале разбегается мгновенно, захватывает огромную аудиторию, и степень доверия к этой информации очень высока. Главное — вызвать резонанс. В. Муругов, В. Нестеров. «Все телеканалы ищут бабочку» // Огонек, 2013.

✓ Почему из всех каналов работает только один? И хочется все бросить. Чтобы просто ждать, когда будут приходить по рекомендации. Но давайте поговорим о том, почему в некоторых проектах продает только **сарафанное радио**? Кто берет на себя продажу, если человек приходит по рекомендации? И в чем отличие продаж теплому клиенту и холодному? Алена Мишурко. Почему сарафанное радио работает, а остальное — нет?: подкаст, 2021.

✓ Пример современного «**сарафанного радио**». Пользователь социальных сетей написал отзыв о том, как быстро и качественно отремонтировал автомобиль — так информация начала распространяться. Акция «Приведи друга», чем не сарафанное радио. Владельцы Автосервисов часто делают ставки на **сарафанное радио**. А. Минкин. «Сарафанное радио» — стоит ли на него полагаться? // Маркетинг на vc.ru, 2021.

ЭКВИВАЛЕНТЫ: *сарафанный маркетинг, сарафанная почта, маркетинг из уст в уста.*

ТИПОВАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ: *выгода/запуск/идея/метод/настройки/принцип/работа/система/стимулирование/технологии/ускорение/эффект сарафанного радио, любитель сарафанного радио, по системе сарафанного радио, с помощью сарафанного радио; верить/доверять сарафанному радио, благодаря сарафанному радио, специалист по сарафанному радио, объявить по сарафанному радио; включить/задействовать сарафанное радио, настроиться/надеяться на сарафанное радио, ставка на сарафанное радио, найти через сарафанное радио; называется сарафанным радио; своё сарафанное радио.*

В текстах, где выражение *сарафанное радио* представлено в указанном выше значении, можно увидеть его разное написание. Часть авторов использует для введения словосочетания в контекст кавычки, например: *Рост спроса на такую юридическую процедуру объясняется популяризацией среди населения — сработал эффект «сарафанного радио», когда*

люди делились положительным опытом самобанкротства, считает управляющий партнер экспертной группы Veta Илья Жарский (Коммерсантъ Новосибирск 2023, № 189: 8); *Россия — страна рекомендаций. А значит, нужно включать «сарафанное радио»*. Эксперт 2014 (АА) и др. Можно предположить, что таким образом авторы подчеркивают метафоричность выражения. Однако в большинстве случаев идиома в значении 'рекомендация' употребляется без кавычек, что, на наш взгляд, служит еще одним свидетельством достаточной устойчивости выражения для его лексикографической фиксации в новом значении.

4. История появления нового значения

Англоязычным эквивалентом выражения *сарафанное радио* в новом значении является идиома *word of mouth*, которая маркируется в Кембриджском словаре как употребляемая в деловом английском в значении 'the process of telling people you know about a particular product or service, usually because you think it is good and want to encourage them to try it: by/through word of mouth' (KC)/'процесс сообщения из уст в уста людям, которых вы знаете, о конкретном продукте или услуге, обычно потому, что вы считаете его хорошим и хотите побудить их попробовать его'. Помимо данного фразеологизма, словарь фиксирует вариант идиомы в значении 'by someone telling you' (KC)/'кто-то сказал тебе', а также *word-of-mouth* как прилагательное 'given or done by people talking about something or telling people about something' (KC)/'дается или делается людьми, говорящими о чем-то или рассказывающими людям о чем-то', то есть 'сделанное устно'. При этом семантика последней идиомы и прилагательного не имеет негативных сем ни в составе семантемы, ни в примерах, как в русском языке: *Students discovered the center by word of mouth (idiom)* (KC)/Студенты узнали о центре из уст в уста; *We get most of our work through word-of-mouth recommendations, word-of-mouth publicity* (KC)/Большую часть нашей работы мы получаем посредством устных рекомендаций и устной рекламы.

История выражения *word of mouth* фиксируется на платформе Google Ngram Viewer (рис. 4) в оцифрованных книгах с 1800-х годов в значении 'передаваемый в устной форме', например: *WORD OF MOUTH, OR BY WRITING. THE easiest method of teaching youth the art of composing, is to exercise them, first, by word of mouth, in making themes upon subjects treated of by good Latin or French authors*. Charles Rollin. *The Method of Teaching and Studying the Belles Lettres*, 1804/УСТНО ИЛИ ПИСЬМЕННО. Самый простой способ научить молодежь сочинительскому искусству — это тренировать ее сначала в устной форме, создавая тексты на темы, описанные хорошими латинскими или французскими авторами (Google Ngram Viewer); 'передаваемый устно от человека к человеку', например: *Why was religion taught by word of mouth, at the commencement of the world? A. Religion was taught by word of mouth, at the commencement of the world, in the first*

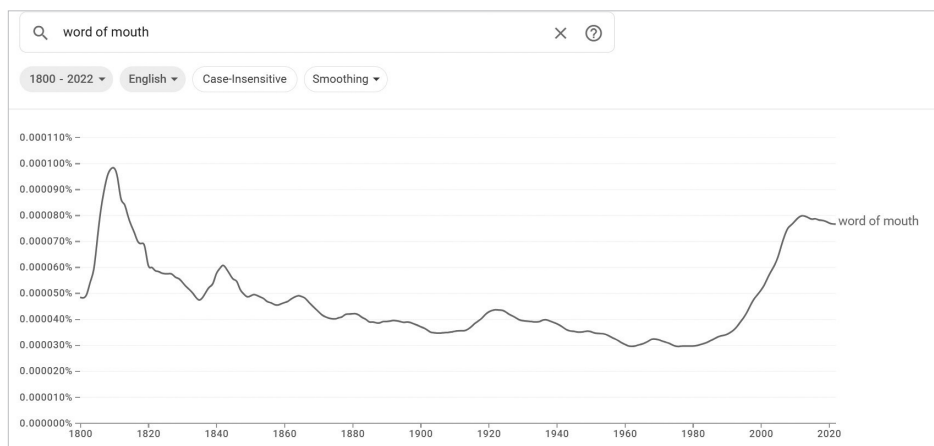

Рис. 4. График встречаемости выражения *word of mouth* в англоязычных книгах на платформе Google Ngram Viewer

Зачем это "А"?

*place, because this manner of teaching was more ... An Abridgment of the Catechism of Perseverance, 1854 / Почему в начале мира религии обучали устно? А. Религии обучали из уст в уста в начале мира прежде всего потому, что этот способ обучения был более... (Google Ngram Viewer). В XX и XXI веках данная идиома в представленных на платформе книгах используется преимущественно в деловом значении, при этом автоматический переводчик в данной системе переводит *word of mouth* как *сарафанное радио*, например: **Word of Mouth** is both a clear, practical primer for the beginning student as well as a refresher course for the seasoned professional, & remains the primary textbook in this field of the performing arts. Susan Blu, Molly Ann Mullin. *Word of Mouth A Guide to Commercial Voice-over Excellence*, 1992 / «Сарафанное радио» — это одновременно понятный и практический учебник для начинающих студентов, а также курс повышения квалификации для опытных профессионалов, который остается основным учебником в этой области исполнительского искусства (Google Ngram Viewer); *This book will be a guide to any company or organization who wants to understand the dynamics of online **word of mouth** and leverage the power of online advocates to pass along stories, deliver recommendations and draw people to purchasing...* Idil M. Cakim. *Implementing Word of Mouth Marketing Online Strategies to Identify Influencers, Craft Stories, and Draw Customers*, 2015 / Эта книга станет руководством для любой компании или организации, которая хочет понять, как работает сарафанное радио в онлайн и использовать возможности онлайн-пропагандистов для распространения историй, предоставления рекомендаций и привлечения людей к покупке... (Google Ngram Viewer).*

В этом смысле русское выражение *сарафанное радио* семантически связано с английской идиомой *word of mouth* только семей 'устная форма передачи информации'. Между тем новое значение, появившееся в марке-

тинговой сфере, имеет то же значение, что и его английский эквивалент. Таким образом, мы наблюдаем в данном случае процесс калькирования, который репрезентирует заимствованную идиому, создавая не новую языковую единицу в языке-реципиенте, а путем семантической деривации новое значение давно известного фразеологизма.

Данное значение можно маркировать как терминологическое маркетинговое, поскольку фразеологизм *сарафанное радио* используется в специальной научно-учебной литературе, например в книгах: Информационные системы маркетинга. Учебник и практикум для СПО. Россия, ЛитРес, 2019. С. 366 (*Сарафанное радио (Word of Mouth — WOM) — неформальные формы и способы передачи устной или письменной информации о товаре или услуге от потребителя к потребителю, а также тех компаний, которые хотят, чтобы их информация посредством слухов дошла до потребителя*); Дипломное проектирование в области PR и рекламы Электронная книга. Россия, Директ-Медиа, 2017 (*«Сарафанное радио» очень похоже на вирусный маркетинг, но имеет и различие, если информация вирусного маркетинга определено и чётко говорит о преимуществах того или иного товара, который рекламируется подобным образом...*); Информационные системы и технологии в маркетинге. Учебное пособие для академического бакалавриата. Россия: ЛитРес. С. 412 (*Сарафанное радио в социальных сетях работает двумя способами: — межпрофильное распространение контента, когда пользователь отправляет людям из своего окружения либо информацию о продукте, либо ссылку на эту информацию*) и др. Кроме того, как отмечает Е. С. Громенко, «терминологический, а не ложнотерминологический характер этих наименований обосновывается распространенностью этих заимствованных терминов в научных и специализированных изданиях на языке-источнике (на английском языке)» (Громенко 2023: 31), что мы и обнаружили в приведенных выше и других примерах из англоязычных гугл-книг, например: *This collection examines a key new development in the contemporary marketing landscape, the relationship between the informal exchange of information and advice among consumers — known as **word of mouth (WOM)** — and emerging social media. Word of Mouth and Social Media*. Великобритания, Taylor & Francis, 2016 / В этом сборнике статей рассматривается ключевое новое явление в современном маркетинговом ландшафте — взаимосвязь между неформальным обменом информацией и советами потребителей, которые известны как сарафанное радио (WOM), и появляющимися социальными сетями (Google Ngram Viewer).

5. Заключение

Таким образом, анализ идиомы *сарафанное радио* в ее разных значениях демонстрирует возможность ее использования в стилистически разных контекстах и изменение семантики с отрицательной на нейтральную

и положительную при наделении выражения новым значением, связанным с освоением сферы маркетинговых и сетевых отношений, которые стали актуальны в XXI веке. Более того, можно говорить о популярности обращения к маркетинговым инструментам типа сарафанного радио людей, которые не являются специалистами в этой сфере, что обусловлено развитием блогерства и индивидуального предпринимательства, использующих социальные сети для продвижения и рекламной деятельности. А новые социальные тренды определяют моду на новые слова и выражения. И. Б. Левонтина, отвечая на вопрос, кто влияет на изменения «моды на слова», пишет: «Точно не составители словарей и вообще не лингвисты. В языке, как, собственно, и в моде, действует другой механизм ... появляется новое и непривычное, вытесняет старое на периферию, потом это новое автоматизируется, становится массовым и неинтересным и само смещается на периферию, вытесняемое чем-то еще более новым» (Левонтина 2016: 19). В заключение отметим, что современные лингвисты, являясь внимательными наблюдателями, только фиксируют эти явления, стараясь ухватить новое и анализируя процесс его перехода на периферию языка.

ЛИТЕРАТУРА

- АА — Архив автора.
- Белянин Валерий, Бутенко Ирина. *Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий*. Москва: Российский институт культурологии, 1993.
- Березович Елена. *Русская лексика на общеславянском фоне: семантикомотивационная реконструкция*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014.
- Большой универсальный словарь русского языка* / Под ред. В. В. Морковкина. Москва.: Словари XXI века, 2017.
- Громенко Елизавета. «О явлении “терминологического шума” в языке современных масс-медиа». *Русская речь* 6 (2023): 24–37. DOI: 10.31857/S013161170029351-5.
- Козловская Наталия. «GPT и CHATGPT: как это по-русски? (об электронных словарных статьях в неологическом ресурсе neolex.iling.spb.ru)». *Terra Linguistica* 14/4 (2023): 67–78. DOI: 10.18721/JHSS.14405.
- Коммерсантъ: последние новости России и мира [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 12.02.2024).
- Коновалова Ольга. «Новые языковые образования как отражение социально-экономических реалий». *Научные труды Московского гуманитарного университета* 3 (2020): 2. DOI 10.17805/trudy.2020.3.2.
- Кронгауз Максим. «Предисловие». *Словарь языка интернета.ru* / под ред. М. А. Кронгауза. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016.
- Кронгауз Максим. «Во власти слов». *Ценности и смыслы* 2 (2009): 70–74.
- Левонтина Ирина. *О чем речь*. Москва: АСТ, 2016.
- Леонтьева Татьяна. «Рефрейминг слова вдохновлять: от опции к миссии». *Критика и семиотика* 1 (2022): 158–182. DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-158-182.
- Мокиенко Валерий. «Старое новое и новое новейшее (к проекту “Большого словаря русских фразеологических неологизмов”)». *Неология. Неография. 2021: Сборник научных статей Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01–02 декабря 2021 года*. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2022: 132–142.
- Мокиенко Валерий, Никитина Татьяна. *Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений*. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2013.

- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*/под ред. Ф. П. Сороколетова. Санкт-Петербург: Наука, 2002. Вып. 36.
- Тихомирова Александра. *Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01*. Екатеринбург, 2013.
- Шулежкова Светлана. «Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания». *Научный диалог* 9 (2019): 173–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189.
- Яндекс. Подбор слов [Электронный ресурс]. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 06.02.2024).
- Andersen Gisle. “Phraseology in a cross-linguistic perspective. Introducing the diachronic-contrastive corpus method”. *Studies in Variation, Contacts and Change in English (VARIENG)* 20 (2019). URL: <https://varieng.helsinki.fi/series/volumes/20/andersen/> (дата обращения 12.02.2024).
- CD — *Cambridge Dictionary* [Electronic resource]. URL: <https://dictionarycambridge.org/ru/словарь/английский/> (date of access: 10.02.2024).
- Fiedler Sabine. “Phraseological borrowing from English into German: Cultural and pragmatic implications”. *Journal of Pragmatics* 113 (2017): 89–102.
- Google Ngram Viewer [Electronic resource]. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=Albert+Einstein%2CSherlock+Holmes%2CFrankenstein&year_start=1800&year_end=2019&corpus=ru-2019&smoothing=3 (date of access: 15.02.2024).

REFERENCES

- AA — Arhiv avtora.
- Andersen Gisle. “Phraseology in a cross-linguistic perspective. Introducing the diachronic-contrastive corpus method”. *Studies in Variation, Contacts and Change in English (VARIENG)* 20 (2019). Available at: <https://varieng.helsinki.fi/series/volumes/20/andersen/>.
- Beljanin Valeriy, Butenko Irina. *Tolkovyj slovar' sovremennyh razgovornyh frazeologizmov i prislovij*. Moscow: Rossijskij institut kul'turologii, 1993.
- Berezovich Elena. *Russkaja leksika na obshheslavjanskom fone: semantikomotivacionnaja rekonstrukcija*. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2014.
- Morkovkin Valeriy (ed.) *Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo jazyka*. Moscow: Slovari XXI veka, 2017.
- CD — *Cambridge Dictionary* [Electronic resource]. URL: <https://dictionarycambridge.org/ru/словарь/английский/> (date of access: 10.02.2024).
- Fiedler Sabine. “Phraseological borrowing from English into German: Cultural and pragmatic implications”. *Journal of Pragmatics* 113 (2017): 89–102.
- Google Ngram Viewer [Electronic resource]. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=Albert+Einstein%2CSherlock+Holmes%2CFrankenstein&year_start=1800&year_end=2019&corpus=ru-2019&smoothing=3 (date of access: 15.02.2024).
- Gromenko Elizaveta. “O javlenii terminologicheskogo shuma' v jazyke sovremennyh massmedia”. *Russkaja rech* 6 (2023): 24–37. DOI: 10.31857/S013161170029351-5.
- Kozlovskaja Nataliya. “GPT i CHATGPT: kak jeto po-russki? (ob jelektronnyh slovarnyh stat'jah v neologicheskom resurse neolex.iling.spb.ru)”. *Terra Linguistica* 14/4 (2023): 67–78. DOI: 10.18721/JHSS.14405
- Kommersant: poslednie novosti Rossii i mira [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/> (data obrashhenija: 12.02.2024).
- Konovalova Olga. “Novye jazykovye obrazovanija kak otrazhenie social'no-jekonomicheskikh realij”. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universitetata* 3 (2020): 2. DOI 10.17805/trudy.2020.3.2
- Krongauz Maksim (sost., ed.) “Predislovie”. *Slovar' jazyka interneta.ru*. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2016.
- Krongauz Maksim. “Vo vlasti slov”. *Cennosti i smysly* 2 (2009): 70–74.

- Levontina Irina. *O chem rech'*. Moscow: AST, 2016. 512 s.
- Leont'eva Tatyana. "Refrejming slova vdohnovljat": ot opcii k missii". *Kritika i semiotika*. 1 (2022): 158–182. DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-158-182
- Mokienko Valeriy. "Staroe novoe i novoe novejshee (k proektu 'Bol'shogo slovarja russkih frazeologicheskikh neologizmov')". *Neologija. Neografija*. 2021: *Sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 01–02 dekabrja 2021 goda*. Saint-Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN, 2022: 132–142.
- Mokienko Valeriy, Nikitina Tatyana. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok: bolee 40 000 obraznyh vyrazhenij*. Moscow: OLMA Media Grupp, 2013.
- SRNG — Sorokoletov Fyodor (sost., ed.) *Slovar' russkih narodnyh govorov*. Saint-Petersburg: Nauka, 2002. Vyp. 36.
- Tihomirova Alexandra. *Associativno-derivacionnaja i frazeologicheskaja semantika naimenovanij odezhdj v russkoj jazykovoj tradicii: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01*. Ekaterinburg, 2013.
- Shulezhkova Svetlana. "Russkie i bolgarskie frazeologicheskie neologizmy kak ob'ekt slovarnogo opisanija". *Nauchnyj dialog* 9 (2019): 173–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189.
- Jandeks. Podbor slov [Electronic resource]. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (data obrashhenija: 06.02.2024).

Ана В. Шчетинина

ОД ТРАЧА ДО АУТОРИТАТИВНОГ ИЗВОРА: НОВО ЗНАЧЕЊЕ ПОЗНАТОГ ИДИОМА „РАДИО МИЛЕВА“

Резиме

На примеру идиома „радио Милева“ испитује се појава нових значења фразеологизама. Представљен је метод за одређивање употребе израза на преласку из граничног статуса у фразеолошки статус, који условљава лексикографску фиксацију. Доказује се да је овај одавно познати фразеологизам који садржи конотацију трачева и гласина, добио ново значење са позитивном конотацијом — средство преношења информација у маркетиншке сврхе. Напомиње се да је у овом значењу идиом терминолошке природе, јер се користи у специјализованој едукативној литератури. Показано је да је фразеологизам „радио Милева“ у значењу „ширење информација о компанији, производу, услузи, догађају, личности итд., путем препоруке једне особе другој“, калк енглеског израза *word of mouth*, који такође има различита значења везана за пренос информација, али без негативних конотација. У овом случају, примећује се калкирање у којем у својству руског еквивалента неће бити створен нови идиом, већ ће бити одабран постојећи руски, то јест користиће се сопствени ресурси руског језика. Значајан број употреба идиома „радио Милева“ у новом значењу у медијима и образовној литератури, као и његова широка типска компатибилност са лексичким јединицама, укључујући и оне опште научне природе, као што су *метод*, *принцип* и друге, сведоче о његовој распрострањености и валидности његове лексикографије. Састављен је речнички чланак који ће ући у „Описни речник руских неологизама: социјална лексика“.

Кључне речи: семантичка деривација, погранични статус језичке јединице, фразеолошки неологизам, „радио Милева“, калк.

Мария Шумилова
НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге
shumilovamf@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-6204-9477>

Антон Азаренков
НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге
aazarenkov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6840-2669>

Maria Shumilova
HSE University, St. Petersburg
shumilovamf@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-6204-9477>

Anton Azarenkov
HSE University, St. Petersburg
aazarenkov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6840-2669>

СИЛЛАБО-ТОНИЧЕСКАЯ МЕТРИКА В ВЕРЛИБРЕ:
СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ПРИЕМ?

(На примере переводов Александра Шумилова
из сербской поэзии и его оригинального творчества)*

ACCENTUAL-SYLLABIC METERS IN FREE VERSE:
ACCIDENT OR POETIC TECHNIQUE?
(An Analysis of Alexander Shumilov's Translations of Serbian
Poetry and His Original Poems)

Статья посвящена проблеме свободного стиха (верлибра) как особой системе стихосложения. В современной филологии свободный стих до сих пор не получил положительного определения. Он обычно описывается через перечисление отсутствующих в нем элементов, таких как регулярный метр или рифма. В то же самое время эти элементы не устраняются из текста полностью, а только меняют свою при-

* Исследование выполнено в рамках проекта «Русский верлибр: антология, типология, исследования», поддержанного Научным фондом НИУ ВШЭ, №24-00-030.

роду. На примере переводов Александра Шумилова из Васко Попы рассматривается вопрос о скрытой силлабо-тонической полиметрии как одной из важнейших характеристик сербского и русского верлибра. Во второй части статьи идет речь об оригинальных верлибрах Шумилова как метрически организованных текстах.

Ключевые слова: верлибр, силлабо-тонический метр, поэтический перевод, сравнительное стиховедение, Васко Попа, Александр Шумилов.

The article addresses the issue of free verse as a distinct system of versification. In contemporary philology, free verse has yet to receive a definitive positive characterization. It is typically described through a list of absent elements, such as regular meter or rhyme. However, these elements are not entirely eliminated from the text; rather, they transform in nature. Using Alexander Shumilov's translations of Vasco Popa as a case study, the article explores the concept of latent accentual-syllabic polymetry as one of the most significant characteristics of Serbian and Russian free verse. The second part of the article discusses Shumilov's original free verses as metrically organized texts.

Keywords: free verse, accentual-syllabic meter, poetic translation, comparative poetry studies, Vasko Popa, Alexander Shumilov.

Александр Шумилов (1946–2014) известен прежде всего как переводчик *Горного венца* Петара Негоша: опираясь на опыт предшественников, Шумилов создает «русскую модель» сербского десятисложника, не имеющую прямых аналогов в русской поэзии (Шумилова 2024). Однако лишь переводом негошевского эпоса его поэтическая практика не ограничивается. Среди его работ — авторские верлибрические и гетероморфные тексты, некоторые из которых входят в сборники русского верлибра (например, *Антологию русского верлибра* К. Джангирова (Джангиров 1991) и антологию *Ленинградский верлибр*, составленную Л. Гроховским при участии А. Мирзаева и Д. Чернышева¹), а также — менее известные и никогда не публиковавшиеся переводы сербского стиха. К законченным и в достаточной мере систематизированным переводам Шумилова можно отнести цикл Васко Попы (1922–1991) *Кора*, так и не дошедший до публикации. При этом, по словам Шумилова, именно переводы Васко Попы предопределили его будущий путь как в изучении славистики, так и в создании поэтических переводов: «На изучение славистики меня направил мой самый близкий друг [Иван Жилунов — прим. М. Ш.] <...>. На втором году моей службы в армии, зная, что свободного времени у меня достаточно, он прислал мне словарь сербохорватского языка и книгу стихов Васко Попы «Нетронутое поле». «Попробуй прочитать и перевести» — написал он мне в письме. <...> Его вызов я принял и сразу же увлекся. Это воодушевление, как видно, у меня осталось» (Шумилов 1990). Кроме того, при беглом взгляде на ранние переводческие работы Шумилова складывается впечатление, что структура и жанровая направленность его авторских ра-

¹ Александр Шумилов. Из антологии «Ленинградский верлибр». *Литературно-художественный журнал «Футурум Арт»*. URL: <https://futurum-art.ru/authors/shumilov.php?ysclid=m2duvub2s3491014263>.

бот были в значительной мере вдохновлены текстами Попы. Прежде всего, тексты обоих авторов определяются современниками как верлибрические; в частности, среди их общих и очевидных черт можно обнаружить, например, регулярное обращение к «короткому» типу верлибра и схожесть строфической организации текстов.

Однако ключевой вопрос — само определение верлибра как стихового формата; на сегодняшний день все еще не существует общепринятого и исчерпывающего определения верлибра. Радикальное определение, однажды сформулированное М. Л. Гаспаровым (верлибр характеризуется отказом от всех вторичных стихообразующих признаков, «стих без метра и рифмы, отличающийся от прозы только членением на строки» (Гаспаров 1980: 389)), не описывает всего разнообразия верлибрических форм. В связи с этим еще более сложным представляется вопрос *перевода* свободного стиха: если текст освобожден от формальных стиховых характеристик, значит ли это, что переводчик скован только необходимостью передачи смысла текста, а не его просодических особенностей? Свободен ли этот перевод — и в какой мере? Измеряется ли точность перевода верлибра только поиском ближайших смысловых аналогов и передачей синтаксического строя текста или речь идет о более тонких механизмах передачи просодических характеристик оригинала? В процессе поиска «разных механизмов компенсации отказа от традиционных регулярных стихообразующих признаков» исследователи стиха выделяли множество таких формальных стиховых характеристик — например, фоническую или синтаксическую структуру (Орлицкий 2020: 177). Ю. Б. Орлицкий, один из крупнейших исследователей новейшего русского стихосложения, отмечает, что верлибр неизбежно связывается с другими системами стихосложения и обладает целой гаммой переходных форм (Орлицкий 1995). Силлабо-тоническая система, традиционные размеры которой в XX веке «меняются до неузнаваемости», здесь не исключение — и именно метрический компонент может служить той самой «стиховой подпоркой» свободного и на первый взгляд неурегулированного текста (Орлицкий 2020: 24). На наш взгляд, частный случай Шумилова — при пристальном рассмотрении как авторских, так и переводных верлибрических текстов — может служить довольно яркой иллюстрацией важности неочевидных структур, таких как «скрытые метры», в свободном стихе.

1.

Наиболее наглядно роль метрики в верлибре может продемонстрировать именно анализ переводов. Если метр в значительной мере присутствует в оригинальном поэтическом тексте, улавливается ли он переводчиком и распознается ли как значимый стиховой элемент?

Шумилов переводит цикл стихотворений Васко Попы — сербского поэта румынского происхождения, представителя литературной традиции

сербского «надреализма». Эта традиция сложилась благодаря французскому влиянию. Жанр надреализма близок французскому сюрреализму типологически, однако исследователи сербской культуры подчеркивают его «глубоко национальный характер» и не говорят о прямом заимствовании (Шешкен 2017: 68). Стиль сюрреалистов был быстро подхвачен молодыми сербскими поэтами и использован как способ «произвести революцию в жизни посредством искусства» — способ, однако, соединяющийся с национальной традицией стихосложения и мотивами народной культуры (Шешкен 2017: 70). Васко Попа приобрел наибольшую известность среди молодых поэтов-представителей «второй волны» сербского надреализма; исследователи его поэзии отмечают высокий уровень метафоричности, работу с «подсознательным», попытку посмотреть на близкое и знакомое новым и неожиданным взглядом. При этом отдельно подчеркивается приверженность Васко Попы свободному стиху: «Следуя традиции сюрреализма, В. Попа не использует рифму и не пишет метром, не употребляет знаков препинания, культивирует свободный стих, создает целый ряд стихотворений в прозе» (Шешкен 2017: 73).

Однако, на наш взгляд, поэзия Васко Попы характеризуется достаточно высоким уровнем метризации. Согласно типологии Орлицкого, переходные формы верлибра (с точки зрения присутствия в них пяти силлабо-тонических метров) могут быть определены следующим образом: если свободный поэтический текст включает в себя до 25% силлабо-тонических строк, он может быть описан как верлибр с метрическими вкраплениями; если таких строк насчитывается от 25% до 50% — как верлибр с метрической доминантой (Орлицкий 1995: 286). Воспользовавшись этой типологией, мы распределили все тексты цикла «Кора» (и соответствующие им переводы Шумилова) на четыре группы: ЧФ — чистая форма верлибра (полное отсутствие или редкие вкрапления случайных метров), МВ — верлибр с метрическими вкраплениями, МД — верлибр с метрической доминантой и ПМ — полиметричный текст (количество силлабо-тонических строк превышает 50%).

Табл. 1. Классификация переводных и оригинальных текстов с точки зрения наличия в них силлабо-тонических строк

	Переводы (абс. и отн. частота)	Оригиналы (абс. и отн. частота)
ЧФ	0	0
МВ	4 (7%)	4 (7%)
МД	33 (56%)	35 (60%)
ПМ	21 (36%)	19 (32%)

Результаты такого подсчета показывают, что чистой формы верлибра не наблюдается ни в оригинальных текстах Попы, ни в переводах Шуми-

лова — *каждый* текст цикла обладает значительной долей метризации. При этом доля верлибров с метрическими вкраплениями тоже крайне мала. Перед нами сильно метризованные тексты: любопытно, что, если придерживаться рамок, заданных теорией Орлицкого, около трети текстов цикла не могут называться верлибрами вообще — будет гораздо точнее определять их как полиметрические (гетероморфные).

Те же данные демонстрируют, что классификация переводных и оригинальных текстов практически полностью совпадает. Однако при более детальном рассмотрении выясняется, что полное совпадение по классификации текста можно обнаружить лишь в 60% случаев; в остальных текстах могут наблюдаться и расхождения (например, оригинальный полиметрический текст против переводного с метрической доминантой). Стоит также учитывать, что подобное расхождение не всегда существенно: например, стихотворение «Каштан» («Кестен») в оригинале имеет 50% силлабо-тонических строк, что все еще позволяет идентифицировать его как верлибр с метрической доминантой; в переводе же доля силлабо-тонических строк составляет 57%. Здесь разница между оригиналом и переводом невелика, однако по используемой нами типологии переведенный текст уже должен считаться полиметрическим. Второе важное наблюдение касается метрически идентичных строк: строк, полностью совпадающих по метру, насчитывается всего 15%. Следовательно, здесь не может идти речи о безоговорочном и скрупулезном стремлении переводчика к эквиметрии: одна и та же строка может быть по-разному метризована переводчиком и автором оригинала (или в ряде случаев не метризоваться вообще). Нам представляется, что имеет смысл определить, какими метрами и с какой частотой пользуются оба автора — данные по использованию метров приводим в таблице 2.

Табл. 2. Распределение силлабо-тонических метров в текстах цикла «Кора» (оригиналы В. Попы и переводы А. Шумилова)

	Метры в переводах (абс. и отн. частота)	Метры в оригиналах (абс. и отн. частота)
Хорей	136 строк (34%)	182 строки (48%)
Ямб	91 строка (23%)	60 строк (16%)
Дактиль	89 строк (22%)	105 строк (27%)
Амфибрахий	67 строк (17%)	34 строки (9%)
Анапест	16 строк (4%)	1 строка (0,002...%)

Васко Попа чаще всего прибегает к хорю (хореем метризуется около половины всех силлабо-тонических строк): эту особенность Шумилов явно отражает в своем переводе. В целом частотность использования хорей

довольно характерна для языка оригинала; М. Гаспаров отмечает роль фонологических особенностей языка в подобном метрическом оформлении сербского стиха: запрет ударения на последнем слоге слова «сгущает ударения на нечетных, «хореических» слогах» (Гаспаров 2003: 194). При этом в переводных текстах по сравнению с оригинальными значительно повышается доля ямба (а также амфибрахия) — что тоже в некоторой мере может быть объяснено языковыми особенностями и явлением «сдвига ударений» с нечетных слогов на четные в переводах Шумилова. Так, двусложные слова (наиболее частотные по употреблению в текстах Попы) будут неизбежно иметь ударение на первом слоге. Дополнительно на подобный сдвиг ударений может влиять наличие в стихах оригинала грамматических структур без местоимения: в переводе такие конструкции расширены на один слог с помощью безударного (в границах фонетического слова) местоимения, что уже превращает хореическую строку в ямбическую. Однако даже с учетом фонологических различий двух языков данные по относительной частотности использования метров в оригинале и переводе вполне схожи.

В качестве примера приведем один из текстов цикла в оригинале и переводе (оба варианта этого текста классифицируются нами как верлибр с метрической доминантой); в скобках отмечен использованный в строке силлабо-тонический метр и его стопность:

Жути сан одсутности (X3)	Желтый сон отсутствия (X3)
Са наивних црепова (Амф2)	С наивных черепиц (Я3)
Чека	Ожидает (X2/Ан1) ²
Чека да се спусти (X3)	Ожидает спуститься (Ан2)
На склопљене очне капке земље	На сомкнутые веки земли
На угашена лица кућа (Я4)	На погашенные лица домов
На смирене руке дрвећа (Амф3)	На успокоившиеся руки деревьев
Чека неприметно	Ждет незаметно (Д2)
Да на обудовљени намештај под собом	На овдовевшую мебель (Д3)
Пажљиво навуче (X3)	Накинуть бережно (Я2)
Навлаку жуту (Д2)	Желтое покрывало

В этих текстах метризовано одинаковое число строк, но переводчик все же допускает определенные вольности в передаче метра. Всего одна строка полностью совпадает по метру и стопности; в остальных случаях Шумилов либо выбирает другой метр (как, например, во второй строке текста: двустопный амфибрахий в русском переводе превращается в трех-

² В этой строке мы наблюдаем случай мерцания сверхкороткого метра: одна и та же строка укладывается в разные короткие стихотворные размеры. С одной стороны метр поддерживается переменным двусложником (двумя предыдущими строками) и может читаться как двустопный хорей, а с другой — трехсложником (следующей строкой) и укладываться в схему анапеста.

стопный ямб), либо метризует иные строки в рамках строфы. Так, в оригинальном тексте в последней четырехстрочной строфе метризованы две последние строки, а в переводе — две первые; при этом в границах строфы в переводе сохранен двустопный дактиль. Стоит также учитывать слова со схожим морфемно-фоническим составом в оригинале и переводе. Так, звучание первой строки текста легко переносится на русский язык — следовательно, в переводе используется метр, идентичный оригинальному; однако первую строку второй строфы уже невозможно перевести, сохраняя ее фонологические особенности, и в этом случае при переводе вынужденно используется другой метр.

Хотя переводчик не преследует цели точно воссоздать звучание оригинального текста, мы все же имеем дело с особой стратегией перевода, сущность которой заключается в сохранении «метрического облика» текста без эквиметрической точности. Эта стратегия может не быть сознательной (вероятно, при аналитическом стиховедческом подходе переводчика мы бы наблюдали меньшее количество расхождений) — однако можно с уверенностью сказать, что высокая доля метризации оригинала и характер этой метризации Шумиловым явно улавливались и в достаточной мере отражались в переводе.

Однако здесь неизбежен ряд методологических вопросов. Во-первых, следует учитывать малый размер строки (в текстах Попы явно преобладает «короткий» тип верлибра), что уже наводит на мысли о возможной случайности возникновения метра. При подобном анализе Орлицкий предлагает придерживаться объема «эталонной строки» — достаточно протяженной, «чтобы исключить случайность и обеспечить распознаваемость метра в «чужой» среде» (Орлицкий 2002: 49). Таким эталонным минимальным объемом строки принято считать «три стопы трехсложника и четыре стопы двусложного метра» (Орлицкий 2002: 49). Такая протяженность строки позволяет ей быть достаточно узнаваемой даже вне метрического контекста и при наличии «пиррихий, усечений и наращений» (Орлицкий 2002: 49). Строки меньшего объема называют сверхкраткими. Во-вторых, наши данные касаются скорее общей картины метризации текста и количественного распределения пяти силлабо-тонических метров, никак не отражая особенности ритмики конкретных размеров. С другой стороны, нам представляется, что относительно малого размера строки мы можем позволить себе это допущение: переводчик вынужден воспроизвести эту особенность оригинала, и даже метризация коротких речевых отрезков может иметь значение при воссоздании звучания стиха (или хотя бы при воспроизведении общего «метрического впечатления» переводчика).

2.

Отдельного внимания заслуживают и авторские поэтические работы Шумилова. Одним из примечательных наблюдений, сделанных нами еще во время работы с переводами, стало практически полное совпадение дан-

ных по частотности использования метров в переводах «Коры» с такими же данными по авторским верлибрам Шумилова:

Табл. 3. Авторская поэзия А. Шумилова и его переводы цикла «Кора» В. Попы: распределение силлабо-тонических метров

	Авторские тексты (отн. частота)	Переводы цикла Васко Попы «Кора» (отн. частота)
Хорей	32 %	34 %
Ямб	27 %	23 %
Дактиль	21 %	22 %
Амфибрахий	15 %	17 %
Анапест	5 %	4 %

Подобные результаты могут свидетельствовать о том, что у автора сложился свой «метрический идиостиль». Иначе говоря, и в переводных, и в авторских верлибрах Шумилов отдает предпочтение определенным метрам, используя их практически в равной пропорции.

В стихах Васко Попы и их русских переводах мы отмечали сверхкраткие размеры (1–3 стопы), появление которых можно объяснить не только авторской интенцией, но и короткой длиной строки, обычно совпадающей с синтагмой/колоном. При таком дробном членении неизбежно возникают метрические эффекты. Поэтому, по общепринятой конвенции, сверхкороткие случайные метры не учитываются. Однако работа со сверхкороткой полиметрией уместна для накопления общей статистики по корпусам текстов. Отдельно при работе с авторскими текстами Шумилова мы изменили методику анализа, исключив сверхкраткие строки из статистики.

Табл. 4. Распределение силлабо-тонических метров в авторской поэзии Шумилова: после изменения методики анализа

	Отн. частота (авторские тексты)
Хорей	25,5 %
Ямб	23 %
Дактиль	29 %
Амфибрахий	16 %
Анапест	6 %

Общий процент метризации «верлибрических» текстов Шумилова составляет около 35%. Как и в случае с переводом *Коры*, перед нами — сильно метризованные тексты. Однако если наличие метра в стихотворном переводе объясняется влиянием оригинала и попыткой близкой передачи

его звучания, то неслучайность его появления в поэзии авторской требует дополнительного подтверждения.

Чтобы доказать, что метры в верлибрах Шумилова не случайны, мы подсчитали количество стихоподобных фрагментов в прозе поэта и сравнили полученную статистику с данными по метризации свободного стиха; силлабо-тонические метры в прозаическом тексте принято считать случайными. При намеренной метризации свободного стиха данные по прозе и поэзии должны существенно различаться.

В качестве материала для анализа прозы были использованы некоторые из публицистических статей Шумилова, опубликованные в 1999–2002 г.г. в журнале «Санкт-Петербургский университет». Объем исследуемого корпуса составил 5045 слов; из этих прозаических текстов вычленились все синтагматически цельные фрагменты, совпадающие с одним из пяти силлабо-тонических метров. Заданный нами минимальный объем силлабо-тонического размера — четыре стопы для двусложных размеров, три стопы — для трехсложных (вновь учитывался «эталонный» объем строки). Общий процент метризации прозы Шумилова — 20%.

Табл. 5. Стихоподобные фрагменты в прозе Шумилова:
распределение случайных метров

Отн. частота (проза поэта)	
Хорей	41,7 %
Ямб	41 %
Дактиль	8 %
Амфибрахий	2,5 %
Анапест	6,7 %

Уже на этапе простого подсчета метров мы видим существенные расхождения данных по поэзии и прозе: так, около 83% всех стихоподобных фрагментов прозы приходится на двусложные размеры, в то время как совокупная доля хорея и ямба в поэтических текстах составляет менее 50%. Сильно снижается доля дактиля — самого частотного метра в авторских «верлибрах». Заметим, что случайные двусложники в прозе действительно часты, поскольку допускают множество пиррихий и не ощущаются как мерные отрезки речи. Например, такие стихоподобные фрагменты прозы: *«единогласно или большинством», «по определению свободны и демократичны»* — имеют множество пропусков ударений на сильных местах строки, но формально укладываются в схему пятистопного ямба и восьмистопного хорея. Трехсложники, напротив, ощущаются как более метризованные синтагмы — следовательно, можно предположить, что повышенный акцент на трехсложниках в верлибрах уже указывает на неслучайность метрического компонента.

Теперь же перейдем к конкретным размерам, улавливаемым слухом, в верлибрах, регулярных стихах и прозе Шумилова. Отличается ли ритмическая реализация одного размера в разных речевых жанрах? Мы сравнили профили ударности одного размера (выбрав в качестве примера регулярно возникающий и в прозе, и в поэзии четырехстопный ямб) в «свободных» стихах, прозе и урегулированной силлабо-тонической поэзии Шумилова.

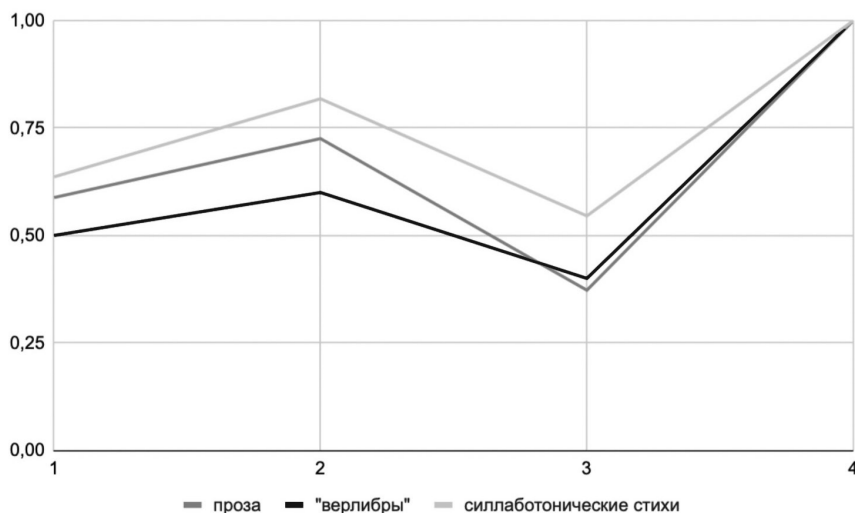

Рис. 1. Профили ударности четырехстопного ямба для трех авторских речевых жанров

С одной стороны, мы наблюдаем классический альтернирующий ритм четырехстопного ямба во всех трех жанрах. Однако альтернация наименее выражена именно в метризованных строках верлибра; наиболее ярко она проявляется в стихоподобных фрагментах прозы (ср. ударность 2 и 3 икта). При этом самая высокая доля ударности всех иктов размера очевидно наблюдается в силлабо-тонических стихах. Ударность иктов и альтернация наименее выражены в условно свободных текстах. На наш взгляд, это может говорить об осознанной работе автора с размером и его «расшатыванием»: находясь в рамках «свободного» стиха, он в определенной мере «освобождает» и выбранный им силлабо-тонический размер, в то время как нахождение в рамках силлабо-тоники в полностью урегулированных с точки зрения ритма текстах структура его ямба вынужденно приобретает более «классический» облик. Так, ритмическая картина четырехстопных ямбов одного автора неоднородна и может варьироваться в зависимости от речевого жанра: один и тот же размер не подразумевает единообразия своего исполнения. Это может показывать, что верлибр — это особый стиховой формат; мы не можем назвать его «прозой в столбик» (при учете

расхождения данных по ритмике верлибра и прозы), но также не можем говорить и о сознательной деформации регулярного стиха (классический альтернирующий ритм ямба наблюдается во всех трех видах текста, несмотря на разную выраженность этой альтернации).

3.

Теперь, отвлекаясь от рассмотрения общей картины метризации и ритмики некоторых размеров, посмотрим на верлибры Шумилова внимательнее: именно такой подход позволит обосновать неслучайность возникновения метра в свободном тексте. Сухие статистические данные не отражают всей сложности формальной метрической структуры стиха.

В нашей статистике мы не учитывали дольник, однажды названный М. Л. Гаспаровым «шестым классическим метром» русской поэзии³ (Гаспаров 1984: 260). Если рассматривать дольник как элемент не только тонической, но и силлабо-тонической системы, процент метризации верлибров Шумилова оказывается еще более высоким. Наши наблюдения показывают, что дольник Шумилова имеет именно такой двойственный генезис: в ряде случаев дольник лишь слегка смещает метрическую инерцию отрывка. Здесь под дольником мы понимаем трехсложный размер с межиктовым интервалом в 1–2 слога и одним пропущенным (относительно структуры классических силлабо-тонических трехсложников) слабым слогом. В качестве яркого примера приведем строфу из текста «Ледоход» (Шумилов 2016: 66):

От сфинксов можно на льдине доехать (→ ср.: <i>От сфинксов [нам] можно на льдине доехать</i>)	Дл (U – U X – U U – U U – U ⁴) → Амф4 (U – U U – U U – U U – U)
до спусков моста Лейтенанта Шмидта (→ ср.: <i>до спусков моста Лейтенанта[U] Шмидта</i>) если не отнесет в сторону	Дл (U – U U – U U – U X – U) → Амф4 (U – U U – U U – U U – U)

Первые две строки фрагмента представляют собой строки такого дольника: каждая из них может быть расширена до четырехстопного амфибрахия при добавлении одного безударного слога. Последняя строка метризована и укладывается в схему трехстопного дактиля. Можно сделать вывод, что дольники в верлибрах Шумилова не случайны — они имеют однородное метрическое окружение («потенциальные» трехсложники

³ Также заметим, что, по данным М. Л. Гаспарова, доля дольника среди неклассической метрики в стихах советского времени составляла около 80% (Гаспаров 1984: 260).

⁴ «–» — ударный слог, «U» — безударный слог, «X» — отсутствующий слог, необходимый для реализации силлабо-тонического трехсложника.

с одним выпавшим слогом тяготеют к классическим силлабо-тоническим трехсложникам).

Еще один пример — из первой строфы того же текста:

Светит солнце	X2 (– U – U) / Дл → Д2 : (– U X – U) (ср.: → <i>Светит [нам] солнце</i>)
северный ветер над Ладогой...	Д3 (– U U – U U – U U)

Первая строка сверхкраткая и имеет двойственную природу: с одной стороны, она может быть прочитана как двустопный хорей, с другой — рассматриваться как случай долъника, расширяемого до двустопного дактиля путем добавления слога. В сопоставлении со следующей строкой трехстопного дактиля второй вариант более вероятен. Так функционируют сверхкороткие силлабо-тонические размеры в нерегулярном метрическом ряду: они «мерцают» и приобретают метрический оттенок в связи с ближайшим контекстом. Мы не учитывали их в статистике из-за недостаточной стопности, но очевидно, что они поддерживают общую метрическую инерцию отрывка.

Отдельного внимания заслуживает еще один фрагмент этого стихотворения:

Зимний дворец похож на глыбу ладожского льда	Я7 с переакцентуацией на 1-й стопе
выброшенную на берег ледоходом	X6
кажется что если взять камень побольше	X6 с переакцентуацией на 5-й стопе
ну скажем Исаакиевский собор	Я5

Здесь метрическая выразительность заключается не в введении долъника, а в периодическом использовании переакцентуации — смещения ударения на один слог в границах стопы, совпадающей с ритмическим словом: ср. *зИмний* (– U) → *зимнИй* (U –) или *кАмень* (– U) → *камЕнь* (U –). Если предыдущая строфа строилась на трехсложных метрах, в этом фрагменте использованы исключительно двусложники. Метр расшатывается переменнo: строки с переакцентуацией соседствуют с «классическими» размерами, и порой сохранена даже стопность (вторая и третья строки). Такие случаи мы также не учитывали в статистике, потому что переакцентуация (особенно не на первой стопе) в целом не свойственна русской силлабо-тонике, в отличие, скажем, от английской (Гаспаров 2003: 151). Иначе говоря, такие строки как метрические русским ухом, скорее, не воспринимаются. Однако стоит отметить, что такие «смещенные» двусложники, равно как и синкопированные трехсложники (долъники), будучи вписанными в контекст чистых метров, поддерживают общее метрическое движение текста.

Приведем еще один пример работы с дольником — фрагмент стихотворения «Ночь» (Шумилов 2016: 43):

Черная невольница неба	Вл
ночь нагая	X2 (– U – U) / Дл → Д2 (– U X – U)
немая наложница спящих	Амф3 (U – U U – U U – U)
шевелит тяжелые ветви	Амф3 (U – U U – U U – U) / Дл → Ан3 (U U – X U – U U – U)
и густые созвездия августа	Ан3 (U U – U U – U U – U U)

Прежде всего, перед нами — строфа трехсложника с переменной анакрусой. В строке «ночь нагая» вновь сталкиваемся с двоякой природой короткого метра: это двустопный хорей, ощущающийся как синкопированный дактиль (дольник, расширяемый до трехсложника одним безударным слогом). Далее — две строки трехстопного амфибрахия (при этом одна из них может быть прочитана по-разному из-за двойственного ударения в слове «шевелит» — строка совпадает либо с классической схемой амфибрахия, либо может рассматриваться как дольник, расширяемый до анапеста). В последней строке — трехстопный анапест. Более того, помимо метрического выравнивания, в строфе есть и тенденция к изотонии (трехударности), что добавляет этому фрагменту дополнительное ощущение мерности.

В финале того же текста обнаруживается еще один любопытный случай:

по водоразделам	X3 / Амф2
темных долин мира	X3 с переакцентуацией на 2-й стопе
к ледникам	
рассвета	X3 / Дл → Ан2 1+1

Три синтагмы этого фрагмента можно объединить в трехстрочную строфу трехстопного хорей. Однако реализован этот фрагмент иначе: во-первых, допускается переакцентуация на второй стопе во второй строке, а во-вторых — последняя синтагма («к ледникам рассвета») разделяется на две графические строки. Графическая и метрическая строка могут не совпадать: так, две сверхкороткие графические строки можно объединить в одну синтагму, которая совпадает с определенным метром (здесь — с трехстопным хореем или дольником, расширяемым до анапеста). Такая сегментация текста и наличие в нем метрической доминанты (уловимого двусложника или трехсложника с переменной анакрусой) вновь придает сверхкоротким строкам метрический оттенок: они ощущаются либо как деформированные двусложники, либо как синкопированные трехсложники.

ки в зависимости от метрического контекста. Дополнительной мерности этому отрывку придает гомогенный характер клаузул (женское окончание во всех метрических строках).

Дальнейший анализ показывает, что сверхкраткие строки ведут себя схожим образом в большинстве авторских текстов Шумилова: как правило, такая строка помещается в соответствующее метрическое окружение, и при ее объединении с соседствующими строками создается достаточно четкая силлабо-тоническая структура. Еще один пример — финал текста «Ива» (Шумилов 2016: 39):

По нему можно было бегать кругами	Дл → Ан4 (U U – U U – U X – U U – U) <i>ср.: → По нему можно было [нам] бегать кругами</i>
не касаясь руками веток	Дл → Ан3 (U U – U U – U X –) <i>ср.: → не касаясь руками [тех] веток</i>
или просто сидеть на закате грачами	Ан4 1+1 (U U – U U – U U – U U – U)

Графическая и метрическая строки вновь не совпадают: последняя сверхкраткая строка расширяет предыдущую анапестическую строку и без усилий укладывается в выбранный размер. Отметим здесь и дольники, находящиеся в однородном метрическом контексте и расширяемые до трехсложника.

То же — в зачине стихотворения «Все что казалось»: (Шумилов 2016: 8): сверхкраткая строка в соединении с последующей создает чистый пятистопный дактиль. Более того, предпоследняя строка может быть расширена до трехстопного дактиля с помощью одного дополнительного слога. Формально перед нами акцентный стих, однако, если учитывать метрический контекст трехсложников, эту строку можно прочесть как своего рода дольник с пиррихием.

все что казалось	
таким долговечным и прочным	Д5 1+1 (– U U – U U – U U – U U – U)
в считанные секунды	Дл → Д3 (– U U – X U – U) <i>ср.: → в считанные [же] секунды</i>
сгорало и рушилось	Амф2 (U – U U – U U)

Наконец, в этом же тексте вновь используются строки дольника, имеющие явный метрический потенциал: соседствующие строки «не стихал под сводами черепа» и «из какой прорехи пространства» могут быть легко расширены до силлабо-тонических трехсложников (трехстопного анапеста) путем добавления всего одного слога, вновь вписываясь в общий ме-

трический контекст строф. Первые две строки, будучи сверхкраткими, могут либо читаться как двустопный хорей, либо объединяться в единую строку двустопного анапеста со спондеями. Строфоид ориентирован на трехсложник, поэтому второй вариант более предпочтителен.

Гул копыт

много дней

не стихал под сводами черепа

Из какой прорехи пространства

появились

эти черные всадники?

Ан2 1+1 (U U – | U U –)

Дл → **Ан3** (U U – | X U – | U U – | U U)

ср.: → не стихал [все] под сводами черепа

Дл → **Ан3** (U U – | X U – | U U – | U)

ср.: → из какой [же] прорехи пространства

Ан1

Ан2 (U U – | U U – | U U)

Примеры можно множить и дальше, однако даже эти случаи демонстрируют отчетливую общую тенденцию, расширяя наше представление о метрическом разнообразии верлибра: особенности стихового формата снимают необходимость строгого соблюдения метра, вынуждая поэта вносить в структуру стиха ритмические перебои. Этот эффект нарушения ритмического ожидания создается при помощи конкретных инструментов: введения строк дольника, лишь в малой степени отклоняющегося от классического метра, допущения переакцентуаций и графического дробления единой метрической строки, то есть введения в метрический ряд дополнительной стиховой паузы. При этом метры не возникают спонтанно: метризованная строка всегда будет иметь соответствующее и соотносимое с ней метрическое окружение. Особое «метрическое мышление» поэта можно показать и на примере его переводов из сербской поэзии: как и в авторских текстах, метризация сверхкратких строк может быть не чистой языковой случайностью, а следствием сознательной работы с метрической структурой текста.

Представляется, что мы вновь можем говорить о двойственности верлибра как системы стихосложения. С одной стороны, реальная ритмика частотных размеров в силлабо-тонических стихах и верлибре различается — это подтверждает гипотезу о том, что эти тексты организованы принципиально по-разному, написаны в разных ритмических «режимах». С другой стороны, обилие метрических конгломератов в свободных стихах (чистых метров и их дериватов), а также других повторов (гомогенных клаузул, изотонических структур) может свидетельствовать о метрической основе верлибра Шумилова. Текст в какой-то мере искусственно разрушает свою регулярность, в том числе посредством так называемой интонационной (мелодической) графики — членения метрических рядов на сверхкороткие строки. Таким образом, при ближайшем рассмотрении на верлибр накладывается масса ограничений, которые не позволяют считать этот формат стиха полностью свободным от любой регулярности.

Так, если данные машинного статистического подсчета учитывают лишь случаи, укладывающиеся в структуру классического метра определенной длины, и дают общий процент метризации авторских текстов 35%, то более детальный анализ демонстрирует, что фактически этот процент превосходит 50%. Другими словами, перед нами полиметрические композиции. Тем не менее и сам поэт, и его критики определяли эти тексты именно как верлибры (о чем как минимум говорят публикации этих стихов в «верлибрических» журналах и антологиях). Однако случай Шумилова наглядно показывает, что расхожее определение верлибра как «прозы в столбик» неприменимо. Орлицкий замечал, что формирование свободного стиха происходило «в недрах классической силлабо-тоники» — по этой причине элементы силлабо-тонической системы могут «рецидивировать» в верлибре (Орлицкий 1995). В нашем случае этот «рецидив» — вероятнее всего — не случайность и не совпадение; работа с метрическими данными показывает, что верлибрический текст может создаваться с установкой как на сознательное использование метра, так и на сознательное же его разрушение. Метрический компонент может играть ключевую роль в формировании структуры свободного стиха: под «свободой» верлибра может быть понято всего лишь нарушение метрического ожидания, а не полный отказ от метра. Безусловно, не все метрические формы, выделяемые нами в стихах Шумилова, слышимы и узнаваемы, но при ближайшем анализе логика работы поэта с метром начинает приобретать характер тенденции.

Михаил Гаспаров писал: «Меня много раз спрашивали, не убивают ли подсчеты алгеброй гармонию, не мешают ли они непосредственному наслаждению поэзией. Я отвечал: нет, помогают. Неправильно думать, будто всё и так слышно: многие мелочи, из которых складывается гармония, лежат ниже уровня сознания и непосредственно слухом не отмечаются; только когда нащупаешь их подсчетами, начинаешь их замечать» (Гаспаров 2001: 316). Из чего складывается гармония верлибра — вопрос, многие десятилетия занимающий умы стиховедов. Существует множество стратегий создания этой уникальной гармонии — и одной из них следует признать скрытые, все еще не исчерпанные возможности классических метров.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров Михаил. *Записи и выписки*. Москва: Новое литературное обозрение, 2001.
 Гаспаров Михаил. *Очерк истории европейского стиха*. Москва: Фортуна Лимитед, 2003.
 Гаспаров Михаил. *Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика*. Москва: Наука, 1984.
 Гаспаров Михаил. *Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты*. Москва, 1980.
 Жангиров Карен. *Антология русского верлибра*. Москва: Прометей, 1991.
 Казарцев Евгений, Вашченков Виктор. Инструмент цифрового анализа просодии стиха и прозы, исследовательский корпус текстов. URL: <http://vikvaslr.beget.tech/index.php?id=1> (дата обращения: 13.10.2024).
 Орлицкий Юрий. «Геннадий Алексеев и петербургский верлибр». *Новое литературное обозрение* 14 (1995).

- Орлицкий Юрий. *Стих и проза в русской литературе*. Москва: РГГУ, 2002.
- Орлицкий Юрий. *Стихосложение новейшей русской поэзии*. Москва: Издательский дом ЯСК, 2020.
- Попа Васко. *Кора. Антологија српске књижевности*, 2007.
- Шешкен Алла. «Надреализм и фольклор: сербская модель сюрреализма». *Stephanos* 26/6 (2017): 67–76.
- Шумилов Александр. Интервью Милошу Евтичу: программа «Гость Второго канала», Радио Белграда. Расшифровка и перевод Ф. Шумилова. Белград, 11 ноября 1990.
- Шумилов Александр. *Набережная Лейтенанта Шмидта. Стихи, публицистика*. Санкт-Петербург, 2016.
- Шумилов Александр. «Перевод цикла Васко Попы *Кора*». Машинопись. Архив семьи Шумиловых. Год неизвестен.
- Шумилова Мария. «Русская модель сербского десятисложника в работах А. А. Шумилова: перевод “Горного венца” П. Негоша в сравнении с поэтическими опытами А. Востокова и А. Пушкина». *Зборник Матице српске за славистику* 105 (2024): 9–29.

REFERENCES

- Gasparov Mikhail. *Zapisi i vypiski*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
- Gasparov Mikhail. *Ocherk istorii evropeiskogo stiha*. Moskva: Fortuna Limited, 2003. 272 p.
- Gasparov Mikhail. *Ocherk istorii russkogo stiha. Metrika. Ritmika. Rifma. Strofikika*. Moskva: Nauka, 1984.
- Gasparov Mikhail. *Pindar. Vakhilid. Ody. Fragmenty*. Moskva, 1980.
- Dzhangirov Karen. *Antologiya russkogo verlibra*. Moskva: Prometey, 1991.
- Kazarcev Evgenij, Vaschenkov Viktor. *Tool for digital analysis of prosody of verse and prose, research corpus of texts*. URL: <http://vikvaslr.beget.tech/index.php?id=1>
- Orlitsky Yuri. "Gennadiy Alekseev i peterburgskiy verlibr". *Novoe literaturnoe obozrenie* 14 (1995).
- Orlitsky Yuri. *Stih i prosa v russkoi literature*. Moskva: RGGU, 2002.
- Orlitsky Yuri. *Stihoslozhenie noveishey russkoy poezii*. Moskva: Izdatelskiy dom YASK, 2020.
- Popa Vasko. *Kora. Antologija srpske književnosti*, 2007.
- Sheshken Alla. "Nadrealism i folklor: serbskaya model surrealizma". *Stephanos*. 26/6 (2017): 67–76.
- Shumilov Aleksandr. Interview to Milosh Evtich: the radio program «Guest of the Second Channel», Belgrade's Radio. Transcription and translation by Fyodor Shumilov. Belgrade, 11 November 1990.
- Shumilov Aleksandr. *Naberezhnaya Leitenanta Shmidta. Stihi, publicistika*. Sankt-Peterburg, 2016.
- Shumilov Aleksandr. "Translation of Vasko Popa's poetic cycle *Kora*". Typescript. Archive of the Shumilov's family. The year is unknown.
- Shumilova Maria. "Russkaya model serbskogo desyatislozhnika v rabotah A. A. Shumilova: perevod "Gornogo venca" P. Njegosha v sravnenii s poeticheskimi opytami A. Vostokova i A. Pushkina". *Зборник Матице српске за славистику* 105 (2024): 9–29.

Марија Шумилова
Антон Азаренков

СИЛАБО-ТОНСКА МЕТРИКА У ВЕРЛИБРУ: СЛУЧАЈНОСТ ИЛИ ПОСТУПАК?
(На примеру превода српске поезије Александра Шумилова
и његовог оригиналног стваралаштва)

Резиме

Чланак је посвећен питању слободног стиха (верлибра) као посебном систему версификације. У савременој филологији слободни стих још увек није добио позитивну одред-

ницу. Обично се описује преко побројавања елемената које не поседује, као што су правилан метар или рима. Истовремено, ови елементи се не изостављају из текста у потпуности, већ само мењају своју природу. На примеру превода Александра Шумилова из поезије Васка Попе проматра се питање скривене силабо-тонске полиметрије као једне од најважнијих карактеристика српског и руског верлибра. У другом делу чланка у фокусу су Шумиловљеви верлибри као метрички организовани текстови.

Кључне речи: верлибр, силабо-тонски метар, поетски превод, компаративно изучавање поезије, Васко Попа, Александар Шумилов.

Желимир Вукашиновић
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
zelimirvukasinovic@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0001-6982-3732>

Želimir Vukašinović
University of Belgrade
Faculty of Philology
zelimirvukasinovic@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0001-6982-3732>

НИЧЕ И ДОСТОЈЕВСКИ:
КРОЗ НИХИЛИЗАМ, ДО САМОСПОЗНАЈЕ
NIETZSCHE AND DOSTOEVSKY:
THROUGH NIHILISM, TO SELF-UNDERSTANDING

Рад испитује поријекло нихилизма који се, у облику радикалног насиља, испољава као принцип уређења, а који и данас, у позности историје, претендује да створи „нови свијет“. Деструкцији се тако, застрашујућим первертирањем смисла људског живота, уписује легитимитет стваралачке снаге. „Нови свијет“, једнако, показује вјечно враћајућу истост утилитаристичког поретка који, као историјска неминовност, испоручује вриједности засноване на антагонистичком тумачењу односа Истока и Запада. Наводни сукоб цивилизација, утолико, подразумева поглед на свијет који ствара услове за историјску стварност која постаје поприште борбе за истину, а реваншизам, имплицитно, остаје битан ресурс политичке, у основи тржишне економије. Интерпретација дјелатности духа, у форми философије и књижевности, има, у овом случају, сврху да разгради пасивни нухилизам, иманантно наивно поимање нихилизма, ка cjеловитијем разумијевању услова самоспознаје на које нас, својим стваралаштвом, упућују Ниче и Достојевски. Наиме, по довршењу традиционалне метафизике, једнако идеализма у његовом историјском распону од Платона до Хегела, преостало је, у позности западне културе, суочити се са нихилизмом као реализмом нашег доба и, утолико, нужним путем само-разумијевања егзистенције.

Кључне ријечи: нихилизам, болест, преступ, самоубиство, Бог, човјек, самоспознаја.

The paper examines the origin of nihilism that, in the form of radical violence, manifests itself as an organising principle by which a „new world” is to be created. Destruction is represented, through terrifyingly perverted meaning of human life, as a creative force. The interpretation of the activity of spirit, in the form of philosophy and literature, has,

in this case, a purpose to overcome the passive nihilism and, implicitly, a naive understanding of nihilism, toward a more complete perception of the conditions of self-understanding that Nietzsche and Dostoevsky illuminated by their writings. Namely, after the completion of traditional metaphysics, as well as of idealism in its historical range from Plato to Hegel, challenge remains: to face nihilism as the realism of our age and, immanently, as a necessary way of understanding the existence itself.

Keywords: nihilism, illness, transgression, suicide, God, man, self-understanding.

1.

„Положај Европе је утолико кобнији уколико онемоћавање духа потиче из њега самога и — мада је припремљено оним што је било раније — коначно се одређује из своје сопствене духовне ситуације у првој половини деветнаестог века“ (Хајдегер 1997: 47).

Нихилизам је, као битно својство нашег доба, централна тема овог рада. Схваћен је као исцрпљеност духа и, посљедично, раст нагона за побијањем виталности, владавине љепоте, здравих снага стваралачког заноса који, својим моћима, генерише егзистенцијално, аутентично искуство слободе. Ово се, унутрашње искуство слободе, црпи вриједносним поретком који, у основи, економски, политички и религијски, експлоатише човјекову жудњу за животом. Либерални капитализам мора, по принципима свога успостављања и нужности владавине тих принципа, разградити оне ресурсе на којима се заснива човјеков самостални, самоодрживи живот, онај, наиме, који се једино и може произвести на основу властите, супстанцијалне моћи егзистирања, слободне воље и свијести о истини властитих потреба. Опструкција те моћи доводи до узурпације изворне надлежности за људски живот који, сада одвојен од конкретних, личних стваралачких снага, није више у подручју којим је човјек савремене западне културе, уопште, у могућности и способности одлучивати о себи. Креирање осјећања дубоке егзистенцијалне несигурности оправдава усмјереност на развој система безбједности и контроле. Смисао својевољног одрицања од нужности властите слободе легитимизован је, дакле, вриједностима које супституишу изворни смисао егзистирања, до те мјере да тај смисао, као смисао истине самог бивствовања, пада у заборав. Зато се, „ничим изазвана“, хронична узнемиреност егзистенције у добу обиља и наводне еманципације грађанских слобода, психологизовањем настоји анулирати.

„Болести, пре свега болести нерава и главе, знак су да недостаје одбрамбена снага јаке природе; доказ за то је раздражљивост услед које задовољство и бол постају проблеми првога реда... Чезне се за стањем у коме се више неће патити: живот се стварно осећа као узрок свих *зала* — стања несвесности (сан, несвест) сматрају се неупоредиво вишим од стања свести; отуда нарочите *методике*...“ (Ниче 1991: 73).

Како су све прилике да је човјек савремене западне културе изгубио способност да се самостално стара за себе, неопходно је да се проблем егзистирања, у данашњим друштвено-историјским условима, врати у надлежност духовних снага философије и битне књижевности. Од тога мора започети, за наше вријеме, одлучујућа реституција школства.

„Ко ће вас одвести у домовину културе ако су ваши водичи слепи, а тврде да добро виде? Који од вас ће стећи прави осећај свете озбиљности за уметност, кад вас стално навикавају да сами за себе муцате, док би требало да вас уче да говорите, самостално да изричете естетске судове, кад би вас требало навести да пред уметничким предметом стојите одушевљени, да самостално филозофирате, када би требало да вас присиле да слушате велике мислиоце: резултат је тај да заувек остајете удаљени од антике и постајете слуге свакидашњице“ (Ниче 2007: 54).

На том прелазу, од друштвености и историје ка човјеку, већ Ничеов *Заратустра*, та књига за сваког и ни за кога, узурпира форму којом се, у добу надирућег материјализма, најављивала превласт позитивне науке и прагматизма, извјесно, израслих из тековина традиционалне метафизике. Тачније, ради се о превласти једне стварности дизајниране поретком који, и у виду платонизма, прво редукује, а потом первертира истине Почетка у њихову радикалну супротност. Зато је, а то Хајдегер не превиђа, битно за нашу савременост разумјети шта значе Ничеове ријечи „Бог је мртав” у односу на историјску истину платонизма.

„Ничеове речи означавају судбину Запада током њене двохиљадугодишње историје... Речи ‘Бог је мртав’ значе: натчулни свет је без делотворносне снаге. Он не дарује живот. Дошао је крај метафизици, то јест, за Ничеа, западној филозофији схваћеној као платонизам... Ако је Бог као натчулни темељ и као циљ свега стварног мртав, ако је натчулни свет идеја изгубио своју обавезујућу и, пре свега, своју подстицајну и градитељску снагу, тада не остаје више ништа чега би се човек држао и по чему би се равнао“ (Хајдегер 2000: 166, 169).

У позиву да мислимо (оно што је) *бијћно*, да сагледамо природу ума нашег доба, нужно отварамо тему последње драме метафизике: Ниче и Европа. Усталом, битно мишљење, у коме започињу и шире се кругови нашег сваког разумијевања бивствовања, чини Европу судбоносном, а магистрални пут ка судбоносном је, у позности историје Запада, већ маркиран: од Хајдегера ка Грцима. Само се у том и таквом ишчитавању историје, ничеански, кроз срж Хајдегерове деструкције дакле, може, у нашем времену и из нашег времена, разумјети судбина европских народа и, у тој, по исходишту, херменеутици бивствовања, враћени поетичком начину мишљења, сазнајемо, у властитости бића, судбоносност Европе.

Ничеово учење о вјечном враћању истог, у сврху покушаја да се домисли судбина европских народа, поприма облик реституције искуства Почетка који се сабира у инвенцији трагедије као форме умјетности, а то, непобитно,

води ка разабрању својстава грчке књижевности и њене корисности по живот. Вјечно враћање истог исијава снагу Почетка која, иако влада утисак да је логоцентризам разбијен кроз Ничеов перспективизам и фрагментарност израза, скупља у јединство аполонско и диониско начело љепоте (в. Ниће 1983: 41).

Овдје је на дјелу један принцип јединства, цјеловитости која је, кроз вријеме, разграђена преко супституције која репрезентује цјеловитост као један интегрисани тоталитет. Вратимо се, онда, промишљању наше идеје цјелине, цјелине која се, ипак, показује као оно што је вриједно тежње. Изворна тежња бића, било да је умна или нагонска, испоставља се као законитост аутономне воље. Ако је љепота срж те законитости, онда је Ничеово учење вјечног враћања истог блиско Платоновом разумијевању дијалектике у оној мјери колико је удаљено од свих саморазвојних силница платонизма. Судар платонизма са суштином Платоновог учења исходи у нихилизам који, цијепајући јединствену цјеловитост Почетка, води у оптимизам непрестане изградње новог свијета који коначно укида сваку могућност да се, путем философије и умјетности, сагледа трагизам као непоцељива истина људског бивствовања. „Да би постојала лепота лица, јасност говора, доброта и чврстина карактера, сенка је потребна колико и светлост. Оне нису супарнице: нежно се држе за руке, и кад светлост исчезне, са њом нестаје и сенка“ (Ниче 2007: 21).

Изгубивши моћ сазнања властита трагизма, Запад, са несмањеним ентузијазмом, упркос Ничеовим алармантним открићима, срља у оптимизам чија је неосвјешћена бит саморазвој нихилизма. По себи, то је већ одлика сваког трагичног доба.

„Видим велику жалост међу људима. Најбољи су постали уморни од свог рада. Један поглед, једно веровање се шири: ‘Све је путо, све је празно, све је узалуд’... Узалудан је сваки труд, наше је вино пуно отрова, зли поглед је укдео наша поља и наша срца. Сви ћемо се осушити... сви су нам извори пресахнули... Заиста, постали смо превише уморни да умремо, тако остајемо и живимо даље — у гробовима“ (Ниче 2007: 17).

У два стадија кроз које се читава трагично доба примјетна је појава песимизма који је, у основи, симптом пасивног, раног стадија нихилизма: 1. болест (воље) на смрт — камуфлиран у божански поглед на свијет који, од свјетовне стварности, тежи начинити привид (што је, по Ничеу (в. 1991, 70), знак *слома слабих*) и 2. превласт разорне снаге над оним што се само није сломило. Трећи је стадиј једини стваралачки: ријетки савлађују вриједности које задају контекст, превладавају парадигму једне историјске склоности на пропаст која нема форму, на болест која нема име изван насљеђене склоности коју изражавају прва два стадија сваког трагичног доба. И по томе, јер је обиљежено опадањем снаге стваралаштва, наше доба је, по размјерама свога песимизма, трагично. Зато је нихилизам нужни пут нашег само-сазнања.

2.

У позности једне културе, из исцрпљености њене виталности дакле, намеће се питање: на темељу чега је Запад — Запад? По Ничеу, на темељу свога платонизма, у егзегези хришћанства као погледа на свијет. Ријеч је овдје о, за Ничеа типичном, помјерању регистра промишљања поријекла и природе стања у које је, својом савременошћу, познашћу и дотрајалошћу дакле, уведена западна култура. Ниче инсистира на психолошком, а не на религијском контексту, имплицитно проблематизујући емотивну структуру моралности која је експлицитни израз краја изворне античке духовности. Утолико, Ниче, као и Достојевски, продире до коријена искуства хришћанског погледа на свијет којим се успоставило наше доба, до осјећајности која је обликована хришћанством. Радикалност њихова продора у то искуство, до данас, није надмашена. И зато се наше доба битно ваља самјерити преко њиховог екстатичног, умногоме делиричног пробоја до чворних мјеста егзистенцијалног трагизма савременог свијета. Ками препознаје да је главно питање свих јунака у романима Достојевског: смисао живота. Достојевски, у *Дневницима*, исповиједа најбитнији проблем свога живота... Упитност: да ли Бог постоји? (в. Ками 2008: 175, 176). У та два путоказа се сабира разматрање које је овдје подузето. Има ли *смисла* без постојања Бога или има ли Бога, ако *нема смисла*? Уједно: може ли Бог постојати, уколико човјек присвоји *смисао* до егзистенцијалне слободе у којој, освајајући страхоту и дивоту радикалне могућности, одлучује да сам одлучи о властитом животу? Унутрашња неизвјесност вјере, по Камију побуна и потрага, битно припадају и Ничеу и Достојевском. Класична умјетност ту побуну смјешта у раван метафизичке драме, а модерна у раван моралне драме. По томе, Ниче је и класичан и модеран, а Достојевски модеран. Како јеванђеље одузима мудрима привилегију сазнања истине хришћанства и износи је у отвореност једне доступности, тако се откриће које исијава естетски смисао битка, полаже у подручје чисте свијести и чиста срца. Ками, својом интерпретацијом случаја Кирилов, прави нацрт у коме се успоставља стање ума нашег доба. Полазећи од Грчке као сјемена хришћанске духовности, преко иницијације неоплатонизма и јеванђеља, Ками, о томе је полазно ријеч, препознаје дух побуне (в. Ками 2008: 14–19), трагања које отвара питање вјере у нашем добу управо преко Достојевског и Ничеа. То разумијем као позив да се обавезно испита сродност Ничеовог и Достојевског искуства хришћанства у нашем добу. Евидентно је: то питање, питање вјере није системски ријешено да би могли, управо како се чини, уградити своје виђење свијета у један унисон конструкт Запада из кога је истиснуто јеретичко, испитујуће, грчко уосталом, искуство које узноси човјека до страсне зачуђености пред непознатим у бивствовању. Достојевски је, по доминантној дијалогској основи свога стваралаштва, и по путу познања душе, платоничар. Достојевски је, по пробојној деликатности увида у све, и најтамније аспекте људске природе, раван грчким трагичарима.

Ипак, Достојевски је, по својој храбрости и страсти, по своме екстатичном самоугрожавању, дух ничеанских размјера, хераклитовски дубок и крајно-сан. То потврђује наш доживљај читања Достојевског.

3.

Централно питање до кога смо, нихилистичком нарави свога доба, доведени је самоубиство. У *Идиоту* — оvdје је издвојен одјељак из завршне трећине романа — већ сазријева сврховитост испитивања мисли о самоубиству и немилосрдности закона природе, о ужасу и страху који разара наду и вјеру, али и поријеклу појма који надвладава суровост нужности. Испратимо дакле, са стрпљењем, нешто дужи, оvdје издвојени одломак из *једног неопходног саопштења*, преко кога се види поступност наративног поступка којом Достојевски припрема читаоца за искуство сазнања истине спасења. Тај пут сазнања је, у свом изокретању, нихилистички...

„На тој слици био је представљен Христос, тек скинут са крста... На Рогожиној слици, пак, од лепоте Христове нема ни трага; то је у пуном смислу речи леш човека који је претрпео бескрајне муке још пре крста, ране, мучење, ударце од страже и ударце од народа док је носио крст и кад је под крстом пао, и, најзад, неисказане муке на крсту, у току читавих шест часова... Знам да је хришћанска црква утврдила још првих векова да се Христос на крсту није мучио само симболички, него стварно и да је, према томе, његово тело на крсту потпуно било потчињено природном закону... Али чудновато, кад се човек загледа у тај леш измученог човека, долази му на памет једно нарочито и занимљиво питање: ако су доиста такав леш — а он је неизоставно морао бити баш такав — видели сви његови ученици, његови главни будући апостоли, и виделе га жене које су ишле за њим и стајале код крста, и сви који су веровали у њега и обожавали га: — на који начин су могли поверовати, гледајући такав леш, да ће тај мученик васкрснути? Ту човеку и нехотице пада на памет: ако је смрт тако страшна и ако су закони природе тако јаки, онда како је могућно савладати их?... Човеку се, кад гледа ту слику, природа привиђа у облику некаквог огромног, неумољивог и немуштог звера... која је бесмислено захватила, раздрузгала и прогутала потмуло и безосјећајно — велико и драгоцено биће, такво биће које је само за себе вредело колико и цела природа са свим законима својим, и колико цела Земља, која се, можда, и стварала само зато да би се то биће појавило. Том сликом као да се изражава баш тај појам... те нас тај појам и нехотице осваја“ (Достојевски 1958: 531, 532).

Овим призором, у даљој разради Иполитове исповијести, Достојевски шири и продубљује контекст ка психолошкој реалности искуства не-самјерљиве туге која у првом маху, реактивно, јер је лишена спознаје тог искуства, разара наду и вјеру и оставља питање: „И да је сам учитељ могао видети тај свој лик уочи погубљења, да ли би се он онако сам попео на крст, и да ли би онако умро као што јесте? Ево, то питање се и нехотице намеће човеку кад посматра ту слику“ (Достојевски 1958: 532). Пред мишљу која наговара на самоубиство, овај призор, иницијално, изриче трагичку моћ

одговарања. Још једном се, а у томе је преокрет, знак нихилизма уписује у сазнајни код егзистенцијалне одлуке на живот и спасење.

Испитујући природу нихилизма, сагладавајући стање ума нашег доба, овим питањем се одвајамо од непосредног само-угорожавања. Ками, увезујући нит по којој се развија драма унутрашњег живота Достојевског, преко спектра, али и вертикале, ликова његових романа, застаје пред случајем инжињера Кирилова. Самоубиство је заврчни чин слободе, јер се полази од самоубиства као идеје, наиме од онтолошке извјесности и метафизичке евидентности те идеје. Идеја је, наиме, оно што је, у човјеку, супстанцијално, божанско и оно чиме човјек, у окриљу своје душе, у интими бивствовања, преузима радикални позив и изазов властите егзистенције. Апсурд је евидентан: егзистенција која се потврђује преко смрти, односно слободе која се, преко моћи воље, не може испунити без самоубиства.

„Ја вам не дугујем никакво разјашњење, нити ви можете моје мисли разумети. Ја хоћу да одузmem себи живот зато што имам такву мисао, зато што нећу страх од смрти, зато... зато што ви немате ту шта да знате...” (Dostojevski 1975: 39). — ...Бог је потребан и за то га мора бити... Али ја знам да њега нема и не може бити. — То је тачније. — Зар не разумеш да с тим двома мислима човек не може да остане међу живима?... Зар ти не разумеш да се једино због тога може човек убити? Ти не разумеш да може бити такав човек, један из хиљада ваших милиона, који неће хтети и неће поднети (Dostojevski 1975: 322, 323). — Ако бога има, онда је све његова потпуна воља и ја не могу изван воље његове. Ако га нема, онда је потпуна воља моја и дужан сам да обзнаним своју вољу. — Слободну вољу? А зашто да сте то дужни? — Зато што је цела воља постала моја. Зар нико на читавој планети, кад сврши с богом и увери се о својој вољи, неће смети, без страха, у главној тачки, да покаже слободну вољу? То је као кад сиромашак добије наследство и уплаши се, па не сме да приђе кеси, јер сматра себе немоћним да то има. Ја хоћу да обзнаним слободну вољу. Нека сам један, али учинићу... — Ја сам дужан да се убијем, јер најглавнија тачка моје слободне воље јесте: убити сам себе. — Додуше, нисте ви једини што се убијате, има много самоубица. — Са узроком. Али без икаква узрока, него једино од своје слободне воље, само ја. ‘Неће се убити’, опет севну кроз главу Петра Степановича. — Знате шта, рече он љутито. — Да сам на нашем месту, ја бих своју слободну вољу показао тиме што бих убио неког другог, а не себе. Могли бисте бити корисни. Казаћу вам кога, ако се не уплашите. И онда пристајем да се не убијете данас. Може да буде споразума. — Убити другог била би најнискија тачка моје слободне воље; а ти си сав у томе. Ја нисам ти; ја хоћу највишу тачку и убићу себе“ (Dostojevski 1975: 324).

Тон Кирилова, ничеанске интонације, у овом, дијалошком испитивању, објављује човјеков сусрет са Богом: без посредника, лицем у лице; не као сервилан, немоћан, понизан... Него као онај који се, из идеје која је божанска и идеје божанског, суочава, из гротла моралне драме, са Богом као Богу

раван. Људска је судбина доведена до крајњег у дјелу Достојевског, свијет је доведен до руба... До Кирилова, посљедњег човјека, до „Ја“ које себе, својом слободом надилази — до самоуништења: момента из кога се, у историји, конкретизује одлучујући сусрет Бога и човјека. Бити или не бити, радикална је одлука, помјерена из егзистенцијалне у онто-теолошку раван: или Бог или човјек! Или, ипак (али, како?): бити скупа. Одговор се, коме нас води ова драма, задобија парадоксално: преко мисли о самоубиству. Нихилистичким путем се крећемо до спознаје слободне воље, самјерене пред лицем Божијим: то је егзистенцијална истина откривена преко крајњег искуства; стадиј довршења духовног пута у открићу моћи љубави сачињене од трагизма људског постојања (завршница *Злочина и казне*). Трагизам човјеков није само у томе што је рођен за своју смрт. Него је и у томе што је непрестано позиван да одговори на радикалну могућност своје егзистенције, на слободу која се испуњава преузимањем живота, судбине у своје руке.

„Ја сам тек по невољи бог и ја сам несрећан, јер имам *дужности* да објавим свима своју слободну вољу. Сви су несрећни зато што сви страхују да објаве своју слободну вољу. Човек је досад зато и био несрећан и кукаван што се бојао да објави најглавнију тачку своје воље и показивао је своју вољу из прикрајка, као ђак. Ја сам страшно несрећан, јер се страшно бојим. Страх је човеково проклетство... Али ја објављујем слободну вољу и дужан сам уверити да не верујем. Ја ћу почети и довршити, и отворити врата. И спашћу. Спас ће бити за људе само то, то једино за све људе, и будући нараштаји биће већ физички препорођени; јер у садашњем физичком облику, колико сам ја мислио, човек не може да буде без досадашњег бога никако. Ја сам три године тражио атрибут свог божанства — то је Слободна воља! То је све чиме ја у главној тачки могу показати непокорност и нову страшну слободу своју. Јер је она веома страшна. Ја се убијам да покажем непокорност и нову страшну слободу своју“ (Dostojevski 1975: 326).

То је смисао егзистенције. Парадоксално, самоубиство је посљедњи чин откроења радикалне слободе, тјескобно заривене у људско биће.

„Човек је учинио само то што је измислио бога, да живи и не убија се; у томе је цела светска историја до данас. Ја једини у светској историји нисам хтео да измислим бога, то је први пут. Нека сазнаду једном засвагда (Dostojevski 1975: 325). — Једва, разумео си! — повика Кирилов раздрагано. — Дакле, може се разумети кад је разумео човек као што си ти! Разумеш ли сад: цело спасење за свакога јесте доказати ту мисао. Но ко ће је доказати? Ја! Ја не разумем како је атеист досад могао знати да нема бога, па опет се није убио? Сазнати да нема бога, а не сазнати да се у тај исти час сам постаје бог — то је апсурд, иначе човек мора убити себе; никако друкчије! Ако ти то сазнаш, ти си цар и нећеш се убити; него ћеш живети у слави најславнијој. Али један, онај ко је сазнао први, мора се убити, одмах, никако друкчије, иначе ко ће да почне и да докаже? Ја ћу се убити неминовно да бих почео и доказао“ (Dostojevski 1975: 326).

Уосталом, све се, за Достојевског, окончава одлуком да, преко Кирилова, изврши метафизичко самоубиство. Ту је, извјесно, књижевношћу као формом умјетности, стваралачком снагом бића успостављен егзистенцијални услов пишевог спасења... Исходишно, јеванђељем; спознајним повратком у окриље суштине хришћанства.

На истом мјесту сусрета човјека и Бога, Ниче, по Камију, „убија“ Бога и завршава у лудилу (в. Камі 2008: 178). Бог је, за човјека, ипак, спасен самоубиством Кирилова. Обрат је парадоксалан. Морална драма код Достојевског је доведена до краја: човјек, самоубиством, спашава Бога. То значи да се крај хуманизма не може поистовијетити са смрћу Бога — као код Ничеа. Зато је, поновимо, Ничеова драма морална — колико је метафизичка. Смрт Бога собом повлачи евиденцију о смрти човјека, односно започиње доба које је обиљежено довршењем хуманизма. Достојевски се, ипак, преко *Злих духова*, враћа у окриље, побуном задобијеног, (хришћанског) хуманизма. Без гордости, без сервилности, из спознаје снаге и границе унутрашње побуне. Како нема понизности, тако нема ни лукавства у човјековој љубави према Богу. Равноправност је захтјев скупности, последњи чин Божије милости. Самоуништење човјека кроз њега самога, *apokálypsis* (грч. подизање вела, откривање) који се, непрестано, збива кроз најдубље, скривене слојеве људске природе. „Ја сам дужан да објавим неверовање у бога — рече Кирилов ходајући по соби. — За мене узвишеније идеје нема до да бог не постоји. За мене говори сва људска историја“ (Dostojevski 1975: 325).

Дјело Достојевског је ходочашће човјека последњег доба... Једнако мјерадавно за Русију и Европу, од друге половине 19. вијека до данас. Самоубиство Кирилова одзвања над судбином нашег, увијек истог, у човјеку сажетог, свијета. Шта је од човјека остало, ако је Бог спасен? Има ли Бога, ако је човјек мјера свих ствари? Чему Бог, у добу радикалног материјализма? Ако је свијет християнизован по човјеку као мјери свих ствари, онда је то необјављено обезбоживање уграђено у све видове савремене западне културе.

„Пета појава новог века јесте обезбожење. Тај израз не значи пуко одстрањење богова, ни груби атеизам. Обезбоживање је двострук процес: прво, слика света се християнизује утолико што се основи света приписује бесконачност, безусловност и апсолутност, и друго, хришћанство реинтерпретира свој християнизам чинећи од њега поглед на свет (хришћански поглед на свет) и тако се прилагођава новом веку. Обезбожење је стање неодлучности што се тиче Бога и богова. У настанку тог стања хришћанство има највећег удела. Али обезбожење тако мало искључује религиозност да се штавише тек кроз њега однос према боговима преображава у религиозно доживљавање. Ако је већ дошло до тога, онда то значи да су богови већ нестали. Настала празнина попуњава се историографским и психолошким истраживањем мита“ (Хајдегер 2000: 61).

Ово стање одваја Европу од њеног духовног утемељења у језгру грчке духовности, колико и од хуманизма којим се, искуством човјекове осуђе-

ности на слободу, може реституисати платонистичка суштина хришћанства. А Ниче се, разградњом, тачније превредовањем хришћанства као облика платонизма, враћа у окриље ране грчке духовности и духовно, витално, језгро Платонова учења. По Ничеу, Бог је убијен и људском сервилношћу која је мимикрија лукавства (ума нашег доба). У одсуству моралне драме пред највећим злочином у историји, препознаје се или постхумна милост Божија која свијет избављује од пропасти или завршни чин лукавства ума: алиби над којим је последњи суд укинут.

„Зар нисте чули о оном лудом човеку који је у ведро преподне упалио фењер, појурио на пијацу и непрекидно викао: ‘Тражим бога! Тражим бога!’ Пошто су баш тамо стајали многи од оних који нису веровали у бога, изазивао је велики смех. Да ли је изгубљен? питао је један. Да ли је залутао као дете? питао је други. Или да ли се крије? Да ли се нас плаши? Да ли се укрцао на лађу? Иселио се? — тако су сви викали и смејали се. Луди човек скочи међу њих и прострели их погледом. ‘Где је бог? повиче, ја ћу вам то рећи? Ми смо га убили, ви и ја! Сви смо његове убице! Али како смо ми то учинили? Како смо могли да испијемо море? Ко нам је дао сунђер да избришемо читав хоризонт? Шта смо учинили када смо ову земљу отковали од његовог сунца? Куда се она сада креће? Куда се ми крећемо? Да ли даље од свих сунца? Да ли се стално не рушимо? И назад, постранце, напред, на све стране? Да ли постоји још неко горе и неко доле? Да ли не лутамо кроз неко бескрајно ништа? Да ли не осећамо дах празног простора? Да ли није постало хладније? Да ли не долази стално ноћ и све више ноћ? Да ли фењери не морају да се пале преподне? Да ли још ништа не чујемо од буке гробара, који сахрањују бога? Да ли не миришемо још ништа од божанског распадања? — и богови труле? Бог је мртав! Бог остаје мртав! и ми смо га убили! Како да се тешимо ми, убице свих убица? Оно најсветије и најмоћније што је свет до сада имао искварило је под нашим ножевима — ко ће убрисати ту крв са нас? Каквом водом бисмо могли да се очистимо? Какве ћемо свечаности окајања, какве ћемо свете игре морати да измислимо? Зар није величина тога дела превелика за нас? Зар ми сами не морамо постати богови да бисмо само изгледали њих достојни? Никада није било већег дела — и ма ко да се после нас роди, због тога дела спада у неку вишу историју него што је цела историја до сада била!’“ (Ниће 1984: 146, 147).

Савршени злочин је уграђен у трагизам нашег доба. Бог је убијен, сви имају алиби за злочин који није доказан. Оскудица је применована у обиље. Нихилизам прераста у задовољство које је себи сврха: све је допуштено у одсуству апсолутног свједока — никад више лицем у лице са Богом. Убиство Бога је, у преврћеном исходишту парадокса, самоунижење последњег човјека.

4.

Из писама упућених прво Францу Овербеку, потом Петеру Гасту, може се видјети да је Ниче 1887. године (писма су из фебрура мјесеца), открио писца Достојевског (в. Stellino 2015: 23). По Ничеу, ријеч је о открићу врс-

нога психолога који је, што је одлучујуће, разазнао човјеков душевни живот у изванморалном смислу. Није контрадикторно констатовати да је Достојевски себе разумио прије као реалисту, него као психолога. Ипак, Ничеово маркирање кључних појава епохе и овдје долази до изражаја: регистар из кога измјешта сва одлучујућа питања метафизике, филологије, религије, сада добија потпунију, слободно се може рећи, цјеловитију структуру која ће одредити његово компоновање *Воље за моћ* као *magnum opus*-а. Уосталом, перспектива из које Ниче демаскира сабласти платонизма води деструкцији („философирање чекићем“) традиционалне метафизике, а, утолико, и зачиње нужно превладавање хришћанства које је, као поглед на свијет, тоталитет под који се подводи савременост Запада. Тоталитет се конкретизује као владавина једног вида осјећајности у оквиру које се испољава душевни живот човјека савремене западне културе. Наравно, Ниче не поистовјећује културу са цивилизацијом. Цивилизовање је, наиме, спровођено преко репресивног облика христјанизације свијета, па интегрише онај облик духовности који је, у својој изворној самобитности и снази, претходећи темељ на коме се успоставља и баштини култура. Примордијална, изворна духовност, у виталном своме сразу са нагонским енергијама живота, ниҳилирана је христјанизацијом свијета, посебно са успоном просвијећености. Ово ниҳилирање изворне духовности води у декаденцију која, у различитом своме интензитету, припада сваком добу западне цивилизације. Декаденција се, у саморазвоју, испољава кроз дегенеративне појаве чије се разарајуће и паралишуће снаге утискују у патолошко самообнављање болести која се лијечи узроцима који су је изазвали. Хришћанство је, за Ничеа, попут савремене психологије, медицине, битно, љекотворна реакција на узрок који сама изазива. Непрестано се, што је обиљежје времена, тражи лијек за живот коме више нисмо, душевним снагама и отпорношћу, дорасли. Та је недораслост — спрам трагизма као непобитне истине историјског човјековог постојања — срж ниҳилизма који, уколико се својим моћима превредновања не преиначи у стваралачку снагу, генерише песимизам и, реактивно, повратак у надлежност владајућег (љекотворног) ауторитета хришћанства. Ту је разлика пред којом морамо застати и испитати је: Ничеова афирмација предсократовске грчке духовности и — у духовном кретању његова дјела у цјелини — нужно исхођење у, трагањем докучено, хришћанство Достојевског. И један и други пут је повратак, вјећно враћање ка Истом. Дилеме, одлуке, бол, истина, побуна... Све се сабира у језгру јединства муке и љубави, из кога ће заблистати љепота која, као таква, једино, и увијек изнова, спасава овај и овакав, људском окрутношћу начет, до непрестаног пропадања доведен свијет.

Прођимо кроз тај свијет, иницијално, својствима три карактера којима се исписује унутрашње јединство дјела Достојевског. Мишкин, Раскољников и Кирилов. Болест, преступ и самоубиство. То су три граничне истине у којима се самјерава људски живот. У тренуцима који мијењају човјека заувјек, спроводи се одлучивање у коме се усијава морална драма и ништа,

упркос свакој дотадашњој вјери и нади, и порицању потом, није, човјеку — самим његовим рођењем, гарантовано. За Ничеа, како је назначено раније, та драма је, битно, у претходећем свом заснивању, метафизичка. Из метафизичке генезе хришћанства као платонизма, та драма се, у савременом добу, са довршењем 19. вијека, нужно испоставља као морална. Утолико је питање о поријеклу, те користи и штети морала по живот, неопходно покренуто, како то и Ниче види, философијом нашег доба која детектује и довршава оно што је, собом, доведено до пропадања, а којим се наговјештава освит неминовно долазећег. Та спона између, пропасти и почетка, тај ход *од — ка*, акутно је мјесто у крајносном испитивању нарави људског постојања. Задржимо се, дакле, у ограниченем опсегу овога разматрања, код болести, преступа и самоубиства. Ниче овако пише: „Не наслеђује се болест него *склоносѝ ка болесѝи*...“ (Ниче 1991: 74). И даље:

„Вредност свих болесних стања састоји се у томе што она показују кроз увеличавајуће стакло стања која су нормална, али би се тешко видела у нормалним приликама... *Здравље и болесѝи* нису ништа тако битно различити, како су то веровали стари доктори и како још данас верују неки лекари. Они се не смеју замислити као два различита тела или суштаства која се боре око живог организма и праве од њега бојно поље... У ствари, између ове две врсте живота постоји само разлика у степену: претераност, несразмера... Отсуство склада међу нормалним појавама, сачињава болесно стање (Клод Бернар)... *Пођрещке* у лечењу: слабост се не лечи помоћу некога система за јачање, него помоћу неке врсте оправдања и *моралисања*: то јест помоћу *шумачења сѝвари*...“ (Ниче: 1991: 75).

Ова три егзистенцијала, и болест дакле, стадији су и услов човјековог самоспознајног живота. Прићи човјеку и спознати га у надубљем, најтемељнијем искуству егзистирања, захтјев је на коме се заснива тегобан пут именовања истине бола, људске судбине уопште. Ниче и Достојевски једнако одговарају на тај категорички захтјев... Код Ничеа се, у *Вољи за моћ*, радикално тематизује питање европског нихилизма и болести европских народа; код Достојевског се, у *Идиоту*, кроз карактер кнеза Мишкина¹, симптоматски читава болест „просвјешћености“. Преступ, прекорачење, то је спознајни услов истине људског бивствовања, судбине, на коју Ниче, спознајно, одговара иморализмом у *Генеалогѝи морала — С оне сѝране*

¹ Ничеово инсистирање на физио-психолошком поријеклу одржања западне метафизике (као позитивне науке) у доба нихилизма као да еманира наративни контекст којим Достојевски портретира Мишкина: „Одговарајући му, он рече, између осталог, да збиља већ дуго није био у Русији, скоро више од четири године, да је раније упућен у иностранство због болести, због неке чудне живчане болести, налик на падавицу или на Витов плес — некакво дрхтање и грчење. Слушајући га, онај црномањсти се неколико пута осмехну; нарочито се засмеја када му на питање: ‘Па шта, јесу ли вас излечили?’ овај плави одговори: ‘Не — нису’.“ (Достојевски 1958: 13) „— То је све филозофија, — примети Аделаида — ви сте филозоф, и дошли сте да нас поучавате. — Ви можда имате право, — осмехну се кнез — ја сам можда збиља филозоф, и ко зна, можда збиља намеравам да другог учим... То може бити: збиља, може бити...“ (Достојевски 1958: 81).

добра и зла, а Достојевски *Злочином и казном*. Самоубиство је носећа мисао реактивног нихилизма: њој се обраћа учење о вјечном враћању истог (Ничеов Заратустра) и случај инжињера Кирилова из *Злих духова* (Достојевски). Из сродности са Дојстојевским уосталом, читамо и ово Ничеово запажање: „Главни симптоми песимизма: — ...руски песимизам (Толстој, Достојевски), естетски песимизам..., песимизам теорије сазнања (Шопенхауер, феноменализам); анархистички песимизам; ‘религија сажаљења’, претеча будизма; културни песимизам (егзотизам, космополитизам); морални песимизам: ја сам“ (Ниче 1991: 96).

Под песимизмом се овдје мисли на поглед на свијет, а не на психолошко стање. Отуд је активни нихилизам крајња снага превладавања психологизма и позитивизма у настојању да се објасни или спозна људско бивство, једнако реалитет природе људског постојања. Тај реалитет је чињеница људског дјеловања, изван је моралне и метафизичке пред-поставке бивства. Уосталом, уколико аутентичности нема у стварању, има је у разарању. Та истина се не може претумачити, нити јој се, из позитивистичких побуда, може приступити. „Нихилизам није само размишљање о узалудности, и није само вера да све заслужује да пропадне; него ту човек сам узима ствар у руке, сам *разара*... То је, ако се баш хоће, *нелоџично*: али нихилист не верује у потребу да буде логичан... Уништење судом потврђује уништење руком“ (Ниче 1991: 64).

Ничеова афицираност открићем Достојевског даје услове за иморалистички приступ човјеку у име истине која не може бити мишљена кроз визуру традиционалне, односно морализоване психологије. Најдубљи слојеви сопства у којима нема признања, изван-морална истина бивства, отварају егзистенцијални контекст који доводи у питање људске моћи (само)спознања. Отуд се физиолошки сагледава најдубљи, иморални аспект егзистенције коме су, по судбини своје одважности, најближе пришли грчки трагичари, Хераклит, Шекспир, Ниче и Достојевски. Упитност само-спознајне моћи се овдје обједињује са изучавањем психолошког аспекта, као сазнајућег услова егзистирања. С једне стране, Мишкинова хронична слабост, склоност ка болести је судбоносна, културолошки код савремености од које, кроз психолошки регистар хришћанског погледа на свијет, пати Запад. И као што је европско здравље, ничеански, само једна болешљивост пред руском зимом, тако је и европска моралност само једна богобојажљивост која дрхти пред крајњим. Тијело је, отуд, циљ државе, а, као чврстина и отпорност, смисао земље. Ако се та болест (воље), та хронична слабост, третирати ваља хладном водом и гимнастиком, онда је радикална супротност, тачније реакција која произилази из искуства те слабости, једна комплексна, собом драматизована, егзистенцијална ситуација испољена кроз натчовјека — у Ничеовом случају; или Раскољникова и Кирилова — у случају Достојевског. Ријеч је, ипак, у спектру тих карактера, о једном мета-знаку којим се именује егзистенцијално искуство савремености. Ту морамо застати... Првотно пред склоношћу ка болешљивости, оној која се,

архетипски, преко Мишкина изражава, а коју Ниче, генеалошки, у физио-психолошком комплексу њена испољавања сагледава и преко своје интерпретације хришћанства, односно первертирајуће нарави платонизма. Нихилизам је, о томе је овдје ријеч, и као реализам, као искуствена неминовност нашег доба, физио-психолошки услов сазнања нарави западне метафизике. Ако је весела наука, односно учење вјечног враћања истог парирало Христовом учењу, а саопштено је, тонски, у равноправној егзалтацији истине објаве, онда је Мишкин, у нашој ревизији, слика Ничеовог виђења Христа. Или је то слика свијета након Другог доласка... Она је, цјеловитије сагледавајући, двојака: репрезентована Заратустриним повратком свијету и свијетом који, својом реалношћу, показује, карикирајућу моћ изокрета. У овом другом, Мишкиновом случају, херој је идиот, а миметички ехо карактерних својстава сина Божијег дегенеративни симптом декаденције. Уосталом, ако би, овај и овакав, савремени свијет могао без Бога, какав би тај исти свијет био без Христа или са Христом? Непрекидна инверзија реалитета у апсолутну унутрашњост егзистенцијалне драме, показује, по Ничеу, да је Христ, битно, анти-реалиста (в. Stellino 2015: 115). Недостатак снаге за сусрет са реалношћу свијета манифестује се болешљивошћу која, као реверзибилна силница самоодбране, постаје начин егзистирања и опстанка. Наивност, дјетињаста прије него освјешћена, пуританизам Мишкинов, преосјетљивост, нервна устрепталост, недостатак природности, губљење спонтаности, отупљеност инстиката, ситуационо, оставља простор једино за субмисивност (моралу). Она је, опет, показница интензивне неусаглашености хришћанског архетипа и свијета. У позности историје, радикална неусаглашеност имплодира у епилептички, дакле физио-психолошки, симптоматски, стадиј само-објављења. Ин-валидност је, у крајњем стадију декаденције, физиолошка. Детектујући ово стање, као основно својство савремености, читамо контекст, мета-знак којим се, преко натчовјека до Раскољникова и Кирилова, именује услов нашег, егзистенцијалног, сазнања бивства. У преименовању истог, и код Ничеа и код Достојевског, преко нихилизма, увијек преко крајњег наимае — болести (воље), преступа и слободе на самоубиство — на путу смо ка Почетном. У завршници *Злочина и казне*, болест заточеног Раскољникова која, преко визије, а, уствари, преко судбине овог увијек истог свијета, води откровењу:

„Приснило му се у болести да је цели свет осуђен да буде жртва неке страшне, нечувене и невиђене куге која надире из крила Азије у Европу. Сви су јој морали подлећи осим неколицине изабраних. Појавиле су се неке нове трихине, микроскопска ситна бића што продиру у људска тела. Али су та бића била духови обдарени умом и вољом. Људи у које би се уселили претварали су се намах у бесомучнике и лудак. Али никад, никад нису људи мислили да су толико паметни нити су били толико уверени да знају истину колико управо они који су били заражени том болешћу. Никад нису мање сумњали у своје пресуде, у своје научне закључке, у своја морална уверења и начела. Цела насеља, цели градови и народи били су заражени и лудовали. Сви су се

узбунili и нису схватали један другога, сваки је мислио да само он зна праву истину и мучио се гледајући друге, бусео се у прса, плакао и кршио руке. Нису знали кога и како да суде, нису се могли сложити шта је добро, а шта зло. Нису знали кога да окриве, а кога да оправдају... Заређаше пожари, завлада глад. Све је под милим богом пропадало. Куга се ширила све даље и даље. Само се неколицина људи на целом свету могла спасити — то су били неокаљани и изабрани људи, предодређени да заснују нов људски род и нов живот, да обнове и очисте земљу, али нико никад није видео те људе, нико није чуо њихове речи ни гласа“ (Dostojevski 2015: 537, 538).

И коначно, у освјешћеној истини љубави, Раскољников и Соња, као посљедњи људи, од болести на увјерење, пропалог свијета и, удвоје, први људи новог свијета: „Обоје су били бледи и мршави, али је на тим бледим и болесним лицима већ сијала зора обновљене будућности, посвемашњег ускрснућа у нов живот. Ускрснула их је љубав, срце једног носило је у себи неисцрпне изворе живота за срце другога (Dostojevski 2015: 540).

Ова се, назначена, три егзистенцијална стадија самоспознаје, читавају, тематизирају у Ничеовој философији преко препознавања и тумачења симптома болести европских народа, превладавања морализма који захтјева одважни мисаони искорак с оне стране добра и зла, и преко учења о вјечном враћању истог које, у себи, генерише снаге оздрављења воље, дакле преиначење нихилизма у егзистенцијалну моћ истрајавања и стварања. Императив је, за наше доба, категоричан: очврснути и вратити виталност. Циљ није вјечни живот, него конкретна животност. Постаје видљиво да се урушавање човјека западне културе збива кроз њега самог, кроз његове вриједности, неодговарајућу љубав према себи (као човјеку) и, посљеднично, људском животу као таквом. Кириловом се именује смрт човјека као таквог, кроз акт слободне воље. Самоубиство с предумишљајем је радикални исказ апсурдног климатса хуманизма. Тако се и „пропаст хришћанства од његовога морала (који је нераздвојан), ...најзад окреће против хришћанскога Бога...“ (Ниче 1991: 53). И даље, ако је ријеч о тековинама западне културе које су израсле из трансценденталног услова стварности, а заборав савремености се управо и тога тиче, „...бављење науком доноси на крају самоуништење, окретање против самога себе, антинаучност. Од Коперника човек се котрља од центра ка х... Став уметности је потпуно неоригиналан у модерном свету... Нихилизам ће се манифестовати у свему као *психолошко сипање, на првом месију* кад будемо тражили у свему што се збива ‘смиао’ кога у њему нема: тако да ће тражилац на крају изгубити храброст. Нихилизам је стога освешћење о узалудном дугом траћењу снаге, агонија због ‘беспредметности’, неизвесност, немање прилике за какву било му драго врсту опоравка или за достизање мира у погледу на шта било — стид пред самим собом као да је човек одвећ дуго *варао* сама себе...“ (Ниче 1991: 54, 57, 58). На концу: „Радикални нихилизам јесте уверење о потпуној неодрживости живота, у односу на највише досада признате вредности...“ (Ниче 1991: 55).

Мишкин или Христ у свијету откинутом од Бога, Раскољников и Соња — први људи будућег човјечанства, отјелотворена истина јеванђеља за свакога и ни за кога, Кирилов — посљедњи човјек, доказан самоубиством без узрока, предумишљајно, чином слободне воље: тако се, код Достојевског, нихилизам испоставља као пут самоспознаје. У Ничеовом контексту, иста се цјелина разабире у Заратустрином учењу о вјечном враћању истог: од смрти Бога до натчовјека који је исход пропасти хуманизма кроз властиту суштину, односно, довршења традиционалне метафизике као платонизма. Песимизам, на концу, диониском мудрошћу, бива преображен у витализам... Посљедња, и пред знаном нам пропашћу, али изнад страха и сажаљења, наложена нужна, увијек иста истина човјекова опстанка у, по свему овоме, ипак једном а, под дејством негативне воље за моћ, и данас расцијепљеном свијету. Дакле: и Ниче и Достојевски, за ово наше трагично доба...

ЛИТЕРАТУРА

- Достојевски Фјодор. *Идиот*. Београд: Издавачко предузеће „Рад“, 1958.
 Ниче Фридрих. *Тако је говорио Ниче*. Београд: Невен, 2007.
 Ниче Фридрих. *Воља за моћ*. Београд: Дерета, 1991.
 Ниче Фридрих. *С оне стране добра и зла — Генеалозија морала*. Београд: СКЗ, 1993.
 Хајдегер Мартин. *Шумски путеви*. Београд: Плато, 2000.
 Хајдегер Мартин. *Увод у метафизику*. Врњачка Бања: Ейдос, 1997.
 Dostojevski Fjodor. *Zločin i kazna*. Beograd: Book d.o.o., 2015.
 Dostojevski Fjodor. *Zli dusi I, II*. Beograd: Izdavačko preduzeće „Rad“, 1975.
 Kami Alber. *Eseji*. Beograd: Paideia, 2008.
 Niče Fridrih. *Rođenje tragedije*. Beograd: BIGZ, 1983.
 Niče Fridrih. *Vesela nauka*. Beograd: Grafos, 1984.
 Stellino Paolo. *Nietzsche and Dostoevsky: On the Verge of Nihilism*. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, New edition, 2015.

REFERENCES

- Dostojevski Fjodor. *Idiot*. Beograd: Izdavačko preduzeće „Rad“, 1958.
 Dostojevski Fjodor. *Zli dusi I, II*. Beograd: Izdavačko preduzeće „Rad“, 1975.
 Dostojevski Fjodor. *Zločin i kazna*. Beograd: Book d.o.o., 2015.
 Hajdeger Martin. *Uvod u metafiziku*. Vrnjačka Banja: Eidos, 1997.
 Hajdeger Martin. *Šumski putevi*. Beograd: Plato, 2000.
 Kami Alber. *Eseji*. Beograd: Paideia, 2008.
 Niče Fridrih. *Rođenje tragedije*. Beograd: BIGZ, 1983.
 Niče Fridrih. *Vesela nauka*. Beograd: Grafos, 1984.
 Niče Fridrih. *Volja za moć*. Beograd: Dereta, 1991.
 Niče Fridrih. *S one strane dobra i зла — Genealogija morala*. Beograd: SKZ, 1993.
 Niče Fridrih. *Tako je govorio Niče*. Beograd: Neven, 2007.
 Stellino Paolo. *Nietzsche and Dostoevsky: On the Verge of Nihilism*. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, New edition, 2015.

Želimir Vukašinović

NIETZSCHE AND DOSTOEVSKY: THROUGH NIHILISM, TO SELF-UNDERSTANDING

Summary

The paper examines the origin of nihilism that, in the form of radical violence, manifests itself as an organising principle by which a „new world” is to be created. Destruction is represented, through terrifyingly perverted meaning of human life, as a creative force. The „new world”, equally, illuminates an eternal return of sameness of the utilitarian order which, as a historical inevitability, delivers values based on an antagonistic interpretation of the relationship between East and West. The alleged clash of civilisations implies a view of the world which creates the conditions for a historical reality imposed as the scene of the struggle for truth, and revanchism, implicitly, remaining an essential resource for the political, fundamentally market economy. The interpretation of the activity of spirit, in the form of philosophy and literature, has, in this case, a purpose to overcome the passive nihilism and, implicitly, a naive understanding of nihilism, toward a more complete perception of the conditions of self-understanding that Nietzsche and Dostoevsky illuminated by their writings. Namely, after the completion of traditional metaphysics, as well as of idealism in its historical range from Plato to Hegel, challenge remains: to face nihilism as the realism of our age and, immanently, as a necessary way of understanding the existence itself.

Keywords: nihilism, illness, transgression, suicide, God, man, self-understanding.

Inson Choi

Duksung Women's University

Cha Mirisa College of Liberal Arts

insonc@naver.com

<https://orcid.org/0000-0003-4556-2261>

THE GROTESQUE AESTHETICS OF TOLSTOY'S *WAR AND PEACE*

This paper aims to analyze Tolstoy's *War and Peace* through the lens of grotesque aesthetics. The grotesque is a literary style that seeks to expose the underlying reality of things hitherto taken for granted through uncanny and unfamiliar images and language. In *War and Peace*, the grotesque effectively embodies Tolstoy's literary artistry. The oddity and horror evoked by the grotesque reveal the dark abyss within the human psyche or cast a moral judgment on spiritual corruption. More saliently, the unique characteristics of the grotesque in *War and Peace* reveal the gap between the truth of life as perceived by its protagonist Andrei and objective reality from an epistemological perspective. Andrei's revelations, in particular, are closely linked with grotesque motifs, such as physical disease, corpses, pests, and the Sphinx, suggesting that a consciousness fractured by extreme physical suffering can perceive a transcendent world beyond the reach of reason and gain a sense of a noumenal realm beyond the phenomenal world.

Keywords: Leo Tolstoy, *War and Peace*, grotesque, the dark abyss, epistemology.

I. Grotesque and Tolstoy

The grotesque, a literary style that seeks to recreate reality from a new perspective, is epitomized in Kayser's *The Grotesque in Art and Literature* and Bakhtin's *Rabelais and His World*.¹ While Kayser defines the eerie, the macabre, and the inhuman as the essence of the grotesque world, Bakhtin identifies it as the

¹ The study of the grotesque, led by scholars in France (notably Hugo's Preface to Cromwell), England, and Germany during the 18th and 19th centuries, culminated with Kayser. Significant post-Kayser studies on the grotesque include *The Ludicrous Demon: Aspects of the Grotesque in German Post-Romantic Prose* (Jennings 1963), *The Grotesque in English Literature* (Clayborough 1965), *The Grotesque: A Study in Meanings* (Barasch 1971), *The Grotesque* (Thomson 1972), *On the Grotesque: Strategies of Contradiction in Art and Literature* (Harpham 1982), *Fiction of the Modern Grotesque* (McElroy 1989), and *The Modern Satiric Grotesque and Its Traditions* (Clark 1991). For an overview of early German and French research on the grotesque, see Meindl (1987: 13–15).

subversive function of laughter. These contrasting perspectives reflect the different periods of Western culture they represent: Romanticism and Modernism versus the pre-Romantic Renaissance, respectively, contrasted by modern aesthetics and ancient carnivalesque. Their seemingly opposing views are reconciled by the inherently self-contradictory nature of the grotesque; Meindl (1987) says “the divergence between Kayser’s and Bakhtin’s concepts of the grotesque is *transcended* to a certain extent *by the grotesque itself* since its central characteristic, or effect, is *self-contradiction*” (Meindl 1987: 18, emphasis added). Kayser’s macabre suggests a bright hope for a new world beyond the estranged one, while Bakhtin’s concept of laughter embodies a destructive “darkness” that precedes a new birth (Bakhtin 1984: 21). These views on the grotesque are not mutually exclusive. For both, the grotesque exposes the contradictions and absurdities of reality through uncanny and unfamiliar images and language while also highlighting the gap between the perception of the conscious agent and actual phenomena from an epistemological perspective. For instance, Kayser defines the grotesque as an estranged world, asserting that its essential characteristic is the shudder and fear one feels when trust in the previously unquestioned world is revealed as an illusion. Thus, he identifies the core of the grotesque as a “fear of life rather than fear of death” (Kayser 1966: 185), suggesting that we consider the phenomenal reality unveiled by this fear. Bakhtin (1984: 21), meanwhile, highlights degradation as a distinctive feature of grotesque realism² that portrays both “upward” and “downward”, symbolizing heaven and earth. Earth is simultaneously the grave and the womb, embodying both death and renascence. In grotesque realism, degradation is a destructive force that has the potential for renewal and rebirth. It does not cast an object into the void of nonexistence; instead, it hurls it into the fertile lower stratum, the zone of conception and new life.

Anxiety and fear stem from the recognition of an unknown other or suppressed reality, such as a corpse, a fragmented self, madness, or demonic elements, which gradually settles into consciousness once that other or reality is perceived to be hostile. However, the power of the grotesque as a literary allegory is its ability to expose the contradictions between “my perception” and “reality”, exposing the circumstances and reality of existence that are more terrifying than the unfamiliar other that caused the fear. Thomson (1972: 28) identifies macabre, absurdity, the distortion of nature, and demonic elements as key elements of grotesque aesthetics, arguing that these factors, intertwined with fear and anxiety, distort reality while simultaneously revealing the inherent truths within it. The unfamiliarity and fear evoked by the grotesque allow us to capture the dark abysses within human beings and the grotesque nature of existence while also revealing the conscious agent’s limitations from an epistemological perspective.

² Kokobobo states that grotesque realism shares properties of both the grotesque and realism in that “like the grotesque, it [realism] produces a warped portrayal of the world with a focus on the body and hybrid unshapeliness, while simultaneously retaining realism’s priorities by adhering to verisimilitude and never fully leaping into the supernatural” (Kokobobo 2018: 3).

To achieve this, the grotesque employs motifs such as monstrosities, madness (lunatics), dehumanization, death (corpses), ruins, dreams, nightmarish fantasies, supernatural phenomena, and the hybridity of animate and inanimate beings. In 19th-century Russian realist novels, these motifs were used to uncover the truths of life. For instance, Gogol, in *Diary of a Madman*, *The Nose*, *The Overcoat*, and *Dead Souls*, exposed the eerie reality that surpasses grotesque fantasies by using madness, nightmarish visions, and the hybridity between humans and objects or animals. Similarly, Dostoevsky, in *Bobok*, satirized the devious and decadent masses through the grotesque voices of the dead.³

However, the romantic motifs associated with supernatural elements, such as the walking nose or the voices of the dead, gradually fade out of Russian realist fiction; “The Russian realist grotesque is flattened of its supernatural components and either is redirected inward into a monstrous or vacuous psyche or assumes other quieter, metaphorical tones” (Kokobobo 2018: 13–14).⁴ According to Kokobobo, grotesque characters in Russian realist novels are primarily depicted as humans hybridized with animals, corpses, or objects. This rhetorical strategy effectively portrays the upper class, declining after the Great Reforms, as devoid of humanity.⁵ Matich (2005) critically examines the dismembered bodies depicted in Tolstoy’s works, suggesting that “Tolstoy engaged dissection and vivisection as a punitive measure or to create a gothic effect” (55). Prince Anatole Kuragin’s loss of a leg is interpreted as “symbolic castration” (38) in response to ethical depravity, while the depiction of Anna’s body as a dismembered corpse after an inappropriate relationship is analyzed as a metaphor for the consequences of violating God’s laws (43).

In Tolstoy’s *War and Peace*, the grotesque is employed through human–animal or human–object hybrids and various other metaphors, but the novel still retains some remnants of Romantic motifs associated with the grotesque. These include madness (lunatics), demonic visions, death (corpses), pests (flies and cockroaches), humanized objects, objectified humans, and the metonymic imagination of fragmented bodies, and are used to expose the dark abysses within

³ Dostoevsky’s works are deeply infused with the inner conflicts of the multifaceted human soul; he drew upon these conflicts as the primary source of his literary expression. In *Crime and Punishment*, *The Demons*, and *The Brothers Karamazov*, he contrasted the grotesque desires born from physical corruption, reason, and rationality with a spiritual and pure world and explored the fundamental limitations and sufferings inherent in humanity, as well as the possibility of salvation.

⁴ Kayser (1966: 121–129) approached the grotesque primarily from an aesthetic perspective. He stated that the grotesque declined in the 19th century following the Romantic era, but noted that a significant shift from Romantic to realist grotesque occurred in Russian literature of this period, particularly in Gogol’s *Diary of a Madman*.

⁵ Ani Kokobobo interprets the grotesque in *Anna Karenina* as portraying Anna, who, having lost her spirituality and sense of self, becomes a human–animal hybrid due to her obsession with sexual pleasure. Nikolai’s decaying corpse reflects his loss of spiritual energy; here, Kokobobo sees a reminder of the dichotomy between soul and body, symbolizing the death of a spiritual being (Kokobobo 2018: 62–77). In *Resurrection*, the merchant’s corpse “serves as a metonymic reflection of the wider loss of spiritual identity in the novel” (Kokobobo 2018: 107).

human beings or to represent a moral judgment on spiritual depravity. For example, the lunatic on the Sokolniki field creates a terrifying, wild, and prophetic impression. The sacred terror inspired by the lunatic reveals the violence inherent in the masses, suggesting that Rastopchin's earthly crimes cannot escape the judgment of conscience.

The unique characteristic of the grotesque in *War and Peace* is its ability to reveal the conflict between the characters' beliefs about life and the reality they face through the lens of epistemological realization. The narrative technique that illustrates the work's core theme is that 'life is not a simple substance that can be analyzed or understood by human reason.' Andrei realizes that the laws of the transcendent world flow autonomously beyond life's painful inequalities; there is an unbridgeable gap between the laws of life, grounded in experience, and the laws of the transcendent world. This realization is particularly significant because it is closely tied to his physical injury and moribund state. The grotesque atmosphere — filled with mutilated bodies, blood, painful moans, filthy insects, and haunting visions — suggests that Andrei can only approach the truth of life by transcending the boundaries of everyday existence, within a situation fractured by the grotesque. Similarly, Rostov comes to recognize the true face of the emperor he once revered, as well as the harsh reality of war, in a field hospital filled with the stench of corpses.

Thus, in *War and Peace* — a novel with an expansive epic narrative, complex symbolism, metaphysical propositions, and lyrical aesthetics — the grotesque serves to expose the dark abysses within human beings and cast moral judgment on spiritual depravity and to depict the grotesque situation, the gap between life's beliefs and practical reality, while highlighting the epistemological limitations inherent in such conflicts.

II. The Grotesque: The Dark Abyss Within the Human Mind

In *War and Peace*, Tolstoy defines the truth of life as something that transcends individual will and understanding, rendering it a substance beyond interpretation or inference based on causal relationships. He clearly delineates between good and evil: "There is no ambiguity or uncertainty about who is good and who is evil, who is wise or foolish, cunning or ingenuous, and what is vain, false, and hypocritical" (Wasiolak 1978: 69). Platon Karataev, adapting to life, Natasha, radiating vibrant energy, and Princess Marya, a beacon of goodwill, are clearly portrayed as virtuous characters. Meanwhile, Prince Anatole Kuragin and Ellen, consumed by physical desires, along with the snobbish Prince Vassily and Boris, are depicted as villains. In this clear dichotomy of good and evil, Tolstoy employs grotesque aesthetics to portray characters who lack a soul and are spiritually depraved, as exemplified in fragmented bodies, objectified humans, animal metaphors, dreams, mysteries, demons, and madness (lunacy).

As Merezhkovsky (2000) notes, the repeated depiction of specific body parts in *War and Peace* serves to reveal the inner soul of the characters. This

aligns with Matich's observation: "The Tolstoyan metonymic detail in such instances becomes not a token of the whole, but a fetish with its own narrative momentum" (2005: 35). The grotesque details, repeated through this synecdoche, expose the inner world of negative characters.⁶ The wrinkles around Prince Vasili's mouth reveal his coarse nature, while Lise's little upper lip evokes her immature soul and meaningless words. Napoleon's white hand⁷ and Speransky's white hand remind Andrei of the spiritual absence of the dead, as he states, "Such whiteness...had only seen on the faces of soldiers who had been long in hospital" (Tolstoy 2010: 458). After the ball with Natasha, Andrei, who has regained a sense of life, finds Speransky's act of stroking his daughter with his white hand and kissing her to be "unnatural" (2010: 497). Following Lise's death, Andrei, who had a special affection for his son, intuitively recognizes the lifelessness of Speransky, who lives an artificial life consumed by the narcissism of rationalism. Andrei's disillusionment, marked by grotesque laughter with a "high-pitched voice" and startling white hands, resembles the narrator's reaction to the grotesque sounds of the dead in Dostoevsky's *Bobok*.

Furthermore, the grotesque becomes a strange other that poses existential questions to the protagonists. On a stormy, cold night, Andrei gazes at Liza's face as she suffers through the pain of childbirth, as if she were saying, "I love you all and have done no harm to anyone; why must I suffer so?" (2010: 350). Three days later, during the funeral of the little princess, both Prince Andrei Nikolayevich Bolkonsky and old Prince Nikolai Bolkonsky feel as though the "little upper lip covered with down" is repeating the same words, making them realize that they have committed an irreversible mistake. Through Liza's upper lip and the words seemingly embedded in her portrait, Andrei must confront his own guilt for having judged her subjectively without acknowledging her otherness. Andrei moves beyond Liza's terrifying words and feels as though her portrait is looking at him "simply, merrily, and inquisitively" (2010: 453) after being inspired by the vitality of the oak tree and experiencing the joy of renewal, implying that Liza's words and gaze possessed supernatural power. This prompts Andrei to realize that his life and the lives of others are of equivalent value.

Not only do grotesque metonymies carved out from the body add detail to the grotesque, but metaphors and similes involving animals and objects also contribute to its complexity. Partly agreeing with Christian's observation in *War and Peace*, where "imagery, metaphor, and metonymy are quite rare, and even similes" (1969: 143), these rhetorical elements often relate to animal imagery and

⁶ Matich, citing Merezhevsky's analysis, interprets Liza's upper lip as possessing an independent, supernatural power similar to Gogol's *Nose*: "Finally, this white hand begins to pursue one like a specter: like the young princess's upper lip, it becomes as if severed from the rest of the body. It acts independently and lives its own individual, strange, almost supernatural life, resembling a fantastic face, as in Gogol's *Nose*" (Merezhevsky, as cited in Matich, 35).

⁷ Napoleon removes his gloves and signals the marshals to start the battle with his "shapely white hand" (2010: 291), which can be seen as a symbol of cruelty and lifelessness, given that countless lives are lost at its command. Similarly, Andrei, who feels weary of life after marrying Liza, is also described as having "small white hands" (2010: 26).

the physical world governed by mathematical laws to evoke a sense of the grotesque, such as the comparison of Anna Pavlovna Scherer's soirée to "a spinning-mill" (2010: 11), likening her and her guests to a mill owner and workers, and that of Prince Vasil's speech to "a wound-up clock" (2010: 11) and Boris to "narrow, like the dining-room clock" (2010: 482). These metaphors vividly depict the lives of those who live mechanically, having lost their spiritual vitality. Just as the dining-room clock in *The Death of Ivan Ilyich* serves as a metonymy for the linearity of time without reflection on life, the comparison of Boris to a dining-room clock represents his life, trapped in the repetitive cycle of the minute and second hands, and failure to achieve spiritual growth, unlike Pierre. Natasha's description of Pierre as a dark blue — a mix of the blue of the sky and the red of blood —⁸ and definition of Boris as a colorless dark gray, reminiscent of the pallor of the dead, effectively captures his lack of vitality. His inappropriate relationship with Ellen, his use of Freemasonry as a political tool, and of melancholy as a means to marry the wealthy Julie⁹, vividly reveal his dehumanized attributes. Other prominent examples include the comparison of the pleasure-seeking Pierre to a bear, Napoleon to Paris, Bagration to a "rare animal" (2010: 331), and the French army invading Russia to beasts, all of which grotesquely represent their spiritual absence.

However, the most aesthetically grotesque effects in *War and Peace* are found in metaphors involving the devil, the appearance of madmen, and grotesque phantasma. The devil is embodied by the physically corrupt Anatole. When Marya considers accepting Anatole, who has come to Bald Hills to propose, as her husband, she feels an unprecedented fear and senses that someone is standing in a dark corner behind a partition: "And this someone was he — the evil — and he was also this man with the white forehead, black eyebrows, and red lips" (2010: 242). The phantasm of the devil is conjured by Marya's pure soul, which instinctively perceives Anatole's corruption, and becomes a protective supernatural force.

The devil also appears on the opera stage, where Natasha and Anatole indulge in each other, symbolically representing Natasha's spiritual corruption. Natasha's misfortune could have been averted. When she visits Melyukova during Christmas week, Natasha learns that hearing "hammering and knocking" (2010: 566) in the barn during a fortune-telling session is an ominous sign that foretells misfortune. She hears "something metallic was struck three times" (2010: 604) during the second act of the opera; however, she is overwhelmed

⁸ When Sonya looks into the mirror for fortune-telling, she falsely claims that she sees the color red in Natasha's future husband. Natasha does eventually marry Pierre, who is represented by the color red (2010: 570). Marya's benevolent vitality is often depicted through the red blush that appears on her face.

⁹ Boris sketches a grave and inscribes the following death-related poem beside it when proposing to Julie: "Death is redemptive and death is tranquil, Ah! against sorrow there is no other recourse" (2010: 589). This bizarre proposal metaphorically reflects the grotesque nature of his life and soul.

by her physical desire for Anatole, which grows as high as Dufour's leaps, and succumbs. The eerie metallic sound, reminiscent of the grotesque peasant in *Anna Karenina*, implies that a crack has formed in Natasha's soul, allowing Anatole's corrupt soul to seep in. In the fourth act of the opera, Natasha only sees Anatole and the devil singing on stage, clearly indicating that the devil Marya saw has captured Natasha's soul.

Similar to this scene with the devil, one of the most aesthetically grotesque scenes in *War and Peace* occurs when Count Rastopchin, after brutally executing Vereshchagin to appease the enraged crowd, encounters a madman dressed in white on the desolate Sokolniki field. The mentally ill, who had been released following the abandonment of Moscow, was roaming in the fields enjoying his newfound freedom. This scene creates a terrifying, wild, and prophetic impression:

Swaying from side to side on his long, thin legs in his fluttering dressing gown, this lunatic was running impetuously, his gaze fixed on Rostopchin, shouting something in a hoarse voice and making signs to him to stop. The lunatic's solemn, gloomy face was thin and yellow, with its beard growing in uneven tufts. His black, agate pupils with saffron-yellow whites moved restlessly near the lower eyelids (2010: 958).

Just as the ghost in Gogol snatches the back of a prominent figure, reminiscent of Akaky Akakievich whose overcoat was robbed, the gaunt and sallow face with flashing pale yellowish eyes evokes memories of the dead Vereshchagin. Rastopchin is engulfed in fear; he recalls the "astonished, frightened, blood-stained" (2010: 959) face of Vereshchagin when the madman, mumbling, charges toward him. Just as the ghost in *Gogol* served as a judge calling for moral condemnation of the prominent figure who turned away from Akaky, the grotesque fear exuded by the madman suggests that Rastopchin's crimes on earth will never escape the judgment of his conscience. At that moment, Rastopchin clearly realizes that this memory will remain brutally etched in his heart.

The madman's ghastly appearance also vividly portrays both the irrational violence of the world shaped by the ruling class and the frenzied violence of the crowd that ruthlessly trampled Vereshchagin. Vereshchagin's corpse, abandoned in the square with its "long thin half-severed neck and its livid face stained with blood and dust" (2010: 956), reveals the coexistence of two contradictory forces within the crowd — dynamic energy resisting centripetal forces and mad, barbaric violence. More importantly, however, it should not be forgotten that the crowd's barbarism stemmed from the gap between their beliefs and reality. Moscow's populace firmly believed that the aristocrats, led by Commander-in-Chief Rastopchin, would never abandon Moscow, which they regarded as the soul of Russia and the center of Orthodox tradition. Enraged when everyone left the capital, leaving them behind, the mob brutally murdered Vereshchagin and incited a riot. The grotesque situation of abandoning Moscow was psychologically transferred, leading to the grotesque riot. The empty Moscow and the half-de-

capitated corpse of Vereshchagin feel all the more grotesque as they evoke the realization that the fall of the empire due to war caused the collapse of traditional values, beliefs, and morality.

However, the gruesomeness of the madman paradoxically encapsulates the potential for resurrection: "Actually the grotesque, including the Romantic form, discloses the potentiality of an entirely different world, of another order, another way of life" (Bakhtin 1984: 48). The madman who catches up with Rastopchin's carriage shouts:

Thrice have they slain me, thrice have I risen from the dead. They stoned me, crucified me ... I shall rise ... shall rise ... shall rise. They have torn my body. The kingdom of God will be overthrown ... Thrice will I overthrow it and thrice re-establish it! (2010: 958).

The stoning, the torn body, and the cross are conventional symbols representing the humiliation, suffering, and sacrifice of Jesus Christ, symbolizing the lives of the masses deprived of their right to life in the legal vacuum intended by the law. However, the repeated vow of resurrection also hints at the possibility of rebirth, which is supported by the significance of the number three. In Christianity, three represents the divine unity of the Trinity (Father, Son, and Holy Spirit), as well as new life and salvation as Christ rose from the dead on the third day.¹⁰

Moreover, the Great Fire of Moscow, which served as the catalyst for Russia's resurrection, brings to mind the "fire festival" mentioned by Bakhtin, quoting Goethe, in his analysis of the universal worldview of the carnival format. He interpreted the carnival atmosphere of fire, in which burning and rebirth are cyclical, as a wish consolidating death and life. In other words, the "ancient ambivalence of the death wish" (Bakhtin 1984: 249) — "Die, so be born again" — dominates the fire festival. In this context, the Great Fire of Moscow becomes a necessary condition for rebirth. The madman's repeated cries of "death, resurrection, dissolution, and reconstruction" indicate that the fire, driven by the people, will lead to Russia's resurrection. Additionally, the madman's prophetic behavior and words serve as an allegory for the broad trajectories of Andrei and Pierre's lives marked by repeated spiritual crises and leaps,¹¹ suggesting their eventual attainment of spiritual freedom.

¹⁰ Numbers carry various symbolic meanings in addition to their quantitative value: "In symbolism, numbers are not merely the expressions of quantities, but idea-forces, each with a particular character of its own" (Cirlot 1983: 230). Of all numbers, "three" has been a symbol of death and resurrection since ancient Greek times. Vries' dictionary (1976) describes its death-related connotation: "Three: death and regeneration: a. Greek: number sacred to the dead: invoked three times and mourned for three days; b. The Threefold Great Goddess is goddess of death and regeneration: the cycle of fertility: (re)birth, growth, and decay;" (463). "Three" has a special meaning in Eastern culture as well: "The Chinese called three a perfect number (ch'eng) as an expression of wholeness and fulfilment — nothing can be added to it" (Chevalier & Gheerbrant 1994: 993).

¹¹ Regarding Tolstoy's protagonists, Nabokov (1981) noted: "the process of seeking the Truth seemed more important to him than the truth" (141).

Interestingly, after the madman's scene on the Sokolniki field, Pierre is described as being "in a state of excitement bordering on insanity" (2010: 966). His madness stems from his mission to save Russia after witnessing Moscow's fall to the French army. As Pierre delves deeper into the esoteric connection between his name and Bonaparte's, his madness consumes him, reaching its peak with the appearance of Makar, the brother of Iosif Alexeevich. The lunatic Makar circles around Pierre, who is engrossed in his plan to assassinate Napoleon in Iosif's study. Eventually, Makar seizes a pistol and, mistaking a French officer for Napoleon, fires it. This episode reveals a kinship between Pierre and Makar, as both are gripped by madness and share the delusion of assassinating Napoleon to save Russia. This serves as a satire on the recklessness of attempting to assassinate Napoleon in the name of saving Russia.

Notably, this ludicrous incident takes place in Iosif's study and home. Ironically, the prophecy about Napoleon derived from the Book of Revelation was communicated to Pierre by a fellow Freemason. Pierre attempted the assassination in Iosif's study, ironically linking Pierre's madness and violence to the doctrine of Freemasonry. Pierre, who underwent an initiation ceremony in a grotesque setting filled with skulls, coffins, and darkness, experiences a fleeting joy of self-purification. However, the next day, he demands that Vasili leave the room with a face full of "fury" (2010: 388) as Vasili tries to reconcile him with Ellen. Ellen and Boris have an inappropriate relationship; during Boris's initiation ceremony, Pierre confesses, "I wished really to stab his bare breast with the sword I held to it" (2010: 473). Even in his diary, where he reflects on the doctrine of Freemasonry for self-purification, Pierre pours out his frenzied rage against Dolokhov. Pierre's madness reveals that the core doctrine of Freemasonry, self-purification, is an empty concept.

Apart from these metaphors and symbolisms, the grotesque in *War and Peace* functions as an aesthetic device that unveils the presence of a world beyond reality. For example, when delirious, Tushin perceives a unique realm where reality and fantasy overlap:

...Tushin did not experience the slightest unpleasant sense of fear, and the thought that he might be killed or badly wounded never occurred to him. On the contrary he became more and more elated. ... It seemed to him that ... the corner of the field he stood on was well known and familiar ground. he was in a state akin to feverish delirium or drunkenness. ... from the sight of all these things a fantastic world of his own had taken possession of his brain and at that moment afforded him pleasure. The enemy's guns were in his imagination not guns but pipes from which occasional puffs were blown by an invisible smoker (2010: 205).

Tushin, who embodies oxymoronic images of the "wise fool" and the "tragic clown", recreates the horrific moments of war as a unique world of fantasy. In his drunken delirium, Tushin imagines the enemy's cannons as tobacco pipes emitting round rings of smoke and perceives the war as an exhilarating game. In this state, as if driven by supernatural forces, he transcends the fear of death

and perceives the here-and-now as his familiar “Heimat” (rootedness). Considering that the fear of death arises from the consciousness of being separated from the wholeness of nature, and the sense of immortality from the feeling of being united with nature in oneness, Tushin’s immersion suggests that he resonates with the cyclical order of nature, which cannot be analyzed or predicted by the power of reason. Observing Tushin in this delirious state, Andrei recovers a sense that the world around him is unfamiliar, gaining an intuitive perception of a transcendent world beyond the phenomenal one, which cannot be proven by reason. The “sky” at Austerlitz was possible because of this awareness.

As demonstrated in Tushin’s transcendental experience of “Heimat” and Andrei’s intuitive perception of a transcendent world, the grotesque in *War and Peace* functions as a device to expose the dark abyss of the human psyche and to embody a moral judgment on spiritual corruption as well as an aesthetic device that reveals the presence of another world beyond reality from an epistemological perspective. The next section sheds light on the epistemological challenges encountered by the protagonists, focusing on the character of Andrei.

III. The Grotesque: The Gap Between Existence and Eternity

In *War and Peace*, Tolstoy asserts that life is a reality that can never be fully understood by human reason.¹² This is the source of Andrei’s tragedy. Unlike Pierre, who adapted to the self-sufficient flow of life, Andrei took a rational approach to life’s truths, enduring the pain of seeing his beliefs and hopes shattered against the wall of reality. He eventually realized that even the empirical laws learned from that pain were futile against the truth of the transcendent world.¹³ The grotesque is a crucial device for depicting these clashes and conflicts.

Moreover, this awareness and revelation are intricately connected to grotesque aesthetics. Truth is revealed to Andrei unknowingly, in states of “sickness, exhaustion, or a kind of absent-mindedness” (Wasiolek 1978: 74). According to Morson (1987: 205), “Tolstoy’s absolute perspective derives directly from his sense of the mind as largely disordered”, suggesting that Andrei’s revelations are linked to grotesque motifs such as dismembered bodies, agonized groans, bleeding, flies, and the vision of the Sphinx, indicating that truth can only be accessed in a fractured state, alienated from human reason. The sky-gazing at Austerlitz, Liza’s death, soldiers bathing in a filthy pond, and the wounds and deaths at the Battle of Borodino exemplify Andrei’s grotesque encounters.

¹² Berlin (1993: 91–93) and Morson (1985: 5) explained that the internal struggle between individuality and universality forms the foundation of Tolstoy’s artistry; unable to find the universal laws governing life and history, Tolstoy granted his protagonists freedom while concealing his own desires. In contrast, Wasiolek (1978: 8–9, 20–21), Clay (1989: 43–88), and Gustafson (1986: 132) argued that Tolstoy’s characters were dedicated to overcoming personal desires and seeking the universal laws inherent in everyday life.

¹³ Eikhenbaum (1968: 40) and Carden (1978: 519–534) shared the view that Tolstoy manifested the mental world of his characters through their experiences. Carden focused on the fluid process by which the self grows and changes in response to these experiences.

After Andrei's disillusionment with conjugal life, he decides to join the war, driven by a desire to shape the course of history as his idol Napoleon did. However, during Weyrother's strategy meeting, described as a "soporific drone of the mill-wheel" (2010: 280) and "une leçon de géographie"¹⁴ (2010: 279), the soldiers' sudden laughter, sparked by Tit's joke, makes Andrei aware of a "mystic power and glory" (2010: 282) hovering above him. Their belly laughs resonate more deeply than Weyrother's tedious strategy, directly mediating the mystical world that defies analysis by or inference from rational intellect. In stark contrast to the calculated plans of the meeting, the world of ordinary people is governed by the cyclical flow of nature — like the seasons — connecting naturally to their lives. Even war is absorbed into the cyclical order, symbolized by their laughter.

Andrei, once consumed by ambition like Napoleon, begins to resonate with the soldiers' laughter, sensing the "mystic power and glory", and realizes the full meaning of this more profoundly on the Pratzen Heights, where he gazes at the sky after being severely wounded. In a semi-conscious state, he perceives the limits of human will in contrast to the vastness of the sky and realizes that history is shaped by the collective flow of the masses, not by individual heroics. Napoleon is no longer a hero to him, merely a vermin attracted to the people's free will, like the flies attracted to the smell of blood. When the mortally wounded Andrei dismisses Napoleon's voice as "the buzzing of a fly" (2010: 310), swatting away the irritating fly becomes more important to him than the presence of the emperor. Ultimately, Napoleon, grotesquely portrayed as a human-vermin hybrid, prompts Andrei to reconsider the order of life he perceives and confront the inequalities and complexities of existence.

After recognizing the individual's role within the organic whole through his experience of the vast sky, Andrei is immediately faced with Liza's death. The grotesque elements of the Pratzen Heights — cold, snow, a sudden gust of wind, extinguished candles, groans of pain (animalistic sounds), bleeding, and the death of Liza, whom he had hoped would forgive him — are reenacted at Lysye Gory. The grotesque horror evoked by Liza's death fundamentally undermines Andrei's newfound understanding of life, amplifying his distrust. While the vast sky granted Andrei a new vision, allowing him to see Liza as an entirely different person, the opportunity to alleviate his guilt by asking for her forgiveness was denied. In the end, Liza's death remains a grotesque symbol demanding an explanation for life and death, engraved in Andrei's psyche and continually weighing on his inner world.

Thus, the grotesque amplifies the chasm between empirical laws of life and reality, as exemplified by the peasant rebellion in Bogucharovo. Tolstoy fully understood how peasants, dubbed "steppe-peasants" (2010: 771), who attempted to migrate to "warm rivers" (2010: 772) out of yearning for freedom, were lured into revolt by Napoleon's promise of liberation and rose up in the Smolensk region (Shklovskii 1970: 76–81). By portraying Andrei and Marya as idealistic and

¹⁴ French for "a geography lesson".

devoted landowners, Tolstoy frames their rebellion as a betrayal of goodwill. Andrei pioneered serf emancipation in Russia, relieving peasants of their duties and establishing institutions to improve their lives. Marya aimed to distribute “landlord’s grain” (2010: 779) and provide land and housing. Despite these efforts, the peasants, characterized as “boorish” by the old prince (2010: 779), rebelled, even endangering Marya’s life. This betrayal of goodwill is instrumental in construing the peasant rebellion as barbaric and animalistic — a perception exacerbated by their drunken outbursts (Hruska 2007: 636–637). This betrayal justifies the Rostov’s brutality in suppressing the riot, as if hunting animals in the field. Ultimately, confronting the grotesque barbarism of the peasants, depicted as human–animal hybrids, shatters Andrei and Marya’s beliefs and faith. Betrayed by peasants and Natasha, Andrei loses the sense of life regained through the view of the sky at the ferry and at Otradnoye. “His remaining task in the novel will be to find some transcendence of this material realm” (Gustafson 1986: 68), which is manifested in the grotesque contrast between the lyrical depiction of young girls secretly picking plums from the greenhouse tree and soldiers bathing in a dirty pond. This chance encounter with the young girls prompts Andrei to recognize the inherent equality of all autonomous wills, irrespective of individual interests or values. Whether it is Andrei reforming Bogucharovo, the peasants rebelling against Marya, Bagration immersed in military strategy, or a young girl stealing plums, everyone’s capacity as an autonomous being demands equal recognition.

However, Andrei’s sense of equality is short-lived. The naked white bodies, likened to “carp stuffed into a watering can” (2010: 755), wallowing in the dirty pond evoke the grotesque. These bodies are symbolic of the limitations of the physical world in stark contrast to the sky (Gustafson 1986: 67–68); they evoke disgust and horror in Andrei, who senses the presence of another force beyond the earthly world that consumes the autonomous will of individuals as mere cannon fodder. This realization, encapsulated in the chilling phrase “flesh, bodies, chair à canon!” (2010: 756), foreshadows his tragic destiny. When mortally wounded at Borodino and confronted with a tent filled with blood-soaked bodies filling the dirty pond, Andrei shudders. This stems not from fear or the grim reality of a wounded soldier, but from the irrevocable knowledge of his impending doom, which he has been powerless to evade.

This grotesque atmosphere persists until the moment of his death. Andrei is taken to a field hospital filled with nightmarish scenes: blood-soaked people, crows cawing anxiously at the smell of blood, sharp screams from those writhing in pain, and Anatole’s anguished cries as he stares at his severed leg still encased in its boot. Witnessing Anatole’s misery and impending death, Andrei is reminded of the divine love — compassion, brotherhood, and love for one’s enemies — that he had long neglected, as well as Marya’s plea for the love of God. In this moment, he forgives Anatole, feeling both compassion and a profound sense of shared humanity.

Physical pain acts as a catalyst for Andrei's spiritual rebirth. Although a staunch rationalist, his severe wound paradoxically draws him closer to divine revelation by suspending rational thought. Andrei's intellectual journey was profoundly influenced by "stimuli external to his will" (Weeks 1989: 72). In essence, physical suffering and external cues ignite the mental processes that lead to moral awareness. The grotesque aesthetic exposes two critical truths: moments of profound insight often emerge from a fractured consciousness, and the revelations sparked by such grotesque stimuli are inherently incomplete.

When Andrei regains consciousness in a hut in Mytishchy, he recalls the divine love he felt in the field hospital and requests a copy of the Gospels from the doctor. However, before he can receive the word of God, he loses consciousness again due to extreme pain. Upon regaining consciousness for the third time, as foretold by the madman on the Sokolniki field, Andrei undergoes a perceptual shift. He becomes acutely aware of the sounds around him — the chirping of crickets, distant singing and shouting, the rustling of cockroaches on the table and icons, and the buzzing of a fly. In this heightened state, he envisions "some strange airy structure being erected out of slender needles or splinters" (2010: 989) rising in harmony with the sound of the crickets, and he notices a white Sphinx at the door.¹⁵ The juxtaposition of sacred iconography and filthy cockroaches, a blood-engorged fly, its incessant torturous buzzing "piti-piti-piti and ti-ti and piti-piti-piti" (2010: 989), hallucinations where reality and illusion intersect, and the spectral presence of a white Sphinx¹⁶ conjures a macabre, dream-like, grotesque phantasm. These grotesque external stimuli plunge Andrei into a liminal space where he recalls divine love and extends forgiveness to Anatole and Natasha. However, the uncertain trajectory of his salvation remains. The persistent auditory torment of crickets and flies evokes God's command to love one's enemies but is simultaneously undermined by the hallucinatory, crumbling aerial structure, symbolizing the tenuous nature of his newfound faith. The Sphinx-like apparition of Natasha underscores Andrei's inability to reconcile either human and divine love or the earthly and transcendent realms.

In Sophocles' *Oedipus Rex*, the Sphinx poses riddles, devouring those who fail to answer her enigmatic questions. Those who solve the riddles claim victory over the monstrous creature. Andrei's perception of Natasha as a Sphinx-like figure, followed by his demise, suggests an analogous narrative. His epiphany of divine love, sparked by the sight of Anatole's maimed body, does not resolve the Sphinxian riddle of reconciling divine and human love. Given the

¹⁵ John Weeks (1989: 61–81) posits that the incessant auditory assault of crickets and cockroaches in Andrei's final hours sustains his waning consciousness while simultaneously inducing a synesthetic moral awakening. This paper argues that these grotesque sensory inputs precipitate a descent into profound doubt, casting even the perception of divine love into question.

¹⁶ The term "grotesque" derives from "grotte", referring to Roman-era underground caves decorated with hybrid creatures like sphinxes alongside natural elements (Kayser 1966: 19–20). This etymological link underscores the intrinsic connection between the grotesque and the image of the Sphinx.

Sphinx's interrogation of human existence's fundamental nature within *Oedipus Rex*, Andrei's ultimate failure implies a persistent inability to reconcile individual autonomy with the divine order. Moreover, as the riddle posed by the Sphinx encapsulates fundamental questions about humans and human life¹⁷ and the theme of *Oedipus Rex* is closely related to the limitations of human knowledge,¹⁸ Andrei's death suggests that he did not find the meaning of individual autonomy within the divine order.

As death approaches, Andrei seeks solace in the notion of returning to a divine, eternal source. However, he dismisses these thoughts as intellectual constructs, admitting they lacked clarity and authenticity: "Something was lacking in them, they were not clear, they were too one-sidedly and brain-spun" (2010: 1058–1059). Andrei dies with the rather ambiguous words, "death is waking up from sleep" (2010: 1059), suggesting a transition into an unknown realm, a new beginning shrouded in mystery. This enigmatic state might be likened to the Sphinx's riddle, eternally inviting exploration without yielding definitive answers. The grotesque aesthetic underscores the limitations of human reason in comprehending such profound mysteries, implying that life's authenticity resides not in the intellectual pursuit of the undefinable, but in direct engagement with the world as it is.

IV. Conclusions

The grotesque refers to the sudden transformation of ordinary reality into something uncanny, triggered by the realization that what was once considered certain is, in fact, an illusion, and the established order of everyday life is no longer valid. In literature, it serves as a mode that unveils the harsh truths that emerge from the chasm between the conscious agent's beliefs and the actual truth, by exposing the ultimate substance of the uncanny.

In *War and Peace*, the grotesque effectively embodies Tolstoy's literary artistry. Through the lives of protagonists with differing values and souls, Tolstoy sought to contrast lives that are good and desirable with those that are not. The grotesque reveals the dark abyss of human nature and spiritual corruption through eerie impressions and unsettling fears. Fragmented bodies, human–animal or human–object hybrids, devils, and madmen are key motifs that symbolize characters who have lost their true nature and live without authenticity.

¹⁷ The answer to the Sphinx's question, "What walks on four feet in the morning, two in the afternoon and three at night" is a human being. The fact that a human is 4, 2, and sometimes 3 prompts a fundamental reflection on the inherent uncertainty and variability of human life.

¹⁸ This concept is inherently expressed by the name "Oedipus", a name derived from the Greek words "oida" (to know) and "pous" (foot), interpreted as "one who knows by measuring with his feet". This suggests a character who seeks to understand and control the world through reason and logic. The limitations of human intellect are demonstrated by the uselessness of his reason in the face of the tragic fate dictated by the gods, demonstrating the existence of a divine realm beyond human reason.

In *War and Peace*, the grotesque is to reveal the chaotic reality that arises from the disparity between Andrei's idealistic worldview and the harsh truths of existence. At the same time, it embodies the novel's central theme of life's inherent unknowability. Andrei's epiphanies are closely connected to grotesque motifs such as physical illness, vermin, and the enigmatic Sphinx, suggesting that when the mind is fractured by bodily affliction, it allows a glimpse into the transcendent — a perception beyond reason, revealing a reality that eclipses the material world. Through this, Tolstoy cautions against the intellectual hubris of analyzing and predetermining life and history, instead advocating for a mode of existence that harmonizes with the universe's grand cyclical order, as exemplified by Tushin's delirious immersion in life. Given the organic interplay between Tolstoy's complex ideas and his masterful narrative techniques, which together form the essence of his literary world, analyzing *War and Peace* through the lens of grotesque aesthetics offers a promising avenue for deepening our understanding of his literary mastery.

REFERENCES

- Bakhtin Mikhail Mikhaïlovich. *Rabelais and His World*. Bloomington: Indiana University Press, 1984.
- Barasch Frances K. *The grotesque: a study in meanings*. Berlin: De Gruyter, 2018.
- Berlin Isaiah. *The hedgehog and the fox: an essay on Tolstoy's view of history*. Chicago: Ivan R. Dee, Publisher, 1993.
- Carden Patricia. "The Expressive Self in *War and Peace*." *Canadian-American Slavic Studies* 12/3 (1978): 519–34.
- Chevalier Jean and Gheerbrant Alain. *A dictionary of symbols*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1994.
- Christian R. F. *Tolstoy: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- Cirlot Juan Eduardo. *A dictionary of symbols*. London: Routledge & K. Paul, 1983.
- Clark John R. *The Mordern Satiric Grotesque and Its Traditions*. Lexington: The University Press of Kentucky, 1991.
- Clay George R. *Tolstoy's Phoenix: From Method to Meaning in War and Peace*. Evanston: Northwestern University Press, 1998.
- Clayborough Arthur. *The grotesque in English literature*. Oxford: Clarendon P, 1965.
- Eikhenbaum Boris. *Lev Tolstoi*. Munich: Wilhelm Fink, 1968.
- Gustafson Richard F. *Leo Tolstoy: Resident and Stranger*. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Harpham Geoffrey Galt. *On the grotesque: strategies of contradiction in art and literature*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1982.
- Hruska Anne. "Serfdom, Emancipation, and Family in Tolstoy's Fiction". *The Russian Review* 66/4 (2007): 627–646.
- Jennings Lee Byron. *The ludicrous demon: aspects of the grotesque in German post-romantic prose*. Berkeley: University of California Press, 1963.
- Kayser Wolfgang. *The Grotesque in Art and Literature*. Ulrich Weisstein (trans). Bloomington: Indiana University Press, 1966.
- Kokobobo Ani. "Corpses of Desire and Convention: Tolstoy's and Artsybashev's Grotesque Realism". Katherine Bowers and Ani Kokobobo (eds.). *Russian Writers and the Fin de Siècle: The Twilight of Realism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015: 162–179.
- Kokobobo Ani. *Russian Grotesque Realism: The Great Reforms and the Gentry Decline*. Columbus: The Ohio State University Press, 2018.

- Matich Olga. *Erotic utopia: the decadent imagination in Russia's fin-de-siècle*. Madison: University of Wisconsin Press, 2005.
- McElroy Bernard. *Fiction of the modern grotesque*. London: Palgrave Macmillan, 2015.
- Meindl Dieter. *American fiction and the metaphysics of the grotesque*. Columbia: University of Missouri Press, 1996.
- Merezhkovsky, D. S. *L. Tolstoi i Dostoevskii: Zhizn', tvorchestvo i religii*. Moscow: Nauka, 2000.
- Morson Gary Saul. *Hidden in Plain View: Narrative and Creative Potentials in "War and Peace"*. Stanford: Stanford University Press, 1987.
- Nabokov Vladimir. *Lectures on Russian Literature*. New York: Harcourt, Inc. Brucoli Clark, 1981.
- Orwin Donna Tussing. *Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880*. Princeton: Princeton UP, 1993.
- Shklovskii Viktor Borisovich. *Mater"ial i stil' v romane L'va Tolstogo "Voina I mir"*. The Hague: Mouton, 1970.
- Thomson Philip. *The grotesque*. London: Methuen, 1972.
- Tolstoy Leo. *War and Peace*. Maude Louise and Maude Aylmer (trans.) Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Vries Ad de. *Dictionary of symbols and imagery*. Amsterdam: North-Holland Pub. Co., 1976.
- Wasiolek Edward. *Tolstoy's Major Fiction*. Chicago: University of Chicago Press, 1978.
- Weeks John. "Love, Death, and Cricketsong: Prince Andrei at Mytishchi". Mclean Hugh (ed.). *In the Shade of the Giant*. Berkeley: University of California Press, 1989: 61–83.

Инсон Чои

ЕСТЕТИКА ГРОТЕСКОГ У ТОЛСТОЈЕВОМ ДЕЛУ *РАТ И МИР*

Резиме

Циљ овог рада јесте анализа Толстојевог романа *Рат и мир* из перспективе гротескне естетике. Гротеска је књижевни стил који настоји да открије скривену стварност ствари које су до сада сматране очигледним, користећи необичан језик и наизглед узнемирујуће слике. У *Рату и миру*, гротескно ефикасно отелотворује Толстојево књижевно умеће. Чудноватост и ужас који гротескно призива, попут фрагментираних тела, лудила, демонских визија, смрти, пошести, хибрида људи и предмета или животиња, као и метонимијска имажинација која је повезана са фрагментираном телесношћу, откривају тамну провалију људске психе или представљају моралну осуду духовне изопачености.

Још израженије и специфичније одлике гротеског у роману *Рат и мир* откривају јаз између истине о животу, онаком каквом је доживљава главни јунак Андреј, и објективне стварности, из епистемолошке перспективе. Откривајући тај јаз, гротескно се користи као естетско средство за представљање основне теме дела: „Људи су слепи за суштину живота“. Андрејева откровења тесно су повезана са гротескним мотивима као што су физичке болести, лешеви, пошести и Сфинга, што сугерише да свест расцепкана услед екстремне физичке патње може да сагледа трансцендентни свет изван домаћаја разума и стекне осећај за ноуменални свет изван феноменалног. Кроз овакве теме Толстој упозорава на покушаје да се живот и историја анализирају и унапред одређују искључиво разумом, и уместо тога предлаже начин живота који се одвија у складу са великим циклусима универзума.

Имајући у виду Толстојево уметничко умеће у вештом уткивању сложених идеја у наративе путем суптилних књижевних поступака, истраживање *Рата и мира* кроз призму гротескне естетике представља обећавајући правац за дубље разумевање његовог књижевног генија.

Кључне речи: Лав Толстој, *Рат и мир*, гротескно, тамна провалија, епистемологија.

Андрей Россомяхин

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН
a-romaha@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0038-991X>

Andrey Rossomakhin

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
a-romaha@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0038-991X>

«ЕСЛИ Я ОБРАЩУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ЧАСЫ...»
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА: ОПЫТ КОММЕНТАРИЯ

«IF I TURN MANKIND INTO A CLOCK...»
BY VELIMIR KHLEBNIKOV: AN EXERCISE
IN COMMENTARY

Статья посвящена детальному разбору одного из последних стихотворений Велимира Хлебникова — «Если я обращаю человечество в часы...», опубликованного самим автором в манифестарной листовке-буклете *Вестник Велимира Хлебникова* № 1 (март 1922), а затем включенного в качестве стихотворного пролога в *Доски Судьбы* — незавершенный прогностический труд, над которым поэт-утопист работал много лет, вплоть до конца своих дней.

Комментаторские глоссы призваны дешифровать «темноты» текста, а также продемонстрировать его особый статус. Стихотворение на разных уровнях пронизывает пафос demiурга, открывшего законы не только человеческого бытия, но и всей Вселенной. Стихотворение можно признать своеобразным итогом целого комплекса антимилитаристских текстов Хлебникова, одна из целей которого — уничтожить государство как институцию, препятствующую объединению человечества.

Ключевые слова: Велимир Хлебников, *Доски Судьбы*, Председатель Земного Шара, комментарий.

The article offers a detailed analysis of one of Velimir Khlebnikov's final poems — "If I Turn Mankind into a Clock..." — first published by the author himself in the manifest-like pamphlet *The Herald of Velimir Khlebnikov, No 1* (March 1922), and later included as a poetic prologue to *The Tables of Fate (Doski Sud'by)*, a cyclopean yet unfinished prognostic work that the utopian poet labored on for many years until the end of his life.

The commentary glosses aim to decipher the obscurities of the text while also highlighting its special status. The poem is imbued on multiple levels with the pathos of a demiurge who has uncovered the laws governing not only human existence but the Universe

as a whole. It may be regarded as a kind of summation of Khlebnikov's broader anti-militarist corpus, one of whose central aims is the dismantling of the state as an institution that obstructs the unification of humanity.

Key words: Velimir Khlebnikov, *The Tables of Fate (Doski Sud'by)*, Chairman of the Terrestrial Sphere, commentary.

* * *

1. Если я обращаю человечество в часы^I
2. И покажу, как стрелка столетия движется,
3. Неужели из нашей времен полосы
4. Не вылетит война, как ненужная ижица^{II}?
5. Там, где род людей себе нажил почечуй^{III},
6. Сидя тысячелетиями в креслах пружинной войны^{IV},
7. Я вам расскажу, что я из будущего чую,
8. Мои зачеловеческие сны^V.
9. Я знаю, что вы — правоверные волки^{VI},
10. Пятеркой ваших выстрелов пожимаю свои^{VII},
11. Но неужели вы не слышите шорох судьбы-иголки^{VIII},
12. Этой чудесной швей?
13. Я затоплю моей силой мысли потопом^{IX}
14. Постройки существующих правительств,
15. Сказочно выросший Китеж^X
16. Открою глупости старой холопам.
17. И когда председателей земного шара шайка
18. Будет брошена страшному голоду зеленой коркой,
19. Каждого правительства существующего гайка^{XI}
20. Будет послушна нашей отвертке.
21. И когда девушка с бородой^{XII}
22. Бросит обещанный камень,
23. Вы скажете: «Это то,
24. Что мы ждали веками».
25. Часы человечества, тикая,
26. Стрелкой моей мысли двигайте!
27. Пусть эти вырастут самоубийством правительств^{XIII} и книгой — те.
28. Будет земля бесповеликая^{XIV}!
29. Предземшаровеликая!
30. Будь ей песнь повиликою^{XV}:
31. Я расскажу, что вселенная — с копотью спичка^{XVI}
32. На лице счета.
33. И моя мысль — точно отмычка
34. Для двери, за ней застрелившийся кто-то...^{XVII}

<28 января 1922>^{XVIII}

1.

Стихотворение «Если я обращаю человечество в часы...» впервые было опубликовано в манифестарной листовке-буклете *Вестник Велимира Хлебникова № 1* (вопреки указанию «Москва, февраль 1922», напечатанному на обложке листовки, тираж был отпечатан в несколько приемов в конце марта/начале апреля; тираж составил не более 100 экземпляров).

Одновременно с публикацией в *Вестнике* Хлебников включил стихотворение и в свой итоговый труд — нумерологический мультижанровый трактат *Доски Судьбы* ([Лист 1: Зарей Венчанный]. М., [1923]. С. 1) — в качестве стихотворного пролога¹. При этом стихотворение было снабжено авторской датировкой «28/1 22 г.».

Обе публикации стихотворения, подготовленные самим автором, практически идентичны, но не избежали опечаток. Мы печатаем текст по рукописи (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 57), повторенной в (СС III: 363–364)², но с исправлением неологизма «Предземшарвеликая» (в 29-й строке) — на «Предземшарвеликая» (по редакции в *Досках Судьбы*).

Сам факт того, что стихотворение открывало и *Вестник № 1*, и, что более важно, главное дело всей жизни Хлебникова — циклопический по замыслу, но незавершенный прогностический труд, — вне всякого сомнения, требует детального рассмотрения поэтического текста, в спрессованном виде имеющего признаки манифеста. В нашей работе мы солидарны с позицией, сформулированной еще 40 лет назад Хенриком Бараном:

Лучшим <...> методом анализа произведений Хлебникова является «метод широких контекстов», «открытый» метод. Он предполагает рассмотрение всех текстов, не только поэтических, в виде единого корпуса, из которого вычлениаются повторяющиеся лексические единицы, а также единицы более

¹ Обстоятельства появления тиража I листа *Досок Судьбы* до конца не ясны, ибо имеющиеся данные и мемуары противоречат друг другу. Цензурное разрешение на издание I листа было получено 21 марта 1922 года. По свидетельству П. Митурича, Хлебников вносил правку в напечатанный текст (по всей видимости — правил наборную корректуру), это могло произойти не позднее 14 мая, до их отъезда из Москвы в Санталово. В любом случае, Хлебников не дожидаясь выхода в свет I листа *Досок* и мог видеть только корректурный оттиск или сигнальный экземпляр. По всей видимости, тираж появился лишь через год — в начале мая 1923 года (что зафиксировано в том числе официальным упоминанием издания в *Книжной летописи*). Тираж составил 500 экземпляров (вопреки указанному на спинке обложки тиражу 1000 экземпляров). II лист был напечатан вскоре в том же мае, а III лист — в августе. Однако цветная обложка ко всем трем листам, с указанным на ней 1922 годом (дизайн Анатолия Борисова), была, по-видимому, отпечатана еще в 1922 году, что дополнительно определило путаницу позднейших исследователей. На этой обложке все три брошюры имели заглавие «Отрывок из Досок Судьбы». При этом, кроме цветной картонной обложки работы Борисова, часть тиража III листа вышла в простой наборной обложке на тонкой бумаге — с заглавием «Доски Судьбы». Таким образом, реальная дата выхода в свет первых трех листов *Досок Судьбы* — май/август 1923 года; во всех трех 16-страничных выпусках была сквозная пагинация. Далее при цитировании мы обозначаем этот источник как ДС, с указанием номера выпуска и страницы.

² Здесь и далее, если не указано иное, цитаты из текстов Хлебникова приводятся по изданию: (Хлебников 2000–2006); далее — СС, с указанием номера тома русской дифф. и номера страницы — арабской.

высоких уровней — мотивы, образы, эпизоды и т. д., — с тем, чтобы потом установить значение (значения) всех этих единиц. Таким образом можно дешифровать и объяснить отрывки, которые в пределах одного произведения остаются непонятными³.

Формальный анализ текста мы оставляем за рамками данной работы, сосредоточившись именно на подробном комментарии и интерпретации темных мест с помощью привлечения устойчивых мотивов и образов из корпуса произведений Хлебникова разных лет.

Но прежде чем перейти к комментаторским глоссам, важно сделать еще два замечания.

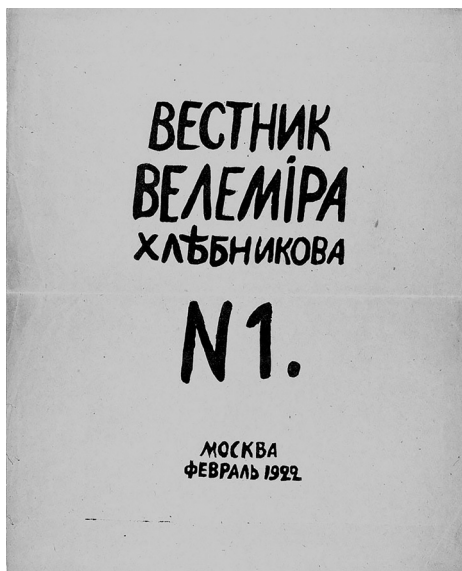
А) В брошюре *Доски Судьбы* сразу вслед за стихотворением «Если я обращаю человечество в часы...» (с. 1) шло еще одно стихотворение — «Ну, тащися, Сивка...» (с. 2), причем тоже датированное — 2 февраля 1922 года. Оно более прозрачное по семантике и тяготеющее к сказу, и оно тоже, хоть и в меньшей степени, выполняет роль программного пролога, образуя пару с комментируемым стихотворением⁴. Имя Сивка в первой строке ассоциируется со сказочным конем «Сивка-бурка, вещая каурка» из славянского фольклора, а также с волшебным «Коньком-Горбунком» из одноименной сказки П. П. Ершова (1834). Напомним, что оба сказочных коня способны летать по небу и помогают герою-протагонисту обрести счастье. Но у Хлебникова, чающего счастья всего человечества, вся планета уподоблена коню, которого поэт запряг, дабы вспахать звезды и засеять их числами (то есть знаниями о предвидении будущего): «Ну, тащися, Сивка/Шара земного./Айда, понемногу./Я запряг тебя/Сохой звездною,/Я стегаю тебя/Плеткой грезною...» (ДС I: 2; окончательная редакция: СС II: 370). Таким образом, в обоих стихотворениях, предваряющих *Доски Судьбы*, мощно реализован дискурс магического и чудесного, восходящий к фольклору. При этом стихотворение «Ну, тащися, Сивка...» — ничто иное как перепев широко известного стихотворения А. В. Кольцова «Песнь пахаря» (1831), начинающегося строфой «Ну! тащися, сивка,/Пашней, десятиной,/Выбелим железо/О сырую землю...»; у Кольцова фраза-рефрен «Ну! тащися, сивка» повторяется пять раз⁵.

³ (Баран 2002: 23); впервые эта статья была опубликована по-английски в 1983 году.

⁴ Заметим, что тексты, включенные в мультижанровый корпус *Досок Судьбы*, практически никогда не датированы Хлебниковым, что дополнительно выделяет оба стихотворных пролога.

⁵ Целый ряд стихотворений Кольцова были положены на музыку и стали популярными в народе песнями, а интересующая нас «Песнь пахаря» бытовала в том числе в виде гравированных лубков, вплоть до начала XX века. Фигура Кольцова была дополнительно реактуализована в рамках большевистской пропаганды: в апреле 1918 года появился декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции» — и уже к первой годовщине Октябрьского переворота, 3 ноября, у стены Китай-города состоялось торжественное открытие памятника поэту Кольцову (работа скульптора С. В. Сырейщикова) — сохранилась уникальная кинохроника этого открытия, на котором выступали председатель Моссовета Л. Б. Каменев и поэт Сергей Есенин.

Обложка *Вестника Велимира Хлебникова* № 1 (М., 1922). Листовка (сфальцована вдвое). Литография. Обложка работы Николая Купреянова, текст рукой Петра Митурича. Листовка-буклет содержит стихотворение «Если я обращаю человечество в часы...» и Приказы Председателей Земного Шара, сопровождаемые подписью-автографом *Велимир Первый*.

Б) Важно привести единственную выявленную синхронную рецепцию стихотворного предисловия к *Доскам Судьбы* — саркастично названного «манифестом мага» — в крайне жесткой рецензии председателя Всероссийского Союза поэтов Ивана Аксенова, напечатанной в сентябре 1923 года в журнале *Печать и революция*:

Небольшая книжка представляет собой извлечение из труда всей его жизни <...>.

Она открывается двойным стихотворным введением. Первая его часть написана с той блестящей патетикой, которую впоследствии удачно упростил Маяковский, и дает нам манифест мага, открывшего законы, управляющие жизнью человечества. Знание этих законов, по утверждению Хлебникова, в первую голову уничтожит возможность войн, а потому, заключает он, упразднит необходимость в существовании каких-либо правительств, кроме некоторой группы во главе с предземшаром (председателем земного шара) Хлебниковым. Можно подумать, что мы находимся при проявлении одного из симптомов мании величия у параноика. Но параноиком Хлебников не был.

Он был только дегенератом в самом типичном толковании этого термина, и мысль его, как и его редкий поэтический талант, способна была совершать только очень короткие усилья, падая затем в область механического процесса нанизывания подобных самим себе элементов. С восторгом «блаженненького» Хлебников упивался количеством подобранных бирюлек, и эту свою радость считал долгом передать современникам, хотя бы при помощи невинного обмана. Возможность предсказывать счастливые и несчастные дни предприятий, к которой сводится система Хлебникова, конечно, не исключает возможности самих предприятий, и история стоит перед нами живым тому свидетелем. У Хлебникова были предшественники, а в старину ни одно сражение не начиналось без вопрошения оракулов не менее авторитетных, чем В. Хлебников: тем не менее, война благополучно дожила до времен, далеких от птице-

и кишкогаданий. Да и сам поэт лукаво проговаривается: «я знаю, что вы — правоверные волки, пятеркой ваших выстреловжимаю свои», и, в сущности, далеко не так убежден в необходимости отмены войн, как в отмене собственной мобилизации, — вещи, по отзыву биографов для него совершенно нестерпимой. К концу этой вступительной поэмы патетика декларации, по обычаю, слабеет... (Аксенов 1923: 277–279)

Отметим, что отношение Аксенова к Хлебникову было намного сложнее, чем следует из этой рецензии. Так, в статье «К ликвидации футуризма» (1921), еще при жизни Велимира, Аксенов констатировал: «В. Хлебников, как бы к нему, или, верней, к его поэзии не относиться, является родоначальником всей новой, недавно, а теперь всей современной русской поэзии» (Аксенов 1921: 86). А через год после названной рецензии, в своем докладе на вечере памяти Хлебникова в РАХН (30 мая 1924), Аксенов высказался о математической историософии и «законах времени» поэта гораздо политкорректнее, а о нем самом сказал так: «При всем том уважении, которое вызывал этот человек во всех людях, <...> которых он встречал, его работа наложила отпечаток и оказала влияние на всех его современников <...>. Влияние его на русскую поэзию не прекращается, а скорее растет <...>» (Аксенов 2012: 55 и 60)⁶.

2. Комментарий

1. ...я обращаю человечество в часы... —

Образ часов у Хлебникова связан с поиском законов времени, которые должны спасти человечество от разрушительных войн. В первых же строках *Досок Судьбы* Хлебников проецирует на себя роль часовщика, а метафора мира как часов восходит, по-видимому, к ньютоновскому представлению о Боге как механике Вселенной: «Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком и наметить основы предвидения будущего» (ДС I: 3; СС VI-2: 9). В конце 1921/начале 1922 года поэт неоднократно разворачивает метафору часов, присваивая себе роль демиурга. Так, например, фразой «Часы человечества. Набивальщик чучел» Хлебников первоначально озаглавил большую нумерологическую поэму, которая затем, уже без этого заглавия, вошла в структуру сверхповести *Зангези* в качестве восемнадцатой «плоскости»⁷. Кроме того, он дважды констатирует в поэтических текстах: «Хороший плотник часов,/Я разобрал часы человечества,/ <...> Вновь переделал все времена...» — в *Зангези* и в автономной стихотворной миниатюре:

⁶ См. также: (Парнис 2012: 21–53).

⁷ Первая строка этой поэмы/плоскости: «Нет, не бывает у бури кавычек...» В набросках ранних планов *Зангези* в хлебниковской рабочей тетради «Гроссбух» эта поэма упоминается также под названием «Проповедь» или «Проповедь о 3^й» (см. описание автографов в недавней работе: (Сверхповесть Зангези 2021: 59 и 113). Далее цитаты из сверхповести даются не по СС, а по этому новейшему изданию с текстологией Рональда Вроона, наиболее аутентичной хлебниковскому тексту.

Обложка брошюры
Отрывок из "Досок Судьбы": [Лист I]
 (М., [1923]). Литография. Обложка работы
 Анатолия Борисова. На первой странице бро-
 шюры напечатано стихотворение
 «Если я обращаю человечество в часы...»

Фрагмент из «Зангези»:

<...>

Хороший плотник часов,
 Я разобрал часы человечества,
 Стрелку верно поставил,
 Лист чисел приделал,
 Вновь перечел все времена,
 Гайку внедрил долотом.
 Ход стрелки судьбы железного неба
 Стеклом заслонил:
 Тикают тихо, как раньше.
 К руке ремешком прикрепил
 Часы человечества.
 Песни зубцов и колес
 Железным поют языком.
 Гордый, еду, починкой мозгов.

<...>

(*Сверхповесть Зангези* 2021: 91)

Отдельный текст:

* * *

Хороший работник часов,
 Я разобрал часы человечества.
 Стрелку судьбой поставил верно.
 Звездное небо из железа и меди.
 Вновь переделал все времена,
 Снова сложил зубцы и колесики,
 Гайки искусно ввинтил моим долотом.
 Тикают, точно и раньше.
 Идут и ходят, как прежде.
 Ныне сию гордый починкой мозгов.

(СС II, 362)

В письме к Петру Митуричу, датированному 14 марта 1922 года, Хлебников пишет: «Мысленно носите на руке приделанные ремешком часы человечества моей работы...» (СС VI-2, 213). А на страницах *Досок Судьбы* метафора циклично двигающейся стрелки часов сопровождает примеры судьбоносных интервалов 3ⁿ, которые потом сотнями конкретных примеров будут появляться на страницах хлебниковского трактата:

...скрывался стройный, тикающий пылающими, взорванными столицами государств, ход часов человечества. Тем, у кого нет обыкновенных часов, бесполезно носить большие часы человечества и прислушиваться к их стройному ходу: тик-тик-тик! Через промежутки времени вида 3ⁿ дней второе событие движется наоборот первому, в обратном направлении, точно встречный поезд, грозя крушением делу первого события. (СС VI-2, 16)

Где я ношу на руке, на ремешке, часы человечества и изредка проверяю их ход по сдвигам земной коры и ходу мировых светил. <...>

Где советский переворот наступил через 3⁵ дней после начала власти Керенского и падения царей, а день выстрела в Мирбаха и восстание левых эсеров было через 3⁵ дней после начала Советской власти. (СС VI-2, 25)

II. ...вылетит <...> как ненужная ижица... —

Буква *v* в старославянской азбуке, а также в дореформенном алфавите. Происходит от греческой буквы ипсилон (*v*). В дореформенной орфографии ижица использовалась для обозначения гласного звука [и] в немногих словах греческого происхождения. Буква стала ненужной в процессе развития русского языка и была исключена в рамках реформы, проведенной Петром I в 1707–1708 годах; в дальнейшем она была восстановлена и окончательно упразднена большевистским Декретом о новой орфографии 1918 года⁸.

В стихах и прозе Хлебникова неоднократно встречается прием метафоры, построенной на редукции буквы, дающей трансформацию слова (см., например, в стихотворении «Печальная новость» и в свержповести *Зангези*). Приведем яркий фрагмент из IV листа *Досок Судьбы*, где емко описаны апогеи двух русских Революций — декабрь 1905 и февраль 1917 — через трансформацию буквы Р (Рцы), когда «вылетевшая Эр» превратила Пресню в Песню, а Рцы, покинувшее дворцы, означает крах династии Романовых:

Созерцая значение 2¹² и 2¹⁴, я был очарован расходящимися кругами свободы по руслу роста, растущего объема событий.

Зная, что между освобождением крестьян и восстанием Пресни прошло 2¹⁴ дней (1861 и 1905 годы), я внимательно смотрел на «кобылицу свободы» —

Отблеск ножа в ее синих глазах,
Не самодержавию бег удержать —

и я заметил, что дикий всадник свободы сделал 2¹² ударов копытом о землю времени, и каждый удар был сутками с черной половиной ночи и белой половиной дня. Он проскакал это время от пылающей под снарядами Мина Пресни, когда Эр вылетело из Пресни и Пресня стала Песней, до отречения царей, падения самодержавия, этой заключительной точки в страшной погоне —

Цари в пыли, с уздечкою в руке,
Вдруг сброшенные наземь.
И рцы покинуло изгнанником дворцы —
И стукнул 2¹² раз о землю...

(СС VI-2: 43; курсив наш).

⁸ См. подробнее: (Истрин 1988: 161–164).

III. Почечуй (устар.) —

геморрой. Народное название болезни геморроидальных вен прямой кишки еще лишь однажды встретится у Хлебникова в исторической поэме *Марина Мнишек* (1913/1914) — в реплике старого князя: «Сегодня у Потоцкого ночуем./ Он дома, он хандрит. Он болен почечуем...» (СС III: 134).

IV. Сидя тысячелетиями в креслах пружинной войны... —

Эпитет «пружинный» по отношению к войне следует понимать в его визуальном инварианте: пружина = спираль. Другими словами, Хлебников констатирует спиральный ход истории — порочную цикличность человеческого самоистребления. Образ воюющего человечества напрочь лишен какого-либо пафоса — и спроецирован на сидящего в «креслах войны» больного геморроем, тысячелетиями бессмысленно истекающего кровью. См. также последнюю пьесу Хлебникова *Пружина чахотки* (1922).

V. ...зачеловеческие сны. —

Зачеловек отсылает к понятию Фридриха Ницше о «сверхчеловеке» (ср. в манифесте «Труба Марсиан» 1916 года: «Мы зовем в страну <...> где зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски и, как токарь, обращается с своим завтра» (СС VI-1: 249)). Ср. также с заумным языком как грядущим языком всей планеты, о котором Хлебников писал в 1919 году в декларации «Художники мира!» (СС VI-1: 158). Ср. также название сверхповести *Зангези* и авторское определение ее жанра как «заповести». Исследователями отмечалось, что «Хлебников любил префикс “за”, он был для него знаком трансценденции, превосхождения: проникнуть *за* данность человека, мира, языка, за очевидные слои формы и смысла вещей — и не просто проникнуть, но и подвинуть эти вещи на переход, скачок, бросок к метафоре, к преображению» (Семенова 2016: 385)⁹. Отметим попутно еще несколько неологизмов такого рода, с их семантическим потенциалом выхода за пределы, *запредельности*: «залюба», «залюбрь», «замирный», «заокий», «зарейшина» (от «старейшина»), «засвет», «заука» (от «наука»), «заулей», «заумец», «защитязь», «заявный» и др.

VI. Я знаю, что вы — правоверные волки... —

Ср. с антивоенным стихотворением «Где волк воскликнул кровью:/ “Эй, я юноши тело ем”...», впервые опубликованном в альманахе «Взял: Барабан футуристов» (Пг., декабрь 1915), а позднее включенном в монтажную поэму *Война в мышеловке* (1919). Ср. также с метафорой «столетья-волка» («Жестяной подсказчик...», 1922) и с «волчьей» проекцией в миниатюре «Царское Село» (1921):

Где выходили цари,
Чтоб выть зимой

⁹ Благодарю Д. В. Карпова, обратившего наше внимание на эту статью.

Над крышами дворцов,
 Подняв головы к звездам,
 И ползал царский полк, как волки,
 Вслед за венценосным вождем
 На четвереньках по площади —
 Любимый полк царя,
 Которому водка
 Не была лекарством от скуки.

(СС II: 315)

Не исключено, что в комментируемой строке отождествление власть предержащих с волком обусловлено и мифо-лингвистической семантизацией согласных звуков (букв), как, например, в трактате «О простых именах языка» (1916): «Сквозь *В*-имя сквозит действие вычитания. В-именем начинаются имена животных, наносивших вред сельскому быту древних: волк, вепрь, ворон, воробей, вор, война, войско, вождь, вон, вынуть, враги; в области частного быта: врун, врозь (ломание веры), виноватые» (СС VI-1: 119). Волчий след имплицитно присутствует и в характеристике государств в программном «Воззвании Председателей Земного шара» (1916):

Вы недовольны, о государства
 И их правительства,
 Вы предостерегающе *щелкаете зубами*
И делаете прыжки <...>.
 Мы, в силу мятежного права
 И неоспоримые в своем первенстве, <...>
 И объявившие себя Председателями Земного Шара,
 <...> мы отрицаем господ,
 Именующих себя правителями,
 Государствами и другими книгоиздательствами
 И торговыми домами «Война и К°»...

(СС III: 171–172; курсив наш)

VII. Пятеркой ваших выстрелов пожимаю свои... — Амбивалентный образ, с одной стороны, «пятерка выстрелов» может отсылать к основному стрелковому вооружению русской армии — 3-линейной винтовке Мосина, которая заряжалась обоймами по пять патронов. Для Хлебникова армейская винтовка была повседневной реалией на протяжении около двух лет — сначала в ходе военной службы с весны 1916-го и вплоть до Февральской революции, а затем позднее, в пору его проживания в советском общежитии с военными моряками в Баку и пребывания в Персии. С другой стороны, не вполне ясно как с ружейными выстрелами соотносятся слова «пожимаю свои»: а) вряд ли речь идет о пожатии рук (тогда «пять выстрелов» — это пять пальцев ладони); б) не исключено использование глагола «пожимать» в его устаревшем значении «надавливать» (тогда быть может

имеется в виду зажимание ран от выстрелов, в прямом или переносном значении). Ср. в создававшейся весной того же 1922 года поэме *Синие око-вы* эффектный образ с «выстрелом слов сквозь кольчугу молчания» (СС III: 375), а также в поэме *Каменная баба* (1919) признание в ежедневном ожидании выстрела в себя:

«Как много стонет мертвых тысяч
Под покрывалом свежим праха!
И я последний живописец
Земли неслыханного страха.
Я каждый день жду выстрела в себя.
За что? За что? Ведь всех любя,
Я раньше жил, до этих дней,
В степи ковыльной, меж камней». —
Пришел и сел. Рукой задвинул
Лица пылающую книгу.
И месяц плачущему сыну
Дает вечерних звезд ковригу.

(СС III: 193)

VIII. ...шорох судьбы-иголки <...> чудесной швеи... —

Образ швеи-судьбы проходит лейтмотивом в поздних текстах Хлебникова. См., например, в воззвании «Люд и лад» (1917): «Так шьет швейный станок судьбы, прокалывая иглой точки рождения закономерным узлом на полотне человеческого рода» (СС VI-1: 262). Ср. в нумерологических заметках, озаглавленных «Разговор из “Книги удач”» (1917): «Судьба работает тонко и точно, как швейный прибор. Ее узоры особенно красивы в законе рождения подобных смертных людей — подобников. Вот узоры ее иглы. <...> Десять столетий исполнены зарева пожаров, крови и пламени; рукой трудолюбивой швеи вытканы латы и оружие. <...>» (СС VI-1: 136–137).

Хлебниковская судьба-игла-швея может ассоциироваться с парками (мойрами) — античными богинями судьбы. Но, кроме того, игла может быть рассмотрена как инструмент для письма. На полях *Вестника № 1*, справа от комментируемого стихотворения, имеется надпись: «Вестник будет писаться иглами дикобраза» (примечательно удвоение буквы «о» — острающая опечатка, допущенная Митуричем при литографском издании, должна была понравиться поэту: *дикобраз* vs *дико-образ*). Провозглашая, что «Вестник» будет писаться иглами дикобраза, поэт метонимически говорит об остроте, радикальности, и едва ли не тактильной осязаемости своих текстов — способных в том числе уколоть, пронзить читателя.

Спустя несколько недель после издания *Вестника № 1*, в своей последней прозе «Ветка вербы» (датированной 30 апреля 1922) Хлебников вновь вспоминает перо из иглы дикобраза (привезенное им из Персии летом

1921 года), указывая, что от выбора орудия письма может зависеть взгляд творца: «Я пишу сейчас засохшей веткой вербы <...>. Прошлая статья писалась суровой иглой лесного дикобраза, уже потерянной. <...> Эта статья пишется вербой другим взором в бесконечное...»¹⁰ (СС V: 367).

IX. Я затоплю моей силой мысли потопом... —

Уподобление силы своей мысли (то есть «законов времени») библейскому потопу далеко не самая мегаломанская метафора в текстах поэта. Перечислим все самопрезентации хлебниковского «Я» в данном стихотворении:

Я обращаю человечество в часы...
Я вам расскажу, что я из будущего чую...
Я знаю...
Я затоплю моей силой мысли потопом...
Я расскажу, что вселенная — с копытю спичка...

Оппозицией авторскому «Я» выступает «Вы» («человечество», «род людей», «правовверные волки», «холопы глупости», «гайки правительств») — то есть и человечество в целом, и власть предрежащие в частности. На 34 строки текста местоимения «Я» и «Вы» (вместе с производными «вам» и «вашей») встречаются в стихотворении 12 раз. При этом наибольшей концентрации они достигают в первых трех строфах.

X. Сказочно выросший Китеж... —

Китеж, мифический русский город, скрывшийся под водой от нападения хана Батыя. Согласно поверьям, избранные могут слышать колокольный звон в церквях затопленного города. Хлебников вновь говорит о своих казалось бы подчеркнуто позитивистских «законах времени» на языке сакрально-магическом — как о потопе, который сметет все «постройки правительств», но поднимет из бездны (или из иного измерения) сказочный Китеж... В *Досках Судьбы* фольклорный град Китеж будет вновь упомянут, но превращен в Читеж-град (то есть Число-град; ср. с другим хлебниковским неологизмом — «Числоводск», образованным от топонима Кисловодск):

...мое сознание походило на сознание путника, перед которым вдруг выступили зубчатые башни и стены никому не известного города.

Если в известном сказании Китеж-град потонул в глухом лесном озере, то здесь из каждого пятна времени, из каждого озера времени выступал стройный многочлен троек с башнями и колокольнями, какой-то Читеж-град.

Такие ряды, как $1053 = 3^{3+3} + 3^{3+2} + 3^{3+1}$, где число членов равно основанию, показатель старшей степени дважды взятая тройка, а другие показатели убывают на единицу, или всем знакомое число $365 = 3^5 + 3^4 + 3^3 + 3^2 + 3^1 + 3^0 + 1$,

¹⁰ Отметим также, что одна из рабочих тетрадей 1921 года с записями вычислений для *Досок Судьбы* содержит запись: «Ручка дикобраза. Бессмертие» (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 91).

с одной стороны, вскрывали древнее отношение года к суткам, с другой стороны, древнему сказанию о Китеж-граде давали новый смысл.

Город троек со своими башнями и колокольнями явно шумел из глубины времени. Стройный город числовых башен заменил прежние пятна времени. (ДС I: 5–6; СС VI-2: 12).

XI. ...гайка будет послушна нашей отвертке... —

В текстах Хлебникова неоднократно упоминаются «гайка», «шуруп», «шестерни», «отвертка», «долото», «бурав», «сверло». Это инструменты часовщика и плотника — и того, и другого поэт проецировал на себя, как на мастера, постигающего законы Времени («я разобрал часы человечества...», «зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски...», «идемте, о, плотники, стругать столетья...» и т. п.). В поразительной поэме *Ладомир* (1920), с ее зашкаливающим пафосом и патетикой, поэт-плотник предстает не иначе как творцом Вселенной: «Надень на небо молоток, / То солнце на два поверни, / Где в красном зареве восток, — / Крути колеса шестерни...» (СС III: 247). Ср. также в раннем мультижанровом эпосе *Дети Выдры* (1913):

Меж шестерней и кривошипов
Скользит задумчиво война,
И где-то гайка, с оси выпав,
Несет крушение шатуна.
Вы те же, 300, 6 и 5,
Зубами блещете опять,
Их вместе с вами, 48,
Мы, будетляне, в сердце носим
И их косою травы косим.
Нас просят тщетно: мир верни,
Где нет винта и шестерни.
Но будетлянин, гайки трогая,
Плаща искавший долго впору,
Он знает, он построит многое,
В числе для рук найдя опору...

(СС V: 245)

XII. ...девушка с бородой / Бросит обещанный камень... —

Сложный образ, соотносящийся с идеями о первоначальной андрогинности человека и отсылающий к алхимическим поискам идеального абсолюта, но также и к библейским словам Иисуса: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень» (Иоанн 8: 7). Кроме того, возможно, здесь отсылка к религиозной архаике «бородатых Венер» (служительницах культа Молоха) и к скандальному трактату Василия Розанова *Люди лунного света: Метафизика христианства* (СПб., 1911), посвященного исследованию христианского табуирования сексуальности (первая глава этой книги называется «“Бородатые Венеры” древности»).

Вместе с тем, следует соотнести комментируемый образ с написанными тремя месяцами ранее строчками из драматической поэмы *Ночной обыск* (ноябрь 1921): «И девушек лицо у Бога, / Но только бородатое. / Двумя рядами низко / Струится борода...» (СС IV: 96–97). Следовательно, загадочная «девушка с бородой» вполне дешифруется — это Иисус Христос¹¹. Таким образом, приход «шайки председателей земного шара», которые подчиняют своей воле все правительства всех стран мира, уподобляется второму пришествию Христа, роль которого апроприирована Хлебниковым. Но при этом его демиургический пафос вовсе не довольствуется ролью «Бога» или «богочеловека», ибо параллельно он пишет в свержповести *Зангези*: «Ежели скажут: ты бог, — / Гневно ответь: клевета, / Мне он лишь только до ног! / Плечам равна ли пята?..» (*Сверхповесть Зангези* 2021: 92). Ср. также в более ранней монтажной поэме *Сестры-молнии* (1918–1921):

Хочу быть глаголом:
«Аз есмь Бог»
И в доме веселом
Звать топотом ног.
.....
Красивой дороги, чтоб жить, ищу.
Тревога.
Вытешу, вытешу, вытешу
Тело нового бога.
Небо, будь камнем!
Даль высока мне...

(СС V: 298–299)

¹¹ Отметим попутно многократное самопортретирование Хлебникова в стихах и прозе, когда он пишет о своих длинных волосах — сближая тем самым собственный гендер с андрогинным абсолютном, и одновременно проецируя свой облик с длинными волосами и бородой на традиционную иконографию Иисуса Христа. См. в этом контексте, например, строки из раннего стихотворения «Крымское» (1908): «Но мне, с душою женомужа...» (СС I, 408), или желание поэта-мессии «...Отрубить в ущелье Зоргама / Темные волосы Харькова, / Дона и Баку, / Темные вольные волосы, / Полные мысли и воли...» («Пасха в Энзели» (1921); СС II: 189), или см. фрагменты из целого ряда поздних вещей: «...я буду служить вам обедню, / Как волосатый священник с длинною гривой, / Пить голубые ручьи чистоты, / И страшных имен мы не будем бояться» («Детуся! Если устали глаза быть широкими...»; СС II: 219), «Где волосы, развеянные сечью, / И мимо глаз и на плечах, / И время, вспугнутое речью, / Дрожит в молчания лучах...» (СС II: 227), «Я вышел юношей один / В глухую ночь, / Покрытый до земли / Тугими волосами. / Кругом стояла ночь, / И было одиноко, <...>. / Я волосы зажег, / Бросался лоскутами колец / И зажигал кругом себя. / Зажег поля, деревья, / И стало веселей. / Горело Хлебникова поле. / И огненное Я пылало в темноте. / Теперь я ухожу, / Зажегши волосами... / И вместо Я / Стояло Мы!» (СС II: 284). См. также мифопоэтический фрагмент «Я, волосатый реками...», вошедший в поэму *Азы из узы* (1921) и в *Зангези* (СС III: 278; СС V: 342). Кроме того, см. работу, где акцентирован андрогинный аспект: (Ораич Толич 2004: 321–352).

ХIII. ...самоубийством правительств... —

Речь идет об отмене государств (и, соответственно, их обанкротившихся правительств, запустивших мировую бойню человеческого самоистребления). Ср. в тезисах весны 1917 года: «Кто первый вскочил на хребет дикому року? Только мы. Нам не нужно седла. Мы скачем, рукою о рок зазвенов. Наши удары весел. *Самоубийство государств*. Кто подставил меч? Мы — в седле. Петля на толстой ноге Войны» (СС VI-1: 267). Лапидарная фраза в дневнике — «Основание Государства Времени» — датирована 18 декабря 1915 года (СС VI-2: 230) и связана с выходом Хлебникова на новый уровень поисков цикличности исторических событий. А начиная с 1916 года он в самых разных текстах неоднократно пишет о скором исчезновении (отмене, смерти, самоубийстве) «государств пространства» и появлении взамен них планетарного «государства времени» — подробно развертывая эту утопию в манифесте «Труба Марсиан» (1916): «Люди прошлого не умнее себя, полагая, что паруса государства можно строить лишь для осей *пространства*. Мы, одетые в плащ только побед, приступаем к постройке молодого союза с парусом около оси *времени*. <...> Государство молодежи, ставь крылатые паруса времени» (СС VI-1: 246 и 250). Ср. в манифесте «Ляля на тигре» (1916, первая публикация в 1918): «Мы знаем твердо, что мы не повторимся на земном шаре. Чтобы оставить по себе памятник <...>, мы <основали> государство времени» (СС VI-1: 258).

Хлебников мечтал о «свободе Земного шара» — о полном уничтожении границ между государствами, а также об уничтожении государства как глубоко порочного социально-политического института, бесконтрольно и варварски распоряжающегося судьбами людей. Он чает «слияния всех государств в общину земного шара» (СС VI-1: 133), ставит задачу «построить первое государство звезды» (СС VI-1: 135). Один из своих текстов он подписывает не иначе как «Взирающий на государства Велимир Хлебников» (СС VI-1: 137). Сразу после Февральской революции Хлебников пишет экзотическое «Воззвание Председателей Земного Шара», где многократно констатирует порочность и людоедство «государств пространства»: «Мы говорим, что не признаем господ, именующих себя государствами, правительствами, отечествами и прочими торговыми домами...» (СС VI-1: 263).

Хлебников считал, что выявленные им закономерности мировой истории способны дать ключ к существованию без правительств. Среди разрозненных набросков и черновиков к *Доскам Судьбы* можно найти еще немало инвектив в адрес государств и правительств, в частности, такие: «бросить королей с палубы Земного шара. <...> Законы прошлого — ворота в законы будущего, которым надлежит заменить правительства. Вместо правительств будут учебники будущего и союзы для понимания» (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 20–21). А, например, одну из тетрадей с записями вычислений 1922 года сопровождает запись: «Уставы звезд. Могила власти» (Ед. хр. 94).

XIV. *Бесповеликая* —

по-видимому, неологизм от глагола повелевать. Соответственно, Хлебников рассказывает, что он «из будущего чувствует» чаемую Землю, где человечество будет «бесповеликим», то есть избавленным от каких-либо «повелений», принуждений и рабской покорности (неслучайно в четвертой строфе упомянуты холопы, то есть бесправные, покорные воле господ).

XV. *Повилика* —

разнообразные растения рода повилика (лат. *Cuscuta*); имеют две сотни видов, относятся к семейству вьюнковых. В диалектном значении — любое вьющееся растение без корней, обвивающее стеблем другие растения и питающееся от них. В контексте стихотворения строку «Будь ей [то есть Земле] песнь повеликою» следует трактовать так: песнь (поэзия) будет питаться гармонией мира, осчастливленного «законами времени».

XVI. *...вселенная — с копотью спичка...* —

В нескольких текстах Хлебникова спички появляются как метафора декодированной Вселенной, Времени, законов человеческого социума. Ср. в стихотворении «Вы помните? я щеткам сапожным...» (1915; спустя четыре года оно вошло в поэму «Война в мышеловке»): «Я, <...>, / Весь род людей сломал, как коробку спичек, / И начал стихи читать. / Был шар земной / Прекрасно схвачен лапой сумасшедшего! / За мной! / Бояться нечего!» (СС I: 346; СС III: 175). В черновых набросках 1922 года к *Доскам Судьбы* мысль Хлебникова изложена более прозрачно: «Кто зажигал эти миры? Где спичка? <...> все относительно, и если для нас вселенная больше атома, то для другого мыслящего существа, с железной силой существующего рядом с нами, вселенная принимает размеры атома, а атом — размеры вселенной» (СС VI-2: 101).

Черновым вариантом заглавия «Досок Судьбы» было — «Спички Судьбы». В стихотворении «Как стадо овец мирно дремлет...» (1921) многократно фигурируют *спички судьбы* — образ прирученного Рока, то есть понятого в своих закономерностях и потому уже не страшного Времени:

...Небо грозное, полное туч, —
Первая коробка для спичек,
Грозных для мира.
Овцы огня в руне золотом
Мирно лежат в коробке.
<...>
А я же, алчный к победам,
Буду делать сурово
Спички судьбы,
Безопасные спички судьбы!
Буду судьбу зажигать,

Разум в судьбу обмакнув.
 — Мы с нами, спички судьбы,
 Спички из рока, спички судьбы.
 Кто мне товарищ?
 Буду судьбу зажигать,
 Сколько мне надо
 Для жизни и смерти.
 Первая коробка
 Спичек судьбы —
 Вот она! Вот она!

(СС II: 166–167)

XVII. ...застрелившийся кто-то... —

Ср. с предисловием «Зарей Венчанный» к I листу *Досок Судьбы*, которое Хлебников датирует 16 января 1922 года и сопровождает фразой: «Москва. День мертвеца у соседей (час выноса)» (ДС I: 3). Таким образом, поэт вскользь включает и в стихотворение, и в *Доски Судьбы* макабрическую реалию — похоронную процессию, которую, по всей видимости, он наблюдал 16 января, около полутора-двух недель проживая в квартире Бриков/Маяковского по адресу Водопьяный переулок, дом 3 (на углу с Мясницкой), квартира 4¹² (хозяйка, Л. Ю. Брик, в это время находилась в Риге).

Тем самым проясняются финальные строки программного стихотворения: «...И моя мысль — точно отмычка / Для двери, за ней застрелившийся кто-то...» — в них Хлебников символически проецирует фигуру безымянного покойника на Рок (судьбу). «Застрелившийся кто-то» — это побежденный числовыми «законами времени» Рок.

Рок (то есть судьба, фатум, провидение) неоднократно встречается в декларативных текстах Хлебникова. См., например, в неопубликованном при жизни наброске «Рок, берегись!», сохранившемся в архиве поэта Григория Петникова и относимом к концу 1916 года:

Задача измерения судеб совпадает с задачей искусно накинуть петлю на толстую ногу *рока*. Вот боевая задача, поставленная себе будетлянином. <...> *Рок*, оседланный и взнузданный, берегись! Будетлянин железной рукой взял повод. Затянул удилами твой конский рот! Еще удар ветра, и начнется новая дикая скачка погони всадников *рока*... (СС VI-1: 260; курсив наш)

Ср. также в тезисах к выступлению (весна 1917): «Охапка уравнений *рока*. <...> Кто первый вскочил на хребет дикому *року*? Только мы. Нам

¹² Хлебников приехал в Москву 28 декабря 1921 года, после почти трех лет скитаний. 14 января 1922 года он написал родителям письмо в Астрахань, сообщая в качестве своего временного адреса в Москве адрес Бриков (см.: СС VI-2: 212). Кроме того, 18 января он заполнил анкету Всероссийского союза поэтов, вновь указав в качестве места проживания ту же квартиру (но сделав ошибку в номере дома): «Мясницкая, Водопьяный переулок, д. 4, кв<артира> О. М. Брик» (СС VI-2: 246).

не нужно седла. Мы скачем, рукою о рок зазвенев...» (СС VI-1: 267). Рок, побеждаемый открытым Хлебниковым «законом времени», неоднократно упоминается в его нумерологических *Досках Судьбы*.

Интересно, что прокомментированная выше январская макабрическая реалия в третий раз появится на первой странице рукописных материалов к VI листу («Жезл Жизни») — где вверху стоит надпись «День мертвеца». Ее можно воспринимать как подобие подзаголовка; ниже идет фраза «Эту книгу печатает первый отряд борьбы с мировой глупос<тью>»¹³.

XVIII. <28 января 1922> —

Хотя в *Вестнике №1* стихотворение напечатано без авторской датировки, эта дата, по-видимому, была значима для Хлебникова: неслучайно он снабдил стихотворение датировкой «28 / I 22 г.» при его републикации в качестве пролога к *Доскам Судьбы* (см. выше нашу преамбулу к комментарию). Примечательно, что в его основной рабочей тетради последних лет, так называемом «Гроссбухе», имеется крупная запись на внутренней стороне обложки: «28 I 22 / стихи ижица / часы человек<ества>» (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 64). Мы можем предположить, что этой мнемонической записью он маркировал не только дату создания рассмотренного нами стихотворения, но и окончание работы над I листом *Досок Судьбы*, — а также свое решение поставить это стихотворение в качестве поэтического пролога к главному труду всей своей жизни.

3.

Осталось сказать, что в новейшем Собрании сочинений в кратком комментарии к стихотворению приведен по рукописи (РГАЛИ) первый набросок его начальных строк, ранее дважды печатавшийся как самостоятельный текст под заглавием «Крыса»¹⁴:

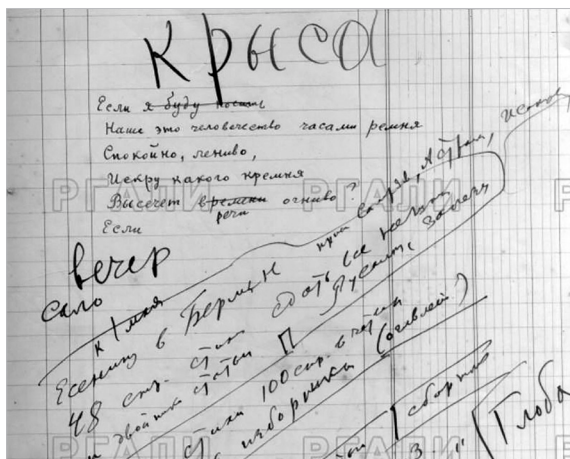
КРЫСА

Если я буду носить
Наше это человечество часами ремня
Спокойно, лениво,
Искру какого кремня
Высечет речи огниво?
Если

¹³ Слово «первый» в автографе предшествуют отвергнутые эпитеты «полевой» и «летучий». Еще ниже нарисован чертик, простерший руки в поклоне, а внизу страницы в две колонки дан черновой набросок тем или глав *Досок Судьбы*, причем вновь дублируется фраза «День мертвеца 18 стр.» — что укрепляет наше предположение, что эта фраза могла быть рабочим заголовком (или подзаголовком) для очередного прогностического выпуска-брошюры — «листа» из *Досок Судьбы* (см. репродукцию и транскрипцию этого автографа в: (Velimir Chlebnikov's Doski Sud'by 2010: 14–16)).

¹⁴ См.: (Хлебников 1923: 9) и (Хлебников 1928–1933: 93).

Фрагмент страницы из рабочей тетради Хлебникова начала 1922 года с черновым наброском пяти строк — вариацией начала стихотворения «Если я обращаю человечество в часы...» Тетрадь получила в архивной описи условное название «Крыса» (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 67).

Набросок не окончен — мы приводим репродукцию автографа, где сразу под ним идут более поздние деловые записи (в частности, о передаче к 1 мая стихотворений уезжающему в Берлин Есенину, для их публикации в Европе). Р. В. Дуганов и Е. Р. Арензон так прокомментировали заглавие «Крыса» этого наброска: «Замысел Хлебникова может быть реконструирован в сопоставлении с “Opus 2” Николая Бурлюка из “Садка судей” (1910): “Поэт и крыса — вы ночами/Ведете брешь к своим хлебам <...>”» (СС II: 584–585). Однако, судя по автографу, вовсе не очевидно, что слово «Крыса» следует понимать как заглавие данного стихотворного наброска.

Этот набросок открывает рабочую тетрадь Хлебникова, в которую он весной 1922 года вписывал свои новые и старые стихи. Вероятно именно поэтому П. В. Митурич, разбирая рукописи после смерти автора, озаглавил эту тетрадь так — «№ 19. Крыса» (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 67). Большую часть первого посмертного сборника *Стихи* (М., 1923) составили тексты именно из этой тетради¹⁵.

Завершая нашу работу важно указать, что рассмотренное стихотворение «Если я обращаю человечество в часы...» лишь один раз становилось предметом исследовательской рефлексии, — в информативной работе Марины Константиновой, опубликованной 30 лет назад в голландском славистическом журнале и посвященной актуализации магического потенциала хлебниковского текста. В финале своей статьи Константинова в сжатом виде прослеживает следующую последовательность магических процедур в стихотворении:

— Человечество превращено заклинанием в часы (из времени, которое эти часы отсчитывают *должна вылететь война*);

¹⁵ Ее подробный анализ был дан в монографии: (Vroon 1988).

— произнеся заклинание, маг обретает возможность ясновидения («чую») и прорицания, его восприятие мира обостряется (он слышит шорох иглы судьбы) и выходит на следующий уровень магических действий;

— необходимо перестроить мир, основываясь на новых законах (то есть переписать историю войн на историю мира), для чего необходимо вернуть мир в его первоначальное состояние (до-историческое и «до-потопное» рассматриваются здесь буквально);

— в связи с этим, магией заклинания — упоминанием или названием — вызывается новый всемирный потоп, являющийся «потопом мысли»; <...> мир должен исчезнуть под «потопом силы мысли»;

— из «озер словесной воды» вырастает сказочный Китеж, построенный новой мыслью, основанной на числе. Число берет власть над Словом;

— в новом мире понадобится-таки правительство, которым и станет «шайка председателей земного шара»;

— однако это временное правительство земли необходимо только для того, чтобы объединить все существующие правительства в единую машину управления, послушную отвертке «шайки»;

— после этого происходит магическое превращение самого заклинателя в сказочное существо, которое (по условиям мифологических договоров) и бросает свой «обещанный камень» — философский камень мудрости, после чего в мире наступит гармония, а земля станет «бесповеликая», то есть человечество станет самоуправляющимся.

Таковы сила и последствия магического ритуала, выстраиваемого писателем по всем законам магии (Константинова 1995: 400–401).

Исследователь констатирует, что в тексте присутствует эффект неожиданности: «от оксюморонной лексики до “оксюморонного синтаксиса”, от нетрадиционно использованной метафоры с обнажением приема, до “стигматического изображения”» (Константинова 1995: 386). Приведем также ее остроумное наблюдение о том, что предваряя свой всеобъемлющий историософский труд *Доски Судьбы* данным стихотворением, Хлебников тем самым начинает с магического акта удаления «корня зла»: «Раскручивая циферблат метафорических часов человечества, Хлебников учитывает реальные физические законы, описывающие процессы вращения: под воздействием центробежных сил <...> война, будучи сепарирована от человечества, просто-таки обречена “вылететь вон”» (Константинова 1995: 386–387). — Вылететь, по словам поэта, «как ненужная ижица».

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов Иван. «К ликвидации футуризма». *Печать и революция* 3 (1921): 82–98.
- Аксенов Иван. «О Хлебникове (1924)»/публ. и коммент. А. Парниса. *Aksenov and the Environs = Аксенов и окрестности*/ed. by L. Kleberg and A. Semenenko. [Stockholm], 2012: 55–76.
- Аксенов Иван. «[Рец. на книгу]: Велемир Хлебников. Отрывок из досок судьбы. М., 1923». *Печать и революция* 5 (1923): 277–279.
- Баран Хенрик. «Поэтическая логика и поэтический алогизм Хлебникова». Баран Хенрик. *О Хлебникове: Контексты, источники, мифы*. Москва, 2002: 19–49.

- Истрин Виктор. *1100 лет славянской азбуки*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1988.
- Константинова Марина. «Поэтическая прелюдия к “Доскам Судьбы”». *Russian Literature XXXVIII/IV* (1995): 385–408.
- Ораич Толич Дубравка. «Хлебников и женщина: К андрогинной мифопоэтической системе». *Russian Literature LV/I–III* (2004): 321–352.
- Парнис Александр. «Из истории хлебниковедения: о неизвестном докладе И. А. Аксенова (1924)». *Aksenov and the Environs = Аксенов и окрестности* / ed. by L. Kleberg and A. Semenenko. [Stockholm], 2012: 21–53.
- Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецензия. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А. А. Россомехин. Москва, 2021.
- Семенова Светлана. «“Зачеловеческие сны” Велимира Хлебникова». Семенова Светлана. *Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию*. Москва, 2016: 385–408.
- Хлебников Велимир. *Доски Судьбы*: [Лист I–III]. Москва, [1923].
- Хлебников Велимир. *Собрание произведений*: В 5 т. / под ред. Н. Л. Степанова и Ю. Н. Тынянова. Ленинград, 1928–1933. Т. 5.
- Хлебников Велимир. *Собрание сочинений*: В 6 т. [7 кн.] / сост., подг. текстов и примеч. Е. Р. Арэнзона и Р. В. Дуганова. Москва, 2000–2006.
- Хлебников Велимир. *Стихи*. Москва, 1923.
- «Velimir Chlebnikov’s “Doski Sud’by”»: [Лист VI] / Introd. & comment. A. Hacker. *Russian Literature LXVIII/I–II* (2010) (Special Issue).
- Vroon Ronald. *Velimir Chlebnikov’s «Krysa»: A Commentary*. Stanford, 1988.

REFERENCES

- Aksenov Ivan. «K likvidacii futurizma». *Pechat i revolyuciya* 3 (1921): 82–98.
- Aksenov Ivan. «O Hlebnikove (1924)» / publ. i komment. A. Parnisa. *Aksenov and the Environs = Aksenov i okrestnosti* / ed. by L. Kleberg and A. Semenenko. [Stockholm], 2012: 55–76.
- Aksenov Ivan. «[Rec. na knigu]: Velemir Hlebnikov. Otryvok iz dosok sudby. M., 1923». *Pechat i revolyuciya* 5 (1923): 277–279.
- Baran Henrik. «Poeticheskaya logika i poeticheskij alogizm Hlebnikova». Baran Henrik. *O Hlebnikove: Konteksty, istochniki, mify*. Moskva, 2002: 19–49.
- Istrin Viktor. *1100 let slavyanskoy azbuki*. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva, 1988.
- Hlebnikov Velimir. *Doski Sudby*: [List I–III]. Moskva, [1923].
- Hlebnikov Velimir. *Sobranie proizvedenij*: V 5 t. / pod red. N. L. Stepanova i Yu. N. Tyntanova. Leningrad, 1928–1933. T. 5.
- Hlebnikov Velimir. *Sobranie sochinenij*: V 6 t. [7 kn.] / sost., podg. tekstov i primech. E. R. Arenzona i R. V. Duganova. Moskva, 2000–2006.
- Hlebnikov Velimir. *Stihi*. Moskva, 1923.
- Konstantinova Marina. «Poeticheskaya prelyudiya k “Dorskam Sudby”». *Russian Literature XXXVIII/IV* (1995): 385–408.
- Oraich Tolich Dubravka. «Hlebnikov i zhenshina: K androginnnoj mifopoeticheskoy sisteme». *Russian Literature LV/I–III* (2004): 321–352.
- Parnis Aleksandr. «Iz istorii hlebnikovedeniya: o neizvestnom doklade I. A. Aksenova (1924)». *Aksenov and the Environs = Aksenov i okrestnosti* / ed. by L. Kleberg and A. Semenenko. [Stockholm], 2012: 21–53.
- Semenova Svetlana. «“Zachelovecheskie sny” Velimira Hlebnikova». Semenova Svetlana. *Russkaya literatura XIX–XX vekov: Ot poetiki k miroponimaniyu*. Moskva, 2016: 385–408.
- Sverhpovest «Zangezi» Velimira Hlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentarij. Recepciya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustracii / sost. i nauch. red. A. A. Rossomahin. Moskva, 2021.
- «Velimir Chlebnikov’s “Doski Sud’by”»: [List VI] / Introd. & comment. A. Hacker. *Russian Literature LXVIII/I–II* (2010): (Special Issue).
- Vroon Ronald. *Velimir Chlebnikov’s «Krysa»: A Commentary*. Stanford, 1988.

Андреј Росомахин

„АКО ПРЕТВОРИМ ЧОВЕЧАНСТВО У САТ...“ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА:
ПОКУШАЈ КОМЕНТАРА

Резиме

Овај чланак је посвећен детаљној анализи једне од последњих песама Велимира Хлебникова, „Ако претворим човечанство у сат...“, коју је сам аутор објавио у програмском летку *Гласило Велимира Хлебникова бр. 1* (март 1922), а која је потом укључена као поетски пролог у *Даске Судбине* — недовршено прогностичко дело на којем је песник утописта радио много година, све до краја живота.

Коментаторске глосе имају за циљ да дешифрују „тамна места“ у тексту, као и да покажу његов посебан статус. Песму на различитим нивоима прожима патос демијурга који је открио законе не само људског постојања, већ и читавог универзума. Песма се може сматрати својеврсним резимеом целокупног опуса Хлебниковљевих антимилитаристичких текстова, чији је један од циљева уништење државе као институције која омета уједињење човечанства.

Кључне речи: Велимир Хлебников, *Даске судбине*, Председник Земаљске кугле, коментар.

Александр В. Перцев

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Екатерина С. Черепанова

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
e.s.cherepanova@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>

Alexander V. Pertsev

Ural Federal University
Ekaterina S. Cherepanova
Ural Federal University
e.s.cherepanova@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ МИРООТНОШЕНИЕ В ПЬЕСАХ А. ВАМПИЛОВА: ВРЕМЯ И БЫТИЕ

EXISTENTIAL WORLDVIEW IN THE PLAYS OF ALEXANDER VAMPILOV: CONCEPTS OF TIME AND BEING

В статье анализируются пьесы А. Вампилова для выявления оснований, позволяющих говорить том, что в них воссоздается экзистенциальное мироотношение. Авторы подчеркивают, что влияние на произведения А. Вампилова экзистенциалистской драмы не делает самоочевидным ответ на вопрос о том, почему настроение читателей Сартра и Камю стало мироощущением советского человека. Описывается особенность интеллектуальной культуры эпохи застоя, чтобы показать, каким был зритель вампиловских пьес, который узнавал себя в героях его произведений. Драматургические произведения — *Старший сын*, *Прошлым летом в Чулимске*, *Утиная охота* — интерпретируются в сравнении с ключевыми концептами (*das Man*, время, проект) философии М. Хайдеггера.

Ключевые слова: драматургия А. Вампилова, экзистенциализм М. Хайдеггера, эпоха застоя в СССР.

This article examines the plays of Alexander Vampilov to explore how they express an existential worldview. The authors argue that, although the influence of existentialist drama on Vampilov's work is evident, it remains unclear why the outlook of Sartre's and

Camus' readers became central to the worldview of Soviet society. The article highlights features of the intellectual culture of the Stagnation Era to shed light on Vampilov's audience — spectators who saw themselves reflected in his characters. Three of Vampilov's plays — *The Elder Son*, *Last Summer in Chulimsk*, and *Duck Hunting* — are analyzed in relation to key concepts in Heidegger's philosophy, including *das Man*, time, and *Entwurf* (projection).

Key words: Vampilov's dramaturgy, Heideggerian existentialism, Era of Stagnation, USSR.

Введение

О драматургии А. Вампилова принято говорить, ссылаясь на экзистенциализм. Так сложилось уже к 1990-м, а основания для этого обнаружили уже в конце 1980-х: герои его пьес не понятны или не поняты, страдают от одиночества и ведут себя не так как принято, вразрез здравому смыслу и сложившимся нормам. Вместе с тем очевидность влияния на произведения А. Вампилова экзистенциалистской драмы (Липовецкий 2000) не делает самоочевидным ответ на вопрос о том, почему настроение читателей Сартра и Камю стало мироощущением советского человека? Почему стало важным понимать мир сложно, а рефлексии о собственной повседневности осуществлять в результате переживания экзистенциального кризиса? Почему сложность мироотношения в конце концов стало своего рода интеллектуальной модой? Одна из ироничных замечаний в записных книжках драматурга очень точно это отражает: «Условия для самоубийства у тебя есть. Тебе не хватает только теоретической подготовки. Читай Шопенгауэра, Достоевского, Кафку...» (Вампилов 1996: 45).

В истории изучения его произведений А. Вампилова видели наследником А. Пушкина (Плеханова — Витковская 2012), А. Чехова, Ф. Достоевского (Шестакова — Плеханова 2019), а также С. Беккета и Э. Ионеско (Липовецкий 2000). В последние годы есть исследования, авторы которых полагают возможным изучать произведения А. Вампилова через призму текстов Г. Бёлля (Брюханова — Шестакова 2025) или использовать метод Ж. Дерриды и подход Дж. Батлера (Бронская — Егоров 2025).

Для интерпретации особенностей поведения героев и художественного пространства мы предлагаем прочитать Вампилова через М. Хайдеггера, предварив анализ описанием особенности времени, в котором жили читатели и зрители вампиловских пьес. Таким образом мы предполагаем выявить те особенности экзистенциального типа философствования, которые нашли отражение в драматургии А. Вампилова.

Поколение интеллектуальной заботы о себе

Покорение целины, новые города в тайге, великие перекрытия рек и осушение болот, освоение космоса, обуздание атома — то, что вдохновляло молодежь времен оттепели, к 1970-м стало привычными лозунгами застоя. Не смирившиеся с этим первопроходцы вновь ушли в леса, но при

этом уже не собирались что-либо строить и созидать. Их жизненная философия выразилась в так называемой «туристской и самодетельной песне». Те же, кто остался в построенных «голубых городах» на предприятиях, работавших «на космос», в секретных НИИ, по той же причине утратили пассионарность и охладели к идеологии технократической бури и натиска. К моменту создания песни, призывавшей «раньше думать о Родине, а потом — о себе», людей, всерьез намеренных следовать этому призыву, уже не осталось. Песня эта, собственно, уже выражала смерть идеологии социалистическом технократии, констатируя, что появились — и в массовом количестве, индивиды, думающие о себе.

Эта интеллектуальная «забота о себе» и вызвала всплеск общественного интереса к беллетристике и литературной критике, породив новую форму неофициального философствования, органично переходившую в «кухонные интеллигентские разговоры». На самом деле речь шла о своеобразном возрождении традиционного для России философствования во плоти литературной критики, для которого литературные образы не только заменяли эмпирию, но и позволяли моделировать жизненные ситуации и проверять на этих «моделях» жизненную пригодность высказанных идей. Хорошо знакомые из российской истории аристократический интеллектуальный салон и народнический кружок переместились в кухонное пространство.

Жизненная философия интеллигенции, бытовавшая здесь, отнюдь не была альтернативой государственной. Она существовала параллельно с государственным философским мировоззрением, не соприкасаясь даже в одном и том же сознании, поскольку имела иной предмет. Не о государстве шла Речь и не о социальном строе — о себе самом как индивидуальности. Социалистическая интеллигенция первой перестала быть массой — сразу же, как постаревшая идеология утратила власть над ней.

Литературоведческие, искусствоведческие и просто литературные журналы, театральная пресса и кинокритика обсуждали не только и не столько художественные и эстетические особенности беллетристики, фильмов и спектаклей. Главным предметом обсуждения, были нравственные проблемы вновь открытого в себе и в другом индивида. В центре таких обсуждений оказывался не только «строитель коммунизма», но и всякого рода «лишние люди», «отрицательные герои», критические социальные ситуации. Обстоятельное обсуждение поступков и духовного мира литературных героев пробуждало в читателях тягу к рефлексии, самоанализу. Этим и объяснялся широчайший успех литературной и художественной критики в читающих кругах.

Чтение и обсуждение беллетристики и критики стало не просто модой, но единственно возможным способом неофициального и жизненно необходимого приватного мышления. Подписка на такую периодику как *Советская культура* и *Литературная газета*, любовно именуемую *Литературкой*, была обязательной в каждой семье, считающей себя интелли-

гентной. Тот, кто не мог себе позволить подписку по соображениям финансового плана, брал почитать эти газеты в библиотеке, у друзей и знакомых. Изысканное периодическое издание — *Иностранная литература*, журналы — *Новый мир*, *Юность*, *Роман-газета*, *Сибирские огни*, *Урал* и др. — печатающие отечественные произведения, выписывались «вскладчину» (читатели складывались, чтобы подписаться на все журналы, а потом читать их по очереди). Способность вступать в искусствоведческие и литературоведческие беседы стала главным отличительным признаком принадлежности к интеллигенции не только гуманитарной, но и научно-технической, причем к последней — в особенности.

Значительно возросшая культура понимания художественных произведений и культура их нравственной интерпретации обрела необыкновенную широту. Философствуя на кухне за бутылкой вина, люди вновь и вновь возвращались к мучившим их проблемам, решая вопросы, как не изменить самому себе, как сохранить «необщее выражение лица» в системе социальных отношений, переживаемых уже как «не-свои», несобственные, отчужденные и тяготящие.

Вырваться из неподлинного существования в плену этой рациональности, убежать из нее можно было только в переживание мечты, представляющей отложенную на потом подлинную, собственную жизнь. Именно эта абсурдная мечта, без которой невозможно выжить, но которую страшно исполнить, поскольку она окажется утраченной, именуется у Ж.-П. Сартра «проектом», а в одном из рассказов В. Шукшина — «мечтой-идеей». Само стремление к абсурду, к бегству в переживание мечты доказывало, что идеология технократического мира умерла, а прошлые ее материальные воплощения в наличном «плановом социалистическом хозяйстве» переживаются как тягостная заброшенность в неподлинный мир.

Характеристика «абсурд» была взаимной. Ею обменивались те, кто продолжал жить по законам «социалистической» рациональности, и те, кто пытался вырваться из ее плена. «Позитивный» абсурд у А. Камю выражал стремление человека обрести индивидуальность и свободу в обществе нивелирующей рациональности. Однако в обиходном словаре российского интеллигента абсурдом именовалась именно самодовлеющая рациональность государственного и производственного аппарата, диктат общественного мнения, моды, понимаемой в самом широком смысле.

Общему «светлому будущему», которое уже перестало манить, противопоставлялось индивидуальное «светлое будущее», которое каждому виделось по-своему, — мечта о прекрасной жизни на пенсии, вдали от поднадоевшего до сартровской «тошноты» общественного производства. Мечта эта, впрочем, в эпоху «застоя» вполне переводилась в практический план: многие специально устраивались на так называемые «вредные производства», чтобы пораньше выйти на пенсию, но при этом получать достаточно денег для полноценной жизни.

О пенсии ничуть не стеснялись говорить молодые, полные сил люди, как тридцатидвухлетний герой одной из пьес А. Вампилова: «Я тоже хочу на пенсию» (Вампилов 1981: 307). Выбор рода занятий определяло одно — возможность, пусть ценой чрезмерного напряжения сил и здоровья, как можно раньше оставить постылое «индустриальное общество» как царство чуждой рутины и обрести наконец всю полноту радости индивидуального, подлинного существования.

Могущественная Безличность *das Man* в эпоху застоя

Тягостное чувство, вызываемое обществом, в котором правит Великая Анонимность, М. Хайдеггер выражал, говоря о *das Man* — могущественной Безличности, определяющей стандарты в стандартном мире «промышленной сделанности». Еще С. Кьеркегор сетовал на то, что все в мире стало делом моды (Кьеркегор 1999). Но он и предполагать не мог, какой станет диктатура моды в развитом индустриальном обществе с его массовым производством «материальных и духовных ценностей».

Мода всегда выражалась в безличных предложениях, а такие предложения немец не может оставить по законам своего языка без подлежащего, хотя бы и иллюзорного. Приделав к этому иллюзорному подлежащему — *man* — артикль среднего рода и написав его с большой буквы, то есть сделав именем существительным, М. Хайдеггер превратил его в Безличность, определяющую моду на вещи, идеи, людей и безжалостно стандартизирующую их. «В этом году носят... обсуждают... покупают... смотрят... штудируют... предпочитают и т. п.» — в череде таких безличных предложений могла быть описана мода на все, что только существует в обществе тотальной стандартизации и конформизма. Но субъект, насаждающий эту моду, оставался бы незамеченным. После того, как незаметное «*man*» было выделено и превращено в *das Man*, в Безличность как субъект, у М. Хайдеггера получился социально-психологический портрет этого общества. Теперь носило *das Man*, обсуждало *das Man*, покупало *das Man*, смотрело *das Man*, штудировало *das Man*, предпочитало *das Man* — «все вообще и никто конкретно».

Что это за редкостное существо, которое Хайдеггер выводит под именем *das Man*? На первый взгляд, оно похоже на современные скульптуры, которые не изображают никакого определенного предмета и из полированных поверхностей которых нельзя «вычитать» никакого «особого» значения. Однако они — непосредственно действительны и конкретны для восприятия. В этом смысле Хайдеггер подчеркивает, что *das Man* — это не абстракция, скажем, не общее понятие, которое охватывает «все Я», но оно, как *ens realissimum*, желало бы иметь отношение к чему-то, что присутствует в каждом из нас. Однако *das Man* разочаровывает тех, кто ожидает встретить в нем нечто личностное, какое-то индивидуальное

значение и решающий в экзистенциальном плане смысл. Das Man экзистировало, но «за ним ничего не стоит». Das Man существует как современная, не изображающая фигур скульптура: реально, повседневно, будучи конкретной частью мира; однако ни в какое время оно не связано ни с какой подлинной личностью, ни с каким «действительным» значением. Das Man есть средний род нашего Я: это Я-повседневное, а не «Я-само». Оно в известной мере представляет мою сторону, обращенную к обществу, мою заурядность. Das Man я имею вместе со всеми прочими людьми, это — мое общественное, публичное Я, и по отношению к нему всегда верны усредненные параметры. Как неподлинное Я, das Man освобождается от излишнего груза всякой подлинности, которая имеет ярко выраженные личностные черты; по своей природе das Man стремится сделать все легким и незатруднительным для себя, воспринимать все с чисто внешней стороны и придерживаться конвенционально принятой видимости. В известном отношении оно ведет себя так и по отношению к себе самому, ведь то, что оно представляет собою «само», оно воспринимает и принимает как нечто обнаруженное среди прочих данностей. Таким образом, это das Man позволяет себя понимать только как нечто несамостоятельное, в котором нет ничего от себя и для самого себя только одного. То, что оно представляет собой, ему говорится и задается другими; это объясняет принадлежащую к его сущности рассеянность и разбросанность; ведь оно остается растерянным и потерянным в том мире, который первоначально встречается его. Слово — Хайдеггеру (Хайдеггер 1997: 125): «Первоначально “есть” не “Я” в смысле подлинного Я, а другие — в образе das Man. Исходя из него и как оно, я первоначально “дан” себе “самому”. Первоначально существование есть das Man и в большинстве случаев остается таковым». «Как das Man, я всегда живу уже под незаметной властью других». «Каждый есть другие и никто не есть он сам. Das Man... есть никто...».

Едва ли можно было придумать лучшее подтверждение тезису о диктатуре das Man, чем заголовки в газете *Правда* эпохи застоя. И сам М. Хайдеггер правда, тоже полагал, что в установлении этой диктатуры во многом повинны газеты: «...В применении публичной информационной системы (газета) всякий другой подобен другому» (Хайдеггер 1997: 126). Но в западном обществе распространению тотальной анонимности и конформизма все же еще что-то сопротивлялось: этика индивидуализма, религия, требовавшая личного обращения к Богу, элитарное искусство, тот же экзистенциализм, наконец. В атеистическом советском обществе — вплоть до наступления времени «заботы о себе» — установлению диктатуры das Man долгое время не сопротивлялось ничто или почти ничто. Ему, напротив, всячески способствовала насаждаемая этика коллективизма и скромности «строителя коммунизма». «Освоили новую технику», «Убрали урожай», «Открыли новый сезон» — именно такими были заголовки главной партийной газеты страны. А наиболее точной и непревзой-

денной передачей хайдеггеровского *das Man* было партийно-административное — «Есть мнение».

Зримым образом *das Man* были залы съездов и пленумов, транслировавшиеся по телевидению — сразу по всем программам. Это *das Man* вещало с телеэкрана и по радио стандартными голосами дикторов. Точно-творный суконный язык, лишь внешне похожий на русский, был непрерывным сопровождением неподлинного существования.

Театр времен «заботы о себе» тоже был разным, как и его зритель. Режиссеры, которые понимали, что главное — аффицировать способность к фантазии, необходимую для «полного улета» от неподлинного мира, никак не ограничивали фантазию зрителя, не пытались изображать действительность на сцене. Количество показанного было обратно пропорционально количеству домысливаемого. Гамлет игрался в свитере потому, что главным было не изображение реальности в формах самой реальности, как того требовал социалистический реализм. Зритель приходил на Таганку вовсе не разглядывать костюмы и декорации, адекватно воспроизводившие то, что можно было наблюдать во времена Шекспира. От хотел получить импульс, позволяющий улететь от реальности.

Производственная «планерка» на сцене, рационально поставленная «социальная проблема» фантазию не будили и такого импульса не давали. Пьеса, которую можно было пересказать, не имела шансов стать культовой, то есть удостоиться обсуждения на кухне. В очереди за билетами на нее никто не стоял целую ночь, записывая номера авторучкой на ладони. И никто не досыпал после этого на постылой работе.

Драматургия Александра Вампилова в этом смысле имела все, чтобы органично войти в «кухонную контркультуру». И — вошла. Неумение обстоятельно высказаться по ее поводу автоматически закрывало доступ в сообщество интеллектуалов. Умение высказаться о ней, однако, еще отнюдь не означало ее понимания. Тот, кто пытался видеть в пьесах А. Вампилова реальную жизнь, перенесенную на сцену, поражался нелепости ситуаций, хотя и понимал, что любая из них вполне могла случиться в действительности. Пересказать эти пьесы было можно, хотя и с достаточным трудом, но именно при таком пересказе полностью ускользал их подлинный смысл. Потому на них и было «воспитано» целое поколение, представители которого, наконец, осознали и прочувствовали, что живут они всего лишь при внутримировом сущем, а не внутри этого сущего, будучи опутанными им по рукам и ногам.

В середине 70-х годов их популярность шагнула далеко за пределы Советского Союза: они вошли в репертуар польских, датских, шведских театров. Пьесы были опубликованы незадолго до смерти автора. Они ставили в тупик, а автор так и не успел прокомментировать их экзистенциальный смысл, оставив зрителей и критиков теряться в догадках. Вернее — не теряться, не терять, а находить себя в поисках разгадки «тайны Вампилова».

Время, проект, пограничная ситуация и экзистенциальный кризис в пьесах Вампилова

Когда пьеса *Утиная охота* была напечатана, возникло долгое молчание. Олег Ефремов (Ефремов 1981: 624) объяснял его следующим образом: «У критиков не нашлось ни одного слова, чтобы объяснить природу появления такого персонажа, как Зилов... “Странный и безнравственный” герой *Утиной охоты*, предложенный обществу для осмысления, даже не был принят в расчет. Его, Зилова, психологический опыт казался какой-то чудовищной аномалией».

Аномалия — это отклонение от нормы, а нормой было драматическое искусство социалистического реализма. Это искусство должно было выступать формой познания мира, а всемерное распространение этого искусства посредством организации культпоходов трудящихся было призвано способствовать развитию у них навыков такого познания.

Ко времени появления пьес А. Вампилова на сценах театров уже сложилась определенная традиция постановки образовательных задач перед зрителем. На театральной сцене того времени соперничали две основные трактовки положительного героя, предложенные Розовым и Володиным. «Это были два основных крыла драматургии, два лица одного времени — романтической уверенности и мягкого, иронически-неуступчивого сопротивления ложной громкости, уже не раз приводившей к неправде... Оба знали, что надо делать и отлично воплощали знание» (Курбатов 1987: 13).

На этом фоне А. Вампилов воспринимался как драматург странный. Чиновник, курировавший театр, не мог бросить ему упрека в нелояльности по отношению к социалистическому реализму: действительность изображалась в вампиловских пьесах с предельной точностью, вплоть до деталей. Никакой буржуазной условности и формализма. Но вот с созданием образа положительного героя драматург как-то не справлялся. Оттого его пьесы и возвращались на доработку или лежали на полках.

Непонимание пьес А. Вампилова было непониманием того, что на самом деле драматург вовсе не был представителем социалистического реализма. Это было вынесенное на сцену содержание сознания, изображение того переживания неподлинного мира и того отношения к нему, которое у Сартра именовалось «тошнотой». Это было зримое царство *das Man* во всей его бессмысленности и «разбросанности».

Повседневное существование устаивалось в произведениях экзистенциалистов безжалостно дотошного и подчеркнуто документального описания — так, чтобы у читателя возникло двойственное чувство: с одной стороны, все это узнаваемо, близко и переживаемо, настолько, что даже стыдно читать об этом, как стыдно читать о чересчур интимном и подглядывать в чужие окна, а с другой стороны, все это настолько чудовищно, что выглядит полным абсурдом. Так ставится главная и вечно повторяющаяся экзистенциальная пьеса, пьеса абсурда повседневности. Завязкой

такой пьесы всегда становится некая «случайность», некий дотошно и детально изображенный парадокс повседневности, ставящий героя в пограничную ситуацию. Человек всегда обнаруживает себя в некоторой ситуации и переживает ее. Но некоторые из ситуаций становятся пограничными: они отделяют неподлинное, несобственное существование человека в толпе от подлинного и собственного существования, в котором выразится, наконец, уникальность его души. В определенных экстремальных ситуациях человек может с неожиданной ясностью постичь, что раньше у него все было «как у людей», что так жить ему было легче и спокойнее, но умри он сейчас — и о его уникальности, о неповторимости его души никто так и не узнает. Пережив это потрясение — «пограничную ситуацию», которая происходит исключительно в живой человеческой душе — человек бросает все неподлинное, несобственное, навязанное ему, все то, в чем его можно заменить другим, и лихорадочно ищет свое, подлинное — то, в чем только и сможет проявиться его неповторимость.

Убежать из плена неподлинности и обрести собственную индивидуальность можно только в будущем. Но этот побег все время откладывается. Он становится «проектом» (Ж.-П. Сартр) — проекцией души в будущее, откладыванием подлинной жизни на потом. Только в переживании будущего и в переживании прошлого человек принадлежит самому себе, оставаясь в одиночестве. Настоящее для него — вечное напоминание о чем-то несделанном. И самым тяжелым для современного человека оказывается осознание того, что жизнь уже идет, она проходит день за днем, но идет так, что ни один из этих дней нельзя представить последним. Ведь ты еще так и ничего не успел сказать миру о себе.

Переживание пограничной ситуации превращает то, что раньше было полно каким-то мелким смыслом — работу, карьеру, бизнес, обязанности по дому — в нечто неважное, существующее безразлично где.

В пьесе *Старший сын* А. Вампилова место действия — предместье неизвестно какого города или, скорее, городка. Обычная квартира, обычные люди, предельно знакомые бытовые разговоры. В *Утиной охоте* зритель может только догадываться, что место действия тоже — некий средний город. Зилов работает в каком-то информационном НИИ, смысл, цель его работы неизвестны, но она полна суеты и будничных типовых, производственных диалогов. Такой же обычный и городок Чулимск в другой его пьесе — поселок в тайге, край земли, провинция провинций, мимо которой течет жизнь, полная комсомольских строек и героических свершений.

Повседневное место действия наполнено совершенно уникальными по своей наглядной абсурдности разговорами. Любой из монологов Зилова в *Утиной охоте* подобен диалогам известной пьесы Сэмюэла Беккета *В ожидании Годо*. Таким рефреном становится «утиная охота», о которой вновь и вновь, как бы вне текста, вне действия, говорит главный герой. Никакой охоты нет в пьесе, она так и не наступает, так же, как Годо никогда не приходит, несмотря на его ожидание.

Ситуации абсурда усугубляют и появляющиеся в пьесах Вампилова некие почти фантастичные герои. Эти герои ничего не значат, ни к чему не приводят, они намеренно нарушают известный театральный принцип: если в первом действии на сцене висит ружье, во втором оно должно выстрелить. Тексты Вампилова настолько насыщены «нестреляющими ружьями», непонятно для чего введенными персонажами, странными фразами, что удивляешься, как автору удастся сохранить логику действия в пьесе. Секрет, однако, в том, что он предельно точно воспроизводит обыденную речь со всеми знаками препинания, повторами, паузами, со всеми оговорками и междометиями. Пьяные или трезвые герои пьес одинаково нелогичны, но одинаково знакомо разговаривают.

В финале *Утиной охоты* ситуация словно бы достигает предельной степени абсурда: от главного героя только что ушла жена, а он собирает друзей, чтобы представить знакомую девушку как невесту. Приходит неожиданно друг, почему-то тоже с невестой. Все пьют, что-то говорят, нелепо спорят, а на самом деле это вовсе не помолвка, а поминки, ведь друзья разыграли Зилова, он получает телеграмму о собственной смерти и траурный венок.

Абсурдность ситуации усугубляется с каждой новой репликой: «Дождь пошел. А мы его по дождику. Взяли. Куда вы меня ведете? В планетарий. Сочетаться законным браком. Не хочу. Подожди... Слушай, хулиган! Ты едешь завтра на охоту. Забыл? На охоту? ... Черт возьми! Вы правы, надо торопиться. Труп. Берем его под руки» (Вампилов 1981: 229). Это все реплики персонажей, но в финале пьесы они создают феерическое ощущение абсолютной нелогичности повседневного существования и невозможности его разорвать.

В пьесах А. Вампилова очень много достаточно больших монологов главных героев. Текст этих монологов — намеренно парадоксальный, абсурдный и отражает рефлексию героя, но совершенно не рациональную, как будто бы пересказывается сон или неврастеническое состояние раздвоения личности. И не только пьющий Зилов склонен к таким монологам, но и другие вполне положительные в этом плане герои. Так, Шаманов, пережив потрясение от осознания внутренней духовной красоты Валентины, раздражается рассуждениями о тщете муторного существования своего в Чулимске: «Я спал, спал на ходу, я дрыхнул все эти четыре месяца... Слушай. Это было недавно. Утром я проснулся и увидел свои руки. Они лежали у меня на груди — мои собственные руки, и вдруг — ты слышишь? — они показались мне чужими. Представь себе это? Сначала руки, а потом весь я... Все тело и даже мысли показались мне не моими. Все будто бы принадлежало другому человеку! Сейчас я думаю об этом с ужасом, а тогда — и вот в чем главный-то ужас! — тогда мне было все равно» (Вампилов 1981: 348).

Сами персонажи тоже могут быть взятыми «ниоткуда», как бы из безвременья появляясь в действии и отходя затем на задний план, ничем не за-

вершив логики своего существования в произведении. Много споров вызвало название одной из ранних пьес Вампилова «Двадцать минут с ангелом». Точно такой же мальчик-ангел появляется в «Утиной охоте», принося Зилову траурный венок — розыгрыш друзей-собутыльников. Абсурдной и фантастичной становится фигура старшего сына или охотника-эвенка Еремеева. В *Утиной охоте* таким отстраненным персонажем становится официант Дима, с которым, как с собственной мечтой, все время беседует Зилов об утиной охоте.

Пьесы А. Вампилова населены героями двух типов. Первый тип — это типично экзистенциальный герой. Он «болен» выбором, страдает до тошноты от повседневности, видит выход, но не выходит из сложившейся ситуации абсурда. Таков, к примеру, каждый из членов семьи Сарафанова в пьесе *Старший сын*. Второй тип героя — своего рода творец пограничных ситуаций, чье появление и действия становятся потрясением для участников действия, провоцируя экзистенциальный кризис и наталкивая на мучительные размышления о смысле, цели и ценности жизни.

Музыкант Сарафанов (*Старший сын*) ежедневно рассказывает своим взрослым детям, что он выступает в филармонии, а сам играет на танцах и похоронах. Он страдает от необходимости врать, но это, в сущности, не вранье, а экзистенциальный проект, в который приходится бежать от невыносимой, неподлинной реальности. Он держится в жизни только благодаря тому, что внушает себе: когда-нибудь, очень скоро, он допишет великую симфонию, после чего и вся жизнь пойдет по-другому. «На многое я не замахиваюсь, нет, мне надо завершить одну вещь, всего одну вещь! Я выскажу главное, только самое главное!» (Вампилов 1981: 113). Это «самое главное» и есть для Сарафанова великий музыкальный «проект» — потрясающая музыка, в которой, наконец, он сможет реализовать себя и которая изменит мир. Само название оратории — «Все люди — братья» — перекликается с гротескной шуткой — завязкой пьесы, когда Бусыгин называется старшим братом.

Дочь Сарафанова пытается внушить себе, что ей нужно выйти замуж за настоящего мужчину — честного, порядочного, успешного (и такой герой есть в пьесе). Тогда все будет иначе в ее жизни. Сын Сарафанова, Васенька, кричит отцу и всему миру о тошноте повседневного существования, мечтая уехать на комсомольскую стройку или вообще куда-нибудь, чтобы заставить себя измениться и изменить отношение к себе других людей. Все это люди, ведущие «проективное» существование. Они знают об этом, но исполнить проект они либо не могут, либо боятся, ведь исполнить мечту — значит убить ее. А потому приходится день за днем «временно» пребывать в бессмысленности.

Завязка пьесы — опоздавший на поезд незнакомец-студент является в семью Сарафанова и лжет, объявляя себя его старшим сыном, — создает не только пограничную ситуацию для членов семьи, но и открывает перспективу выхода из томительной скуки и бесперспективного прозябания.

Поставленная в тупик советская литературная критика пыталась подогнать героев А. Вампилова под привычные представления. Она считала Сарафанова очень нравственным человеком, которого никто не ценит, а Бусыгина, «случайного прохожего», — настоящим человеком, возмутителем спокойствия, ворвавшимся, словно свежий ветер, в тягостную ситуацию семейных взаимоотношений. Но едва ли можно считать, что этот обманщик — настоящий человек сам по себе, каковым полагается быть положительному герою пьесы социалистического реализма. Он, скорее, сам по себе никак, он — чистый лист, но именно поэтому на него так легко проецируются все светлые надежды каждого члена семьи на лучшее, иное будущее. Потому Бусыгин и становится столь родным в семье, что в нем каждый из ее членов воплощает свой проект, свое представление о действительно родном человеке. Но это означает, что до появления Бусыгина все отношения в семье были предельно отчужденными, совершенно неподлинными.

Главный герой пьесы *Утиная охота* — Зилов — тоже человек-проект, находящийся в постоянной погоне за призраками любви, чистоты, подлинности, но к тридцати годам так и не сумевший хоть в чем-то найти воплощение своих идеалов. И опять литературная критика оказалась в тупике, не зная, куда пристроить Зилова: будучи безусловно положительным героем по «проектам» своим, по своим «чаяниям и устремлениям», он настолько зауряден и никакое в реальности, настолько анонимен и подобен всем другим, что оказывается по ту сторону добра и зла — ведь эти моральные категории совершенно неприменимы для того, кто живет под властью *das Man*, «как все», будучи избавленным от морального выбора.

Утиная охота, на которую собирается герой, — тоже «проект», ожидание подлинного в будущем. Это то, ради чего целый год томится Зилов на работе и дома, это мечта о великом выходе из повседневности: на лодке, в тишине, когда вокруг — только вода да лес, и можно ни о чем не думать, даже забыть о ружье, а только плыть и наслаждаться осмысленной тишиной, восходом солнца, ценность которых давно стерта повседневными разговорами, пустыми встречами, непонятными заботами.

Интересно, что Зилов, постоянно думая об утиной охоте, в то же время и забывает о ней постоянно. То там, то здесь, по мере развития действия, разные герои напоминают ему, что есть утиная охота, что ему нужно на охоту, и всякий раз он соглашается с этим, и всякий раз вспоминает, что нужно же вернуться к подлинному, к тому, чего требует живая душа, — но неподлинная повседневность снова и снова засасывает его, лишая этой памяти. Другой герой пьесы, Шаламов, тоже бежит от жизни в проект, хотя проектом этим у него оказывается жизнь на пенсии — через тридцать лет. Тема Великого Отказа и Великого Ухода, на который нет ни сил, ни смелости, выражается в словах Зилова: «Подарите мне остров. Если вам не жалко» (Вампилов 1981: 178).

В пьесе *Прошлым летом в Чулимске* пограничную ситуацию провоцирует главная героиня — Валентина, которая представляется воплощением чистоты, любви, цельности, предельной ответственности. Она именно представляется каждому такой, какой он хочет ее видеть: драматург наделил ее настолько недюжинной скромностью, что она остается для каждого «вещью-в-себе», совершенно непостижимой. Какова она на самом деле, никто не ведает, но тем легче проецировать на нее собственные мечты. Другой главный герой, погрязший в рутине следователь Шаманов, вдруг узнает о том, что Валентина любит его, и в одно мгновение понимает, что возможна иная жизнь, возможен выход из безысходной повседневной неподлинности. Однако Валентина так и останется всего лишь поводом для возникновения «пограничной ситуации»: ее отношения с Шамановым не разовьются по канонам «красивой» драматургии и даже не воспроизведут ситуацию Онегина и Татьяны. К финалу пьесы герои примут ответственное решение — «тянуть свою лямку» дальше, катить, подобно Сизифу у Камю, свой камень ответственности в гору, понимая, что завтра придется начинать сначала.

Вообще, образ «сизифова труда» рисуется в пьесе про Валентину с достаточной откровенностью. С него начинается и им же завершается пьеса. День ото дня Валентина чинит калитку, пытаясь вынудить людей не топтать цветы. На протяжении всей пьесы она бросает все дела, чтобы соорудить этот наглядный образ веры в нравственное возрождение человечества. Но разговор об этом — типичная «разбросанность», абсурдное «говoreние» das Man:

«Валентина: Я чиню палисадник для того, чтобы он был целый.

Шаманов: ...А мне кажется, что ты чинишь палисадник для того, чтобы его ломали.

Валентина: ...Я чиню его, чтобы он был целый» (Вампилов 1981: 318–319).

Такой диалог продолжается в течение нескольких минут, пока, наконец, не возникает другой ответ: «Они поймут, вы увидите. Должны же они понять — в конце концов. Я посею здесь маки, и тогда...» (Вампилов 1981: 319).

Представлена в *Утиной охоте* самая главная из пограничных ситуаций в экзистенциализме — переживание смерти. Тема смерти, как и тема утиной охоты, постоянно возникает в разных ракурсах по мере развития действия. Пьеса начинается с абсурдного розыгрыша: друзья присылают Зилкову погребальный венок. Потом Зилов получает письмо от отца и говорит, прочитав его: «Опять он умирает... Обрати внимание, раз или два в году, как правило, старик ложится помирать... Понимаешь, что делает? Разошлет такие письма во все концы и лежит, собака, ждет. Родня, дура, наезжает, ох, ах, а он и доволен» (Вампилов 1981: 185). В конце пьесы — смерть отца и попытка самоубийства Зилова. Кажется, что вот-вот, еще немного, и даже смерть станет обыденностью и повседневностью. Но в этой пьесе — одной из самых загадочных у А. Вампилова — так и не происходит

избавления от обыденного. Происходит постоянное нагнетание абсурда и превращение ценностей в «разбросанные» слова и бытовые стереотипы.

И еще одним экзистенциальным мотивом проникнуты тексты Вампилова. Это рассуждения о «среднем человеке» — о том, что Мартин Хайдеггер именовал *das Man*. Одна из героинь второго плана в *Утиной охоте*, Вера, всех знакомых мужчин называет аликами, причем «алик» пишется в тексте пьесы с маленькой буквы. Это некий безликий «мужчина вообще», «человек без собственных качеств». Упоминание об «аликах» также звучит контрапунктом, усугубляя абсурдность всего действия. Даже главный герой Зилов — «алик». Траурному венку предшествует направленная ему телеграмма: «Дорогой Алик... Выражаем глубочайшее соболезнование по поводу преждевременной кончины нашего лучшего друга Зилова Виктора Александровича... Группа товарищей» (Вампилов 1981: 219). Пьесы Вампилова были написаны именно для людей, которые чувствовали себя «аликами», но, пережив открытие в самом себе среднего человека, оказались в пограничной ситуации под влиянием этого открытия.

Заключение

В завершении хотелось бы еще раз подчеркнуть, что готовность интеллектуально ориентированного зрителя к экзистенциальному рефлексивному видению себя и других в некотором смысле «разрешила» А. Вампилову создавать такого же героя в своих пьесах. Это не всегда удавалось передать на сцене, но по меньшей мере были интеллектуалы, которые хотели бы отыскивать экзистенциальный смысл спектакля и готовы были его обсуждать. В. Розов, подчеркивал, что при постановке вампиловских пьес режиссерам удастся чаще всего передать только поверхностное водевильное. «Театр как бы теряется перед пьесой, в которой есть и лед, и пламень, они играют среднее — воду. Хорошо, если горячую воду» (Розов 1988: 437). Но были также спектакли и фильмы, где удавалось передать особенность экзистенциального мироотношения, предполагающего особое понимание времени, определение подлинного и неподлинного существования. В этом плане хотелось бы еще раз отметить, что одиночество героя и отказ следования принятым нормам не являются единственными основаниями, чтобы говорить об экзистенциальной интенции художественного произведения. Важным является выявление особой трактовки времени, видение проективного способа бытия, пограничной ситуации и кризиса, результатом которого является конституирование сущности человека и смысла его существования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бронская Людмила, Егоров Дмитрий. «Деконструкция роли “хранительницы очага” в драматургии А. Вампилова: хронотоп, перформативность и символика быта». *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 18/8 (2025): 3276–3281.
- Брюханова Юлия, Шестакова Наталья. «Феномен героя-нонконформиста: ‘Утиная охота’ А. Вампилова и ‘Глазами клоуна’ Г. Бёлля». *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 18/7 (2025): 2953–2960.
- Вампилов Александр. *Записные книжки*. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996.
- Вампилов Александр. *Прошлым летом в Чулимске*. Вампилов Александр. *Дом окнами в поле*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981: 290–356.
- Вампилов Александр. *Старший сын*. Вампилов Александр. *Дом окнами в поле*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981: 88–157.
- Вампилов Александр. *Утиная охота*. Вампилов Александр. *Дом окнами в поле*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981: 158–237.
- Ефремов Олег. «Наша сцена живёт сегодня во многом...». Вампилов Александр. *Дом окнами в поле*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981: 622–626.
- Курбатов Валентин. «В глубь уходящих и играющих звезд...». Вампилов Александр. *Утиная охота: Пьесы*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987: 3–26.
- Кьеркегор Серен. *Дневник обольстителя*. Москва: Эксмо-Пресс, 1999.
- Липовецкий Марк. «Шестидесятники» как ‘потерянное поколение’: трагикомедии Александра Вампилова (1937–1972)». *Континент* 104/2 (2000): 336–348.
- Плеханова Ирина, Витковская Наталия. «А. Вампилов и А. Пушкин: светносный бар против трагической безысходности». *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 17/6 (2012): 125–132.
- Розов Виктор. «О Вампилове». Вампилов Александр. *Стечение обстоятельств: рассказы, очерки, пьесы*. Иркутск: Восточно-Сибирское издательство, 1988.
- Симуков Алексей. «Первый раз я встретился с Сашей Вампиловым...». Вампилов Александр. *Дом окнами в поле*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981: 609–617.
- Шестакова Наталья, Плеханова Ирина. «Виктор Зилор — плачущий демон или смеющийся трикстер? (О типологической идентификации героя)». *Сибирский филологический журнал* 2 (2019): 124–135.
- Хайдеггер Мартин. *Бытие и время*. Москва: Изд. фирма «Ad Marginem», 1997.

REFERENCES

- Bronskaya Lyudmila, Egorov Dmitriy. «Dekonstruksiya roli ‘hranitel’nicy ochaga’ v dramaturgii A. Vampilova: hronotop, performativnost’ i simbolika byta». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 18/8 (2025): 3276–3281.
- Bryuhanova Yuliya, Shestakova Natal’ya. «Fenomen geroya-nonkonformista: ‘Utinaya ohota’ A. Vampilova i ‘Glazami klouna’ G. Byol’lya». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 18/7 (2025): 2953–2960.
- Efremov Oleg. «Nasha scena zhiviot segodnya vo mnogom...». Vampilov Aleksandr. *Dom oknami v pole*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1981: 622–626.
- Hajdegger Martin. *Bytie i vremya*. Moskva: Izd. firma «Ad Marginem», 1997.
- K’erkegor Seren. *Dnevnik obol’sitelya*. Moskva: Eksmo-Press, 1999.
- Kurbatov Valentin. «V glub’ uhodyashchih i igrayushchih zvezd...». Vampilov Aleksandr. *Utinaya ohota: P’esy*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1987: 3–26.
- Lipoveckij Mark. «‘Shestidesyatniki’ kak ‘poteryannoe pokolenie’: tragikomedii Aleksandra Vampilova (1937–1972)». *Kontinent* 104/2 (2000): 336–348.
- Plekhanova Irina, Vitkovskaya Nataliya. «A. Vampilov i A. Pushkin: svetnosnyj bar protiv tragicheskoy bezyskhodnosti». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 17/6 (2012): 125–132.

- Rozov Viktor. «O Vampilove». Vampilov Aleksandr. *Stechenie obshchayatel'stv: rasskazy, ocherki, p'esy*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe izdatel'stvo, 1988.
- Shestakova Natal'ya, Plekhanova Irina. «Viktor Zilov — plachushchij demon ili smeyushchij trikster? (O tipologicheskoy identifikatsii geroya)». *Sibirskij filologicheskij zhurnal* 2 (2019): 124–135.
- Simukov Aleksej. «Pervyj raz ya vstretil'sya s Sashej Vampilovym...». Vampilov Aleksandr. *Dom oknami v pole*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981: 609–617.
- Vampilov Aleksandr. *Proshlym letom v Chulimske*. Vampilov Aleksandr. *Dom oknami v pole*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981: 290–356.
- Vampilov Aleksandr. *Starshij syn*. Vampilov Aleksandr. *Dom oknami v pole*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981: 88–157.
- Vampilov Aleksandr. *Utinaya ohota*. Vampilov Aleksandr. *Dom oknami v pole*. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981: 158–237.
- Vampilov Aleksandr. *Zapisnye knizhki*. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1996.

Александр В. Перцев

Екатерина С. Черепанова

ЕГЗИСТЕНЦИЈАЛИСТИЧКИ СВЕТОНАЗОР У ДРАМАМА А. ВАМПИЛОВА: ВРЕМЕ И БИТАК

Резиме

У чланку се анализирају драме А. Вампилова како би се показала заснованост разговора о поновном успостављању егзистенцијалистичог светоназора. Утицај егзистенцијалистичке драме на Вампиловљева дела не доноси очигледан одговор на питање зашто је опште расположење читалаца Сартра и Камија постало доживљај света совјетског човека. Спремност интелектуално оријентисаног гледаоца епохе застоја на егзистенцијалистичко рефлексивно проматрање себе и других у одређеном смислу „омогућила је“ А. Вампилову да ствара истог таквог јунака у својим драмама. Ако би се драмска дела — *Старији син*, *Прошлог лета у Чулимску*, *Лов на патке* истражила у односу на кључне концепте (das Man, време, пројекат) филозофије М. Хајдегера, могло би се видети како се ствара егзистенцијалистички светоназор. Јунакова усамљеност и његово одбацивање општеприхваћених норми нису једина основа за разговор о егзистенцијалистичкој интенцији уметничког дела. Важно је оспољити посебно тумачење времена, проматрање пројективног начина постојања, граничне ситуације и кризе, чији је резултат конституисање човекове суштине и смисла његовог постојања.

Кључне речи: драмско стваралаштво А. Вампилова, егзистенцијализам М. Хајдегера, епоха застоја у СССР.

Олеся Сабанова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
sabanova.o@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-7093-8524>

Olesia Sabanova

Lomonosov Moscow State University
sabanova.o@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-7093-8524>

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОЗИЦИИ НАБЛЮДАТЕЛЯ В ПРОЗЕ ЭДУАРДА ЛИМОНОВА: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

ACTUALISATION OF THE OBSERVER'S POSITION IN THE PROSE OF EDUARD LIMONOV: GENRE ASPECT

Статья посвящена жанровому исследованию прозы русского писателя и политика Э. В. Лимонова (1943–2020) в рамках актуализации позиции наблюдателя, которая воплощается в его текстах благодаря комплексу языковых и сопутствующих им литературных приёмов. Делается вывод об объёмности и продуктивности жанровой модели Лимонова, функционирующей по принципу атома. Констатируется сознательный переход автора от фикциональности художественной прозы к публицистике и нефикциональности. Мы относим его произведения к «(нон-)фикшену». Это творческий метод, где фикционализирующие приёмы используются точно, а мир произведения строится на фактах и событиях, которые в зависимости от интенции пишущего обобщаются, абстрагируются или скрываются, но не выдумываются.

Ключевые слова: идиостиль Эдуарда Лимонова, лимоновский корпус текстов, наблюдатель, жанровая система, (нон-)фикшен.

The article is devoted to the genre study of the prose of the Russian writer and politician Eduard Limonov (1943–2020) within the framework of the actualisation of the observer's position, which is embodied in his texts through a set of linguistic and accompanying literary means. The conclusion is made about the voluminousness and productivity of Limonov's genre model functioning on the principle of atom. The author's conscious transition from fictionality of fiction prose to publicism and non-fiction is stated. We refer to his works as "(non-)fiction". This is a creative method where fictionalising techniques are utilised selectively, and the artificial world of the work is built on the facts and events that, depending on the writer's intention, are generalised, abstracted or hidden, but not invented.

Keywords: idiostyle of Eduard Limonov, Limonov corpus of texts, the observer, genre system, (non-)fiction.

Введение

Эдуард Вениаминович Лимонов (1943–2020) — русский писатель, публицист, политик. Ряд этих характеристик останется неполным, если обойти разговор о Лимонове как о философе, футурологе, «еретике»¹, продолжателе русской литературной традиции, литераторе не скандальном, но нестандартном².

Сегодня активно изучаются книги из раннего периода творчества Лимонова и его более поздние произведения. Особое место в современных трудах отводится концептуализации лимоновских текстов: их нередко изучают в рамках уже существующих философских парадигм. М. Ю. Егоров относит ранние лимоновские произведения к традиции «трансгрессивной литературы» (по М. Сильверблатту (Michael Silverblatt), П. Сталлибрассу (Peter Stallybrass) и А. Уайту (Allon White) (Егоров 2023)); (Пищулина — Дубасова, 2023) рассматривают знаменитого *Эдичку* в контексте романтической ценностной системы (по М. Я. Вайскопфу и Ю. В. Манну); сквозь призму буддизма трактует работы Лимонова (Дубаков 2023); в (Безрукавая 2015; Сухих 2017; Илларионов 2023; Ничипоров 2023а; Ничипоров 2023b; Осьмухина 2024; Лисков — Розова 2025) лимоновская проза исследуется с литературоведческой точки зрения с акцентом на мифопоэтику и автофикшен, как и в (Кучина 2008; Пищулина 2023; Егоров 2024); некоторые учёные выявляют философские, религиозные и социально-политические взгляды писателя (Машенко 2021; Канаев 2024).

Лимонов с особым тщанием подходил к обдумыванию жанра и композиции своих книг³, образующих каркас произведения, и считал, что жанровое разнообразие делает вход читателя в созданную им литературную вселенную более легким⁴. Цель данной статьи — рассмотреть принципы, которыми руководствовался писатель при конструировании жанровой си-

¹ Лимонов называет себя «еретиком» вслед за своей книгой *Ереси* («Познер» 2020; Лимонов 2008).

² «Когда меня характеризуют “скандальный писатель”, я думаю, господа, я просто-напросто выражаю те мнения, которые вас скандализируют. Это вы скандализируемые! Я говорю свои мнения, которые потом оказываются совершенно реальными» («Говорим о главном» 2017); «Толпа примет только скандальную сторону творчества» («Матадор» 1992).

³ «Мне нужен жанр. <...> Я человек, который привык <...>. Вне жанра я работать не хочу, не могу. Я не могу понимать вещи вне жанра» («Сигнальный экземпляр» 2018). «<О книге “Монголия”> Изначально это была <...> коллекция эссе, так мне привиделось. А потом я посмотрел, содержание опубликовали, а содержание фрагментарно — это фрагменты. Современность фрагментарна, она не целая. Сейчас нет, как в XIX веке, историй таких длинных. Просто вот эта россыпь фрагментов. И я сказал: “Уберите содержание. Не нужно содержание, пусть будут такие фрагменты один за другим”» («Разведопрос» 2016).

⁴ «...я автор 67 книг <...>! Причём разных жанров — это как раз то, что требуется» («Говорим о главном» 2017). «Я <...> в общей сложности семьдесят, по-моему, три книги написал в настоящий момент. Это хорошо. Каждый может найти по вкусу подходящую ему тему <...> Branch такую, ветку» («Сигнальный экземпляр» 2019). В последних интервью их количество увеличится до 78 («Звёздное интервью» 2019).

стемы, а также комплекс языковых и сопутствующих им литературных приёмов, задействованных в рамках актуализации позиции наблюдателя.

Актуальность исследования продиктована масштабной кампанией по переизданию старых и выпуску ранее неизвестных широкой публике лимоновских сочинений в России и в других странах. Чтобы сохранить писательское наследие в его аутентичном виде, необходимо проделать глубокую текстологическую работу. В данный момент отсутствуют комплексные лингвистические труды, в которых были бы отражены особенности лимоновского идиостиля как явления целостного и устойчивого (Сабанова 2024). Последним фундаментальным литературоведческим трудом, посвящённым прозе и публицистике Эдуарда Лимонова, стала диссертация (Орлова 2004). В частности, не существует работ, посвящённых системному анализу природы лимоновского жанра в контексте авторских идейных доминант, хотя отдельные попытки такого анализа неоднократно предпринимались (Котикова 2017; Капцев 2020; Кадеева 2025). Кроме того, невозможно полноценно описать изнанку творческого процесса вне последовательного изучения расшифровок интервью с участием Лимонова, его выступлений на презентациях новых изданий и других прижизненных материалов, что делается нами впервые. Особое внимание мы уделяем выявлению и описанию авторских жанров, знаменующих появление текстов нового типа.

Методы и материалы исследования

Мы опираемся на лингвистические труды (Апресян 1995: 639–644; Падучева 2006: 403; Онипенко 2013), посвящённые выявлению наблюдателя в семантике языковых единиц. Необходимыми для нашего исследования стали разработки в области семантики личных местоимений (Штелинг 1996: 16) и их прагматического потенциала (в частности, это явления «инклюзивности» и «эксклюзивности» (Золотова — Сидорова — Онипенко 2004: 116–118), а также принципы выделения первого плана и фона в повествовательном тексте (Уржа 2022). Привлекается понятие «остраннение», выдвинутое (Шкловский 1980: 339), благодаря которому можно задать дистанцию между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом: «Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приёмом искусства является приём “остранения” вещей...» (Там же). Вторая часть определения Шкловского, включающая «приём затрудненной формы» (Там же) с целью увеличения долготы восприятия, для исследования не релевантна.

Учитывается структура речевого акта, предложенная (Долинин 2010: 13), который эксплицирует и локализует наблюдателя. Теоретический каркас данной работы составляют психологические и психолингвистические исследования (Выготский 2005; Ахутина и др. 1985), где раскрывается проблема взаимоотношения языка и мышления в онтогенезе, а также развития у человека с возрастом способности к абстрактному мышлению.

Чтобы проследить в текстах Лимонова закономерности использования приёмов и техник, связанных с фигурой наблюдателя, во внимание берутся идеи (Ревзина 2020), которая вслед за (Виноградов 1941) выводит факторы, влияющие на формирование авторского идиостиля. К ним относится способность «единиц языка превращаться в средства языка художественного и обретать <...> критерий “эстетического использования”» (Ревзина 2020: 83). Представление о динамике идиостиля взято из (Виноградов 1990; Сабанова 2024).

При жизни Лимонов «издал себя максимально» (Демидов 2023), однако выверенный кодифицированный корпус лимоновских текстов на сегодняшний день отсутствует (Сабанова 2023). В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) тексты писателя представлены спорадически. Наиболее авторитетными и достоверными источниками становятся для нас прижизненно опубликованные в книжном формате произведения писателя, выпущенные или допущенные лично автором к изданию до 17 марта 2020 года, а также интервью и радиопередачи с его участием.

Материалом исследования служит собрание сочинений Лимонова разных лет и их переводы на другие языки. Тексты взяты из фондов (РГБ) и (Библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино); из букинистических магазинов (например, «Ходасевич») и открытого доступа в интернете (например, Avito, Wildberries, Ozon, Labirint и др.), в котором сохранились старые прижизненные издания автора и их фотографии. Цитаты приводятся в соответствии с материалами (Лимонов Э. В. Веб-архив версии до 2020 года)⁵, где тексты Лимонова, перепечатанные с ранних или самых первых изданий, опубликованы в электронном виде. В остальных случаях указывается конкретный выпуск.

В качестве фонового корпуса используется крупный частный архив лимоновских рукописей и машинописей 1976–1993 годов, в 2022 году выставленный аукционным домом («Литфонд»), а также данные из фондов Музея современного искусства «Гараж» (Архивная коллекция и RAAN), которые обнаруживают наибольшее содержательное и формальное сходство с изданными при жизни Лимонова оригинальными текстами. Публицистические тексты Лимонова из («Живой Журнал». Блог Эдуарда Лимонова) и с других интернет-ресурсов мы указываем только тогда, когда эти посты и статьи необходимы для аргументации и когда прослеживается их чёткая смысловая и стилистическая связь с прижизненными публикациями и рукописями. Материалы, представленные в других библиотеках, музеях, университетских собраниях и на сторонних ресурсах, нами не рассматриваются. Датой написания произведения считается момент выхода первого русскоязычного издания, с которым могла познакомиться русско-

⁵ История архива: <https://web.archive.org/web/20230417162155/http://www.limonow.de/info/info.html> (дата обращения: 12.07.2025). К созданию архива Эдуард Лимонов причастен не был («Живой Журнал» 2016).

говорящая публика. Фактический период написания произведений⁶ привлекается только при наличии значительной временной дистанции с моментом первой полноценной публикации на русском языке.

В статье применена методология сравнительного семантико-синтаксического исследования. Произведения и материалы изучаются в биографическом и аксиологическом аспекте. Привлекаются методы текстологического, идиостилистического, дифференциального и дискурсивного анализа текстов, а также описательный метод (наблюдение, обобщение и интерпретация).

Авторское понимание жанра: источники и закономерности

Нужно отличать собственно авторские тексты с информацией о жанре от издательских сопроводительных материалов и сведений из открытых источников.

Жанровая помета, данная самим Лимоновым, содержится в (1) заголовке, в (2) подзаголовке, в (3) авторском предисловии/введении, в (4) интродукции (то есть цитате из другого оригинального авторского текста, использованной в данном издании) или (5) в другом прижизненном авторском материале, фрагменты которого напрямую не фигурируют в рамочном тексте конкретной печатной версии.

Заголовочный комплекс в лимоновских книгах может разбиваться при вёрстке: например, титул выносится на обложку, а подзаголовок указывается там же более мелким кеглем или вместе с титулом появляется лишь в выходных данных, на форзаце или шмуцтитуле. В таком случае под действием законов визуализации и креолизации (Вашунина и др. 2020: 28) смещаются интонационные и смысловые акценты, а в ряде случаев даже может происходить диссоциация произведений или смысловые конфузы (Презентация книги ...и его демоны 2016).

Так сложилось с названием *Дневника неудачника*: в зарубежных переводах и в прижизненных изданиях чаще всего на обложке появляется короткий тип заглавия (*Дневник неудачника*), а в публикациях после 2020 года включительно в основном обнаруживаются расширенные версии (*Дневник неудачника, или Секретная тетрадь*). То же произошло с *Подростком Савенко <, или Автопортретом бандита в отрочестве>* (Лимонов 2021), который при жизни автора никогда подобным образом не издавался, даже в зарубежных переводах. Судя по всему, подзаголовочная информация классифицировалась Лимоновым в ранних романах скорее как фоновая (Уржа 2022), но обязательная.

Интересно, что у *Дневника неудачника*, как и у некоторых других лимоновских работ, есть ономастические и графические корреляты. На об-

⁶ В остальных случаях необходима глубокая текстологическая и фактологическая работа.

ложках мы встречаем следующие вариации: *СЕКРЕТНАЯ ТЕТРАДЬ*, или *ДНЕВНИК НЕУДАЧНИКА* (Эхо, с. 56); *ДНЕВНИК НЕУДАЧНИКА* или *СЕКРЕТНАЯ ТЕТРАДЬ* (Index Publ., 1982; *Глагол*, № 13, 1991), причем в выходных данных Index Publ. указан иной вариант *DNIVNIK NEUDACHNIKA, ILI SEKRETNAYA TETRAD'*; *Дневник неудачника, или Секретная тетрадь* (Альпина Паблишер, 2021, 2023); *ДНЕВНИК НЕУДАЧНИКА*, или *СЕКРЕТНАЯ ТЕТРАДЬ*. Если следовать за хронологией этих изменений, становится явной тенденция у Лимонова выносить на передний план лид-жанр и эго-элемент (характеристику протагониста), а жанровое уточнение вводить подспудно.

Выбор эго-элемента для заглавия, а именно существительного, семантически родственного эксклюзивному местоимению 3-го лица (Штелинг 1996: 16; Золотова — Сидорова — Онипенко 2004: 116–118), также свидетельствует о том, что автор смотрит на себя со стороны, предлагая читателю увидеть в себе «отрицательного героя», «неудачника», «слугу», «подростка», «Супермена», «молодого негодяя», «чужого в незнаком городе», «иностранца», «деда», «седого графа сына побочного», «старика». Порой маски полностью опускаются («**Эдуард Лимонов** в фотографиях с комментариями, **написанными им самим**: его близкие, его родители, его войны, его жёны» или «Охота на Быкова: расследование **Эдуарда Лимонова**»⁷). Устойчивый тип заглавия, обыгрывающий форму личного местоимения 3 л., ед. ч., м. р. «он», также работает на эффект остраннения: *История его слуги*; части «Как **он** начал умирать», «Загадка **его** отца» или «История **его** черепа» из книги ...и **его** демоны; глава из книги *Старик путешествует* под названием «**Он** думал о своих девках». С помощью точной родовой характеристики местоимения в фокусе эмпатии этих текстов находится мужской образ — Лимонов. Менее явно позиция наблюдателя проявляется в названиях, где используются личные местоимения в форме 1 л., ед. ч. Так, фраза «Это я — <имя собственное>» (*Это я — Эдичка*) — закономерный ответ на вопросы гостеприимного хозяина «кто это? кто там?», позицию которого мысленно занимает читатель, будто бы оказавшись по ту сторону домофона или на другом конце телефонного провода.

В поздних романах заметно стремление к неразрывности заголовочно-го комплекса на обложке (*Дед/Роман нашего времени, Киев капут/Яростная книга, PLUS ULTRA (за человеком)*), хотя в издательстве могли придерживаться иных регламентов⁸. Очевидна стилистическая связь с заглавиями классических произведений XIX века, в особенности с поэтикой Ф. М. Достоевского⁹, а также с поэтикой заглавий кино и блокбастеров.

⁷ Здесь и далее обозначение жирным наше — О. С.

⁸ См., например, линейку издательства «Амфора» (2006–2008), в частности, на издание книги *Ереси / Очерки натуральной философии*.

⁹ Ср. название повести Достоевского *Село Степанчиково и его обитатели* с названиями книг и частей некоторых произведений у Лимонова, например, «Отель Винслоу

Иногда жанровое указание из первой части названия уточняется во второй части классическим или более понятным для читателя словом или термином: *Ереси / Очерки натуральной философии*, *Книга мёртвых — 2 / Некрологи*, *Охота на Быкова / расследование Эдуарда Лимонова*. Писатель экспериментирует с известными жанрами и одновременно возводит в ранг жанра самые разные явления действительности, причем наблюдатель включен в семантическую структуру многих подобранных лексических единиц («инциденты», «фотографии с комментариями», «очертания будущего», «охота», «портреты»). Его произведения — это также «азбука», «мнения», «книги» и др.

С 90-х годов Лимонов уделял особое внимание составлению предисловий к своим произведениям¹⁰, нередко комментируя в них жанр напрямую: *Дисциплинарный санаторий* — это «этюд социальной ментальности современных обществ» (Лимонов 1993: 8); *PLUS ULTRA (За человеком)* — «лекции об истории войн и оружия убийств» (Лимонов 2016: 8), соседствующие с философскими гипотезами. Большинство зрелых сочинений Лимонова содержит слово о жанре разного объема — от небольшого абзаца, например, в сочинении *Седого графа сын побочный* со слов «О структуре книги...» (Лимонов 2018: 7), до развернутого объяснения, как, например, в сборнике *Старик путешествует* со слов «Что в книге?» и «Я хотел было расположить элементы книги в полном беспорядке» (Лимонов 2020: 5–6).

Неоднозначно в двойных заглавиях употребляются и знаки препинания. С одной стороны, вторая, уточняющая жанр часть могла свободно присоединяться на обложке без знаков препинания, будучи выделенной типографически, например, переносом на новую строку, курсивом, более мелким кеглем или заглавным написанием первого слова. С другой стороны, в одном и том же издании в выходных данных на стыке первой и второй частей названия могли появляться подобранные редакторами для выражения присоединительно-пояснительных смыслов¹¹ пунктограммы, которых нет на обложке, — запятая, точка, двоеточие или скобки. Адресантом аннотации и выходных данных книги являются по законам жанра работники типографии, а значит, судить об оригинальности таких написаний в отрыве от рукописи, даже если текст с нее перепечатан, нельзя. В данной работе при пунктуационной вариативности мы используем нейтральный разделительный знак — слеш.

и его обитатели» из романа *Это я — Эдичка или Эдуард Лимонов в фотографиях с комментариями, написанными им самим: его близкие, его родители, его войны, его жёны*.

¹⁰ «...К сожалению, эту <книгу “Русское психо”> я издал без необходимого предисловия к новому изданию. Вот в этой <книге “Контрольный выстрел”> я сделал предисловие к новому изданию, поэтому всё поставлено на свои места. А здесь я чего-то поленился, и забыл, и не написал. А надо бы написать, потому <...> дистанция огромная переиздания» («Сигнальный экземпляр» 2019).

¹¹ *Ереси: Очерки натуральной философии* в выходных данных издания «Амфора» (Лимонов 2008).

Выбранный нами описательный подход формально оправдан, о чём свидетельствуют более или менее удачные варианты жанрового определения, предложенные самими издательствами в выходных данных. В выпуске 2002 года «Амфора» называет *Убийство Часового* «романом-дневником», исключая сему «публицистический». В «Молодой Гвардии» к описанию жанра отнеслись внимательнее, определив его как «публицистический дневник», а во французском переводе «L'Âge d'Homme» (Paris) и в последнем русскоязычном переиздании *ИЛ-music* (Казань) определение «дневник» вынесено на обложку.

Более аккуратно подобным приемом пользуются издатели при выпуске литературных серий, куда включались работы Лимонова. *Литер* подготовил целую линейку лимоновских произведений под названием «Публицистический роман». Похожее название выбрали в *Родине* для серии «Документальный триллер». В серию «Честная проза» издательства Э помещён лимоновский текст *Великие* (или *Титаны*). Метафоричное название дано серии «Внутренний голос» в издательстве «Западный Выход», а «Альпина» с 2021 года переиздаёт лимоновские произведения в серии «Нон-фикшн». Подобранные номинации созвучны концепции (нон-)фикшена, поскольку контаминируют семы документальности и правдивости в атрибутах «публицистический», «документальный», «честный», «внутренний» и литературности в существительных «роман», «триллер», «проза».

Лимонов отказывается от фиктивности художественной литературы в пользу публицистики («Открытая книга», 2019), находящейся в более тесной связи с реальностью и предлагающей возможности для передачи индивидуального авторского взгляда на мир. Это позволяет говорить о новом феномене (нон-)фикшена, занимающем промежуточное положение между автофикшеном (Разухина 2024) и нон-фикшеном. (Нон-)фикшен — это творческий метод, в рамках которого мир произведения строится не на вымысле, а на фактах и событиях, которые в зависимости от интенции автора обобщаются, абстрагируются или скрываются.

Удачной видится нам формулировка П. Б. Котиковой «художественная публицистика», отнесенная к сборнику эссе *Старик путешествует*. Однако в ней не предусмотрены смысловые акценты, а замечание, согласно которому «фактология <...> <в книге “Старик путешествует”> имеет второстепенное значение» (Котикова 2022: 54), нивелирует документальное начало лимоновской прозы.

В (Веб-архив версии после 2020 года) в основу жанровой маркировки, проставленной владельцами в ходе ребрендинга странички после 2020 года, легли предельно обобщенные, не дифференцированные номинации, так же, как и в (Капцев 2020; Котикова 2022). Тексты *В Сырах/Роман в промзоне* и *Дисциплинарный санаторий* охарактеризованы в (Веб-архив версии после 2020 года) как романы-эссе; *Моя политическая биография* названа документальным романом. Так, слово «роман» употреблено не в авторском понимании.

В интервью Лимонов неоднократно озвучивает мысль о том, что «...роман, который считают обычно серьёзной большой работой, изжил себя как жанр давным-давно. Об этом ещё Достоевский говорил, но тогда ещё оставались <...> клочки недоделанные <...> самый интересный жанр современный — это, конечно, эссе. <...> роман — это жанр, можно обучить этому, как сочинению учат в школе» («Звёздное интервью» 2019; «Открытая книга» 2019). Термин «роман» у Лимонова, вероятно, синонимичен словам «текст» и «книга», как позже будут названы зрелые лимоновские сочинения, и не отделим от узуса. Тексты *В Сырах* и *Дед* скорее не «документальные» или «публицистические романы» (Петров 2014), но беспрецедентные явления «роман в промзоне»^{12 13} и «роман нашего времени»¹⁴, соответственно.

В ходе творческой эволюции дистанция между «я»-героем Лимонова и его «я»-нарратором увеличивается, хотя отдельные попытки третьеличного повествования (*Молодой негодяй*) и повествования от лица полностью выдуманного персонажа (*Палач*; 316, пункт «В») предпринимались и в 70–80-х гг. Этот процесс берёт начало в самой дневниковой структуре, которой присуща авторефлексия: Лимонов пытается посмотреть на себя и на движения своей души с наблюдательских позиций. В результате в зрелый период у Лимонова рождается интерес к драматическим литературным техникам¹⁵, биографии и автобиографии с уклоном в мемуаристику, благодаря которым возможно, во-первых, охватить больше человеческих судеб, мест и эпох, а во-вторых, посмотреть на себя и мир с позиции прожитых лет.

На страницах лимоновских биографий, например, в *Священных монстрах* (2001), живут «великие». Время «придуманных маленьких людей» прошло, уступив место «замечательным людям» («Звёздное интервью» 2019). Лимонов мыслил в этом ряду и себя («Открытая студия» 2018) и даже выпустил книгу *Моя политическая биография* (2002), эксплицируя в заглавии жанр.

«Я»-повествование в некоторой степени гарантирует защиту от фальсификации фактов, поскольку этот приём так или иначе выражает волю автора: «Я стараюсь развеивать мифы и тем самым созидать свой собственный» («Сигнальный экземпляр» 2019). И если его жизнь будет подвергаться сторонней интерпретации, то под рукой читателя всегда есть тексты, написанные от первого лица. По этой причине прижизненно вышедший биографический бестселлер Эмманюэля Каррера *Лимонов* (Carrère 2011)¹⁶, в котором беллетризуются многие события, Лимонов всерьёз не вос-

¹² Ср. с романом в стихах *Евгений Онегин* А. С. Пушкина.

¹³ Подзаголовок, содержащий информацию о жанре, на обложке переизданий *Ерсей* никогда не появлялся.

¹⁴ Ср. с романом *Герой нашего времени* М. Ю. Лермонтова.

¹⁵ См. книги *СМРТ*, *Дед* / *Роман нашего времени*, *Старик путешествует*, *Бутырская-Сортирочная*, или *Смерть в автозэке* и др.

¹⁶ Интересно, что первая публикация романа (Carrère 2011) помещена в серию Fiction.

принял¹⁷, хотя признавал за французским писателем право на создание мифа и видел в его работе огромные возможности для продвижения своих идей и книг в других странах.

Заключение

Лимонов создал продуктивную жанровую модель, которая работает по принципу атома или планетной системы: в ней выделяется ядро (лид-жанры) и периферия (жанры-сателлиты). Жанры-сателлиты, авторские («охота», «инциденты» и др.) и вторичные речевые жанры в некоторых случаях сопоставимы по масштабам с крупными, уже сложившимися жанровыми структурами (дневником, биографией и др.), то есть развиваются до лид-жанров. Наравне с интертекстуальностью и метаповествовательностью, о которых пишут литературоведы (Демидова 2023; Ничипоров 2023a; Ничипоров 2023b; Егоров, 2024; Жолковский 2005), подобный тип жанровой системы становится проявлением одной из ключевых идиостилистических доминант писателя — объёмного мышления.

Фикционализирующие приёмы используются Лимоновым точно. В дальнейшем особый интерес для специалистов представляет их классификация. Устойчивая позиция субъекта, тождество Лимонова самому себе на разных уровнях художественного целого делают его тексты «герметичными», «закрытыми» для сторонних интерпретаций.

Переход от классической дневниковой перволичной формы повествования (Атарова — Лескис 1976) в биографическую и автобиографическую плоскость, внимание к третьеличному повествованию, драматическим остранным нарративным техникам и чистой публицистике подтверждают последовательное движение писателя от конкретики и включённости в происходящие события к паратекстуальности, рассудительности и овнешнённости при подаче материала: «Это то, что мне нравится писать вот, показывать, даже не писать, а скорее размышлять» («Сигнальный экземпляр» 2019).

Актуализация позиции наблюдателя на таких крупных текстовых уровнях, как жанр и структура повествования, является закономерным, сознательным авторским приёмом, открывающим поле для систематизации накопленной аналитической информации и более детальных литературоведческих и лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Юрий. *Избранные труды*. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995.
Архивная коллекция и RAAN. Музей современного искусства «Гараж». <<https://garagemca.org/programs/archive-collection-and-raan>> 06.08.2025

¹⁷ Так же, как и (Матич 2013), помогавшая Е. Карреру (Carrère 2011) в написании книги.

- Атарова Ксения, Лесский Григорий. «Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе». *Известия АН СССР. Серия литературы и языка* 4 (1976): 343–356.
- Ахутина Татьяна, Горелов Илья, Залевская Александра, Зимняя Ирина, Лендел Жужанна, Марковина Ирина, Сорокин Юрий, Тарасов Евгений, Уфимцева Наталья, Фрумкина Ревекка, Шахнарович Александр. *Исследование речевого мышления в психолингвистике*. Москва: Наука, 1985.
- Безрукавая Марина. «Романы Э. Лимонова как система сюжетных стратегий». *Вестник Башкирского университета. Серия: Филология и искусствоведение* 3 (2015): 1046–1050.
- Библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино. <<https://libfl.ru/>> 06.08.2025
- Виноградов Виктор. *Стиль Пушкина*. Москва: ОГИЗ, 1941.
- Выготский Лев. *Психология развития человека*. Москва: Смысл: Эксмо, 2005.
- «Говорим о главном» с Лимоновым (7 канал, Красноярск, 21.04.2017). <<https://yandex.ru/video/preview/5220235251177389796>> 06.08.2025.
- Демидов Олег. «Личный дневник Эдуарда Лимонова обнаружили в Москве (15.03.2023)». Портал «Время Н» («Яндекс Дзен»). <<https://dzen.ru/a/ZBGIIqrZFBokm1Ti>> 06.08.2025.
- Демидова Ольга. «Автобиографическая сага Эдуарда Лимонова: исповедь Супермена». *Феминность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье*, Москва: ИМЛИ РАН, 2023: 450–466.
- Долинин Константин. *Интерпретация текста: Французский язык*. Москва: КомКнига, 2010. URL: <<http://poetica.syllabica.com/hermen.html>> 06.08.2025.
- Дубаков Леонид. «Буддийские образы в прозаическом и поэтическом творчестве Э. В. Лимонова: между отторжением и принятием». *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология* 3 (2023): 62–70.
- Егоров Михаил. «Трансгрессивность романа Э. Лимонова ‘Это я — Эдичка’». *Мир русскоговорящих стран* 18/4 (2023): 87–102.
- Егоров Михаил. «Метаповествовательная техника в романах Э. Лимонова 1970–1980-х годов». *Мир русскоговорящих стран* 22/4 (2024): 107–118.
- «Живой Журнал». Блог Эдуарда Лимонова. <<https://limonov-eduard.livejournal.com/>> 06.08.2025.
- «Живой Журнал». «Одним врагом больше». 23.02.2016. <<https://limonov-eduard.livejournal.com/789530.html>> 06.08.2025.
- Жолковский Александр. «Интертекстуал поневоле («Я в мыслях подержу другого человека...» Лимонова)». USC Dornsife. College of Letters, Arts and Sciences. <<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/bib64/>> 06.08.2025.
- «Звездное интервью» с Лимоновым (2019). <https://vk.com/video-59805572_456239377> 06.08.2025.
- Золотова Галина, Онипенко Надежда, Сидорова Марина. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: Изд. филолог. ф-та МГУ, 2004.
- Илларионов Кирилл. *Творческое поведение Эдуарда Лимонова: магистерская диссертация*. Екатеринбург: ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», 2023. <<https://elar.urfu.ru/handle/10995/129173>> 06.08.2025.
- Кадеева Регина. «Особенность авторской стратегии романа Э. Лимонова ‘У нас была Великая Эпоха’». *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 18/4 (2025): 1687–1690.
- Канаев Артём. «‘Мягкое насилие’ и ‘тоталитарная демократия’: образ ‘Запада’ в политическом языке Эдуарда Лимонова». *Диалог со временем* 86/86 (2024): 210–226.
- Капцев Владимир. «Эдуард Лимонов как писатель-медиамиф». *Медиякультура і літературна-мастацкая крытыка*, Минск: БДУ, 2020: 537–540.
- Котикова Патимат. «Жанровые особенности книги Э. Лимонова ‘Апология чукчей’. Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории». *Сборник научных статей участников XVI Международной научно-практической конференции*. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017: 222–225.

- Котикова Патимат. «Автобиографическая проза современного писателя (на примере книги Э. Лимонова 'Старик путешествует')». *Слово. Грамматика. Речь. Выпуск XXII. Сборник научно-методических статей во вопросам преподавания русского языка как иностранного*. Москва: ООО «МАКС Пресс», 2022: 52–59.
- Креолизованный текст: Смысловое восприятие: коллективная монография*. И.В. Вашунина (отв. ред.). Москва: Институт языкознания РАН, 2020.
- Кучина Татьяна. *Поэтика русской прозы конца XX — начала XXI вв.: первоначальные повествовательные формы: дисс... док. филол. н.* Ярославль: ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», 2009.
- Лимонов Эдуард. Веб-архив версии до 2020 года. <<https://web.archive.org/web/20230417162155/http://www.limonow.de/info/info.html>> 06.08.2025.
- Лимонов Эдуард. Веб-архив версии после 2020 года. <<https://www.limonow.de/>> 06.08.2025.
- Лимонов Эдуард. *Ереси: Очерки натуральной философии*. Санкт-Петербург: Амфора, 2008.
- Лимонов Эдуард. *Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве*. Москва: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Лимонов Эдуард. *Седого графа сын побочный*. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2018.
- Лимонов Эдуард. *Старик путешествует*. Москва: Индивидуум, 2020.
- Лимонов Эдуард. *Убийство Часового*. Москва: Молодая гвардия, 1993.
- Лимонов Эдуард. *PLUS ULTRA (за человеком)*. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2016.
- Лисков Арсений, Розова Анна. «Художественные стратегии автобиографической прозы Е. Харитонова и Э. Лимонова». *Ученые записки Петрозаводского государственного университета* 47/1 (2025): 95–101.
- «Литфонд». Аукционный дом. База знаний. Эдуард Лимонов. <<https://www.litfund.ru/labels/author/limonov-eduard/>> 06.08.2025.
- «Матадор» с Лимоновым (1992). <<https://rutube.ru/video/2fab244e9a8b7d2262234ac64d242368/>> 06.08.2025.
- Матич Ольга. «Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа». *Октябрь* 11 (2013): 173–188.
- Машенко Александр. «Крым в прозе и публицистике Эдуарда Лимонова». *Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филологические науки* 73/4–7 (2021): 39–55.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Лимоновский подкорпус. <<https://ruscorpora.ru/results?search=CmciQQo%252FCicKBmFIdGhvcldIdChvQrdC00YPQsNGA0LQg0JvQuNC80L7QvdC%252B0LIKFAoIYmlydGhkYXkiCAiXDXDkDxgCKhsKCAgAEaOYMiAKEAUgAEAFagQwLjkleACgAQEyAggBOgEG>> 06.08.2025.
- Ничипоров Илья. «Политика, эстетика, этика в романе Э. Лимонова 'Дед'». *Филологические науки* 5 (2023): 97–101.
- Ничипоров Илья. «С видом на промзону: роман Э. Лимонова 'В Сырах'». *Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература* 4 (2023b): 23–28.
- Онипенко Надежда. «Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов». *Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации*, Москва: Языки славянской культуры, 2013: 9–121. <<https://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2988>> 06.08.2025.
- Орлова Анжела. *Проза и публицистика Эдуарда Лимонова: дисс... канд. филол. н.* Санкт-Петербург: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 2005.
- Осьмухина Ольга. «Специфика автоинтерпретации в романе Э. Лимонова 'Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве'». *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 3/17 (2024): 865–869.
- «Открытая студия» с Лимоновым (2018). <https://vk.com/wall-18181383_518006> 06.08.2025.
- «Открытая книга» с Лимоновым (17.03.2020). <https://vk.com/wall-18181383_518006> 06.08.2025.
- Падучева Елена. «Наблюдатель: типология и возможные трактовки». *Труды международной конференции «Диалог 2006»*, 2006: 403–413.

- Петров Сергей. «Любовь с интересом». *Урал* 12 (2014). <<http://uraljournal.ru/work-2014-12-1296>> 06.08.2025.
- Пищулина Анастасия. Роман Э. Лимонова «Это я, Эдичка»: коммуникация «автор-читатель»: маг. дис. Санкт-Петербург: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 2023. <<https://dspace.spbu.ru/handle/11701/43114?mode=full>> 06.08.2025.
- Пищулина Анастасия, Дубасова Юлия. «‘Перемигивание’ с романтизмом в романе ‘Это я — Эдичка’ Эдуарда Лимонова». *Программа XXVI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ*, 2023: 65. <https://drive.google.com/file/d/1Ba14KKAkJOMPUz0NYMGf_OIkFpWak/view> 06.08.2025
- «Познер» с Лимоновым (20.03.2020). <https://vk.com/wall-18181383_518006> 06.08.2025.
- Презентация книги «...и его демоны» Эдуарда Лимонова в «Библио-глобусе» (17.10.2016). <<https://yandex.ru/video/preview/14168800214781428351>> 06.08.2025.
- «Разведопрос» с Лимоновым: про книгу «Монголия» и текущий момент (23.10.2016). <https://vk.com/video-3156562_456240095> 06.08.2025.
- Разухина Карина. «Автофикшен как медиум культурной памяти: роман Э. Лимонова ‘У нас была Великая Эпоха’». *Новое литературное обозрение* 186 (2024): 112–122.
- Ревзина Ольга. *Язык и текст*. Москва: ООО «МАКС Пресс», 2020.
- Сабанова Олеся. «Лимонов цифровой — Лимонов в редакции: подходы к изучению наследия писателя». *XXVI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ*, 2023. <<https://conference-spbu.ru/conference/51/reports/19513>> 06.08.2025.
- Сабанова Олеся. «Место понятия ‘идиостиль’ при обучении анализу текста в старших классах». *Сборник материалов конференции «Актуальные проблемы изучения языка и литературы в школе и вузе»*. Ярославль: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2024: 133–139.
- «Сигнальный экземпляр» с Лимоновым (24.07.2018). <<https://rutube.ru/video/7aaa8f8c463bf8f6191fa40a4e2e6b2b/>> 06.08.2025.
- Сухих Ольга. «‘Две дороги к одному обрыву’ в художественном осмыслении А. Зиновьева и Э. Лимонова». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 1 (2017): 238–244.
- «Разведопрос» с Лимоновым: про книгу «Монголия» и текущий момент (23.10.2016). <https://vk.com/video-3156562_456240095> 06.08.2025.
- Российская государственная библиотека (РГБ). <<https://www.rsl.ru/>> 06.08.2025
- Уржа Анастасия. *Первый план и фон в повествовательном тексте*. Москва: ФЛИНТА, 2022.
- Шкловский Виктор. «Искусство как прием». Сост. Г.А. Белая. *Из истории советской эстетической мысли, 1917–1932: Сб. материалов*. Москва: Искусство, 1980: 334–342.
- Штелинг Дмитрий. *Грамматическая семантика английского языка*. Москва: МГИМО ЧЕРО, 1996.
- Carrère Emmanuel. *Limonov*. Paris: P.O.L, 2011.

REFERENCES

- Ahutina Tat'yana, Gorelov Il'ya, Zalevskaya Aleksandra, Zimnyaya Irina, Lendel Zhuzhanna, Markovina Irina, Sorokin Yuriy, Tarasov Evgenij, Ufimceva Natal'ya, Frumkina Revekka, Shahnarovich Aleksandr. *Issledovanie rechevogo myshleniya v psiholingvistike*. Moskva: Nauka, 1985.
- Apresyan Yuriy. *Izbrannyye trudy*. T. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moskva: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1995.
- Arhivnaya kollekciya i RAAN. Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh». <<https://garagemca.org/programs/archive-collection-and-raan>> 06.08.2025
- Atarova Kseniya, Lesskis Grigorij. «Semantika i struktura povestvovaniya ot pervogo lica v hudozhestvennoj proze». *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* (1976): 343–356.

- Bezrukavaya Marina. «Romany E. Limonova kak sistema syuzhetnyh strategij». *Vestnik Bashkirskogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie* 3 (2015): 1046–1050.
- Biblioteka inostrannoj literatury im. M. I. Rudomino. <<https://libfl.ru/>> 06.08.2025
- Carrère Emmanuel. *Limonov*. Paris: P.O.L., 2011.
- Demidov Oleg. «Lichnyj dnevnik Eduarda Limonova obnaruzhili v Moskve (15.03.2023)». Portal «Vremya N» («Yandeks Dzen»). <<https://dzen.ru/a/ZBGIIqrZFbokm1Ti>> 06.08.2025.
- Demidova Ol'ga. «Avtobiograficheskaya saga Eduarda Limonova: ispoved' Supermena». *Feminnost' i maskulinnost' v kul'ture moderna: Rossiya i zarubezh'e*, Moskva: IMLI RAN, 2023: 450–466.
- Dolinin Konstantin. *Interpretaciya teksta: Francuzskij yazyk*. Moskva: KomKniga, 2010. URL: <<http://poetica.syllabica.com/hermen.html>> 06.08.2025.
- Dubakov Leonid. «Buddijskie obrazy v prozaicheskom i poeticheskom tvorchestve E. V. Limonova: mezhdru ottozheniem i prinyatiem». *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykovedenie. Kul'turologiya* 3 (2023): 62–70.
- Egorov Mihail. «Transgressivnost' romana E. Limonova 'Eto ya — Edichka'». *Mir russkogovoryashchih stran* 18/4 (2023): 87–102.
- Egorov Mihail. «Metapovestvovatel'naya tekhnika v romanah E. Limonova 1970–1980-h godov». *Mir russkogovoryashchih stran* 22/4 (2024): 107–118.
- «Govorim o glavnom» s Limonovym (7 kanal, Krasnoyarsk, 21.04.2017). <<https://yandex.ru/video/preview/5220235251177389796>> 06.08.2025.
- Illarionov Kirill. *Tvorcheskoe povedenie Eduarda Limonova: masterskaya dissertaciya*. Ekaterinburg: FGAOU VO «Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina», 2023. <<https://elar.urfu.ru/handle/10995/129173>> 06.08.2025.
- Kadeeva Regina. «Osobennost' avtorskoj strategii romana E. Limonova 'U nas byla Velikaya Epoha'». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 18/4 (2025): 1687–1690.
- Kanaev Artyom. «Myagkoe nasilie' i 'totalitarnaya demokratiya': obraz 'Zapada' v politicheskom yazyke Eduarda Limonova». *Dialog so vremenem* 86/86 (2024): 210–226.
- Kapcev Vladimir. «Eduard Limonov kak pisatel'-mediamif». *Medyyakul'tura i litaraturna-mastackaya krytyka*, Minsk: BDU, 2020: 537–540.
- Kotikova Patimat. «Zhanrovye osobennosti knigi E. Limonova 'Apologiya chukchej'. Yazyk, kul'tura, mentalitet: problemy izucheniya v inostrannoj auditorii». *Sbornik nauchnyh statej uchastnikov XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Sankt-Peterburg: RGPU im. A.I. Gercena, 2017: 222–225.
- Kotikova Patimat. «Avtobiograficheskaya proza sovremennogo pisatelya (na primere knigi E. Limonova 'Starik puteshestvuet')». *Slovo. Grammatika. Rech'. Vypusk XXII. Sbornik nauchno-metodicheskikh statej vo voprosam prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moskva: OOO «MAKS Press», 2022: 52–59.
- Kreolizovannyj tekst: Smyslovoe vospriyatie: kollektivnaya monografiya*. I. V. Vashunina (otv. red.). Moskva: Institut yazykoznanija RAN, 2020.
- Kuchina Tat'yana. *Poetika russkoj prozy konca XXI — nachala XXI vv.: pervolichnye povestvovatel'nye formy: diss... dok. filol. n.* Yaroslavl': GOU VPO «Yaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K. D. Ushinskogo», 2009.
- Limonov Eduard. *Eresi: Ocherki natural'noj filosofii*. Sankt-Peterburg: Amfora, 2008.
- Limonov Eduard. *Podrostok Savenko, ili Avtoportret bandita v otrochestve*. Moskva: Al'pina non-fikshn, 2021.
- Limonov Eduard. *Segodo grafa syn pobochnyj*. Sankt-Peterburg: Limbus Press, 2018.
- Limonov Eduard. *Starik puteshestvuet*. Moskva: Individuum, 2020.
- Limonov Eduard. *Ubiystvo Chasovogo*. Moskva: Molodaya gvardiya, 1993.
- Limonov Eduard. *PLUS ULTRA (za chelovekom)*. Sankt-Peterburg: Limbus Press, 2016.
- Limonov Eduard. Veb-arhiv versii do 2020 goda. <<https://web.archive.org/web/20230417162155/http://www.limonow.de/info/info.html>> 06.08.2025.
- Limonov Eduard. Veb-arhiv versii posle 2020 goda. <<https://www.limonow.de>> 06.08.2025
- Liskov Arsenij, Rozova Anna. «Hudozhestvennye strategii avtobiograficheskoy prozy E. Harktonova i E. Limonova». *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* 47/1 (2025): 95–101.

- «Litfond». Aukcionnyj dom. Baza znaniy. Eduard Limonov. <<https://www.litfund.ru/labels/author/limonov-eduard/>> 06.08.2025.
- Mashchenko Aleksandr. «Krym v proze i publicistike Eduarda Limonova». *Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologicheskie nauki* 73/4–7 (2021): 39–55.
- «Matador» s Limonovym (1992). <<https://rutube.ru/video/2fab244e9a8b7d2262234ac64d242368/>> 06.08.2025.
- Match Ol'ga. «Eduard Limonov: istoriya avtora i ego personazha». *Oktyabr'* 11 (2013): 173–188.
- Nichiporov Il'ya. «Politika, estetika, etika v romane E. Limonova 'Ded'». *Filologicheskie nauki* 5 (2023a): 97–101.
- Nichiporov Il'ya. «S vidom na promzonu: roman E. Limonova 'V Syrah'». *Professorskij zhurnal. Seriya: Russkij yazyk i literatura* 4 (2023b): 23–28.
- Nacional'nyj korpus russkogo yazyka (NCRYA). Limonovskij podkorpus. <<https://ruscorpora.ru/results?search=CmciQQo%252FCicKBmFIdGhvchldChvQrdC00YPQsNGA0LQg0JvQuNC80L7QvdC%252B0LIKFAolYmlydGhkYXkiCAiXDXdDkDxgCKhsKCAgAEAAoYM iAKEAUgAEAFagQwLjk1eACgAQEyAggBOgEG>> 06.08.2025.
- Onipenko Nadezhda. «Model' sub'ektnoj perspektivy i problema klassifikacii egocentricheskikh elementov». *Problemy funkcional'noj grammatiki: Princip estestvennoj klassifikacii*, Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013: 92–121. <<https://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2988>> 06.08.2025.
- Orlova Anzhela. *Proza i publicistika Eduarda Limonova: diss... kand. filol. n.* Sankt-Peterburg: FGBOU VO «Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet», 2005.
- Os'muhina Ol'ga. «Specifika avtointerpretacii v romane E. Limonova 'Podrostok Savenko, ili Avtoportret bandita v otrochestve'». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 3/17 (2024): 865–869.
- «Otkrytaya studiya» s Limonovym (2018). <https://vk.com/wall-18181383_518006> 06.08.2025
- «Otkrytaya kniga» s Limonovym (17.03.2020). <https://vk.com/wall-18181383_518006> 06.08.2025.
- Paducheva Elena. «Nablyudatel': tipologiya i vozmozhnye traktovki». *Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2006»*, 2006: 403–413.
- Petrov Sergej. «Lyubov' s interesom». *Ural* 12 (2014). <<http://uraljournal.ru/work-2014-12-1296>> 06.08.2025.
- Pishchulina Anastasiya. *Roman E. Limonova «Eto ya, Edichka»: kommunikaciya «avtor-chitatel'»: mag. dis.* Sankt-Peterburg: FGBOU VO «Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet», 2023. <<https://dspace.spbu.ru/handle/11701/43114?mode=full>> 06.08.2025.
- Pishchulina Anastasiya, Dubasova Yuliya. «'Peremigivanie' s romantizmom v romane 'Eto ya — Edichka' Eduarda Limonova». *Programma XXVI Otkrytaya konferenciya studentov-filologov v SPbGU*, 2023: 65. <https://drive.google.com/file/d/1Bal4KKAKeJO-MPUz0NYMGf_OIkkFpWak/view> 06.08.2025
- «Pozner» s Limonovym (20.03.2020). <https://vk.com/wall-18181383_518006> 06.08.2025
- Prezentaciya knigi «...i ego demony» Eduarda Limonova v «Biblio-globuse» (17.10.2016). <<https://yandex.ru/video/preview/14168800214781428351>> 06.08.202
- Razuhina Karina. «Avtofikshen kak medium kul'turnoj pamyati: roman E. Limonova 'U nas byla Velikaya Epoha'». *Novoe literaturnoe obozrenie* 186 (2024): 112–122.
- «Razvedopros» s Limonovym: pro knigu «Mongoliya» i tekushchij moment (23.10.2016). <https://vk.com/video-3156562_456240095> 06.08.2025
- Revzina Ol'ga. *Yazyk i tekst*. Moskva: OOO «MAKS Press», 2020.
- Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka (RGB). <<https://www.rsl.ru/>> 06.08.2025
- Sabanova Olesya. «Limonov cifrovoj — Limonov v redakcii: podhody k izucheniyu naslediya pisatelya». *XXVI Otkrytaya konferenciya studentov-filologov v SPbGU*, 2023. <<https://conference-spbu.ru/conference/19513>> 06.08.2025
- Sabanova Olesya. «Mesto ponyatiya 'idiostil' pri obuchenii analizu teksta v starshih klassah». *Sbornik materialov konferencii «Aktual'nye problemy izucheniya yazyka i literatury v shkole i vuze»*. Yaroslavl': FGBOU VO «Yaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K. D. Ushinskogo», 2024: 133–139.

- Shklovskij Viktor. «Iskusstvo kak priem». Sost. G.A. Belaya. *Iz istorii sovetskoj esteticcheskoj mysli, 1917–1932: Sb. materialov*. Moskva: Iskustvo, 1980: 334–342.
- Shteling Dmitriy. *Grammaticheskaya semantika anglijskogo yazyka*. Moskva: MGIMO CHeRo, 1996.
- «Signal'nyj ekzemplar» s Limonovym (24.07.2018). <<https://rutube.ru/video/7aaa8f8c463bf8f6191fa40a4e2e6b2b/>> 06.08.2025.
- Suhih Ol'ga. «Dve dorogi k odnomu obryvu» v hudozhestvennom osmyslenii A. Zinov'eva i E. Limonova». *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* 1 (2017): 238–244.
- Urzha Anastasiya. *Pervyy plan i fon v povestvovatel'nom tekste*. Moskva: FLINTA, 2022.
- Vinogradov Viktor. *Stil' Pushkina*. Moskva: OGIZ, 1941.
- Vygotskiy Lev. *Psikhologiya razvitiya cheloveka*. Moskva: Smysl: Eksmo, 2005.
- «Zhivoy Zhurnal». Blog Eduarda Limonova. <<https://limonov-eduard.livejournal.com/>> 06.08.2025
- «Zhivoy Zhurnal». «Odnim vragom bol'she». 23.02.2016. <<https://limonov-eduard.livejournal.com/789530.html>> 06.08.2025
- Zholkovskiy A. K. Intertekstual ponevole («Ya v myslyakh poderzhu drugogo cheloveka...» Limonova). USC Dornsife. College of Letters, Arts and Sciences. <<https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/bib64/>> 06.08.2025
- Zolotova Galina, Onipenko Nadezhda., Sidorova Marina. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva: Izd. filolog. f-ta MGU, 2004.
- «Zvezdnoe interv'yu» s Limonovym (2019). <https://vk.com/video-59805572_456239377> 06.08.2025

Олесја Сабанова

АКТУЕЛИЗАЦИЈА ПОЗИЦИЈЕ ПОСМАТРАЧА У ПРОЗИ ЕДУАРДА ЛИМОНОВА: ЖАНРОВСКИ АСПЕКТ

Резиме

Чланак је посвећен жанровском истраживању прозе руског писца и политичара Е. В. Лимонова (1943–2020) у оквиру актуелизације позиције посматрача, која се остварује у његовим текстовима, захваљујући комплексу језичких и пропратних књижевних поступака. Долази се до закључка о обимности и продуктивности Лимоновљевог жанровског модела, који функционише по принципу атома. Констатује се свестан прелаз аутора од фикционалности уметничке прозе ка публицистици и нефикционалности. Ми сврставамо његова дела у „(нон-)фикшн“. То је стваралачки метод где се поступци фикционализације користе на конкретним местима, а свет дела се гради на чињеницама и догађајима који се у зависности од интенције писца уопштавају, апстрахују или скривају, али се не измишљају.

Кључне речи: идиостил Едуарда Лимонова, лимоновски корпус текстова, посматрач, жанровски систем, (нон-)фикшн.

Павел Глушаков

Независимый исследователь

pavel.glushakov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-5179-5458>

Андрей Дмитриев

Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

apdspb@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8460-4578>

Pavel Glushakov

Independent researcher

pavel.glushakov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-5179-5458>

Andrey Dmitriev

Institute of Russian Literature RAS (Pushkin House)

apdspb@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8460-4578>

ПОЭЗИЯ ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ПРИГОВА
В РЕЦЕПЦИИ Д. Е. МАКСИМОВА:
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ 1980 ГОДА

POETRY OF DMITRY ALEXANDROVICH PRIGOV
IN THE RECEPTION OF D. E. MAKSIMOV:
UNPUBLISHED MATERIALS OF 1980

Статья представляет собой публикацию архивных материалов, связанных с поэзией Дмитрия Пригова. Известный историк русской литературы Дмитрий Максимов делает выписки из неизданных стихотворений Пригова и дает краткий отзыв об этих текстах. Заметки Максимова интересны не только как факт истории литературы. Это свидетельство сложной рефлексии чужого творчества в сложившейся эстетической системе, приобретшей в герметичных советских условиях застывшие и неподвижные (а оттого и негибкие) формы. В публикуемых текстах прослеживается процесс индивидуального восприятия одного творческого человека за текстопоражающим процессом другого поэта. Заметки на полях, подправленная пунктуация, призванная

придать тексту «традиционность», привычность, — все это становится любопытным феноменом постижения новой поэтики через ее неприятие.

Ключевые слова: Пригов, Максимов, Тютчев, рецепция, московский концептуализм, авангард.

The article is a publication of archival materials related to the poetry of Dmitry Prigov. Dmitry Maximov, a well-known historian of Russian literature, makes extracts from Prigov's unpublished poems and gives a brief review of these texts. Maximov's notes are interesting not only as a fact of literary history. They are evidence of a complex reflection of another's work in the established aesthetic system, which under hermetic Soviet conditions had acquired frozen and immobile (and therefore inflexible) forms. The published texts trace the process of individual perception of one creative person behind the text-generating process of another poet. Notes in the margins, corrected punctuation designed to make the text "traditional", habitual — all this becomes a curious phenomenon of comprehension of new poetics through its rejection.

Key words: Prigov, Maximov, Tyutchev, reception, Moscow Conceptualism, avant-garde.

В фонде Дмитрия Евгеньевича Максимова (1904–1987) в Российской Национальной Библиотеке сохранился один документ — заметки историка литературы, поэта, так сказать, классической школы — о цикле стихов Дмитрия Александровича Пригова *Весьма нищенские утешения*, написанных в 1980 году и являющихся таким образом уникальным свидетельством синхронной рецепции текстов Пригова, не публиковавшихся в СССР.

Каким образом попали к Максиму стихи Пригова, остается неизвестным, однако в архиве ученого сохранились и другие заметки и выписки из неизданных и неподцензурных текстов 70-х — начала 80-х годов. Это свидетельствует не только о широте литературных интересов Максимова, но и о доверии к его мнению тех неформальных кругов, благодаря которым в его распоряжении оказывались самиздатовские сочинения того времени. И действительно: авторитет Д. Е. Максимова был очень высок. Конечно, он в первую очередь был признанным знатоком поэзии Серебряного века, творчества Блока и Брюсова, но любил и ценил также современную ему поэзию.

Однако, конечно, тексты Пригова не могли быть близки Максиму-поэту, а тонкий аналитический талант литературоведа не был настроен на ту новую и весьма специфическую оптику, которая не была в распоряжении Максимова — историка русской поэзии (от Пушкина до Волошина). Поэтому его отзыв об избранных текстах Пригова вышел столь желчным и нелепым.

Координатное пространство поэтической аналитики Максимова обозначено им вполне определенно — это «точка зрения возвышенной словесности». Все последующие оценки выстраиваются в ряд, который ожидаемо дает оценочные характеристики по шкале «высокое — низкое». Между тем талантливый и чуткий литературовед все же сумел частично преодолеть

рецепционную тенденцию такого рода и усмотрел в текстах Пригова также максимально «допустимую» для Максимова *периферийно возможную* традицию. Говоря о текстах Пригова как «варианте» традиции ОБЭРИУ (такой взгляд был предопределен «ленинградским» по преимуществу поэтическим интересом Максимова, для которого «московский концептуализм» был — так сказать — вдвойне: пространственно-поэтически — чужд), ученый усмотрел весьма любопытную параллель к традициям дадаизма, что было смелой и продуктивной интенцией для перспективного изучения поэтики Пригова.

Наконец, погрузившись в поэтическую и языковую стихию Пригова, как представляется, Максимов (при всем своем раздражении от знакомства с такой чуждой для себя текстовой сущностью) все же не остался равнодушен (возможно, совершенно несознательно) к такого рода новаторской субстанции. Его итоговое заявление, что в некоторых стихах Пригова «что-то шевелится», конечно, отсылает к тютчевскому «О чем ты веешь, ветер ночной?...» с его предикативными вопросами:

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?

Образ стихии, неуправляемой и непознанной силы, выражен в финальной строке, откуда взята аллюзия Максимова:

О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!.. (Тютчев 1957: 144)

Заметки Дмитрия Евгеньевича Максимова о стихах Дмитрия Александровича Пригова интересны не только как факт истории литературы. Это свидетельство трудной апперцепции чужого в сложившейся эстетической системе, приобретшей в герметичных советских условиях застывшие и неподвижные (а оттого и негибкие) формы. Кроме этого, мы имеем счастливую возможность наблюдать за индивидуальным восприятием одного творческого человека за текстопорождающим процессом другого творца. Заметки на полях («всё» — пишет Максимов, как бы опережая свои и читательские ожидания от *намеренно* не оконченного текста Пригова), иная, подправленная пунктуация, призванная придать тексту «традиционность», привычность, — все это становится любопытным феноменом *постижения* новой поэтики через ее *неприятие*. Наконец, некоторые цитируемые в заметках тексты Пригова, кажется, не вошли в его поздние поэтические сборники, и таким образом мы становимся читателями неизвестного или, по крайней мере, малоизвестного Пригова.

Текст Д. Е. Максимова печатается по оригиналу (машинопись с рукописными дополнениями), хранящемуся в Фонде ученого в ОР РНБ (Ф. 1136, оп. 2, № 282, л. 1–2 об.).

*

Д. Пригов (сб.). Весьма нищенские утешения. М., 1980.

Предуведомление

Весьма нищенские утешения. И вправду: нищие образы, нищие рифмы и размеры, нищая фразеология, нищий словарь. Все это было бы весьма милым и знаменательным декоративным курьезом, когда бы эти стихи не являлись единоутробной дитятей нашего нынешнего языка и языкового мышления, которые даны нам здесь и сейчас и которые должны прожить, как судьбу, честно, нечужеродно, с прислушиванием и угадыванием.

С точки зрения возвышенной словесности можно было бы, конечно, деликатно не замечать этого нищенства, когда бы не его далеко нешуточные претензии. Как, впрочем, и у этих стихов¹.

Образы на выбор:

*

Земные толпы растительных людей
И звериных меховые толпы
Посмотришь и на сердце становится теплей
И теплее смотришь на толпу, с которой пришел ты
А пришел ты с толпой идеологических людей
А еще между всеми поселены толпы
Других неживущих и непонимающих людей
На кого-нибудь да натолкнешься, в какую бы сторону не пошел ты².

*

Когда приходит врач в халате белом
Он — ангел, даже если и не так
Когда он занят своим тайным делом
Ты со своим ему открытым телом
Ты для него — случайность и пустяк
И ты его не должен опасаться:
Со смертью ты связан в небесах
Он подтвердить пришел и расписаться
И кой-что взвесить на чужих весах³.

*

Орел кладет мне руку на плечо
А на другую лев кладет мне руку
Товарищи мои! — такая жизнь!
Товарищи! живем в такое время!

Иначе нам, товарищи, нельзя
Иначе нам, товарищи, не сбыться

¹ Цитируется авторское предуведомление к циклу *Весьма нищенские утешения* (Пригов Дмитрий Александрович 2019: 266).

² Этот текст отсутствует в собрании сочинений Пригова.

³ Без разбивки на четверостишия как в печатном варианте.

Иначе не родить нам голубицу
Которая, товарищи... (всё)⁴.

*

Вот он объедат трамваем
Но переехан страной
Был бы переехан трамваем —
Умер бы для жизни земной
А как страною переехан —
Умер для жизни неземной.

Вот ведь как в жизни бывает⁵.

*

Товарищ! товарищ! не надо болеть!
В такие минуты сжимается жизнь
Почти вполвину, а после на треть
А после —⁶ горошинкой в теле лежит
Пока ее там не нащупает смерть
Но скажем себе мы: товарищ! товарищ!
Не надо, не надо, не будем болеть!

*

Сидит на небе ворон-птица
А под землей — лежит мертвец
Друг другу смотрят они в лица
Они друг друга видят сквозь
Все, что ни есть посередине
О ты, земля моя родная!⁷
Меня ты держишь здесь певцом
Меж вороном и мертвецом.

Его же сб<орни>к: КРОВЬ И СЛЕЗЫ И ВСЕ ПРОЧИЕ⁸. М., 1980.

1-е стих.<отворения> в сб<орник>е:

Что-то крови захотелось
Дай, кого-нибудь убью
Этот вот, из них красивый
Самый первый в их строю
Вот его-то я убью⁹
Просто так, для пользы дела
Искромсаю его тело
Память вечная ему¹⁰

Выписанные выше как-будто (?) лучшие (основ<ная> часть знач<ительно> хуже).

⁴ В скобках помета Максимова.

⁵ Этот текст отсутствует в собрании сочинений Пригова.

⁶ У Пригова тире отсутствует.

⁷ У Пригова: «О, ты земля моя родная!»

⁸ Авторское название цикла: *Кровь и слезы и все прочее*.

⁹ У Пригова: «Вот его-то и убью».

¹⁰ Стихотворение из цикла *Органы власти*.

Стихи Пригова — маска массового человека, простака, сугубо *прозаического*, но маска, выражающая суть — «будто бы маска». Проза и внешне («нарочно») и внутри¹¹.

Бездарный упадочно-слабый вариант обереутизма («дадаизм?»), который был все же лиричен.

Лица и позиции совершенно не разобрать, вероятно от цинизма. Пишет о злбодневном, но как оценивает его — не ясно.

В некоторых из переписанных стих<отворений>ях, м<ожет б<ыть>, что-то шевелится.

Если можно сказать, что это «держится», то только отталкиванием от фона.

Похоже на москов<ского> Некрасова¹².

В целом — мерзость.

ЛИТЕРАТУРА

Брюсов Валерий. «Синтетика поэзии». Брюсов Валерий (ред.). *Проблемы поэтики*. Москва — Ленинград: Земля и фабрика, 1925.

Пригов Дмитрий Александрович. *Места. Собрание сочинений в пяти томах*. Т. 4. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.

Тютчев Федор. *Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель, 1957.

LITERATURE

Bryusov Valerii. “Sintetika poezii”. Bryusov Valerii (ed.). *Problemy poetiki*. Moskva — Leningrad: Zemlya i fabrika, 1925.

Prigov Dmitrii Aleksandrovich. *Mesta. Sbranie sochinenii v pyati tomakh*. T. 4. M.: Novoe lit. obozrenie, 2019.

Tyutchev Fedor. *Polnoe sobranie stikhotvorenii*. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1957.

Павел Глушаков
Андреј Дмитриев

ПОЕЗИЈА ДМИТРИЈА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПРИГОВА У РЕЦЕПЦИЈИ
Д. Е. МАКСИМОВА: НЕОБЈАВЉЕНИ МАТЕРИЈАЛ ИЗ 1980. ГОДИНЕ

Резиме

Чланак представља публикацију архивског материјала, који је у вези с поезијом Дмитрија Пригова. Познати историчар руске књижевности Дмитриј Максимов прави забелешке из поезије неиздатих стихова Пригова и даје кратак коментар тих текстова. Документ

¹¹ Здесь, как представляется, автор книги *Поэзия и проза Ал. Блока* отошел от своих же принципов: рассматривать произведение искусства по принципу *синтетичности и музыкальности*, не отделяя форму поисков от сути поисков. Этот принцип ярче всего выражен в цитируемом в монографии высказывании Брюсова: «Спор о данном произведении, поэзия ли это или не поэзия, может быть решен на основании объективных признаков, а не субъективных суждений или импрессионистической критики» (Брюсов 1925: 29).

¹² Имеется в виду поэт Всеволод Николаевич Некрасов (1934–2009) — один из основателей «московского концептуализма».

Максимова није занимљив само као факт историје књижевности. То је сведочанство о сло-
женој рефлексiji туђег стваралаштва у формираном естетском систему, који је у херме-
тичким совјетским условима задобио окамењене и непокретне (па самим тим нефлекси-
билне) форме. У текстовима публикације прати се процес индивидуалног стваралачког
доживљаја једног човека преко текстуалног стварања другог песника. Коментари на мар-
гинама, исправљена пунктуација, која треба да учини текст „традиционалнијим“, нави-
ка — све то постаје интересантан феномен овладавања новом поетиком кроз њено не-
прихватање.

Кључне речи: Пригов, Максимов, Тјутчев, рецепција, московски концептуализам, авангарда.

Антонина Щербак

Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
ant_scherbak@mail.ru

Сергей Бирюков

Московский государственный лингвистический университет
s.e.biriukov@linguanet.ru
<https://orcid.org/0009-0003-4976-8993>

Antonina Shcherbak

Samarkand State University named after Sharof Rashidov
Tambov State University named after G. R. Derzhavina
ant_scherbak@mail.ru

Sergey Biryukov

Moscow State Linguistic University
s.e.biriukov@linguanet.ru
<https://orcid.org/0009-0003-4976-8993>

ВЕРБАЛЬНАЯ ПЕРЕДАЧА ЖИВОПИСНОГО *САМАРКАНДА* В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА К. С. ПЕТРОВА-ВОДКИНА

VERBAL TRANSMISSION OF PICTURESQUE *SAMARKAND* IN THE WORK OF THE ARTIST K. S. PETROV-VODKIN

Статья посвящена рассмотрению цветовых лексем в тексте путевых набросков К. С. Петрова-Водкина. Доказывается, что отсутствие цвета на черно-белых рисунках восполняет обилие слов с колоративной семантикой. Устанавливается, что семантику цвета передают не только слова, отражающие «признак признака», но и слова с «признаком подвижного реализующегося во времени», что подтверждает концепцию художника «космичности бытия» с использованием художественного приема «сферической перспективы».

Ключевые слова: художник Петров-Водкин, Самарканд, вербальный стиль, лексемы цвета.

The article is devoted to the consideration of color lexemes in the text of K. S. Petrov-Vodkin. It is proven that the absence of colors on black and white drawings replenishes the abundance of words with colorative semantics. It is established that the semantics of color are conveyed not only by words that reflect «the sign of a sign», but also by words with «the

sign of a mobile being realized in time», which confirms the artist's concept «of the cosmic nature of existence» using the artistic technique «spherical perspective».

Key words: artist Petrov-Vodkin, Samarkand, verbal style, colors.

Начало XX века характеризуется активными научными открытиями, что способствовало появлению новых стилей и течений в искусстве, формированию нового мировоззрения и нового художественного индивидуального языка с яркой, отражающей уникальную манеру художника. Это время способствовало выдвижению собственного видения о том, каким должно быть новое искусство, о чем свидетельствуют работы таких художников, как Казимир Малевич, Давид Бурлюк, Василий Кандинский, Фернан Леже, Пабло Пикассо и другие.

Вербальное наследие Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина, выдающегося российского и советского художника: живописца, графика, иллюстратора книг, теоретика искусства, вызывает особый интерес в плане осмысления взаимосвязи его литературного творчества с живописью, формирования эстетического восприятия художественного документа в аспекте вербальной самопрезентации художника, которая определяется как «система публичного самовыражения... модусов высказываний художника ...» (Сентемова 2025: 14).

В 1923 году книга художника Петрова-Водкина *«Самаркандия. Из путевых набросков 1921 г.»* была опубликована в Петрограде (частное издательство «Аквилон»). В её названии указан жанр повествования — путевые наброски, в структуру которых входит указание места (название города), включается авторское «Я». Автор книги рассказывает о том, что привлекло его внимание, что запомнилось. Описывается восточный город с его характерной атмосферой и географическим колоритом, его достопримечательности, люди, обычаи, а также отражаются эмоциональные оценки автора. Тексты путевых записок, заметок или набросков представляют собой «специфический феномен», которые относятся к жанру путевого очерка публицистического стиля (Цедрик 2023: 30).

В путевые наброски К. Петров-Водкин включает черно-белые рисунки, созданные им с помощью туши и пера, которые восполняют ненаписанное и недосказанное и вместе с текстом представляют единое художественное произведение. Работая в этом жанре, художник реализует свойственное ему стремление передать мир во всей насыщенности ярких красок, позволяя читателям увидеть завораживающую красоту евразийского города Самарканда.

Загадочное слово «Самаркандия» в названии книги Петрова-Водкина — это оставленный после монгольского нашествия древний город Мараканда (в 1220 Самарканд был захвачен Чингисханом), впоследствии город получил название Афрасиаб. Теперь это древнее место находится на окраине современного Самарканда. В значении топонимизма Самарканд

«отражаются наши знания о существовании древнейшего города мира и тех признаках, которыми он отличается от других городов» (Липатова 2023: 70). Самобытный город Самарканд — «Рим Востока» — и в прошлое столетие, и в наше время «сумел сохранить свою самобытность и неповторимые черты, формировавшиеся в течение многих столетий в диалоге с самими разными культурами» (Чиркова 2023: 119).

Интересна история написания *Путевых набросков*. Ещё в XIX веке, после присоединения Средней Азии к России, Императорская Археологическая комиссия, Туркестанский кружок любителей археологии, Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии занимались изучением архитектурных памятников этого региона, имеющих мировое значение.

После революции 1917 года эту работу продолжила Российская Академия истории материальной культуры, созданная в 1918 году вместо ликвидированной Императорской Археологической Комиссии.

Первая Туркестанская архитектурная экспедиция, начавшаяся в июне 1921 года и продлившаяся 4 месяца, явилась результатом совместных усилий Главного управления музеев при Наркомпросе РСФСР и Академии истории материальной культуры. Перед участниками экспедиции была поставлена задача — провести обмеры мавзолея Шахи-Зинда, медресе Улугбека, сделать чертежи, планы и рисунки. Для работы была сформирована группа из восьми человек. В ее состав вошел художник К. С. Петров-Водкин. Экспедицию возглавлял архитектор Александр Петрович Удаленков.

Отъезд экспедиции был намечен на 5 июня 1921 года из Москвы, но задержался в ожидании сбора всех участников экспедиции. Только 26 июня вечером участники экспедиции поездом отправилась в путь, и через 11 дней, 7 июля, они прибыли в Самарканд (заметим, сегодня поездка длится всего три дня). В конце октября Петров-Водкин был уже дома.

Книга задокументировала личные впечатления К. С. Петрова-Водкина о поездке в Самарканд и самаркандцах, то, что зафиксировал острый взгляд художника. Это литературное произведение сочетает в себе элементы путевых заметок с художественным стилем, отражающим мировидение и мироощущение автора на вербально-визуальном уровне восприятия пространства восточного города, в основе которого лежит цветоощущение, отраженное в разнообразии русской колоративной лексики.

Очарованный красотой и гармонией Самарканда, К. С. Петров-Водкин в своих путевых заметках на 55-и страницах представил 14 черно-белых полностраничных рисунков, 7 заставок, 1 концовку, на которых представлен исторический и культурный ландшафт Самарканда — легендарная площадь Регистан, древние мавзолеи, сказочный лабиринт Шахи-Зинда, внушающая благоговение мечеть Биби-Ханым, величественный мавзолей Гур-Эмир (гробница Тамерлана), и, конечно, его жители.

Так, Петров-Водкин в книге *Самаркандии* сообщает, что Кусам ибн Аббас, высоко чтимый среди мусульман, один из завоевателей Самарканда

и проповедников ислама, при обороне города от согдийцев, потерпев поражение, в отчаянии воткнул рукоятку нагайки в землю — *«рукоятка пустила корни и разрослась в дерево над могилою своего владельца...»*. В середине XI века на юге Самарканда был возведен мемориальный комплекс в честь этого проповедника ислама, причисленного к лику святых.

Как известно, К. С. Петров-Водкин разработал собственную теорию живописи и особый творческий прием «трехцветие» — обязательное присутствие на картине красного (символ величия жизни, олицетворяющего в иконографии телесный мир), синего (символ неба, цвет с оттенками бирюзы и зелени) и желтого (символ солнца, бога) цветов. Ученые отмечают неразрывную связь этой цветовой системы как с национальными бытовыми и художественными традициями, так и с классическими началами западноевропейского искусства (Гутина 1988; Христолюбова 2012; Роцин, Дубровин 2000).

В художественно-повествовательной книге *Самаркандия* содержится 22 чёрно-белых рисунка, выполненных тушью (пером и кистью), исключением является только обложка книги, представленная в цвете: в центре композиции обложки — буквы красного и черного цветов, на фоне стилизованного среднеазиатского орнамента изображен юноша в национальном костюме.

Отсутствие красок в рисунках восполняет обилие цветовых лексем в тексте, с помощью которых художник передает ощущение зноя, жары и огня, запах приторно сладких и острых растений. Воссоздается загадочный мир древнего Востока с художественным образом бирюзового города Самарканда. Вербальная стилистическая система художника восполняет живописный узбекский национальный колорит, срастается с ним, и перед читателем предстает самобытность Востока. Петров-Водкин пишет: «получается географический колорит страны», «картина майолики Востока», «откровение Востока — бирюза». Ср.:

«Отсюда заключительная цветовая поэма. Здесь ясный ультрамарин, в нем разыгрались до полной звучности золотые желтые и зелено-бархатные вариации. Их пронизывает скромными жилками откровение Востока — бирюза».

Как художник и теоретик К. С. Петров-Водкин разрабатывал концепцию «планетарности» и «сферической» (наклонной) перспективы (Гутина 1987; Христолюбова 2023), которая проявляется через создание ощущения многомерности и космического взгляда на обыденные вещи и события. Частично эта концепция отразилась и в его путевых набросках через описание многомерности и космического взгляда на город Самарканд не как на локальное пространство, а целостное, многомерное восприятие мира, взаимосвязь человека и природы. Ср.:

«Бывало ночь заставляла меня на высотах Чапан-Аты.

Небо над Атой становилось уютнее: звезды давали обозначение пространству сферы»;

«В окнах повисла Большая Медведица и светится от серпа луны барабан Биби-Ханыма».

«...я понял человеческое творчество Самаркандии, как высотами Чапан-Аты...».

Художник философски вглядывается в город с установкой на взаимосвязь человека с космосом как во вновь открытую планету.

Ранее в жанре путевых набросков впечатления К. С. Петрова-Водкина о поездке в 1907 году в Северную Африку (Алжир, Тунис) были опубликованы в художественном сборнике *На рассвете* (1910 год). Его живописные и графические работы «африканского цикла», в которых отразилось уникальное видение мира, основанное на планетарном мироощущении, были представлены на его первой персональной выставке в редакции журнала *Аполлон* (Бородин 2021). Эта выставка принесла художнику известность.

В автобиографической повести *Пространство Эвклида* К. С. Петров-Водкин пишет: «Но теперь, здесь на холме, когда падал я наземь, предомной мелькнуло совершенно новое впечатление от пейзажа, какого я еще никогда, кажется, не получал. Решив, что впечатление, вероятно, случайно, я попробовал снова проделать это же движение падения к земле. Впечатление оставалось действительным: я увидел землю, как планету» (Петров-Водкин 1970).

Это ощущение заложило основу его оригинальной концепции «сферической перспективы» и философского подхода к изображению пространства и мира в живописи, системы построения образного пространства как целостного мира и планетарного бытия человека. Ср.:

«Видел я Самаркандию с вершины Агалыка. ...Крошечная царापина Биби-Ханыма едва уловима глазом.... Не выдерживает масштаба человеческое зодчество пред куполами снежных вершин».

Живописную концепцию К. С. Петров-Водкин переносит и на слово, где пространство и время сплетаются, отражая космическую взаимосвязь человека и природы как единый сферический контекст. Возможно, его идеи о сферичности земли и космичности бытия, его планетарности содействовали тому, что «одно французское астрономическое общество избрало Петрова-Водкина своим почетным членом» (<https://drug-gorod.ru/kuzma-retrov-vodkin-i-kon>).

В письме жене художник писал: «Первый раз в жизни вижу такое небо: точно у меня над головой опрокинули синюю чашу! Черт знает, что за цвет!» (Из писем к М. Ф. Петровой-Водкиной от 22 июля и 8 сентября 1921 г. // <https://di.mmoma.ru/news?mid=3264&id=1455>).

Эффект «вхождения» в пространство текста, аналогичный визуальному эффекту сферической перспективы в живописи, создает семантика слов в его записках о Самарканде, которая раскрывается постепенно и с разных сторон — на уровне «цветовых» прилагательных, глаголов, наречий и су-

ществительных. Приведем примеры из путевых записок К. С. Петрова-Водкина, в которых присутствуют слова со значением «признак признака» для обозначения цвета.

Текст: «Этот переплет ультрамарина, сапфира, кобальта огнит почву, скалы, делая ничтожной зеленцу растительности, в конец осеребряя ее, — получается географический колорит страны в этих двух антиподах неба и почвы».

Глагольная лексема «огнит» и глагольная форма деепричастия «осеребряя» отражают грамматическое значение действия и характеризуются как процессуальный признак, т. е. признак подвижного, реализующегося во времени, функционирующий по преимуществу в качестве сказуемого. Ср.: «У стен Регистана чернело и зеленело виноградом».

В этом предложении признак цвета заложен в семантике глаголов, что отражает динамичность, процессуальность цвета во времени и передаёт эмоциональное восприятие через цветовые изменения.

В основе внутренней формы слова «ОГНИТ» лежит субстантив «огонь», от формы глагола «осеребрять» образуется деепричастие «ОСЕРЕБРЯЯ», глагол ЗАРАДУЖИЛИ восходит к существительному «радуга». Эти новообразования художника сориентированы на словообразовательные модели в русском языке и служат средством художественной выразительности.

В приведенном выше примере использовано в роли эпитета только одно прилагательное «ничтожный» («ничтожной зеленцу растительности») как определение степени качества зеленой растительности («очень малый, незначительный по количеству»), которая меркнет по сравнению с буйством «огненно-бирюзового» цвета.

Собирательное существительное «ЗЕЛЕНЦА» (*разг.*) использовано в значении «зеленоватый цвет растительности» и образовано от глагола «зеленеть».

Колоративную семантику отражает существительное «ультрамарин» (заимствовано рус. яз. из нем. яз. Ultramarin, восходит к лат. ultra (более, сверх) + «marinus (морской)», которое понимается как «яркая синяя краска»).

В русском языке оттенки синего цвета отражают такие слова, как *бирюзовый, лазоревый, лазурный, небесно-голубой*. Слово «синий» по происхождению общеславянское, но для ряда языков характерно обозначение голубого и синего цветов одним и тем же словом, например, англ. blue, франц. bleu (Козлова 2021: 191–197); обозначение голубого и синего цветов одним и тем же словом *плав* в сербском языке, словом *plav* в хорватском языке, словом *moder* в словенском языке (Gadányi 2007: 19). В романских языках для обозначения синего цвета сосуществуют слова, пришедшие из немецкого (bleu от blau) и арабского (azur от lazaward) языков (Пастуро 2015).

Существительное «*сапфир*» (заимствовано из греч. яз. *σάπφειρος* (*sappheiros*) означает *синий*, использовано художником в значении синего или голубого цвета. Возможно, употребление и в значении «густо-синий», «вазильковый», «тёмно-синий».

Этимологи считают слово «синий» родственным глаголу «сиять», т. е. синий — это «сияющий», «блестящий». Заметим, что в истории русского языка, в частности, в древнерусском языке, синим цветом обозначались различные явления природы и объекты (небо, море, водные источники, облака, молния, тучи, пламя, в том числе и драгоценные камни).

Переплетение синего цвета с его оттенками (ср.: «кобальт» из нем. яз. Kobold) — темно- синего цвета) в противопоставлении с «ничтожным» зеленым цветом позволяет возвыситься над бытовым миром, над землей (почвой), скалами, отражая при этом идею взаимосвязанности всего существующего, космического единства мира.

Обращает на себя внимание тот факт, что «признак признака» характеризует и наречие, обозначающее «признак действия», т. е. значение действия, о чем свидетельствует словоформа «ЯНТАРЕМ», расширяющая номинативный потенциал цветообозначения.

Текст: «*В лавочках киш-мишовый изюм разыграется янтарею к этому времени*» (современное написание кишмиш).

Словосочетание «*разыграется янтарею*» следует понимать как признак степени созревания винограда — янтарно-желтый. В этом случае происходит слияние обозначения цвета с определяемым словом («изюм») в единое понятие с переносным значением.

Таким образом, словесный текст Петрова-Водкина показывает, что художник отразил признаковую сущность бытия, которая в русском языке может быть представлена прилагательными, глаголами, существительными и наречиями. Если наречие примыкает к существительному, обозначает признак предмета; но если примыкает к глаголу или деепричастию — это признак действия, т.е. глагольный признак; если примыкает к прилагательному, наречию и причастию — признак другого признака, т. е. признак признака.

Главенствующей лексемой с обозначением цвета в путевых заметках Петрова-Водкина выступает существительное *бирюза* и прилагательное *бирюзовый*. Вот как описывает Петров-Водкин первое впечатление о куполе Шахи-Зинда: «*Да ведь это вода! Это заклинание бирюзой огненности пустыни!*». Ср.:

«*Здесь ясный ультрамарин, в нем разыгрались до полной звучности золотые, желтые и зелено-бархатные вариации. Их пронизывает скромными жилками откровение Востока — бирюза*».

Путевые наброски К. С. Петрова-Водкина записываются словами, обращенными к жителям Самарканда: «*Спасибо за их ласковую внимательность к полюбившим их огненно-бирюзовую родину...*».

Выводы

Отсутствие цвета на рисунках в книге *Самаркандия* К. С. Петрова-Водкина лишь обостряет наше восприятие и позволяет вместе с автором наслаждаться огненно-бирюзовым миром Самарканда, в единстве графического рисунка и вербального текста увидеть восточную бирюзу, которой любовался и которую постигал Петров-Водкин.

Использованные художником «цветовые» глаголы («*чернело и зеленело виноградом*»), существительные (*ультрамарин, сапфир, кобальт*) мимикрические формы слов («*зеленца*», «*осеребряя*»), («*янтарем*»), присутствие относительных прилагательных («*геометрическая майолика*»), обилие качественных прилагательных (например, *золотые желтые и зелено-бархатные* вариации) воссоздают колоративную семантику «пространственности» города между «*небом и почвой*», т. е. между небом и землей, тем самым вызывая у читателя непосредственное зрительное впечатление, близкое к эффектам живописи — «цветовые полюса», «цветовую поэму».

Художник описывает крыши домов, высоты гор и холмы, где «*пространственность еще только мерещится*», представляя поверхность земли как абстрактно геометрическую форму, только «орнаментированную» цветом: «*умершей почвой — цветом пустыни*», что являет собой авторский художественный прием.

Вербальное творчество К. С. Петрова-Водкина воссоздает «сферическую перспективу»: «Видел я Самаркандию с вершины Агалыка. ...Крошечная царпина Биби-Ханыма едва уловима глазом.... Не выдерживает масштаба человеческое зодчество пред куполами снежных вершин».

Образ «*географического колорита страны*» предстает в едином сферическом контексте во взаимосвязанности всего сущего — зримый небесный бирюзовый свод, окутывающий территорию центральноазиатского региона и отражающий историческое и культурное наследие узбекского народа. В цветовой гамме лексема «бирюза» является доминирующей, и возникает образ цветного Самарканда с бирюзовой мозаикой и майоликой.

ЛИТЕРАТУРА

- Бородина Валентина. К. С. Петров-Водкин. *Новая оптика для коллектива Земли: монография*. Хвалынский: Фонд сохранения и развития историко-культурного наследия Хвалынского района Саратовской области «Сосновый остров», 2021.
- Гутина Радема. «Живописная пластика как выражение большой идеи». *Искусство* 10 (1987): 17–20.
- Гутина Радема. *Проблема традиции в художественной системе К. С. Петрова-Водкина (1910-е годы): автореф. дис. ... канд. искусствоведения*. Москва, 1988.
- Козлова Наталья. «Концептуализация цвета голубой/синий/blue в русском и английском языках». *Образование и право* 12 (2021).
- Липатова Евгения. «Репрезентация самаркандского текста в лингвокогнитивном аспекте». *Неофилология* 10/1 (2024): 67–75.

- Пастуро Мишель. *Синий. История цвета*/пер. с фр. Н. Кулиш. Москва: Новое литературное обозрение. 2017.
- Петров-Водкин К. С. *Хлыновск; Пространство Эвклида; Самаркандия*: [Повести/Рис. авт.; Вступ. статья, С. 3–31/подгот. текста и коммент. Ю. А. Русакова. Ленинград: Искусство. Ленингр. отделение. 1970.
- Рощин Сергей, Дубровин Виктор. «О проявлении трехцветия в живописи». *Искусство — диалог культур: Сб. мат-ов VI Международной научно-практической конференции*. Грозный, 2020: 387–391.
- Самаркандия: Из путевых набросков 1921 г. / К. С. Петров-Водкин. Петербург: «Акилон», 1923 // <https://tehne.com/event/arhivsyachina/k-s-petrov-vodkin-samarkandiya-iz-putevyih-nabroskov-1921-goda>.
- Сентемова Александра. *Вербальная самопрезентация художника и ее культурно-историческая опосредованность: автореф. дис. ... канд. культурологии*. Москва, 2025.
- Христолюбова Татьяна. «Музыкальные идеи и образы в творчестве К. С. Петрова-Водкина». *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры* 4 (2023): 129–134.
- Христолюбова Татьяна. «Особенности теоретико-художественных идей К. С. Петрова-Водкина». *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)* 1 (2012): 132–136.
- Цедрик Лидия. «Основная характеристика заметок как типа текста (на материале немецкого языка)». *Современные исследования социальных проблем* 15/1 (2023): 28–36.
- Чиркова Наталья. «Образ города в контексте репрезентации исторической и культурной памяти: наследие и современность» [Рецензия на монографию А. И. Ионесова, В. И. Ионесова. «Самарканд: Образ города в пространстве межкультурной коммуникации. Энциклопедия зарубежной Самаркандианы». Ташкент: SMI-ASIA, 2022]. *Вестник Челябинского государственного университета* 24 (2023): 119–123.
- Gadányi Károly. *Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках (на материале русского, сербского, словенского, хорватского языков)*. Melbourne: Academia Press, 2007.

REFERENCES

- Borodina Valentina. *K.S. Petrov-Vodkin. Novaya optika dlya kollektiva Zemli: monografiya*. Hvalynsk: Fond sohraneniya i razvitiya istoriko-kul'turnogo naslediya Hvalynskogo rajona Saratovskoj oblasti «Sosnovyj ostrov», 2021.
- Cedrik Lidiya. “Osnovnaya harakteristika zametok kak tipa teksta (na materiale nemeckogo yazyka)”. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* 15/1 (2023): 28–36.
- Chirkova Natal'ya. “Obraz goroda v kontekste reprezentacii istoricheskoy i kul'turnoj pamyati: nasledie i sovremennost'” [Recenziya na monografiyu A. I. Ionesova, V. I. Ionesova. «Samarkand: Obraz goroda v prostranstve mezhkul'turnoj kommunikacii. Enciklopediya zarubezhnoj Samarkandiany». Tashkent: SMI-ASIA, 2022]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 4 (2023): 119–123.
- Gadányi Károly. *Sravnitel'noe opisanie prilagatel'nyh cveta v slavyanskix yazykax (na materiale russkogo, serbskogo, slovenskogo, horvatskogo yazykov)*. Melbourne: Academia Press, 2007.
- Gutina Radema. “Zhivopisnaya plastika kak vyrazhenie bol'shoj idei”. *Iskusstvo* 10 (1987): 17–20.
- Gutina Radema. *Problema tradicii v hudozhestvennoj sisteme K. S. Petrova-Vodkina (1910-e gody): avtoreferat dis. ... kandidata iskusstvovedeniya*. Moskva, 1988.
- Hristolyubova Tat'yana. “Muzykal'nye idei i obrazy v tvorchestve K. S. Petrova-Vodkina”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 4 (2023): 129–134.
- Hristolyubova Tat'yana. “Osobennosti teoretiko-hudozhestvennyh idej K. S. Petrova-Vodkina”. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* 1 (2012): 132–136.
- Kozlova Natal'ya. “Conceptualizaciya cveta goluboj/sinij/blue v russkom i anglijskom yazykah”. *Obrazovanie i pravo* 12 (2021).
- Lipatova Evgeniya. “Reprezentaciya samarkandskogo teksta v lingvokognitivnom aspekte”. *Neofilologiya* 10/1 (2024): 67–75.

- Pasturo Mishel'. *Sinij. Istorija cveta* / per. s fr. N. Kulish. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 2017.
- Petrov-Vodkin K. S. *Hlynovsk; Prostranstvo Evklida; Samarkandiya*: [Povesti / Ris. avt.; Vstup. stat'ya, S. 3–31 / podgot. teksta i komment. Yu.A. Rusakova. Leningrad: Iskustvo. Leningr. otdelenie. 1970.
- Roshchin Sergej, Dubrovin Viktor. "O proyavlenii trekhcvetiya v zhivopisi". *Iskusstvo — dialog kul'tur: Sb. mat-ov VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Groznyj, 2020: 387–391.
- Samarkandiya: Iz putevyh nabroskov 1921 g.* / K.S. Petrov-Vodkin. Peterburg: «Akvilon», 1923. [// https://tehne.com/event/arhivsyachina/k-s-petrov-vodkin-samarkandiya-iz-putevyh-nabroskov-1921-goda](https://tehne.com/event/arhivsyachina/k-s-petrov-vodkin-samarkandiya-iz-putevyh-nabroskov-1921-goda).
- Sentemova Aleksandra. *Verbal'naya samoprezentaciya hudozhnika i ee kul'turno-istoricheskaya oposredovannost': avtoref. dis. ... kandidata kul'turologii*. Moskva, 2025.

Антонина Шчербак
Сергеј Бирјуков

ВЕРБАЛНА ИНТЕРПРЕТАЦИЈА ЛИКОВНОГ САМАРКАНДА У СТВАРАЛАШТВУ К. С. ПЕТРОВА-ВОДКИНА

Резиме

Чланак је посвећен анализи лексема за боје у путописима К. С. Петрова-Водкина. Показано је да одсуство боје на црно-белим цртежима удопуњује обиље речи са колорном семантиком. Утврђено је да семантику боје не преносе само речи, које одражавају „својство својства“, већ и речи са „својством покретног који се реализује у времену“, што потврђује концепцију уметника о „космичности бића“ уз коришћење уметничког поступка „сферичне перспективе“.

Кључне речи: К. С. Петров-Водкин, Самарканд, вербални стил, лексеме за боју.

Юлия Кузнецова

Папский университет Иоанна Павла II в Кракове
Философский факультет
smithscription@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5818-2714>

Iuliia Kuznetsova

The Pontifical University of John Paul II in Krakow
Faculty of Philosophy
smithscription@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5818-2714>

ГОЛОС РОЯЛЯ: СТИХОТВОРЕНИЮ «РОЯЛЬ»
ИЗ СБОРНИКА ОЛЕГА ИВАНОВА *ГОЛОСА ВЕЩЕЙ*

THE VOICE OF THE GRAND PIANO:
TO THE POEM “GRAND PIANO” FROM OLEG IVANOV’S
COLLECTION *VOICES OF THINGS*

В настоящей статье предпринята попытка всмотреться в стихотворение петербургского поэта и философа Олега Иванова «Рояль», опубликованного в 2021 году в сборнике *Голоса вещей*. Иванов уверен, что в мире нет ничего незначительного, но, напротив, все обладает своей ценностью. Даже у вещей есть свой голос. Такой голос он «услышал» у старого рояля. Основной задачей статьи видится последовательное обращение к строкам стихотворения, чтобы раскрыть его смыслы, и в том числе скрытые. Особое место в стихотворении занимают пассажи, посвященные христианским образам. Не всегда очевидные для читателя, они тем не менее находят свое воплощение в нашей повседневной жизни.

Ключевые слова: Олег Иванов, Мария Юдина, голоса вещей, рояль, интеллигенция.

This article attempts to take a closer look at the St. Petersburg poet and philosopher Oleg Ivanov’s poem “Grand Piano,” published in 2021 in the collection *Voices of Things*. Ivanov is convinced that there is nothing insignificant in the world, but, on the contrary, everything has its own value. Even things have their own voice. He “heard” such a voice in an old grand piano. The main task of the article is to consistently address the lines of the poem in order to reveal its hidden meanings. Passages devoted to Christian images occupy a special place in the poem. They are not always obvious to the readers, but nevertheless find their embodiment in our everyday life.

Key words: Oleg Ivanov, Maria Yudina, voices of things, grand piano, intelligentsia.

Рояль

Стоит рояль с потертой крышкой
 В старинном доме петербургском;
 Он с тех времен, когда здесь слишком,
 Уж слишком, не было так узко.

Когда здесь люди веселились
 Или в задумчивости были,
 И говорили «Божья милость»
 Без сладкой и умильной гнили.

Потом пришли сюда матросы,
 Штыком по клавишам водили,
 Совали в деку папиросы
 И, радостные, уходили.

В красивой краденой жакетке,
 Большая баба приходила.
 Как дятел на дубовой ветке,
 Упорно «Яблочко» долбила.

С лицом фальшиво вдохновенным
 Интеллигент играть пытался;
 Расстроен был рояль, наверно,
 Интеллигент тот быстро сдался¹.

Стихотворение под названием «Рояль» было написано Ивановым в январе 2020 года и немногим позже опубликовано в сборнике *Голоса вещей*. Этот поэтический сборник открывает одноименное стихотворение «Голоса вещей», которое вводит читателя в особый, сокрытый от невнимательного взгляда, мир вещей. Все описанные там вещи, очень разные и на первый взгляд самые обыкновенные, как ни странно, имеют свои голоса, «услышать» которые, согласно поэту, можно только тогда, когда всматривание в окружающий мир самых простых предметов становится опытом личной встречи. Стихотворение «Рояль» тоже становится таким опытом встречи со старым музыкальным инструментом, который хоть и оказался лишен своего предназначения, тем не менее продолжает говорить то, что при должной чуткости человек способен уловить.

Прежде чем перейти непосредственно к самому стихотворению, стоит сказать пару слов о рояле как музыкальном инструменте вообще. Название «рояль» происходит от фр. *royal piano* — «королевское фортепиано», т. е. буквально рояль — это королевский музыкальный инструмент. Если обратиться к простым характеристикам инструмента, то самое общее, что можно о нем сказать — это как минимум впечатляющий размер: средний размер салонного рояля имеет длину 200–220 см., большой диапазон тембра, длительности и выразительности звучания. Такие рояли были пред-

¹ См.: (Иванов 2021: 210).

назначены для концертного или любительского исполнения в музыкальных гостиных и салонах, а также в малых залах. Исходя только из этих вводных данных уже можно себе вообразить сколько пространства и «воздуха» требуется для размещения и должного звучание рояля.

Представив весь масштаб и своего рода величие музыкального инструмента, обратимся к первым строкам стихотворения, которые сразу же переносят читателя в старинный дом в Петербурге, где стоит, по всей видимости, довольно старый рояль:

Стоит рояль с потертой крышкой
В старинном доме петербургском...

Поэт приглашает нас войти с ним в этот дом. И в этом нет никакого художественного вымысла или метафоры. Сегодня мы действительно можем попасть внутрь такого дома, пройти через парадный вход и далее — в гостиную, галерею залов, кабинеты и даже попасть во внутренний двор. Все это можно увидеть в лучшем случае глазами смиренного завсегдатая музея, или же неподготовленного туриста, для которого мир петербургских особняков просто невообразим в силу зияющей пропасти между миром старого Петербурга и днем сегодняшним. И хотя формально этой пропасти немногим более ста лет, старинными диковинными монументами эти дома делает тот самый непреодолимый разрыв в истории. В этом смысле дом в Петербурге не просто старый, а непременно, как отмечает автор, старинный. И где-то даже удивительно, что такие уцелевшие старинные дома продолжают упорно стоять, претерпевая бесконечные реконструкции и трансформации. Как, например, особняк артистки балета Императорских театров Матильды Кшесинской, который за довольно короткий срок успел побывать учреждением Петросовета, Институтом общественного питания, отделением Общества старых большевиков, музеем Кирова, музеем революции и, в конце концов, стать музеем политической истории России.

Проведя за собой читателя через двери и проходы в окоченевших стенах такого особняка, поэт останавливается перед роялем «с потертой крышкой». Более чем на век этот музыкальный инструмент замер в одном из домов парадного Петербурга, того самого города, который когда-то был блистательной столицей. За отведенный ему срок в ожидании живой души, сумевшей его услышать, рояль много чего успел увидеть, но особенно хорошо он помнит те времена, когда «не было так узко»:

Он с тех времен, когда здесь слишком,
Уж слишком, не было так узко.

Эти строки подсказывают, что рояль ранее был причастен настоящей жизни и служил людям. Казалось бы, всего несколько строк, а перед нами раскрывается необъятная история, которая затрагивает несколько веков. Мы словно погружаемся в кадры документального кино, где главным действующим лицом оказывается предмет. Этот предмет — рояль, который,

как ни странно, имеет свой, по-особому выраженный, голос. И несмотря на то, что далее вокруг музыкального инструмента описываются происходящие события жизни человеческой, вряд ли стоит настаивать на том, что в данном случае рояль — это всего лишь вещь. Автор стихотворения представляет Рояль в качестве первого и главного персонажа, поэтому, вероятно, не будет преувеличением в дальнейшем обращаться к нему по имени. Оправданием такого хода может стать стихотворение Анны Ахматовой «Как белый камень в глубине колодца...», написанное в 1916 году. Хотя формально его относят к произведению любовной лирики, последнее четверостишие отсылает нас к неким удивительным метаморфозам, которые также присущи вещам и предметам:

Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознания,
Чтоб вечно жили дивные печали,
Ты превращен в мое воспоминанье².

Таким образом, можно предположить, что наш Рояль в свое время стоял в салоне одного из домов Петербурга и был, как ему и подобает, по-королевски значимым, а значит, притягивал к себе всеобщее внимание: его крышка отражала свет от льющихся из окон солнечных лучей днем, а по вечерам при свете мерцающих свечей он издавал волнующие звуки. Подтверждений такому предположению долго искать не приходится. Вот как, к примеру, Лев Толстой описывает сцену у клавикорда — предшественника фортепиано:

«Молодежь дома Ростовых, воротившись из театра, поужинав, сидела у клавикорд. Как только Николай вошел в залу, его охватила та любовная поэтическая атмосфера, которая царствовала в эту зиму в их доме, <...> Соня и Наташа, в голубых платьях, в которых они были в театре, хорошенькие и знающие это, счастливые, улыбаясь, стояли у клавикорд» (Толстой 1940: 57).

Подобное поэтическое и романтическое настроение ранее витало в гостиных и салонах старинных домов. Однако это было очень давно. Согласно автору «Рояля», это было тогда, когда «не было так узко». Под этим «не было так узко» можно подразумевать самое прямое указание на большую и светлую гостиную, где глава семьи с супругой гостеприимно принимали и зачастую поражали широкими жестами многочисленных приглашённых. В таких домах непременно устраивались музыкальные вечера, концерты и даже представления. В этом смысле Роялю, конечно же, совсем не было «узко». С другой стороны, «узко» может пониматься в смысле переносном. Здесь узость становится неким томлением и заточением в тесноте и духоте как невозможности выразить себя, развернуть все возможности, заложенные при создании. Такого рода узость существования, конечно, никак нельзя помыслить в одном ряду с королевским фортепиано.

² См.: (Ахматова 2016: 105).

Жизнь Рояля тогда, очевидно, никак не была связана с узостью, как раз наоборот — она была задана его высоким предназначением, без которого он попросту не мог бы существовать. Однако та эпоха закончилась, как и прежняя жизнь.

Стоит заметить, что поэт также намекает на некую тревожную симптоматику этой «узости» — Рояль стоял там с тех времен, «когда здесь слишком, уж слишком, не было так узко». Это самое «уж слишком не было так узко», очевидно, имело свои предпосылки и в лучшие времена. Надо признать, что в некоторых личных записях непосредственных свидетелей катастрофы 1917 года обнаруживаются предчувствия страшной необратимости. Прежде всего, конечно, подползающую тьму ощущали поэты Серебряного века, но не только. Хорошим примером здесь может стать *Дневник Любви Шапориной*, которая была театральным художником и переводчиком. Большую часть жизни она провела в Петербурге и делала записи происходившего вокруг практически всю жизнь. Вот как она описывает один из эпизодов, непосредственной участницей которого она стала (запись датирована мартом 1917 года):

«Все мы ждали свободу, почему же так сжималось сердце? Невесело было, и я не испытывала восторга. <...> Меня обогнал грузовик, переполненный юношами и девушками, с ружьями, распеваящими революционные песни. Я помахала им рукой, приветливо улыбнулась и тут же почувствовала всю фальшь своего жеста. Стало до боли стыдно за себя, и это чувство я очень остро помню до сих пор, и сейчас даже стыдно» (Шапорина 2017: 46).

Что же, до катастрофы Рояль верно служил людям, он был свидетелем их любви, радости, задумчивости, грусти, и снова радости от встреч и причастности к искусству.

Когда здесь люди веселились
Или в задумчивости были,
И говорили «Божья милость»
Без сладкой и умильной гнили.

Рояль умел различать приветствия, светские беседы, звуки пения, клятвы, признания и молитвы, мог чувствовать шаги, прикосновения к клавишам и педалям. Он слышал голоса людей: «Божиею милостью!». Да, более всего он помнил «*Dei gratia*» без ухмылки, не как «сладкую и умильную гниль», а как старинную форму богословия, причастности к Творцу и Его любви. Однако внезапно из большой и светлой гостиной исчезли все люди. Старые устои рушились один за другим, кругом происходили аресты, убийства, поджоги, грабежи. Мир вывернулся наизнанку. Служение Рояля прервалось.

Каким-то чудом сохранившийся Рояль оказался свидетелем хаотичного движения фигур и теней из безвременья. Ничего иного как замереть и сносить унижением ему не оставалось:

Потом пришли сюда матросы,
Штыком по клавишам водили,
Совали в деку папиросы
И, радостные, уходили.

Возможно, такие строки на первый взгляд кажутся преувеличением, в конце концов, зачем матросам уничтожать музыкальный инструмент. Какой в этом смысл? Ведь вразумительного ответа на вопрос «как рояль может помешать “делу революции”?» быть не может. И в это можно было бы просто не поверить, если бы не свидетельство обратного. В своих воспоминаниях Матильда Кшесинская записала, как в спешке она покидала свой дом у Троицкого моста в Петербурге. Буквально на следующий день его заняла «какая-то банда» (Кшесинская 1992: 181). Очень скоро ей стало понятно, что дом и все, что находилось внутри, поглотит наступивший хаос: «Ещё в первые дни, когда я жила у брата, мой дворник позвонил ко мне, чтобы предупредить, что мой дом начали разграблять» (Кшесинская 1992: 182).

В первые дни Кшесинская просто не могла поверить, что ее дом на глазах у всего Петербурга ограбят и разрушат. Это было немыслимо. Она поехала в Таврический Дворец хлопотать об освобождении своего дома от захватчиков. На крайний случай она собиралась передать дом какому-нибудь посольству. Ничего из этой затеи, конечно, не вышло, однако ей все же удалось хотя бы попасть внутрь:

«Когда я вошла в свой дом, то меня сразу объял ужас, во что его успели превратить: чудная мраморная лестница, ведущая к вестибюлю и покрытая красным ковром, была завалена книгами, среди которых копошились какие-то женщины, <...> эти женщины накинулись на меня, что я хожу по их книгам. Меня ввели в нижний кабинет, и тот человек, который меня сопровождал из Таврического Дворца, любезно предложил мне сесть на то кресло, на котором я обыкновенно любила сидеть. <...> Мне предложили потом подняться в мою спальню, но это было просто ужасно, что я увидела: чудный ковер, специально мною заказанный в Париже, весь был залит чернилами, вся мебель была вынесена в нижний этаж, из чудного шкапа была вырвана с петлями дверь, все полки вынуты, и там стояли ружья, я поспешила выйти, слишком тяжело было смотреть на это варварство. В моей уборной ванна-бассейн была наполнена окурками...» (Кшесинская 1992: 186).

Если ванная Кшесинской была заполнена окурками, то что могло оставаться матросов от подобного отношения, например, к нашему Роялю? Как ни странно, но такие разрушения, вероятно, приносили им чувство удовлетворения. Оказавшись перед диковинной вещью, будучи полностью уверенными в своей власти и безнаказанности, должно быть просыпалась непреодолимая тяга к некому взаимодействию с этим предметом. Но какая форма действия в таком случае может быть выбрана, если в их головах отбивался заученный ритм: «Весь мир насилия мы разроем до основания, а затем Мы наш, Мы новый мир построим. Кто был ничем, тот станет

всем»³? Все препятствия были стерты, барьеры — сняты. Кстати, личный рояль Кшесинской, конечно же, тоже пострадал:

«Внизу, в зале, картина была не менее отвратительна: рояль Бехштейна⁴ красного дерева был почему-то втиснут в зимний сад, между двумя колоннами, которые, конечно, были сильно этим повреждены» (Кшесинская 1992: 186).

Впрочем, что говорить о рояле, ванной, книгах или мебели, когда, по воспоминаниям Кшесинской, во время визита в свой дом, за ней и ее сопровождающим по пятам следовали два матроса и постоянно о чем-то между собою переговаривались. Чуть позже ее спутник шепнул ей на ухо, чтобы она немедленно покинула дом и не задерживалась ни на секунду. Он случайно подслушал разговор матросов относительно хозяйки дома: «А мы думали, что она рослая, а она такая тщедушная, вот тут бы ее и прикончить...» (Кшесинская 1992: 186).

Такие же матросы, но уже в истории с нашим Роялем, позабавившись, несколько раз ударив штыками по клавишам и засунув внутрь папирсы, «радостные уходили». Впрочем, это не означало, что не находилось иных желающих «сыграть» на Рояле. Королевский инструмент словно притягивал к себе охотников его покорить:

В красивой краденой жакетке,
Большая баба приходила.
Как дятел на дубовой ветке,
Упорно «Яблочко» долбила.

К слову, упоминание краденой жакетки не просто образ, удачно вписывающийся в рифму стихотворения. Это вполне реальный эпизод, который также находит свое подтверждение. Как было уже упомянуто, кражи на удивление органично вписывались в общую картину новой, ставшей где-то обыденной жизни, основанной на уничтожении всего живого. Очень верно тогда это подметила Кшесинская, пробывшая некоторое время после начала революции в Петербурге: «Чем становилось спокойнее, тем мучительнее чувствовалось, что нет больше ничего своего, нет ни дома, ни вещей» (Кшесинская 1992: 191). В действительности, о случаях краж, благодаря многочисленным мемуарам, нам известно предостаточно. Речь тут даже не о каких-то крупных махинациях, а просто о банальном, ежедневном и повсеместном воровстве, но все-таки «краденая жакетка» — это уди-

³ В тексте приведен отрывок из «Интернационала» в переводе А. Я. Коца 1902 года (дополнен в 1931 году). В России он стал общепризнанным партийным гимном революционной социал-демократии, с начала 1918 года — гимном РСФСР, затем СССР.

⁴ С. Bechstein — всемирно известная марка немецких роялей и пианино. Фирму основал в Берлине в 1853 году Карл Бехштейн. Многие рояли этой марки, выпущенные до II мировой войны, обладают особым, так называемым оригинальным «звуком Бехштейна», подобно вкусу превосходного старого вина. В старой России (до 1917 года) в ходу было выражение «играть на бехштейнах», что значило «музыцировать на рояле с особым шиком». За инструментами этой марки творили Сергей Рахманинов, Александр Скрябин и Фёдор Шаляпин.

вительно точное попадание: «Проезжая как-то мимо своего дома, я увидела Коллонтай, разгуливающей в моем саду в моем горностаевом пальто. Как мне говорили, она воспользовалась и другими моими вещами...» (Кшесинская 1992: 191).

Что же, вероятно, мало что могло бы остановить бабу в украденном пальто «стучать» по клавишам Рояля разухабистую матросскую песенку-частушку. Кстати, есть одно интересное упоминание в записях Шапориной о том, что рояль был высшей наградой, которая присуждалась лучшему выпускнику консерватории. Весной 1918-го года такая награда досталась музыканту, уехавшему впоследствии за границу (см.: Шапорина 2017: 53). Едва ли тот музыкант мог вообразить, что на королевском фортепиано кто-либо осмелится «долбить» как дятел что-то вроде: «Эх, яблочко, да куда котишься? Ко мне в рот попадешь — да не воротишься!». Однако, можно с уверенностью сказать, что как раз дятел совершает куда более осмысленные движения, когда стучит клювом по дереву, в отличие от той упорной бабу. Он, во-первых, добывает себе пищу, а во-вторых, избавляет деревья от вредителей.

Дни сменяли друг друга, а вереница желающих прикоснуться к необычайному инструменту никак не иссякала. На пороге старинного петербургского дома наконец появился советский интеллигент:

С лицом фальшиво вдохновенным
Интеллигент играть пытался...

Надо признать, что на первый взгляд, фигура интеллигента как будто имела в себе потенциал. Вероятно, неплохо музыкально образованному и не лишенному интеллектуальной интуиции посетителю Рояль мог бы и открыться. Вроде бы, и умение, и стремление, и даже какое-никакое вдохновение интеллигент обычно демонстрирует. Тем не менее этого оказывается недостаточно. Поэт справедливо указывает на фальшивое вдохновение. И речь тут, конечно, идет не об отдельно взятом неудачливом интеллигенте, а об общем положении дел «властителей дум». Это дает повод задуматься о том, возможно ли вообще в показанном читателю вывернутом мире говорить о настоящем вдохновении или же о чистоте душевного порыва? К примеру, если верить Пушкину, то вдохновение, можно было бы сравнить с тем самым «чудным мгновением», которое есть встреча с прекрасным:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты⁵.

Несмотря на то, что в приведенном выше отрывке из стихотворения Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» акцентируется прежде всего

⁵ См.: (Пушкин 1950: 265).

встреча, окрашенная в тона романтически-любовные, все же то самое «чудное мгновение» может пониматься как муза, как вдохновение. В нашем случае это может означать, что игра на музыкальном инструменте также требует особой подготовки. Это, во-первых, мастерство, а во-вторых, надежда на вдохновение, т. е. «чудное мгновенье». Кроме того, такая подготовка не в последнюю очередь включает в себя готовность душевную. При всем этом, стоит добавить, что чудное мгновение и мимолетное видение можно ощутить только при условии пробуждении души. Однако, в таком случае важно понять: что делается в душе советского интеллигента, который приблизился к Роялю?

Согласно Георгию Федотову, основные признаки русской интеллигенции — это ее идейность и беспочвенность (см.: Федотов 2012: 27). С одной стороны, идейность интеллигента никак не могла противостоять большевизму, а тем более представлять какую-либо опасность. Интеллигент был слишком мягкотел и бездейственен для новой власти, над ним можно было лишь посмеиваться и презирать. Это, конечно, нельзя ставить в безусловный упрек интеллигенту. Приведем пример из *Дневника Шапориной*:

«Среди этих, так сказать, своих крестьян затесался один чужой, из дальней деревни. <...> Тут я первый раз в жизни увидела у человека оскал хищного зверя. Этот мужик почему-то тоже претендовал на нашу землю, и когда он говорил, верхняя губа, дрожа, морщилась кверху, обнажая клыки. Казалось, он сейчас зарычит, как собака, у которой отнимают кость» (Шапорина 2017: 47).

Надо полагать, довольно сложно оказаться смелым и деятельным в подобной ситуации. И дело тут не в том, что интеллигент трус, а в общей растерянности, а значит, беспомощности порядочного человека в непосредственном столкновении со злом. С другой же стороны, как отмечает Федотов, беспочвенность интеллигента понимается как отрыв: от быта, культуры, религии, социальных групп. В пределе этот отрыв способен переродиться в нигилизм, т. е. в срыв отчаяния и безверия (см.: Федотов 2012: 28). В целом, интеллигент в большевистской России занимал позицию, быть может, не самую благонадежную для властей, но все же во многом он был понятным и управляемым, т. е. где-то даже своим. Это значит, что, за исключением витавших в его уме идей, которые, впрочем, никак не могли быть воплощены (как, например, идея свободы), интеллигент как правило следовал заданным правилам действующей власти.

Игра на Рояле, в свою очередь, требовала присутствия чего-то отличного от соблюдения большевистских требований, а именно, свободы. В этом смысле, не так уж удивительно желание советского интеллигента приблизиться к высокой культуре, которая едва ли была возможна без той самой неуловимой свободы. Таким образом музыкальный инструмент для интеллигента становился чуть ли не единственным средством для воплощения переполнявших его идеи. Возможно, в такие моменты интеллигент

и выходил за пределы несвободы, по крайней мере, стремился, если не осуществить, то стать причастным попытке воплотить идею свободы. И все же, при всем желании уловить вдохновение и ухватить свою мечту, этот выход в потенциальную свободу не преодолевал отрыв от печальной данности жизни, а скорее подчеркивал невоплотимость затеи. В этом и была фальшь «вдохновенного лица» интеллигента, севшего за Рояль. В конечном итоге, наверное, не так уж легко признавать за собой фальшь, особенно для интеллигента, который действительно прилагал все возможные, но, очевидным образом, все же очень ограниченные, усилия для выхода к свободе. Таким образом, гораздо удобнее, да и безопаснее, было заключить, что Рояль расстроен:

С лицом фальшиво вдохновенным
Интеллигент играть пытался;
Расстроен был рояль, наверно,
Интеллигент тот быстро сдался.

Конечно, нельзя утверждать, что не нашлось ни одного музыканта, не преодолевшего ложь и не вышедшего из-за заданных властью рамок к иным горизонтам. Ярким примером этого стала знаменитая пианистка Мария Юдина, которая еще в самом начале своего творческого пути сформулирует для себя фундаментальный принцип, определивший ее дальнейшую жизнь: «Я знаю один лишь путь к Богу: через искусство... Я не утверждаю, что мой путь универсальный. Но чувствую, что мне доступен лишь этот; все Божественное, духовное впервые явилось мне через искусство, через одну ветвь его — музыку» (Юдина 2005: 25). Стоит добавить, что в этих словах пианистки не было ни тени самолюбования: «Я — звено в цепи искусства» (Юдина 2005: 25).

Путь к Богу, который открылся пианистке через искусство, естественным образом перекликался со свободой. Едва ли Юдина ошиблась бы и перепутала расстроенный музыкальный инструмент с «повреждением» души. Другое дело, что она никак не вписывалась в образ советского интеллигента. Известен эпизод из ее жизни, который свидетельствует о том, как ей удавалось прорываться в высокое и живительное пространство свободы. В 1944 году концерт Юдиной произвел впечатление на Сталина, и он пожелал иметь запись, которая была сделана для него буквально за одну ночь. Юдина получила солидный гонорар и позже в письме Сталину поблагодарила его за деньги, которые она отдала в Церковь, и, как истинная христианка, обещала молиться о прощении его грехов (см.: Дроздова 2016: 146). Сложно говорить об абсолютной достоверности этого эпизода, который, как вспоминала ученица Юдиной Мария Дроздова, имел характер скорее легенды и передавался что называется из уст в уста. Но если это и легенда, то составлена она вполне в духе Юдиной и на определенную реальность все же указывает. Впрочем, есть другое свидетельство, той же Дроздовой, которое может указывать на достоверность той известной

истории с письмом Сталину. Оно хотя и окрашено в серые тона беспросветного и нелегкого быта, но все же некую подчеркнуто принципиальную позицию Юдиной иллюстрирует. В начале 60-х годов близкие друзья решили подарить Юдиной холодильник, который она посчитала предметом чуждым, крайне неэстетичным, не гармонирующим с роялем, книгами и иконами. Подарок был отправлен назад (см.: Дроздова 2016: 133). Впрочем, для того времени даже среди представителей мира культуры и искусства, который по преимуществу должен осуществляться в пространстве свободы, Мария Юдина была исключением.

Что же, несмотря на очередь из фигур и теней нового мира, внешне напоминающих людей и пытающихся добить Рояля, он Божией милостью сохранился. И не просто сохранился. Он может говорить. Впрочем, что ему оставалось, если люди исчезли, и жизнь прервалась. Поэт задается вопросом: где в таком случае сохранилась жизнь? И дает свой ответ — в вещах. Значит, они могут говорить своими голосами, голосами вещей. В каком-то смысле, нас нет, а вещь, хоть и со следами надругательства, все еще остаётся. Автор стихотворения говорит нам, что по внешним признакам, скажем, биологическим, человек никуда не делся, но связь с Богом и опытом христианства утратил, т.е. расчеловечился. Он перестал быть человеком в том смысле и по тому образу, который для него задумал Бог. Как раз с такими безобразными представителями человека расчеловеченного приходилось встречаться Роялю: матросы со штыками, бабы в украденных жакетках, интеллигенты с фальшивым вдохновением, не говоря уже об остальных оскалах и перекошенных лицах, готовых наброситься и растерзать, к примеру, Кшесинскую и Шапорину. В этом смысле, конечно, сложно не согласиться в том, что люди перестали существовать.

Так или иначе, голос Рояля был услышан поэтом. Формально голосом рояля, как и каждого музыкального инструмента, конечно же, является звук, звук извлекаемой из него музыки. Очевидно, сам по себе рояль звучать не может, для этого ему нужен человек. В данном случае это можно было бы сравнить с Богом и творением человека. Бог творит человека, и человек только тогда остается человеком, когда исполняет свое предназначение в неразрывной связи со своим Творцом. Подобное происходит и с музыкальным инструментом. Рояль звучит только в руках мастера. Звучание предполагает совместное действие инструмента и музыканта. Только в этом со-действии мы можем услышать оживший музыкальный голос. Однако поэт слышал не музыку, а нечто совершенно иное. Это был голос инструмента без музыканта. Утраченная возможность воспроизводить заданные мастером звуки каким-то особым образом уступила возможности изъяслять голос иначе. Именно такой голос слышит и транслирует, словно переводчик с неведомого языка, своему читателю поэт.

Рояль не приемлет лжи и фальши. Возможно, в одном интеллигент не ошибся — Рояль действительно расстроен. Но не каждый сможет его починить, потому как он требует особого обхождения. К слову, сохранился

довольно интересный документ, касающийся рояля, который брала на прокат Юдина. И вот такое оповещение она получила от прокатной конторы: «Тов. Юдина М. В., вторично ставим в известность, что срок Вашего договора на прокат рояля истек 14.VI.68 г. Согласно пункта II договора ин-т подлежит вывозу» (Юдина 2013: 263). Деньги для прокатчиков вскоре собрали знакомые, и долг был оплачен. Рояль еще какое-то, но не слишком продолжительное, время служил пианистке. Немного спустя Юдина простудилась, началось воспаление легких, и она попала в больницу. Очень скоро ее не стало. Через несколько дней после похорон пианистки рояль увезли: «Из окна квартиры на высоком первом этаже, <...> кран медленно вытянул старый, черный, расстроенный рояль фирмы Bechstein» (Дроздова 2016: 240). Музыкальный инструмент не может существовать без музыканта. Как увезли расстроенный рояль Юдиной, так и наш Рояль из стихотворения Иванова долго стоял без надобности в одном из старинных домов Петербурга. Впрочем, возможно, еще есть надежда, и расстроенный Рояль просто терпеливо ждет своего мастера.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова Анна. «Как белый камень в глубине колодца...». Ахматова Анна. *Малое собрание сочинений*. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2016: 105.
- Дроздова Мария. *Мария Юдина: Религиозная судьба*. Москва: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016.
- Иванов Олег. *Голоса вещей*. Санкт-Петербург: ИД Петрополис, 2021.
- Кшесинская Матильда. *Воспоминания*. Москва: Артист. Режиссер. Театр, 1992.
- Пушкин Александр. «Я помню чудное мгновенье...». Пушкин Александр. *Полное собрание сочинений в десяти томах*. Т. II. Стихотворения 1820–1826. Москва: Академия наук, 1950: 265.
- Толстой Лев. *Война и мир*. Москва: Художественная литература, 1940.
- Федотов Георгий. «Трагедия интеллигенции». Федотов Георгий. *Собрание сочинений в 12 т*. Т. 4: Статьи 30-х годов. Москва: Sam&Sam, 2012: 23–63.
- Шапорина Любовь. *Дневник*. Том 1. Москва: НЛЮ, 2017.
- Юдина Мария. «Невельский дневник. 1916–1918». *Вы спасетесь через музыку*. Сост. А. М. Кузнецов. Москва: Классика-XXI, 2005: 8–72.
- Юдина Мария. «202. Ателье проката пианино и роялей — М. В. Юдиной. 15 июня». *Перед лицом вечности: переписка 1967–1970 гг.* Сост., подгот. текста, примеч. А. М. Кузнецов, вступ. ст. М. А. Дроздова. Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2013: 263.

REFERENCES

- Ahmatova Anna. «Kak belyj kamen' v glubine kolodca...». Ahmatova Anna. *Maloe sobranie sochinenij*. Sankt-Peterburg: Azbuka-Attikus, 2016: 105.
- Drozdova Mariya. *Mariya Yudina: Religioznaya sud'ba*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarhii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2016.
- Fedotov Georgij. «Tragediya intelligencii». Fedotov Georgij. *Sobranie sochinenij v 12 t*. T. 4: Stat'i 30-h godov. Moskva: Sam&Sam, 2012: 23–63.
- Ivanov Oleg. *Golosa veshchej*. Sankt-Peterburg: ID Petropolis, 2021.
- Kshesinskaya Matil'da. *Vospominaniya*. Moskva: Artist. Rezhisser. Teatr, 1992.

- Pushkin Aleksandr. «Ya pomnyu chudnoe mgnoven'e...». Pushkin Aleksandr. *Polnoe sobranie sochinenij v desyati tomah*. T. II. Stihotvoreniya 1820–1826. Moskva: Akademiya nauk, 1950: 265.
- Shaporina Lyubov'. *Dnevnik*. Tom 1. Moskva: NLO, 2017.
- Tolstoj Lev. *Vojna i mir*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1940.
- Yudina Mariya. «Nevel'skij dnevnik. 1916–1918». *Vy spasetes' cherez muzyku*. Sost. A. M. Kuznetsov. Moskva: Klassika-XXI, 2005: 8–72.
- Yudina Mariya. «202. Atel'e prokata pianino i royalej — M. V. Yudinoj. 15 iyunya». *Pered licom vechnosti: perepiska 1967–1970 gg.* Sost., podgot. teksta, primech. A. M. Kuznetsov, vstup. st. M. A. Drozdova. Moskva, Sankt-Peterburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013: 263.

Јулија Кузњецова

ГЛАС КЛАВИРА: ПЕСМА „КЛАВИР“ ИЗ ЗБИРКЕ ОЛЕГА ИВАНОВА *ГЛАСОВИ СТВАРИ*

Резиме

Овај чланак представља покушај да се ближе сагледа песма „Клавир“ петербуршког песника и филозофа Олега Иванова, објављена 2021. године у збирци *Гласови ствари*. Иванов верује да ништа на свету није безначајно, већ да, напротив, све има своју вредност. Чак и ствари имају свој глас. Такав глас он је „чуо“ од старог клавира. Главни циљ овог чланка је да се доследно испитају стихови песме како би се открила њена значења, укључујући и она скривена. Посебно место у песми заузимају одломци посвећени хришћанској симболици. Иако нису увек очигледни читаоцу, они ипак проналазе своје отелотворење у нашем свакодневном животу.

Кључне речи: Олег Иванов, Марија Јудина, гласови ствари, клавир, интелигенција.

ДВЕ МОНОГРАФИЈЕ ИЗ ГРАМАТИЧКЕ СЕМАНТИКЕ СРПСКОГ ЈЕЗИКА

Ивана Антонић, *Огледи из синтаксе и семантике падежа 1, 2*.
Нови Сад — Сремски Карловци: Издавачка књижарница Зорана Стојановића,
2023, 534 стр. (Библиотека Елементи; 140);

Огледи из синтаксе и семантике реченице, Сремски Карловци — Нови Сад:
Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2025, 393 стр.
(Библиотека Елементи; 144)

Ивана Антонић, редовни професор Филозофског факултета у Новом Саду, добро позната у домаћим и међународним славистичким круговима као врсна граматичар и темељит истраживач у области српске морфосинтаксе и синтаксе, обрадовала је српске и стране слависте својим најновијим монографијама из области граматичке семантике српског језика, које су једна за другом, у року од две године, изашле из штампе у Библиотеци Елементи Издавачке књижарнице Зорана Стојановића. Обе монографије су настале као плод дугогодишњих истраживања ауторке у области проучавања категорије падежа и синтаксе реченице, чији су резултати као посебни радови објављивани у домаћој и страниј научној периодици, а за ову прилику допуњени новим важним запажањима. Поједина поглавља пак први пут су предочена пажњи научне јавности.

Обе монографије се могу посматрати као функционално-семантички опис синтаксе српског језика на синтагматском и реченичном поднивоу његове синтаксичко-семантичке структуре. Оба описа кореспондирају и узајамно се допуњују, а препознатљив ауторски печат чини их јединственим врхунским научним остварењем. Српска лингвистика и лингвистичка славистика оваквим описом добија комплетну структуралистичку визуру синтаксе српског језика, употпуњену луцидним запажањима и открићима Иване Антонић.

Монографија *Огледи из синтаксе и семантике падежа* (534 стр.), подељена у две књиге, садржи седам поглавља, која представљају јединствен целовит опис функционално-семантичког поља падежа у српском језику, дакле посвећена су тематици којом се ауторка посвећено и веома успешно бави, како сама наводи у Уводној белешци, последњих двадесетак година. Препознатљиве теоријско-методолошке основе приступа синтакси и семантици падежног система представљају својеврсни лични печат ауторке, откад га је први пут применила у поглављу „Синтакса падежа“, у колективној монографији *Прилози граматици српског језика: Синтакса савременог српског језика — његова реченица*, чији је извршни редактор био академик Предраг Пипер, а која је настала под генералним уредништвом академика Милке Ивић (2005).

У монографији *Огледи из синтаксе и семантике падежа* поменути опис падежног система се продубљује и допуњава минуциозним запажањима о најразличитијим функцијама које сваки од падежа реализује у одређеним контекстима. Посебну пажњу привлаче описи номинатива и датива који употпуњују досадашња истраживања падежног система у српској лингвистици, с обзиром да нису раније обрађени у монографским студијама.

Детално су такође обрађени генитив, посебно генитив с предлогом УСРЕД, акузатив, инструментал и локатив у темпоралном семантичком пољу — субпољу релативне темпоралне детерминације, којим се Ивана Антонић такође систематично бави дуги низ година. Ови падежи су нашли свој опис из угла временске реченице у истоименој монографији ауторке — обавезној и незаобилазној литератури за свако следеће истраживање темпоралних односа у српској синтакси.

Пре него што се осврнемо на сам садржај монографије, вредан помена јесте њен уводни део, у којем нас ауторка обавештава о мотивима за настанак књиге као и о њеној концепцији, али је посебно значајан онај његов део који објашњава како је настала техника представљања и описивања функционално-семантичке мреже појединачних падежа, унутаркласификацијско устројство и хијерархизацију семантичких типова и синтаксичких модела, јер се управо у њеним границама ауторка креће у оквиру ове монографије.

Наведеној проблематици је посвећено прво поглавље монографије О ТЕОРИСКО-МЕТОДОЛОШКОМ ПРИСТУПУ ПАДЕЖНОМ СИСТЕМУ, које отвара оглед „Синтакса и семантика падежа: основно образложење теоријско-методолошког приступа“. Овај оглед је настао као својеврстан приказ основне концепције приступа синтакси и семантици падежног система српског језика.

У другом поглављу — СИНТАКСА И СЕМАНТИКА НОМИНАТИВА, ауторка разматра семантичке, а у релевантним случајевима и прагматичко-семантичке особености номинатива у стандардном српском језику. При томе издваја три основна типа номинатива: апелативни, као основни облик именичке речи ван синтаксичке функције у својству ономасиватива, класификатива, прономинатива, квалификатива, нумератива; те субјекатски и предикатски номинатив, који врше синтаксичко-семантичке функције у реченици. Издвајају се модели једнопредикатских структура с једним номинативом и модели тзв. везаних структура с два номинатива, површински формализовани као једнопредикатске, а базично као двопредикатске структуре, а у једном случају и комплексне структуре с три предиката. Уочавају се и основне семантичке вредности номинатива у тим синтаксичким функцијама: код субјекатског номинатива — агенс, коагенс, псеудоагенс, објекат, а код предикатског номинатива — класификатор, квалификатор, идентификатор, екватив, симилатив у структурама с копулом и семикопулативним глаголом у идиоматизованим структурама.

Треће поглавље — ГЕНИТИВ, садржи следеће текстове: „Субјекатски генитив“, „Спацијални генитив: спацијална идентификација локационог типа“, „Спацијални генитив: спацијална идентификација оријентационог типа“, „Темпорални генитив“ и „Темпорални генитив с предлогом УСРЕД“. У прегледу синтаксичко-семантичких структура са тзв. субјекатским генитивом, описују се и на одређени начин сучељавају сви синтаксичко-семантички модели с овим типом генитива и образлажу нужни синтаксичко-семантички услови који утичу на његову појаву, уз коментар неопходних прагматичких услова тамо где је то релевантно. Показано је да се субјекатски генитив, као експонент граматичког субјекта базичне предикације или предикације редуковане релативне клаузе, или денотатор семантичког субјекта, у оба случаја са значењем агенса — директног вршиоца радње или посредника, али и псеудоагенса — нпр. носиоца особине, стања или осећања, егзистента, каузатора, посесора, диспонента, и др., остварује подједнако у номиналним и вербалним структурама, а у посебном случају и у околиналној варијанти реченице уз један тип модалних партикула са специфичним прагматичким ефектом.

У следећа два текста ауторка се бави спацијалним генитивом, при томе се разграничавају спацијална идентификација локационог и оријентационог типа. Уколико се прва јавља уз предлоге УСРЕД, НАСРЕД, ПОСРЕД, у СРЕДИНИ, у ЦЕНТРУ, УНУТАР, у ОКВИРУ, НАКРАЈ, УКРАЈ, НАДНУ, УДНУ, НАВРХ, УВРХ, НА ПОЧЕТКУ, НА КРАЈУ, НА ИВИЦИ, НА ОБОДУ, НА ПЕРИФЕРИЈИ, КОД, ШИРОМ, за другу, по мишљењу Иване Антонић, типично је појављивање у конструкцијама са предлозима МИМО₁, МИМО₂, ДО, КОД, ПОРЕД, КРАЈ, ОКО... / ПОКРАЈ, ИЗМЕЂУ, ИСПРЕД, ИЗНАД...), као и прилозима (нпр. ВАН, БЛИЗУ, ПОЗАДИ, ВИШЕ, НИЖЕ...), предлошко-падежним (нпр. у БЛИЗИНИ, НАДОМАК, ПРЕКОПУТА...) и прилошко-предлошким (нпр. НЕГДЕ ОКО, НЕДАЛЕКО ОД, ЛЕВО ОД..., ИСТОЧНО ОД...) структурама у функцији предлога, као и фразним генитивним структурама с ЈЕДНЕ И С ДРУГЕ СТРАНЕ, С ЛЕВЕ И ДЕСНЕ СТРАНЕ, С ЈЕДНЕ/ДРУГЕ СТРАНЕ, С ЛЕВЕ/ДЕСНЕ СТРАНЕ, МЕЂУ којима, како примећује ауторка, „готово да нема потпуних синонима“.

Темпорални генитив чини проблемско језгро следећа два огледа. У првом од њих се представљају семантички типови темпоралног генитива: с обзиром на темпоралну идентификацију: локационог и оријентационог типа — симултаност и сукцесивност; темпоралну квантификацију: темпоралну квантификацију у ужем смислу — дужину трајања, темпоралну фреквенцију и брзину; темпоралну континуираност и одговарајуће синтаксичке моделе с освртом, тамо где је то неопходно, на њихове прагматичке особености.

Синтаксичко-семантичке и прагматичке особености генитива с предлогом УСРЕД у функцији темпоралног детерминатора реченичне предикације описане су у последњем огледу из трећег поглавља. Као релевантни елементи синтаксичко-семантичког контекста узимају се у обзир природа и глаголски аспект реченичне предикације, семантика предлога и семантика именице у генитиву, па у вези с тим и могући инвентар именица у оваквој функцији, а уочава се и релевантност прагматичких услова какви су природа односа у који се на овај начин доводе две појаве (реченична предикација и тип темпоралног локализатора), као и говорников став према томе.

Следећа два поглавља — Датив и Акузатив представљају значајан допринос опису функционално-семантичког поља падежа у српском језику. У раду „Синтакса и семантика датива“ је дат преглед синтаксичко-семантичких, а у релевантним случајевима и прагматичко-семантичких особености датива у савременом стандардном српском језику. Ауторка настоји „да се знане, али и неке новоуочене особености датива систематично, обухватно, прегледно, а истовремено без оптерећења опширном дескрипцијом монографског типа системски ирелевантних детаља“ ваљано представе, што јој свакако полази за руком, те смо из њеног пера добили модел према којем би се датив могао монографски обрадити у једној од будућих докторских дисертација. Тиме ова монографија добија посебну тежину јер указује на нове проблемске задатке које тек предстоји решити у србистици.

У раду „Један реченични модел с предлошким акузативом као пролептичким субјектом“ ауторка представља један двопредикатски реченични модел с акузативом са предлогом ЗА као пролептичким субјектом и пропозиционим објектом у форми комплементне клаузе с везником ДА уз сентенцијално-транзитивни глагол у основној реченици (нпр.: Знамо *за њега* да је кукавица [→ Знамо *да је он кукавица*]). Ова реченична структура се анализира на синтаксичком и синтаксичко-семантичком, а потом и на семантичком и прагматичком нивоу. Доследно је показано да акузатив уз предлог за уз сентенцијално-транзитивни глагол не представља објекат већ заправо најављује (*пролејса* значи антиципација или најављивање) појаву субјекта унутрашње клаузе. Глаголи који се појављују као носиоци овакве структуре разматрају се с обзиром на обележје фактивности, а сложена пропозиција и с обзиром на позитивну / негативну карактеризацију референта, аниматног: људског (или апстрактног) предлошког акузатива пролептичког субјекта.

Поглавље посвећено акузативу садржи радове „О једном синтаксичко-семантичком моделу с два објекта у акузативу“ и „Темпорални акузатив“. У првом од њих се анализирају синтаксичко-семантичке особености једног једнопредикатског реченичног модела са формално два објекта у акузативу: првим у слободном акузативу и другим у акузативу с предлогом ЗА, чија је базична синтаксичко-семантичка структура двопредикатска (Бирали су *колегу за шефа* [→ Бирали су *колегу да колега буде њихов шеф* → Бирали су *да колега буде њихов шеф*]). Разматрају се граматичко-семантичке класе глагола који се могу појавити у таквом моделу, као и граматичко-семантичке одлике њихових аргумената, те могући синтаксички статус два десна аргумента, како у оствареној тако и у одговарајућој базичној структури.

Студија о темпоралном акузативу нуди преглед синтаксичко-семантичких структура којима се исказује релативна темпорална детерминација реченичне предикације номиналном формом у акузативу у стандардном српском језику. Утврђују се семантички типови (темпорална идентификација, темпорална квантификација, темпорална фреквенција, брзина) и одговарајући синтаксички модели с етапним циљем да се прецизирају минимални синтаксичко-семантички услови нужни за реализацију сваког појединачног семантичког типа. При том се, поред структурног лика у којем се остварује акузатив у сваком појединачном моделу, граматичко-семантичких карактеристика именичке лексеме у акузативу

и семантике реченичне предикације, по правилу пунозначне глаголске лексеме, разматра и релевантност аспекатске ситуације реченичне предикације, као и временске сфере у коју се она смешта. Анализа која се излаже у раду, како наводи ауторка, представља само мањи сегмент једног шире постављеног интегралног синтаксичко-семантичког теоријско-методолошког и аналитичког приступа појединачним формалним системима, у овом случају, за исказивање релативне темпоралне детерминације, у стандардном српском језику, а с крајњим циљем да се сагледају све релевантне одлике семантичког поља темпоралности и, сагласно томе, типови когнитивне концептуализације времена савремених говорних представника тога језика, првенствено на нивоу граматичких — синтаксичко-семантичких образаца.

Поглавље Инструментал је представљено истраживањем о темпоралним функцијама овог падежа, где се нуди преглед синтаксичко-семантичких структура којима се исказује релативна темпорална детерминација реченичне предикације номиналном формом — не-девербативном и девербативном — у инструменталу у стандардном српском језику. Представљају се семантички типови (темпорална идентификација, темпорална квантификација и темпорална фреквенција) и одговарајући синтаксички модели са освртом, тамо где је то релевантно, на њихове прагматичке особености. Детаљније се обраћа пажња на кореспонденцију инструменталне форме и одговарајуће сентенцијалне форме унутар два семантичка микропоља, с обзиром на чињеницу да се ради о значењима која се исказују само сентенцијалном формом, а међу номиналним формама инструментал је у том погледу једини изузетак.

Поглавље Локатив садржи радове „О једном семантикосинтаксичком моделу с локативом“ и „Темпорални локатив“. Предмет првог од ова два рада је један синтаксичко-семантички модел, чији је дистинктивни елемент локатив с предлогом У и релевантним обележјем аниматност = живо (+): људско биће. Овај модел се остварује у три различите варијанте — с интранзитивним или транзитивним глаголом одређене семантичке класе и у колокацијској вези с именицом / заменицом одређене семантичке класе. Одговарајућим аналитичким поступком, све три варијанте овога модела осветљавају се из синтаксичко-семантичке и прагматичке перспективе.

Истраживање „Темпорални локатив“ се први пут излаже у овом облику у монографији. У раду се обрађује синтакса и семантика локатива у темпоралном семантичком пољу, тј. особености синтаксичких модела с локативом, како примарне именице из класе временских појмова тако и секундарне именице — девербативне, као темпоралним детерминатором. Утврђују се нужни граматичко-семантички параметри релевантни за конституисање минималних синтаксичко-семантичких структура с темпоралним локативом, инвентар и хијерархија значењских обележја у семантичким кластерима појединачних семантичких типова у субпољу релативне темпоралне детерминације. Ауторка показује да се локативом може исказати темпорална идентификација и темпорална квантификација у ширем смислу, с тим да је локатив неупоредиво шире заступљен у субпољу темпоралне идентификације него темпоралне квантификације, будући да се нпр. локативом не може исказати ниједан семантички тип унутар субпоља темпоралне квантификације у ужем смислу (лонгитудиналност, ингресивност, терминативност).

Другу монографију Иване Антонић, *Огледи из синтаксе и семантике реченице* (393 стр.), чине њени радови објављени у најзначајнијим за струку лингвистичким часописима и тематским зборницима, стога окупљање тих чланака на једном месту не само доприноси обухватању ширине и дубине синтаксичког описа ове ауторке, већ и олакшава приступ истим истраживањима потенцијалним корисницима, којих ће бити, сасвим сигурно, много — и у овом тренутку и у времену које долази.

Монографија садржи седамнаест огледа подељених у четири поглавља. Два прва поглавља представљају јединствени опис сложене двопредикатске субординиране реченице с посебним акцентом на темпоралним односима, али и оним који гравитирају потоњим, како према својим формалним тако и према семантичким показатељима. Треће поглавље је представљено једним значајним освртом на нормативне аспекте српске синтаксе, док су у четвртм сакупљени веома вредни прегледни радови који пружају увид у најактуелнија проучавања морфосинтаксе и синтаксе, лексичке и граматичке семантике српског и дру-

гих словенских језика. Ауторка даје ширу перспективу тих проучавања не губећи притом из вида детаље који чине таква лингвистичка истраживања посебно значајним.

Тематика два прва поглавља ове монографије надовезује се на проблемско подручје тако значајних научних остварења ауторке као што су њене монографије *Временска реченица* (2001), *Временски односи у језику Андрићеве нарације* (2022), као и обимно поглавље „Реченице с временском клаузом“ у колективној монографији *Синџакса сложене реченице у савременом српском језику* (2018, ур. акад. Предраг Пипер).

Темпорални односи у монографији *Оглед из синџаксе и семантике реченице* посматрају се претежно на корпусу савременог стандардног српског језика, али се у појединим огледима прави екскурс у језик 19. века, те монографија добија и једну дијахронијску димензију, која лепо употпуњује истраживање пружајући комплексну перспективу појавама у фокусу описа.

Већ у првом поглављу — О неким питањима синтаксе и семантике реченице с екстензивном и кондензованом темпоралном клаузом, ауторка у два одељка обрађује реченице с развијеном темпоралном клаузом у дијахроној перспективи црпећи примере из писане језичке грађе од друге половине 19. века и до данас. Притом се у првом од два поменута огледа — „Систем темпоралних везника у стандардном српском језику“, у центру пажње налази систем везника као најексплицитнијих формалних показатеља временске реченице, што ауторку наводи на теоријско размишљање о природи везника и критеријума за одређивање те веома разлиствене класе граматичких речи. У другом огледу — „Неке промене у систему сенценцијалних форми за исказивање времена у стандардном српском језику“, Ивана Антонић прати промене у семантици временских реченица с истим везницима од почетка процеса стандардизације савременог српског језика и до данас.

Питањима аспектуалне конгруенције предикације која се састоји од две глаголске лексеме, односно тзв. сложеног глаголског предиката с фазним и модалним глаголом у његовом саставу, Ивана Антонић се бави у огледу „Аспекатска вредност предикације с фазним/модалним глаголом на примеру реченице с темпоралном клаузом“. Ауторка такође наглашава да би ваљало проверавати и у другим синтаксичко-семантичким структурама аспектуалне корелације семикопулативне и пунозначне глаголске лексеме, што подстиче на даља истраживања ове проблематике.

Најопсежнији одељак у другом поглављу представља оглед „Синтаксичко-семантичка формализација релативног времена у језику Меше Селимовића“. Овај рад је посвећен испитивању временске реченице с екстензивном зависном клаузом у стваралачком опусу Меше Селимовића. У њему се посматрају синтаксичко-семантички параметри сваког од појединачних типова временске реченице у нарацији Меше Селимовића, те се потоњи пореде с запажањима до којих је ауторка дошла у својим ранијим истраживањима исте проблематике.

У огледу „Неке модификације временског односа у реченици с темпоралном клаузом“ ауторка издваја различите типове модификоване темпоралности, као што су ексептивне, ситуационе, ексептивно-ситуационе, ситуационо-концесивне, ситуационо-условне, супститутивне и консекутивно-адверзативне реченичне структуре. Овај оглед представља минуциозно истраживање с дубоким продирањем у семантичке односе, које води уочавању хибридних типова реченица и практично води закључку о разливености семантичких оквира синтаксичких структура, односно издвајању прототипичних сложених реченичних структура с временском клаузом и оних који теже исказивању других синтаксичко-семантичких односа формирајући периферију неколико типова реченица истовремено.

Пажњи Иване Антонић не измичу ни периферне темпоралне структуре с кондензованом предикацијом с лексичким формантом као, које разматра у огледу „Један вид кондензовања временске клаузе у српском језику“. Тиме ауторка прелази на питање спољних трансформација временске клаузе и исказивања таксисних односа који се могу формализовати на различит начин у оквиру једне сенценцијалне парадигме, обједињене око синтаксичке структуре са две предикације, од којих једна темпорално одређује другу.

Друго поглавље — О још неким посебним питањима синтаксе и семантике двопредикатских реченица садржи три огледа у којима Ивана Антонић, полазећи од грађе српског

језика, издваја нове типове синтаксичких структура за које предлаже одговарајуће називе. Тако у огледу „Један тип клаузе с везником када“ пажња се скреће на нарочити синтаксичко-стилски поступак у конституисању сложене реченице, који раније није разматран у домаћој лингвистичкој литератури, а за који Ивана Антонић уводи термин кооптација, под којим се подразумева прикључивање клаузе, кад је клауза анафорски повезана са прилошким или номинално-падежним темпоралним детерминатором главне реченице, који је истовремено и временска одредба саме клаузе. Ауторка запажа да се у таквим реченицама само синтаксички остварује двопрдикатска структура са синтаксичко-семантичким односом субординације, а заправо је у питању однос две пропозиције на међуреченичном нивоу које су повезане идентичним временским детерминатором, тј. смештене у исти одсек времена, па везник када кореспондира са заменичким прилогом анафорског типа тада.

О томе да клауза с везником када наступа у функцији пропозиционализованог субјекта у једном типу имперсоналних реченица с копулом и семантичким делом који је исказан именицом у номинативу или прилогом сазнајемо из огледа „О још једном типу клауза с везником када“.

У веома занимљивом огледу „Клаузе с нултим везником или о појави нултог синдетизма“ Ивана Антонић с разлогом инсистира на разликовању асиндетских реченица и оних с нултим везником, јер у потоњим употреба везника је онемогућена услед одређених лексичко-семантичких и синтаксичко-семантичких параметара присутних у структури реченице, на које ауторка скреће пажњу. Тиме основно структуралистичко правило о начину исказивања граматичког значења путем нулте грамеме добија још једном своје потврђивање у истраживању Иване Антонић, притом на синтаксичком нивоу језичког система.

Треће поглавље, које је насловљено О једној важној појави у синтакси и семантици реченице у међуреченичном контексту, садржи само један оглед — „Заборављена енклитика ју“. У њему ауторка скреће пажњу на чињеницу да је изостављање заменичке енклитике ју, нажалост, честа појава у савременом српском језику, што указује на мањкавост стила, док њено изостављање у позицији поред глаголске енклитике је представља огрешење о синтаксичку и стилску норму савременог стандардног српског језика.

Завршно поглавље — О погледима других на питања синтаксе и семантике реченице садржи шест текстова који су настали као рефлексије над актуелним лингвистичким темама, осветљеним у појединим монографијама Милке Ивић, Иве Прањковића, Сњежане Кордић, Срете Танасића и Предрага Новакова. Ивана Антонић се суверено креће у различитим областима граматике и лексичке семантике, размишљајући о граници између морфосинтаксе и синтаксе, лексичке и граматичке семантике, синтагматске и реченичне синтаксе, наводећи читаоца да поново прочита монографије о којима пише како би открио „важност споредног“ у истраживаним појавама, оног што је остало у наговештају као подстицај за размишљање и даља истраживања.

Темељан рад Иване Антонић на проучавању синтаксичких структура за исказивање темпоралних и других сличних односа је тематски веома актуелан и релевантан. Ауторка излаже своје идеје прегледно и јасно ослањајући се на богату грађу коју црпи из поузданих извора. Прибегавање анализи темпоралних реченичних структура у нарацији појединих књижевника служи као студија случаја која потврђује теоријска запажања до којих је ауторка дошла током свог вишедценијског бављења овом проблематиком.

Теоријски допринос монографије *Огледи из синтаксе и семантике реченице* видимо не само у новом приступу типологији сложених структура с формалним и семантичким показатељима темпоралне детерминације, већ првенствено у издвајању нових типова темпоралних клауза, уочавању нулте асиденције, кондензованих темпоралних структура које се корелишу с развијеним темпоралним клаузама и сличним открићима због којих ова монографија спада у незаобилазну литературу за сваког ко намерава да се бави истраживањем синтаксе српског али и других словенских језика.

Сви добијени резултати, укључујући и сав илустративни материјал и изведене закључке, могу се користити како у даљим теоријским истраживањима у овој области, тако и у савременој настави српског језика.

Појавом ових изузетних монографија, у којима Ивана Антонић умесно користи опробане у својим ранијим истраживањима лингвистичке методе испитивања у области синтаксе и семантике реченице, направљен је важан искорак у домаћој лингвистици јер је у њима заокружено једно комплексно проучавање падежних функција као збира посебних семантичких подсистема који чине један разуђен систем и темпоралних односа у сложеним синтаксичким структурама. Потоњи су описани како из аспекта њихове синхронијске разуђености, где ауторка доследно издваја прототипичне структуре и оне које теже исказивању контаминираних синтаксичко-семантичких односа, тако и из дијахронијске перспективе, и то од почетка формирања савременог српског стандарда у 19. веку и до времена објављивања монографије.

Сумирајући све што је претходно речено, можемо констатовати да су монографије Иване Антонић — као целовито заокружено истраживање које нуди низ оригиналних решења лингвистичких проблема и конкретне одговоре на нека ужа питања која се постављају у савременој теорији падежа и синтакси, а која су од суштинског значаја за развој проучавања граматике српског језика, посебно њеног функционално-семантичког аспекта, представља драгоцен допринос науци о језику. Неоспорно је да су ове књиге — пре свега због свог високог научног нивоа и огромног истраживачког и аналитичког материјала, као и због низа још увек мало проучених, али изузетно важних питања — представљају несумњив значај за српску лингвистику. Ауторка се бави истраживањима каквим се у оквиру датог предмета нико пре ње није бавио ни с толиком ширином захвата ни с толиком дубином изучавања појава о којима је реч.

С обзиром на све речено, свесрдно и с посебним задовољством препоручујемо најновије монографије Иване Антонић свима кога занима проблематика граматичке семантике и функционално-семантичка перспектива анализе словенских језика.

Људмила Појовић
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
ljudmila.popovic@fil.bg.ac.rs

UDC 821.162.4.09 Harpaň M.(082)(049.32)

Medzi imagináciou a exaktnosťou, zborník na počesť Michala Harpaňa — Između imaginacije i egzaktnosti, zbornik u čast Mihala Harpanja / editorka Marína Šimáková Speváková. Novi Sad, Filozofski fakultet, 2025. 329 str.

Научни зборник *Између имагинације и еџакџносџи*, за који је иницијатива потекла са Одсека за словакистику Филозофског факултета Универзитета у Новом Саду, представља свеобухватан скуп текстова насталих у част професора Михала Харпања. Кроз радове сагледано је његово деловање у више области: педагошкој, научној и преводилачкој. Посебно је истакнут мултидисциплинарни приступ његовог научног рада са освртима на билатералност и трансгенерацијски допринос у области проучавања словачке књижевности. Зборник је двојезичан, али је већина радова на словачком језику, са изузетком рада Ане Марић, која пише о антологији *Црна боја радосџи* и рада Александре Корде Петровић који се бави антологијама чешке књижевности, а који су написани на српском језику, док су двојезичне „Белешка приређивача“ Марине Шимакове Спевачове и „Селективна библиографија“ коју је саставила Наташа Белић.

Први део зборника под називом „Селективна библиографија Михала Харпања“ састављача Наташе Белић представља систематичан преглед најважнијих радова и публикација које је Харпањ објавио током своје богате научне и педагошке каријере из области теорије књижевности, књижевне критике, поезије, преводилаштва и педагогије, пружајући преглед разноврсних тема којима се бавио. У библиографији су заступљени радови у до-

маћим и међународним часописима, зборницима, као и монографска издања. Посебно место заузимају радови који се баве проучавањем мањинске словачке књижевности, што сведочи о Харпањовој посвећености очувању културног идентитета и традиције у мулти-културном простору Војводине. Библиографија приказује динамичност и развој научног израза од ране фазе есејистичког приступа до потоње интеграције теоретских и практичних увида а такође представља и показатељ ширег развоја словачке књижевне теорије и културе у којој је Харпањ био један од водећих интелектуалаца.

Рад Петра Зајаца „Вечно је зелена... Седа теорија књижевности“ представља рефлексију о теорији књижевности кроз метафору зелене боје и алудира на новелу Павела Виликовског, који је био близак пријатељ Михала Харпања. Аутор у раду метафоричким језиком пропитује традицију и новине у теорији књижевности. Наслов указује на вечност промена и динамичност у коришћењу теоријских модела, као и на њихову трајност и непролазност. Фокусира се на контраст између зеленог као означитеља живота, раста, плодности и свежине и сиве боје која симболизује старост, традицију, статику или неутралност. Овим контрастом Зајац указује на својеврсну тензију између нових приступа и застарелих парадигми у књижевној теорији. Поред фактографских и концептуалних аспеката, рад нуди филозофску рефлексију о уметности и њеној сталној еволуцији и притом указује на нужност дијалога између различитих приступа. Посебну вредност овог прилога чини језик са елементима семиотике и херменеутике, наглашавајући како теорија књижевности не остаје статична већ је поље живих промишљања које се адаптира на нове изазове.

Мирослав Дудок у раду под насловом „Стредокрај књижевног простора“ бави се анализом концепта књижевног простора са посебним освртом на његову средњу позицију. Аутор истражује структуру и функцију књижевног простора као концепта који повезује различите елементе књижевног дела, као и однос између унутрашњег и спољног света књижевности. „Стредокрај“ у наслову представља средиште, тачније есенцијални простор унутар којег се одвијају кључне интеракције књижевног дела. Дудок у раду користи интердисциплинарни приступ, спајајући књижевну теорију, географију и културне студије, не би ли детаљно мапирао како се концепт простора манифестује и развија у књижевности. Аутор разматра утицај просторних односа на ликове, радњу и тематику, као и на начин на који читаоци доживљавају и интерпретирају књижевне просторе. У раду се фокусира и на специфичне примере из словачке књижевности, кроз које илуструје теоријске моделе и концептуална разматрања. Дудок такође указује на динамичност књижевног простора као поља у ком се стварају значења, али и на његову вишеслојност и вишезначност. Мирослав Дудок проширује разумевање места и простора у књижевности, пружајући богату анализу простора као кључног фактора у наративној структури и семантичком смислу дела. Кроз интердисциплинарни приступ, рад успешно повезује теоријске поставке са конкретним примерима, што га чини драгоценим извором за истраживаче и студенте књижевности.

Зора Прушкова у раду „Естетске мапе Михала Харпања“ фокусира се на проучавање и приказ естетских вредности и перцепције културног пејзажа кроз специјализоване мапе. Користећи интердисциплинарни приступ, овај рад анализира како просторни елементи — било природни или антропогени — доприносе естетском доживљају и вредновању крајњег простора. Ауторка приказује начин маркирања естетских вредности у културном простору, што је изразито значајно за разумевање како људи перципирају и вреднују различите делове пејзажа. Теоријски оквир се заснива на идентификацији позитивних и негативних естетских вредности, као и на њиховој квантификацији у оквиру геопростора, што је новина у истраживању културног наслеђа. Природни елементи као што су шуме, водене површине те објекти са историјском и духовном вредношћу чине позитивне естетске тачке, док су насељена места чешће доживљена као са нижим естетским вредностима. Посебна пажња посвећена је феномену „Genius loci“ — духу места, односно специфичној атмосфери и вредности одређеног простора која се одражава кроз историјске, културне и природне факторе. Рад представља искорак у повезивању теорије естетске перцепције са практичним мапирањем, отварајући нове могућности у истраживању и заштити културних пејзажа.

Зузана Чижикова у раду „Још један прилог нашој међуратној поезици“ пише о књижевном феномену поезије између два светска рата са посебним фокусом на специфичности и тенденције тог доба у словачкој књижевности. Ауторка истражује тематске и стилске особености међуратног поетичног израза, указујући на промене које су уследиле услед друштвених и политичких турбуленција тог периода. Нагласак је на интертекстуалности и алузивности, где се реферише на дела светске књижевности и филозофије, као и на унутрашње књижевне везе и аутореференцијалност унутар саме словачке књижевности. Чижикова приказује како песници тог доба користе разноврсне књижевне стратегије за изражавање осећања, идеја и друштвених протеста, што их чини значајним учесницима културних токова између два рата. Ауторка указује на специфичне језичке иновације и изражајне технике за преношење личних и колективних искустава, те приказује вишеслојност песничког израза између два светска рата који је и поетички комплексан и друштвено ангажован, осветљавајући његове различите димензије и допринос историји књижевности.

Текст под називом „Суплемент уз књигу Михала Харпања Теорија“ књижевности пружа проширене увиде, анализе и додатне контекстуализације рада овог значајног теоретичара књижевности. Михаловичев рад се може схватити и као наставак или проширење кључних идеја и теоретских модела у Харпањовим делима. Пружа нове перспективе које прожимају његове раније текстове, додатно продубљујући разумевање његовог доприноса књижевности. Рад укључује анализе које повезују естетске, филозофске и семиотичке аспекте књижевности, осветљавајући сложене односе између форме и значења. Аутор настоји да прикаже континуитет Харпањовог истраживања са савременим проучавањима књижевног феномена, истиче интердисциплинарни приступ, повезивањем лингвистике, естетике и књижевне теорије у сложен мозаик знања. Такође се наглашава значај рада Михала Харпања за проучавање словачке књижевности и њеног места у ширем европском и светском културном контексту.

Рад „Књижевност на филмском платну“ пружа детаљну анализу односа између књижевних дела и њихових филмских адаптација у контексту средњоевропске културе. Познати словачки семиотичар и књижевни теоретичар, Тибор Жилка бави се проучавањем интертекстуалности и интермедиијалности између књижевности и филма. Рад истиче специфичности адаптације књижевних дела у филмове, наглашавајући како књижевни текстови постају пермутације постојећих текстова, а филмске адаптације реинтерпретирају те пермутације у визуелни и наративни језик филма. Посебна пажња посвећена је друштвеном и историјском контексту средње Европе, где су уметничке форме често под утицајем политичких и друштвених промена, што се рефлектује и на сам процес адаптације. У раду се разматрају Жилкове теорије о адаптацијским поступцима, као што су елиминација, адиција и контаминација, које објашњавају начине на које телевизијски или филмски аутори трансформишу оригиналне књижевне изворе. Истакнуто је да филм пружа могућност динамичније нарације у односу на књижевне текстове, захтевајући посебне стратегије за преношење унутрашњих психолошких слојева ликова.

Михал Бабјак се у тексту „Плуралитет, другост и варијантност“ као културна вредност бави концептима плуралитета, различитости и варијантности као кључним културним вредностима. Овај рад се осврће на то како културне и књижевне праксе треба да уважавају вишеструког израза, идентитета и приступа. Бабјак истиче плуралност као основну особину савремених култура, наглашавајући да култура није монолитна већ се састоји од различитих слојева, перспектива и гласова. Другост се третира као витална компонента развоја и богатства културних и уметничких феномена, где се поштују различитости израза унутар шире културне заједнице. Другост се посматра кроз призму промене и адаптације, где се индивидуални и колективни облици комуникације развијају кроз варијације које обогаћују културни дијалог. Бабјак наглашава да је прихватање плуралитета важно за очување креативности и отворености у књижевности и уметности, као и за препознавање различитих идентитета и традиција унутар једне културне целине. Рад се ослања на теоријске основе савремених културних студија и књижевне теорије, истичући важност интеркултуралности и међузависности различитих културних сфера. Посе-

бан значај даје се регионалним и мањинским културама, чији допринос култури треба признати и вредновати као део шире плуралне структуре.

Рад Ивана Шуше под називом „Теорија књижевности са генолошког погледа (словачко-чешко-италијански аспект)“ бави се проучавањем књижевности из перспективе жанровске теорије (генологије). Тема рада је анализа књижевности кроз призму жанрова, односно систематског класификовања књижевних дела по врстама и жанровима као основним организационим принципима књижевне структуре. Шуша излаже кључне принципе генологије — жанровске теорије — која објашњава како се књижевни текстови групишу, разликују и међусобно повезују према одређеним формалним, тематским и функционалним критеријумима. Рад истражује историјски развој теорије жанра и њен значај за анализу књижевности као система, те разматра како жанрови рефлектују друштвене и културне услове времена настанка дела, али и како се они мењају кроз време, што подразумева динамичност и варијабилност жанровских граница. Посебан значај даје се интердисциплинарној повезаности књижевне теорије са другим наукама, као што су семиотика, филозофија, теологија и психологија, како би се обухватио сложени карактер књижевног текста. Шуша наглашава важност познавања жанрова за правилно тумачење значења и естетике књижевности, истичући да жанровски оквир пружа основ за тумачење уметничке форме и функције.

У раду „Између две ватре или почеци читања књижевности“ Адам Светљик пише о истоименом Харпањовом чланку из 1969. године, али о погледу на књижевност кроз призму сложеног сучељавања различитих култура и традиција, што је специфично за дело Михала Харпања. Назив рада алудира на ситуацију „између две ватре“ као метафору за Харпањов положај између различитих националних, културних и језичних сфера, нарочито у контексту словенске мањинске заједнице у Војводини. Рад детаљно приказује прве кораке и развој Харпањовог читања и интерпретације књижевности које се ослањају на искуства разноликог културног подручја, уз посебан нагласак на дијалог између српског, словачког и југословенског културног контекста. Аутор наводи да Харпањ углавном настоји да ослободи књижевне текстове од уских националних оквира и отвори простор за компаративну анализу која укључује шири спектар културних утицаја. Наглашава се интердисциплинарни приступ и употреба различитих теоријских модела у проучавању поезије, прозе и књижевне теорије. Аутор посебно наглашава значај Харпањове педагошке и научне мисије у процесу афирмације и развоја словачке књижевности и њеног места унутар југословенског и европског књижевног простора. Посебно се истиче Харпањев допринос разумевању књижевности као простора интеркултурних интеракција и размена.

Рад Александре Корде Петровић под називом „О српским антологијама чешке књижевности“ бави се критичком анализом и рефлексijом ових публикација, са посебним освртом на избор и приказ кључних аутора и текстова. Ауторка се фокусира на историјски развој и значај антологијских издања чешке књижевности, осветљавајући однос између књижевних вредности и идеолошких парадигми које стоје иза избора текстова. Рад анализира како антологије функционишу као инструменти формирања канона и културног идентитета, имајући у виду савремене критике и изазове везане за инклузивност и заступљеност мањинских и мање познатих аутора, а такође указује на принцип селекције у антологијама који балансира између традиционалних класика и новије књижевне продукције, са нагласком на потребу за равнотежом између конзервативних и прогресивних приступа. Анализа је богата примерима из конкретних антологија, где се детаљно проучавају избор текстова и њихова репрезентативност за историју и развој српске књижевности. Ауторка се дотиче и питања преводилаштва унутар антологијског контекста, разматрајући како преводи доприносе доступности и разумевању књижевног наслеђа ван матичне културне средине.

Рад Марине Шимакове Спевакове под називом „Словачка наука о књижевности у примерима Михала Харпања, Михал Харпањ о превођењу“ анализира његов допринос теорији књижевности и пракси превођења, осветљава Харпањову улогу као преводиоца естетски и канонски вредних књижевних дела словачких аутора, као и његов теоријски допринос разумевању феномена уметничког превођења. Истиче се његова теоретска позадина

у оквиру структуралистичке и семиотичке традиције, у којој тумачи превођење као посебно сложен комуникативни процес са сопственим правилима и трансформацијама. Харпањ у својим радовима истиче категорију „промене“ значења и форме у превођењу, наглашавајући да ауторски превођење не може бити пук почетак дословног преноса текста, већ креативни процес. Ауторка наглашава Харпањову способност да повеже теорију и праксу, што се огледа у његовом раду на преводима који се баве дубинском анализом језика, стила и културног контекста. Такође указује на његов допринос теорији аутопревођења, где аутор истовремено креира изворник и његов превод, што захтева висок степен двоструке креативности. Анализа такође води рачуна о специфичностима превођења поезије са словачког на српски језик, нарочито у погледу ритма, метрике и семантичких нијанси, што Харпањ детаљно проучава. Истакнута је улога превођења у ширењу и повезивању културних простора и као основна компонента међукњижевне комуникације. Марина Шимакова Спешакова пише о Михалу Харпању као значајном научнику и преводиоцу који је својим анализама и практичним делима знатно допринео разумевању уметничког превођења, нарочито у контексту мањинских словенских заједница. Његова метода интеграције теорије и праксе чини његов рад релевантним и данас, како за теорију књижевности, тако и за транслатологију.

У наставку зборника Зузана Тирова пише о превођењу имена са словачког на српски језик на примерима превода Михала Харпања, и то дела Павла Виликовског и Душана Митане, Ана Марић је написала приказ антологије словачке прозе 20. века *Црна боја радосији* коју је приредио и превео Михал Харпањ а Јана Домониова пише о Харпањовој интерпретацији поезије Паља Бохуша.

Последњи део зборника под називом „Награде Михала Харпања“ наводи списак значајних признања и награда које је проф. др Мицхал Харпањ током своје каријере добио за свој научни, педагошки и преводилачки рад, а међу којима се као највредније помињу Златна медаља Филозофског факултета Универзитета Коменски за педагошки и научни рад, награда „Павел Орсаг Хвјездослав“ за превод и промовисање словачке књижевности у иностранству, као и одликовања Министарства културе Републике Словачке и Министарства спољних послова Словачке. Ова признања илустрирају високу вредност и међународну препознатљивост Харпањовог доприноса књижевној науци, теорији књижевности и преводилаштву, нарочито у контексту словачке књижевности и мањинске културе.

Овај зборник представља значајан допринос словакистици те науци о књижевни уопште, нарочито у контексту мањинских заједница и њиховог културног бића. Различитим приступом и методолошком разноврсношћу радови су показали у свом светлу личност проф. Михала Харпања — нашег значајног теоретичара и историчара словачке књижевности. Зборник *Између имагинације и еџакџиносији* представља омаж посвећености и континуираном раду проф. Михала Харпања на унапређењу знања и разумевања словачке књижевности и културе.

Зденка Валентиј Белић
zdenkavb@gmail.com

UDC 821.161.1.09 Tolstoj L. N.(049.32)

ГЛАВНИ ЈУНАЦИ: ЕРОС, ТАНАТОС И ЛОГОС

Оливера Жижовић. *Демони љубави: Лав Толстој и дубинска психологија*.
Београд: Федон, 2024, 412 стр.

Опсежна и драгоцен монографија *Демони љубави: Лав Толстој и дубинска психологија* Оливере Жижовић посвећена је њеној менторки Тањи Поповић, за њихов „дијалог који се наставља“, како се наводи у посвети. Књига је осмишљена кроз осам поглавља, уз не-

зоставан списак литературе и кратку белешку са подацима где су поједини делови били првобитно штампани (у *Зборнику Майице српске за славистику*, зборнику у част проф. др Тање Поповић *Књижевности у дијалогу* и зборнику посвећеном проф. др Љубиши Јерemiћу *Теоријска мисао, критичка реч*).

Прво поглавље носи наслов „Уметност као истина о тајнама људске душе“ у којем се најпре мапира грађа и истраживачко полазиште, утемељено на осветљавању Толстојевог односа према уметности: „Сматрао је да истина проширује свест и доприноси кретању, расту, изграђивању и унутрашњем усавршавању себе и других, што је, био је уверен, главни задатак и најважнија делатност сваког човека“ (9). Досезање и саопштавање истине сматрао је моралним императивом (13), па кроз ову несумњиво важну чињеницу ауторка прелама, описује и коментарише његову аутопоетику, однос према уметности у најширем смислу као и религиозности, ослањајући се примарно на дневничке записе (1847–1910), не би ли искристалисала значај *самосјознаје* за личност и дело писца (21). Толстој је, укратко, суштину уметности видео „у ‘стапању душе са душом другог човека’, у њеној ‘моћи повезивања’, развоју емпатије и вршењу ‘еволуције осећања’“ (23), што особито долази до изражаја у изузетном поглављу о „Кројцеровој сонати“ које носи наслов „Губитак душе“.

Такође, ауторка је истакла да код Пушкина и Толстоја долази до осамостаљивања јунака, који имају толики интегритет да надилазе вољу писца и понашају се у складу са истином стварности чије су оличење: „моје јунакиње чине понекад такве ствари какве ја не бих желео: они чине оно што морају да чине у стварном животу, а не оно што бих ја желео“ (24). То доводи до закључка, према којем Толстојева истина „није спољашња, уско-реалистична истина“, а „његови ликови никада нису типизирани“ (25). На том трагу је и Толстојев „психолошки импресионизам“ (26), који је дефинисан на темељима анализе коју је понудио Чернишевски, фокусирајући се на осећања и мисли, душевни живот ликова и тајанствена психичка збивања, али и Џорџ Стајнер када говори о Толстојевом свету сећања, који одликује „снага чула“ (28).

Љубав, душа, истина, уметност и смрт представљени су кључним речима Толстојеве поетике и то тако што љубав постаје „суштина душе“ и спознаје света (33), живот и срећа виђени су кроз повећање или ширење душе (34), а сама душа је „блиска Богу и истини. Она је, штавише, ‘божанска искра, сама истина’“ (35). Писац се недвосмислено опредељује за истину, ма колико била висока цена њеног изговарања или сугерисања, па је констатовано да је истина „његов главни јунак“ (46), а перцепција света као целине разматра се кроз бинарне опозиције „ерос и танатос, либидо и мортидо, љубав и мржња, стварање и разарање, смисао и бесмислено ништавило“ (47).

Након уводног поглавља којим је скицирана Толстојева поетика кроз ону призму која је пресудна за истраживачко полазиште монографије, следи најопсежније поглавље у књизи „Охолост ума (*Ана Карењина*)“ (53–191), које чини њено језгро и основу. Роман *Ана Карењина* постаје пример манифестације колективног несвесног и анализе његовог садржаја (латентних рецесивних гена), према Леополду Сондију, који је то именовао шикзал-анализом или „анализом судбине, истичући, налик античким Грцима, да избор чини судбину“ (62). Надаље се елаборира како „слободни избор судбине условљавају: функције ега и духовне функције. Реч је, дакле, о повратној спрези наслеђа, афеката, социјалне и менталне средине, те снаге ега и духа. За слободан избор судбине потребан је јак и флексибилан его“ (63), а избори који се кристалишу тичу се „1) љубавног и брачног партнера; 2) пријатеља; 3) идеала; 4) професије; 5) врсте болести и 6) начина смрти“ (64). Стога је Оливера Жижовић креирала „Дијаграм односа Аниних крвних и генских сродника“, а затим и табелу односа по поглављима, које подразумевају сцене њихових сусрета и друге подударности. Ово суочавање ликова и ситуација дало је драгоцене резултате са становишта дубинске психологије, почев од релација Ане Карењине са братом и мужем, до огледања са љубавником: „Карењин је био оличење Аниног супер-ега, Вронски је несумњиво пробудио и активирао њен ид, њен нагонски, чулни, телесни, до тада у великој мери запостављени део личности“ (83).

Од значаја су, разуме се, и конфронтације на линији двојице Алексеја, мужа и љубавника, кроз сучељавање главе и разума, логоса (Карењин, *karenon* — глава) са срцем и еро-

сом (Вронски), мотив зуба и зубобоље, као и антологијске сцене Карењиновог опроштаја после Аниног порођаја, којом су ови мушки ликови инверзно постављени. Подробно је испитан Анин „сувишак нечега“ који је тежио да буде „искуствено проживљен“ (99), заједнички снови љубавника (105, 115), те претеран и архетипски утврђен Анин стид приликом првог интимног односа са Вронским (121).

С обзиром на то да су Карењин и Вронски оличење логоса („охолости ума“) и ероса („мудрости срца“), али и да они у једном додуше краћем тренутку мењају улоге, Ана има проблем да их помири унутар себе, што је води у аутодеструкцију (133) и активира „негативни Анимус“ који никада не види целину. Хвата је у „мрежу тобоже логичних увида“ (137) и попут *демона* или *злог духа* „запоседа и поседује“ (140). Она се на тај начин удаљава од Ероса (142), а њен либидо се премешта у поље несвесног и „почиње да храни оно ирационално, хаотично, демонско у њој“ (144), јачајући Анимус „негативном имажинацијом“ (150). Насупрот њој је, стога, Љевин, који је излаз пронашао у раду, „мудрости доброг живота“, моралној осетљивости и будности (162), па, иако и он и Ана (али и Вронски) имају склоности суициду, Ана не успева да се извуче. Лепо је уочено да је Љевина имажинација у знаку колективног несвесног коме одговара Богородица (158).

Поглавље „Губитак душе (‘Кројцеров соната’)“ комплементарно је са претходним утолико што је анализиран пример „негативне Аниме“. Успостављен је мост са романом *Ана Карењина* кроз цитате из Матеја, јер најављују „кључне теме приповетке: проблем сексуалне жеље, с једне стране, а затим и брака, са друге, као и борба мушкарца са чулношћу, страшћу, појудом, те (не)могућност одрицања од њих“ (209). Када је реч о Аними, у позитивном својству се манифестује као богиња и муза на пример, ослобађајући „креативност и стваралачки потенцијал у мушкарцу“, док се њен негативни „деструктивни аспект манифестује као блудница, заводница, фатална жена, вештица, сирена“ (211), што је случај са Позднишевом, чија је Анима сведена на „биолошки ниво“ и „чисту чулност“ (213). Међутим, управо је музика активирала његову позитивну Аниму и он је постао свестан нових осећања која су му давала „велику радост“ и потенцијал за њихову еволуцију (225), али је, не успевајући да се са тим избори, на њега деловала све погубније. И на њега, као на Ану Карењину, делује „зао дух“ посредством „фантазама“ и (негативне) „имагинације“ (237), јер види прељубу и издају тамо где је није уопште било. Извођење „Кројцерове сонате“ је пресудно, јер представља привид љубавне сцене кроз синергично музицирање на клавиру и виолини, а буђење његових осећања пред уметношћу доводи га нехотице до несвесног увида да супруга Лиза „има душу. Над њеном душом он, међутим, нема, нити може имати било какву власт; са њом није, нити је икада био, у додиру“ (239). Стога се стиче утисак да је он себе „довео у расположење *crescendo*: унутар њега се, дакле, постепено појачавао тон, који се узносио све више и више, до трагичне завршнице“ (244). Тако се он имплицитно поистоветио са Бетовеновом сонатом, а самим тим суочио се са собом и истином о себи као убици (245).

У поглављу „Толстојева мовина (*Исјовесѣ*)“ суочене су најпре самоубилачке мисли Љевина и Толстоја (249), а личност писца сагледана кроз његов „сан-парадигму“ и тарот карту „Обешени“, чијим тумачењем се довео у везу са богом Одином, откривањем тајне и мудрости руна и иницијастичким ритуалом лиминалности, што је објаснило његову дистанцираност од породице и пријатеља, цркве и државе, али и динамику тих односа (253–258), па и бројних смрти (мајке, оца, браће, сина Вање) (262). Као „Одинов иницијант“ предосетио је револуцију и светски рат (270), али је његово Сопство постало оличење Космичког стабла, мандале илити целокупности постојања: „Када смо унутар себе повезани и усаглашени са Сопством, ми смо цео свет. То нисмо и не можемо бити када смо само его“ (274). На том трагу, Оливера Жижовић је приметилa да, „формулисано терминима шикзал-анализе Леополда Сондија, унутар Толстоја се успешно успоставила понтифекс-делатност ега [...] као ‘градитеља мостова’“ (284–285), што је *хуманизовало* његове нагоне и изражен либидо (286).

„Спокој као душевна подлост“ пето је поглавље монографије, засновано на Јунговом поимању енергије која се јавља на местима „где има супротности“ (297), али и Толстојевом завештању свог стваралаштва свим људима (309), што води ка пишевој потреби из младости да оснује *нову религију*, која би, како наводи у дневницима, „била очишћена од вере

и тајанствености, практичну религију која не обећава будуће блаженство већ пружа срећу на земљи“ (314). Међусобне супротности на овом плану за њега су, очито, извори енергије којим би у једном свеопштем синтетизму подарио човечанству оно што би се могло именовати срећом, али то је у коначници учинио својим опусом. Шесто и седмо поглавље адекватно се настављају на ово. У целини „Тајна Толстојевог гроба“ полази се од важности „оног малчице“ које се манифестује Јасном Пољаном, тајном закопаног зеленог штапића и постајања мрављом браћом (318). Писца интензивно занима „могућност спасења овде и сада“ (331), а у приповеци „Три смрти“ илустрована је сељакова спокојна смрт, јер је његова религија била „природа с којом је живео“, премда се држао хришћанских обреда (323).

Толстојево боготражење најексплицитније је предмет седмог поглавља, које ефектно отпочиње анализом слике „Шта је истина? Христос и Пилат“, коју је насликао Николај Ге, а писац се zaloжио да управо ова слика буде део колекције Павла Третјакова (335). Христ је оличење истине, а она, будући „измучена, скрајнута, угрожена, прогањана — углавном није и не може бити лепа“ (337). Писац не негира хришћанство, јер срећу види као заједницу са свим људима (340), већ прави отклон од „непотребних, лажних наноса, од свега институционалног, придодатог, свега сувишног, неистинитог, штетног“ (341). Дат је његов однос према исихазму и монаштву према коме се критички односи, пошто сматра да не треба бежати од света, грешака и странпутица, већ живети „потпуно“ (347–349). Најпосле, самоспознаја је аналогизована са могућношћу да се спозна Бог (357).

„Демони љубави“ је поглавље којим је поентирана истоимена монографија. Љубав је окарактерисана „пробним каменом целокупног Толстојевог стваралаштва“ (361), а затим су осветљени и дефинисани спрам ње Ерос, Танатос, пар супротности *љубав — смрт* (а не *љубав — мржња*), урођена склоност ка злу и сличне примарне нагонске потребе, те релације *слобода — љубав — Бог* и неопходност укључивања Логоса у аналитички оквир: „Будући да су сексуалност, сазнање и смрт одувек и заувек нераскидиво повезани, чини се да би дијаду *Ерос — Танатос* требало проширити и употпунити увођењем трећег елемента: *Логоса*“ (392). Детаљна пажња посвећена је повести о Петру и Февронији у контексту односа између Љевина и Кити у роману *Ана Карењина* (376), а наречено „јединство свега што постоји“ виђено је кроз призму љубави и Бога у човеку (398) који би истовремено функционисали као његово Космичко стабло или Сопство. Коначно, Толстојево „прихватање крста“ у смислу да је последње три деценије живота живео „као разапет“, виђено је као могућност спасења, пошто „када човек спозна супротности бива избављен“ (399).

Оливера Жижовић примарно је фокусирана на опус Лава Толстоја, узимајући у обзир роман *Ана Карењина*, новелу „Кројцорова соната“, *Дневнике* и *Исјавести*, премда реферише и на *Рај и мир* и поједине новеле. Њен избор је скрупулозан и осмишљен потребом да се кроз бројне увиде изведе типологизација психолошких профила ликова, али и њихова међусобна повезаност. У том смислу, изузетно су корисни њени графикони и табеле који репрезентативно наглашавају налазе, дају синтезу и подсетник за даља враћања монографији. Опрезно и прецизно оперише научном апаратуром и то само онда када за то постоји основана потреба, па су отуда и њене анализе убедљиве и аргументоване, што доприноси утиску да се могу именовати новим знањем. Фусноте су одмерене и, осим што се кроз њих реферише на литературу, наводе се занимљиви подаци који су од важности за осветљавање поглавља, те захвалност пијанисти и композитору Андрији Павловићу на помоћи при писању поглавља о „Кројцоровој сонати“ с обзиром на важност музике у кључу психоанализе и слично. *Демони љубави: Лав Толстој и дубинска психологија* кохерентна је књига, писана јасно и са пуном концентрацијом. Њени главни ликови су Ана Карењина и Позд-нишев, осветљени призмом негативног Анимуса и негативне Аниме, али и сâм Толстој као оличење Сопства које је читав свет. Подједнако, главни ликови су Ерос, Танатос и Логос, али и истина.

Јелена Марићевећ Балаћ
Универзитет у Новом Саду
Филозофски факултет
jelena.maricevic@ff.uns.ac.rs

АНДРЕЈ ПЛАТОНОВ И АПСУРД

Hans Günther. *Andrej Platonov und das Absurde.*
 Berlin: Frank&Timme GmbH, 2024, 132 Seiten.

Слојевитост и сложеност дела Андреја Платонова одувек су били предмет истраживања професора Универзитета у Билефелду Ханса Гинтера. У тежњи да објасни основне платоновске мотиве и протумачи његова размишљања о човековој улози у стварању новог друштвеног поретка, Гинтер долази до спознаје да се стваралаштво Андреја Платонова налази на самој граници апсурда. Узимајући примере из *Чевенџура*, *Глушака с њериферије*, *Високог најона*, *Македонског официра*, *Укоја* и других дела, аутор настоји да систематично прикаже расцеп Платоновљевих размишљања о илузији и стварности, утопији и антиутопији, о смислу и бесмислу човековог постојања, захваљујући чему је и стекао епитет декадентног писца и непријатеља совјетске власти. Одрас таквих размишљања управо представља систем Платоновљевих јунака, који у својој тежњи да стварају државу будућности, руше постојећу, истовремено обесмишљавајући идеју колективне свести и заједништва. Кроз свих шест поглавља књиге *Андреј Платонов и ајсурд*, Гинтер настоји да укаже на све апсурдне мотиве присутне у делима из 1920-их и 1930-их година, настале искључиво као производ изопачене стварности, ослабљеног духа и одсуства смисла, дотичући се уједно и питања психопатологије тоталитаризма.

У првом поглављу књиге („Дон Кихот и Дулсинеја у руској револуцији: Платоновљев роман *Чевенџур*“) Ханс Гинтер пише о сличностима између Сервантесовог Дон Кихота и Платоновљевог Копјонкина, истичући заједнички мотив борбе с ветрењачама и вечне потраге за смислом, као и за измишљеним идеалом у чије име су оба јунака спремна да жртвују живот. Аутор запажа чињеницу да је комични шпански витез у *Чевенџуру* заправо прерушен у неуког комунистичког револуционара, задуженог за заштиту „потлачене женске слабости“, који чврсто верује да је читање грех и један од начина управљања неписменим масама. Разлог због ког Платонов, према мишљењу Гинтера, преузима особине Дон Кихота и преноси их на нешто измењен лик Копјонкина, крије се у „лудачком ентузијазму“ шпанског витеза, његовој способности опажања, сналажљивости и разборитости. Иако Платоновљева наклоност према Копјонкину, услед заостравања идеолошке атмосфере 1920-их година, није очигледна и наглашена, јасно је да Платонов настоји да у опису свог лика прикаже потпуну деформацију револуционарне идеје и последицу њеног кривог тумачења. Управо у „лудости“ Дон Кихота и Копјонкина крије се нека „посебна врста самоодбране“ и „лукавост великог ума“, како пише сам Платонов, и њихова борба није само усмерена против друштвених аномалија, већ представља непрестану унутрашњу борбу, која је, како се испоставља, неизоставан и кључан део сваке веће промене. Платонов преузима пренаглашени ентузијазам Дон Кихота и његово наизглед наивно поимање света као основну особину главног јунака *Чевенџура*, настојећи да у томе подвуче паралелу с тмурном свакодневицом која га окружује. У својој слепој опчињености Розом Луксембург и Дулсинејом, како Гинтер у даљем тексту пише, Дон Кихот и Копјонкин показују пример посвећености и потпуне преданости идеалу, истовремено дајући до знања да „пламен првобитне револуције још увек није угашен“. Узимајући у обзир све обрасце понашања Дон Кихота и Копјонкина, аутор долази до спознаје да Платоновљеви „полоумни лудаци“ играју изнимно важну улогу у совјетском друштвеном систему и процесу борбе за светлу будућности, те су као такви једина тачка отпора свеопштем лудилу 1920-их година.

Друго поглавље књиге *Андреј Платонов и ајсурд* посвећено је музичким мотивима у Платоновљевим делима. Основу Гинтеровог истраживања представља испитивање музичких тема у Платоновљевом стваралаштву и њиховог утицаја на развој психологије јунака. Истражујући присуство музичких мотива у прозним делима, Гинтер истиче да је песма неизоставни део свакодневице сваког јунака, те као таква представља његову спону с традицијом, природом и пореклом. У поглављу „Музички мотиви у делима Платонова“

аутор се дотиче и ране поезије с почетка XX века, обележене музиком фабричких сирена, машина и локомотива, као и мотивима из народних песама, што представља новину у Платоновљевој поезици. Рану Платоновљеву поезију Гинтер доводи у везу и с пролетерским песницима, истичућу посебну сличност с поезијом *Радничког удара* А. Гастева. Платонов у својој поезији настоји да створи музику машина како би подстакао на атмосферу ударничког рада и тиме наговестио долазак нове силе, по свему супротстављене силама природе. С друге стране, Гинтер истиче да веровање у моћ машине код Платонова ипак није безусловно, као што је то случај код пролетерских песника, већ је усмерено ка ширим космолошким контекстима. Машина је у својој суштини само покретач и, радећи у служби човека, има задатак да га усмери ка космичким висинама. Иако је Платоновљево одушевљење машином у песмама очигледно, аутор примећује велики број традиционалних и народних мотива, који се могу објаснити пишчевом потребом за стварањем нове форме поезије која би пратила пројекат стварања светле будућности. Гинтер у даљем тексту поглавља настоји да објасни Платоновљеву тежњу да буде одан како „традицији Некрасова“, тако и „машинизацији Гастева“, чиме ствара једну потпуно нову форму песама које „човек још увек није отпевао“. Поред описа музичких мотива у Платоновљевом стваралаштву, Гинтер пише и о тежњи за стварањем такозване „масовне песме“, која би послужила као пример песама новог света, истовремено окренутих земаљским и космичким питањима. Управо такве песме певају јунаци Платоновљевих дела, које служе као путоказ у тренуцима малодушности, иако, као Платонов пише, „каткад бивају растргнуте ветром и стопљене с мрачним силама природе“. За Гинтера песма у стваралаштву Платонова представља и један од начина упознавања с особеностима јунака, посебно када је реч о Александру Дванову, чије песме производе можда и снажнији ефекат од самог приповедања. О таквој улози песме у поимању Платоновљевих јунака сведочи приповетка „Московска виолина“ и роман *Срећна Москва*, у којима песме представљају директан одраз унутрашњих промена јунака и њиховог сазревања. Жеља Платоновљевих јунака за унутрашњом променом и стварањем новог човека будућности пропраћена је и њиховом жељом за променом целог друштвеног поретка, која се најпре огледа у њиховом односу према музици и способности ослушкивања кретања маса. Управо таква паралела је приказана у односу Сарториуса према својој виолони, као и њеном утицају на свет који је окружује. Гинтер на крају поглавља истиче чињеницу да су музички мотиви у Платоновљевим делима кључ за разумевање његовог стваралаштва, те да као такви у свакој „мртвој материји постају живо сећање“.

У трећем поглављу се Гинтер дотиче Платоновљевих драмских текстова (*Глушаци с периферије*, *24 црвених колиба*, *Високи напон*), писаних у периоду од 1928. до 1933. године, који се по начину приказивања кључних социјалних проблема налазе на граници сатире и апсурдног театра. Средиште ауторовог интересовања представља драма *Глушаци с периферије*, која за основни циљ има да осветли актуелна друштвена питања с почетка 1920-их година, усмерена ка васпитању деце, заштити мајки и одојчади, еугеници и праву на абортус. Будући да је политика совјетске власти у том периоду тежила истицању своје прогресивности у погледу либерализације „женских питања“, јунаци ове драме постају не само комични, већ и апсурдни и својој жељи да се приклоне новој прогресивној стварности. Користећи се бирократским изразима и идеолошким флоскулама, „глушаци с периферије“ потпуно уназађују некад прогресивне идеје и руше сваку могућност изградње утопијског друштва. Гинтер проналази да је у свим Платоновљевим драмама основна мисао усмерена ка приказивању парадоксалног процеса губитка колективне свести, у тренутку када се сама идеја о истој налази на свим плакатима, прогласима, регулативама, односно — у самом темељу комунизма. Према Гинтеру, апсурдност драме се види и у односу друштва (маса) према индивидуализму и било каквом виду испољавања различитости. Наиме, сви јунаци који показују црту индивидуализма представљени су као несрећни, неприлагођени и непожељни, док је маса приказана као светли пример новог друштвеног поретка. У овом поглављу се Гинтер осврће и на драму *Објава о смрти*, која представља прекретницу у Платоновљевом стваралаштву, будући да открива његову тежњу да се окрене „дозвољеној“, а не погрешној перцепцији стварности. Драма је мотивисана језиком из Сталинових текстова и прогласа, који Платоновљеви јунаци, без истинског разуме-

вања, користе у свакодневном говору. Такође, проблем припадности јунака „старој или новој интелигенцији“ јесте оно што одређује главни сукоб у драми. Сви припадници „старог типа интелигенције“ иступају у улози заосталих и неприлагођених људи, који својим постојањем штете динамици колективног рада, док су припадници „нове интелигенције“ приказани као плодови пробужене колективне свести. Ипак, како Гинтер пише, апсурдност нове интелигенције уочава се у њиховој тежњи да рационализују стварност, истовремено је доводећи до своје супротности. Сличном темом се бави и драма *Високи најон*, која се може протумачити и као својеврсна балада заосталим и непотребним инжењерима, чије постојање је у новом друштву изгубило сваку сврху. Питање „сувишног и заосталог“ човека Гинтер издваја као једно од најзначајнијих питања Платоновљевог стваралаштва, које са собом повлачи низ друштвених проблема с којима се суочавао нови совјетски човек.

Након Сталинове оштре критике приповетке „Впрок“ Платонов у периоду од 1933. до 1935. године проживљава тешку егзистенцијалну кризу, живи у потпуном књижевном егзилу, сиромаштву и изолацији. Ипак, он наставља да пише, обраћајући се узалудно Максиму Горком за помоћ, захтевајући књижевну слободу и независност. Управо у овом периоду настаје кратак роман-фрагмент *Македонски официр* и приповетка „Ветар с ђубришта“, које уједно и представљају основну проблематику четвртог поглавља књиге *Андреј Платонов и ајсурд*. Гинтер у овом поглављу („Хеленска слобода и оријенталистички деспотизам“) пише о утицају Платоновљевог путовања на исток на развој фрагмента из романа *Македонски официр*. Како се сазнаје из писама његовој жени, Платонов, наштавши се на просторима Средње Азије, пореди грчко-европску и источњачку културу, начине управљања државом, истовремено указујући на сличности и разлике с актуелном совјетском влашћу. Иако се радња само привидно одиграва у прошлости једне деспотске средњоазијске државе, Гинтер у томе види немилосрдан приказ психопатологије тоталитарне власти. Аутор настоји и да прикаже паралеле између самог Платонова и македонског официра Фриса, послатог у извидницу по свим крајевима те средњоазијске земље, који наилази на потресне призоре обичних људи у њиховој тежњи да кроз патњу покажу своју оданост цару. Гинтер сматра да се Платонов, подстакнут ситуацијом у којој се и сам нашао, служи њему несвојственим апсурдним ситуацијама и до тада страним начинима приповедања. Платоновљев македонски официр се на свом путу сусреће са сценама потпуног лудила: од човека који се ваља по земљи, покушавајући да ноктима поцепи кожу на грудима, како би извадио срце и показао своју оданост цару, до човека који је стајао на глави, с ногома у ваздуху, ротирајући се непрестано на потиљку и настојећи да се помоћу центрифугалне силе растргне у пепео. Овакве апсурдне призоре прате и срцепајајуће похвале владару Озмију у којима Гинтер види пародију на Сталинов култ личности. Платонов у наставку романа ритуале ентузијаста доводи до још већег апсурда, описујући сцене четворице људи који седе на гомили грађевинског отпада и вуку своје полне органе по земљи, како би спречили рађање било каквог будућег живота. Још једну разлику у односу на познату пишеву поетику Гинтер види и у присуству мисли из Платонове *Државе* и Аристотелове *Полиџике*, помоћу којих Андреј Платонов настоји да докаже да тиранија заиста „воли лоше људе, јер су такви у својој суштини само ласкавци који потврђују одсуство слободног духа“. У закључку овог поглавља Гинтер долази до мисли да је управо *Македонски официр* Платоновљево најрадикалније дело усмерено према критици совјетске власти и Сталиновог тоталитарног режима.

У петом поглављу „Апсурдни писац против своје воље“ Гинтер се поново окреће питањима изградње и деструкције у роману *Чевенгур*, бирократским ексцесима, одсуству смисла у роману *Укој*, као и питању Платоновљеве концепције апсурда. Управо последње питање Гинтер издваја као неопходно у настојању да се прикаже присутност апсурдних мотива у стваралаштву Андреја Платонова. Гинтер сматра да се Платоновљево схватање апсурда суштински разликује од мисаоних игара какве су практиковали песници и мислиоци окупљени око групе Обериута. У поетици Обериута се, по мишљењу аутора, испољава егзистенцијално искуство која на крају води ка нултој тачки ништавила, док Платонов у својој неуморној потрази за смислом и дијагонално дијаметрално супротан правац. Он схвата апсурд као грубо одступање од смислености постојања. Оваква идеја је присутна у лику Вошчева у роману *Укој*, који не само да психички, већ и физички пати

због последица одсуства смисла. Управо из тог разлога Гинтер објашњава да бесмисао света код Платонова није метафизичке природе, већ проистиче из владајуће идеологије која замагљује и искривљује истину. Такође, аутор проналази да, за разлику од Обериута који се ослањају на херметичку и гностичку традицију, код Платонова се уочава оријентација ка туђем животу и описима баналне свакодневнице као одраза основне људске потребе за смислом. За Гинтера мотив „укопа“ постаје метафора за празнину апсурда, која се продубљује примерима из совјетске свакодневнице. Аутор, између осталог, описује Платонова као „апсурдног писца против своје воље“, будући да његова критика друштва произилази из вере у изворне револуционарне идеје, која је погрешним тумачењем доведена до апсурда. Платонов настоји да наивну глупост својих јунака представи као форму отпора, њихову реакцију на догматизам и бирократизам, захваљујући чему се његова поетика све више приближава апсурду. По мишљењу Гинтера, Платоновљев апсурд је јачао с појавом изопачења револуционарних идеја и одступања од сопствене утопијске слике света.

Последње поглавље књиге *Андреј Платонов и ајсурд* бави се архетиповима совјетске културе као прегледом Платоновљевог односа према политичкој митологији совјетске епохе и његове тежње да се издвоји из свеprisутног совјетског књижевног канона. Гинтер у овом поглављу истиче да се совјетска политичка митологија ослања на представе које су дубоко укорене у колективној свести руске културе, те да су такве представе засигурно и данас присутне. Аутор сматра да су архетипови јунака, оца, сина, мајке и непријатеља у правом смислу постали најprisутнији у Стаљиново доба као резултат повратка традиционалном моделу мишљења. Платонов је у својим делима пратио развој ових архетипова кроз њихове узастопне фазе и критички истраживао њихове доминантне манифестације. Ипак, по мишљењу Гинтера, Андреј Платонов независно од свих идеолошких смерница развија властиту типологију јунака, у чијем центру се налази лик „изгубљеног и лутајућег“ човека, у чијем карактеру су обједињене одлике старе и револуционарне Русије. Такав Платоновљев јунак јесте директан одраз насилних промена у друштву, занемаривања „обичног“ човека и деформације некада прогресивних идеја. Међутим, Гинтер уочава промене у Платоновљевом „лутајућем“ јунаку под утицајем све већих ограничења уметничке слободе крајем 1920-их година. Па тако, у новој Платоновљевој поетици критику друштвених страдања износи посматрач са ментално ограниченом перспективом, која је представљала једини сигуран пут до приказивања истине. Гинтер објашњава да Платоновљеви протагонисти нису активни, оптимистични градитељи комунизма и истински „јунаци нашег времена“, већ заборављени појединци и бескућници, који без социјалистичке перспективе лутају земљом у потрази за истином. Други део шестог поглавља се бави архетипом отца у совјетском контексту, који је уско повезан са Стаљиновим ликом и делом. Посматрајући развој архетипа оца у Платоновљевим делима, Гинтер примећује да је лик Стаљина уобличен првобитно у фигуру старијег брата, да би касније прерастао у фигуру добродушног и мудрог оца, који влада великом породицом и штити домовину, прогонити непријатеље и штеточине власти. Аутор наводи и да протагонисти романа, посебно романа *Чевенџур*, нису случајно означени као сирочићи, будући да је њихов несталан живот одређен губитком оца. Губитак оца представља окидач свих унутрашњих промена јунака, као што се то може видети на примеру Саше Дванова, који након смрти оца постаје потпуно дезоријентисан и лишен сваког смисла. Платоновљева „сирочад“ остају да живе у потпуној изолацији и усамљености, будући да аутор њиховим примером настоји да прикаже да је првобитна идеја о Стаљину као заједничком оцу погрешна и сувишна.

У књизи *Андреј Платонов и ајсурд* приказан је потпуно нови поглед на Платоновљево стваралаштво и његово схватање апсурда. Ханс Гинтер успева да истакне и осветли тренутак Платоновљевог преласка на апсурдну књижевност као последицу тешких друштвених и политичких околности у којима се нашао. Иако са сигурношћу не можемо тврдити да је Андреј Платонов био писац апсурдне књижевности, његова склоност ка апсурдним мотивима може се разумети кроз призму свих дешавања 1920-их и 1930-их година, која, како видимо, трају и данас.

Марија Кувекаловић
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
marija.kuvekalovic6@yahoo.com

Василиса Шливар. *Десакрализација молчания. О блокадних сѣихойворениях*
Геннадия Гора. Санкт-Петербург: Jaromír Hladík press, 2025, 200 стр.

Пред читаоцем је прва у свету монографија о песмама Геннадия Гора насталим у евакуацији под трауматичним утиском од ужаса блокаде у којем се нашао Лењинград током 900 дана Другог светског рата. Ово не чуди ако знамо да су се прве публикације блокадних стихова Гора појавиле тек почетком ХХI века (избор из циклуса у часопису *Звезда* 2002; у бечком двојезичком издању под називом *Блокада* 2007, као засебна књига на руском 2012. године: *Црвена кайља на снегу. Песме 1942–1944*). Иако су поменута издања била пропраћена одговарајућим текстовима о, аутори су се углавном бавили аутобиографским моментима песника, историјским чињеницама или, пак, утврђивањем везе између Гора — совјетског прозаисте и непознатог песника блокаде.

Василиса Шливар је узела на себе задатак да покаже како је блокада као рубни егзистенцијални догађај, тачније тотални колапс, утицала на језичку димензију поезије, којом Гор одговара на потпуно поништавање Човека и свега људског. Радикалне језичке модуларције, утемељене у трагањима футуриста и обериута, требало је да омогуће разумевање уздрманости и нестабилности света, али су под притиском нељудскости заправо довеле до краха, па је песник принуђен да жртвује себе. Жртвовање себе-песника истражено је у пет поглавља књиге: Мртво тело поезије, Време смрти, Заболоцки и Гор: од органског до антиорганског, Патафизика смеха и Жртвовање песничке речи.

Прво поглавље књиге поставља питање природе бесмислица с којом се срећемо у стиховима Геннадия Гора. То није бесмислица обериутског типа зато што језичко искуство у условима распадања свести-света остаје у домену миметичког дискурса. У чудовишном свету, у којем владају насиље и разарање, Гор не проналази начин за његово космогонијско обнављање, не може да победи хаос, нема трансгресије, па стога остаје само смрт. Својим стиховима о блокади он доприноси даљем развоју петербуршког текста руске књижевности: град изграђен на костима људи, настао из замисли једног човека (Петра Великог), надреална фантазмагорија, у новим историјским околностима само наставља већ утврђену линију града-Молоха који прожиди своје жртве. Међутим, ако је раније петербуршким текстом владала катастрофа због побуне водене стихије против (гордог) човека који би да је укроти, овде је реч, по мишљењу В. Шливар, о стихији зла чије извориште је човек и пред којом сама природа постаје беспомоћна те умире и нестаје. Инфернални град (мраз, глад, безумље, антропофагија, изнемоглост, смрт, смрт и смрт) представљен је као апотеоза отуђења — човека од човека, човека од града, човека од самог себе. Зато В. Шливар може да тврди како град под опсадом са својим слободним заточеницима, који са страхом ишчекују смрт од Немаца, глади или хапшења, и сам постаје својеврсни метафизички заговор ограниченог простора и времена. Беспомоћност људи пред лицем зла доводи до деградације свести, човек постаје живи леш, те се може рећи да је суштина Горовог апсурда — „у блокади бића, у крајње обесмишљеном постојању човека осуђеног на смрт, који се и пре смрти претворио у смрт“ (стр. 12). У хаотичном и флуидном свету могуће су различите трансформације: човека у животињу, говора у мукање и лајање, мушког и женског рода у средњи род, живог у мртво, прошлог и будућег времена у садашње. Све ове трансформације В. Шливар разматра и у контексту беспомоћности песничке речи пред свеопштом ентропијом, показујући како се опустошеност света преноси пре свега на тело (унакажено, раскомадано и туђе) као место бивствовања човека-света. За В. Шливар нема сумње да потпуно распадање света, које је показано преко насилних метаморфоза људског тела што доводе до постварења човека и његовог коначног беспопштедног уништења, не даје никакву могућност за даље кретање ка „новоме животу“ или „искупљењу“ нељудскости, па отуда мртво тело човека може да створи само мртво тело поезије.

„Време смрти“ назив је другог поглавља књиге. Већ сама синтагма говори о немогућности победе над смрћу за којом толико жуди песник. Међутим, питање времена враћа Гора историјској авангарди и натурфилозофији, где се тема времена наметала као кључна.

В. Шљивар показује да тема реке-времена код Гора није само данак учењу Хераклита, како бисмо помислили, већ и делима других филозофа (на пример, А. Бергсона, М. Гершензона), које су 1910-их читали руски авангардисти, ширећи границе сопствених светова и одлазећи од идеје коначности ка идеји флуидности (код А. Туфанова и Л. Липавског). У овом делу се ауторка бави комплексним питањима поимања времена и света, неразумевања и хаоса, сећања и садашњости код футуриста (А. Кручониха, И. Здањевича) и обериута (Д. Хармса, А. Веденског, Л. Липавског). Она посматра просторно-временски вакуум лењинградске блокаде као могућност лирског јунака да се преко успомена, изласка у „суседни свет“ (термин Л. Липавског), одржи у животу, у садашњем тренутку. Мотиви деце, децјег цртежа, обале, сунца, лета, а посебно реке дати су као илустрација трансформације живота у смрт у условима блокаде времена: река-девојка из словенске митологије постаје сублимација све четири реке подземног света, а посебно Лете и Стикса. Умирање реке В. Шљивар показује кроз употребу глагола у поезији Гора (уснути, скаменити се, поцрнети), чиме се доказује и веза Гора с идејама обериута из 1930-их, када вода постаје слика метафизичког и егзистенцијалног ужаса, а заустављени тренутак, Хармсов *cisfinitum* — тачка вечне смрти. Разумевајући сву сложеност епохе, која је окивала и време, и човека, и реч, како би их све бацила на сметлиште смрти 1940-их, В. Шљивар наводи једну од кључних мисли филозофа-обериута Ј. Друскина о непомичном времену: „Време је такође непомично. То је празнина и смрт. Време постоји, али оно не пролази“. Дакако да су ова апокалиптичка размишљања била карактеристична за Хармса и Веденског, због чега и пишу о часу када времена више неће бити, а управо то је окосница и поезије ГенADIЈа Гора — нестанак времена, јер су са њим у тесној спрези нестанак речи, мисли и стваралаштва.

Најдубље интертекстуално и митопоетско промишљање доноси поглавље посвећено Н. Заболоцком и Г. Гору. Тему органског и антиорганског В. Шљивар је сместила у контекст идеја старогрчких атомиста, као и филозофских учења Н. Фјодорова, В. Соловјова, В. Вернадског и К. Циолковског. Ауторка истражује утицај „Биосфере“ Вернадског из 1926. и „Монизма Васељене“ Циолковског из 1925. на песнички опус Заболоцког и Гора: проналази одјеке размишљања о непосредном утицају космоса на развој Земље и биосфере, о вези савремене живе материје са живом материјом свих претходних епоха, о бесмртности атома и њиховој способности да се регенеришу, о бесмртности материје заснованој на идејама панпсихизма. В. Шљивар проучава одјеке узајамне повезаности уметности и науке с почетка XX века у трагањима Заболоцког и Гора за својствима границе, метаморфозе, природе, смрти, песничке речи. Мотиви флоре, фауне, хидронике су извор промишљања В. Шљивар о антропоцентричном свету, који се испољава кроз језик којим свет природе говори и који разуме лирски субјект, што је карактеристично не само за поезију Заболоцког и Гора него и за њихове савременике Хлебњикова, Веденског и Хармса. Већ наслућујемо, читајући ово истраживање, да се антропоцентрични свет у условима блокаде (свести, речи, физиологије тела) трансформише у антропофагични свет. Размишљања В. Шљивар о дијалогу двојице песника воде ка учењу Вернадског о биосфери, које су они усвајали на различите начине. Како нам ауторка предочава, поезија Заболоцког је слика новог света са идејом духовне биосфере самог Гора, у чијем центру је песничка реч — бесмртни орган мишљења природе; поезија Гора, насупрот, оличава крах ових идеја, њихову тоталну блокаду, произашлу из човековог деловања, па стога песник императив живота, који је био у основи духовне биосфере, мења на императив смрти (душе, ума, човека, природе). Другим речима, „песничка реч је изгубила стваралачки потенцијал, сачувавши тек способност да површно одражава руине пређашње органике — антиорганнику“ (стр. 51).

Тема смеха се појављује неочекивано у контексту лењинградске блокаде, али елементи комичног су присутни пре свега у моделовању текста, јер они показују последњи покушај леша да остане човек. Истина, како показује В. Шљивар, за разлику од Аристотеловог одређења да је смех карактеристичан само за човека, Гор нуди другачију визују смеха: као деградације разума до безумља које оптерећује већ застрашујућу ситуацију очајања и страха. У том контексту долази до појачавања граничне ситуације и смене топоса:

појављује се шума са свим митопоетским обележјима оностраног или подземног света (у античкој, средњовековној и модерној књижевности) као пандан антисвету блокаде — паклу. У безумном смеху који спаја зло и добро, смешно и тужно, тренутно и вечно, појединачно и опште, В. Шљивар види чежњу песника за убијеним духом, тачније, за човеком. Смех у поезији Гора изазива језу, он је непријатељски, јер њега је породила сама смрт.

„Жртвовање песничке речи“ представља — у већ врло захтевној са феноменолошког, алогичног и психопатолошког аспекта књижи — поглавље које изискује филозофска предзнања и спремност за заједничко промишљање о „певању и мишљењу“ Генедија Гора у условима блокаде. В. Шљивар без трунке сумње циклус Гора ставља у средиште књижевности катастрофе јер је он сам сведочанство „готово реално немогућег“ (стр. 64), демонстрирајући тотални крах човека и света, и то пре свега у језику. Уз подршку филозофских истраживања Ђ. Агамбена, М. Хајдегера, И. Смирнова, П. Левија, Т. Адорна, В. Бибикина, В. Подороге о граничним ситуацијама човековог постојања, пре свега логора, гасне коморе и искуства Другог светског рата, ауторка открива сву тежину трагедије блокаде која не престаје јер сваки читалац постаје очевидац уништења: блокада се одвија пред његовим очима и она се не завршава будући да није у власти ни времена, ни простора, тј. она је увек и свуда. За В. Шљивар поезија Гора представља изазов; развијајући авангардни експеримент футуриста и обериута с речју (у спрези с космоизмом, биосфером, натурфилозофијом), песник указује на суноврат моћи песничке речи од космогоније до агоније. У томе му „помаже“ десакрализација смрти која ни на који начин није Хајдегерово „бивство ка смрти“ већ зло у свом тоталитету које се испољава кроз безброј побацианих промрзлих лешева на гозби за пацове. Ауторка показује блискост Шаламовљеве позиције о логорском искуству што човека претвара у дивљу звер и Горовог виђења блокаде у којој није изгубљен само достојанствен живот него и достојанствена смрт. Човек у блокади постаје сам себи и жртва, и целат. Канибализам је најрадикалнији и најлогичнији облик присуства дистрофичара у животу и у смрти: прождирући смртника, канибал изједначава себе са смрћу и истовремено она за њега постаје извор живота. Ове трансформације човека, а уједно и језика, В. Шљивар показује у бриљантној анализи тешких Горових стихова, где се свет, човек и песничка реч потпуно утапају у исушеност, увелост и одрвенелост као коначни распад на свим нивоима постојања. Ауторка размишља о не-човеку и не-језику као бесповратном губитку њиховог места у бићу света, па тако и сведочанство Горовог искуства разуме као посланицу песника нама — о немоћи поезије која на катастрофу одговара катастрофом, тј. немошћу, ћутањем, блокадом речи. А одлазак у ћутање на митопоетском нивоу јесте жртвовање песничке речи.

Бавећи се комплексним и тешким питањима блокаде у стиховима Гора, Василиса Шљивар помера тачку гледишта са историјско-социолошке на филозофско-поетску у којој се разрешавају питања „присутности бивства“ и „бивства ка смрти“, да се послужимо Хајдегеровим речима. Ова књига је позив пре свега руским филозофима да се упусте у фундаментално осмишљавање уникалне катастрофе у историји људског рода. Храбра мисао Василисе Шљивар која не зна за границе мисливог делује на моменте фрапантно по својој зрелости и закључцима, који откривају поезију Генедија Гора у посве другачијем светлу у односу на све песнике лењинградске блокаде који су славили искључиво њен победнички код. Утолико је ова књига прекретничка и у светлу истраживања блокаде последњих неколико година (П. Барскове, А. Муждабе), али пре свега у перцепцији блокаде кроз песничку реч и филозофску мисао. Стога питање које се намеће након читања ове књиге јесте: Филозофи, где сте?

Корнелија Ичин
Универзитет у Београду
kornelijaicin@gmail.com

„МНОГО ТОГА САМ ВИДЕО И НИШТА НИСАМ ЗАБОРАВИО“

Marija Mitrović. *Andrić i Italija*. Novi Sad: Akademska knjiga;
Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 2025, стр. 214.

Нова публикација Марије Митровић представља синтезу неколико различитих области ауторкиног досадашњег научног интересовања, што бисмо могли одредити као споне српске двадесетовековне књижевности са словеначким и италијанским културним простором. Дипломатска задужења српског нобеловца свакако су условила токове и дубину Андрићевих сусрета са књижевним, културним и друштвеним животом градова и држава у којима је боравио, те није необично да боравак у Трсту и Риму оставља извесни утисак на књижевника тако истанчаног сензибилитета. У том смислу, Андрићева кратка и ефектна изјава о Италији завређује да буде тачка из које ваља отпочети подробније разматрање наше теме: „Што се тиче Италије — да, био сам тамо, много тога сам видео и ништа нисам заборавио“ (143). Управо та множина виђеног представља једну од тематских окосница књиге, која ће бити надограђена мноштвом погледа читалаца, преводилаца и проучавалаца.

Стваралаштво Иве Андрића у контексту других културних средина било је предмет ранијих опсежних истраживања, па српска наука о књижевности већ има увиде у сложене односе аутора према шпанској¹ и француској² литератури, док је „указано и на његове везе са немачком, пољском и италијанском културом“ (15–16). Марија Митровић овом публикацијом тежи да уцелови слику о још једном дијалогу цивилизација, ослањајући се на досадашња истраживања Андрићевог доживљаја Италије, узимајући у обзир проучаваоце из обе средине, пишчеве белешке и писма, различите верзије његових књижевних дела и биографске факте. Најпосле, сама чињеница да су Андрићева дела објављивана у реномираним издавачким кућама, *Бомџиани* и *Мондадори*, у едицијама нарочите важности, као што су „Меридијани“, потврђује идеју да је Андрић у Италији стекао статус канонског класика (22), што даје додатни повод за оваква истраживања.

Публикацију отварају „Оцене значајних савремених италијанских писаца о Иви Андрићу“, засноване на сродним доживљајима романа *На Дрини ћуприји*. Ауторка бира фрагменте из различитих временских периода, те идеје које нуде Леонардо Паша (1961), Клаудио Магрис (1992) и Сандро Веронези (2023) симболички означавају трајност интересовања за Андрићево дело. Потом ауторка износи лична сећања на сусрете са Андрићем, његовим и Милићиним најужим сродницима, при чему је нарочито интересантан одломак посвећен пишчевој збирци предмета које је обликовало море. Читаво поглавље „Од приватног ка јавном“ заправо представља неку врсту литераризованог предговора, који тежи да обухвати вишеструкост повода за настанак публикације. Полазећи од специфичне приности са писцем и његовим делом, преко путева образовања и каснијег факултетског рада, све до научно утемељених разлога и потреба за студијом овако широког опсега, Марија Митровић даје преглед свих околности које су допринеле и потешкоћа које су пратиле настанак ове књиге. Двадесет и два поглавља која следе вешто формирају мрежу значења коју Италија има за Андрића, као и утисака италијанске публике о пишком делу, те чине целину која постаје јасна тек потпуним међусобним сагледавањем, између редова и подналова.³ На концу публикације даје се библиографија, при чему треба назна-

¹ Ковачевић, Наташа. *Андрић и Шћанија: биографски и компаративни увид у пишчеву дипломатску љовесницу*. Нови Сад: Прометеј, 2022.

² Новаковић, Јелена. *Иво Андрић и француска књижевност*. Београд: Филолошки факултет: Народна књига, 2001.

³ Већ самим прегледом подналова постаје јасна ширина успостављеног контакта са италијанским темама: „Трагови“, „Кореспонденција“, „Шта је Италија Андрићу“, „Рефлексии Италије у Андрићевој поезији“, „Дуг босанским франевцима“, „Још једна италијанска легенда“, „Есеји о савременицима“, „Етички критеријум у оцењивању друштвене

чити да осам засебних, крајњих поглавља, посвећених преводима, есејима и књигама на италијанском језику, те присутности Андрићевих дела у антологијама, историјама књижевности и на интернету представљају праве ризнице библиографских података. Издавањем текстова из већ постојећих библиографија Иве Андрића, као и прештампавањем сажетака или сумирањем идеја засебних есеја и студија, ауторка оформљава корпус који не исцрпљује све могућности читања тзв. италијанских тема, него твори подлогу са које ће будући истраживачи моћи лакше и ефикасније да приступе новим тумачењима. Вредност публикације *Andrić i Italija*, дакле, открива се у њеном синтетичком приступу и путоказном карактеру, кроз тешко сагледиве „капиларне везе и подстицаје“ (16).

Трагањем кроз наслове у приватној библиотеци Иве Андрића, Марија Митровић се сусреће са бројним италијанским и светским класицима, попут Петрарке, Бокача или Дантеа. Посведочено је пишево интересовање за ликовне уметнике (Микеланђело, Да Винчи, Ђото, Модиглиани, Ђакомети), али и државнике, као што су Гвичардини и Макијавели. Андрићева библиотека окупља и бројна друга имена, те Марио Прац, Николо Томазо, Бенедето Кроче, Ђакомо Леопарди, Томазо Кампанела, Франциско из Асизија, али и Умберто Саба, Итало Калвино или Карло Леви проналазе своје место у опсежној пишевој литератури. Наведени ствараоци се показују као изузетно значајни за различите аспекте пишчеве поетике и постају својеврсни кључеви Андрићевог сагледавања света који га окружује. Тако, са једне стране, ренесансни уметници бивају предмет засебних есеја, као великани којима је Андрић одушевљен (49, 76), а фасцинација оснивачем фрањевачког реда се посматра у кључу двадесетовековних дешавања и личне судбине аутора (70). Са друге стране, стваралаштво савремених аутора функционише као специфични окулар кроз који ће се посматрати новонастајућа идеологија фашизма (78–81). Марија Митровић указује и на истраживање Ероса Секвија, који је детаљно написао књижевне јунаке — Италијане присутне у делима нашег нобеловца, од анонимног неимара у „Мосту на Жепи“, преко Гојиног саговорника Паола, све до бројних Италијана који се појављују у роману *На Дрини ћуирија*, као што су Петро Сола или Лукени (127–138). Присутни су и јунаци који се споразумевају на италијанском језику (Њамил и фра Петар), док се град Рим јавља као повлашћени књижевни простор (88). Дакле, представници италијанског народа вишеструко су заступљени у Андрићевом стваралаштву, били они предмет есејистичког проматрања или модус обликовања књижевних јунака. Преглед преписке Иве Андрића са италијанским читаоцима, преводиоцима, издавачима, професорима и изучаваоцима дао је добру увертиру за потпуније разумевање рецепцијских токова Андрићевих дела, али и сагледавање нијанси његовог карактера.

Иво Андрић преводи италијанске ауторе, инкорпорира неке од њихових ставова и идеја у своја књижевна дела, те полемише са њима, али модуси комуникације иду и у нешто другачијем смеру, па се у публикацији опсежно обрађује просторна димензија Италије у књижевним делима, уз посебан осврт на медитеранске теме у поезији и прози. У контексту стапања са морем и природом као видом регенерације помињу се „Жена на камену“ и „Летовање на југу“ (95), док су ведрина и флуидност читаве природе под утицајем сунчеве светлости место сусрета прозних фрагмената „Летећи над морем“, „Сунце“ и „Први дан у радосном граду“. Драгоцене су запажања ауторке о ранијем именовању појединих Андрићевих песама, у којима се открива њихова италијанска потка, попут наслова „Сан Марино“ или „Сан Лоренцо“ (58–61), као и указивање на податке о настанку одређених текстова, те уз песму „Туђина“ стоји одредница „Рим, септ. 1920“ (61), а уз песму двоструког наслова „Бежање“ и „Младост“, сазнајемо да је такође настала у Риму, али 1921. године. Ауторка вешто користи дате податке, па у хронолошком посматрању поезије долази

стварности“, „Проза чија је радња смештена на тле Италије“, „Ведре и сунчане теме у Андрићевом опусу“, „О напуштеном градилишту“, „Андрић, преводилац са италијанског“, „Читање, бележење, учење“, „Италијани у Андрићевој прози“, „Преводи и рецепција Андрићевих дела“, „Нови преводи, мање издавачке куће“, „Андрићева дела у антологијама“, „Мало статистике“, „Како је Андрић представљен у историјама књижевности“, „Књиге о Андрићу на италијанском“, „Есеји о Андрићу на италијанском“, и „Андрић на интернету“.

до специфичности „медитерански топле атмосфере“, коју одликују мотиви сунца, мора, светлости и топлоте, па и посебног доживљаја љубави (66). У том смислу, простор Рима као „новог универзитета“ (57) и концепт година учења („Lehrjahre“), дакако, обликују младог Андрића на двоструком, сазнајном и доживљајном плану.

Највећи интерпретативни доприноси ове књиге остварени су на плану компаративног читања пасажа о једном од најсунчанијих Андрићевих књижевних јунака, Томе Галуса, са пишевим есејима о фашизму. Кроз шест есеја посвећених рађању фашистичке идеологије, Андрић говори о „последикама несавладаног рата“, антрополошком аспекту покрета, особинама Мусолинија и свеопштој угрожености хуманог и људског у тадашњем италијанском друштву, маркирајући проблем већ у самом настанку (81–87). Марија Митровић посматра изнете Андрићеве ставове у контексту обликовања књижевног јунака Постружника, дајући добре и утемељене увиде о његовом имену и конвертитској природи. Успостављена теза се даље шири и преноси на план сукоба између различитих генерација, те специфичног односа Италије и Словеније, што се прозире у сублимним асоцијацијама као што је двострукост имена града (Тржич или Монфалконе) или инсистирање на одредници кавалера у различитим приликама (100–111). Поглавље „О напуштеном градилишту“ представља тачку сусрета свих раније изнетих токова комуникације Андрића и Италије, које бисмо могли сумирати у неколико одредница: простор Трста, мотиви светлости и таме, етичко мерило при оцени књижевности и друштвена освешћеност.

Преглед есејистичких разматрања Андрићевих дела показује уједначеност ставова о пишевом стваралаштву као простору сусрета супротности: истока и запада, светлости и таме, документа и легенде, прошлости и садашњости, меланхолије и осмеха, те различитих религија, култура и обичаја. Описане поставке доследно се понављају у критичким и есејистичким текстовима, те обликују Андрића као ванвременског писца, реџу, класика. Треба напоменути постојање још једне, не толико раширене, али свакако заступљене тенденције у литератури, која местимично изазива читалачку горчину. Реч је о неутемељеном присвајању Андрићевог стваралаштва књижевној баштини других народа који су припадали некадашњој Југославији, те треба бити свестан и таквих токова у савременој науци о књижевности (уп. 178). Ауторка педантно и детаљно бележи идеје изнете у засебним радовима, истиче упоришне тачке сваког од истраживача, при чему преглед литературе задржава објективни карактер, без полемичких ставова, што оставља довољно простора и твори упориште за даља истраживања.

Студија Марије Митровић *Andrić i Italija* представља резултат опсежних истраживања и детаљног сагледавања цивилизацијског дијалога значајног српског књижевника са свим продуктима једне велике културе — њеним највишим ликовним, филозофским и књижевним дometима, њеним природним и историјским лепотама, нијансама карактера њених становника и, најпосле, политичким ставовима који су били у опреци са свим оним вредностима за које се Андрић залагао. Стога, статистички подаци које ауторка нуди као куриозитет, показују обостраност ужитка у таквој културној размени, па сазнајемо да су на италијански језик преведени сви Андрићеве романи, који и данас „постоје у актуелним каталозима издавачких кућа“ (175). Наводи се и бројка од „89 наслова краће прозе у преводу на италијански“, при чему је прво Андрићево дело преведено 1937. године антологијска приповетка „Мост на Жепи“. Вредност Андрићевог дела се изнова показала у уметничкој изузетност, универзалности и антрополошкој важности, чиме аутор данас, педесет година након смрти, остаје актуелан и отворен за нова тумачења.

Ленка С. Насћасић
Универзитет у Новом Саду
Филозофски факултет
lenanastasic@gmail.com

„ЈА“ КАО КОНСТАНТА

Казарновский Петр. *«Изображение рая»: Поэтика созерцания Леонида Аронзона*. Москва: Новое литературное обозрение, 2025, 752 стр.

Монографија Петра Казарновског „Представа раја“: *Поетика контемплације Леонида Аронзона* свеобухватно је и исцрпно истраживање опуса Леонида Аронзона (1939–1970), преваходно усмерено на питања песничког израза. Жива ауторова мисао вешто се креће кроз различите нивое Аронзонове поетике, остајући укоренења у тези да је поезија представа раја. Баш такву перспективу у тумачењу, истакнуту и у наслову студије, диктира сам песник. У дневничком запису, издвојеном у виду епиграфа, Аронзон разумева рај као човеково исконско станиште, а уметност као његово виђење, као место промишљања лепог и узвишеног, које води првотним основама Истине. Рај није плод песничке уобразиље, и не поима се у религиозном, мистичном или надреалистичном контексту. Искуство раја песник открива у сопственој измештеници која се најближе може именовати душом. Лирски јунак урања у зачудне безвременске просторе, где владају закони обрнуте перспективе, удвајања, чак утрајања, сталног дијалога, и где се контемплација о лепоти доживљава као епифанија. Рајски простори душе предмет су чежње, она обећана земља којој се ваља вратити, а која се простире између смрти и рађања — у „засмртном“ што га човек носи у властитој кожи — метафори тог крхког граничног простора који раздваја спољашњи од унутрашњег света. Тако задати оквири тумачења ничим не спутавају, напротив, они подстичу вишеструко богато ишчитавање ове суштински метафизичке поезије, која је експериментални одраз песникове поринутости у унутрашњи живот властитог бића, његовог непрестаног трагања за одговарајућим изразом — трагања за собом.

Обимно и динамично истраживање раја подељено је на петнаест поглавља, увод и закључак. Поглавља се састоје од више фрагмената, чиме се унеколико поједностављује кретање кроз комплексну анализу света песникове душе. Поглавља и фрагменти често у наслову садрже цитат из Аронзонове поезије, што додатно појачава утисак песниковог присуства у овом вртоглавом разговору. Књига започиње портретом Аронзона и судбином његовог наслеђа, насталог у свега десетак година. Казарновски поступно показује особен животни и стваралачки пут, који је нужно водио отуђености, затворености у најужем кругу, а заправо у сопству — попришту општења са својим одразима у најближим. Породична читања књига наглас, откривање поезије Јесењина, Мајаковског, Блока, Брјусова заједно с братом Виталијем, љубав с Ритом Пуришинском, пријатељство и блискост с песником Александром Алтшулером, сликаром Јевгенијем Михнов-Војтенком, специфичан однос с Јосифом Бродским, случај Владимира Шввејгольца, познанство с Алексејем Хвостенком, Анријем Волохонским, с песницама из Мале Садове улице, понајпре с Владимиром Ерлом — све је утицало на формирање и гранање непоновљиве поетике. У периоду југовине млади песници су се враћали култури Сребрног века и раној авангарди. Тако и Аронзон посебну пажњу поклања Осипу Мандељштаму, Марини Цветајевој, Борису Пастернаку, Велимиру Хлебникову, а за дипломски рад бира тему „Човек и природа у поезији Н. Заболоцког“ (1963). Нешто раније, у мају 1962. године, у новинама *Комсомолец Узбекистана* Аронзон први и једини пут легално објављује песму „Кран“ (званично је објавио и још неколико дечјих песама у алманаху *Дружба* 1967. и 1969. године). Доживео је још свега две публикације у самиздатским алманасима *Сирена* (1962) и *Fioretti* (1965). Како аутор истиче, премда је тешко подносио то што није могао да објављује поезију, песник се није одмах одрекао јавних наступа: све до 1967–1968. био је врло активан у различитим кафеима, удружењима, студентским клубовима.

Друго поглавље доноси теоријско промишљање о лирском субјекту Аронзона. Уводећи у дискусију закључке различитих истраживача и стваралаца, Казарновски предлаже употребу термина „аутојунак“ (рус. *автотейсонаж*) за прецизније именовање Аронзоновог лирског јунака, који, познајући гранични облик постојања, сазрцава засмртне просто-

ре раја и преноси песничке визије. Аутојунак представља органски спој аутора и његовог јунака, чије пак односе карактерише врло променљива, али увек присутна дистанца, која омогућава непрекидан прелазак из једног искуства у друго и сведочи о крајње слојеној идентификацији песничког лирског „ја“. „Укратко, аутојунак је исти онај лирски јунак који је одвојен од аутора, али истовремено задржава неке његове биографске црте, укључујући и име, и будући слободан од свакодневне рутине, открива у себи немогуће у уобичајеним условима постојања. Аутојунак живи изван времена и у посебним је односима са смрћу, а за њега говори песник, који преузима на себе функцију транслатора, гласноговорника, тумача, ‘преводиоца’“ (67). Објашњавајући термин из различитих аспеката (у односу према лирском јунаку, у контексту посматрача, лирског аутопортрета) и уз помоћ стихова, Казарновски се осврће и на семантику два корена: *auto*, који „указује на припадност искључиво извантекстуалној личности аутора и на његову усмереност према самом себи“ (84) и *persona*, који истиче „објективност оног лица које се налази у условном простору раја о коме контемплира“ (84). Ни лирски јунак, ни аутор немају приоритет, закључује истраживач, јер је први крајње близак лирском „ја“, а други крајње естетизован, чак митологизован.

Јаз који зјапи међу многим субјектима лирског јунака, укључујући и аутојунака, заправо је празнина, контемплативна тишина, ћутање тајне која обавија непрестано „ја“ док се оно неуморно размиче унутар себе, изводећи на сцену властите душе увек друго „ти“. Тајна што се не може досегнути, па ни у изразу, и јесте сам рај, који уз лепоту и њено најужвишеније оваплоћење — небо — чини онтолошке основе Аронзоновог уметничког света, како то дефинише Казарновски, отварајући треће поглавље. Овде су у општим цртама представљене кључне координате песничког система, које аутор потом у засебним поглављима подробно анализира, а Аронзон се, између осталог, сагледава и у контексту руског песничког наслеђа као спој „две важне линије — субјективно лирске, идиличне, која иде од ‘лаког’, ‘моцартовског’ Пушкина, и објективно филозофске, елегичне, која се храни моћном мишљу Баратинског и Тјутчева“ (108).

Налазећи да је Аронзон својим поимањем лепоте наследник класичне традиције, аутор одбацује разумевање његове поезије као „чисте уметности“, „ларпурлартизма“. „Лепота је стално стање песничког света“ (16). Исопштени јунак посматра свет са стране, именује га, спајајући унутрашњи и спољашњи план и самим тим стварајући јединствен хронотоп у коме се стичу различити вектори доживљаја. Знак тог хронотопа најчешће је природа — „одраз одраза“, „огледало огледала“, чија је лепота примарна у односу на „рукотворине“ уметности, а судбина јунака који преображава недостижни свет поезијом увек је растварање, нестајање. Казарновски, крећући се кроз четврто поглавље, констатује да је успијање ка тајновитости света и чак продирање у њега заправо његово откривање, у коме се наставља божанско стварање. Осврћући се на Пушкина, Хлебњикова, Заболоцког, Шилера, Канта, Владимира Соловјова, Берђајева и друге, аутор тумачи конкретне песме кроз призму естетизације природе и долази до закључка да је лепота за Аронзона објекат неутаживе жеље. Лишено дидактичког и спознајног плана, његово стваралаштво разумева се донекле у контексту Платонове филозофије као достизање идеје добра и истине „у простору естетски преображеног света природе“ (161). Одељак се завршава полемиком с Лесинговим становиштем о пејзажној лирици, уз истицање значаја који за песника има памћење, сећање, и сходно томе, стварање апстрактног простора — „пејзажа душе“ по сећању, у уобличи. Тако и последњи фрагмент овог поглавља доноси интерпретацију неухватљивог простора у виду екфразе непостојеће слике. „Пејзаж душе“ као главни концепт Аронзонове поезије у фокусу је и следећег сегмента књиге, који чини минуциозна анализа поеме *Шејтња* (1964). Казарновски ово дело види као преломну тачку, „кризни моменат“ у Аронзоновој поезици, где веза између аутора и аутојунака поприма карактер удвајања и где долази до проблематизације специфичних, променљивих односа између аутојунака и простора, из којих ниче „свет душе“ што тежи бескрају.

Казарновски наставља приљезно посматрање категорије простора и у наредна три поглавља. Интериоризација, обрнута перспектива и кретање главне су теме анализе које диктирају стихови. Песник, за разлику од хоризонталне (Пушкин и Љермонтов) и верти-

калне (Тјутчев и Фет) димензије у руској класичној поезији, бира усмереност ка дубини, и ту посеже за чистотом коју жели да ослободи. Истраживач, вођен покретљивом и вишеструком тачком гледишта Аронзоновог аутојунака, издваја „около“, „одакле“ и „где“ као главне векторе простирања овог света душе. У темељној анализи, у којој понекад на основу увида у тек један стих виртуозно ниже читав сплет теза и закључака, аутор напореда са дубином нарочито узима у обзир успињање као примарну трајекторију песникове визије. То даље прати разматрање категорије узвишеног и његовог амбивалентног доживљаја преко осећања среће и страве, као и фиксирање просторних димензија мотива неба — како васколико присутног, тако и одсутног, које маркира „беспросторну празнину“, заправо своју немогућност. Посебна пажња у контексту простора поклоњена је и мотиву смрти, јер Аронзонова поезија јесте простор засмртног близак пренаталном стању, где је време замрло заједно с кретањем јунака који пребива у сталној контемплацији над пејзажем властите душе.

Ближе разумевање „унутрашњег хронотопа“ даје се и преко принципа обрнуте перспективе, формулисаног у текстовима Павла Флоренског и његових ученика, увида у просторне парадоксе и нарочиту театаралност, чиме се „у лирском простору решава питање Флоренског у погледу позоришта и књижевности“ (286), постављено приликом анализе Шекспировог *Хамлеја*. Аронзон је у театру видео основу живота, попут блиског пријатеља Бориса Понизовског, творца идеје „тоталног театра“. Песника занимају условност и игра, непрестана могућност одражавања и дијалога, па чак и гранична природа сценске игре, која може окончати у немилом срастању с маском, у тами потпуног самоотуђења. Ипак, разматрајући кретање у простору, истраживач одређује статичну позу аутојунака — одраз атараксије — у пантеистичком кључу као центар „који је свуда, а периферија — нигде“. То је тачка спокоја, пауза, у којој се простор стиче с временом и где се утврђује јединственост света, себе у свету, света у себи. Свет је тренутачан, као и лепота у којој се он попут блеска открива аутојунаку, а таква постаје и песничка реч што га одражава. „Аутојунак у тој тачки ‘не узимајући учешћа’, то јест без икаквог односа ‘према свему што је у свету било’, позиционира себе као мртвака, којег са животом повезује само љубав“ (343). Он посматра, а диспозиција тог, колико пасивног, толико и динамичног погледа предмет је анализе деветог поглавља. Анализирајући и стихове, и цртеже, Казарновски показује како песничка реч постаје такође просторна категорија, растварајући се у тишини, у ћутању о апстрактном, неуловљивом, „непросторном простору“, док песничке слике попримају вишезначну природу хијероглифа. Попут човека, реч је „само кожа, танак слој између ћутања, лепоте, раја“ (123). Напореда са тишином, аутор пише и о светлости и заслепљености „анђеоским сенкама“. Диспозиције аутојунаковог погледа смењују диспозиције песничке речи које су у фокусу десетог поглавља. Детаљна лексичко-граматичка анализа даје увид у Аронзонов сложени и танани песнички експеримент, оријентисан на унутрашњу форму речи. Наизглед једноставна лексика скрива необична померања на микронивоу, која чине смисао непостојаним, воде трансценденцији.

„Ја и ти“, дијалог и двојник — теме су истраживања у наредна три поглавља. Казарновски издваја самоћу као важно стање лирског „ја“ као константе. Али самоћа се не схвата само у негативном контексту већ и у виду јединствености, тако типичне за изолованог аутојунака. Самоћа не јењава ни приликом зближавања с другим, па и са Богом — зближавања коме јунак толико тежи, а које никада не може бити потпуно. Пошто је у сталној флуидној потрази за другим зарад контемплативног дијалога, песник се раздваја, раствара у „ти“, продије у њега, и с тих позиција некаквог умноженог „лирског ми“ покушава да осмотри свет. Управо то стање, такав покушај да се свет објуми узајамним преплитањем погледа, Аронзон назива „фотографијом света“: „[...] објумити ‘све’ не у делимичној појавности, у детаљима већ јединственим моменталним погледом сабрати *најважније* — неизречиво које се налази на прагу рођења или нестанка, празнину, паузу, ћутање [...]“ (480). У изобилју знаковитих питања и закључака које аутор износи ваља посебно издвојити детаљну анализу песме „Посланица у лечилиште“ у контексту дијалога песника и душе, али и проблем имена и лица који се разматра из перспективе процеса идентификације.

Претпоследњи одељак доноси тумачење сонета — главне песничке форме у поезији Аронзона. Аутор поступно и аргументовано показује како строг канон у Аронзоновом

стваралачком искуству поприма „трансгресивну природу“. Сонет је „квинтесенција одсуства“, осамљености, знак немогућег израза, оивичена празнина, Ништа, ћутање што препознаје рајску лепоту, маркер изласка из субјективног праволинијског времена, у одразу оваплоћена визија из засмртног простора. Смрт пак није само место одакле се посматра простор душе већ и „посебан модус из кога се утврђује живот“ (20). Песник стреми ка чистој потенцији свеprisутства и свеодсуства — ка „нултој тачки“ која је ван простора и која време чини реверзибилним или га поништава, поистовећујући тренутак рађања и тренутак смрти. У тежњи да иступи из зачараног круга настанка и нестанка, песник посеже за формом *mise en abyme*: „аутојунак будући препуштен трци, унутар махнитога кретања остаје спокојан“ (682). Уопште узев, како тврди аутор у завршном поглављу, Аронзон је и читаво стваралаштво доживљавао као припрему за смрт. У духу Платонове филозофије он пева о ослобађању душе од тела, захваљујући кретању кроз унутрашњу лепоту непоколебивог „ја“. На тај пут ступа и читалац, захваљујући импозантној студији Петра Казарновског, који досеже највише домете филологије, узносећи је на разину филозофског промишљања.

Василиса Шљивар
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
vasilisa.sljivar@yahoo.com

МЕЂУНАРОДНА НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЈА
„КОСМОС И ХАОС У РУСКОЈ АВАНГАРДИ“,
(Институт за филозофију и друштвену теорију
Универзитета у Београду, 6. и 7. јун 2025.)

У Београду је 6. и 7. јуна ове године у Институту за филозофију и друштвену теорију у сарадњи са највећом московском издавачком кућом „Нова књижевна панорама“ одржана међународна научна конференција посвећена идејама космоса и хаоса у руској авангарди. По замисли Наталије Мазур, Глеба Јершова и Корнелије Ичин научни скуп је окупио еминентне историчаре уметности, сараднике неколико водећих музеја и професоре универзитета, чија су интересовања фокусирана на руску авангарду у контексту светске авангарде. Тако су се у Београду нашли уметнички директор Државног музеја ликовних уметности „А. С. Пушкин“ из Москве Иља Доронченков, директор Државног музеја савремене уметности из Солуна Марија Цанцаноглу, директор Института савремене руске културе из Лос Анђелеса Џон Боулт, челник одељења за проучавање уметности ХХI века у Руском музеју из Петербурга Јекатерина Андрејева. Поред њих на конференцији су учествовали и професори Европског универзитета из Санкт Петербурга, Слободног универзитета из Брисела, Универзитета „Оријентале“ из Напуља, Северо-западног универзитета из Илинојса, Универзитета Гутенберга из Мајнца, Руског државног уметничко-индустријског универзитета „С. Г. Строганов“ из Москве, Универзитета у Цириху, Научно-истраживачког универзитета „Висока школа економије“ из Санкт Петербурга, Универзитета у Београду, те водећи зналци уметности ХХ и ХХI века из Државног института за теорију уметности (Москва), Института за славистику РАН (Москва) и Института за светску књижевност РАН (Москва).

Након поздравних речи директорке Института за филозофију и друштвену теорију Газеле Пудар отварање конференције било је поверено Иљи Доронченкову, Џону Боулту, Николети Мислер, Јекатерини Лазаревој и Марији Цанцаноглу. И. Доронченков се у свом излагању „Вика Бурљука и нова француска интернационална уметност. Руска авангарда и Запад: хаос против реда?“ оријентисао на саме почетке руског футуризма и његов антагонизам у односу на авангардну уметност на Западу, истовремено показујући директне везе руских уметника с француским постимпресионистичким сликарством и њихову борбу за нови тип лепоте. Џ. Боулт и Н. Мислер изнели су закључке својих дугогодишњих истраживања митологеме космоса у руској авангарди у фундаменталном тексту „Космос руске авангарде“. Ј. Лазарева у раду „Од бацаења бомби ка организацији. Хаос и космос као кључ за разумевање авангарде у њеном развоју (еволуцији?)“ промишља о типовима и разликама у авангарди у зависности од времена деловања (рана и позна, историјска неоавангарда, авангарда 1910-их и авангарда 1920-их). Ослањајући се на разлику коју је бриљантно демонстрира Нина Гурјанова, користећи руску авангарду као пример, где је промена у уметничкој идеологији повезана с променом политичке ситуације. Сличну промену очава и Ј. Лазарева у европским авангардама, а логику те трансформације повезује с новом културном атмосфером послератне Европе, где је „позив на ред“ постао својеврс-

ни дух епохе. Међутим, категорије хаоса и космоса пружиле су могућност да се на историју авангарде пројектује древни космогонијски принцип рођења једног из другог, па тако победа организованих „космичких“ тенденција у послератној авангарди над спонтаним и „хаотичним“ тенденцијама ране авангарде открива њену унутарњу логику развоја (еволуције?), која није нужно условљана историјским околностима или политичком конјектуром, а што нам предочава различитим примерима Ј. Лазарева. М. Цанцаногу је наступила с рефератом „Четврта димензија: сродност и конфликти авангарде и теозофије“, који се фокусирао на једну од кључних тема с почетка XX века како у науци, тако и у филозофији и уметности. Ауторка је истраживала однос између научних трагања Минковског, Бугајева, Кантора, Флоренског, с једне стране, и промишљања теозофа и уметника о четвртој димензији Петра Успенског, Велимира Хлебњикова или Михаила Матјушина, с друге стране.

Ову тему је донекле продубила Наталија Мазур у раду „Мрачно просвећивање руске авангарде: утицај псеудонауке о енергији“, стављајући у фокус истраживања велики број научно-популарних издања 1910-их, којима су се напајали руски авангардни уметници. У овом изузетно занимљивом и неочекиваном излагању било је готово све ново за проучаваоце авангарде, будући да се досад нико није бавио псеудонаучним издањима, погрешкама у разумевању научних открића, а самим тим и погрешним представама на сликама. Питањима односа науке, филозофије и авангардне уметности био је посвећен и рад Микаеле Бемиг „Борба са Сунцем, разумом и Кантом“, фокусиран на футуристичку оперу „Победа над Сунцем“ као нихилистичким пројектом испоставе празне категорије Бога код Канта.

Посебно место је заузело проучавање биокосмизма у излагањима Нине Гурјанове и Марије Кувекаловић. Н. Гурјанова, аутор књига о Олги Розановој и о естетици анархије у руској авангарди, у свом раду „Од антропозофије до биокосмизма у руској и мексичкој авангарди“ изнела је своја запажања о два културна кода, која су имала заједнички филозофско-уметнички темељ у потрази за новим изразом. Своја размишљања ауторка је поткрепила чињеницама о сусретима који су се одвијали између руских и мексичких уметника попут Иљазда, Шаршуна, Ривере и Кало у Европи или, пак у Мексику — са Ејзенштејном. Како смо сазнали, рад на везама између руске и мексичке авангарде је замиљен као будућа монографија Н. Гурјанове. Марија Кувекаловић се пак бавила биокосмизмом у контексту поезије Сергеја Третјакова и руске филозофске мисли Вернадског и Циолковског, подневши реферат под називом „Биокосмички принципи и футуризам С. Третјакова (на примеру песничке збирке „Гвоздена пауза“)“. Тематика космизма/биокосмизма било је посвећено и излагање Лане Јекнић „Космичка бесконачност Виктора Черноволена“ базирано на једном од најзанимљивијих сликара групе „Амаравела“. Дела овог мало познатог сликара раскошне имажинације и колорита Л. Јекнић је разматрала у контексту филозофије Н. Фјодорова, В. Вернадског, К. Циолковског, А. Чижевског и других филозофа, али и у контексту ликовног израза уметника „Амаравеле“ те њихових претходника М. Чурљониса и В. Чекригина.

Питањима естетике били су посвећени радови Дениса Иофеа, Олге Муромцеве и Дмитрија Козлова. Д. Иофе је проучавао мотив „гљива“ на сликама руских авангардних уметника, ослањајући се на аморфност и непредвидљивост њиховог живота у природи те начинима репрезентације на сликама В. Кандинског и других експресионистичких сликара, стриктно класификујући њихов визуелни израз (у реферату „Хаосмос гљивичне руске авангарде: основна естетска чворишта“). Рад Д. Козлова „Нови“ као метафора. Еволуција појма у текстовима ране авангарде“ показао је свеукупну оријентацију авангарде на будућност и њену потребу за тоталном обновом. Појам „нови“, који везујемо пре свега за Ел Лисицког (појам „проун“ — пројекат утемељивача новог; Уновис — Утемељивачи нове уметности), коме су посвећене монографије Козлова, био је проанализиран на великом броју примера из теоријске и критичке литературе 1910-их, када се формирала руска авангарда, са циљем да с еодговори на питање шта се тада подразумевало под појмом „нови“ у уметничким манифестима. „Бежање форме“ Ивана Пунја: о прихватању хаоса, улози супрематизма и поезици Хлебњикова у стваралаштву уметника“ назив је излагања О. Му-

ромце, које се бави сликом Ивана Пунија „Бежање форме“ и графичким скицама за дизајн револуционарних прослава, које су најупечатљивији одраз слома, хаоса и нестабилности првих постреволуционарних година. Идеја прогреса, која је била у основи модернизма, изгубила је своје значење, па је Пуни почетком 1920-их предложио своју визију простора и бесконачности у савременом сликарству, када пише књигу посвећену критичкој анализи супрематистичких слика, које је доживљавао искључиво као формалистичка трагања сликарства (објављена је 1923). Чињеница да је књига била посвећена Велимиру Хлебникову говори о многоме: не само о заљубљености песника у жену Пунија сакарку Ксенију Богуславску него и о њиховим дугим разговорима о уметности. С тим у вези О. Муромцева указује на чињеницу да париски архив Пунија и Богуславске и даље остаје недовољно познат и истражен, те да стога сама преузима на себе улогу истраживача најбриљантнијег и најоригиналнијег раздобља стваралаштва Пунија — краја 1910-их, који су забележени у архивским материјалима.

Архитектурним трагањима руских авангардиста били су посвећени реферати Вадима Баса и Корнелије Ичин. В. Бас је у свом врло занимљивом реферату „Просторни ред против социјалног хаоса: о пројективним методама у архитектури конструктивизма“ показао читаву филозофију европског и руског конструктивизма, оријентисану на економију времена, простора, радне снаге. У ту сврху је аутор поручио огроман број публикација у часописима и новинама, који су доносили математичке прорачуне идеално организованог живота новог човека. К. Ичин, пак, бавила се потпуно другачијом архитектурном тематиком: рад „Из Витебска у космос: архитектонски пројекти супрематиста“ разматрао је основне постулате супрематистичке архитектуре на примеру Маљевичевих ученика Лазара Хидекеља, Иље Чашника и Николаја Сујетина, оријентисане на космичко пространство, али и на прве зачетке еколошке архитектуре (код Хидекеља). Василиса Шљивар се бавила истраживањима хаоса и космоса у стваралаштву вајара Вадима Сидура („Судар хаоса и космоса у авангардним асамблажима В. Сидура“), показујући његов развојни пут који је водио од јасне, сведене линије бронзе ка хаотичним творевинама гроб-арта. Размишљања о изворима стваралаштва Сидура водили су ка историјском искуству, које се преобликовало под утицајем филозофије и натурфилозофије у борбу за космичко памћење и космичку правду, засновану на љубави према свема што нас окружује.

Истраживањима космичког у сликарству вратили су нас радови Глеба Јершова, Наталије Злидњеве и Сергеја Фофанова. У раду „Космос и револуција. Формула историје Павла Филонова“ Г. Јершов, аутор познате монографије о творцу аналитичке уметности, бави се стваралаштвом Филонова након повратка с фронта 1918. године, којима сликар демонстрира револуцију као космички догађај универзалних размера. Главни акценат је стављен на уметникову концепцију историјског времена и места човечанства у ери радикалних тектонских поремећаја у историји, па и у идејама о будућности. Аутор се усредсређује на то да дефинише у чему се Филоновљев космос разликује од космоса Маљевича и других представника руске авангарде, као и на то да одгонетне како се идеја светског процвата односила према идеологији социјализма и комунизма те како је успостављена одлучујућа улога уметности у „пробијању интелектуалног пута у далеку будућност“. Г. Јершов се такође дотакао уметникових „формула“ из 1920-их које су заправо означавале не смао победу над временом него и тријумф над вечношћу. Н. Злидњева је свој реферат „Сликарство 1920-их као прогноза и/или предосећање“ посветила бројним ликовним остварењима, у којима је открила провиденцијално, почев од слике Ка зимира Маљевича „Комликовано предосећање“ па надаље. Овај занимљив рад је у данашњим историјским околностима звучао као узбуна на увек актуелни непомирљив однос између власти и уметности. С. Фофанов је своје излагање базирао на вишегодишним пороучавањима архивских материјала и перцепције Георга Гроса у Русији, парафразирајући у наслову назив филма Лава Куљешова „Авантуре Георга Гроса у земљи Совјета. Истина, фантазије и значај за развој совјетске уметности“.

Посебно бисмо издвојили рад Јекатерине Андрејејеве, аутора великог броја монографија и приређених изложби, где се феномен уметности Заума у култури Санкт Петербурга (Лењинграда) представља као једна јединствена нит — космичка. У излагању „Јап/Сјаж.

Космос петервуршког заума: од Матјушина до Котељникова“ Ј. Андрејева функцију Заума — космичку и/или хаотичну — испитује кроз визуелна и књижевна дела уметника и писца од Михаила Матјушина до Олега Котељникова и „Нових уметника“, укључујући цели циклус авангарде XX века.

Изузетно занимљиво је било излагање Оксане Булгакове, аутора неколико монографија о филмској уметности, о документарном филму Дзиге Верова, о уметничким поступцима Сергеја Ејзенштејна, о гласу као културном феномену, о фабрици гестова. Њен рад „Хаос уместо музике? Естетика буке у руској авангарди и совјетском филму“ био је посвећен проблематизовању звука у совјетском филму са аспекта буке која се доводи у везу са агресивним деловањем на психосоматику човека. О. Булгакова разматра буку у контексту историје филма и историје модерне музике, која, када је реч о руској авангарди, започиње партируром М. Матјушина за футуристичку оперу „Победа над Сунцем“.

Најзад, један број радова је био посвећен књижевности. Међу њих спадају радови Андреја Росомахина „„Граматику тачни коњ...“: хаос и космос у магичном аутограму Данила Хармса“, Јелене Глуховске, посвећен песничком наслеђу Георгија Харазова у контексту књижевне авангарде 1920-их година, и Јелене Кусовац, посвећен хаосу и космосу у роману *Усхићење* Иље Здањевича. Полазећи од Хармсовог дневника из 1931. године, где је било речи о томе да се „моћ својствена речима мора ослободити“ како би речи деловале на предмете, тачније покренуле их, А. Росомахин разматра типове књижевних маханизама на које Хармс обраћа пажњу (стихови, молитве, песме и бајалице) са идејом да покаже њихово деловање. Као пример он врши суптилну анализу јединствене песме-аутограма која у себи садржи сва четири типа књижевних механизма. За разлику од А. Росомахина, Ј. Глуховска је представила опус Г. Харазова у широким оквирима, укључујући и мало познату биографију аутора. Ипак, главна окосница реферата било је готово непознато песничко стваралаштво Харазова, које је настајало у Бакуу и над којим је Харазов, судећи по успоменама М. Алтмана и Ј. Милиор, константно радио. Ј. Глуховска нам је открила постојање необјављене Књиге Г. Харазова *Поеме. Песме. Писма*, која се чува у архиву наследника М. Алтмана. Учесници конференције су имали прилике први пут да чују неке од песама Г. Харазова, које су својим еротским набојем запрво одговоарале његовим интересовањима за психоналаизу Фројда, о којој је писао и држао предавања у тадашњем Тифлису. Реферат Ј. Кусовац био је посвећен питањима хаоса и космоса у лексичком експерименту Иљаздовог романа *Усхићење*. Детаљна, класификована анализа различитог рада Здањевича са речју и звуком, показала је дубоко промишљање футуристе о речи као градивној јединици прозног текста. Из излагања Ј. Кусовац произлазиле су богате паралеле с експериментима европских авангардиста, с којима се Иљазд дружио у Паризу, у време писања овог романа.

Најзад, поменимо и то да је током конференције била уприличена и презентација издања Европског универзитета у књижари „Бела врана“ у Београду, на којој су учествовали Нина Гурјанова, Глеб Јершов и Дмитриј Козлов. Посебан осврт је дат на превод књиге Нине Гурјанове *Естетика анархије* са енглеског на руски језик ове године.

Конференција је у два дана 6. и 7. јуна окупила зналце руске уметничке авангарде из Русије, Немачке, Италије, Грчке, САД-а и Србије. Овај невелики скуп је отворио многа питања, донео нове, непознате и неочекиване материјале, обезбедио плодотворни разговор, најзад, оставио жељу за поновним окупљањем и радом. О значају ове конференције говори и чињеница да се више издавача из Русије, Италије и САД-а интересовало за публикацију текстова. Како је реч о студијама историчара уметности које захтевају адекватну полиграфску припрему илустративног материјала, одлучено је да оне буду објављене у алманаху за руску културу *Експеримент*.

Корнелија Ичин
Универзитет у Београду
kornelijaicin@gmail.com

XVII МЕЂУНАРОДНИ КОНГРЕС СЛАВИСТА

(25–30. август 2025, Париз, Француска)

Изучавање словенских језика, књижевности и култура поседује дугу традицију, која се успешно негује и у словенским и у несловенским срединама. Различити славистички центри широм света могу се похвалити научном активношћу различитог типа, али се Међународни конгрес слависта издваја не само дугим постојањем, већ и наслеђем, а посебно аманетом за будуће генерације слависта. Први конгрес одржан је 1929. године у ондашњој Чехословачкој и од тада се на сваких пет година водећи слависти из читавог света састају како би размотрили актуелна питања у науци о језику и књижевности, или пак она старија сагледали у новом светлу.

Од 25. до 30. августа 2025. године у Паризу је одржан седамнаести по реду Међународни конгрес слависта, по први пут у несловенској земљи¹, чији су организатори били Филолошки факултет и Институт за славистику Универзитета Сорбона, на челу са проф. др Наталијом Берницком, у сарадњи са партнерским институцијама². Париски Међународни конгрес слависта окупио је више од 1000 учесника³ из 45 земаља света, који су током шестодневног одржавања Конгреса учествовали у раду великог броја секција (22⁴), сесија (74), тематских блокова (41), округлих столова (6) или постер сесија (3).

Рад Конгреса свечано су својим пленарним излагањима на руском и француском језику првог дана отворили писац Борис Акуњин, лингвиста Ђована Брођи, историчар књижевности Жорж Нива и, на посебну радост и част српске делегације⁵, академик лингвиста Александар Лома. Надахнути њиховим говорима, учесници су у наредним данима присту-

¹ Подсетимо се, од времена установљења Конгреса 1929. год. домаћин је била нека од словенских земаља, при чему је Београд, односно садашња Република Србија имала част да двапут организује овај престижни конгрес и угости научнике слависте из целог света — 1955. и 2018. године: Чехословачка (Праг–Брно–Братислава, 1929), Пољска (1934, 1973. и 1998), Русија (1946. и 1958), Бугарска (1963. и 1988), Чешка (1968), Југославија (Загреб–Љубљана, 1978), Украјина (1983), Словачка (1993), Словенија (2003), Северна Македонија (2008), Белорусија (2013) (према wikipedia).

² Сорбонским лингвистичким центром CELISO и лабораторијом EUR'ORBEM.

³ Проширене верзије апстраката свих учесника Конгреса доступне су на следећој интернет-страници: <https://mks-paris.sciencesconf.org/resource/page/id/20>. У даљем тексту акценат ћемо ставити на лингвистички део Конгреса, а због великог броја сесија, секција и тематских блокова, у хроници их наводимо селективно. Програм конгреса са свим његовим чиниоцима доступан је на сајту: https://mks-paris.sciencesconf.org/data/pages/programme_22_11.pdf.

⁴ На пример: Историјско-компаративна и ареална истраживања словенских језика, Историја словенских језика, Дијалектологија словенских језика, Ономастика, Граматика, семантика и прагматика савремених нормираних словенских језика, Лексикологија, семантика и стилистика савремених словенских језика, Интердисциплинарна истраживања словенских језика, Стандардизација и норме словенских језика, Интердисциплинарна истраживања словенских књижевности, Средњовековна словенска књижевност, Књижевно-историјска знања, књижевна критика и штампа, Славистика у несловенским земљама и др. Оригинални назив већине секција, сесија, тематских блокова и округлих столова у програму Конгреса написан је на француском језику (понегде са преводом на руски језик), а за потребе писања ове хронике превели смо их на српски. Називе реферата остављамо у изворном облику, тј. онако како су наведени у програму Конгреса.

⁵ Радови великог броја чланова српске делегације објављени су у међународном тематском зборнику радова *Српска славистика 2025.*, чији су уредници Р. Драгићевић и Б. Сувајдић. Зборник је у електронској форми доступан на сајту Савеза славистичких друштва Србије: <https://ssds.org.rs/wp-content/uploads/2025/07/Srpska-slavistika-Rajna-Dragicevic-Bosko-Suvajdzic-za-sajt.pdf>.

пили раду по сесијама, које су биле организоване у складу са тематиком одговарајуће секције, тематским блоковима и др. Другог дана рада Конгреса, између осталих, одржана је сесија „Формална синтакса и функционалност словенских језика“, која је садржала реферате посвећене различитим питањима не само у домену морфосинтаксе и синтаксе на реченичном, него и фразеолошком нивоу — и то на примеру дистрибутивних фразема са упитним заменицама у словенским језицима (Валентина Апријесан, САД и Михаил Копотјев, Финска/Шведска). Истраживачи су настојали да одговоре и на многа „стална“ питања, те су тако размотрени критеријуми по којима се разликују медијалне и пасивне се-конструкције (Бранимир Белај, Хрватска), односно употреба и функција речи *sobie* у колоквијалном пољском језику у поређењу са чешким „si“ (Петер Коста, Немачка), а указано је и на лексичко понављање као специфичну особину источнословенске синтаксе (Михаил Копотјев, Финска/Шведска). У фокусу интересовања била је и валентност глагола кретања као вечити инспиративан изазов (Силвија Сабарин, Мађарска), као и, с друге стране, семантичко-прагматичка анализа неглаголских реченица у руском језику на основу контрастивне анализе корпуса (Антонина Бондаренко, Француска). Допунске зависне реченице у словеначком језику, али и компаративном кључу, биле су предмет истраживања Дејана Габровшека и Домена Крвине (Словенија).

„Протословенски језик и његови дијалекти и Етимологија“ назив је сесије која је окупила радове оријентисане на дијахронијско проучавање словенских језика у различитим областима. Александар Лома (Србија) разматрао је настанак и развој сложеница у историјској перспективи у излагању под насловом „D'un mot simple à un composé et à l'envers“, док се Радмило Маројевић (Србија) у излагању „Лексичко-семантичко поље «породица» и словенске посесивне форме“ бавио описом посесивних форми на фону сродничких термина. Пјотр Соботка (Пољска) осврнуо се на порекло словенских експоната истине у функционалном кључу, Јиржи Рејзек (Чешка) указао је на најстарије творбене разлике међу словенским језицима, док је Клер ле Февр (Француска) изнела запажања у вези са препозитивним спојевима у протословенском. Илона Јанушкова (Чешка) етимологији је приступила као арбитру за рефлексију паганизма у старословенској лексци, и то на примеру лекара и исцелитеља. Путевни сложеног развоја словенских језика праћени су и у сесији „Интеракција стандардних словенских језика и локалних дијалеката у различитим периодима историје“, где је Александар Милановић (Србија) представио „Типологију српских књижевних језика у XVIII и XIX веку у словенском контексту“, а Павел Петрухин (Немачка) говорио о источнословенском свакодневном писму. Између осталог, у овој сесији размотрен је и језик на којем су писане приватне преписке ивангородских трговаца 17. века (Анастасија Рико и Јелизавета Сосновцева, Естонија), као и грамоте на тлу белоруских и украјинских земаља од 14. до 16. века (Алена Руденка, Пољска).

Велику пажњу слушаалац лингвистичког дела конгреса⁶ изазвала је сесија „Грамати-чка семантика словенских језика: аспектологија“ у оквиру које су излагали реномирани граматичари 21. века. Преподневни део сесије отворио је Тилман Бергер (Немачка), који је у излагању „The Emergence of New Periphrastic Constructions in Czech and Slovak“ описао нове перифрастичне конструкције у чешком и словачком језику типа „Byl jsem se tam podívat — Bol som sa tam pozrieť“, упоредивши њихову фреквенцију, конкурентне хомонимске конструкције, те указавши на семантику и вид „уграђених“ глагола. Група аутора (Бјорн Вимер и Пјотр Аркадјев (Немачка), Младен Ухлик (Словенија), Јана Коцкова (Чешка) и Пјотр Вирошлак (Пољска)) испитивала је функционалне сличности садашњег и будућег времена глагола у словенским језицима („Функциональные пересечения настоящего и будущего времен глаголов совершенного вида в славянских языках“). Утврдили су да бугарски, словеначки и чешки језик имају низак удео футура СВ у асертивним говорним жанровима, да се у словеначком презент СВ чешће користи за изражавање хабитуалних ситуација него у чешком, те да потоњи показује мањи удео сенценцијалних актаната при презенту СВ него севернословенски и јужнословенски језици, али да је реч о статистички

⁶ Толику да су многи учесници доносили столице и седели испред просторије у којој се секција одржавала јер су сва предвиђена места била заузета.

безначајној разлици. Александр Летучиј (Русија) размотрио је аниматност у координираним именским конструкцијама у руском језику, утврдивши да се граматичка вредност читаве конструкције разликује од вредности њених појединачних чланова, што доводи до ситуације да се колективне именице интерпретирају као група људи, а не као једна колективна именица („Одушевлённость сочинённых именных групп в русском языке“).

Валтер Број (Немачка) анализирао је у излагању „Первичная и вторичная имперфективизация в условиях языкового контакта: случай молиско-славянского языка в Италии“ примарну и секундарну имперфективизацију у молиском језику, указавши да је префиксација изгубила важност у морфологији глаголског вида у молиском језику услед романског утицаја, где је функција префикса врло ограничена. Доминантну улогу у имперфективизацији има суфикс „-iva“, док се у појединим селима испитиване регије напоре до користи и суфикс „-ilja“ (giviljat, tradiljat и др.). Олег Чинкарук (Француска) бавио се употребом плусквамперфекта у савременом украјинском језику („Функционирование плюсквамперфекта в современном украинском языке“), и закључио да се ово глаголско време широко употребљава у свакодневној комуникацији, у медијима, на интернету, као и у књижевности, док у научном, правном и административном дискурсу нема примера његовог коришћења, што се може објаснити оријентисаношћу ових регистара на констатацију чињеница, а не давање субјективних оцена. Развитком функционисања СВ у развоју руског језика бавила се Јекатерина Мишина (Русија) у реферату „Изменение сферы функционирования совершенного вида в истории русского языка (от конкуренции к нейтрализации)“. Она је закључила да је дошло до редукције граматичких облика и типова контекста који допуштају СВ, што је довело и до редукције позиција где су облици СВ и НСВ били конкурентни, затим да је императив СВ готово у потпуности истиснут од императива НСВ у прохибитивном значењу и др.

Поподневна сесија дате секције започета је рефератом Петра Бискупа (Немачка) о итеративности и глаголским класама („Iterativity and verb classes“), који је установио да партиципски придеви, глаголи кретања и имперсоналне конструкције показују неочекивану аргументску структуру и итеративну интерпретацију, као и да суфикси „-n“ и „-t“, присутни у партиципима, нису обележје семантичке него морфосинтаксичке транзитивности. Мирко Сакини (Италија) у излагању „Russian verbs of final result: what Aktionsarten to teach and to whom?“ настојао је да предложи презентацију афиксалних специјално-резултативних глагола прилагођену студентима који уче руски језик као страни почев од средњег нивоа. Људмила Поповић (Србија) је пратила развој перфекта и плусквамперфекта у староукрајинском и старополском језику 16–18. в. („Плусквамперфект и претерити у словенским језицима из дијахронијске и синхронијске перспективе“), где су семантичке модификације условљене губитком презент глаголске копуле, односно њеном десемантизацијом у прошлом времену. Закључила је да је развојни пут ППФ („новог“ плусквамперфекта) од таксисног до модалног значења имао следеће фазе: (1) иницијално појављивање у супротним реченицама с негацијом — (2) употреба у конструкцијама с маргиналним резултатом — (3) негирани ППФ у контрафактивним конструкцијама — (4) погодбени начин у условним реченицама без негације. Бастјен Поро (Француска) представио је анализу руских модалних предикатива „надо“ и „нужно“ („Formal representation and analysis of the modal predicates nado and nužno in Russian“), док је Надежда Зорихина Нилсон (Шведска) анализирала функцију глаголских прилога СВ у ширем контексту — на нивоу пасуса, строфе или књижевног текста у целини („Деепричастия совершенного вида в русском языке и временной порядок нарратива“). Установила је да се таквим облицима постиже различита наративна динамика — регрес, пауза или прогрес. Симон Мелквист (Шведска) је такође анализирао конвербе, али са аспекта денотирања тзв. „комплементарне случајности“ („Complementary coincidence: division of labour between expressions denoting means and end“). Володимир Труб (Украјина) је анализирао функционисање различитих специфичних облика украјинских и руских глагола, узевши као битне параметре не само вид глагола, већ и време говорника и сам говорни чин, што му је омогућило да издвоји употребне карактеристике специфичних видских значења („Семантичні особливості функціонування різних видових форм українських і російських дієслів“).

„Словенска терминологија и терминографија“ представља важан део славистичких испитивања, што су учесници и доказали ширином својих истраживачких тема. Наиме, у датој сесији размотрени су различити степени детерминологизације у општим речницима словенског и западнословенских језика (Нина Лединек и Миа Микелица (Словенија), „Izterminološki leksemi z vidika različne stopnje determinologizacije v sodobnih splošnih razlagalnih slovarjih slovenščine in zahodnoslovanskih jezikov“), као и утицај словеначког метајезика на лингвистичку терминологију (Митја Тројар (Словенија), „Slovenian Metalanguage and Linguistic Terminology in a Comparative Perspective“). Превођење правне терминологије у дидактичке сврхе за италијанске студенте описала је Оља Перишић (Италија; „Употреба корпуса у дидактици језика струке за италијанске студенте на примеру превођења правне терминологије“), док се Исидора Бјелаковић (Србија) фокусира на позајмљенице забележене у историјском регистру српских језика у 18. и 19. в. („Позајмљенице у историјском термилошком регистру српских књижевних језика 18. и 19. века“), а Александар Стефановић (Француска) на превод војне терминологије са француског на српски језик („Réflexions sur la traduction de la terminologie militaire du français vers le serbe“).

Првог дана одржано је и више тематских блокова, међу којима је „Творбена гнезда у словенским језицима: системност деривационе продуктивности“, који је организовала Рајна Драгићевић⁷ (Србија). Учесници блока су размотрили актуелна питања творбе речи у различитим словенским језицима, али се нећемо освртати на појединачне реферате, будући да су они објављени у тематском зборнику *Деривациона гнезда у словенским језицима: системност творбене продуктивности* (ур. Рајна Драгићевић), који се може преузети на сајту Савеза славистичких друштава Србије. Данко Шипка (САД) био је организатор тематског блока „Граматички приручници за словенске језике: савремено стање и перспектива“, у оквиру којег су приказане типски различите словенске граматике из различитих углова: корпусна граматика (Александар Летучиј и Марија Холодилова (Русија) — „Русская корпусная грамматика: о проекте и некоторых результатах“), контрастивна граматика и вишеаспекатско поређење приступа изучавању граматичког система словенских језика (Вејлс Браун (САД) — „Comparing and contrasting: Contrastive-grammar and many-way comparison approaches to the grammar of Slavic languages“), преглед научних и наставних приручника за учење словенских језика у Словенији (Младен Ухлик (Словенија) — „Scholarly and pedagogical monographs devoted to foreign Slavic languages in Slovenia“), нереализовани пројекат кодификације књижевног кашупског језика (Мотоки Номаћи (Јапан) — „Aleksander Majkowski's unrealized project of codifying literary Kashubian“), док се сам организатор овог блока осврнуо на положај граматике између документовања језика и идеологије (Данко Шипка (САД) — „Grammar Reference Works between Language Documentation and Ideology“).

Корнелија Ичин (Србија) организовала је тематски блок посвећен „Авангарди и неоавангарди“, у оквиру којег је представила реферат о апстрактној речи чувашког песника Г. Ајгија кроз дијалог са К. Малевичем („Беспредметное слово Г. Айги: диалог с К. Малевичем“), док су остали учесници представили корелацију између авангардне књижевности и литературе апсурда (Валериј Гречко (Јапан) — „Илья Зданевич и эволюция принципа серийности в русском авангарде“), поезије и перформанса (Сабина Хенсен (Немачка) и Томаш Гланц (Швајцарска) — „Поэзия & перформанс. Восточноевропейская перспектива“), преосмишљавање авангарде у незваничној совјетској поезији (Масимо Маурицио (Италија) — „Переосмысление ‘авангардности’ в неофициальной советской поэзии, о Глазкове и около него“; Иља Кукуј (Немачка) — „Наследие ОБЭРИУ в советском андеграунде 1960–70-х годов“).

Трећег дана одржавања конгреса, 27. августа, одржан је велики број сесија и тематских блокова, али бисмо посебно издвојили округли сто „100 година србистике у Францу-

⁷ Учествовала је и у раду тематског блока посвећеног употреби језика на социјалним мрежама „Словенски језици у дијалогу социјалних мрежа: језичке традиције и иновације“, с рефератом под насловом „Media text as a source of lexical changes in the modern Serbian language“.

ској“, који је организовала Драгана Мршевић Радовић (Србија). У њему су представници српске делегације и страни слависти српског порекла размотрили како почетак и развојак стогодишњег изучавања српског језика на тлу Француске, тако и његове перспективе. Пажња је била усмерена на улогу коју је Универзитет у Београду имао у изучавању србистике у Француској (Драгана Мршевић Радовић — „Допринос Београдског универзитета развоју србистике у Француској“), затим на србистичке центре у Француској (Лидија Екмечић (Француска) — „Лекторат за српски језик на Универзитету у Стразбуру“), као и на приручнике и културне везе двеју земаља (Катарина Беговић — „Француска на почетку XX века: Француске граматике српског језика и српскофранцуске културне везе“). Указано је на интернет ресурсе намењене промоцији српског језика (Миливој Сребро (Француска) — „Serbica — портал, часопис, енциклопедија“), направљен осврт на проучавање српског језика на Сорбони (Александар Стефановић и Жељко Тешић (Француска) — „Научни рад Мишела Обена и србистика на Сорбони“), те утицај француских књижевних дисциплина на српске (Јована Сувајић — „Француска наратологија и српска наука о књижевности“).

Српска делегација учествовала је и у раду следећих сесија: *Социолингвистика*, у којој је Првослав Радић изложио реферат „О термину ‘штокавско наречје’ као петом тачку у дијалектологији српског језика и о још понечему“, у којем је истакао да је термин „штокавица“ штетан за српску науку, струку и српске националне интересе, те да се заправо ради о другом имену за српски језик; „Развој словенских језика у контексту језичког контакта“, у оквиру које је Виктор Савић настојао да одговори на питање „Шта је дубровачки говор дао ‘Српском рјечнику’ (1852)?“. Јасмина Грковић Мејџор је учествовала у сесији „Историјска граматика словенских језика“, где је представила реферат на тему „Ка реконструкцији функција псл. *svoje“, истакавши да трагови старијих синтаксичких образаца показују да је посесивно-рефлексивна заменица „*svoje“ била кореферентна с темом исказа и да је реч о структурама које су у ранијем прасловенском биле широко заступљене.

Четвртог дана, 28. августа, одржавала су се радна заседања више Славистичких комисија, међу којима је и Комисија за наставу словенских језика и књижевности, којом председава Љиљана Бајић. У раду Комисије већински су учествовали представници српске делегације, сагледавши наставу словенских језика са различитих аспеката: Марина Јанић — „Языковой этикет в филологии и преподавании славистики“, Љиљана Бајић и Наташа Станковић Шошо — „Преподавание славянских литератур и славяноведение“, те Милан Вурдеља — „Поп-культурный контент как материал для речевых и стилистических упражнений в преподавании сербского языка как иностранного (славянский контекст)“. Представници Републике Србије били су активни и у раду Комисије за језик религије, и то Наташа Вуловић Емонс („Паремиолошке јединице са еортонимом као компонентом у српском језику“) и Ружица Левушкина („Лексичко-стилистика средства изражавања похвале у акадистима преподобног Јустина Ћелијског“).

Претпоследњег, петог дана одржавања Конгреса, радило се несмањеним интензитетом. У обједињеној сесији „Анализа дискурса“ и „Типолошка и контрастивна истраживања у лексикологији и семантици“ реферат „Међујезичке разлике у заступљености антонимије у пет индоевропских језика“ представила је Милена Јакић Шимшић, док су Стана Ристић и Ивана Лазић Коњик у сесији посвећеној *Етнолингвистици* говориле о „Српској концептографији у контексту словенске концептологије“. Чланови српске делегације узели су учешћа и у раду сесије „Словенски фолклор и друге етнокултурне традиције: паралеле и међусобни утицаји“. Бошко Сувајић је изложио рад на тему „Српски и словенски фолклор на Научном састанку слависта у Вукове дане (1971–2021)“, Валентина Питулић се бавила „Народним умотворинама са Косова и Метохије у словенском контексту“, а Соња Петровић је истраживала „Представе непријатеља у топосима битака у јужнословенској и руској епици и старој књижевности“. Различитим лексикографским питањима, с посебним акцентом на дигиталну сферу као извор за настанак лексикографских приручника и као модалитет њихове доступности у савременом добу, били су посвећени реферати Владана Јовановића („Описна лексикографија савременог српског језика у светлу славистичких приступа типологији речника“) и Наташе Миланов и Милице Стојановић („Ка

семантичком речнику српских глагола (у контексту семантичких речника глагола у другим словенским језицима“)).

Актуелној аспектолошкој проблематици био је посвећен блок „Саоднос вида и блиских категорија“, где је Татјана Милиареси (Француска) окупила водеће аспектологе. Размотрен је широк дијапазон питања: повезаност евиденцијалности са глаголским видом („Соотношение вида и времени с категориями модальности и эвиденциальности“), где је Т. Милијареси утврдила да се евиденцијалност у руском језику може изразити искључиво динамичким деиктичним временом и да је неопходан услов за реализацију евиденцијалности истовременост радње главне и зависне реченице, изражена несвршеним видом. Затим, корелација вида и таксиса у реферату Људмиле Поповић „Соотношение вида и таксиса при темпоральном употреблении потенциала в сербском языке (в сравнении с другими славянскими языками)“, у којем је отворила важно, до сада у србистици занемарено питање видске супротстављености глагола у облику хабитуалног потенцијала и истакла да је темпорални потенцијал не само стилистички него и граматички детерминисан, поготово уколико се употребљава у таксисним конструкцијама. Ова појава је, према њеним закључцима, својствена не само активностима које се понављају у прошлости, већ и појединачним ситуацијама у прошлости. Осим тога, размотрене су карактеристике и ограничења номинализације глагола у украјинском, пољском и бугарском језику — у реферату Олене Пчелинцева (Украјина) „Взаимодействие вида и категориальной частеречной семантики: аспектуальные метаморфозы при номинализации (на материале украинского, болгарского и польского языков)“, док је Јелена Горбова (Финска) направила ретроспективну сублимацију својих ранијих истраживања посвећених питањима имперфективизације префиксираних перфектива, двокомпонентном моделу глаголског вида и механизму депрефиксације („Вторичная имперфективация русского глагола в словаре, корпусе и Рунете“).

Фокус тематског блока „Словенски инфинитиви и њихови еквиваленти“ био је на старом питању у новом контексту. Организатор је био Антон Цимерлинг, који је закључио да су индикативне дативно-инфинитивне конструкције осетљиве на поларитет и вид глагола, као и да су углавном инаниматне. Према аутору, ограничење реализације инфинитива глагола свршеног вида, присутно у не-негираним дативно-инфинитивним конструкцијама, губи се у императивним конструкцијама дате структуре, када се уједно остварује и могућност аниматности, што је показатељ преласка из алетичке у деонтичку модалност („Dative-Infinitive structures in Russian: syntax and semantics“). Егберт Фортејн (Холандија) говорио је о питању дистрибуције руског инфинитива у базичним (инваријантним) значењима („The meaning and distribution of the Russian infinitive“), док се Илијана Крапова (Италија) бавила клаузалношћу и утврдила да је она у бугарском језику градијентна („(Non)Finiteness and Bulgarian da-Constructions“). Јелена Иванова (Русија) анализирала је бугарске еквиваленте руских инфинитива у различитим типовима зависних и независних реченица („Russian infinitive and its Bulgarian counterparts“), Атле Грон (Норвешка) је указао на параметре када је допунска реченица модификована и зависна од модалног глагола и модалног времена, а не инфинитива („Infinitives and relative tense in Russian“), док је Томислав Сочанац (Италија) говорио о слабој дистрибуцији инфинитива у бугарском и српском („The loss of infinitive in Bulgarian and Serbian: Control and raising constructions“).

Последњег дана Конгреса чланови делегације Републике Србије такође су активно учествовали: Маја Павловић Шајтинац са рефератом „Русско-сербские лексические параллели с точки зрения двуязычной лексикографии“ у оквиру сесије „Лексика словенских језика и системски односи у лексички“, те Снежана Петровић и Марија Вучковић које су у сесии „Словенска етимолошка лексикографија 21. века: традиције и иновације“ изложи-ле коауторски реферат „Лексикографска обрада калкова у Приручном етимолошком речнику српског језика“.

Паралелно са одржавањем усмених презентација одржавале су се и постер сесије, у којима су учествовали следећи чланови српске делегације: Мирјана Гочанин („Глаголске допуне у савременом српском дескриптивном лексикону (на примеру Речника САНУ)“), Валентина Илић („Значај и статус хипонимије у настави словенских језика као матерњих“), Милорад Миљковић („Експресивност властитих именица у множини у српском, руском и другим словенским језицима“), Весна Николић („Изучавање паронимије у славистичкој

лингвистици“) и Тијана Балек („Модални глаголи мочь/моћи и желать/желети у светлу видске (не)парности“).

У закључку овог релативно кратког приказа једног од најзначајнијих славистичких скупова, чија ће стогодишњица, верујемо, свечано и са дужном пажњом бити обележена следећим Конгресом, желели бисмо да истакнемо да је (без обзира на поједине техничке пропусте који су, ипак, неминовни када се окупља преко 1000 учесника) специфичност сваког словенског језика и писане речи на њему неопходно брижљиво чувати и подстицати у време свеопште доминације енглеског језика у дигиталном окружењу. Верујемо да ће Међународни конгрес слависта наставити да буде снажно упориште славистичке научне традиције и у новом веку свога постојања и да ће, као и до сада, градити мостове успешне колегијалне сарадње.

ИЗВОРИ

Драгићевић Рајна (ур.). *Деривациона гњезда у словенским језицима: Сисџемносџ ѿворбене ѿпродукџивносџи: ѿемаџски блок / XVII међународни конџрес слависџа (Париз, 25–30. VIII 2025)*. Београд: Савез славистичких друштава Србије, 2025. <<https://ssds.org.rs/wp-content/uploads/2025/05/Derivaciona-gnezda-u-slovenskim-jezicima-Rajna-Dragicevic-sa-koricom....pdf>> 25. 9. 2025.

Драгићевић Рајна, Сувајџић Бошко (ур.). *Срџска слависџика 2025. Радови делеџације Републице Србије на XVII међународном конџресу слависџа, Париз, 25–30. VIII 2025*. Београд: Савез славистичких друштава Србије, 2025. <<https://ssds.org.rs/wp-content/uploads/2025/07/Srpska-slavistika-Rajna-Dragicevic-Bosko-Suvajdzic-za-sajt.pdf>> 25.9.2025.

XVIIe congrès international des slavistes. Programme. <https://mks-paris.sciencesconf.org/data/pages/programme_22_11.pdf> 10.9.2025.

XVIIe congrès international des slavistes. Résumés. <<https://mks-paris.sciencesconf.org/resource/page/id/20>> 20.9.2025.

Wikipedia: Международный комитет славистов. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_комитет_славистов> 10.9.2025.

Тијана Балек
Универзитет у Новом Саду
Филозофски факултет
Одсек за славистику
tijana.balek@ff.uns.ac.rs

UDC 061:7.037(497.11 Beograd)“2025”(049.32)

МЕЃУНАРОДНА НАУЧНА КОНФЕРЕНЦИЈА

„41° И ЕВРОПСКА АВАНГАРДА“

(Београд, Театар „Вук“, 4–7. септембар 2025.)

Почетком септембра 2025. године у Београду, у театру „Вук“, одржана је међународна научна конференција „41° и европска авангарда“, коју је организовала проф. др Корнелија Ичин. У оквиру међународних истраживања о историји европске авангарде, ова конференција је посвећена развоју и значају тбилиске групе 41° у оквирима модернистичке књижевности и визуелних уметности, са посебним освртом на њену интеракцију са ширим европским токовима. Тим поводом, на сцени београдског позоришта, окупили су се најзначајнији истраживачи из Санкт Петербурга, Москве, Њујорка, Сан-Франциска, Токија, Тбилисија, Женева, Констанца, Минхена, Тибингена, Упсале, Клермон-Ферана, Меча, Торина и Београда, како би истакли важан допринос групе „41°“, који се огледа у мултидисциплинарном повезивању заумне поезије, прозе, визуелних уметности, типографије,

позоришних и филмских пракси, као и њен утицај и прожимање с европском авангардом. У фокусу истраживача нашли су се радикални језички експерименти И. Здањевича, И. Терентјева, А. Кручониха и В. Хлебњикова, који су због своје звучности, темпа као и визуелно-типографских пројеката далеко превазилазили локални авангардни контекст.

Први дан конференције отворио је рад Татјане Никољске (Санкт Петербург), који се бавио односом и стваралачким преплитањем између „учитеља“ Игора Терентјева, руског авангардног песника, позоришног режисера и једног од учесника групе „41^о“, и његовог „ученика“ - Павла Нозадзе. Режис Гејро (Клермон-Феран), француски слависта и проучавалац дела Иље Здањевича, представио нам је у свом излагању два незавршена Иљаздова дела из 1922. године: „ЉубвОбил“ и „Предавач хлеба“, која су се нашла на страницама рукописа необјављеног Здањевичевог дневника. Гејро је такође говорио о Иљаздовом заумном језику, који је представљао мост између његових драма („дра“) и романа. Жан-Филип Жакар (Женева) се у свом раду фокусирао на оштру полемику између Игора Терентјева и Всеволода Мејерхољда, која се тичала представе „Ревизор“ у Мејерхољдовој режији изведеној 9. октобра 1926. и Терентјевљевог експерименталног „Ревизора“, постављеног у Лењинграду пола године касније. Први панел се завршио излагањем ауторке ових редова, која је у реферату под називом „Психопатологија у роману *Паризачји* Иље Здањевича“, анализирала понашање јунака наведеног романа кроз заумни, семантички, синтаксички и психоаналитички дискурс и освртала се на однос између свесног и несвесног, ставивши у фокус појам „незадовољене Жеље“ проистекле из немогућности комуникације. Катрин Бошјан-Кампанер (Мец), ауторка биографије Иље Здањевича, представила нам је најинтересантније сегменте своје књиге: *Иљазд — аїаїрид из Париза (Iliazd, un apatrié à Paris)*, објављене 2023. године у париској издавачкој кући Classiques Garnier. Излагање Игора Смирнова (Констант) било је посвећено анализи заумног језика у Авангарди 1 и Авангарди 2, са освртом на његову дихотомну божанско/демонску природу, као и на закључак да је Хлебњиковљев заумни језик — рационалан, док је Кручонихов — емоционалан. Лана Јекнић (Београд) посветила се изучавању ликовног опуса пољског сликара Зиге Валишевског, значајног представника тбилиске авангарде, који је за свој кратки животни век, прошао дуг пут - од илустратора до ликовног уметника, чија уља на платну су била под утицајем Нико Пиросманија. Валериј Гречко (Токио) у свом раду „Георгиј Харазов и група 41^о“, открива нам лично Г. Харазова, математичарне, економисте, песника и фројдисте, свакако једне од важних фигура предреволюционарне авангардне сцене у Тбилисију, ослањајући се на његова истраживања из области психоанализе и њихов утицај на заумну поезију. У средишту истраживања Корнелије Ичин (Београд) нашао се „антиуметнички театар“ Игора Терентјева, и његова опера „Дон Рид“ из 1926. године, у којој се футуристички заум претворио у стварност као уметнички чин. Ичин је такође истакла како у Терентјевљевом схватању заумна реч, глас и звук постају уметнички факти, док нова позоришна естетика одбацује емоционалност и усмерава се на документ као реалност. Експериментални театар И. Терентјева био је тема и Василисе Шљивар (Београд), која је говорила о звуку и монтажним техникама, указавши на њихову функцију у креирању посебног ритма и драматургије. Петар Казарновски (Санкт Петербург) разрађује кључне авангардистичке поступке на примеру првог романа Иље Здањевича, романа *Паризачји*, у којем се наративне методе и логика приповедања могу посматрати кроз призму језичког дискурса. Преплитањем заума и визуелног, бавила се Јекатерина Ромањута (Санкт Петербург), истакавши како заум конфигурише визуелне и текстуалне односе и какав је значај илустрација, графичког дизајна и визуелних алата у процесу читања и разумевања заумног текста. Анатолиј Рјасов (Москва) се у свом излагању враћа на романе Иље Здањевича, посматрајући њихову жанровску и стилску разноликост, неконвенционалност и тематску разнородност, као и на Здањевичеве технике које отварају простор за експериментисање с језиком и формом. Парафразирајући речи А. Веденског „поштујте сиромаштво језика“, Масимо Маурицио (Торино) у свом раду на примеру поезије Јана Сатуновског, примењује концепт „сиромаштва речника“, видевши га као један тип текстуалне стратегије, која ослобађа читаоца од устаљених семантичких веза и отвара нове могућности комуникације. Први дан конференције завршен је у београдској књижари „Бела ворона“, где је Анатолиј Рјасов говорио

о роману XX века и представљао своје књиге о Бекету и Артоу, као и роман *Пусты́ра*, који наша публика има прилику да прочита у изванредном преводу Василисе Шљивар.

Други дан конференције започет је рефератом Јелене Гальцове (Москва) у којем се говорило о „унутрашњој снази ствари“ и визуелном стваралаштву Иље Здањевича и Андре Бретона, као и о заумној језичкој интеракцији између руског и француског језика, примећеној на једном од плаката из 1923. године „Travesti-Transmental“ и израђеног за чувене Здањевичеве балове у Паризу. Андреј Устинов (Сан-Франциско) нас је провео по трајекторијама Монпарнаса, мапиравши бистроје попут „Ротонде“ и „Камелеона“ и истакавши важност Париза као епицентра за развој Иљаздовог стваралаштва париског периода. Татјана Красиљникова (Њујорк) у свом раду посвећеном поезији Нине Хабијас — *Стихейи*, истражује како тело, језик и субјективност функционишу у збирци стихова поменуте песникиње, обраћајући посебну пажњу на пластику и флуидност идентитета. Иља Кукуј (Минхен) анализира утицај Иље Здањевича на дело Сергеја Сигеја, фокусирајући се на трансформативне процесе језика и његову визуализацију унутар текста. Кукуј наводи примере транспонованга заума и метафизичког начина размишљања, који су нашли своје место у књигама-објектима С. Сигеја. Михаил Павловец (Москва) у раду „Слово Ю као такво“ прати развој поменутог слова — почев од најранијих футуристичких експеримената код Д. Бурљука, па све до прелаза ка авангардним праксама групе „41“⁴⁰. Павловец указује на графичке и семантичке иновације и разматра како слово „Ю“ функционише као носилац идентитета и симболичких односа у језику. О могућностима развоја новог совјетског филма, његовим естетским иновацијама и историјском значају, говори нам Марија Кувекаловић (Београд), узимајући за пример филм „Елисо“, који је снимљен по сценарију Сергеја Третјакова и Николаја Шенгелаје 1928. године. Џули Хансен (Упсала) истиче важност Иљаздове типографије, наводећи велике светске изложбе на којима су његова монографска издања представљена као што су Центар Помпиду (Париз, 1978) и МОМА (Њујорк, 1987). Максим Дрјомов (Москва) поставља у центар свог истраживања „уметничко насиље“ и „уметничку провокацију“, као неке од важних авангардних поступака и анализира их на примеру Здањевича, Маринетија и дадаизма као правца. Појам „усхићења“ у истоименом Иљаздовом роману и у совјетској прози прве половине 1930-их година, тема је реферата Надежде Григорјеве (Тибинген). Григорјева проводи паралеле између романа *Усхићење* и прозе А. Белог, Ф. Сологуба и Б. Савинкова, истичући и тему револуције као једну од кључних. Виктор Димитријев (Тбилиси) истражује тему кармелитске мистике у делу Бориса Поплавског, користећи приступ који чита мистично искуство кроз авангардне форме. Димитријев анализира значај религијске симболике у језику и слици и разматра поступке којим авангарда реконфигурише религијски контекст.

Конференција „41° и европска авангарда“ показала је како заумна пракса тбилиске групе представља важну повезницу између локалног експеримента и ширих европских авангардних токова. У савременом контексту, ова конференција, која је окупила истраживаче из целог света, представља важан корак ка даљем проучавању авангарде и представља упориште за интердисциплинарне поступке, повезавши лингвистику, књижевност, театар и визуелне уметности. У складу с авангардном традицијом извођења заумне поезије на сцени као и подсећање на Здањевичеве балове у Паризу 1920-их, на сцени театра „Вук“ по завршетку конференције, одјекивали су заумни стихови А. Кручониha и И. Терентјева, које су читали/певали/појали К. Ичин, А. Устинов, Т. Никољска и П. Казарновски, подсећајући слушаоце да се језик може посматрати само као процес подложен постизању различитих степена слободе, а не као затворени систем знања.

Јелена Кусовац
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
jelena.kusovac@gmail.com

ЖИВОТ У ПРЕДЕЛИМА СЛАВИСТИКЕ:
ПРОФ. ДР ГОРДАНА ЈОВАНОВИЋ (1940–2024)

Гордана Јовановић, редовни професор Филолошког факултета Универзитета у Београду, преминула је у петак, 17.5.2024. у Београду. Српска филологија остала је без свог водећег полонисте и старословенисте, историчара словенских језика и писмености, али и омиљене личности београдског лингвистичког круга, хуманисте по речи и делу, истинског човекољупца.

Гордана Јовановић рођена је у Деспотовцу 29. јануара 1940. године. У родном граду завршила је основну школу, а у Ћуприји је стекла гимназијско образовање. У лето 1958. уписала се на Филозофски факултет Универзитета у Београду са жељом да студира историју, међутим управа факултета, и поред тога што је била одлична ученица, размешта је на Катедру за источне и словенске језике, где је студирала руски језик и књижевност, а упоредно и пољски језик и књижевност. Своју љубав према историји наставила је да развија кроз историјско-упоредно проучавање словенских језика, а будући одличан студент, већ после прве године основних студија добила је универзитетску стипендију. Дипломирала је на Групи за руски језик и књижевност у јуну 1963. године, а у септембру исте године и на Групи за пољски језик и књижевност. Као одличан дипломац славистике и носилац универзитетске стипендије, Гордана Јовановић је упућена на радно место лектора за руски језик на Филозофском факултету Универзитета у Приштини, где борави од 1964. до 1967. године.

Након тога, Савезна комисија за културне везе са иностранством додељује јој стипендију за боравак на Јагјелоњском универзитету у Кракову, који користи за рад на докторској дисертацији под насловом *Studia nad językiem "Pamiętników Janczara": na podstawie dwóch rękopisów polskiej redakcji pierwotnej* (Студије о језику „Јаничаревог дневника“ на основу два рукописа првобитне пољске редакције). Ради се о делу Србина Константи́на Михајловића из Островице код Новог Брда, које представља изузетно важан историографски извор и сведочанство српско-пољских веза у позном средњем веку. Дисертацију пише под менторством Витолда Ташицког, управника краковске славистике, чувеног полонисте и историчара језика, а успешно је брани на Јагјелонском универзитету 1969. године. Након од-

браћене докторске дисертације, Гордана Јовановић добија позив да ради као лектор за српскохрватски језик на Катедри за славистику Јагјелонског универзитета, што она прихвата и остаје на тој позицији до 1971. године.

По повратку у Београд, од 1972. године, радила је као асистент на Институту за српскохрватски језик САНУ, у Старословенистичком одсеку, на пројекту израде јеванђељског речника српске редакције старословенског и на проучавању старог српског писаног наслеђа. У овом периоду бавила се управо оним што је највише волела на студијама, а посебно јој је користило искуство из Кракова, као и дубоко познавање историје и историјске граматике словенских језика.

На Филолошки факултет Универзитета у Београду Гордана Јовановић прелази 1978. године, након смрти професора Стојана Суботина, када је изабрана за доцента за пољски језик, док на Институту за српскохрватски језик наставља да ради са смањеним радним временом. За редовног професора за пољски језик на Филолошком факултету у Београду изабрана је 1989. године. Једно кратко време, заједно са полонистом Здравком Малићем из Загреба, радила је као гостујући професор пољског језика на Одсеку за славенске језике и књижевности Филозофског факултета Универзитета у Сарајеву, са циљем да се тамо развије самостална полонистика, међутим ратна дешавања стављају тачку на то 1992. године.

Као професор Гордана Јовановић била је омиљена међу студентима, волела је друштво младих, осећала се као једна од њих и односила се према њима као према равноправнима себи. На настави је била концизна, изузетно тачна и прецизна што се тиче градива, а на испитима је била блага. Није замерала незнање студентима, користила је сваки тренутак, па чак и испит, да нешто исприча, допуни, да дода неку интересантну информацију у вези са својим предметом. Педагошки је одмеравала своје примедбе и увек је успевала да заинтересује студенте за пољски језик и историју словенских језика.

Међу колегама Гордана Јовановић је подједнако била вољена. За време своје професуре на Филолошком факултету у Београду обављала је многе важне функције. Била је управник Катедре за славистику, што је период који се на овој катедри називао „Перикловим добом“, најплоднијим и најлепшим периодом њеним у другој половини XX века. Својом благом природом и ведрим духом умела је да помири непомирљиво и оствари неостварљиво, са великом вештином бавила се не само катедарским пословима, него и људима, што је данас ретка, готово изгубљена вештина. Као управник Центра за постдипломске студије остаће упамћена као неко ко није негативно одговорио ни на једну студентску молбу и никада никога није оставила без помоћи. Била је члан Савета Међународног славистичког центра, председник Југословенског славистичког комитета, председник Славистичког друштва Србије. На Институту за српски језик САНУ обављала дужност председника Научног већа и руководиоца Старословенистичког одсека. Била је члан Старословенског одбора САНУ, члан Одбо-

ра за изворе српског права САНУ и члан Комисије за црквенословенске речнике при Међународном комитету слависта.

У научном смислу оставила је важан траг у српској полонистици и славистици. Неке од њених важнијих публикација су:

Studia nad językiem „Pamiętników Janczara“. Studia Slawistyczne, Kraków 1972.

Srpskohrvatska čitanka. Uniwersytet Jagielloński, Kraków 1972. (у коауторству са Зђиславом Вагнером)

Мирослављево јеванђеље. Кријичко издање. Институт за српскохрватски језик САНУ, Београд 1986. (у коауторству са Николом Родићем)

Константин Филозоф, *Повесѣи о словима (Сказаније о ѣисменех)* — изводи. *Жиѣије десѣиѣи Сѣефана Лазаревића, Повесѣи*. СКЗ, Просвета, Београд 1989. (превод, редакција, речник мање познатих речи)

Срѣискословенски речник Јеванђеља: ођледна свеска. Институт за српски језик САНУ, Београд 2007. (уредник)

Степанъ Михайловичъ Кульбакинъ, *Славянская ѣалеођрађија*, Бђлградъ, 2008 (приредили Гордана Јовановић, Радмила Ковачевић, Виктор Савић).

Свом родном Деспотовцу Гордана Јовановић одужила се као главни уредник едиције *Средњи век у срѣиској науци, истѣирији, књижевносѣији и умеѣиносѣији* (= Дани српскога духовног преобрађења у Деспотовцу). Ради се о низу тематских зборника из историје и сродних дисциплина који излазе једном годишње, а прате културну манифестацију „Дани српскога духовног преобрађења у Деспотовцу“ која се ораганизује у летњим месецима у њеном родном граду.

Најинтересантнији делови њене биографије, као и сведочанства о славистичком животу Београда и других центара чији је активни учесник била, остали су забележени у интервјуима које је са њом водио Милош Јевтић, новинар Радио Београда, објављени у књизи *Пределѣи славѣисѣиике: разђовори са Горданом Јовановић* (Београдска књига, Београд 2008).

Одлазак Гордане Јовановић оставио је дубок траг у срцима свих оних који су је познавали. Представљала је доброту и људскост. Опело и испрађај одржани су на Централном гробљу у Београду у среду, 22.5.2024, у присуству многобројних пријатеља и сарадника. Сахрањена је наредног дана на гробљу у Деспотовцу у присуству великог броја својих суграђана, пријатеља и поштовалаца.

Нека јој је вечна слава и хвала.

Предрађ Обуђина
Катедра за славистику
Филолошки факултет
Универзитета у Београду
predrago@fil.bg.ac.rs

У ДИЈАЛОГУ СА ПРОФ. ДР АЛЕКСАНДРОМ ВРАНЕШ (1960–2025): О ХУМАНИСТИЧКИМ НАУКАМА И ИДЕЈИ УНИВЕРЗИТЕТА

Одлазак човека увек нас подсећа на ноторну чињеницу да је човек смртан у сваком тренутку, али и опомиње да време неумитно истиче за сваког од нас на овој обали. Смрт као коначни биланс живота и нехотице захтева целовито сагледавање личности која нас је напустила и оно се одвија у тренутку. Кад је реч о Александри Вранеш, за мене је несумњиво да је живља од многих живих — како по научно-истраживачкој, стручној и организационој заоставштини, тако и по доприносу угледу Београдског универзитета у свету. Зато своја размишљања о хуманистичким наукама у наше доба упућујем њој, која је кроз читаву своју поглавито институционалну каријеру покушавала да очува оно добро од старог и на њега накалеми оно најбоље од новог као залог трајања, настављајући дијалог изван и изнад свих граница.

Данас све чешће говоримо о кризи хуманистичких наука, али не и о кризи *Homo Sapiens*-а. Још се мање питамо какве нам могућности отвара криза и шта она у свом исконском значењу представља. А још је Едмунд Хусерл у својој позној књизи *Криза европских наука и трансцендентална феноменологија* из 1936. проговорио о овом проблему, доводећи га истовремено у везу са кризом европског човека. Узрок оваквом стању ствари Хусерл је видео у чињеници да је наука, опчињена својом велелепном експанзијом, узурпирала место филозофије, а сама се показала импотентном за разумевање сопственог смисаоног фундамента, а камоли за поимање бивствујућег у свом тоталитету. Није тешко препознати нови живот идеје науке без филозофије и хуманистичких знања у добу глобалног неолиберализма, где се као једини „научни“ параметри намећу тржишна исплативост те квантитативно и апликативно вредновање знања, а све са циљем потпуне контроле академске заједнице и друштва, укидања слободе мишљења, синхронизовања светске радне машине по диктату тоталитарне корпорацијске идеологије. Посебно се на удару налази филозофија као апстрактно мишљење — утемељено у идеји слободе, позвано да промишља о суштини човека и света, способно да критички сагледа целину стварности.

Можда је тренутак да се запитамо како су љубав према знању, поверенички однос између учитеља и ученика, идеја универзитета као неприкосновене, слободном вољом основане заједнице, разграђени, претворени у своју супротност и испоручени као небрига за човека и друштво? Ако се вратимо првим облицима организованог стицања свеколиког знања, видећемо да су они постојали у древној Кини, старој Грчкој, Византији, Арапском калифату. Дакако, античке школе мудрости могле би се сматрати прототипом високог образовања. Подсетимо, Платон је говорио о неопходности да се посебно надарена аристократска омладина, способна за апстрактно размишљање, подучава разним научним дисциплинама у дијалектичком смислу. Штавише, у демократским полисима старе Грчке постојале су филозофске школе које су биле доступне слободним грађанима. У њима се ауторитет Учитеља такмичио са ауторитетом државних и верских власти, што је и довело до аутономије образовања, посебно на његовим вишим нивоима. Међутим, ове „школе“ нису додељивале академске дипломе нити су биле организоване као академске институције. Зато говоримо да су први универзитети почели да се појављују у европским градовима (Болоња, Падова, Париз, Оксфорд) у XI–XIII веку. Студенти су се окупљали око оних који су се образовали у манастирским школама и постепено је настајала организована учена заједница.

Реч „универзитет“ (латински: *universitas*) у почетку је означавала сваку заједницу људи везаних заклетвом. Могла се односити на еснафску организацију занатлија или градску комуно. Такође је почела да се користи за описивање заједнице ученика (студената) и магистара (наставника). Постепено, назив је почео да се користи искључиво за ове две групе. Први универзитети су били независни и од црквених и од световних владара. Били су самоуправне организације: одлучивали су самостално, на темељу свога знања, кога ће примити и сами су бирали своје ректоре. Универзитети су ова права љубоморно чували, а власти су им излазиле у сусрет, јер су образовне институције доносиле углед њиховим земљама и помагале у „одгајању“ образованих званичника. Касније су, наравно, универзитети почели да се оснивају вољом владара. Настава се свуда одвијала на латинском језику, па је главни академски степен у средњем веку био *licentia ubique docendi*, што у преводу значи „право да се предаје свуда“, и додељивао га је папа. Са овом титулом сваки магистар је могао да путује у било коју другу европску земљу и да предаје на локалном универзитету. Међутим, нису само предавачи путовали, већ и студенти. Они су чак стекли имиџ путника и просјака (будући да су могли да студирају представници свих друштвених слојева), који су се кретали од универзитета до универзитета не би ли чули познате научнике. Подсетимо да је пре појаве штампарија (у XV веку) нова знања било могуће добити превасходно из усмених предавања. Тачније, предавања су се састојала од читања рукописне књиге наглас.

Средњовековни универзитети су имали четири факултета: слободне вештине (касније преименован у филозофију), теологију, право и медицину.

Први се сматрао базом за све остале. Студентима је доносио диплому основних студија, а затим диплому магистра с правом предавача. Студент је могао постати магистар слободних вештина најмање након пет до седам година студирања, у зависности од универзитета. Током овог времена, студент је изучавао седам слободних вештина: тривијум (граматика, логика и реторика), а затим квадравијум (аритметика, геометрија, астрономија и музика). Након стицања ове основе, могло се даље студирати на једном од преостала три факултета. Теолошки факултет је захтевао најдуже време учења — 12 до 15 година. И остали факултети су тражили дуготрајно студирање: од седам до девет година. Међутим, треба нагласити да је обучавање духовним знаностима мењало гимназију, која тада није постојала у свом пуном облику. Стога су универзитетске студије обично почињале са 14 или 15 година, понекад чак и раније. Али у то време ни студенти старији од четрдесет година такође нису били реткост.

У средњем веку се веровало да знање доноси високе духовне квалитете, чинећи особу „племенитом по духу“, а не по рођењу, попут припадника племства. Образовање је омогућавало да се прескочи неколико степеница друштвене лествице. Тако је у XIII веку Робер де Сорбон, човек из сиромашне сељачке породице који је студирао у Ремсу и Паризу, постао исповедник француског краља, али је у историји остао запамћен по томе што је основао Богословску академију Универзитета у Паризу, по коме је ова образовна институција добила своје друго име — Сорбона. Сами дипломци и магистри веровали су да је учено племство супериорније од племства по рођењу. Све у свему, први универзитети су васпитавали пре свега активне културне субјекте, појединце са израженом друштвеном оријентацијом и одговарајућим погледом на свет, људе који су тежили стицању древне мудрости. Универзитети су били образовне институције за елиту друштва, за људе који ће касније или заузети највише положаје у друштву и учествовати у јавном животу.

На преласку из Средњег у Нови век ситуација се под утицајем Реформације мењала: јачала је национална државна (краљевска, световна) власт, слабила моћ католичке цркве, а универзитете су почели да оснивају краљеви. У таквим околностима Универзитет се све више потчињавао држави, а посебно са развојем индустрије, када суштински долази до стагнације науке и оријентације искључиво на практично-корисно знање. Управо у Новом веку започињу размишљања о универзалности или практичности знања која пружају универзитети, као и о могућностима и обиму утицаја спољашњих (државних, црквених и других) сила на њих; ова размишљања постају главна тема првих научних радова посвећених трагању за идејом универзитета и њеном реализацијом. Јан Коменски је у XVII веку међу првима створио концепцију прелазног модела од средњовековног до класичног универзитета, који је видео као аутономну самоуправну заједницу у служби друштва, у чије име наступа држава. По његовом мишљењу, Универзитет треба да буде научна институција на челу националног обра-

зовног система. С овом концепцијом се слагао и будући оснивач Московског универзитета Михајло Ломоносов, а такође Имануел Кант, за којег је „идеја разума“, тј. свега постојећег у пољу учености, морала бити у основи универзитета. Своја размишљања о универзитету Хегел је у образложио кроз поимање образовања као ослобађања од субјективистичке самовоље и уздизања до универзалне законитости; образовање је, по његовом мишљењу, напорни процес рада духа у превазилажењу индивидуалистичке зачаурености, у њему се остварује интерсубјективно уважавање, а то значи да долази до разумевања да је субјективност слободна једино у систему етичности.

Прво научно осмишљено истраживање овог питања подузео је Вилхем фон Хумболт, оснивач немачког класичног универзитета. Према Хумболту, универзитет је требало да буде институционално слободан од оних који настоје да га искористе као средство за практичну добит на штету истраживачких и образовних активности. Знање које се на њему предаје такође је требало да буде слободно, али да се сузи са универзалног на научно. Хумболт је универзитету доделио посебну улогу у социјализацији младих: он треба да отелотворује дух нације, да преноси не толико општекултурне, колико националне духовне вредности, да развија како интелектуалце, тако и грађане. Хумболтов модел класичног универзитетског образовања био је заснован на три принципа. Први је одбацивао примитивни, утилитаристички поглед на образовање, где се знање вреднује само са практичног становишта. Други је упозоравао на доминацију емпиријске науке, која омета фундаментална теоријска знања. Трећи принцип је потврђивао доминацију хуманистичког образовања, без којег нема образоване личности. Сматрао је да филозофија треба да буде водећа дисциплина и био је инспирисан идејама Фихтеа, који је веровао у проширивање друштвене основе високог образовања и пријем студената ван племства. Године 1809. Хумболт је написао свој чувени меморандум „О унутрашњој и спољашњој организацији научних институција у Берлину“, у којем је изложио основне принципе универзитетског образовања. Темељ Хумболтовог универзитета била је комбинација истраживања, обучавања и идеје слободних предавања. Године 1810. Хумболт је основао Универзитет у Берлину, који је функционисао у складу са овим идејама. Први принцип био је јединство наставе и истраживања: професори преносе студентима достигнућа својих истраживања; ова идеја је довела до семинара, на којима се проучавају извори који занимају професоре у контексту њихових научних интересовања. Други принцип је академска слобода: сам професор формулише тему, сврху и циљеве предавања и семинарског курса. Трећи принцип је државно финансирање, при чему се структуре власти не мешају у рад универзитета. Ипак, држава мора да именује професоре како се институција не би зачурила и како би тежила интелектуалном развоју. Ова комбинација академских слобода и државне контроле изазвала је одређене контроверзе и критике Хумболтовог универзитета — што не негира његову кључну улогу у реформи високог образовања.

Енглески кардинал Џон Њумен залагао се за универзалност универзитетског образовања, полазећи од интереса цркве. Универзитет је посматрао као место где се преносе културна достигнућа, формира интелект и развија духовност; наступао је против специјализације у високом образовању јер сужава сазнања индивидуе, иако доприноси прогресу. Њуменова идеја о универзитету произилазила је из концепта универзитета као институције која кроз акумулацију, очување и преношење универзалног либералног (не утилитарног, не уско практичног) знања пружа студентима не толико професију, колико животне смернице и одређени поглед на свет.

Обе идеје — истраживачки универзитет Хумболта и интелектуални универзитет Њумена — извршиле су потом снажан утицај на развој универзитетског образовања, као и на даља трагања за идејом идеалног образовања. Крај XIX и почетак XX века пролазили су у сучељавању елитистичког и егалитистичког приступа образовању, што је довело до актуализације идеје универзитета. Омасовљавање образовања било је у спречи с појавом великог броја специјализација, које су поједини мислиоци доводили у везу с развојем нове етике, када ће „сви сарађивати на добробит свих и свакога“ (Емил Диркем), или напосто са животом савременог друштва (Макс Вебер). Као сведок утицаја фашистичких идеја на народ, Карл Манхајм је иступао против неутралне позиције академске науке, инсистирао је на томе да је образовање недогматски тренинг ума који омогућава човеку да се издигне изнад догађаја, а не да им се слепо потчињава. Проблем елитистичког и егалитистичког у универзитетском образовању Ортега-и-Гасет третира кроз културу: по њему, примарна функција универзитета је да се овлада фундаменталним дисциплинама везаним за културу, да се васпита културни професионалац који ће разумети своју мисију. Истовремено, он указује на продор човека масе у елиту, на присуство специјалиста који се не могу назвати образованим људима, јер образована елита увек осећа да стреми нечему вишем, сакралном, има високе захтеве пред собом и увек осећа одговорност пред друштвом. За разлику од њега, Карл Јасперс се држи Хумболтове идеје универзитета као истраживачког центра у којем се преноси идеја истине, а то значи и право студента да врши истраживање заједно с професором и другим студентима, чиме се отвара могућност дискусије као облик социјалног живота и смерница његовог кретања. Карл Јасперс је наглашавао да сваки универзитет мора припадати свом народу, а истовремено остати интернационалан. Предложио је модел којем многи модерни универзитети теже — обједињавање функција истраживачког института, стручне школе и културног центра.

Крај XX и почетак XXI века пролазе у расправама о животу и смрти универзитета. Поједини истраживачи, следећи мишљење Роберта Хатчинса (из књиге *Универзитет и Утопија*, 1953) да се универзитет мора ослободити од свега што ремети његов интелектуални развој и одбацити сервисну функцију која га претвара у занатску школу, тврде да су универзитет и његова идеја утопијски, истичући „крах идеје универзитета“ (Јингер Хабермас), па чак и његову тоталну пропаст (Роналд Барнет). Други, пак,

попут Жака Дерида, настављају да трагају за идејом универзитета у новом постиндустријском друштву.

Данашња ситуација с универзитетом није нимало утешна. Један од универзитетских модела који се намеће друштву у вези са развојем тржишних односа и њиховим све дубљим продором у високо образовање, јесте модел „предузетничког универзитета“ Бертонa Кларка. Он кључне карактеристике таквог универзитета види у стварању ојачаног управљачког језгра, формирању дискретне финансијске базе, стимулацији академског језгра, ширењу и афирмацији предузетничких уверења и вредности унутар универзитетске заједнице. Овако конципиран прагматички универзитет ставља у други план трагање за истином, неговање културе и стварање духовних вредности. Тако су формиран универзитети под покровитељством крупних корпорација — са уском специјализацијом, честом променом наставних програма у складу са захтевима корпорација, брзим учењем.

У својој потрази за мисијом, суштином и оправдањем универзитета, Ж. Дерида позива на уздржан приступ њиховој професионализацији, предлажући да се вешто комбинују Кантова „идеја разума“ као темељ универзитета и професионална спрема студената. За разлику од Дерида, који универзитет сагледава као чувара у периодима „кризе“, пада или обнове друштва те му приписује обједињујућу моћ што спаја „зов сећања“ са шансом за будућност, филозоф Барнет нас уверава да је западни универзитет мртав јер он не зна чему треба да служи. Скептичан је и Хабермас у погледу данашњег универзитета: он сматра да универзитет није у стању да развије нови тип професионалца-интелектуалца, способног да се, захваљујући усвојеним вредностима, стеченим знањима и вештинама, одупре ентропијским процесима у друштву.

Промишљања о мисији универзитета и његовој идеалној организацији давала су различите смернице: од идеје универзитета као места научних истраживања (Хумболт, Јасперс) или институције у којој се формира интелектуална друштвена елита (Њумен, Вебер) преко станишта за стварање моралног друштва (Диркем) па све до расадника развоја и обнављања културе (Ортега-и-Гасет), да би се данашња идеја универзитета ограничила захтевима за обуком великог броја висококвалификованих кадрова за обављање предузетничких функција (Кларк). Тешко испуњив захтев универзитету још од доба индустријализације — да образује специјализоване професионалце, а истовремено да не одступи од формирања свестрано образованог културног човека, данас постаје ирелевантан, јер је доминација најпримитивнијег практицизма на универзитету, ослоњеног на тржишну логику неолибералног поретка, прогнала не само идеју стварања културног човека, већ и фундаменталну науку као слободно трагање за истином. Тако су се све друштвено-хуманистичке науке на челу са филозофијом нашле у „запећку“ друштвене стварности као потпуно непотребне и сувишне јер немају своју материјалну, профитну вредност. Стварање безброј спе-

цијалистичких студија, оријентисаних искључиво на примену у пракси, осмишљено је као тенденциозно укидање сваког теоријског, апстрактног, синтетичког мишљења које је током целог Новог века подразумевала универзитетска наука. Ако говоримо о хуманистичким наукама, природа њиховог бића никада се није могла измерити тржишним параметрима, јер оне заправо и немају никакву тржишну вредност, али је зато њихова друштвена вредност у очувању слободе, мишљења и трагања за истином од непроцењивог значаја. Стога посве уверљиво звуче речи Мише Кулића (из књиге „Филозофија и неолиберализам“, 2020) о прихваћеној новој концепцији образовања као суштински непријатељској према филозофији и свим друштвено-хуманистичким наукама, јер их у име тржишне стварности нагони да се повезују са себи туђим специјалистичким студијама у циљу њихове коначне ликвидације.

Дакле, криза универзитета јесте криза хуманистичких основа универзитета и криза човека који слободно мишљење первертира у апликативно знање, мерено монетарним јединицама као јединим могућим мерним јединицама. Ова тржишна функција знања ствара симулакрум друштва, руши идеју слободе која је нераскидиво повезана с хуманистичким учењима, афирмише антихуманизам као борбу против критичког мишљења и индивидуалног стваралачког принципа.

Призивање универзитета састоји се у томе да формира човека и у ту сврху је важно свеобухватно образовање које ће му омогућити да буде слободни стваралац и грађанин. Универзитет је главни носилац изградње друштва. Стање друштва зависи од стања његових универзитета. Као колевка универзалне потраге за истином, универзитет мора тежити знању које не познаје границе нити ограничења. Зато се он мора вратити основама Хумболтовог класичног универзитета с поштовањем главних принципа: слободе, универзалности знања које је у бити хуманистичко и етике оличене у одговорности за друштво (као и друштва које одговара за аутономију универзитета његовим финансирањем). Реафирмација јединства науке и образовања на универзитету, обнова традиције европског универзитета у чијој је основи слободно и критичко мишљење хуманистичких наука, неговање независности универзитета као одговорног за развој друштва јесте пут утврђивања универзитета као фундамента државе, чији допринос се мери хуманизацијом заједнице кроз просвећивање. Само тако се може остварити идеја хуманијег друштва у чијем средишту је човек.

Корнелија Ичин
Универзитет у Београду
kornelijaicin@gmail.com

РЕГИСТАР КЉУЧНИХ РЕЧИ

XVIII век 29, 46

А

авангард 370
авангарда 375
аксиолошка фразеолошка јединица 232
аксиолошко поље 232
Александар Шумилов 280
Александр Шумилов 264
анализа дискурса 247
антивредност 232
аспект 209

Б

белоруски 111
белорусский 130
Бог 281
болест 281
број 247
бугарски језик 109
будуће време 209
български език 97

В

Васко Попа 264, 280
вежливое местоимение *вы* 29
везник *чим* 111
везници 27
Велимир Хлебников 315, 336
вербални стил 386
вербальный стиль 377
верлибр 264, 280
вредност 232

Г

гласови ствари 399
голоса вещей 387
граматика 97, 109
граматика евалуације 247
граматички род 173
гротескно 314

Д

Даске судбине 336
деклинација 173
димензив градуелног типа 80
димензив-карактеризатор 80
димензив-квалификатор 80
димензив-локатив 80
дименсив-градуатор 62
дименсив-квалификатор 62
дименсив-локатив 62
дименсив-характеризатор 62
директив-оријентир 80
директив-ориентир 62
директив-рецепијенс 80
директив-рецепијенс 62
директив-финиш 80
директив-фініш 62
Доски Судьбы 315
драматургија А. Вампилова 337
драмско стваралаштво А. Вампилова 352

Е

егзистенцијализам М. Хајдегера 352
езикова норма 97
епистемологија 314
епоха застоја у СССР 352
етимологија 220

Ж

жанровая система 353
жанровски систем 368

З

заменице 142, 247

И

идиостил Едуарда Лимонова 368
идиостиль Эдуарда Лимонова 353
интелигенција 399
интелигенция 387
историја руског језика 46
история русского языка 29

Ј

језик 232
језици једног система 80
језичка норма 109
језички систем 95

К

калк 261
калькирование 249
клавир 399
комбиновање реченица 157
коментар 336
комментарий 315
компаративна лингвистика 247
компаративно изучавање поезије 280
композиционалност 59
композициональность 47
контрастна тема 59
контрастная тема 47
К. С. Петров-Водкин 386

Л

Лав Толстој 314
лексеме за боју 386
лексемы цвета 377
лимоновский корпус текстов 353
лимоновски корпус текста 368
лингвистика 232

М

Максимов 370, 375
Марија Јудина 399
Мария Юдина 387
морфологический анализ 29
морфолошка анализа 46
московский концептуализм 370
московски концептуализам 375

Н

наблюдатель 353
наставак 173
немачки 232
нихилизам 281
номинална група 142
(нон-)фикшен 353
(нон-)фикшн 368
норма 81, 95

О

обратная причинная
 обусловленность 130
обрнута узрочна условљеност 111
односистемні мови 62
Олег Иванов 387, 399
ослабленная гипотетичность 130
ослабљена хипотетичност 111

П

падеж 81, 95
парадигматска структура 209
повезивање значења 59
погранични статус језичке
 јединице 261
пограничный статус языковой
 единицы 249
поетски превод 280
пољски језик 157
посматрач 368
поэтический перевод 264
прагматика 97, 109
прагматический анализ 29
прагматичка анализа 46
предлог 81, 95
предлошке конструкције 80
Председатель Земного Шара 315
Председник Земальске кугле 336
прекинуто кретање 27
прерывающее следование 11
преступ 281
Пригов 370, 375
придев 142
прийменникові одиниці 62

Р

„радио Милева“ 261
разлике између синонима 59
различия между синонимами 47
Рат и мир 314
релативна реченица 157

рецепција 375
 рецепция 370
 род 247
 рояль 387
 руски 111, 232
 руски језик 95, 157
 русский 130
 русский язык 81

С

савремени пољски језик 142
 Самарканд 377, 386
 самоспознаја 281
 самоубиство 281
 сарафанное радио 249
 семантика 142
 семантическая деривация 249
 семантичка деривација 261
 сербский 130
 силабо-тонски метар 280
 силлабо-тонический метр 264
 синтакса 142, 157
 словенски 220
 словенски језици 209
 соединение значений 47
 союзы 11
 союзы *чим* и *раз* 130
 сравнительное стиховедение 264
 сравнительный анализ 11
 српски 111

Т

таксис 11, 27, 111, 130
 таксономска дубина 232
 таксономска ширина 232
 тамна провалија 314
 темпоративи 95
 темпоративы 81
 Тјутчев 375
 Тютчев 370

У

украинский 130
 украјински 111
 унификација 173
 упоредна анализа 27
 учтива заменица *ви* 46

Ф

фразеологический неологизм 249
 фразеолошки неологизам 261

Х

херпетологија 220
 художник Петров-Водкин 377

Ч

човјек 281

Э

экзистенциализм М. Хайдеггера 337
 эпоха застоя в СССР 337

Я

языковая система 81

18th century 30

А

accentual-syllabic meter 264
 adjective 132
 Alexander Shumilov 264
 anti-value 221
 artist Petrov-Vodkin 378
 aspect 175
 avant-garde 370
 axiological field 221
 axiological phraseological unit 221

В

Belarusian 111
Bombina 211, 220
 borderline status of a linguistic unit 250
 Bulgarian 97

С

calquing 250
 case 81
 Chairman of the Terrestrial Sphere 316
 clause combining 143
 colors 378
 commentary 316
 comparative analysis 11, 27
 comparative linguistics 233
 comparative poetry studies 264
 compositionality 48
 conjunction *чим* 111
 conjunctions 11, 27
 contemporary Polish language 132
 contrastive theme 48

D

declination 159
 deklinace 159
 difference between the synonyms 48
 dimensional-characterizer 62
 dimensional-grader 62
 dimensional-locative 62
 dimensional-qualifier 62
 directive-finish 62
 directive-landmark 62
 directive-recipient 62
 discourse analysis 233

E

ending 159
 epistemology 299
 Era of Stagnation, USSR 338
 étymologie 211
 Etymology 211

F

free verse 264
 future tense 175

G

gender 233
 genre system 353
 German 221
 God 282, 297
 gramatický rod 159
 grammar 97
 grammar of evaluation 233
 grammatical gender 159
 grand piano 387
 grotesque 299
 grupa nominalna 131

H

Heideggerian existentialism 338
 herpétologie 211
 Herpetology 211
 history of the Russian language 30

I

idiostyle of Eduard Limonov 353
 illness 282, 297
 intelligentsia 387
 interrupting posteriority 11, 27

K

koncovka 159

L

language 221
 language norm 97
 language system 81
 Leo Tolstoy 299
 Limonov corpus of texts 353
 Linguistics 221

M

man 282, 297
 Maria Yudina 387
 Maximov 370
 morphological analysis 30
 Moscow Conceptualism 370

N

nihilism 282, 297
 nominal group 132
 (non-)fiction 353
 norm 81
 number 233

O

Oleg Ivanov 387

P

paradigm structure 175
Pelobates 211, 220
Pelodytes 211, 220
 phraseological neologism 250
 poetic translation 264
 Polish 143
 polite pronoun *vy* 30
 pragmatic analysis 30
 pragmatics 97
 preposition 81
 prepositional units 62
 Prigov 370
 pronoun 132
 pronouns 233
 przymiotnik 131

R

reception 370
 relative clause 143
 reverse causal conditionality 111
 Russian 111, 143, 221
 Russian language 81

S

Samarkand 378
 sarafannoye radio 250

self-understanding 282, 297
 semantic derivation 250
 semantics 132
 semantyka 131
 Serbian 111
 single-system languages 62
 składnia 131
 slave 211
 Slavic 175, 211
 suicide 282, 297
 syntax 132
 Syntax 143

T

taxis 11, 27, 111
 taxonomic breadth 221
 taxonomic depth 221
 temporativa 81
 the dark abyss 299
 the observer 353
The Tables of Fate (Doski Sud'by) 316
 transgression 282, 297
 Tyutchev 370

U

Ukrainian 111
 unification 159
 unifikace 159
 uniting meanings 48

V

value 221
 Vampilov's dramaturgy 338
 Vasko Popa 264
 Velimir Khlebnikov 316
 verbal style 378
 voices of things 387

W

War and Peace 299
 weakened hypotheticality 111
 współczesny język polski 131

Z

zaimek 131

САРАДНИЦИ У 108. СВЕСЦИ
Зборника Матице српске за славистику

- др Антон Азаренков, доцент
Научно-истраживачки универзитет
„Висока школа економије“, Санкт-Петербург
- др Јелена Андрејева, доцент
Казански федерални универзитет
- др Тијана Балек, доцент
Универзитет у Новом Саду
- др Адријан Баренцен, професор
Амстердамски универзитет
- др Розана Бенакјо, професор
Универзитет у Падови
- др Сергеј Бирјуков, професор
Московски државни лингвистички универзитет
- др Игор Богуславски, научни саветник
Институт за проблеме преноса информације РАН „А. А. Харкевич“, Москва
- др Зденка Валент Белић, независни истраживач
- др Бјорн Вимер, професор
Универзитет „Јохан Гутенберг“, Мајнц
- др Желимир Вукашиновић, професор
Универзитет у Београду
- др Павел Глушаков, независни истраживач
- др Себастијан Греал,
Национални институт за исотчне језике и културе, Париз
Универзитет Ла Сапијенца, Рим
- др Маћеј Гроховски, научни саветник
Институт пољског језика ПАН, Варшава
- др Андреј Дмитријев, научни саветник
Институт за руску књижевност, Санкт-Петербург
- др Анатолиј Загнитко, академик
Доњецки национални универзитет „Васиљ Стус“

- др Корнелија Ичин, професор
Универзитет у Београду
- др Оксана Ковтун, професор
Доњецки национални универзитет „Васиљ Стус“
- др Ина Корњева, доцент
Казански федерални универзитет
- мр Марија Кувекаловић, истраживач сарадник
Универзитет у Београду
- Јулија Кузњецова
Папски универзитет „Јован Павле II“, Краков
- др Јелена Кусовац, професор
Универзитет у Београду
- Др Јелена Марићевић Балаћ, доцент
Универзитет у Новом Саду
- др Имке Мендоза, професор
Универзитет у Салцбургу
- мр Ленка С. Настасић, истраживач сарадник
Универзитет у Новом Саду
- др Борис Норман, независни истраживач
- др Предраг Обућина, доцент
Универзитет у Београду
- др Петја Осенова, професор
Софијски универзитет „Св. Климент Охридски“
- др Александар Перцев, професор
Уралски федерални универзитет „Б. Јељцин“, Јекатеринбург
- др Људмила Поповић, професор
Универзитет у Београду
- др Андреј Росомахин, научни саветник
Институт за светску књижевност „А. М. Горки“ РАН, Москва
- мр Олесја Сабанова, истраживач сарадник
Московски државни универзитет „М. В. Ломоносов“
- др Каролина Скварска, научни саветник
Институт за славистику ЧАН, Праг
- др Јекатерина Черепанова, професор
Уралски федерални универзитет „Б. Јељцин“, Јекатеринбург
- др Инсон Чои, доцент
Дуксунг женски универзитет, Сеул
- др Василиса Шљивар, доцент
Универзитет у Београду
- мр Марија Шумилова, истраживач сарадник
Научно-истраживачки универзитет
„Висока школа економије“, Санкт-Петербург
- др Антонина Шчербак, професор
Самаркандски државни универзитет „Шароф Рашидов“
Тамбовски државни универзитет „Г. Р. Державин“
- др Ана Шчетињина, доцент
Уралски федерални универзитет „Б. Јељцин“, Јекатеринбург

УПУТСТВО ЗА ПРИПРЕМУ РУКОПИСА ЗА ШТАМПУ

Часопис *Зборник Маџице српске за славистику* објављује оригиналне научне радове о словенским језицима, књижевностима и културама. *Зборник Маџице српске за славистику* објављује студије и расправе, прилоге и грађу, научну критику, приказе, хронику и библиографију. Радови који су већ објављени или понуђени за објављивање некој другој публикацији не могу бити објављени у *Зборнику Маџице српске за славистику*. Ако је рад био изложен на научном скупу, податак о томе треба да буде наведен у напмени на дну прве странице чланка.

Радови се објављују на свим словенским језицима, енглеском, немачком, француском и италијанском. За радове на српском језику примењује се *Правилос српскога језика* М. Пешикана, Ј. Јерковића и М. Пижурице (Нови Сад: Матица српска, 2010).

Радови обима до 16 страница (32.000 словних места) шаљу се електронски у Word формату и, уколико је неопходно, у PDF-у на адресу: milena.kulic@maticasrpska.org.rs или kornelijaicin@gmail.com. Радове рецензирају два компетентна рецензента. Рецензирање је анонимно у оба смера. Аутори ће бити обавештени о томе да ли је рад прихваћен за објављивање у року од два месеца од пријема рукописа.

Елементи рада по редоследу:

а) име и презиме аутора, установа у којој је запослен, електронска адреса, ORCID (у приказима се наводе испод текста) на језику текста и на енглеском језику;

б) наслов рада верзалом (назив и број пројекта у оквиру којег је настао чланак навести у белешци на дну странице, везаној звездицом за наслов рада) на језику текста и на енглеском језику;

в) сажетак (до 10 редака) на језику текста и на енглеском језику;

г) кључне речи (до 5) на језику текста и на енглеском језику;

д) основни текст;

ђ) литература (одвојено ћирилична и латинична; за рад написан ћирилицом прво дати литературу на ћирилици по азбучном реду презимена аутора, а затим литературу на латиници по абecedном реду презимена аутора; за рад написан латиницом редослед је обрнут; дела истог аутора навести хронолошки; дела истог аутора објављена у истој години навести по азбучном/абecedном реду наслова; ако извор доноси само иницијале, а не пуно име аутора, у литератури могу остати иницијали); ћириличну литературу посебно транслитеровати латиницом;

е) резиме: име и презиме аутора, наслов рада (испод наслова написати Резиме), текст резимеа, кључне речи; уколико је рад на српском језику, резиме

може бити на енглеском, руском, немачком, француском или италијанском језику; уколико је рад на страном језику, резиме је на српском (страним ауторима Уредништво обезбеђује превод).

ж) прилози (фотографије, слике, табеле, факсимили и сл.): означити их бројем, а у основном тексту назначити место прилога (прилог 1, прилог 2 итд.).

Приликом припреме рукописа треба поштовати следеће:

а) наслови засебних публикација (сабраних дела, романа, драма, збирки или циклуса поезије и приповедака, монографија, зборника, часописа, новина, речника, енциклопедија и сл.) у раду се пишу курзивом;

б) наслови појединачних публикација (песама, приповедака, чланака, написа и сл.), а такође називи појединачних уметничких дела (слика, скулптура, композиција, опера, балета, позоришних комада, филмова) у раду се дају под знацима навода;

в) у раду на српском језику страна имена пишу се транскрибовано према правилима *Правоииса срѣскоѣ језика*, а када се страно име први пут наведе, у загради се даје изворно писање, осим ако је име широко познато (нпр. Ноам Чомски) или се изворно пише као у српском (нпр. Владимир Топоров); у парантезама се презиме аутора наводи у изворном облику (Белић 1941), (Barthes 1953), (Якобсон 1987);

г) у раду на српском језику цитати се дају у наводима („...“), а цитат унутар цитата у полунаводима („...“); у радовима на другим језицима приликом цитирања се поштује одговарајући правопис.

Цитирање референци у тексту:

а) упућивање на монографију у целини (Gurjanova 2012) или студију у целини (Bowl 2012);

б) упућивање на одређену страницу или више суседних и несуседних страница (Лотман 2012: 139, 143–144), (Strada 1985: 96, 101);

в) упућивање на студије истог аутора из исте године (Эткинд 1982а), (Эткинд 1982б); упућивање на студије истог аутора из различитих година — хронолошким редом (Lachmann 1994; 2002);

г) упућивање на студију два аутора (Гамкрелидзе — Иванов 1984: 320–364); при упућивању на студију више аутора наводи се само презиме првог уз употребу скраћенице и др./et al. (Жолковский и др. 1984: 101), (Hennig et al. 2006: 7–15); упућивање на радове два или више аутора (Зализняк 2008; Иванов 1983; Chyzhevsky 1971; Moskvich 1990);

д) ако је из контекста јасно који је аутор цитиран или парафразирани, у текстуалној библиографској напмени није потребно наводити презиме аутора, нпр.: „Према Марфијевом истраживању (1974: 207), први сачувани трактат из те области сачио је бенедиктинац Алберик из Монте Касина у другој половини XI века“;

ђ) рукописи се цитирају према фолијацији (нпр. 2а–3б), а не према пагинацији, осим ако је рукопис пагиниран.

Цитирана литература се даје у засебном одељку насловљеном ЛИТЕРАТУРА. Литература се наводи на следећи начин:

а) књига (један аутор):

Белић Александар. *О језичкој природи и језичком развијку: лингвистичка испитивања*. Т. 1.–2. изд. Београд: Нолит, 1958.

Достоевский Федор. *Записки из подполья*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. Т. 5. Ленинград: Наука, 1973.

Маклюэн Маршалл. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003.

Чајкановић Веселин. *Сабрана дела из српске религије и митологије*. Т. 2. Београд: Српска књижевна задруга — БИГЗ — Партенон М. А. М., 1994.

б) књига (више аутора):

Лотман Юрий, Цивьян Юрий. *Диалог с экраном*. Таллинн: Александра, 1994.

Etkind Efim, Nivat Georges, Serman Ilya, Strada Vittorio. *Histoire de la littérature russe. Le XX siècle*. Т. 1. L'Age d'argent. Paris: Fayard, 1987.

в) зборник радова:

Flier Michael, Hughes Robert (ed.). *For SK: In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky*. Oakland, Calif.: Berkeley Slavic Specialties, 1994.

г) рад у часопису:

Krupiński Piotr. "About the Revolutions of 'Planet Auschwitz'. Marian Pankowski's lecture on anti-martyrological literature". *Russian literature LXX/IV* (2011): 553–571.

д) рад у зборнику радова:

Зубова Людмила. «Глагольная валентность в поэтическом познании мира». Фатеева Наталья (ред.). *Язык как медиатор между знанием и искусством*. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2009: 39–55.

ђ) публикација у новинама:

Кљакић Слободан. „Черчиллов рат звезда против Хитлера“. *Полиџика* 21.12.2004: 5.

е) речник:

ESJS: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* (red. Eva Havlová). Т. 1–. Praha: Academia, 1989–.

ж) фототипско издање:

Соларић Павле. *Поминак књижевски*. Венеција, 1810. Инђија: Народна библиотека „Др Ђорђе Натошевић“, 2003.

з) рукописна грађа:

Николић Јован. *Песмарица*. Темишвар, 1780–1783: Архив САНУ у Београду, сигн. 8552/264/5.

и) публикација доступна on-line:

Veltman K. H. *Augmented Books, Knowledge and Culture*. <<http://www.isoc.org/inet2000/cdproceedings/6d/6d.>> 02.02.2002.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал *Славистический сборник Матицы сербской* публикует научные работы о славянских языках, литературах и культурах. *Славистический сборник Матицы сербской* печатает статьи и исследования, материалы и сообщения, рецензии, хронику научной жизни и библиографии. Публиковавшиеся ранее работы не могут быть напечатаны в *Славистическом сборнике Матицы сербской*. Если работа была прочитана на научной конференции, данные о конференции необходимо указать в сноске внизу первой страницы.

Работы публикуются на всех славянских, а также на английском, немецком, французском и итальянском языках.

Работы объемом до 16 страниц (32.000 знаков) принимаются в формате Word и, если это необходимо, в формате PDF по электронному адресу: milena.kulic@maticasrpska.org.rs или kornelijaicin@gmail.com. Работы рецензируются двумя компетентными рецензентами. Рецензенты и авторы статей в процессе рецензирования анонимны. В течение двух месяцев с момента получения текста авторам будет сообщено, принята ли их работа к публикации.

Порядок элементов статьи:

а) имя и фамилия автора; учреждение, в котором автор работает; электронный адрес, ORCID (в рецензиях они помещаются под текстом) на языке работы и на английском языке;

б) название работы прописными буквами (при необходимости в сноске внизу страницы указывается название и номер проекта, в рамках которого осуществлено исследование. Данная сноска оформляется звездочкой) на языке работы и на английском языке;

в) аннотация (до 10 строк) на языке работы и на английском языке;

г) ключевые слова (до 5) на языке работы и на английском языке;

д) текст работы;

е) литература (отдельно на кириллице и на латинице; для работы, написанной кириллицей сначала указать литературу на кириллице, упорядоченную по фамилиям авторов, а потом литературу, написанную латинскими буквами, также упорядоченную по фамилиям авторов; для работы, написанной латинскими буквами, соблюдается противоположный принцип; работы одного автора приводятся в хронологическом порядке; работы одного автора, опубликованные в том же году, приводятся в алфавитном порядке; если источник, наряду с фамилией, сообщает лишь инициалы, в литературе могут оставаться инициалы); провести отдельно транслитерацию литературы с кириллицы на латиницу; провести отдельно транслитерацию литературы с кириллицы на латиницу;

ж) резюме: имя и фамилия автора, название работы (под заглавием написать Резюме), текст резюме, ключевые слова; если работа написана на сербском языке, резюме может быть на английском, русском, немецком, французском или итальянском языках; если работа написана на иностранном языке, резюме должно быть на сербском языке (для иностранных авторов Редакция обеспечивает перевод);

з) приложения (фотографии, картины, таблицы, факсимиле и пр.): необходимо пронумеровать, а в тексте статьи обозначить их место (приложение 1, приложение 2 и т. д.).

При оформлении рукописи необходимо соблюдать следующее:

а) названия публикаций (собрания сочинений, романа, пьесы, сборника или цикла стихотворений и рассказов, монографии, сборника, журнала, газеты, словаря, энциклопедии и т. п.) пишутся курсивом;

б) названия выборочных публикаций (стихотворения, рассказа, статьи, заметки и т. п.), а также отдельных художественных произведений (картин, скульптур, композиций, опер, балета, спектаклей, фильмов) приводятся в кавычках;

в) фамилия автора в скобках приводится на языке источника (Белић 1941), (Barthes 1953), (Якобсон 1987);

г) цитаты даются в кавычках-«елочках» («...»), цитаты в цитатах — в кавычках-“лапках” (“...”).

Правила оформления при цитировании библиографических источников в тексте:

а) ссылка на монографию (Gurianova 2012) или статью (Bowl 2012);

б) ссылка на определенную страницу или несколько соседних и не соседних страниц (Лотман 2012: 139, 143–144), (Strada 1985: 96, 101);

в) ссылка на статьи одного автора того же года (Эткинд 1982а), (Эткинд 1982б); ссылка на статьи одного автора разных годов — в хронологическом порядке (Lachmann 1994; 2002);

г) ссылка на статью двух авторов (Гамкрелидзе — Иванов 1984: 320–364); в ссылке на статью более двух авторов приводится фамилия лишь первого автора при использовании сокращения и др./et al. (Жолковский и др. 1984: 101), (Hennig et al. 2006: 7–15); ссылка на статьи двух или нескольких авторов (Зализняк 2008; Иванов 1983; Chyzhevsky 1971; Moskvich 1990);

д) если из контекста понятно, какой автор цитируется или парафразируется, в скобках (parentheses) можно опустить фамилию автора, напр.: «Согласно исследованию Марфи (1974: 207), первый сохранившийся трактат из данной области написал бенедиктинец Алберик из Монте Касино во второй половине XI века»;

е) при цитировании рукописей применяется фолиация (нпр. 2а–3б), а не пагинация, за исключением тех случаев, когда рукопись пагинирована.

Цитируемая литература приводится в отдельном списке под названием ЛИТЕРАТУРА следующим образом:

а) книга или монография (один автор):

Белић Александар. *О језичкој љприроди и језичком развипку: лингвистичка исптпипвања*. Т. 1.–2. изд. Београд: Нолит, 1958.

Достоевский Федор. *Записки из подполья*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. Т. 5. Ленинград: Наука, 1973.

Маклюэн Маршалл. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003.

Чажкановић Веселин. *Сабрана дела из српске религије и митологије*. Т. 2. Београд: Српска књижевна задруга — БИГЗ — Партенон М. А. М., 1994.

б) монография (несколько авторов):

Лотман Юрий, Цивьян Юрий. *Диалог с экраном*. Таллинн: Александра, 1994.

Etkind Efim, Nivat Georges, Serman Ilya, Strada Vittorio. *Histoire de la littérature russe. Le XX siècle*. Т. 1. L'Age d'argent. Paris: Fayard, 1987.

в) сборник работ:

Flier Michael, Hughes Robert (ed.). *For SK: In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky*. Oakland, Calif.: Berkeley Slavic Specialties, 1994.

г) статья в журнале:

Krupiński Piotr. "About the Revolutions of 'Planet Auschwitz'. Marian Pankowski's lecture on anti-martyrological literature". *Russian literature LXX/IV* (2011): 553–571.

д) статья в сборнике работ:

Зубова Людмила. «Глагольная валентность в поэтическом познании мира». Фатеева Наталья (ред.). *Язык как медиатор между знанием и искусством*. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2009: 39–55.

е) статья в газете:

Кљакић Слободан. „Черчилов рат звезда против Хитлера“. *Политика* 21.12.2004: 5.

ж) словарь:

ESJS: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* (red. Eva Havlová). Т. 1–. Praha: Academia, 1989–.

з) фототипное издание:

Соларић Павле. *Поминак књижевски*. Венеција, 1810. Инђија: Народна библиотека „Др Ђорђе Натошевић“, 2003.

и) рукописный материал:

Ходасевич Владислав. *Записная книжка 1904–1908 гг.* Российский государственный архив литературы и искусства. Москва. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 17.

к) интернет-ресурсы:

Veltman K. H. *Augmented Books, Knowledge and Culture*. <<http://www.isoc.org/inet2000/cdproceedings/6d/6d.>> 02.02.2002.

Редколлегия *Славистического сборника Матицы сербской*

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The journal *Annual Review of Matica Srpska for Slavistics* publishes original scientific papers on Slavic languages, literatures and cultures. *The Annual Review of Matica Srpska for Slavistics* publishes studies and treatises, contributions and materials, scientific criticism, reviews, chronicles and bibliographies. The papers that have already been published elsewhere or sent for publication to another journal or proceedings cannot be published in *The Annual Review of Matica Srpska for Slavistics*. If the paper was presented at a scientific conference, this information should be stipulated in the footnote at the bottom of the first page of the article.

The papers are published in all Slavic languages as well as in English, German, French and Italian. The papers written in Serbian should follow the rules of the *Pravopis srpskoga jezika [Orthography of the Serbian Language]* by M. Pešikan, J. Jerković and M. Pižurica (Novi Sad: Matica srpska, 2010).

The papers should be 16 pages long (32,000 characters) and should be sent electronically in the .doc and, if necessary, .pdf format to the following addresses: milena.kulic@maticasrpska.org.rs or komeliiiaicin@gmail.com. The papers are reviewed by two competent reviewers. The review process is double blind. The authors will be notified if the paper was accepted for publication within two months after the submission of the paper.

The paper should contain the following elements in this order:

a) the author's name and surname, institution in which the author works, email address, ORCID (in reviews this is listed after the text) in the language in which the paper is written and in English;

b) the title of the paper in block capitals (name and number of the project which the paper is part of should be listed in the footnote at the bottom of the first page and linked with an asterisk) in the language in which the paper is written and in English;

c) a summary (up to 10 lines) in the language in which the paper is written and in English;

d) key words (up to 5) in the language in which the paper is written and in English;

e) the text of the paper;

f) references (separate references written in Cyrillic and Latin alphabets; for the paper written in the Cyrillic alphabet first list references in Cyrillic alphabetically and then references written in the Latin alphabet alphabetically; for the paper written in the Latin alphabet, the reverse should be done; the works of the same author should be listed chronologically in an alphabetical order of the titles; if the source uses the author's initials, not their full name, then references may include initials); references in Cyrillic alphabetic should be transliterated in Latin;

g) a summary: author's name and surname, title of the paper ('Summary' should be written below the title), the text of the summary, key words; if the paper is written in Serbian, the summary can be in English, Russian, German, French or Italian; if the paper is written in a foreign language, the summary should be written in Serbian (the publisher will provide a translation of the summary for foreign authors);

h) appendices (photographs, images, tables, facsimiles, etc.); they should be numerically indexed and the basic text should contain their position in the appendix (Appendix 1, Appendix 2, etc.).

When the paper is prepared for publication, the following rules should be followed:

a) titles of separate publications (collected works, novels, dramas, collections or cycles of poetry and stories, monographs, proceedings, journals, newspapers, dictionaries, encyclopedias, etc.) should be written in italics;

b) titles of individual publications (poems, stories, articles, inscriptions, etc.) as well as the titles of works of art (paintings, sculptures, compositions, operas, ballets, theater plays, films) should be written within quotation marks;

c) in the papers written in Serbian the names of foreign authors are transcribed following the rules listed in the *Pravopis srpskoga jezika* [Orthography of the Serbian Language]; when the foreign name is mentioned for the first time, the original spelling is put in the parentheses unless the name is generally known (e.g. Noam Čomski — Noam Chomsky) or unless the original spelling is the same as the Serbian transcription (e. g. Vladimir Toporov); the original names of authors are listed in the parentheses, e. g. (Belie 1941), (Barthes 1953), (Якобсон 1987);

d) in the papers written in Serbian the quotations are marked with double quotation marks („...“), and quotations within quotations with single quotation marks ('...'); in the papers written in other languages the quotations are marked according to the rules of orthography of that language.

Quoting references in the text:

a) referring to a monograph as a whole (Gurianova 2012) or a study as a whole (Bowl 2012);

b) referring to a certain page or more adjacent or non-adjacent pages (Lotman 2012: 139, 143–144), (Strada 1985: 96, 101);

c) referring to the works of the same author from the same year (3tkind 1982a), (3tkind 1982b); referring to the works of the same author from different years — chronologically (Lachmann 1994; 2002);

d) referring to a work by two authors (Gamkrelidze — Ivanov 1984: 320–364); when referring to a work by multiple authors, only the surname of the first author is listed followed by the abbreviation *i dr./et al.* (Жолковский и др. 1984: 101), (Hennig et al. 2006: 7–15); referring to the works of two or more authors (Зализняк 2008; Иванов 1983; Chyzhevsky 1971; Moskovich 1990);

e) if it is clear from the context which author was quoted or paraphrased, the textual bibliographical note need not list the surname of the author, e.g.: “According to Murphy's research (1974: 207), the first preserved tractate from that field was written by Benedictine Alberic from Monte Cassino in the second half of the 11th century”;

f) the manuscripts are quoted by folios (e.g. 2a–3b), not by pagination, unless the manuscript is paginated.

The works cited are listed in a separate section entitled REFERENCES.
They are listed in the following way:

a) a book by a single author:

Белић Александар. *О језичкој природи и језичком развоју: лингвистичка испитивања*. Т. 1.–2. изд. Београд: Нолит, 1958.

Достоевский Федор. *Записки из подполья*. Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. Т. 5. Ленинград: Наука, 1973.

Маклюэн Маршалл. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003.

Чажановић Веселин. *Сабрана дела из српске религије и митологије*. Т. 2. Београд: Српска књижевна задруга — БИГЗ — Партедон М. А. М., 1994.

b) a book by more authors:

Лотман Юрий, Цивьян Юрий. *Диалог с экраном*. Таллинн: Александра, 1994.

Etkind Efim, Nivat Georges, Serman Ilya, Strada Vittorio. *Histoire de la littérature russe. Le XXsiècle*. Т. 1. L'Age d'argent. Paris: Fayard, 1987.

c) a collection of papers:

Flier Michael, Hughes Robert (ed.). *For SK: In Celebration of the Life and Career of Simon Karl insky*. Oakland, Calif.: Berkeley Slavic Specialties, 1994.

d) a paper in a journal:

Krupinski Piotr. "About the Revolutions of 'Planet Auschwitz'. Marian Pankowski's lecture on anti-martyrological literature". *Russian literature* LXX/IV (2011): 553–571.

e) a paper in a book of proceedings:

Зубова Людмила. «Глагольная валентность в поэтическом познании мира». Фатеева Наталья (ред.). *Язык как медиатор между знанием и искусством*. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2009: 39–55.

f) an article in a newspaper:

Кљаквић Слободан. „Черчиллов рат звезда против Хитлера“. *Полијтика* 21.12.2004: 5.

g) a dictionary:

ESJS: *Etymologicky slovník jazyka staroslověnského* (red. Eva Havlová). Т. 1–. Praha: Academia, 1989–.

h) a phototype edition:

Соларић Павле. *Поминак књижевски*. Венеција, 1810. Инђија: Народна библиотека „Др Ђорђе Натошевић“, 2003.

i) a manuscript:

Николић Јован. *Песмарица*. Темишвар, 1780–1783: Архив САНУ у Београду, сигн. 8552/264/5.

j) an online publication:

Veltman K. H. *Augmented Books, Knowledge and Culture*. <<http://www.isoc.org/inet2000/cdproceedings/6d/6d.>> 02.02.2002.

РЕЦЕНЗЕНТИ

који су рецензирали радове припеле за св. 108
Зборника Маџице срѣске за славистику

др Наталија Азарова
др Розана Бенакџо
др Адриан Берентсен
др Марта Бјелетић, дописни члан
САНУ

др Вилем Вестстејн
др Наталија Видмаровић
др Дојчил Војводић
др Роналд Врон
др Данијела Вукас Лугарић
др Маркус Гигер
др Рита Ђулијани
др Оливера Жижовић
др Александар Житењов
др Анатолиј Захнитко
др Наталија Злидњева
др Људмила Зубова
др Елена Иванова
др Милена Ивановић
др Денис Иофе
др Корнелија Ичин

др Иза Дурај Карватовска
др Ксенија Кончаревић
др Тетјана Космеда
др Мишо Кулић
др Јекатерина Лазарева
др Биљана Марић
др Сињити Мурата
др Борис Норман
др Јуриј Орлицки
др Михаил Павловец
др Јован Попов
др Људмила Поповић
академик Љубинко Раденковић
др Сергеј Сај
др Татјана Самарџија
др Каралона Скварска
др Хану Томола
др Радослава Трнавац
академик Анатолиј Турилов
др Кристијан Цендер
др Василиса Шљивар

Зборник Матице српске за славистику
Илази двапут годишње
Издавач Матица српска

Славистический сборник
Полугодовой выпуск
Издательство Матица сербская

Journal of Slavic Studies
Published semi-annually
Published by Matica Srpska

Уредништво и администрација
Редакција и администрација
Editorial Board and Office:
21000 Нови Сад, Улица Матице српске 1
Телефон — Phone
(021) 420-199, 6622-726
e-mail: milena.kulic@maticasrpska.org.rs
e-mail: kornelijaicin@gmail.com
<http://www.maticasrpska.org.rs>

Зборник Матице српске за славистику, св. 108
закључен је 15. новембра 2025.

За издавача
Проф. др ДРАГАН СТАНИЋ
председник Матице српске

Технички сарадник Уредништва
МИЛЕНА КУЛИЋ

Технички уредник
ВУКИЦА ТУЦАКОВ

Слова на корицама
ИВАН БОЛДИЖАР

Компјутерски слог
Владимир Ватић, ГРАФИТ, Петроварадин

Штампа
САЈНОС, Нови Сад

Штампање завршено 1. децембра 2025.

CIP — Каталогизација у публикацији
Библиотека Матице српске, Нови Сад
821.16+811.16(082)

ЗБОРНИК Матице српске за славистику = Славистический сборник = Journal of Slavic Studies / главни и одговорни уредник Корнелија Ичин. — 1984, 26— . — Нови Сад : Матица српска, 1984— . — 24 cm

Годишње два броја. — Наставак публикације: Зборник за славистику (1970–1983)

ISSN 0352-5007

COBISS.SR-ID 4152578

Штампање овог Зборника омогућило је
Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије